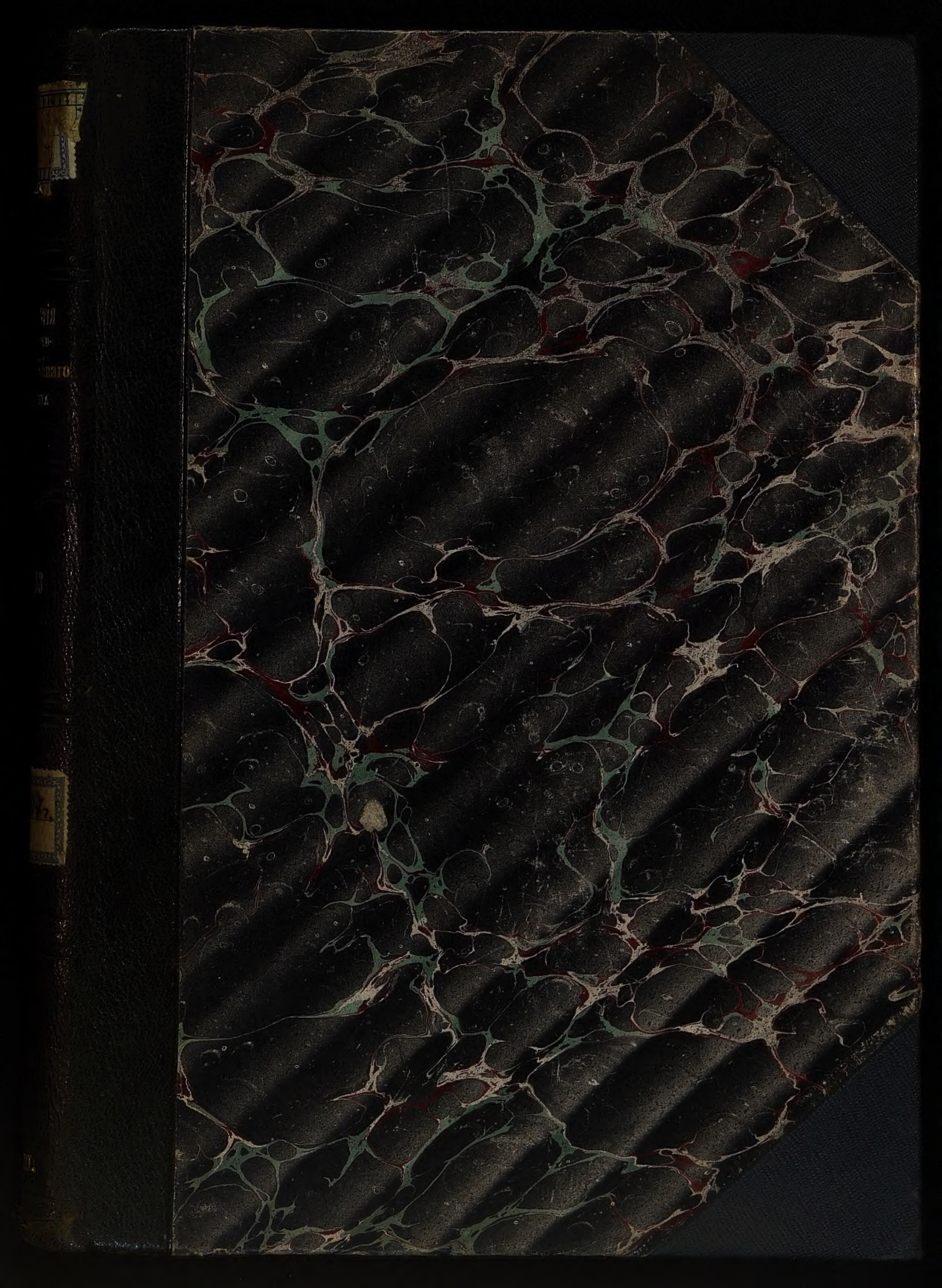
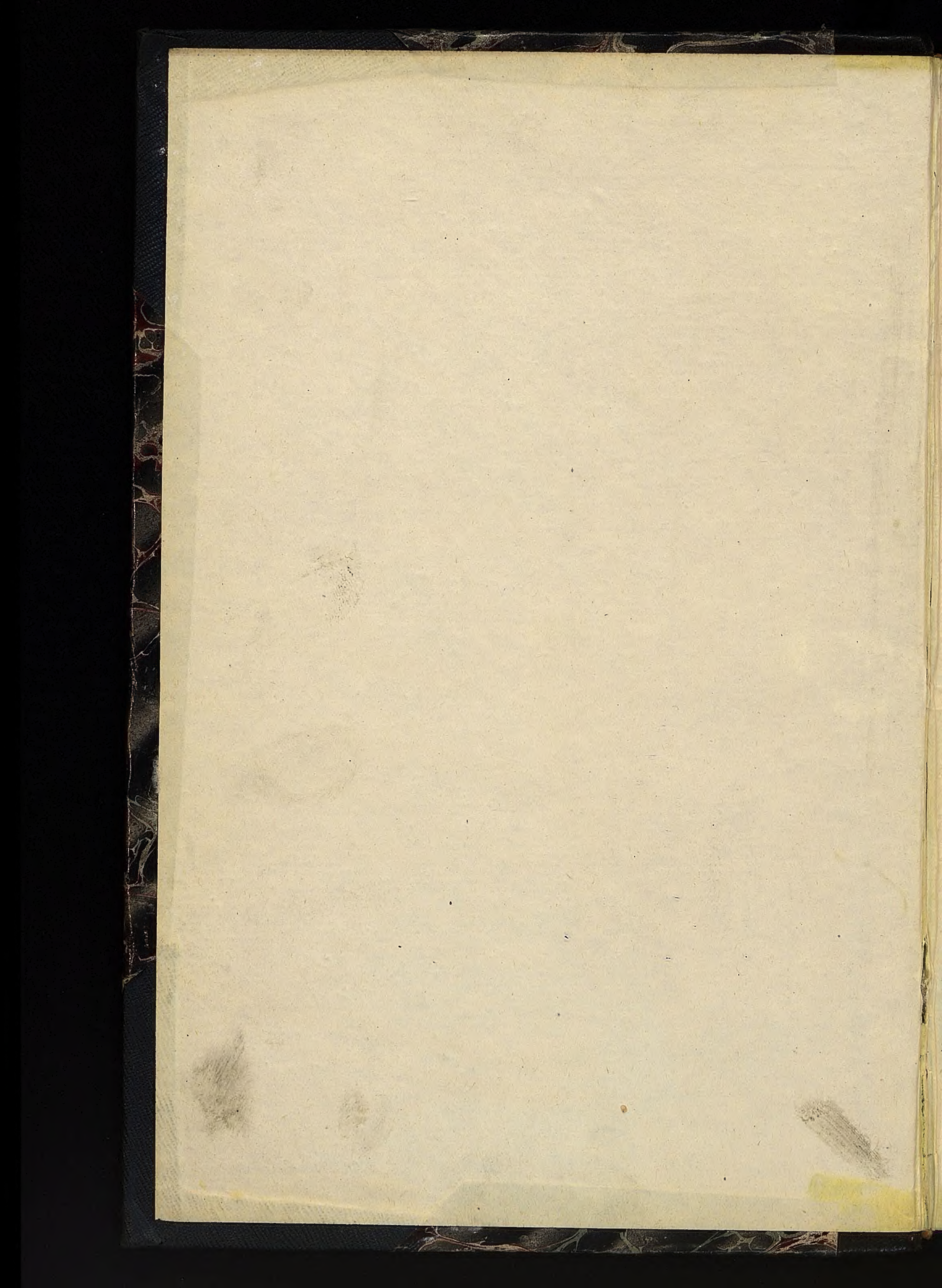
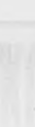




ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО
ВЪ НѢЖИНѢ.



ТОМЪ XXIII.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

ОТЧЕТЪ

о состояніи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ

за 1905—6 учебный годъ.

НѢЖИНЪ.
Типо-Литографія насл. В. К. Меленевскаго.
1907.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 190⁵/₆ учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующiя измѣненiя:

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 21 января 1906 г. ординарный профессоръ *В. К. Пискорскiй* назначенъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго Университета по каѳедрѣ всеобщей исторiи.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 марта 1906 г., экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* назначенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ и славянскихъ нарѣчiй.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 29 iюля 1906 г., исправляющiй должность экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ* утвержденъ въ должности экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ римской словесности.

Предложенiемъ Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенiя отъ 10 ноября 1905 г. преподаватель русскаго языка и словесности Одесской Марiинской женской гимназiи *И. В. Марковъ* утвержденъ въ должности наставника-руководителя по русскому языку.

Членами библiотечной коммиссiи въ отчетномъ году состояли проф. *М. Н. Сперанскiй, И. И. Семеновъ* и *Б. Ф. Бурзи.*

Въ члены Правленія избранъ былъ Конференціей 2 февраля 1906 г. на мѣсто проф. И. Г. Турцевича—и. д. э.-о. проф. *И. И. Семеновъ*.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ награждены орденомъ св. Анны 3-й степени экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко*, орденомъ св. Станислава 3-й степени наставникъ студентовъ А. А. Мартовъ, и орденомъ св. Владиміра 4-й степени наставникъ-руководитель *I. В. Добіашъ*.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени за службу по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ экстраординарный профессоръ *В. И. Савва*.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 3 марта 1906 г., ординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника со старшинствомъ съ 27 іюня 1905 г.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 1 января 1906 г. преподаватель *М. И. Лилеевъ* произведенъ за отличіе въ статскіе совѣтники.

Къ началу 1905/6 учебнаго года состояло въ Институтѣ *100 студентовъ*, которые слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по курсамъ:

На I курсѣ—29 студентовъ, поступившихъ въ Институтъ осенью 1905 г.

На II курсѣ— 5 студентовъ, выдержавшихъ переводныя испытанія въ маѣ и іюнѣ 1905 г.

На IV курсѣ—10 студентовъ, не приступившихъ къ выпускнымъ испытаніямъ въ маѣ и іюнѣ 1905 г.

Остальнымъ 55 студетамъ предложено было, примѣнительно къ ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отъ 21 мая 1906 г., перейти условно на соотвѣтствующіе высшіе курсы, съ тѣмъ чтобы въ декабрѣ мѣсяцѣ с. г. подвергнуться испытаніямъ, коихъ они не сдавали весною, и, по выдержаніи экзаменовъ, окончательно быть зачисленными на эти курсы.

Въ теченіе 1905—1906 академическаго года уволены были, согласно прошенію, 3 студента, условно зачисленныхъ на IV курсъ, и 2 студента, условно зачисленныхъ на II курсъ.

Въ теченіе отчетнаго года умерли 1 студентъ, переведенный условно на II курсъ, и 1 студентъ, переведенный условно на IV курсъ.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1905—1906 академическаго года производились выпускныя испытанія, на особыхъ, выработанныхъ Конференціей и утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія условіяхъ, студентамъ IV курса, не приступившимъ къ означеннымъ экзаменамъ въ маѣ и юнѣ 1905 г. Удостоены были званія учителя гимназіи всѣ 11 студентовъ, въ томъ числѣ 6 словесниковъ и 5 историковъ.

Къ началу 1906—1907 учебнаго года заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 68 человѣкъ, въ томъ числѣ 54 воспитанника гимназій и 14 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Изъ нихъ принято въ I курсъ по аттестату зрѣлости 14.

Одинъ студентъ, выбывшій изъ I курса Института въ декабрѣ 1904 г., одинъ студентъ, выбывшій изъ II курса въ августѣ 1906 г., и одинъ студентъ, выбывшій изъ III курса въ 1902 г., обратно приняты были на тѣ-же курсы, согласно ихъ прошеніямъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ 93 человѣка.

11 студентовъ, окончившихъ курсъ въ маѣ мѣсяцѣ отчетнаго года, получили слѣдующія назначенія: *Абрамовичъ*—въ Бакинскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Александровъ*—въ Севастопольскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ и географіи. *Ивановъ*—въ Кубанское реальное училище преподавателемъ русскаго языка. *Мандрыко*—въ Мозырскую мужскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка. *Пятковскій*—въ Симферопольское реальное училище преподавателемъ русскаго языка и словесности. *Якимовъ*—въ Елисаветградскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Компанецъ*—въ Тифлисскую мужскую прогимназію преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ.

Мартинсонъ—въ Кутаиское реальное училище преподавателемъ исторіи. *Плышевскій*—въ Херсонскую I-ую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Пожарскій*—въ Новочеркасскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности. *Торкветовъ*—въ Борисоглѣбскую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и исторіи.

Въ виду того, что большинство студентовъ переведено было условно на соотвѣтствующіе высшіе курсы, Конференція внесла въ расписаніе лекцій на 1905—1906 учебный годъ въ первомъ полугодіи дополнительные необязательные курсы лекцій по тѣмъ предметамъ, по коимъ курсъ не былъ закончен въ весеннемъ полугодіи 1904—1905 учебнаго года, съ цѣлію облегчить студентамъ усвоеніе знаній для предполагаемыхъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1905 г. экзаменовъ. По плану, выработанному Конференціей и утвержденному Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа, преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, было предположено распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій:* на I курсѣ (при 1 часѣ въ недѣлю): апологетическое Богословіе; на II курсѣ (при 1 часѣ въ недѣлю): догматико-апологетическое Богословіе; на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) окончаніе курса догматико-апологетическаго Богословія и общій курсъ нравственнаго Богословія. *Необязательный дополнительный курсъ* для студентовъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю—окончаніе общаго курса Христіанскаго правоученія.

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій:* на I курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю): систематическій курсъ формальной логики; на II курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю): систематическій курсъ опытной психологіи; на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю): исторія древней и новой философіи. *Необязательные дополнительные курсы:* для студентовъ I

курса, условно переведенныхъ на II курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю)—логика; для студентовъ II курса, условно переведенныхъ на III курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю)—психологія; для студентовъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю)—исторія философіи.

По *педагогикѣ*—преподаватель *М. И. Лилеевъ:* на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) гимназическая педагогика; на IV курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) исторія педагогики. *Необязательный дополнительный курсъ* для студентовъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю) гимназическая педагогика.

По *греческой и римской словесности*—а) на I курсѣ: переводы съ русскаго на греческій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю—преподаватель *І. В. Добіашъ;* переводы съ русскаго на латинскій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ;*—на II курсѣ: практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ— (при 2 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи;* переводы съ русскаго на латинскій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ;* в) на I и II курсахъ (сводно): толкованіе греческаго автора (при 3 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *І. В. Добіашъ;* толкованіе латинскаго автора (при 3 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *А. Ѳ. Абрамовъ;*—г) на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно): исторія греческой литературы (при 3 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ;* греческій семинарій (при 2 часахъ въ недѣлю) и переводы съ латинскаго на греческій языкъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи;* переводы съ русскаго на латинскій языкъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ;* исторія римской литературы (при 2 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ;*—д) на всѣхъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно): толкованіе греческаго автора (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ;* толкованіе латинскаго

автора (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ.—Необязательные дополнительные курсы:* для студентовъ I курса, условно переведенныхъ на II курсъ, переводы съ русскаго языка на греческій (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* и переводы съ русскаго языка на латинскій (при 2 часахъ въ недѣлю)—*Директоръ Института;*—для студентовъ II курса, условно переведенныхъ на III курсъ, переводы съ русскаго языка на греческій (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ,* и переводы съ русскаго языка на латинскій (при 2 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *А. А. Мартовъ;* для студентовъ—классиковъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ: римскія древности (при 2 часахъ въ недѣлю) и римскій семинарій (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ;* греческія древности (при 2 часахъ въ недѣлю) и метрика (при 1 часѣ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи.*

По *русской словесности и славяновѣдѣнію*—а) на I курсѣ церковнославянскій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко;*—б) на II курсѣ русскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—в) на I и II курсахъ (сводно) исторія русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій;*—г) на словесномъ отдѣленіи III курса семинарій по русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—д) на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) исторія легенды и апокрифа въ древней русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же; очерки фонетики и морфологіи сербо-хорватскаго и болгарскаго языковъ съ семинаріемъ по славянскимъ нарѣчіямъ (при 2 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко;* спеціальный курсъ по русской народной словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *В. И. Рѣзановъ.—Необязательные дополнительные курсы:* для студентовъ I курса, условно переведенныхъ на II курсъ, церковнославянскій языкъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ

К. Ѳ. Радченко; для студентовъ I курса, условно переведенныхъ на II курсъ, и для студентовъ II курса, условно переведенныхъ на III курсъ, (сводно) исторія русской литературы (при 1 часѣ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій;* для студентовъ - словесниковъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, спеціальный курсъ о славянскихъ отношеніяхъ въ русской литературѣ XIX столѣтія (при 1 часѣ въ недѣлю)—онъ-же, и спеціальный курсъ: А. С. Пушкинъ въ связи съ современной ему литературой (при 1 часѣ въ недѣлю) —преподаватель *В. И. Рѣзановъ.*

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Рѣзановъ* на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) курсъ эпической и лирической поэзіи (при 2 часахъ въ недѣлю). *Необязательный дополнительный курсъ:* для студентовъ-словесниковъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, окончаніе курса о драматической поэзіи (при 1 часѣ въ недѣлю).

По *всеобщей исторіи*—а) на I курсѣ греческая исторія (при 3 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій;*—б) на II курсѣ исторія Рима (при 3 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—в) на историческомъ отдѣленіи III курса спеціальный курсъ по римской исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *Е. А. Черноусовъ;* г) на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно)—спеціальный курсъ по средней исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю); ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій:* спеціальный курсъ по новой исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю) и практическія занятія по средней исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю). *Необязательные дополнительные курсы:* для студентовъ I курса, условно переведенныхъ на II курсъ, греческая исторія (при 2 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій;* для студентовъ II курса, условно переведенныхъ на III курсъ, исторія Рима (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же, и исторія среднихъ вѣковъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій;* для студентовъ—историковъ III курса, условно пере-

веденныхъ на IV курсъ, новая исторія (при 1 часѣ въ недѣлю)—онъ-же.

По *русской исторіи*—а) на I курсѣ обзоръ исторіи Кіевскаго періода (при 2 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *В. И. Савва;*—б) на II курсѣ исторія Московскаго періода (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—в) на историческомъ отдѣленіи III курса спеціальный курсъ по русской исторіи—(при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же; г) на историческомъ отдѣленіи IV курса спеціальный курсъ по русской исторіографіи (при 2 часахъ въ недѣлю) и практическія занятія по русской исторіи (при 1 часѣ въ недѣлю)—преподаватель *М. И. Лилеевъ.*

По *географіи*—преподаватель *Е. И. Кашпровскій*: на историческомъ отдѣленіи III курса антропологія (при 2 часахъ въ недѣлю); на историческомъ отдѣленіи IV курса физическая географія (при 2 часахъ въ недѣлю) и спеціальный курсъ по исторической географіи Россіи (при 1 часѣ въ недѣлю).—*Необязательный дополнительный курсъ* для студентовъ—историковъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, антропологія (при 1 часѣ въ недѣлю).

По *французскому языку*—преподаватель *Л. Н. Мишель:* на I курсѣ переводы съ французскаго языка на русскій (при 2 часахъ въ недѣлю) и на II курсѣ чтеніе и переводы французскихъ статей на русскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю).

По *нѣмецкому языку*—преподаватель *А. А. Мартовъ*: на I курсѣ упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій (при 2 часахъ въ недѣлю) и на II курсѣ чтеніе и переводы нѣмецкихъ статей на русскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю).

Оставленіе службы до начала учебнаго года профессорами *А. И. Покровскимъ* и *Г. В. Малеванскимъ* поставило Конференцію въ необходимость внести въ расписаніе лекцій нѣкоторыя измѣненія сообразно съ измѣнившимся составомъ преподавательскаго персонала.

Руководство домашнимъ чтеніемъ по древнимъ авторамъ поручено было: а) на I курсѣ по греческому языку препода-

вателю *I. В. Добіашу* и по латинскому языку *Директору Института;* б) на II курсѣ по греческому языку профессору *Б. Ф. Бурзи* и по латинскому языку профессору *И. И. Семенову;* в) на III и IV курсахъ по обоимъ древнимъ языкамъ профессорамъ *М. И. Мандесу, И. Г. Турцевичу, Б. Ф. Бурзи* и *И. И. Семенову.*

Вышеизложенныя задачи, намѣченныя Конференціей для 1905—1906 учебнаго года, не могли быть выполнены вслѣдствіе событій, имѣвшихъ мѣсто въ городѣ Нѣжинѣ съ 18 по 24 октября и приведшихъ къ временному закрытію Института.

Желая предоставить студентамъ IV курса, находящимся уже пятый годъ въ Институтѣ и второй годъ на томъ же самомъ курсѣ, возможность окончить курсъ ученія и, по выдержаніи выпускныхъ экзаменовъ, получить званіе учителя, Конференція исходатайствовала передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшеніе, не открывая интерната допустить къ выпускнымъ испытаніямъ студентовъ старшаго курса.

Предварительно означенные студенты представили преподавателю Лилееву сочиненія по педагогикѣ.

Тѣ-же студенты писали слѣдующія кандидатскія сочиненія: профессору Сперанскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Пятковскаго* „Житія новгородскихъ святыхъ съ точки зрѣнія отраженія въ нихъ современной жизни“; *Якимова* „Грибоѣдовъ и современность“; *Мандрыка* „Тургеневъ—драматургъ“; *Абрамовича* „И. В. Кирѣевскій и его роль въ исторіи русскаго славянофильства“; профессору Радченку представили сочиненія студенты: *Александровъ* на тему „Св. Петка и Св. Недѣля въ старинной болгарской и сербской письменности и въ народной поэзіи“ и *Ивановъ* на тему „Корнелій Уейскій, польскій поэтъ (1823—1897)“; профессору Пискорскому студентъ *Мартинсонъ* представилъ кандидатское сочиненіе на тему „Баронъ Штейнъ и его аграрныя реформы“. Преподавателю Кашпровскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Компанца* „Происхожденіе казачества“; *Плышевскаго* „Очерки изъ исторіи законодательства о помѣщичьихъ крестьянахъ въ XVIII ст.“:

Пожарскаго „Разборъ законодательства о дворовыхъ (по объимъ редакціямъ П. С. С. Р. З.)“; *Торкветова* „Тяглый поземельный надѣлъ въ царствованіе Екатерины II“.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 27 засѣданій, на которыхъ, помимо текущихъ дѣлъ, обсуждались вопросы, связанные съ временнымъ закрытіемъ Института, касающіеся желаемыхъ измѣненій въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ Института. Предположенія Конференціи вызванныя послѣдними вопросами, представлены были черезъ Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа на усмотрѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 24382 названій въ 62390 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложенію профессоровъ и преподавателей и присылкой изданій русскихъ и иностранныхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на „Извѣстія Института“. Въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ имѣется: 24875 названій въ 64513 томахъ.

Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 1198 названій въ 7716 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1200 названій въ 7776 томахъ.

Въ теченіе отченаго года вышелъ въ свѣтъ XXII томъ, *Извѣстій Института*, въ составъ котораго вошли, кромѣ отчета о состояніи Института за 1903—1904 и 1904—1905 учебные годы, слѣдующія статьи:

Профессора *М. Н. Сперанскаго:* Описаніе рукописей библіотеки (Пріобрѣтенія 1904—1905 гг.)

Профессора *Б. Ф. Бурзи:* „Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ.“

Профессора *П. И. Семенова:* „Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія“ (Вступительная лекція).

Профессора *А. И. Покровскаго:* „Къ вопросу объ основномъ характерѣ древнеэллинскаго государства“ (Приложеніе къ рѣчи о краснорѣчіи у древнихъ Эллиновъ).

Преподавателя *А. А. Мартова:* „О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперіи.“

Проф. *И. Г. Турцевича:* „Филологическіе этюды и замѣтки.“

Внѣ Извѣстій Института профессора и преподаватели Института напечатали слѣдующіе труды:

Проф. *М. Н. Сперанскій:* „Славянская Метафрастовская Минея-Четья“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. IX. 1904) Спб. 1905.

„ „Мостарское (Манойлово) Боснійское Евангеліе. Отрывки.“ (въ Русск. Филолог. Вѣстникѣ за 1905 и 1906 гг.) Варш. 1906.

„Одинъ изъ сербскихъ источниковъ русской исторіи.“ (въ Чтен. Общества Нестора—Лѣтописца за 1906 г.)

„ Рецензія на книгу И. Е. Евсѣева: „Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ.“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XI 1906)

„ Рецензія на книгу Н. Попова: „Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки: вып. I.“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XI. 1906)

Проф. *К. Ѳ. Радченко:* „Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной Библіотеки“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. Т. XI, 4)

Проф. *В. И. Савва:* „Обрядъ омовенія ногъ въ Византіи и на Руси“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. XV).

Препод. *В. И. Рѣзановъ:* „Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906.“ (Оттискъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году числилось 2 почетныхъ и 26 дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ Общества состоялъ Ф. Ф. Гельбке, Товарищемъ предсѣдателя—А. Ѳ. Абрамовъ, Секретаремъ—М. И. Лилеевъ, его товарищемъ—Е. А. Черноусовъ, Помощникомъ Казначея – Б. Ф. Бурзи, Библіотекаремъ—Е. И. Кашпровскій, его Товарищемъ—Е. А. Черноусовъ.

Въ библіотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 375 названій въ 1032 книгахъ; въ теченіе 1905—1906 академическаго года поступило а) старыхъ—названій 26 въ 26 книгахъ и б) новыхъ—названій 9 въ 11 книгахъ. Нынѣ въ ней имѣется 384 названія въ 1069 книгахъ.

В. Рѣзановъ.

ПАМЯТИ

Матвѣя Ивановича

СОКОЛОВА.

(† 17 іюня 1906 г.)

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Профессоръ М. И. Соколовъ—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній юности, годовъ студенчества пишущаго эти строки. Матвѣй Ивановичъ занималъ каѳедру русской словесности въ И.-Ф. Институтѣ кн. Безбородко съ 1 іюня 1881 г. по 8 сентября 1889 г.; мои воспоминанія относятся къ послѣднимъ тремъ годамъ Нѣжинской дѣятельности покойнаго.

Человѣкъ серьезнаго научнаго труда, сосредоточенный въ себѣ, чуждый стремленія къ внѣшнему блеску, но уже на студенческой скамьѣ заявившій себя солидною ученой работой („Изъ древней исторіи Болгаръ“ Спб. 1879. Золотая медаль отъ Спб. Университета), и потому быстро достигшій профессорской каѳедры, М. И. Соколовъ былъ въ то же время личностью въ высокой степени симпатичною. Нѣжинскіе студенты любили его и цѣнили его лекціи; не ораторскіе эффекты лектора влекли насъ въ его аудиторію, но серьезно-сосредоточенная, глубоко-продуманная, мягкая рѣчь—результатъ предварительнаго интенсивнаго изученія излагаемаго предмета.

Примѣръ профессора заражалъ слушателей: лекціи записывались почти слово въ слово, а затѣмъ при ихъ перепискѣ привлекалась и пересматривалась по возможности едва не вся печатная ученая литература вопроса, которую М. И. Соколовъ всегда тщательно отмѣчалъ въ своемъ изложеніи; удобство имѣть библіотеку въ томъ же зданіи, гдѣ живешь, исчерпывалось въ полной мѣрѣ. И я храню какъ драгоцѣнность свой рукописный экземпляръ этихъ лекцій.

М. И. Соколовъ сталъ профессоромъ всего черезъ три года по окончаніи университетскаго курса въ Петербургѣ. Нѣжинскій періодъ его дѣятельности—время напряженнаго труда надъ выработкой своихъ курсовъ. Къ 188⁶/₇ году, когда я сдѣлался его слушателемъ, эти курсы уже въ значительной степени установились, и очень многое изъ того, что читалось потомъ Матвѣемъ Ивановичемъ въ Московскомъ университетѣ, было прослушано его нѣжинскими студентами.

Проф. Е. Ѳ. Карскій, слушатель Матвѣя Ивановича въ 1881—1885

годахъ, далъ характеристику его курсовъ за свое время.*) Усердный ученикъ его въ 1886—1889 годахъ, я попытаюсь возстановить образъ любимаго профессора наканунѣ переселенія его въ Москву.

По хранящимся въ архивѣ Института „Отчетамъ о состояніи и дѣятельности Института кн. Безбородко“, въ 188⁶/₇ учебномъ году и. д. экстр. проф. Соколовъ преподавалъ студентамъ IV курса грамматику церковно-славянскаго и русскаго языковъ, 4 часа во вторую половину учебнаго года**); студентамъ III и IV курса—исторію новой русской литературы, XVIII в. 2 часа; студентамъ II и III курсовъ—исторію русской литературы XVI в., и первой половины XVII в., 2 часа; студентамъ I курса—народную русскую словесность, 1 часъ въ недѣлю.

Спеціальные курсы М. И-чъ читалъ рѣдко; онъ предпочиталъ прочесть своимъ слушателямъ возможно обстоятельнѣе, сопровождая библіографическими указаніями (что было важно при отсутствіи такого пособія, какое теперь студенты имѣютъ въ книгѣ А. Н. Пыпина „Исторія русской литературы“), обширный общій курсъ по исторіи русской словесности, который раздѣлялъ онъ на четыре года. Курсъ этотъ онъ начиналъ народною словесностью. Въ 188⁶/₇ г. народная словесность излагалась имъ по такой программѣ***):

Начало научнаго изслѣдованія народной словесности (Монтань, Вико, Руссо, Гердеръ, братья Гриммы). Отношеніе къ народной словесности въ Россіи въ XVIII в. Записываніе произведеній русской народной словесности (Чулковъ, Прачъ, сборникъ Кирши Данилова, Сахаровъ, Снегиревъ, Терещенко; кружокъ славянофиловъ; Кирѣевскіе, Рыбниковъ, Безсоновъ, Барсовъ, Гильфердингъ, Даль).

Затѣмъ шелъ вопросъ о задачахъ и методахъ изученія народнаго творчества, подвергались анализу теоріи для объясненія причинъ сходства произведеній народнаго творчества у разныхъ народовъ—миѳологическая и теорія заимствованія; давалось понятіе о сравнительной миѳологіи, вкратцѣ излагались солярная и метеорологическая теоріи происхожденія миѳа и вглядъ М. Мюллера на роль языка въ образованіи миѳовъ.

Послѣ такого введенія, профессоръ обращался къ обозрѣнію видовъ произведеній народно-поэтическаго творчества. Шла рѣчь о заговорахъ, о праздничныхъ обрядахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, о похоронныхъ

*) Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности славянской коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Москва 1902, 40—42.

**) За отсутствіемъ профессора-слависта.

***) См. Протоколы Конференціи Института кн. Безбородко, хранящіеся въ архивѣ Института, за 1887 годъ, и принадлежащій мнѣ рукописный экземпляръ лекцій.

причитаніяхъ, о свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, о загадкахъ. Эту часть курса М. И-чъ излагалъ бѣгло и сжато. Зато на былевомъ эпосѣ онъ останавливался, и слушатели могли основательно оріэнтироваться въ вопросѣ. Программа этой части курса была такая:

Эпосъ. Содержаніе его. Два вида народнаго эпоса: сказка и былина; разница между ними и отношеніе къ нимъ народа. Объясненіе сходства сказокъ у разныхъ народовъ: теоріи Гримма (Буслаевъ, Котляревскій, Потебня, Ор. Миллеръ) и Бенфея (Радловъ, Шифнеръ, Стасовъ); мнѣніе А. Н. Веселовскаго о книжной и устной передачѣ сказокъ черезъ Византію.

Оставляя въ сторонѣ эпосъ сказокъ, М. И-чъ обращается къ былинамъ; разсматривая вопросъ о происхожденіи былевого эпоса, какъ этотъ вопросъ стоялъ тогда въ наукѣ, М. И-чъ анализируетъ мнѣнія Буслаева и О. Миллера, Стасова и А. Н. Веселовскаго; самъ онъ высказалъ такой взглядъ: „Мы видимъ, что былъ горячій споръ о томъ, самостоятеленъ ли русскій эпосъ или нѣтъ, заимствованъ ли или нѣтъ; одни изслѣдователи стоятъ за полную его оригинальность, другіе—за безусловное его заимствованіе. Но такъ рѣзко ставить вопросъ нельзя: невозможно отрицать заимствованія нѣкоторыхъ сюжетовъ; источникомъ для заимствованія служили книги, а не туранскіе пересказы, хотя, быть можетъ, кое-что проникло и этимъ путемъ.... Народъ „не аки аспидъ глухъ и затыкаяй уши свои, иже не ушлышатъ гласа обавающихъ“: онъ не остается глухимъ къ тому, что пишется въ книгахъ; онъ не только хранитъ старый запасъ эпическихъ сказаній отдаленныхъ временъ, но и наживаетъ „словесное“ добро. Заимствованіе доказываетъ только умѣніе народа пользоваться подходящимъ матеріаломъ“.

М. И-чъ взялъ былины о Святогорѣ-Самсонѣ. Положивъ въ основу своего изложенія книгу И. Н. Жданова „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“ (Кіевъ 1881) и рецензію на нее А. Н. Веселовскаго (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1884 г., февраль), профессоръ воочію, шагъ за шагомъ пересматривая и освѣщая матеріалъ, на практикѣ, показалъ, какъ долженъ быть примѣняемъ сравнительный методъ къ изслѣдованію памятниковъ народнаго творчества. Въ методологическомъ отношеніи такой курсъ былъ въ высокой степени важенъ для слушателей.

Курсъ по народной словесности былъ читанъ М. И-чемъ еще разъ въ 188⁸/₉ году, по 2 часа въ недѣлю.*) Въ основу курса были положены тѣ же начала; но располагая вдвое большимъ количествомъ

*) Протоколы Конференціи Института кн. Безбородко за 1889 г. и принадлежащій мнѣ рукописный экземпляръ лекцій, мною записанныхъ.

времени, профессоръ привлекъ и подвергъ анализу большее количество матеріала. Болѣе подробно были разсмотрѣны сборники произведеній народной поэзіи; характеризованы главныя особенности произведеній народной словесности сравнительно съ произведеніями личнаго творчества; говоря о существовавшихъ объясненіяхъ причинъ сходства произведеній народнаго творчества у разныхъ народовъ, М. И-чъ обстоятельно разобралъ теорію миѳологическую, теорію заимствованія и теорію самозарожденія или общихъ психическихъ основъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ родовъ и видовъ произведеній народнаго творчества, М. И-чъ указывалъ объясненія, какія даетъ теорія миѳологическая, подвергалъ ихъ критикѣ и вырабатывалъ объясненія съ другихъ точекъ зрѣнія. Поднявъ вопросъ о характерѣ народнаго творчества въ первоначальномъ его развитіи, М. И-чъ говорилъ о синкретическомъ характерѣ примитивныхъ произведеній этого творчества и о постепенномъ выдѣленіи разныхъ родовъ поэзіи,—точка зрѣнія, усвоенная, видимо, отъ А. Н. Веселовскаго.

Послѣдующія лекціи были построены по такому плану:

Заговоры. Объясненіе заговоровъ по теоріи миѳологической и возраженія противъ него. Составныя части русской схемы заговоровъ, ихъ содержаніе и сравнительное значеніе. Предметы заговоровъ. Заговоры отъ трясовицъ. Малорусскіе заговоры. Примѣры сходства заговоровъ у разныхъ народовъ и объясненіе его. Знахарство; отношеніе къ нему народа и церкви; западная демонологія и отраженіе ея у насъ. Библіографія.

Загадки. Ихъ древность. Миѳологическія толкованія загадокъ; крайности этихъ толкованій. Загадки, какъ выраженіе разнаго рода знаній и упражненіе въ остроуміи. Время происхожденія загадокъ. Взглядъ Аѳанасьева на загадки; критика этого взгляда.

Поэзія обрядовая. Остатки язычества въ обрядовой поэзіи; объясненія по теоріямъ миѳологической, психологической и заимствованія; примѣненіе Веселовскимъ теоріи заимствованія къ объясненію обрядовъ и пѣсенъ святочныхъ. Работы Потебни.

Поэзія быта семейнаго. а) Поэзія свадебная. Отраженіе въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ различныхъ формъ брака. Объясненіе мрачнаго характера свадебныхъ пѣсенъ. б) Похоронная поэзія: причитанія. Взгляды миѳологовъ на происхожденіе причитаній. Значеніе нѣкоторыхъ апокрифовъ въ образованіи взглядовъ на загробный міръ. Интересъ изученія плачей. Ихъ лирическій и эпическій характеръ. Сборникъ Барсова.

Эпосъ.—Сказки. Взглядъ на происхожденіе сказокъ Гримма и Бенфея; теорія самозарожденія. Животный эпосъ. Русскія изслѣдованія о сказкахъ.

Былины. Сказка и былина. Богатырство и слово „богатырь". Главныя направленія и труды по изученію былинъ. Вопросы 1) о времени происхожденія былинъ, 2) о циклизаціи, 3) о мѣстѣ появленія былинъ.

Слѣдовалъ анализъ и объясненіе сравнительно-историческимъ методомъ группъ былинъ: Илья-сидень, первая поѣздка Ильи Муромца, Калинъ-царь, поѣздка Ильи къ тремъ заставамъ, Илья Муромецъ и Идолище поганое, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Дюкъ Степановичъ.

Курсъ о древней русской литературѣ М. И-чъ располагалъ по слѣдующему плану:*)

Введеніе. Опредѣленіе и разъясненіе понятій: „литература",**) „исторія литературы"***). Содержаніе исторіи литературы. Словесность устная и письменая.

Условія возникновенія русской книжной словесности. Черты византійской образованности въ IX—X вв. Возникновеніе славянской письменности. Вопросъ о славянской азбукѣ и славянскомъ языкѣ. Оригинальные и переводные труды свв. Кирилла и Меѳодія. Болгарскій періодъ славянской письменности. Труды еп. Климента, свящ. Константина, Іоанна Экзарха. Переводы и сборники времени царя Симеона. Козма пресвитеръ.

Ученикъ В. И. Ламанскаго, М. И. Соколовъ въ этомъ отчетливомъ и обстоятельномъ введеніи широко ставилъ вопросъ о древне-русской литературѣ на почву сравнительнаго изученія въ связи съ письменостью юго-славянскою.

Далѣе слѣдовало обозрѣніе русской книжной словесности въ до-татарское время:

Вопросъ о письменности на Руси до крещенія св. Владиміра. Первые памятники русской письменности, упоминаемые въ лѣтописи. Извѣстія о распространеніи грамотности и просвѣщенія на Руси при князьяхъ Владимірѣ и Ярославѣ. Направленіе древне-русской письменности.

---

*) Протололы Конференціи Института кн. Безбородко за 1887 и 1888 годы; принадлежащій мнѣ рукописный экземпляръ лекцій по „Исторіи книжной словесности съ древнѣйшихъ временъ до XVI в. включительно", читанныхъ въ 1887/8 году.

**) „Подъ литературой мы понимаемъ всю совокупность словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражаются умственные, нравственные и общественные интересы человѣка и народа"...

***) „Цѣль исторіи литературы—прослѣдить по памятникамъ письменности, какъ въ нихъ въ разное время выражались духовные интересы, умственная, нравственная и общественная жизнь народа."

Виды литературныхъ памятниковъ XI вѣка: *Поученія;* первые русскіе проповѣдники—Лука Жидята, митр. Иларіонъ, Ѳеодосій Печерскій. *Посланія*: черноризца Іакова, Ѳеодосія Печерскаго, митр. Іоанна II. *Жизнеописанія*: св. князя Владиміра, написанное черн. Іаковомъ сравнительно съ словомъ Иларіона; сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ черн. Іакова и „чтеніе" о немъ же Нестора; житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго, написанное Несторомъ.

Писатели изъ грековъ: митр. Іоаннъ II, митр. Никифоръ.

Поученіе Владиміра Мономаха. Характеристика автора и изображаемаго имъ идеала. Литературные образцы и источники поученія.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ"; важнѣйшіе списки. Вопросъ объ авторѣ и составленіи свода. Источники лѣтописи—иностранные и домашніе. Характеръ народныхъ преданій, занесенныхъ въ лѣтопись. Литературныя достоинства лѣтописи, какъ свода, принадлежащаго одному лицу.

Св. Кириллъ еп. Туровскій. Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ. Характеръ его проповѣдей.

Слово о полку Игоревѣ. Литературная исторія памятника. Вопросъ о книжномъ или устномъ его сочиненіи, о стихотворной или прозаической формѣ. М. И-чъ считалъ „Слово" произведеніемъ книжнымъ, оригинальнымъ, прозаическимъ по формѣ. Сопоставляя его съ лѣтописными разсказали о походахъ 1103 г., 1111 г., 1170 г., 1184 г., 1185 г., онъ устанавливалъ постепенную выработку пріемовъ описанія походовъ. Затѣмъ подвергались анализу народно-поэтическіе элементы въ „Словѣ", и выводъ былъ тотъ, что „пѣвецъ слова стоялъ очень близко къ народу, жилъ его жизнью, его фантазія развивалась не по чуждымъ книжнымъ образцамъ, а согласно съ народной фантазіей, проявлявшейся въ произведеніяхъ народа." Въ заключеніе разсматривалась миѳологія Слова о Полку Игоревѣ.

Далѣе излагалось:

Слово Даніила Заточника. Изданія и редакціи. Данныя о личности автора; характеръ и источники мудрости автора Слова.

Путешествіе иг. Даніила въ св. Землю. Цѣль и время путешествія. Предметы описанія. Археологическое и литературное значеніе памятника. Путешествіе въ Царьградъ новгород. архіеп. Антонія. Сказаніе о взятіи Царьграда латинами. Выяснялось значеніе паломничества въ развитіи устной и книжной словесности.

Обращаясь затѣмъ къ посланіямъ Симона и Поликарпа, къ Печерскому Патерику, М. И-чъ объяснялъ литературное значеніе этихъ памятниковъ, какъ рисующихъ идеалъ религіозно-аскетической жизни XII—XIII в.

Заговоривъ о русской словесности въ періодъ татарскаго ига, о губительномъ вліяніи татарщины на судьбу литературы и образованности, когда „грамотность остановилась и какъ бы замерла, и лишь въ монастыряхъ, куда часто укрывался отъ міра сего русскій человѣкъ, велась скорбная лѣтопись скорбныхъ событій“,—М. И-чъ отмѣчалъ, что въ это время русское просвѣщеніе нашло себѣ поддержку въ южномъ славянствѣ: хотя сношенія Руси съ Балканскимъ полуостровомъ и были затруднены татарами, однако сношенія эти все же продолжали существовать, и благопріятныя условія въ исторической жизни Болгаріи, Сербіи, достигшихъ въ это время высшаго политическаго развитія и могущества, какое когда-либо они имѣли,—и Босніи „поддержали въ XIII и XIV вѣкахъ наше славянское восточное просвѣщеніе“. Послѣ сдѣланнаго по этому поводу экскурса въ область балканскаго славянства, М. И-чъ переходилъ къ разсмотрѣнію памятниковъ русской литературы, стоящихъ въ непосредственной связи съ татарскимъ завоеваніемъ. Подвергались анализу повѣсти о нашествіяхъ татаръ, о взятіи русскихъ городовъ, о путешествіяхъ русскихъ князей въ Орду и проч.: сказаніе о битвѣ на Калкѣ; сказанія о разореніи городовъ Рязани и Владиміра; сказанія о путешествіи въ Орду Даніила Галичскаго, объ убіеніи Михаила Черниговскаго; повѣсти объ Александрѣ Невскомъ, о тверскихъ князьяхъ Михаилѣ Ярославичѣ и Александрѣ Михайловичѣ; былина о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Выяснялась роль церкви въ татарскую эпоху, характеризовалась дѣятельность еп. Кирилла II, Серапіона еп. Владимірскаго. Отмѣчалось отраженіе въ литературѣ и мирныхъ сношеній русскихъ съ татарами: Сказаніе о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ. Обстоятельно разбирались сочиненія, вызванныя Куликовскою битвою: Побоище Дмитрія Ивановича, Повѣданіе и сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, Задонщина; выяснялся ихъ характеръ, взаимныя отношенія, отношеніе къ Слову о полку Игоревѣ и позднѣйшія передѣлки.

М. И-чъ отмѣчалъ, что во время до-татарское главнымъ центромъ литературнымъ служилъ стольный городъ Кіевъ, но и въ другихъ мѣстахъ русской земли началась литературная дѣятельность: имѣются памятники черниговскіе, туровскіе, новгородскіе, волынскіе; литература началась и въ суздальской землѣ. Татарское нашествіе ослабило литературную производительность, понизило ее; оказалась огромная убыль въ лицахъ, которыя интересовались литературой и поддерживали интересъ къ ней, и въ читателяхъ и въ писателяхъ... XIV вѣкъ былъ еще тяжелымъ вѣкомъ въ нашей исторіи, татарское иго было во всей силѣ; однако есть факты, свидѣтельствующіе о томъ, что въ этомъ вѣкѣ болѣе, чѣмъ въ концѣ XIII в., народъ жилъ духовной жизнью и предавался интересамъ не только матеріальнаго обезпеченія и внѣшней безопасности,

но и интересамъ характера отвлеченнаго. Впереди другихъ городовъ и мѣстностей, естественно, сталъ въ это время Новгородъ, потому что Новгородская область, такъ же какъ и Псковская, татарское иго испытывала только косвеннымъ образомъ, большею частью своего пространства разорена не была. М. И-чъ останавливался на любопытномъ посланіи архіеп. новгородскаго Василія къ еп. Тверскому Ѳеодору о земномъ раѣ, анализировалъ его содержаніе, указывалъ его книжные и устные источники; останавливался на „Рукописаніи Магнуса короля Свѣйскаго."

Далѣе М. И-чъ обращался къ Москвѣ, говорилъ о событіяхъ и лицахъ, содѣйствовавшихъ возвышенію власти московскихъ государей, о митрополитахъ Петрѣ, Алексіи, Кипріанѣ, объ отраженіи движенія, возникшаго въ Болгаріи при патріархѣ Евфиміи, о внесеніи произведеній юго-славянской литературы въ русскія книги (какъ и наоборотъ—о распространеніи памятниковъ русской литературы среди славянъ; „общеніе въ этомъ случаѣ было полное", замѣчалъ М. И-чъ), о литературной дѣятельности Григорія Цамблака и митр. Фотія, особенно о его посланіяхъ, посвященныхъ сектѣ стригольниковъ; М. И-чъ вслѣдъ за Тихонравовымъ и Веселовскимъ признавалъ еще въ это время связь стригольниковъ съ западными еретиками,—взглядъ измѣненный имъ впослѣдствіи.*)

Затѣмъ шла рѣчь о литературныхъ произведеніяхъ, связанныхъ съ именами великихъ подвижниковъ монашества въ Московской Руси, о значеніи монашескаго подвижничества въ XIV—XVI вв.; отмѣтивъ особенное богатство духовной жизни, какимъ отличалась въ XIV в. область Ростовская, М. И-чъ говорилъ о Епифаніи Премудромъ, авторѣ житій свв. Сергія Радонежкаго и Стефана Пермскаго, о Св. Кириллѣ Бѣлоозерскомъ и его посланіяхъ, о библіотекѣ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря.

Послѣдующее изложеніе имѣло своимъ предметомъ памятники, вызванные флорентійскою уніею: путешествіе Исидора, Повѣсть объ осьмомъ соборѣ, Слово объ осьмомъ соборѣ и поставленіи русскаго митрополита Іоны; далѣе—о дѣятельности Пахомія Серба, митрополитовъ Московскихъ Іоны, Ѳеодосія, Филиппа I.

„XV вѣкъ, говорилъ М. И-чъ, въ исторіи нашего просвѣщенія и въ исторіи литературы интересенъ главнымъ образомъ потому, что въ это время нарождались въ русской жизни такіе вопросы, которые требовали для своего разрѣшенія значительнаго умственнаго развитія, зна-

*) Срв. Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности Славянской комиссіи, стр. 48.

чительнаго усилія литературы. Самое нарожденіе этихъ вопросовъ свидѣтельствуетъ объ этомъ умственномъ движеніи въ нашемъ обществѣ. Сюда относится прежде всего появленіе ересей, шедшихъ рѣшительно вразрѣзъ съ ученіемъ православной церкви. Далѣе, сюда относятся воззрѣнія на формы аскетической жизни,—воззрѣнія, влекшія за собой послѣдствія соціальнаго характера. Нарождался вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. По поводу этихъ вопросовъ обнаружилась коренная разница возрѣній на задачи подвижничества; возникло два направленія: представителями ихъ были Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій."

М. И. говорилъ о Нилъ Сорскомъ, о характерѣ его подвижничества по его посланіямъ и монастырскому уставу; отмѣчалось вліяніе афонскаго созерцательнаго подвижничества. Отмѣчено было и то, что „элементъ критицизма, присущій направленію Нила, послужилъ къ тому, что немало лицъ изъ послѣдователей Нила впали въ еретичество." Обратившись къ Іосифу Волоцкому, М. И. изображалъ его аскетическій идеалъ, па основаніи его монастырскаго устава, анализировалъ его „Просвѣтитель" въ связи съ исторіею ереси жидовствующихъ, начало которой указывалось въ еврейской пропагандѣ, и посланіями и дѣятельностью архіеп. Геннадія,—говорилъ объ отношеніяхъ его къ заволжскимъ старцамъ.

Затѣмъ М. И. переходилъ къ Максиму Греку, говорилъ о его переводахъ, объ исправленіи книгъ, разсматривалъ сочиненія догматико-полемическія и правоучительныя. На образованіе характера и направленія Максима отмѣчалось большое вліяніе Савонароллы. Дѣятельность Максима Грека ставилась въ связь съ тѣмъ церковнымъ и умственнымъ движеніемъ, какое появилось у насъ подъ вліяніемъ ереси жидовствующихъ, выяснялись заслуги Максима какъ пропагандиста образованія (знанія грамматики), вліяніе его сочиненій на возбужденіе вопросовъ, поднятыхъ на Стоглавомъ соборѣ; объяснялось, почему Максимъ Грекъ сдѣлался авторитетомъ и у православныхъ и у раскольниковъ въ XVII вѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. И. останавливался главнѣйшимъ образомъ на тѣхъ лицахъ, „которыя писали сочиненія болѣе важныя для исторіи умственнаго развитія Руси." Такъ охарактеризована была литературная дѣятельность митр. Даніила, въ словахъ и посланіяхъ котораго нашло себѣ мѣсто яркое изображеніе и обличеніе отрицательныхъ сторонъ тогдашней жизни.

„Въ XV—XVI вв., говорилъ М. И., историческая жизнь Руси представляла много задачъ, которыя русскимъ нужно было рѣшить самостоятельно, своимъ умомъ. Прежде и въ административномъ смыслѣ и въ умственно-нравственномъ Русь могла ссылаться на Византію,

какъ на авторитетъ; но съ XV в. Русь сдѣлалась независимой отъ цареградскаго патріарха, пріобрѣтя себѣ право имѣть собственнаго патріарха. Въ XV в. Греція потеряла свою самостоятельность; а у православныхъ составилось убѣжденіе, что православная церковь нуждается въ свѣтскомъ покровителѣ—въ православномъ царѣ: имперія и церковь срастаютстя въ понятіи православныхъ. Въ это время возникаетъ вопросъ: гдѣ теперь средоточіе православія? Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ уже XV в. начинаетъ складываться убѣжденіе, что всѣ прерогативы, возлагавшіяся прежде на Византію, послѣ ея паденія переходятъ на Русь, какъ единственное православное могущественное государство. Но съ XV в. на Руси начинаютъ появляться ереси; ей грозитъ то же, отчего, думали, погибъ Римъ и Византія: Римъ—отъ Аполлинаріевой ереси, Византія—за нечестивую жизнь; та же опасность погибнуть вслѣдствіе ересей и пороковъ грозитъ и Россіи. Отсюда—въ нашей литературѣ появляется масса горячо написанныхъ сочиненій, въ которыхъ авторы стараются убѣдить русскихъ въ необходимости твердо держаться православія. Главный мотивъ этой необходимости заключается въ томъ, что Руси принадлежитъ главная роль среди православныхъ государствъ, какъ единственно свободному православному царству.“

И М. И. обращался къ посланіямъ старца Филоѳея, какъ сочиненіямъ, въ которыхъ эти воззрѣнія выступаютъ всего ярче. Тѣ же идеи отмѣчались имъ въ сказаніяхъ о флорентійскомъ соборѣ, о взятіи Царяграда турками, о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ, о переходѣ на Русь царскихъ регалій и др.

„Цѣлый рядъ литературныхъ памятниковъ XV, XVI и XVII вв. развиваетъ идею о преемствѣ русскаго царства по отношенію къ Риму и Византіи, говорилъ М. И-чъ. Существуетъ одна вѣчная имперія, одно вѣчное православіе, хранящееся у того народа, который остается вѣрнымъ чистотѣ вѣры; если же то или другое государство живетъ порочно, то лишается этой благодати. По пророчествамъ, должны быть три Рима: два пали, третій долженъ существовать до конца, какъ хранитель истинной вѣры. Если же русскіе не выдержатъ своей высокой роли, то будутъ терпѣть разныя бѣдствія. Въ этой идеѣ русскіе писатели находятъ мотивъ убѣждать современниковъ къ усовершенствованію и церковной и гражданской жизни; эта идея является одушевляющею въ XVI и XVII вв., когда православнымъ приходилось отстаивать свою самостоятельность противъ мусульманъ и западныхъ иновѣрныхъ христіанъ. Эта идея имѣла очень большое вліяніе и на развитіе русскаго самосознанія. Въ виду проповѣди о такой высокой роли Руси, естественно лицамъ, стоявшимъ во главѣ государства и церкви, должна была

притти мысль о томъ, чтобы хорошенько опредѣлить самихъ себя, опредѣлить, что̀ есть хорошаго и дурного въ нашей жизни, чтобы затѣмъ развивать хорошее и уничтожать дурное. Въ XVI в. и видно стремленіе подвести итоги жизни въ разныхъ сферахъ—государственной, церковной, литературной." Съ такой точки зрѣнія освѣщалъ М. И-чъ въ дальнѣйшемъ своемъ курсѣ дѣло собиранія Великихъ Миней-Четьихъ, дѣятельность соборовъ 1547 и 1549 гг. о новыхъ чудотворцахъ, собора 1550 года, на которомъ былъ редактированъ Судебникъ и Уставная Грамота Іоанна Грознаго, и церковно-земскаго „Стоглаваго" собора 1551 года.

М. И-чъ характеризовалъ дѣятельность митр. Макарія стремившагося собрать во едино̀ „вс҃ѣ чтомыя книги", существовавшія на Руси, и давалъ обозрѣніе Великихъ Четьихъ-Миней; обращался къ литературѣ житій въ связи съ собираніемъ Четьихъ-Миней, говорилъ о В. М. Тучковѣ, о пресвитерѣ Василіи; разбиралъ житія муромскихъ святыхъ: кн. Константина и дѣтей его, еп. Василія, Петра и Февроніи (это послѣднее житіе изучалось сравнительно съ другими памятниками, привлеченными Буслаевымъ и Веселовскимъ); разсматривалъ Стоглавъ, опредѣлялъ значеніе его для литературы, характеризовалъ постановленія собора касательно просвѣщенія, церковныхъ обычаевъ, богослуженія, разнаго рода пороковъ и народныхъ увеселеній.

Далѣе отмѣчалось проявленіе неправославныхъ мнѣній, разсматривались дѣла Висковатаго, Башкина, Ѳеодосія Косого, и въ связи съ ними давалось обозрѣніе литературно-полемической дѣятельности Зиновія Отенскаго.

Затѣмъ шла рѣчь о литературной дѣятельности протопопа Сильвестра, о Домостроѣ (сравнительно съ сочиненіями въ этомъ родѣ въ другихъ литературахъ); о кн. А. М. Курбскомъ, его перепискѣ съ І. Грознымъ, о его „Исторіи в. кн. Московскаго".

Прежде чѣмъ приступить къ литературѣ XVII вѣка, М. И. дѣлалъ обширный обзоръ литературы западно-русской до конца XVI—нач. XVII вѣка. Давался очеркъ исторіи Литвы и Польши, распространенія въ Польшѣ протестантизма, борьбы съ нимъ іезуитовъ; характеризовалось положеніе русской народности и православія въ Польско-Литовскомъ государствѣ, разбирались литературные памятники, направленные къ защитѣ русской народности и православія въ Литвѣ московскими выходцами, разсматривалась дѣятельность старца Артемія и князя Курбскаго въ этомъ направленіи. Излагалась исторія возникновенія церковныхъ братствъ и братскихъ школъ (сравнительно съ исторіей школъ западно-европейскихъ). Характеризовался литературный языкъ, образовавшійся въ Польско-Литовской Руси. Разбиралась Эпистолія

митр. Мисаила къ папѣ Сиксту IV отъ 14 марта 1476 г., повѣсть о битвѣ подъ Оршей и похвальное слово кн. К. И. Острожкому (по Супрасльской рукописи). Далѣе говорилось о началѣ книгопечатанія, о дѣятельности Шв. Фѣоля и Фр. Скорины, печатниковъ Ив. Ѳедорова и П. Мстиславца, объ изданіи Острожской библіи. Характеризовалась дѣятельность Петра Скарги и полемика противъ него („Зачапка“ Христофора, „Краткословесный отвѣтъ“ Феодула), дѣятельность Антонія Поссевина, князя К. Острожскаго (его „Окружное посланіе“), Стефана Зизанія, клирика Василія („Книжица о единой вѣрѣ православной“), Ипатія Потѣя, въ связи съ вопросомъ объ уніи. Анализировалась исторія Брестскаго собора, изложенная съ православной точки зрѣнія въ книгѣ „Апокрисисъ“ Христофора Филалета, значеніе котораго оцѣнивалось такимъ образомъ: „Апокрисисъ имѣлъ большое значеніе въ западнорусской литературѣ. Онъ не только разбиваетъ на всѣхъ пунктахъ изложеніе хода Брестскаго собора Скарги, но и отвѣчаетъ на вопросы Скарги въ его сочиненіи о Единой Вѣрѣ. Послѣ появленія Апокрисиса для всѣхъ стало ясно, что хотя уніаты съ формальной стороны и одержали верхъ, тѣмъ не менѣе со стороны нравственной были правы противники уніи. За духовными лицами, устроившими унію, пошло меньшинство, притомъ своекорыстныхъ людей; лучшіе же люди остались вѣрны православію“.

Далѣе излагалась полемика по вопросу объ уніи: „Перестрога“ львовскаго священника Андрея, „Антиррисисъ“, посланія патр. александрійскаго Мелетія, посланіе къ кн. Острожкому Ип. Потѣя и отвѣтъ на него, „Исторія о листрійскомъ феррарскомъ или флоренскомъ синодѣ“, „Оборона Св. Синоду флоренского“, „Гармонія или согласіе восточной и римской церкви“, „Ѳриносъ или плачъ восточной церкви“ Мелетія Смотрицкаго, и др.; характеризовалась дѣятельность Іоанна Вишенскаго, Мелетія Смотрицкаго, Захаріи Копыстенскаго (особенно его Палинодія въ связи съ Обороной уніи Льва Кревзы).

Затѣмъ М. И. обращался къ вопросу о школахъ юго-западной Руси XVII вѣка, обрисовывалъ заслуги митр. Петра Могилы, характеризовалъ особенности учебнаго курса въ Кіевской академіи, останавливаясь въ особенности на вопросѣ о стихотворствѣ.

Далѣе шла рѣчь объ І. Голятовскомъ, Л. Барановичѣ, Кириллѣ Транквиліонѣ („Зерцало Богословія“), І. Гизелѣ („Синопсисъ“), грамматикѣ Мел. Смотрицкаго и словарѣ Памвы Берынды.

Обзоръ литературы XVII вѣка Московской Руси М. И. начиналъ анализомъ сказаній о смутномъ времени; въ основу этой части курса полагалась извѣстная книга проф. Платонова.

Далѣе выступалъ вопросъ о московскихъ училищахъ XVII вѣка; шла рѣчь о заботахъ о просвѣщеніи, выяснялась связь литературы съ вопросомъ о школьномъ образованіи въ XVII вѣкѣ; разбирались извѣстія объ открытыхъ или только предполагавшихся школахъ: Андреевской (Ѳ. М. Ртищева), Чудовской (патріаршей), Богословской (при церкви І. Богослова), школѣ славяно-латинской для подъячихъ, Богоявленской (Лихудовъ), Типографской и Спасской (Славяно-Греко-Латинская Академія).

Затѣмъ слѣдовалъ очеркъ книгопечатнаго дѣла въ Москвѣ въ XVI и XVII в. и вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ: первыя типографіи, исправленіе служебника 1617—1618 г., посланіе старца Арсенія Глухого протопопу Ивану Лукъяновичу; Антоній Подольскій и Иванъ Насѣдка; полемика съ латинянами, протестантами и греками; Арсеній Сухановъ; патріархъ Никонъ; литература вызванная его дѣятельностью; первые расколоучители; начало раскольничьей литературы.

Обозрѣніе литературы Петровской эпохи М. И-чъ предварялъ изложеніемъ переводной литературы предшествующаго времени. Это былъ какъ бы отдѣльный, спеціальный курсъ, располагавшійся по такой программѣ:*)

Книги духовнаго содержанія: Библія и апокрифы.

Историческія книги: хроники Малалы, Амартола, Манассіи, Зонары, Метафраста (Логоѳета), патр. Никифора. Русскія компиляціи—хронографы; Эллинскій и Римскій лѣтописецъ, собственно хронографы, ихъ составъ и редакціи.

Повѣсть о Троянской войнѣ; *Повѣсть* объ Александрѣ Македонскомъ; происхожденіе и переработки ихъ.

Источники свѣдѣній о природѣ въ до-петровскую эпоху: Физіологъ, шестодневы, Эпифаній Кипрскій, Георгій Писида, Косма Индикопловъ, Іоаннъ Дамаскинъ, нѣкоторые апокрифы („Книга о тайнахъ Еноховыхъ" и др).

Византійскіе романы и повѣсти и ихъ переработки. Первоначальный христіанскій романъ: Клементины, сказаніе о дѣяніяхъ Павла и Ѳеклы, житіе Ксенофонта и Маріи; собственно византійскій романъ; поэма о Дигенисѣ; сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ.

Сказанія восточныя, перешедшія черезъ Византію: о Синагриппѣ; о Соломонѣ и Китоврасѣ; Стефанитъ и Ихнилатъ. Варлаамъ и Іоасафъ. О купцѣ Басаргѣ. Сны царя Шахаиши; сказка о Еруcланѣ Лазаревичѣ. Шемякинъ Судъ.

---

*) См. Протоколы Конференціи за 1888 годъ и принадлежащій мнѣ рукописный курсъ.

Повѣсти западнаго происхожденія. Сборники: Римскія Дѣянія, Великое Зерцало, О семи мудрецахъ. Повѣсти о Брунцвикѣ, Василѣѣ Златовласомъ, о Бовѣ Королевичѣ, о Мелюзинѣ, Тристанѣ и Изольдѣ, о Петрѣ и Магелонѣ.

Демонологическія повѣсти: о происхожденіи табака, о происхожденіи виннаго питія; о Саввѣ Грудцынѣ, о Горѣ-Злосчастіи.

Смѣхотворныя повѣсти. Западные ихъ прототипы. Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ; о бражникѣ; о Ершѣ Ершовичѣ.

Историческія, географическія и космографическія сочиненія западнаго происхожденія. Хроника Бѣльскаго, Лѣтописи церковныя Баронія; сочиненія К. Ликостена, Герарда Меркатора, Иннокентія III-го; Луцидарій. Азбуковники. Шестодневъ Аѳанасія.

Изложеніе исторіи новой литературы носило у М. И-ча характеръ болѣе отрывочный. Для студентовъ-словесниковъ III и IV курса въ 188⁶/₇ г. читался курсъ по слѣдующей программѣ*):

Очеркъ исторіи русскаго стихосложенія и стихотворства въ XVII и XVIII вѣкѣ.

Отсутствіе стихотворства въ древнерусской литературѣ; причины этой явленія.

Попытка Мелетія Смотрицкаго создать метрическое стихосложеніе.

Первые опыты силлабическихъ стиховъ въ литературѣ юго-западной Руси подъ вліяніемъ польскимъ. Стихи при первопечатныхъ книгахъ. Опыты цѣльныхъ сочиненій въ стихахъ: „Вѣзерункъ цнотъ" и проч., Елисея Плетенецкаго (1618 г.), „Вѣршѣ на жалостный погребъ" и проч. Сагайдачнаго (1622 г.) и др.

Первые опыты силлабическихъ стиховъ въ литературѣ Московской Руси; вирши кн. Хворостинина и Шаховскаго въ началѣ XVII в.

Симеонъ Полоцкій. Біографическія свѣдѣнія. Стихотворные опыты въ Полоцкѣ; ихъ языкъ. Переселеніе въ Москву; изученіе литературнаго языка Московской Руси. Полоцкій какъ придворный поэтъ; его стихотворныя „книжицы." Полоцкій—учитель царскихъ дѣтей. Сборники проповѣдей Полоцкаго. Отношеніе Полоцкаго къ московскимъ и южно-русскимъ ученымъ. Педагогическіе взгляды Полоцкаго и изданія книгъ. Стихотворческая дѣятельность Полоцкаго. Сборникъ его стихотвореній. Переводъ Псалтыри. Духовныя драмы. Начало театра въ Москвѣ. Школьная драма. „Рождественская драма" Св. Димитрія Ростовскаго. Комедія „Ужасная измѣна." Общій характеръ сочиненій Симеона Полоцкаго и ихъ значеніе.

---

*) Протоколы конференціи за 1887 годъ.

А. Д. Кантемиръ. Характеръ образованія Кантемира. Введеніе въ русскую литературу сатиры, какъ особой литературной формы. Обозрѣніе содержанія сатиръ Кантемира. Черты подражанія и оригинальности. Черты русскихъ нравовъ. Идеалъ Кантемира. Иныя сочиненія и переводы Кантемира. Разсужденіе о стихосложеніи.

В. К. Тредіаковскій. Біографія. Первые литературные опыты. Теорія стихосложенія. Полемика по поводу новой теоріи стихосложенія. Теоретическія сочиненія о разныхъ видахъ стихотворства. Отношеніе къ Тредіаковскому современныхъ ему писателей.

М. В. Ломоносовъ. Біографическія свѣдѣнія: Дѣтство и первоначальное образованіе; дальнѣйшее образованіе въ Москвѣ и за-границей. Первые опыты въ стихахъ. Письмо о стихотворствѣ. Ломоносовъ какъ представитель ложноклассическаго направленія. Оды и др. сочиненія Ломоносова въ стихахъ. Значеніе Ломоносова въ русской литературѣ.

Г. Р. Державинъ. Біографія: воспитаніе; служба въ полку; литературныя занятія; самообразованіе. Служба въ приволжскомъ краю. Первый періодъ литературной дѣятельности (до 1779 г.). Читалагайскія оды. Второй періодъ; вліяніе литературныхъ друзей. Важнѣйшія оды до появленія „Фелицы." Участіе Державина въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова". Оды: „Благодарность Фелицѣ," „Видѣніе мурзы," „Богъ." Возвышеніе Державина по службѣ; отставка. Отношеніе Державина къ вельможамъ и оды въ честь ихъ. „Водопадъ." Служба Державина при императрицѣ. Литературная дѣятельность за это время. Стихотворенія Державина о собственной судьбѣ и славѣ. Новые элементы въ поэзіи Державина. Вліяніе оссіановской поэзіи. Анакреонтическія стихотворенія. Басни. Драматическія произведенія. Державинъ какъ членъ Россійской Академіи.

Вторая половина программы лекцій, читанныхъ для III курса въ 188⁷/₈ году была такая: *)

Литература Петровской эпохи. Значеніе Петровской реформы въ развитіи русской литературы. Состояніе русскаго образованія при Петрѣ. Духовный Регламентъ.

Переводная литература Петровскаго времени. Сочиненія историческія и географическія.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Посошковъ.

Татищева Духовная и Разговоръ о пользѣ наукъ.

---

*) Протоколы конференціи за 1888 годъ.

Состояніе литературы при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Проповѣдь при Елизаветѣ Петровнѣ. Изданіе книгъ духовнаго содержанія. Путешествіе Барскаго.

Обзоръ періодической печати отъ Петра до Екатерины II.

Судьба русскаго театра до Сумарокова. Сумароковъ и его сочиненія. Фонвизинъ.

Для студентовъ IV курса въ 188⁷/₈ году былъ прочитанъ курсъ по слѣдующей программѣ: *)

Вліяніе западныхъ идей въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Пути западнаго вліянія. Главныя теченія въ области мысли въ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ запада: энциклопедизмъ и мистицизмъ.

Вліяніе энциклопедистовъ на литературу.

В. Майковъ.

Богдановичъ. Происхожденіе и значеніе его „Душеньки."

Отношенія къ энциклопедистамъ Екатерины II.—Педагогоческія идеи въ Екатерининское время.

Масонство. Происхожденіе, сущность и организація масонства; разные виды его.

Новиковъ. Его воспитаніе. Изданіе журналовъ. Изданія по русской исторіи. Знакомство съ Шварцемъ. Дружеское ученое Общество въ Москвѣ; его издательская дѣятельность.

Шварцъ, его просвѣтительная дѣятельность.

Лопухинъ. его сочиненія и изданія; И. П. Тургеневъ.

Книги мистическаго характера, переведенныя на русскій языкъ.

Херасковъ. Біографическія свѣдѣнія. Отношенія къ масонству. Поэмы: „Россіада" и „Владиміръ."

Св. Тихонъ Задонскій и М. Платонъ.

Вліяніе западной литературы на развитіе русской по родамъ поэзіи.

Драма. Происхожденіе и характеръ мѣщанской драмы; ея представители въ литературѣ англійской, французской и нѣмецкой; русскіе переводы.

Эпосъ. Переводные романы въ Россіи въ XVIII в. Романы 1) рыцарскіе, 2) пастушескіе, 3) плутовскіе; ихъ происхожденіе и характеръ. Романы Хераскова и другихъ. Семейный романъ Ричардсона. Русскіе переводы и подражанія.

Карамзинскій періодъ.

Карамзинъ. Біографическія свѣдѣнія. Жизнь въ Москвѣ, связь съ кружкомъ Новикова. Путешествіе за-границу. Изданіе „Москов-

---

*) Тамъ же.

скаго Журнала,“ сборниковъ и „Вѣстника Европы.“ Карамзинъ какъ представитель сентиментальнаго направленія. Письма русскаго Путешественника. Повѣсти Карамзина; его оптимизмъ. Слогъ Карамзина. Споръ о старомъ и новомъ слогѣ. Дѣятельность Шишкова и его противниковъ. Бесѣда Любителей русскаго слова. Рѣчь Карамзина въ Россійской Академіи. Значеніе спора о старомъ и новомъ слогѣ; связь его съ вопросомъ о просвѣщеніи.

И. И. Дмитріевъ. Его стихотворный слогъ. Сатиры и другія сочиненія Дмитріева. Значеніе его въ русской литературѣ.

К. Н. Батюшковъ. Біографическія свѣдѣнія. Знакомство съ литературой иностранной. Характеръ поэтическаго творчества Батюшкова. Значеніе Батюшкова въ развитіи русской поэзіи.

И. А. Крыловъ. Формы его сатирическихъ произведеній. Предметы осмѣянія. Взгляды на происхожденіе басни. Особенности басенъ Крылова. Значеніе Крылова въ исторіи нашей словесности.

Взглядъ на развитіе русской поэзіи до Жуковскаго.

В. А. Жуковскій. Отношеніе его литературной дѣятельности къ таковой же Батюшкова, Дмитріева и Карамзина. Романтизмъ; его опредѣленія. Біографія Жуковскаго и связь съ личной жизнью его лирическихъ произведеній. Романтическая грусть, какъ господствующее настроеніе Жуковскаго, и ея причины. Заслуги Жуковскаго какъ переводчика иностранныхъ поэтовъ. Второй періодъ его жизни и дѣятельности (послѣ женитьбы). Значеніе Жуковскаго въ русской литературѣ.

Пушкинъ. Его домашнее и лицейское воспитаніе. Лицейскія стихотворенія; ихъ разнообразіе по содержанію и вліяніямъ, подъ которыми находился Пушкинъ.

Жизнь по выходѣ изъ лицея; вопросъ о служебномъ поприщѣ и поэзія. Русланъ и Людмила; вліянія на выборъ сюжета и обработку.

Жизнь на югѣ и вызванныя ею лирическія произведенія Пушкина.

Байронизмъ. Сходство и различіе характеровъ поэзіи Байрона и Пушкина.

Поэмы Пушкина: Кавказскій плѣнникъ, Братья-разбойники, Бахчисарайскій фонтанъ, Цыганы; черты сходныя съ произведеніями Байрона и оригинальныя.

Евгеній Онѣгинъ. Отношеніе героя романа къ типамъ пушкинскихъ поэмъ (взглядъ Достоевскаго); отношеніе къ героямъ Байроновскихъ произведеній. Черты самого Пушкина въ Евгеніи Онѣгинѣ. Процессъ созданія типа Онѣгина въ связи съ другими произведеніями. Онѣгинъ какъ первый художественно созданный типъ русскаго чело-

вѣка извѣстной среды; черты этого типа. Типъ Татьяны. Типъ Ленскаго. Реализмъ Пушкина въ изображеніи русской жизни. Критическіе отзывы о романѣ.

Жизнь Пушкина въ Михайловскомъ; ея значеніе для самообразованія и поэтической дѣятельности. Снятіе съ Пушкина опалы. Жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ; женитьба; путешествія. Поэтическая и писательская дѣятельность Пушкина въ связи съ жизнью и движеніемъ русской литературы.

Періодовъ позднѣйшихъ М. И-чу не пришлось коснуться въ своихъ лекціяхъ.

1886—89 года для нѣжинскаго Института далеко не свѣтлая пора. Словесниками очень чувствовалось это. Въ то время, какъ всѣ студенты III и IV курсовъ, безъ различія отдѣленій, обязаны были писать рефераты (разумѣется, на латинскомъ языкѣ), комментируя Горація, а затѣмъ въ аудиторіи защищать эти рефераты (пользуясь латинскою же рѣчью, на которой велось преподаваніе) противъ оппонентовъ—невольныхъ (по назначенію профессора) и добровольцевъ,—практическихъ занятій по русской словесности вовсе не было введено въ расписаніе лекцій. Съ чувствомъ самой горячей благодарности храню въ своей памяти, что М. И. Соколовъ рѣшился не лишать своихъ слушателей такого существеннаго элемента—семинарской работы: онъ организовалъ наши практическія занятія во время внѣ-лекціонное, и тщательно руководилъ ими; мы писали рефераты, представляли ихъ профессору, а затѣмъ по воскресеньямъ эти рефераты читались, обсуждались и притомъ не въ тѣсномъ кружкѣ словесниковъ-спеціалистовъ, однокурсниковъ, а въ присутствіи многихъ студентовъ другихъ отдѣленій и курсовъ; къ этимъ рефератамъ-диспутамъ приходилось готовиться очень серьезно, т. к. смотрѣли на нихъ совершенно серьезно, и вопросъ шелъ не только объ исполненіи обязанности студента-словесника, но затрогивалось ученое (sit venia verbo) самолюбіе докладчика, самымъ серьезнымъ образомъ стремившагося сдѣлать свои положенія и выводы возможно твердо и прочно обоснованными; предметъ реферата изучался возможно детальнѣе, продумывался возможно глубже. Диспуты, руководимые Матвѣемъ Ивановичемъ, длились часа по три. Темы брались изъ области народной словесности и древне-русской литературы.

Въ оффиціальномъ отчетѣ за 188^{8}/$_{9}$ уч. годъ М. И-чъ такъ скромно характеризовалъ эти занятія: указавъ прочитанные отдѣлы по исторіи литературы на каждомъ изъ курсовъ, онъ прибавилъ: „Сверхъ того студенты III-го курса занимались разборомъ литературныхъ памятниковъ по указанной имъ программѣ и пособіямъ и представляли рефе-

раты, которые прочитывались и разбирались въ собраніяхъ по праздничнымъ днямъ въ одной изъ аудиторій.“*)

Малое количество институтскихъ студентовъ обусловило возможность тѣмъ болѣе сильнаго вліянія профессора; уѣзжая на лѣтнее вакаціонное время, мы запасались указаніями Матвѣя Ивановича, забирали подъ его поручительство необходимыя книги изъ институтской библіотеки, а по возвращеніи—письменно, въ видѣ реферата, или въ устной бесѣдѣ на дому, давали отчетъ въ томъ, какъ удалось разобраться въ выбранномъ вопросѣ.

Горько было провожать любимаго наставника, уѣзжавшаго въ Москву. Студенты всѣхъ курсовъ въ полномъ составѣ явились на вокзалъ желѣзной дороги и на рукахъ внесли профессора въ вагонъ. Мало кому изъ насъ пришлось его увидѣть послѣ.

По смерти М. И-ча появился рядъ статей о немъ.**) Нѣжинскій періодъ его профессорской дѣятельности остался однако слишкомъ мало освѣщеннымъ. Да послужатъ хотя нѣкоторымъ восполненіемъ этого пробѣла настоящія строки.

---

*) Протоколы конференціи за 1889 годъ.

**) Ж. М. Н. Пр. 1906 г. сентябрь; Русс. Филол. Вѣст. 1906 г.; Этнографич. Обозрѣніе 1906 г. № 3/4 и др.

М. Сперанскій.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧИТЕЛЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ

(И. Г. Кулжинскій).

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія наслѣдн. В. К. Меленевскаго.
1906.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій).

Вліяніе среды на созданіе или, по крайней мѣрѣ, на развитіе міросозерцанія человѣка вообще, писателя въ частности, какъ извѣстно, сомнѣнію не подлежитъ. Особенно существенную роль вліяніе это играетъ въ раннюю пору жизни человѣка. Поэтому-то выясненіе характера, идейнаго содержанія среды, окружающей, въ эту пору жизни, будущаго дѣятеля общественнаго и литературнаго, справедливо становится задачей изслѣдователя дѣятельности того или другого интересующаго насъ лица; поэтому-то біографъ съ особеннымъ вниманіемъ присматривается къ той обстановкѣ, къ тѣмъ лицамъ, которыя окружаютъ писателя въ юности, надѣясь здѣсь найти разгадку, объясненіе тѣхъ чертъ нравственной и умственной физіогноміи писателя, которыя, какъ уже опредѣлившіяся, выступаютъ у этого писателя въ зрѣломъ возрастѣ. Но въ тоже время, за небольшими счастливыми исключеніями, бываетъ обыкновенно, что какъ разъ этотъ юношескій періодъ жизни писателя наименѣе поддается учету. Это понятно, въ силу обычныхъ причинъ въ области историческаго изслѣдованія: историческія данныя, сохраняемыя памятью, письменными документами, создающіяся подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ факта, прикрѣпляются къ личности съ особенной ясностью и подробностью лишь тогда, когда дѣятель (въ данномъ случаѣ литературный) занялъ уже болѣе или менѣе опредѣленное положеніе въ обществѣ, когда общество это уже отвело ему это мѣсто въ своей средѣ, стало имъ интересоваться, болѣе или менѣе считаться съ нимъ, съ его дѣятельностью. А бываетъ это уже тогда, когда міросозерцаніе дѣятеля уже прошло или почти прошло первый періодъ своего развитія, эпоху своего сложенія и само становится уже болѣе или менѣе опредѣленнымъ, законченнымъ. Современники же юности писателя, еще не ставшаго замѣтнымъ писателемъ, обыкновенно самые плохіе цѣнители будущаго дѣятеля. Такъ и бывало съ большинствомъ писателей. За примѣрами ходить далеко не приходится: дѣтство, юность Гоголя

ясно подтверждаютъ это положеніе: искренній, въ значительномъ большинствѣ случаевъ правдивый въ своихъ воспоминаніяхъ учитель Гоголя, самъ писатель, послѣ смерти своего ставшаго славнымъ ученика, такъ отзывался о немъ: „отъ Гоголя менѣе всѣхъ можно было ожидать такой извѣстности, какою онъ пользуется въ нашей литературѣ. Это была terra rudis et inculta“[1]). А между тѣмъ, даже немногія данныя, содержащіяся въ письмахъ, отрывкахъ рукописей Гоголя школьнаго періода, воспоминаніяхъ товарищей его, говорятъ, по крайней мѣрѣ, намекаютъ на то, что процессъ выработки міросозерцанія Гоголя за время пребыванія его въ Нѣжинѣ сдѣлалъ уже такой шагъ впередъ, что имъ въ значительной степени обусловлено было выступленіе его именно въ роли писателя и при томъ писателя-реалиста и сатирика[2]). Такое положеніе непосредственныхъ источниковъ, естественно, выдвигаетъ на видное мѣсто побочные; а въ ряду ихъ изученіе среды, ея дѣятелей въ интересахъ освѣщенія, сложенія міросозерцанія писателя пріобрѣтаетъ особенное значеніе[3]).

Одному изъ дѣятелей въ этой школьной средѣ нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ времени Гоголя, учителю латинскаго языка и дѣятелю въ русской литературѣ, Ивану Григорьевичу *Кулжинскому* и посвящено вниманіе въ настоящей статьѣ. Остановиться именно на немъ, прежде, нежели на другихъ нѣжинцахъ-современникахъ Гоголя заставляетъ, во первыхъ, то, что на Кулжинскаго до сихъ поръ обращалось сравнительно съ другими[4]) меньше вниманія, а во вторыхъ, то, что личность Кулжинскаго представляетъ и сама по себѣ нѣкоторый интересъ. Не говоря уже о томъ, что въ жизни самого Гоголя Кулжинскій съигралъ нѣкоторую роль, его приходится считать, какъ писателя, однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ въ идейномъ отношеніи членовъ убогой коллегіи нѣжинской гимназіи двадцатыхъ годовъ; наконецъ, какъ провинціальный писатель, К-ій даетъ представленіе о томъ, какъ и какія теченія мысли, зарождавшіяся въ культурныхъ центрахъ нашей жизни, отражались въ глуши провинціи. Взятый самъ по себѣ, представляетъ К-ій и общій интересъ: провинціальный писатель—онъ является посильнымъ работникомъ въ опредѣленныхъ теченіяхъ русской публицистики въ теченіе почти 50 лѣтъ: первыя его произведенія напечатаны въ 1825 году, послѣднія, вышедшія при его жизни, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Конечно, самая цѣль настоящей статьи—внести еще нѣкоторое освѣщеніе въ ранній періодъ жизни Гоголя—устраняетъ въ данномъ случаѣ необходимость разработки всей долгой литературной жизни Кулжинскаго, обязывая насъ сосредоточиться на начальной порѣ этой дѣятельности, какъ наиболѣе для насъ интересной, т. е.

выдѣлить эту эпоху изъ всей прочей жизни И. Г. Кулжинскаго. Но такое выдѣленіе и съ точки зрѣнія самой этой дѣятельности имѣетъ свои основанія: сохраняя основной тонъ своего міросозерцанія неизмѣннымъ, дѣятельность Кулжинскаго носитъ во второмъ періодѣ, обнимающемъ собою время отъ 30-хъ годовъ до конца его жизни, на себѣ такія специфическія черты, которыя, будучи едва замѣтны въ первомъ періодѣ, не позволяютъ уже развиваться свободно и послѣдовательно характернымъ чертамъ ранняго періода: интересъ къ народности, патріотическое настроеніе, религіозная настроенность, замѣтныя и въ раннихъ произведеніяхъ Кулжинскаго, во второмъ періодѣ принимаютъ настолько рѣзкія черты тенденціознаго характера, настолько односторонне начинаютъ преобладать въ немъ, достигая крайности, что въ 1859 году заставляютъ Кулжинскаго, чуть не подобно Гоголю, такъ отозваться о своей прежней дѣятельности: „писалъ и печаталъ я много въ разныхъ журналахъ; но какъ черновыхъ я у себя не оставлялъ, то теперь не помню не только содержанія, даже и названія большей части моихъ сочиненій—по всему видно, что не стоитъ памяти, и я говорю это не по чувству смиренія и уничиженія, но просто потому, что оно такъ и есть“[5]). И въ своей автобіографіи онъ отказывается дать перечень своихъ сочиненій, и въ воспоминаніяхъ, писанныхъ не много ранѣе, избѣгаетъ называть одно изъ своихъ первыхъ сочиненій, хотя оно и доставило ему литературныя связи, которыми, видимо, онъ самъ дорожилъ[6]). И это говорилъ писатель, до старости лѣтъ сохранившій замѣчательно ясную память, никогда не перестававшій съ живостью слѣдить и своеобразно отзываться на окружающее[7]). И съ *своей позднѣйшей* точки зрѣнія, онъ былъ правъ, относясь такъ отрицательно къ прежней своей дѣятельности: настроенія ранней эпохи дѣятельности Кулжинскаго довольно рѣзко отличались отъ тѣхъ настроеній, которыми сопровождалась его послѣдующая жизнь, и на которыя, какъ и на первыя, онъ откликался въ своихъ произведеніяхъ: время молодости К-аго въ русскомъ обществѣ было временемъ увлеченій идиллическими представленіями о народности, временемъ первыхъ этнографическихъ изученій малорусской народности, временемъ сентиментальныхъ увлеченій, эпохой вопросовъ о классицизмѣ и романтизмѣ въ литературѣ; вторая половина—эпоха развитія такъ называемой „оффиціальной народности“ со всѣми печальными послѣдствіями этого односторонняго направленія въ отдѣльныхъ проявленіяхъ русской жизни и литературы. Эта разница оказалась и на внѣшней обстановкѣ дѣятельности Кулжинскаго: въ первомъ періодѣ главными органами, гдѣ работаетъ К-ій, являются: „Украинскій журналъ“ А. В. Склабовскаго, „Дамскій журналъ“

кн. П. И. Шаликова и „Московскій Вѣстникъ“; во второмъ: „Маякъ“ Бурачка, „Москвитянинъ“ Погодина, „Вѣстникъ югозападной и западной Россіи“ Говорскаго и т. п. И въ самой жизни Кулжинскаго, на границѣ этихъ двухъ его литературныхъ эпохъ, происходятъ такія измѣненія, которыя, если и не вполнѣ обусловили, то во всякомъ случаѣ сильно повліяли на отклоненіе его міросозерцанія въ иномъ направленіи: изъ лица подчиненнаго, исполнителя чужихъ программъ (каково его учительство въ Нѣжинѣ, Харьковѣ), изъ маленькаго человѣчка, превращается онъ въ началѣ 30-хъ годовъ въ отвѣтственнаго самостоятельнаго, облеченнаго уже властію правительственнаго агента, сперва въ Луцкѣ, затѣмъ въ Тифлисѣ, гдѣ выполняетъ опредѣленную задачу—русскаго дѣятеля въ ополяченномъ полурусскомъ и нерусскомъ краяхъ. А дѣятельности этой отдается онъ, какъ и всегда, съ увлеченіемъ, почти страстностью своей цѣльной прямолинейной натуры[8]). Все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ намъ разсматривать раннюю дѣятельность К-аго, какъ нѣчто болѣе или менѣе законченное сравнительно со вторымъ періодомъ.

Матеріаловъ для изученія литературной и общественной дѣятельности Кулжинскаго вообще, равно какъ и для установленія внѣшнихъ біографическихъ данныхъ, у насъ достаточно. Самъ И. Г. Кулжинскій до извѣстной степени позаботился объ этомъ, оставивъ намъ въ разныхъ изданіяхъ свои правдивыя воспоминанія и о своей школьной порѣ, и о зрѣлой порѣ своей жизни, даже дважды напечатанную автобіографію, охватывающую все время его служебной дѣятельности[9]). Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не разъ настойчиво повторяетъ свои любимыя мысли, достаточно отчетливо характеризующія его, какъ писателя и общественнаго дѣятеля; нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, считаемыя имъ заслуживающими вниманія, онъ собираетъ, перепечатываетъ, даже мало внося измѣненій[10]). Оставилъ И. Г. Кулжинскій, помимо печатныхъ своихъ работъ, слѣдъ, хотя и не особенно замѣтный, также въ литературѣ, въ видѣ критическихъ замѣтокъ, отзывовъ объ его сочиненіяхъ[11]). Наконецъ для провѣрки и дополненій автобіографическаго матеріала, касающагося И. Г. К-аго, имѣемъ рядъ документовъ въ архивѣ бывшей Гимназіи высшихъ наукъ, въ настоящее время архивѣ Института въ Нѣжинѣ[12]).

На основаніи этихъ данныхъ представляется возможнымъ набросать довольно полный очеркъ дѣятельности Кулжинскаго, что мы и сдѣлаемъ, сосредоточивъ вниманіе на первой половинѣ ея, на періодѣ „гоголевскомъ“[13]).

I.

Внѣшнія данныя біографіи И. Г. Кулжинскаго очень не сложны. По происхожденію онъ „малороссіянинъ“, какъ отмѣчено въ его послужномъ спискѣ, и какимъ признаетъ себя онъ самъ въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ полемическихъ статей противъ украйнофильства[14]), сынъ „священническій“, родился въ г. Глуховѣ 14 апр. 1803 года, дѣтство провелъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховскаго повѣта Черниговской губ.[15]). Здѣсь, выучившись самоучкой разбирать грамоту, онъ на шестомъ году былъ отданъ въ школу при церкви, гдѣ и обучился чтенію и письму, такъ что на 8-мъ году уже могъ читать библію[16]), послѣ чего его стали готовить въ семинарію: у сосѣдняго священника онъ обучился чтенію полатыни и четыремъ правиламъ ариѳметики[17]). Въ 1811 году К-ій поступилъ въ черниговскую семинарію, гдѣ и обучался въ теченіи 12 лѣтъ[18]), переживъ такимъ образомъ и періодъ преобразованія семинарій (въ 1817 году): преобразованіе застигло К-аго, когда онъ кончилъ курсъ піитики. Кромѣ ученія въ семинаріи, молодой К-ій по настоянію отца на вакаціяхъ долженъ былъ заниматься подъ руководствомъ ученаго сосѣда-протоіерея Андрея Нарановича, о которомъ онъ и вспоминаетъ съ глубокой благодарностью и руководство котораго ставитъ выше ученія семинарскаго[19]). Судя по аттестату, выданному К-ому, семинарію кончилъ онъ по первому разряду, что давало ему право перейти для продолженія образованія въ академію; но онъ отказался отъ поступленія въ нее, а предпочелъ въ 1823 году поступить учителемъ въ уѣздное духовное училище въ Черниговѣ же; здѣсь ему пришлось преподавать пространный катехизисъ, греческій языкъ, русскую и славянскую этимологію[20]); а черезъ годъ (съ сентября 1824 г.) К-ій получаетъ уроки по словесности и въ семинаріи. Дѣло преподаванія, по словамъ автобіографіи, пошло хорошо; повидимому, К-ій становился извѣстнымъ, какъ хорошій учитель. Въ этомъ году онъ женился и сталъ „задумываться объ избраніи для себя опредѣленнаго и постояннаго званія и состоянія“ (принимать духовный санъ онъ не рѣшался). Вдругъ (такъ разсказывается въ автобіографіи) онъ былъ совершенно неожиданно вызванъ въ Нѣжинъ, чтобы познакомиться съ директоромъ Гимназіи высшихъ наукъ И. С. Орлаемъ[21]). Результатомъ этого знакомства съ Орлаемъ была отставка Кулжинскаго изъ духовнаго вѣдомства и семинаріи (12 іюня 1825 г.) и назначеніе его учителемъ латинскаго языка въ нѣжинской гимназіи[22]).

Ближайшимъ поводомъ къ перемѣщенію Кулжинскаго на службу въ Нѣжинъ послужило дальнѣйшее постепенное развитіе Гимназіи

высшихъ наукъ подъ руководствомъ энергичнаго И. С. Орлая: „Въ гимназіи съ будущаго августа (1825 г.), говорится въ опредѣленіи конференціи[23]), для преподаванія языковъ имѣетъ открыться 6-е отдѣленіе, почему для профессора латинской словесности[24]) слишкомъ затруднительно было бы преподаваніе латинскаго языка во всѣхъ шести отдѣленіяхъ, тѣмъ болѣе, что Высочайше конфирмованнымъ въ 14-й день августа 1824 года журналомъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ Виленскаго университета, между прочимъ положено умножить число уроковъ для преподаванія языка латинскаго". Поэтому конференція рѣшила ходатайствовать объ опредѣленіи Кулжинскаго, подавшаго о томъ просьбу еще 16 мая, учителемъ латинскаго языка въ трехъ низшихъ отдѣленіяхъ, т. е. „въ начальномъ, грамматическомъ и синтаксическомъ"[25]). Очевидно, предложеніе было сдѣлано въ конференціи И. С. Орлаемъ, не только успѣвшимъ познакомиться съ Кулжинскимъ, но даже устроить ему своеобразный предварительный экзаменъ по латинскому языку[26]).

Получивъ званіе учителя, пробылъ Кулжинскій на этотъ разъ въ Нѣжинѣ четыре года[27]). Въ это время у него учился латинскому языку и Гоголь, что совершенно правильно и отмѣтилъ въ автобіографіи и „Воспоминаніяхъ" Кулжинскій[28]). Дѣло преподавательское, не смотря на усердіе и преданность, у Кулжинскаго въ Нѣжинѣ не спорилось: по крайней мѣрѣ, самъ онъ вспоминаетъ, что четыре года службы, проведенные здѣсь, оставили въ немъ о себѣ грустное воспоминаніе[29]). Причину этого Кулжинскій видѣлъ въ плохихъ порядкахъ гимназіи; причину же этихъ порядковъ въ свою очередь видѣлъ позднѣе въ коллегіальномъ устройствѣ управленія, не допускавшемъ контроля директора надъ преподавателями. Можно, однако, найти другія, болѣе существенныя причины неудовлетворительности постановки учебнаго дѣла, и считать то одностороннее объясненіе, которое приводитъ И. Г. Кулжинскій, не убѣдительнымъ, какъ объясненіе, явившееся результатомъ позднѣйшаго уже склада мыслей К-аго (когда онъ писалъ свою автобіографію); безусловную объективность этого объясненія допустить мѣшаетъ и тотъ примѣръ „порядка", который имъ приведенъ въ доказательство своей мысли: онъ самъ былъ обиженъ указываемымъ поступкомъ коллегъ[30]).

Понятно, что Кулжинскій, не довольный мѣстомъ въ Нѣжинѣ, искалъ новаго мѣста и, будучи здѣсь, повидимому, не переставалъ хлопотать о перемѣщеніи, что ему и удалось: въ августѣ 1829 г. мы видимъ его учителемъ латинскаго языка въ Харьковѣ въ Украинско-Слободской гимназіи, а затѣмъ, кромѣ того, преподавателемъ въ женскомъ институтѣ и частныхъ пансіонахъ, наконецъ преподавателемъ

словесности и въ университетѣ (съ 1831 года)[31]). Харьковской своей службой Кулжинскій былъ гораздо болѣе удовлетворенъ, такъ что даже называетъ три года, проведенные здѣсь, лучшими годами своей службы[32]): она, несмотря на сильное напряженіе (до 42-хъ часовъ въ недѣлю уроковъ), удовлетворяла его и съ матеріальной стороны, и съ нравственной: его охватывала живая литературная обстановка тогдашняго Харькова, школа у него шла хорошо, университетская аудиторія была полна[33]). Но съ Харьковомъ и кончилась учительская карьера Кулжинскаго: онъ сталъ администраторомъ, самъ сталъ начальствомъ: въ августѣ 1832 года попечителемъ округа Филатьевымъ онъ назначенъ на постъ директора гимназіи въ Луцкѣ[34]). Самый характеръ занятій, программа дѣятельности, мѣстныя условія этой дѣятельности наложили яркую печать на Кулжинскаго: въ тяжелую, смутную эпоху края, послѣ повстанія, онъ долженъ былъ явиться піонеромъ русскаго просвѣщенія въ краѣ, гдѣ русскими были только крестьяне, а все мало мальски образованное—польское или по національности или по духу. Прямолинейный И. Г. Кулжинскій сталъ искреннимъ представителемъ идей оффиціальной народности (1833) и остался имъ до конца своихъ дней[35]). Проработавъ семь лѣтъ на Волыни въ Луцкѣ, онъ переходитъ въ 1839 году въ Немировскую гимназію[36]), оттуда переселяется опять въ Нѣжинъ, гдѣ обзаводится домомъ, становится (1841) инспекторомъ юридическаго Лицея, смѣнившаго физикоматематическій факультетъ (въ свою очередь создавшійся на развалинахъ Гимназіи в. н. въ 1832 г.). Но осѣдлая жизнь И. Г-ча продолжается не долго: въ августѣ 1843 года онъ уже ѣдетъ директоромъ кавказскихъ училищъ въ Тифлисъ, назначенный туда своимъ „благодѣтелемъ“ кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, бывшимъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія[37]). Наконецъ, черезъ четыре почти года болѣзнь заставляетъ его прекратить служебныя занятія, и въ маѣ 1847 года онъ возвращается пенсіонеромъ въ Нѣжинъ, гдѣ, принимая участіе въ консервативной литературѣ, и доживаетъ свои долгіе годы. Умеръ онъ 23 марта 1884 года, проживъ почти 81 годъ.

II.

Такова біографія И. Г. Кулжинскаго: это—біографія преимущественно учителя и чиновника; такъ, повидимому, въ значительной степени на себя смотрѣлъ и онъ самъ, говоря не охотно или не желая даже вовсе говорить о своей литературной дѣятельности (см. выше). А между тѣмъ стремленія литературнаго характера, писательство проходятъ красной нитью черезъ всю его долгую жизнь, начиная съ ранней молодости и чуть не до гробовой доски, и особенно сильны они,

какъ разъ, во второй періодъ его жизни, когда онъ, повидимому, ощущалъ особенную потребность въ письменномъ словѣ, такъ какъ отъ непосредственной практической дѣятельности онъ уже отстранился[38]). Все это даетъ право смотрѣть на Кулжинскаго и какъ на писателя, какъ на него смотрѣли уже давно и его современники[39]), и попытаться опредѣлить роль его въ нашей литературѣ. Какъ было замѣчено уже, насъ интересуетъ главнымъ образомъ первый періодъ его дѣятельности, до того окончательнаго поворота въ міросозерцаніи, который обнаружился въ немъ въ Луцкѣ, и который сказался ясно совершенно въ первомъ же произведеніи, писанномъ подъ вліяніемъ обозначившагося уже иного настроенія. Достаточно привести небольшой отрывокъ изъ „Эмерита“ (1836) для доказательства нашей мысли: „Эмеритъ, дрожа отъ восторга, указалъ мнѣ (т. е. автору) мѣсто въ журналѣ, гдѣ изображено желаніе правительства, чтобы народное образованіе совершалось въ соединенномъ духѣ Православія, Самодержавія и Народности. —„Въ этихъ немногихъ словахъ—продолжалъ профессоръ—Россія въ первый разъ сказалась сама себѣ, и сказалась громко, величественно, достойнымъ себя образомъ. О, эти слова запишетъ исторія; отзвучіе этихъ словъ прогремитъ въ отдаленныхъ вѣкахъ!...“ Давно пора приняться намъ за свое родное, отвѣчалъ я“ и т. д. въ этомъ же родѣ[40]).

Въ первый періодъ своего писательства значительную дань уплатилъ Кулжинскій сотрудничеству въ довольно типичныхъ журналахъ того времени: „Украинскомъ журналѣ“, выходившемъ въ Харьковѣ подъ редакціей А. В. Склабовскаго, и въ „Дамскомъ журналѣ“ кн. Шаликова; въ послѣднемъ писалъ онъ преимущественно стихи и мелкіе разсказы. Кромѣ того, въ это время вышелъ и первый отдѣльный сборничекъ его произведеній „Малороссійская деревня“ (1827). Закончился этотъ періодъ рѣчью о классической и романтической поэзіи (1830) и „украинскимъ романомъ“ „Өедюша Мотовильскій“[41]).

Первые печатные труды Кулжинскаго появились въ 1825 г. въ „Украинскомъ журналѣ“, съ 1824 г. издававшемся при Харьковскомъ университетѣ, какъ мы сказали, А. В. Склабовскимъ[42]). Этотъ журналъ, и какъ одинъ изъ немногихъ провинціальныхъ журналовъ того времени, и какъ довольно наглядно отразившій литературные вкусы и условія того времени, представляетъ несомнѣнный интересъ вообще и для характеристики раннихъ произведеній Кулжинскаго въ частности.

Цѣли и направленіе У. Ж., опредѣлившія составъ и содержаніе книжекъ его, довольно отчетливо высказаны А. В. Склабовскимъ въ первомъ же номерѣ У. Ж., отчасти повторены и распространены въ другихъ статьяхъ-обращеніяхъ редактора къ публикѣ. Вотъ что гово-

ритъ А. В. С-ій, начиная изданіе: „Конечно для русскаго все русское пріятно; но еще пріятнѣе то, что ближе къ намъ по мѣсту, характеру и самому названію. Такъ, напр., для жителя Украины, какъ ни занимательны русскіе журналы, но онъ безъ сомнѣнія съ большею охотою и любопытствомъ читалъ бы такіе, которые принадлежали бы собственно Украинѣ...... Главная цѣль У. Ж. есть: съ распространеніемъ правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, вмѣстѣ способствовать и распространенію вкуса къ отечественной словесности... имѣя въ виду и другія части наукъ и искусствъ.... Въ У. Ж. особенное вниманіе будетъ обращено на критическій разборъ лучшихъ произведеній отечественной поэзіи, при руководствѣ самаго строгаго безпристрастія.... краткія статьи нравственныя.... также все, что касается до историческихъ извѣстій, земледѣлія, торговли, промышленности и другихъ достопамятностей южной Россіи и собственно такъ называемой Украины—преимущественно въ немъ будетъ помѣщаемо[43])". Черезъ 4—5 мѣсяцевъ Склабовскій опять возвращается къ своей темѣ: (редакторъ много получилъ всякихъ статей) „но не могу при семъ не заявить, обращается онъ къ публикѣ и сотрудникамъ, сожалѣнія, что, разсматривая упомянутыя піесы, я не нашелъ ни одной, которая содержала бы въ себѣ какія нибудь извѣстія объ Украинѣ или вообще объ южной Россіи. Между толикимъ числомъ мѣстъ, Харьковскому округу подвѣдомыхъ, безъ сомнѣнія во многихъ находятся люди, столько любящіе страну родную, что все къ ней относящееся, какъ-то извѣстія историческія, топографическія и другого рода описанія, изображеніе характеровъ, нравовъ, обыкновеній, привычекъ, занятій увеселеній, даже собраніе пѣсенъ малороссійскихъ и объясненій на оныя и т. п.—все это, говорю, почитаютъ близкимъ къ сердцу и достойнымъ того, чтобы предпочесть стишкамъ или прозѣ о предметахъ, въ тысячѣ книгъ уже изложенныхъ и ясно и пріятно.... "[44]). Защищая свой журналъ отъ упрека въ пестротѣ содержанія, отъ одностороннихъ требованій, чтобы „*Украинскій*" журналъ наполненъ былъ извѣстіями только объ Украинѣ, Склабовскій указываетъ на приведенную выше програму журнала, но не можетъ не подчеркнуть *мѣстнаго* характера журнала и правъ его на мѣстный интересъ извѣстій: „Не упоминаемъ о маломъ числѣ такихъ читателей, которые—имѣя въ виду одно только названіе *Украинскаго* Ж.—хотѣли, чтобы всѣ книжки онаго были наполнены только *извѣстіями объ Украинѣ:* этого, въ строгомъ смыслѣ не было нами обѣщано..... Къ сему прибавимъ, что всѣ пьесы (исключая двухъ или трехъ), до сего времени напечатанныя въ У. Ж., суть произведеніе Украины, и наибольшею частію—собственно Харькова, т. е.

сочинены и переведены здѣшними любителями просвѣщенія, особенно студентами сего университета и ихъ наставниками: а сего, кажется, уже довольно, чтобы выходящій *въ Украинѣ* журналъ назывался *Украинскимъ*"[45]).

Приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы судить о характерѣ и направленіи журнала Склабовскаго: онъ былъ выраженіемъ пробудившихся мѣстныхъ интересовъ къ народности, однимъ изъ раннихъ проявленій того направленія, которое начало пробиваться во второмъ десятилѣтіи прошлаго вѣка въ русской литературѣ и съ особенной силой сказалось въ 20-хъ годахъ особенно въ Украинѣ, подъ вліяніемъ котораго, какъ извѣстно, воспитался и Гоголь въ Нѣжинѣ[46]): это направленіе сказалось въ любовномъ отношеніи къ мѣстной старинѣ, народности, отношеніи уже сознательномъ, выразившемся въ стремленіи собирать, объяснять данныя этнографическаго характера въ предѣлахъ своей народности[47]). И дѣйствительно, рядомъ со статьями, служащими къ „распространенію правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи"[48]), статьями по „другимъ частямъ наукъ"[49]), мы видимъ рядъ статей самого редактора (онѣ съ подписью А. С.) этнографическаго характера каковы: „Иванъ Купало" (1824 г. № 12), „Троицынъ день" (№ 11): въ первой описывается польскій обычай купальскій[50]), во второй—личныя наблюденія автора надъ народнымъ обычаемъ съ кое-какими историческими справками и даже пѣснями, „коихъ авторъ слышалъ множество", живя въ 1821 году въ деревнѣ[51]). Отношеніе автора къ народному обычаю характеризуется ярко слѣдующей тирадой: „Сердечно жалѣю объ ежегодномъ истребленіи многихъ милліоновъ лучшихъ деревьевъ (на Троицынъ день срубаемыхъ).....; но съ другой стороны мнѣ пріятно видѣть обычаи предковъ, черезъ столько столѣтій сохраняемые позднѣйшимъ ихъ потомствомъ...." (стр. 250). Удѣляетъ вниманіе Склабовскій и мѣстной малорусской старинѣ, то сообщая о кіевскомъ кладѣ, то помѣщая старинные малороссійскіе документы[52]).

Ясно, эта мѣстная этнографическая струя, окрашенная при томъ романтическо-идиллическимъ любовнымъ отношеніемъ къ своей народности и старинѣ, коснулась и молодого черниговскаго учителя И. Г. Кулжинскаго[53]): онъ посылаетъ въ журналъ „Нѣкоторыя замѣчанія касательно исторіи и характера малороссійской поэзіи", „Пѣсню"[54]). Обѣ эти статьи съ нѣкоторой обработкой входятъ въ его „Малороссійскую деревню" (1827 г.). Эти интересы этнографическаго свойства, отзвуки этого теченія не прекращаются у Кулжинскаго за все время пребыванія его въ Нѣжинѣ (съ авг. 1825 г. по авг. 1829): перейдя сотрудникомъ въ „Дамскій Журналъ" кн. Шаликова, помѣщая тамъ свои произведенія въ духѣ этого журнала[55]), онъ однако не разъ возвра-

щается къ мѣстнымъ народнымъ темамъ: „Казацкая пѣсня“, „Казацкія шапки“, „Терешко“—навѣяны, несомнѣнно, этими интересами, поддерживаемыми и мѣстными условіями[56]). Къ группѣ такихъ же произведеній до нѣкоторой степени можно отнести и послѣдній изъ романовъ первой эпохи писательства Кулжинскаго „Ѳедюшу Мотовильскаго“[57]).

Эта группа представляетъ для насъ не малый интересъ, рисуя не только К-аго вообще, но и писателя—представителя характернаго литературно-общественнаго теченія въ 20-хъ годахъ нашей провинціи и давая т. о. самому Кулжинскому довольно опредѣленное мѣсто среди мѣстныхъ этнографовъ-поэтовъ и изслѣдователей, а слѣдовательно дѣлая возможнымъ и вопросъ о степени его вліянія и участія въ выработкѣ особенностей міросозерцанія Гоголя и другихъ. Это опредѣленіе роли и значенія Кулжинскаго-этнографа-поэта является тѣмъ болѣе возможнымъ, что онъ непосредственно излагаетъ свои теоретическія воззрѣнія на вопросы, интересовавшіе его и его современниковъ и земляковъ. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ его „Малороссійская деревня“, какъ собраніе спеціально этнографическаго матеріала, своеобразно обработаннаго авторомъ[58]).

Уголъ зрѣнія на деревню и въ частности на малороссійскую деревню, да и вообще на народный бытъ опредѣляется у Кулжинскаго, какъ эпиграфомъ къ „М. д.“, взятымъ изъ Горація (Sat. II, VI, v. 1—3):

„Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi et tecto vicinus jugis aquae fons
Et paulum silvae super his foret..... “[59]),

такъ и такого рода мыслями: „Подъ кроткимъ небомъ Малороссіи всякая деревня есть сокращенный *эдемъ*,—заявляетъ намъ авторъ—гдѣ иногда не достаетъ только добродѣтели и чувствительности сердца, чтобы людямъ быть совершенно блаженными“... Старина автору рисуется идеально-идиллической: „Почему я живу не въ то благословенное время, когда еще въ Малороссіи зло и пороки были извѣстны только по отдаленному слуху—и прекрасныя дѣвушки Малороссійскія не боялись въ жаркое время выходить на улицу въ однѣхъ чистыхъ рубашкахъ, подпоясавшись красною лентою?.... Тогда и сосѣди не знали еще пагубнаго искусства враждовать между собою; а ежели случалось одному обижать другаго, то или сейчасъ же забывали обиды, или, впрягши своихъ воловъ въ одну телѣгу, вмѣстѣ—какъ добрые братья—отправлялись къ святилищамъ правосудія искать примиренія.... “ (VI—VII).

И вотъ, „хотя и Малороссіяне по общему закону измѣняемости много удалились отъ характера своихъ предковъ, но и теперь еще въ

нравственной физіономіи ихъ можно прочитать ту древнюю истину, что народный характеръ есть *нѣчто* неизмѣнное". (VIII—IX).

Ясно, что настроенный на идиллическій ладъ, любовно относящійся къ своей мѣстной народности, Кулжинскій изъ современнаго быта будетъ выбирать тѣ черты, которыя допускаютъ подобную идеализацію, даютъ удовлетвореніе его мѣстно-патріотическому, восторженному чувству. Стало быть, односторонность будетъ въ подборѣ фактовъ, въ ихъ освѣщеніи, но не въ самыхъ фактахъ: въ нихъ можетъ и не быть искаженія. И дѣйствительно, и самъ Кулжинскій сознавая характеръ своей работы—этнографическій,—понимаетъ необходимость сообщать факты, не искажая ихъ умышленно, а лишь излагая такъ, какъ онъ ихъ понялъ. Поэтому онъ и кончаетъ свое предисловіе словами: „Не обѣщая моимъ читателямъ глубокихъ и тонкихъ замѣчаній о народномъ характерѣ Малороссіянъ, я нужнымъ почитаю признаться, что собирать разбросанныя *черты національности,* и изъ многихъ отдѣльныхъ частей составить одно цѣлое, полную картину нравовъ—трудное, очень трудное дѣло! Я не смѣлъ восходить къ философическимъ *началамъ* нравственныхъ дѣйствій, а писалъ просто —какъ встрѣчалось моему взору. . . ." (IX).

Эта восторженность, склонность къ идеализаціи, культъ чувства, направленнаго на мѣстную народность, именно малорусскую—все это вполнѣ объясняется у Кулжинскаго тѣми вѣяніями литературными, которыя мы отмѣтили у Склабовскаго, которыя, какъ разъ по отношенію къ Малороссіи, были не только въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ не чужды и обще-русской литературѣ, но и ранѣе. Идиллическое отношеніе къ быту—также черта, характерная для литературы этого времени, постепенно и лишь не давно ставшей обращаться къ окружающей дѣйствительности, къ народности[60]). Но несомнѣнно, что Кулжинскій, не смотря на восторженность, на ту литературную моду, которая придала тотъ риторически-лирическій тонъ его „М. д.", за который, повидимому, Гоголь и обозвалъ ее „литературнымъ уродомъ"[61]), не смотря на это, Кулжинскій обладалъ и наблюдательностью и сознавалъ цѣнность данныхъ народнаго быта малороссовъ, мало въ его время извѣстнаго въ русской литературѣ. Отсюда у него постоянное вниманіе къ мелочамъ быта, обычая, къ мѣстному языку, стремленіе не только прельстить читателя „сокращеннымъ эдемомъ", но и сообщить свѣдѣнія, дать понятіе объ этомъ „эдемѣ", каковъ онъ есть въ его время.

Это придаетъ извѣстную цѣнность въ глазахъ историка народности труду Кулжинскаго; несомнѣнно, цѣнилось это и современниками[62]); несомнѣнно, и суровый отзывъ Гоголя выражалъ его мнѣніе

лишь объ одной отрицательной сторонѣ работы Кулжинскаго: это видно будетъ ниже изъ сопоставленія взглядовъ Гоголя и Кулжинскаго по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ этнографическихъ представленій.

„Малороссійская деревня“ содержитъ пять статей: „Весна въ Малороссіи“, „Обжинки“ („праздникъ жатвы“) (41), „Вечерницы“ („гулянье по вечерамъ“) (53), „Малороссійская свадьба“ (61) „О Малороссійской поэзіи“ (72; сюда же относится послѣдняя статья—„Малороссійскія пѣсни“, 118—136). Въ концѣ книжки—„Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ“—словарчикъ. Начиная съ первой статьи, очень бѣдной этнографическими данными, но богатой лирическими изліяніями и авторскими „медитаціями“ общаго характера („по поводу“), каждая слѣдующая—все богаче и богаче этнографическимъ элементомъ—будто авторъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ своимъ матеріаломъ.

Но и въ первой уже статьѣ у К-аго есть желаніе сообщить не только свои чувства по поводу „весны вообще“, добродѣтели и т. п.: онъ пробуетъ указать основную черту малорусскаго типа, охарактеризовать его не только своими разсужденіями, но и картинками изъ быта, дѣлая это, впрочемъ, очень идиллично, уснащая сладковатой манерой изложенія[63]). Главной основной чертой малоросса К-ій счелъ особенную лѣнь, стремленіе къ спокойствію: „Безпечный любитель сладостной нѣги—Малороссіянинъ черезъ цѣлую зиму заключалъ себя въ объятіяхъ теплой печи, и никакія явленія природы его не возмущали. . . .“(12) Зимой его изъ хаты можетъ выманить или нужда, „или —вѣроятнѣе—собственная охота проходиться въ ближайшую винокурню“ (ibid.). Съ наступленіемъ весны, „не имѣя силъ противиться пробужденіямъ времени, рѣшается онъ наконецъ выѣхать на лугъ за лозою! Сколько подвига для доброй, спокойной души, привыкшей дремать въ беззаботной лѣни. . . . прошло то драгоцѣнное время, въ которое всѣ его труды ограничивались походкою на винокурню. . . . .“ (14—15)[64]) и т. д. Всѣ эти характеристики К-ій пробуетъ приправить легкимъ юморомъ, что ему также не особенно удается. Но уже въ этой статьѣ, не смотря на всю ея изысканность и фальшь, находимъ пару веснянокъ (правда въ литературномъ, довольно напыщенномъ переводѣ) съ поясненіями, не лишенными правдивости, значенія барвенка и руты, играющихъ видную роль въ пѣсняхъ и обрядахъ (25—26); тутъ же нѣсколько замѣчаній о „громадѣ“ и выборѣ ею общественнаго пастуха (31—32), о „коворотѣ“ и „коворотномъ“ (36—37). —Въ „Обжинкахъ“, дающихъ автору поводъ пройтись главн. обр. на счетъ преимущества сельской жизни передъ культурно-барской, все-

таки находимъ указаніе на пѣсню: „Ой паноньку нашъ! обжипочекъ часъ“, справку о знаменитой и у Гоголя „варенухѣ“[65]). Въ „Вечерницахъ“ (53—60), не смотря на попытку объяснить смыслъ этого „сельскаго малороссійскаго клуба“—греческимъ: ἀπὸ τοῦ ὁρᾶν γίγνεται τὸ ἐρᾶν, авторъ даетъ правдивое описаніе этихъ вечерницъ, повторяетъ ходячее воззрѣніе о правственномъ отношеніи между полами, хотя тутъ же долженъ сознаться, что эти вечерницы иногда имѣютъ слѣдствіемъ и обманъ дѣвушки парубкомъ; по этому поводу сообщается о томъ участіи, какое принимаетъ сельская „громада“ въ этихъ случаяхъ, или заставляя провинившагося жениться, или же, за его отсутствіемъ, наряжая виновную въ женскій уборъ и зачисляя ее т. о. въ „молодицы“. Слѣдующая статья—„Малороссійская свадьба“ (61—71) —даетъ краткое описаніе свадьбы, разбавленное риторикой автора, въ общемъ, всетаки, показывающее наблюдательность его[66]). Наибольшій интересъ представляетъ конецъ книжки—„О малороссійской поэзіи“ и „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ (72—136), не только потому, что здѣсь издано нѣсколько пѣсенъ въ подлинникѣ, но и по взглядамъ автора на малороссійскую народную поэзію, особенно если мы взгляды эти сопоставимъ съ тѣмъ, что высказывалось по этому поводу въ тогдашней ранней и поздней литературѣ.

Если признать, что „Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ“ въ 1827 г. начали собою новую, вторую, ступень въ малорусской этнографіи[67]), то за книжкой К-аго, въ частности за упомянутыми статьями, слѣдуетъ признать значеніе одной изъ подготовительныхъ работъ въ этомъ развитіи малорусской этнографіи вмѣстѣ съ печатными трудами перваго малорусскаго этнографа кн. Н. А. Церпилева[68]). Поэтому сопоставленіе взглядовъ К-аго (разумѣется, очищенныхъ отъ риторическаго балласта) со взглядами на тотъ же предметъ его предшественника, Цертелева, и современниковъ, Максимовича и Гоголя (его „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ V, 287 и сл.), представитъ извѣстный интересъ и для уясненія роли К-аго, какъ этнографа.

Наибольшій интересъ въ числѣ предшественниковъ И. Г. К-аго представляетъ, разумѣется, первый изъ малорусскихъ этнографовъ—*кн. Н. А. Цертелевъ*[69]). Онъ открываетъ собою рядъ малорусскихъ этнографовъ, проникнутыхъ уже отзвуками романтическаго движенія и примкнувшихъ уже къ сознательно вырабатывавшейся программѣ народности; онъ уже руководится мѣстнымъ патріотизмомъ и м. б. не совсѣмъ яснымъ сознаніемъ о научной важности изученія народности, поэтическихъ памятниковъ слова для уразумѣнія народности, для развитія русской литературы въ народномъ самостоятельномъ

направленіи. Несомнѣнно, Цертелевъ въ своемъ романтическомъ увлеченіи народностью, своимъ призывомъ писателямъ и дѣятелямъ къ изученію ея, является однимъ изъ видныхъ создателей того этнографическаго направленія въ научной и художественной литературѣ, которое съ опредѣленностью начинаетъ заявлять о себѣ въ концѣ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ средѣ писателей, главнымъ образомъ уроженцевъ русскаго юга[70]). Это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе прежде всего въ особенностяхъ склада жизни нашего юга сравнительно съ сѣверомъ, а также въ томъ, что начавшееся въ сосѣдней польской народности національное возрожденіе, проникавшееся все болѣе и болѣе отзвуками славянскаго возрожденія, находило отзвуки и у насъ, способствуя тѣмъ на югѣ болѣе быстрому развитію интереса къ народности и у себя. Цертелевъ былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этнографическаго мѣстнаго увлеченія и, какъ южанинъ, однимъ изъ первыхъ возвысившихъ свой голосъ въ пользу изученія южно-русской народно-поэтической старины въ общерусской тогдашней литературѣ[71]). Еще въ 1814 г. кн. Цертелевъ заинтересовался народной поэзіей, услыхавши двухъ слѣпыхъ бандуристовъ, пѣвшихъ думы; думы эти, счетомъ шесть, онъ тогда же записалъ; за тѣмъ продолжалъ собираніе и старался дать себѣ посильный отчетъ въ народной поэзіи, съ которой только что началъ знакомство[72]). Результатомъ этого труда и былъ рядъ небольшихъ замѣтокъ по народной словесности, помѣщенныхъ въ тогдашнихъ журналахъ[73]) и „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“ (Спб. 1819), съ „Разсужденіемъ о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ вмѣсто предисловія, небольшой грамматикой малороссійской рѣчи и малорусско-русскимъ словаремъ къ пѣснямъ[74]). Въ этомъ „Разсужденіи“ ясно сказались симпатіи къ мѣстной устной поэзіи, какъ къ народной и старинной,—взглядъ, остававшійся господствующимъ въ послѣдующее время у Цертелева и другихъ этнографовъ и у писателей-художниковъ. Онъ держится его твердо, не смотря на недоумѣніе, какъ примирить то, что заставляло его видѣть въ пѣснѣ чувство привязанности къ своей малорусской народности, съ тѣмъ, что онъ впиталъ въ себя изъ тогдашней и болѣе ранней литературы, еще не оторвавшейся отъ псевдо-классическихъ теорій, привычныхъ правилъ. Непосредственное чувство вывело его въ концѣ концовъ на правильный путь[75]), и онъ, сгруппировавъ большую часть того, что высказывалось до него по отношенію къ народной словесности (см. пр. 71), изложилъ свои воззрѣнія, ставшія, какъ я сказалъ, до извѣстной степени исходнымъ пунктомъ для послѣдующихъ писателей, въ томъ числѣ и И. Г. Кулжинскаго, М. А. Максимовича, Н. В. Гоголя и др. Вотъ нѣсколько

такихъ его мыслей[76]): „Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ нашему любопытству касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсенъ; но естьли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ исторіи малороссійской, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ піитическій геній народа, духъ его, обычаи описываемаго времени и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіяне, и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ..... Намѣреніе мое—обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чувствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, наученныхъ природою.... (3). Справедливость требуетъ отмѣтить, что нарѣчіе малороссійское, бывшее нѣкогда, такъ сказать, языкомъ *отдѣльнымъ*, и непосредствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи.... (4). Сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены; впрочемъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ, убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженій и прелесть гармоніи. Это—безобразныя развалины свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія.... (5). Вообще въ пѣсняхъ малороссійскихъ все просто и благородно. Казакъ, разсказывая происшествіе или открывая чувства свои, не отыскивалъ сравненій и подобій въ мѣстахъ отдаленныхъ, но заимствовалъ оныя изъ предметовъ, его окружавшихъ... (6)[77]). Малороссійская поэзія чувствами исполнена. Вообще проглядываетъ въ оной тихое уныніе, повсюду сопутствующее поэту. Можетъ быть, причиною сему бѣдствія, безпрерывно болѣе трехъ вѣковъ отягчавшія Малороссію и бросившія, такъ сказать, на самый характеръ народа какую-то тонкую тѣнь печали. Обыкновенно изображается въ малороссійской пѣснѣ смерть какого нибудь казака, неожиданный походъ, набѣги Татаръ, несчастная любовь и тому подобное.... (12). Наконецъ, во многихъ пѣсняхъ малороссійскихъ, какъ я упомянулъ выше, изображены обычаи и характеръ народа...." (16).

Если, забѣжавши немного впередъ, мы ознакомимся съ нѣкоторыми мыслями кн. Цертелева въ его письмѣ „О народныхъ стихотвореніяхъ", 1827)[78]), то мы получимъ довольно полное представленіе о немъ, какъ этнографѣ. Заявивъ своему корреспонденту (М. А. Максимовичу), что, какъ любитель отечественной старины, часто и пріятно его занимающей, онъ желаетъ съ нимъ побесѣдовать о народныхъ русскихъ и малороссійскихъ стихотвореніяхъ, Цертелевъ пишетъ: „Кто хочетъ дать, если такъ можно выразиться, народный колоритъ

своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ, сколько возможно болѣе, ибо сіи бѣдные памятники нравовъ и обычаевъ, мыслей и чувствованій предковъ нашихъ, обезображенные временемъ, *но не искаженные подражаніемъ иноземцамъ,* сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другого.....(272). Кто изъ жившихъ въ Украинѣ не знаетъ ихъ (т. е. малоруссовъ) веснянокъ, щедровокъ, колядокъ и проч.? Кто не слыхалъ ихъ серенадъ, извѣстныхъ подъ названіемъ улицъ? Они имѣютъ даже своихъ рапсодовъ, большею частію, несчастныхъ лишенныхъ зрѣнія.....(275). Малороссійскія, равно и русскія народныя стихотворенія[79]) исполнены живыхъ, рѣзкихъ выраженій, не выисканныхъ подобій (ср. выше прим. 77) и сравненій, которыми весьма часто онѣ начинаются; тѣ и другія передаютъ духъ своей націи; но между ними, какъ мнѣ кажется, есть то различіе, что русскія исполнены болѣе смѣлыхъ картинъ, малороссійскія—чувствъ сильныхъ. Первыя часто отзываются грубостію и дикостію нравовъ; въ послѣднихъ всегда отражается желаніе славы, любви и свободы. Въ первыхъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя, въ послѣднихъ *часто* находимъ драматическое изложеніе предмета. По моему мнѣнію, поэзія описательная превосходнѣе въ пѣсняхъ русскихъ, лирическая въ пѣсняхъ малороссійскихъ..... "[80]) (276). Въ концѣ концовъ слѣдуетъ добавить, что, не смотря на мѣстный, малорусскій патріотизмъ, Цертелевъ чуждъ односторонности: любовь къ народности въ литературѣ стоитъ у него выше мѣстныхъ узкихъ интересовъ: несмотря на заявленіе (въ томъ же письмѣ), что „самая мѣстность, даже языкъ и особенности его сильно дѣйствуютъ на душу читателя", онъ заканчиваетъ свое письмо къ Максимовичу словами: „съ нетерпѣніемъ буду ждать появленія въ свѣтъ собираемыхъ вами малороссійскихъ стихотвореній, а самъ между тѣмъ обѣщаю издать составленное мною собраніе старинныхъ русскихъ, искренно сожалѣя, что никто изъ людей, болѣе свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ, не предупредилъ меня" (277).

Изъ изложеннаго о князѣ Цертелевѣ, кромѣ его личной характеристики, легко замѣтить, что въ его трудахъ даны уже цѣлая система и программа для уясненія отношенія писателя 20-хъ годовъ къ постепенно развивающейся идеѣ народности; ими опредѣлялось не только это отношеніе, но и подсказывались тѣ положенія, которыя должны были развиваться, расширяться путемъ новыхъ изысканій и собираній. При всей новизнѣ своей въ основѣ идеи эти однако, даже у самого Цертелева, не могли сразу порвать съ тѣмъ старымъ литературнымъ строемъ, который умирая все еще былъ и привычнымъ и готовой

формой выраженія. Отсюда попытки Цертелева опредѣлять новое по сравненію со старымъ (классическія теоріи, оссіановщина, интересъ къ формѣ—стиху—сравнительно съ современнымъ), нѣкоторая робость въ оцѣнкѣ новаго матеріала, желаніе какъ бы оправдать свой интересъ тѣмъ, что и въ новомъ народномъ матеріалѣ есть тѣ качества, которыя цѣнятся въ „принятой" литературѣ (напр., усиленное повтореніе указаній на чувство въ пѣснѣ, на ея простоту, естественность). Наконецъ, не надо забывать, что романтическое теченіе, окрашенное отзвуками славянскаго возрожденія, постепенно превращавшееся въ народное, еще слабо заявляло свои права во второмъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, по неволѣ должно было пользоваться и старой формой, влагая въ нее новое содержаніе. Но за этимъ теченіемъ, въ особенности на югѣ Россіи, было будущее. Это видно изъ того, что мы знаемъ о зарожденіи національной малорусской литературы, о созданіи духовнаго, умственнаго мѣстнаго центра въ Харьковѣ, о кружкѣ, группировавшемся около „кибенецкаго царька" Д. П. Трощинскаго, которому посвящаютъ не только Цертелевъ свой „Опытъ", а еще раньше Якубовичъ первое изданіе русскихъ былинъ и т. д.[81]).

Вращаясь въ такой атмосферѣ, и Кулжинскій не могъ, естественно, остаться въ сторонѣ: тѣ мысли, какія мы находимъ у Цертелева, становятся типичными частію и для Кулжинскаго (что, конечно, не исключаетъ оригинальныхъ воззрѣній). Часть ихъ приведена выше. Теперь приведемъ, зная уже воззрѣнія Цертелева, мысли К-аго о народной малорусской поэзіи и о вопросахъ, связанныхъ съ нею.

Подобно Цертелеву, и Кулжинскій считаетъ своимъ долгомъ, говоря о малороссійской поэзіи, коснуться и высказаться о самомъ малороссійскомъ языкѣ, бросивши взглядъ на его прошлое въ связи съ настоящимъ; но серьезное, болѣе или мѣнѣе научное, путается у Кулжинскаго-этнографа съ воззрѣніями Кулжинскаго-поэта; такъ: причисляя малороссіянъ къ славянамъ, самое имя послѣднихъ онъ, на подобіе давнишнихъ, еще XVII в., „медитацій", производитъ отъ „славы" и разсуждаетъ: „происхожденіе славянъ одному Богу извѣстно! Можетъ быть, съ нѣкоторыми лѣтописцами, они присутствовали еще при строеніи Вавилонской башни: это для насъ тайна. Но мы знаемъ, что въ самыя отдаленныя времена всѣ поколѣнія славянскаго племени почитали одно и тоже божество, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ[82]). Частныя имена Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, Радимичей и проч. произошли въ послѣдствіи времени отъ мѣстныхъ положеній и не дѣлали большой разности между славянами. Однакожъ съ различіемъ имени можно подозрѣвать небольшое различіе во нравахъ, а слѣдовательно—и въ языкѣ. Несторъ именно отличаетъ Полянъ по

ихъ добродушію и правотѣ отъ всѣхъ прочихъ поколѣній[83]). Что же мѣшаетъ намъ думать, что и самый языкъ славянскій, раздѣленный на многія поколѣнія, имѣлъ въ самомъ еще началѣ своемъ многія нарѣчія?.... Такимъ образомъ—хотя это будетъ не по исторически, но съ великою достовѣрностію можно заключить, что малороссійскій языкъ есть древне *особенное нарѣчіе языка славянскаго, принадлежавшее Полянамъ*, Сѣверянамъ и, можетъ быть, еще другимъ сосѣднимъ поколѣніямъ..."(72—74). Т. о. взглядъ К-аго представляетъ до извѣстной степени обоснованіе взгляда Цертелева на этотъ предметъ (ср. выше, стр. 18). Но К-ій идетъ и дальше: на основаніи этого генезиса малорусскаго нарѣчія, „малороссіяне смѣло могутъ называть пѣвца Игорева—своимъ стихотворцемъ.... *Вѣщіе* пѣвцы, коихъ струны, подобно грому, *рокотали* славу Владимі а[84]), конечно были Поляне или Сѣверяне—слѣдовательно, предки нашихъ малороссіянъ..... Кто знаетъ? Можетъ быть, самый *Баянъ* имѣетъ теперь своихъ потомковъ между нами—въ окрестностяхъ Кіева, Любеча или Чернигова"(75). Онъ склоненъ видѣть въ теперешнемъ бандуристѣ потомка того пѣвца, который, по былинамъ, съ „арфой" сидѣлъ за столомъ ласковаго князя Владимира; отсюда его глубокое уваженіе къ одному знакомому слѣпцу—бандуристу, портретъ коего онъ набрасываетъ и пѣніе котораго онъ описываетъ: „картина, которая для любителей всего *оссіановскаго* имѣетъ великія прелести. Не будетъ смѣяться надъ Бардами націи! продолжаетъ авторъ: представляя собою предметъ забавы и смѣха, они вмѣстѣ суть драгоцѣнный *памятникъ* малороссійскихъ пѣсенъ; и ежели гдѣ—то прежде всего у нихъ должно спрашивать о томъ, что составляетъ эстетическую прелесть *народнаго*"(76)[85]).

Подобно Цертелеву, полагавшему, что языкъ „малороссійскихъ пѣсенъ далеко отошелъ отъ языка народнаго и еще болѣе отъ языка россійскаго", и К-ій пробуетъ по своему объяснить отклоненія этого языка отъ древняго, полагая, что произошло огрубѣніе, искаженіе стараго языка подъ вліяніемъ татарщины и затѣмъ польщизны: „еще и до сего, памятнаго своими бѣдствіями времени (т. е. покоренія поляками юга Россіи) языкъ малороссійскій примѣтно началъ отдаляться отъ общаго смысла россійскаго. Монголы, какъ грозная туча, гонимая бурнымъ дыханіемъ вѣтра на жатву грѣшниковъ, устремились на Россію и, лишивъ ее спокойствія политическаго, положили на самомъ языкѣ ея тяжелую печать своего владычества"(78). Слѣды эти замѣтнѣе остались на югѣ, нежели на сѣверѣ: „можетъ быть, причина сего несчастія заключалась въ той мягкости характера и *добродушной лѣни*, которою всегда отличались предки нынѣшнихъ малороссіянъ"(79). „Какъ бы то ни было, но слѣды татарскаго владычества и теперь еще

примѣтны на языкѣ малороссійскомъ. Кромѣ довольнаго количества варварскихъ словъ, самый духъ языка отзывается какою-то грубостію и дикостію"(80)[86]. Вторымъ еще большимъ бѣдствіемъ для „генія языка" малорусскаго была „вѣроломная Литва", т. е. Польша, подъ вліяніемъ коей „языкъ малороссійскій почти непримѣтно терялъ природныя качества языка славянскаго и привыкалъ къ *лясцивнымъ* напѣвамъ Ляховъ"(92). Но это имѣло и свою хорошую сторону, какъ вліяніе болѣе культурнаго и развитого въ эстетическомъ направленіи народа: „ярмо сіе притерло нѣсколько его природную грубость... благодаря судьбѣ, малороссіяне умѣли перенять у поляковъ всѣ, въ то время возможныя прелести людкости и—не переняли ничего болѣе. Языкъ малороссійскій много обязанъ полякамъ за свою нѣжность и музыкальность, какъ равно и нравственный характеръ малороссіянъ не останется неблагодарнымъ передъ поляками за искусство наслаждаться и за какую-то плѣнительную, лукавую затѣйливость въ наслажденіи"(93—95). Такъ, увлекающійся К-ій мѣшаетъ вмѣстѣ противорѣчивые минутные свои взгляды съ нелишенными пытливости и тонкости наблюденіями. Эту эстетическую сторону малорусской поэзіи („нѣжность въ чувствахъ, а слѣдовательно и нѣжность въ выраженіи чувствъ", 97) пробуетъ К-ій охарактеризовать своими разсужденіями о прекрасномъ, примѣрами изъ пѣсенъ; но находитъ это труднымъ: „говоря о нѣжности малороссійскаго языка, надлежало бы, въ угодность строгимъ критикамъ, доказать, что сія нѣжность скрывается въ самыхъ первоначальныхъ *элементахъ* слова; но доказательства такого рода лучше можно чувствовать слухомъ и сердцемъ, нежели выводить изъ утонченныхъ теорій" (104). Продолжая развивать свой „историческій" взглядъ на малороссійскую поэзію, К-ій „золотымъ вѣкомъ малороссійскихъ пѣсенъ" считаетъ „то незабвенное въ лѣтописяхъ время, когда казаки, основавъ изъ себя народъ независимый и гордый, долго оставались предметомъ соблазна для честолюбія и спокойствія своихъ сосѣдей" (105). Поэтому пробуетъ авторъ въ общихъ чертахъ характеризовать козачество, обрисовать типъ козака запорожца; у него казачество характеризуется такъ: „Шайка молодыхъ людей, недовольныхъ собою и, можетъ быть, собственнымъ сердцемъ, удалилась отъ взоровъ людей въ обширныя степи, и основавши тамъ свое общество, страшными воинскими криками дала знать людямъ о своемъ существованіи" (105); далѣе:

Мини съ жинкой не возиться;
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорози знадобится....

„Казакъ забываетъ, что человѣчество не состоитъ изъ однихъ всадниковъ...“—вотъ „сокращеніе господствующаго чувствованія, которое управляетъ всѣми сердечными движеніями запорожца...“ (108). Затѣмъ наступаетъ смягченіе нравовъ: „Запорожцы стали заглядываться на украинскихъ дѣвушекъ—сердце ихъ мало по малу начало чувствовать цѣль своего бытія....“(113): казаки переходятъ къ мирной сельской жизни. Тутъ началась и поэзія: въ числѣ поэтовъ называетъ Кулжинскій Семена Климовскаго[87]), генія—Сковороду и автора „прекрасной пародіи“, которой суждено „дойти до позднѣйшаго потомства“, И. П. Котляревскаго (116).

Переходя непосредственно къ пѣснямъ, Кулжинскій характеризуетъ ихъ подобно Цертелеву: „Имѣйте охоту прислушаться къ малороссійскимъ пѣснямъ: какая величественная простота въ выраженіи и въ самыхъ чувствахъ! Какое близкое и живое изображеніе природы! Кажется, сочинители сихъ пѣсенъ пѣли оныя не устами, а сердцемъ. Всѣ препоны, каковыми иногда упрямый языкъ искушаетъ вдохновеннаго страстью поэта, побѣждены непримѣтно, и всѣ важнѣйшія черты глубокаго чувства блестятъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ живѣйшими красками!“ (77). Обозрѣвая содержаніе пѣсенъ, какъ историческаго источника, К-ій сожалѣетъ, что „время и память человѣческая не оставили намъ пѣсней, близкихъ къ тому несчастному времени, когда Россія страдала подъ игомъ татарскимъ. Всѣ необычайныя происшествія отечества обыкновенно сохраняются въ народныхъ пѣсняхъ, но имена Батыя, Тамерлана и другихъ варваровъ по сію пору не слышны ни въ одной“, хотя „вся нынѣшняя Малороссія есть не что иное, какъ обширное кладбище, сохраняющее въ себѣ остатки древнихъ сыновъ брани, положившихъ свой животъ за отечество“ (81—82)[88]). Не надѣясь найти историческихъ отзвуковъ въ пѣсняхъ, К-ій, заявивъ, что „одно все допускающее *можетъ быть* остается удѣломъ изыскивающаго историка“, обращаетъ главное вниманіе свое на чувство, разлитое въ пѣсняхъ, главн. обр. на любовь, и развиваетъ свое общее представленіе о пѣснѣ въ этомъ направленіи: „Судя по различнымъ страстямъ и чувствованіямъ человѣческаго сердца, и раздѣленіе пѣсенъ должно быть многоразлично. Но у насъ вообще привыкли раздѣлять оныя на *военныя, любовныя* и *пастушескія*. Оставляя другому заняться симъ пріятнымъ предметомъ, я обращаюсь къ пѣснямъ малороссійскимъ“ (119). И К-ій сообщаетъ нѣсколько пѣсенъ, анализируя ихъ гл. обр. со стороны настроенія, но роняя также и замѣтки, показывающія его непосредственное знакомство съ народной пѣсней и наблюдательность; такъ, наткнувшись на отказъ дѣвушекъ пропѣть пѣсню о Сагайдачномъ, авторъ узнаетъ, что „див-

чатамъ не пристало спивати ни казацкихъ ни паробыцкихъ“ пѣсенъ, а продолжая свои наблюденія, онъ убѣждается въ существованіи дѣленія пѣсенъ у народа *„по пóламъ“* (120). Отсюда онъ переходитъ къ уясненію народнаго взгляда на пѣсню, какъ на средство удовлетворенія духовной серіозной потребности, а не для забавы, щегольства и т. д. По поводу пѣсни „Ой по горамъ по долинамъ“ находимъ нѣсколько замѣчаній о роли сизаго голубя, какъ символа любви. Сюда же относится не лишенная значенія догадка о польскомъ происхожденіи бандуры (93). Въ концѣ—девять пѣсенъ, „которыя ближе къ моей памяти и сердцу“, записанныя по памяти, вѣроятно, самимъ авторомъ[89]).

Сводя вмѣстѣ все извлеченное нами изъ „Малороссійской деревни“, какъ труда этнографическаго, мы, ясно, должны представить себѣ эту сторону дѣятельности И. Г. Кулжинскаго, какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи, которая соединяетъ кн. Цертелева и его современниковъ съ послѣдующей эпохой этнографіи—Максимовича, Гоголя и др.: если мы не имѣемъ фактическихъ указаній на непосредственное вліяніе Цертелева и его мыслей на К-аго (хотя нѣтъ данныхъ и отрицать его), мы видимъ, что К-ій, своеобразно (а почему почему это вышло, постараюсь разъяснить ниже), все же повторялъ и развивалъ по своему тѣ общіе взгляды, какіе были въ литературѣ относительно народной поэзіи, крупнымъ выразителемъ коихъ и былъ кн. Цертелевъ: то же любовное отношеніе къ своей мѣстной поэзіи и народности (этого слова не сказалъ Цертелевъ, его сказалъ уже Кулжинскій), тотъ же взглядъ на народную поэзію, какъ на памятникъ временъ прошедшихъ, тоже вниманіе къ лиризму малорусской пѣсни, тѣ же попытки представленія о малорусскомъ языкѣ, какъ языкѣ отдѣльномъ, но тоже отсутствіе противуположенія, яснаго отграниченія его отъ „россійскаго“, „русскаго“; наконецъ тѣже традиціонные пріемы „оссіановщины“ и увлеченія „Словомъ о полку Игоревѣ“ и т. д. Порой мысли К-аго кажутся прямо развитіемъ, конечно, своеобразнымъ, мысли, намека, брошенныхъ Цертелевымъ. Во всякомъ случаѣ, тѣсная даже мѣстная связь Цертелева и К-аго съ южнымъ Харьковско-кіевецкимъ кружкомъ этнографовъ не подлежитъ сомнѣнію. Не даромъ книжка К-аго, вмѣстѣ съ „Бурсакомъ“ Нарѣжнаго и „Монастыркой“ Погорѣльскаго, оказалась любимымъ чтеніемъ неприхотливой въ художественномъ отношеніи провинціальной тогдашней малорусской публики[90]).

Такой взглядъ на Кулжинскаго находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ его произведеніяхъ этого періода: любовь къ мѣстной жизни, мѣстной старинѣ, стремленіе идеализировать ее рядомъ съ

этнографическими интересами сквозятъ въ его „Терешкѣ“, „Казацкихъ шапкахъ“, „Казацкой пѣснѣ“—произведеніяхъ того же нѣжинскаго періода дѣятельности К-аго[91]). „Казацкая пѣсня“, написанная въ тогдашнемъ складѣ т. н. народныхъ пѣсенъ (съ рифмой), не смотря на явное подражаніе великорусскимъ народнымъ пѣснямъ, несетъ на себѣ черты южнорусскаго фольклора (не отдѣляемаго, какъ мы видѣли, отъ великорусскаго въ сознаніи автора). Мѣстный колоритъ, интересъ къ нему, помимо выбора темы (запорожскій походъ), сквозитъ ясно въ изображеніи самаго типа казака, напоминающемъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ то, что авторъ далъ намъ въ „Мал. дер.“:

Атаманъ кошевой скакалъ
На ворономъ конѣ игривомъ;
И въ безпорядкѣ нерадивомъ
Тянулась вся ватага вслѣдъ:
Иной коня въ рукахъ ведетъ,
Другой, склонясь коню на гриву,
Тихонько ѣхалъ и дремалъ;
Иной стучалъ въ потьмахъ огнивомъ
И огнь на трубку высѣкалъ...

Немного выше:

Не страшны намъ ляхи, мы съ ними видались,
И часто поили ихъ краснымъ виномъ;
Мось-паны скорѣе всегда упивались
И падали съ сѣделъ на землю челомъ...
. . . .
. . . . Кто умретъ въ бою,
Мы выроемъ яму въ пустынѣ песчаной
И курганъ высокій насыплемъ тому!
И вранъ надъ могилой уныло закрячетъ:
То пѣснь гробовая! то смерти привѣтъ!
Пускай тогда матерь рыдаетъ и плачетъ,
Узнавши, что сына давно ея нѣтъ![92]).

Повѣсть „Казацкія шапки“ разсказываетъ мѣстное преданіе, какъ нѣжинскія казачки, не смотря на рѣшеніе „громады“, остались въ городѣ, на который двигались Шведы, надѣли казацкія шапки, стали на валахъ Нѣжина и кричали: „Самъ Петръ защищаетъ городъ!“. Шведы, смущенные многолюдствомъ казаковъ и крикомъ, отступили; за этотъ подвигъ Петръ I позволилъ казачкамъ нѣжинскимъ носить мужскія шапки: „и теперь даже, куда вы ни пойдете въ Нѣжинѣ, на каждой улицѣ можете повстрѣчаться съ казачкою, гордо выступающею въ своемъ амазонскомъ костюмѣ“.

Болѣе замѣтенъ этнографическій элементъ въ „Терешкѣ“: въ этой „чувствительной“ повѣсти мѣстомъ дѣйствія взята деревня съ головой („вѣчный ему покой“, вспоминаетъ авторъ), громадой, съ деревенскими развлеченіями: вечерницами, „церковнымъ медомъ“[93]), катаньемъ яицъ на пасхѣ, играми-пѣснями: горлица, журавль, метелица[94]) и т. д. Благодаря этому, повѣсть, дѣйствительно, принимаетъ малороссійскій колоритъ[95]). Но Кулжинскій былъ не только и не столько этнографъ по направленію, сколько поэтъ, писатель, культивировавшій тогдашнюю художественную литературу: эта наклонность въ его глазахъ, пожалуй, играла даже болѣе видную роль; подобно ученикамъ своимъ Гоголю и Гребенкѣ, онъ глазами поэта смотрѣлъ на свой этнографическій запасъ, видя въ немъ прежде всего матеріалъ для своихъ поэтическихъ работъ. Оттого онъ такъ охотно дѣлаетъ постоянныя отступленія, разъ рѣчь заходитъ о „вкусѣ“, „любви“ и т. д., даже въ статьяхъ болѣе или менѣе этнографическаго характера. Несомнѣнно, это настроеніе и направленіе К-аго важно для надлежащей оцѣнки его, какъ этнографа: оно, несомнѣнно, понижаетъ его значеніе въ этомъ смыслѣ. Но нельзя упускать изъ вида, что, какъ писатель-художникъ и въ тоже время этнографъ отчасти, онъ долженъ быть цѣнимъ и какъ популяризаторъ этнографическихъ изученій.

Болѣе внимательное изученіе дѣятельности К-аго, какъ представителя современной ему художественной литературы, поможетъ выяснить его значеніе вообще и точнѣе опредѣлить роль его, какъ этнографа. Литературное направленіе К-аго въ значительной степени характеризуется тѣми двумя журналами, въ которыхъ онъ впервые выступилъ въ печати: какъ для этнографическихъ увлеченій К-аго характерно было (какъ это мы видѣли уже) участіе его въ „Украинскомъ Журналѣ“, такъ дѣятельность его въ „Дамскомъ Журналѣ“ кн. Шаликова, типичномъ органѣ выраждавшагося уже чувствительнаго направленія, заставляетъ насъ относить К-аго въ значительной степени къ этой школѣ[96]).

Усердный латинистъ, поклонникъ Горація, увлеченный мѣстный патріотъ, Кулжинскій прежде всего является поклонникомъ чувства, чувствительности, сердечнаго; въ тоже время приходится ему выступить въ литературѣ, какъ разъ въ то время, когда у насъ начинаетъ яснѣе обозначаться т. н. романтическое направленіе съ его результатами для народности въ литературѣ; въ это же время старый псевдоклассицизмъ все еще заявляетъ о своемъ бывшемъ когда-то существованіи въ видѣ привычной, восходящей къ XVIII в., стилистики въ области литературной формы, живъ еще т. н. классицизмъ во вкусѣ Мерзлякова, а рядомъ начинается эпоха дѣятельности Пушкина...

Конечно, въ такую переходную эпоху и болѣе сильные и широкіе по взглядамъ люди, нежели К-ій, чувствовали себя на распутьи; Кулжинскій же, міросозерцаніе котораго слагалось не только раньше, нежели эта смѣна направленій стала проясняться, но и въ провинціи, довольно отдаленной отъ умственныхъ центровъ, онъ естественно сразу стать передовымъ дѣятелемъ не могъ, не смотря на то, что его умъ, подвижной, живой не могъ оставаться въ покоѣ по отношенію къ тому, что совершалось кругомъ: и онъ, усвоивъ себѣ болѣе доступное и еще не износившееся для провинціи направленіе[97]), пробуетъ однако вложить въ него содержаніе, почерпнутое изъ мѣстнаго передового теченія, изъ борющагося за преобладаніе „классицизма“, не можетъ удержаться отъ счетовъ и съ нарождающимся „романтизмомъ“ и идеей народности. Отраженіе всѣхъ этихъ впечатлѣній и найдемъ въ произведеніяхъ перваго періода дѣятельности К-аго.

Какъ „чувствительника“ по преимуществу поняли Кулжинскаго современники, хотя м. б. и слишкомъ отодвинули назадъ его по степени выраженія этого направленія: рецензентъ „Малороссійской деревни“, человѣкъ, охваченный уже новымъ этнографическимъ теченіемъ, повидимому, и самъ малороссъ, Н. Пецъ-Галуховскій, относитъ книгу къ одному изъ видовъ сентиментальныхъ путешествій „ибо автору потребна *чувствительность* и читатели, которые въ состояніи бъ были ему *сочувствовать;* сего рода сочиненія намъ тогда нравится, *когда благородное и доброе чувство усилено быстрымъ умомъ*“. Съ этой точки зрѣнія онъ и желаетъ посмотрѣть на книгу Кулжинскаго: „что въ ней есть сердечнаго, и что можно извлечь изъ нея для свѣдѣній“? Въ послѣднемъ отношеніи рецензентъ книги находитъ, что въ ней, „хотя нѣтъ глубокихъ изысканій, но есть хорошія догадки и мысли“, жалѣетъ, что описанія образа жизни, повѣрій, хотя и любопытны, но черезъ чуръ кратки и поверхностны. Въ отношеніи же „сердечнаго“, книжка удовлетворила рецензента менѣе: „вообще кажется, что авторъ не столько хочетъ сообщать свѣдѣнія о своемъ предметѣ, сколько *показать свои* при семъ случаѣ *чувствованія;* или онъ и желалъ, можетъ быть исполнить первое, но безпрерывно увлекался сильною любовію къ своей родинѣ и весь предавался мечтанію...“[98]). Отзывъ въ значительной степени справедливый, но только въ значительной степени: если склонность къ чувствительности, „показать свои чувствованія“, и роднитъ К-аго съ Шаликовымъ, авторомъ двухъ путешествій въ Малороссію“ (1803—1804) или съ В. Измайловымъ, оставившимъ „Путешествіе въ полуденную Россію“ (М. 1800)[99]), то К-ій даетъ и кое-что еще, м. б., въ силу своего темперамента и нѣсколько уже иного рода впечатлѣній окружающаго: онъ шире своихъ предшествен-

никовъ, не такъ узко эгоистиченъ и себялюбивъ, какъ эти утрирующіе до нельзя „чувствительники“; у него есть уже и настоящее, искреннее увлеченіе, теплое чувство къ описываемому, какъ къ родному, есть чувство реализма, желаніе не только познакомить съ чувствомъ, но и дать свѣдѣнія, какъ это мы видѣли уже. Но въ общемъ резензентъ былъ правъ: Кулжинскій самъ опредѣляетъ свои наклонности и интересы. Вотъ выписка изъ „Обжинокъ“: „Въ моемъ кабинетѣ нѣтъ васъ, мнимые наставники человѣческаго рода,—вы, которые, забывши о человѣческомъ сердцѣ, разбираете по частямъ небеса, измѣряете вѣчность, и по своему толкуете совѣты Предвѣчнаго! Нѣтъ и васъ у меня, издатели *эфемерныхъ* произведеній, которыхъ все достоинство состоитъ въ цвѣтной обложкѣ! Я давно уже пересталъ любопытствовать, что происходитъ *новаго* въ надменномъ умѣ и холодномъ сердцѣ. —Изъ древнихъ Виргилій, Горацій, изъ новыхъ Геснеръ и Карамзинъ и творенія нашихъ лучшихъ поэтовъ (какихъ, къ сожалѣнію не указано): вотъ все украшеніе моего сельскаго кабинета![100]) Иногда увлеченный порывомъ свѣтлыхъ думъ, я и самъ пишу, что диктуетъ мнѣ мое сердце; но это бываетъ рѣдко; я твердо помню прекрасные стихи Пушкина и не ищу авторской славы!

Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца!
Намъ нужно злата, злата, злата!...
Копите злато безъ конца!—

Какое жь лучшее и благороднѣйшее средство составить себѣ пропитаніе, какъ не плоды, лѣсовъ и огородовъ? Прихоти большого свѣта породили много нуждъ и, слѣдовательно, много бѣдности; но удалясь подъ мирныя сѣни деревни, человѣкъ всегда можетъ быть богатымъ. Нѣсколько десятинъ поля, сѣнокосъ и нѣсколько ульевъ пчелъ: болѣе, кажется, ничего не нужно къ довольной и счастливой жизни!“(45—47).

Описавъ идиллически „обжинки“, авторъ заканчиваетъ: „такъ бы я жилъ въ моей тихой деревнѣ, и такіе бы я праздники давалъ моимъ друзьямъ поселянамъ!... Но мечта и будетъ мечтою, а весь наличный капиталъ мой—въ надеждѣ!“(52).

Нѣсколько выписокъ изъ стихотвореній К-аго дорисуютъ его господствующее настроеніе:

„Прости и садъ, и ручеёкъ!
Простите рѣзвыя забавы,
И въ кубкахъ бьющій алый сокъ;
И вы простите, о дубравы,

Гдѣ мы зефира подъ шумокъ,
Лѣниво лежа, засыпали".
(Е. И. Бажанову, 1825).
И не просилъ себѣ у Неба
Ни злата, ни честей!...
Кусокъ трудомъ добытый хлѣба,
Смиренный кровъ, при ономъ садъ,
И лугъ съ блеяньемъ пестрыхъ стадъ
Казались мнѣ всего дороже...
. . . .
Мой мирный садъ, мой тихій лугъ,
Смиренна лира, вѣрный другъ:
Вотъ все, чего поэтъ желаетъ.
(Безсонница, 1829)[101]).

Это идиллическое тяготѣніе къ деревнѣ, этому „сокращенному эдему", по выраженію автора („Мал. дер.", V), составляетъ исходную точку идеализаціи и быта, наблюдаемаго авторомъ; это даетъ ему и вдохновеніе и поводъ высказать свои чувства—восторгъ передъ простотой, непосредственностью и высотой чувства, сохраняемаго народомъ, этимъ „одушевленнымъ изящнымъ". Въ числѣ тѣхъ чувствъ, которыя съ такой нѣжностью, чистотой наблюдаются въ деревнѣ, находится, конечно, и любовь, но для Кулжинскаго, любовь эта не есть что либо отвлеченное, а любовь реальная, и даже, довольно ясно, чувственная: здоровое чувство, непосредственное не позволило К-ому устоять на томъ отвлеченно безформенномъ фальшивомъ представленіи, которое заставляло лить слезы „чувствительника" старшаго поколѣнія; это видно, напр., изъ разсужденія его о вечерницахъ (54, 57), мѣста въ „Обжинкахъ" о новобрачныхъ (51) и т. д. Отсюда у К-аго тѣ двусмысленныя мѣста, на которыя указывалъ, какъ на несоблюденіе, невыдержанность тона, Пецъ-Галуховскій; приведу для образца: „Рожденіе молодыхъ животныхъ есть семейный праздникъ..... на сихъ праздникахъ сельскія дѣвушки учатся прелестному чувству любви...."(47); не безъ риска читаются и такія слова: „Satis pro nobis, о Муза! дай мнѣ свою руку, обнимемся съ тобою и ляжемъ въ постелю..."(20) и т. д.

Эта не чувствительная, а скорѣе чувственная нотка звучитъ и въ стихотвореніяхъ нашего автора (напр. въ „Безсонницѣ") и даже въ передѣлкѣ изъ Ливія (Рѣчь Ромула къ Сабинянкамъ). Но это не мѣшаетъ К-ому дать и другіе образчики типичнаго для сентиментальнаго мечтателя моднаго „унынія".

Если въ эпитафіи Г. П. Глбскму (Д. Ж. 1825, № 19) можно счесть общимъ ходячимъ мѣстомъ слова:

Родители! друзья! не плачьте обо мнѣ!
Теперь блаженствую я въ лучшей сторонѣ...,

то другія мѣста изъ стихотвореній прямо говорятъ о литературной манерѣ „унылаго сентименталиста“:

О сладкая пора тоскливыхъ размышленій!
Какъ мило все тогда! Какихъ сладчайшихъ грезъ
Исполнена душа, предавшаясь мечтанью!
Сижу задумчиво—смотрю на свѣтлый сводъ...
Все въ думахъ сумрачныхъ мечтателю мелкаетъ!
Созданья милыя! ахъ! сколько, сколько разъ
Любилъ и, горестный, разлюбливалъ я васъ...
Не вѣрь спокойствію! то тишина морская!
Наружность тихая, но зло лежитъ на днѣ... [102]).
(„Геній“ 1825).

Тебѣ ужъ не о чемъ вздохнуть
Въ семъ мірѣ горестномъ, уныломъ,
Гдѣ жизнь для насъ—мгновенный часъ.
. . . . .
Смерть—ужасъ юности живой,
А старику она отрада...
Почто горячими слезами,
На урну милую склонясь,
Тревожить будетъ прахъ священный,
Когда и разумъ просвѣщенный
И самъ Творецъ гласитъ съ небесъ,
Что мы въ юдоли бѣдъ и слезъ
Влачимся лишь для испытанья,
А тамъ—до общаго свиданья
Опять въ отечество небесъ
Направимъ нашъ полетъ орлиный.
(„Бажанову“).

Здѣсь уже сильно отзывается все типичной поэзіей Жуковскаго[103]).

Эта связь съ сентиментальной настроенностью, какъ идиллическаго, такъ и „романтическаго“ пошиба, какъ видимъ, ясна. Этому настроенію соотвѣтствуютъ и характерныя особенности стиля Кулжинскаго, и любимыя его темы: добродѣтель, природа, миръ душевный, покой; *свѣтлыя* рѣчки, мирныя наслажденія невиннаго сердца и т. д.

Какъ и у многихъ современниковъ, старое преданіе стиля XVIII—XIX в. оставило свой видный слѣдъ и у Кулжинскаго, что и напоминаетъ намъ тѣ сентиментальныя произведенія, которыя воспитали К-аго: и у него, какъ и Шаликова (напр. XXXV гл., 180 стр.)

деревенскія дѣвушки превращаются въ „прелестныхъ Нимфъ“ (23—28), вѣтерокъ—въ дыханіе Зефира, варенуха—въ напитокъ любви и т. д. Въ стихотвореніяхъ пестрятъ Лилеты въ вѣнкахъ изъ розъ и васильковъ и тубврозъ и т. п.

Такимъ образомъ Кулжинскому, при всѣхъ задаткахъ здороваго реализма, шедшаго по направленію къ народности, пришлось быть представителемъ отживающаго направленія[104]). Мѣстныя условія толкали его къ реальному изображенію окружающаго быта, реальной жизни, любовь къ своему племени подсказывала тоже; а онъ, воспитавшись на старыхъ теоріяхъ, стремился соединить традиціонное понятіе о литературѣ и „изящномъ“ съ тѣмъ, что вносило въ жизнь литературы новое вѣяніе: этой фальши не замѣчалъ ни самъ онъ, ни его рядовые читатели, современники; но хорошо и сразу её отмѣтило молодое поколѣніе, уже менѣе связанное съ прошлымъ и уже воспитывавшееся подъ вліяніемъ освобождавшагося отъ старыхъ путъ литературнаго теченія во главѣ съ Пушкинымъ. Въ этомъ поколѣніи мы видимъ и Гоголя, школьника старшаго класса нѣжинской гимназіи.

А Кулжинскій, не смотря на свою впечатлительность, отзывчивость и глубокій интересъ къ литературѣ, догнать молодое поколѣніе и молодую литературу уже не могъ, такъ и остался онъ литературнымъ старовѣромъ, хотя и пытался стать въ уровень съ новымъ движеніемъ. Симпатіи его къ Пушкину и его школѣ, признаніе заслугъ его ученика Гоголя не нуждаются въ доказательствѣ; но въ этомъ признаніи новой для него литературы не было зиждущаго начала: онъ въ своихъ привычныхъ взглядахъ всетаки остался позади, и то, что у него могло двинуться впередъ, исчерпывалось для него тѣми элементами, которые сами по себѣ прогрессивнаго начала не заключали: это религіозное настроеніе и патріотическое, отлившееся въ „оффиціальную народность“.

Такого рода складъ убѣжденій К-аго виденъ у него уже къ концу перваго періода его дѣятельности, именно въ его взглядѣ на на отношенія между т. н. называемымъ „классицизмомъ“ и т. н. „романтизмомъ“, по поводу которыхъ онъ, одновременно съ Надеждинымъ, рѣшилъ высказаться въ латинской рѣчи въ Харьковской гимназіи[105]). Ознакомленіемъ съ этимъ любопытнымъ трудомъ К-аго мы и закончимъ обзоръ его дѣятельности перваго періода.

Сложный вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ, какъ направленіяхъ литературы вообще и значеніи ихъ для современной, Кулжинскій значительно упрощаетъ, очевидно, стѣсненный объемомъ актовой рѣчи, ограничиваясь лишь немногими положеніями, излагаемыми почти вездѣ догматически. Вотъ содержаніе его небольшой рѣчи, изложенное преимущественно его же словами[106]).

Прежде, чѣмъ обратиться къ своей темѣ непосредственно, ораторъ предлагаетъ общепринятыя въ его время опредѣленія классической и романтической поэзіи: „Именемъ поэтовъ классическихъ обычно называются писатели древніе, именно греческіе и римскіе, творенія коихъ уже давно пріобрѣли права гражданства въ школѣ. Блестящій порядокъ (lucidus ordo), гармонія между идеей и формой и все прекрасное (omne Pulchrum), чѣмъ восторгается наша одухотворенная природа, суть преимущественныя черты, которыми эта поэзія древнихъ обычно отличается отъ романтизма. Романтическая же поэзія, пренебрегши прежними формами, всегда, какъ говорятъ, стремится къ какой-то высшей красотѣ (quoddam altius Pulchrum), соотвѣтствующаго которой ничего нельзя найти въ видимой природѣ, и по этой то причинѣ этой поэзіи всегда не достаетъ ясности и порядка. Такъ въ наше время о той и другой поэзіи разсуждаютъ нѣкоторые литераторы“(9). Для того чтобы поближе присмотрѣться къ различію того и другого рода поэзіи, авторъ желаетъ исходить изъ понятія о поэзіи вообще, и здѣсь желаетъ найти точку опоры, обративъ вниманіе на отношеніе поэзіи къ природѣ: онъ поправляетъ устарѣлое аристотелевское опредѣленіе, будто поэзія есть подражательница природы[107]): если такъ, то откуда эта разница между романтической и классической поэзіей: природа всегда одинакова. Онъ склоняется къ пониманію поэзіи у Цицерона, Горація, по которымъ „подражаніе природѣ есть только нѣкоторое предостереженіе, предшествующее работѣ поэта и сопровождающее ее, а вовсе не существенный и положительный законъ, которому обязанъ подчиняться въ своемъ творчествѣ поэтъ“(11). Поэтому К-ій даетъ такое опредѣленіе поэзіи: „поэзія есть искусство, которое, имѣя свои особенныя средства, обнаруживаетъ и какъ бы осуществляетъ идею прекраснаго“[108]). Это опредѣленіе позволяетъ оратору уже углубиться въ анализъ, исходя изъ пониманія идеи прекраснаго: идея прекраснаго, вмѣстѣ съ идеями добра и истинны сводится къ одной—идеѣ Бога; эти идеи прирождены человѣку, но онѣ затемняются недостатками нашей чувственной природы; отсюда разнообразное пониманіе высшаго блага, т. е. идеи Бога. Результатомъ такого потемнѣнія было самое представленіе о Божествѣ, исказившееся у древнихъ, дошедшее до того, что не знаешь, кто хуже: богъ или человѣкъ? Не исправили дѣла и философы, дошедшіе до представленія объ единомъ Богѣ, какъ духѣ и творцѣ вселенной: они не узнали истинныхъ отношеній человѣка къ Богу; идея безконечнаго Бытія (Entis) давила ихъ; древніе обращались всетаки къ чувственной природѣ, здѣсь искали и высшей красоты, вездѣ проявляя—матеріализмъ(14). Такого рода настроеніе и направленіе мыслей имѣло

послѣдствіемъ особенную заботу о соотвѣтствіи между идеей (взятой отъ матеріи) и формой (также матеріалистичной); отсюда та точность, тщательность въ порядкѣ, опредѣленность, правильность, которыя отличаютъ поэзію древнихъ (15). Все это смѣнилось съ появленіемъ христіанства: все, что прекрасно и благо, человѣкъ находитъ не въ этой видимой природѣ, но въ отечествѣ небесномъ, гдѣ вѣчный источникъ красоты. Красота и благо въ природѣ не могутъ насытить душу человѣка, а лишь возбуждаютъ къ исканію высшей красоты, высшаго блага. „Это-то стремленіе, или духовная наклонность къ чему то прекрасному, соотвѣтствія которому нельзя найти во всей природѣ, и есть общая характерная черта, которою, то болѣе—то менѣе, то прямо—то косвенно, отличаются всѣ романтическія произведенія" (16)[109]). Изъ такого не-матеріальнаго идеала выходитъ и несоотвѣтствіе въ содержаніи и формѣ: отсюда—отсутствіе порядка, точности, нѣкій священный мракъ и т. д., которыя часто считаются въ числѣ недостатковъ у романтиковъ. „Но мы надѣемся, заканчиваетъ эту часть рѣчи авторъ, что не всегда будетъ страдать этимъ недостаткомъ поэзія романтическая, ибо й формы человѣческой рѣчи впослѣдствіи станутъ совершеннѣе и тоньше и, если до сихъ поръ замѣчается разногласіе между формой и идеей, содержаніе, конечно, всегда важнѣе формы" (18).

Что касается исторіи романтической поэзіи, то ораторъ принужденъ сказать о ней лишь нѣсколько словъ, стѣсненный предѣлами рѣчи. При его пониманіи происхожденія романтики въ связи съ христіанствомъ, ясно, что поэзія эта одновременна съ обновленіемъ человѣчества новой вѣрой, хотя свое современное названіе получила она только позднѣе: зачатки этой поэзіи Вильменъ, знаменитый парижскій профессоръ (см. выше, пр. 106), находитъ уже у Григорія Назіанзена. Въ собственномъ же смыслѣ романтическая поэзія ведетъ свое начало отъ трубадуровъ, которые впервые стали писать свои произведенія на языкѣ *романскомъ* (romanica)[110]). Съ эпохой возрожденія, романтическая школа, особенно во Франціи, не могла выставить ни одного борца, который бы потягался съ неоклассическими. „Наконецъ, какъ звѣзды нѣкія въ литературномъ мірѣ, появляются въ наше время Гете, Шиллеръ, Байронъ, Мицкевичъ и мн. др.; и теперь дѣло идетъ уже о самомъ существованіи ново-классической поэзіи"(20).

„Въ отечествѣ нашемъ, заканчиваетъ свои разсужденія К-ій, первый провозвѣстилъ романтическую поэзію Жуковскій, а многочисленные его послѣдователи, какъ кажется, принесли болѣе ущерба, нежели пользы, этой поэзіи, такъ какъ они страдаютъ только отсутствіемъ порядка и ясности, а высшей изъ идей даже не коснулись, Послѣ знаменитѣйшаго Жуковскаго наибольшей похвалы на поприщѣ

романтической поэзіи заслуживаютъ Өедоръ Глинка и слѣпецъ Козловъ, первый превосходными переложеніями псалмовъ, второй своими стихотвореніями и лирическими отрывками. Оставляя всѣхъ ихъ за собою, теперь въ отечествѣ нашемъ жадно читается Пушкинъ младшій[111]), который однако только внѣшней стороной своихъ произведеній принадлежитъ къ романтической школѣ, въ душѣ же—горячій поклонникъ классицизма. Тяжело, но справедливость требуетъ сознаться, поэтъ этотъ обѣщалъ намъ больше и, къ сожалѣнію, ожиданій нашихъ не оправдалъ до сихъ поръ...."(21)[112]).

Рѣчь Кулжинскаго даетъ возможность, не смотря на весьма возможную его зависимость отъ Надеждина, видѣть въ немъ представителя еще той стадіи борьбы между классицизмомъ и романтизмомъ, когда считалось еще возможнымъ примиреніе этихъ двухъ теченій, при чемъ, ясно, онъ находилъ возможнымъ это примиреніе на почвѣ основной, христіанской, идеи романтизма и развитія нашей литературной рѣчи, которая современемъ добьется соотвѣтствія между формой и содержаніемъ, хотя бы и не столь полнаго, какъ это было въ классической поэзіи. Т. о. онъ по типу представляется въ этомъ отношеніи старше Надеждина, объективнѣе его[113]). Въ связи съ этимъ объясняется его отношеніе къ новой школѣ—пушкинской—отношеніе миролюбивое, но не вполнѣ ясное: Пушкинъ, Козловъ, Дельвигъ (см. прим. 97) стоятъ рядомъ не только съ Жуковскимъ, но и съ Өедоромъ Глинкой. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и той односторонности во взглядѣ на романтизмъ у К-аго, что онъ, самъ до извѣстной степени этнографъ и во всякомъ случаѣ почитатель народности, совершенно не счелъ нужнымъ связать вопросъ о новой поэзіи съ вопросомъ о народности, хотя бы отраженіи ея въ видѣ „отпечатка мѣстности", въ литературѣ, какъ это дѣлали наши теоретики романтизма того времени[114]). Причина такой „отсталости" скорѣе всего лежитъ въ общемъ литературномъ развитіи К-аго, сложившагося, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ старой поэзіи „чувствительности", въ свою очередь еще пропитанной отзвуками временъ XVIII вѣка; поэтому то, можно думать, современныя ему новыя теченія, хотя и обращали на себя вниманіе живого и чуткаго К-аго, все же не могли сломить давно уже сложившихся воззрѣній; т. е., мы видимъ то же и въ данномъ случаѣ, что видѣли по отношенію къ его этнографическимъ и народническимъ воззрѣніямъ[115]). И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было ему догонять жизнь, все болѣе и болѣе шедшую впередъ ускореннымъ темпомъ: Кулжинскій становится все болѣе и болѣе консерваторомъ въ литературѣ, какимъ его дѣлала и самая его жизнь.

III.

Закончивши очеркъ дѣятельности Кулжинскаго въ первый періодъ ея, мы подчеркнули въ ней его стремленія и взгляды, намѣтили въ общихъ чертахъ связь его съ современной и предшествующей литературой. Въ общемъ получился выводъ, что, какъ представитель этнографическо-народнаго теченія русскаго юга, какъ дѣятель въ глухой провинціи, въ частности въ Нѣжинѣ, былъ онъ лицомъ замѣтнымъ, даже популярнымъ. Естественно заключить очеркъ вопросомъ о роли К-аго, какъ представителя той среды, гдѣ воспитывался Гоголь, въ интересахъ котораго и предпринято было изученіе дѣятельности К-аго: съигралъ ли К-ій какую-либо роль въ развитіи и дѣятельности Н. В. Гоголя, и если—да, то какова эта роль была? Личныя отношенія К-аго къ Гоголю, на сколько намъ они извѣстны изъ воспоминаній перваго и писемъ второго, не представляли ничего иного, кромѣ отношеній усерднаго учителя къ ученику, не любившему латыни и лѣнтяю въ глазахъ учителя, т. е., были чисто оффиціальными, а потому и не обѣщающими ничего такого, о чемъ можно было говорить, какъ о вліяніи личности или взаимныхъ отношеніяхъ на этой почвѣ: самыя воспоминанія, хотя и позднѣйшія, ясно говорятъ, что К-ій былъ къ Гоголю совершенно равнодушенъ, его не замѣчалъ въ средѣ другихъ школьниковъ, съ которыми онъ изучалъ Кошанскаго, воевалъ за нехожденіе на уроки[116]).

Другое дѣло—Кулжинскій-писатель, лучшій періодъ дѣятельности котораго падаетъ, какъ мы выдѣли, какъ разъ на нѣжинскій періодъ Гоголя. Среди убогой, чуждой мѣстнымъ и „краевымъ“ интересамъ преподавательской коллегіи гимназіи Безбородка, И. Г. К-ій былъ, несомнѣнно, личностью замѣтной: онъ былъ не только представителемъ литературы, интересъ къ которой, какъ мы знаемъ изъ біографіи Гоголя, всегда былъ живымъ въ стѣнахъ, если не классовъ, то „музеевъ“ гимназіи Безбородка: онъ былъ писателемъ, стоявшимъ въ связи не только со столицей, гдѣ принималъ участіе въ журналахъ, состоялъ членомъ Общества любителей россійской словесности, печаталъ свои произведенія и отдѣльно (см. прим. 31), но также тѣсно связанъ былъ и съ Харьковскимъ кружкомъ этнографовъ-народниковъ. А это послѣднее теченіе, несомнѣнно, и тогда уже было далеко не чуждо Гоголю, находившемуся въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ центровъ этого кружка—Трощинскому, что видно также и наглядно изъ не разъ уже упомянутой его „Книги всякой всячины“ (1826 г.).

Все это говоритъ за то, что дѣятельность К-аго, какъ писателя, не могла ускользнуть отъ Гоголя: онъ за нею слѣдилъ. Это общее

положеніе, дѣйствительно, находитъ себѣ подтвержденіе и фактически: письмо Гоголя къ Г. И. Высоцкому (19 марта 1827 г.) ясно доказываетъ, какое впечатлѣніе и шумъ вызвало появленіе въ Нѣжинѣ только что вышедшей „Малороссійской деревни". Вотъ отрывокъ изъ этого письма сюда относящійся: „Теперь у насъ происходятъ забавныя исторіи и анекдоты съ *И. Г. Кулжинскимъ*", пишетъ Гоголь. „Онъ теперь напечаталъ свое сочиненіе подъ названіемъ *„Малороссійская деревня"*. Этотъ литературный *уродъ* причиною всѣхъ его бѣдствій: когда онъ только проходитъ черезъ классъ, тотчасъ ему читаютъ отрывки изъ „Малороссійской деревни", и почтенный князь бѣсится, сколько есть духу; когда онъ бываетъ въ театрѣ, то кто нибудь изъ нашихъ объявляетъ громогласно о представленіи новой пьесы; ея заглавіе: *„Малороссійская деревня или законъ дуракамъ не писанъ"*, комедія-водевиль. Нѣсколько разъ прибѣгая къ покровительству и защитѣ конференціи, наконецъ видя, что его жалобы худо чевствуютъ, рѣшился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить *стихотворное* его спокойствіе и не срамить печатный его бредъ, а особливо не запирать его въ канцеляріи съ майоромъ Шишкинымъ, какъ это до сего дѣлали"[117]).

Ясно, что Гоголь, какъ уже тогда намѣчавшійся писатель „натуральной школы", уже воспитывавшійся на новой литературѣ съ именами Пушкина, Марлинскаго, Языкова съ одной стороны, Цертелева, Котляревскаго—съ другой, не могъ высоко оцѣнить книжку писателя, пытавшагося соединить новыя этнографическія стремленія, народность и устарѣлую, отжившую чувствительность сентименталиста, что, какъ мы видѣли, отразилось не только на содержаніи, но и на самомъ стилѣ К-аго. Это-то несоотвѣтствіе, ясно чувствуемое Гоголемъ, все болѣе и болѣе отрѣшавшимся уже отъ реторики стиля и содержанія и шедшимъ на встрѣчу реальной художественности Пушкина, и повело къ тому, что онъ обозвалъ книжку „уродомъ" (употребивши такое рѣзкое выраженіе въ интимной товарищеской перепискѣ, конечно, утрированно передающее настоящую оцѣнку; а авторомъ книги былъ къ тому же не популярный „латынскій" учитель). Дѣйствительно, фальшъ, которая, какъ грѣхъ прародительскій, сквозитъ въ книжкѣ, К-аго отмѣтилъ какъ разъ въ стилѣ ея (въ широкомъ смыслѣ слова) и не одинъ Гоголь, а также и рецензентъ „Моск. Телеграфа"[118]).

Но изъ подобнаго отзыва о книгѣ К-аго нельзя не видѣть, что онъ могъ выражать оцѣнку лишь одной стороны ея: въ ней, какъ мы видѣли, была и другая сторона—любовь къ своей народности, наблюдательность этнографа, новый матеріалъ для ознакомленія съ бытомъ

Малороссіи, въ частности характеристика народной поэзіи, въ общемъ —отзвукъ тогдашняго передового теченія, которому, несомнѣнно, сочувствовалъ и Гоголь. Произнося сгоряча свой судъ не толь о надъ книгой, но и ея авторомъ, Гоголь не высказался объ этой сторонѣ ея, но не заинтересоваться ею не могъ, тѣмъ болѣе, что книжка Кулжинскаго очень скоро пріобрѣла популярность, какъ мы знаемъ, и заслужила серьозные и симпатичные отзывы (именно ея указанная сторона) вліятельнаго журнала и уважаемаго Гоголемъ и мѣстными этнографами Цертелева [119]).

Поэтому, не рѣшаясь утверждать о непосредственномъ вліяніи на Гоголя этнографическихъ воззрѣній Кулжинскаго и его матеріала, мы, однако, можемъ подмѣтить рядъ мыслей у Гоголя, которыя напомнятъ намъ мысли и Кулжинскаго. Эти точки соприкосновенія нуждаются въ освѣщеніи. Мы ихъ найдемъ въ черновыхъ матеріалахъ въ родѣ „Всякой всячины", въ письмахъ Гоголя, наконецъ въ статьяхъ: „О малороссійскихъ пѣсняхъ", „Взглядѣ на составленіе Малороссіи" [120]) Наибольшій интересъ представляетъ для насъ статья „О малороссійскихъ пѣсняхъ", какъ трактующая о томъ же, о чемъ 6—8 лѣтъ передъ тѣмъ говорилъ и К-ій. Трудность установить взаимоотношеніе между этими статьями Гоголя и Кулжинскаго заключается въ томъ, что между ними стоитъ изданіе „Малороссійскихъ пѣсенъ" М. А. Максимовича (1827 г.), несомнѣнно, извѣстное и высоко цѣнимое Гоголемъ, уже въ 1832 году близко сошедшимся съ самимъ „землякомъ"[121]). Съ другой стороны, на сборникѣ Максимовича, на предисловіи къ нему въ частности, вліянія книжки К-аго мы не замѣчаемъ, хотя Максимовичъ внимательно воспользовался всей небольшой тогда литературой о пѣсняхъ, въ особенности трудами кн. Цертелева[122]). Это даетъ возможность выдѣлить во взглядахъ Гоголя то, что создалось у него въ связи съ воззрѣніями Максимовича[123]) и его источниковъ. Допуская же, что, кромѣ Максимовича, Гоголь знакомъ былъ съ трудами Цертелева (см. выше, пр. 74) и др., можно попытаться сопоставить *оригинальныя* мысли Кулжинскаго съ Гоголевскими, и при аналогіи между ними можно предположить, что у Гоголя эти мысли, если не взяты, то навѣяны были чтеніемъ (м. б. много раньше) книжки К-аго.

Можетъ быть, гоголевская характеристика настроенія въ пѣсняхъ, ихъ колорита, нѣсколько отличная отъ приводимой Максимовичемъ и Цертелевымъ, сближаетъ нѣсколько Гоголя и К-аго: „Вездѣ *новыя краски* (вар „новыя черты, новыя краски"), вездѣ простота и не выразимая *нѣжность* чувства (V, 290—291, 603).... Его (Бога) изображеніе у нихъ (въ пѣсняхъ) становится *величественнымъ въ самой простотѣ*

своей (291).... Онѣ (пѣсни)—надгробный *памятникъ* былого..... Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія и отцовская могила. ..“ (287) [124])

Можетъ быть, также прочтенному когда то у Кулжинскаго и затѣмъ пришедшему на память слѣдуетъ приписать у Гоголя противуположеніе между деревенскимъ развлеченіемъ, народнымъ и развлеченіями болѣе культурной части нашего общества, при чемъ оба автора сопоставляютъ деревенское, простонародное препровожденіе времени съ нашими балами, оба не скрываютъ своихъ симпатій къ первому и своего нерасположенія ко вторымъ. Я имѣю въ виду извѣстное предисловіе (о вечерницахъ) къ „Вечерамъ на хуторѣ“ и предисловіе къ „Обжинкамъ“ у Кулжинскаго[125]):

У Кулжинскаго: „Что же это за праздникъ у сосѣда? Весь домъ его горитъ въ огняхъ,—у подъѣзда вся улица загромождена богатыми экипажами, и отъ гремящей музыки трясутся мои окна..... Ай, посмотрите, посмотрите! размалеванныя фигурки бѣгаютъ по залѣ туда и сюда: то кружатся какъ вихорь, то съ гордою важностью медленно выступаютъ одна противъ другой.. . Одна толпа бѣгаетъ и вертится безъ толку, а другая сидитъ зѣвая и дремлетъ.... Не такъ, совсѣмъ не такъ гуляютъ въ нашей деревнѣ!...“

У Гоголя: „Онѣ (вечерницы) похожи на ваши балы, только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для балу, съ веретеномъ, съ гребнями. И сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату парубки съ скрипачемъ—подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія шутки, что и разсказать нельзя....“[126])

Если припомнимъ, и у Гоголя и у К-аго одинаковый „поэтическій“ пріемъ для характеристики настроенія казацкихъ пѣсенъ—обрисовать типъ неукротимаго, буйнаго воина, пренебрегающаго до времени семейнымъ бытомъ, чувствомъ къ женщинѣ (ср. V, 288 у Гоголя и у насъ выше); самый типъ, его основная черта, одна и таже, что и понятно при общности источника—пѣсенъ.

Припомнимъ, наконецъ, ту классическую лѣнь и особенно нѣгу, о которыхъ распространяется Кулжинскій: эти черты, особенно вторую находимъ не только въ характеристикѣ Солопія, какъ черту общенародную (ср. выше, пр. 64), но и во „Взглядѣ не сост. Малороссіи“: (въ малороссѣ соединяются двѣ разнохарактерныя стихіи) „европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и *нѣга*.....“ (V, 206)[127]).

Общій взглядъ на малорусскую пѣсню у Гоголя и Кулжинскаго (я конечно не говорю о глубинѣ, степени трезвости этого взгляда) представляется въ *общемъ* довольно сходнымъ: какъ тотъ, такъ и другой смотрѣли на нее глазами поэта, видѣли въ ней прежде всего источникъ для поэтическаго творчества: одинъ—художника-реалиста и романтика, другой—художника-чувствительника; одного интересовало возсозданіе духа народа, быта его (V, 288), для другого—пѣсни составляютъ „эстетическую прелесть народнаго“(76). Какъ ни различны были фактическіе и литературные результаты этого интереса и любви къ быту и пѣснѣ народнымъ, мы не можемъ отрицать извѣстной связи между ними, хотя бы на общей почвѣ—начавшагося интереса къ народности.

Всѣ эти сопоставленія и соображенія, конечно, не могутъ служить доказательствомъ непосредственнаго вліянія Кулжинскаго-поэта на Гоголя, но, кажется, позволяютъ отвести мѣсто и Кулжинскому въ томъ теченіи литературномъ, начавшемся раньше Гоголя, къ которому примкнулъ Гоголь, и которое онъ геніально повелъ за собой. Если же и рискнуть говорить о болѣе непосредственной связи старшаго Кулжинскаго и младшаго Гоголя, то дѣло можно представить себѣ приблизительно такъ: Гоголь ознакомился съ „Малороссійской деревней“ и м. б. другими твореніями И. Г. Кулжинскаго, оцѣнилъ ихъ преимущественно отрицательно, еще отрицательнѣе отозвался о нихъ въ товарищескомъ письмѣ; но, не смотря на это, кое-что положительнаго, нѣсколько симпатичныхъ ему мыслей, образовъ остались у него въ памяти, и онъ, уже забывши про ихъ источникъ, безсознательно, на равнѣ со своими собственными, воспользовался ими позднѣе. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ въ первую эпоху своей литературной дѣятельности еще не отошелъ далеко отъ старой этнографическо-литературной школы съ ея нѣсколько приподнятымъ стилемъ; а кромѣ того онъ, какъ видно изъ его переписки, весь былъ погруженъ въ этнографическій матеріалъ возлюбленной своей Украйны, вращаясь, естественно, въ томъ же кругѣ интересовъ, которые не были чужды и Кулжинскому.

Т. о. въ такомъ случаѣ за И. Г. Кулжинскимъ нельзя отрицать извѣстной, м. б. очень небольшой и косвенной, роли—члена литературнаго кружка—въ развитіи этой стороны міросозерцанія его знаменитаго ученика.

Можетъ быть, въ заключеніе, не будетъ лишнимъ привести взглядъ Кулжинскаго на Гоголя, какъ взглядъ этотъ сложился у него уже давно и вылился въ окончательной формѣ не задолго до смерти[128]). Признавая въ Гоголѣ необыкновенный талантъ, К-ій находитъ, однако, что Гоголь не понялъ назначенія своего таланта и обязанностей, налагаемыхъ имъ на человѣка. Ошибка эта заключалась въ томъ, что Гоголь счелъ своей обязанностью *смѣяться*; смѣхъ же не есть начало созидающее, а лишь разрушающее; ибо въ смѣхѣ (равно какъ въ отрицаніи и глумленіи) нѣтъ любви. Характеризуя Гоголя, К-ій одной изъ чертъ его считаетъ—сознаніе собственной силы, увѣренность въ себѣ (это, по мнѣнію автора, то, чѣмъ характеризуется русское „авось"), которыя и вывели его на дорогу, а его великій художественный талантъ поставилъ его въ рядъ первостепенныхъ писателей въ глазахъ современныхъ литературныхъ дѣятелей и ученыхъ. Но въ Гоголѣ постепенно совершается поворотъ; онъ отъ смѣха, смѣхотворства переходитъ къ „горькому смѣху сквозь слезы"…. Гоголь постепенно обновляется духомъ и становится авторомъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Съ этого времени К-ій беретъ подъ свою защиту Гоголя, защищая его, „задумавшаго исправиться морально и литературно", отъ нападокъ враговъ. Въ концѣ концовъ К-ій не находитъ возможнымъ считать Гоголя въ рядахъ несимпатичныхъ ему, Кулжинскому, „прогрессистовъ": „онъ не былъ и не думалъ быть прогрессистомъ. Писалъ онъ, *потому что писалось*, смѣшилъ потому, что такая у него была натура. Но когда онъ на это свойство своей падшей натуры посмотрѣлъ съ края могилы, то съ этой *точки зрѣнія* и жизнь и искусство показались ему совершенно въ другомъ видѣ, нежели прежде: онъ пересталъ смѣяться и—началъ плакать. Наши прогрессисты прежде разсчитывали на него, какъ на *могучаго художника*, который, если бы захотѣлъ свое оружіе насмѣшки обратить противъ враждебныхъ имъ предметовъ, то они почти не сомнѣвались бы въ торжествѣ своемъ. И вдругъ…. Этотъ геній насмѣшки замолкъ, заплакавъ, сжегъ произведеніе своей смѣхотворности! Можно вообразить себѣ: съ какимъ „всхлипываніемъ" и съ какою „одышкою" сердился Бѣлинскій на Гоголя за такую перемѣну: „Измѣнникъ Гоголь! Измѣнникъ искусству (т. е. нашему дѣлу), а мы—то какъ надѣялись на него…!"[129]). Въ поясненіяхъ взглядъ К-аго не нуждается: инымъ онъ и не могъ быть у него во вторую половину его жизни.

Примѣчанія.

¹) Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко, изд. 1881 г. (Спб.), стр. 271 (автобіографія Кулжинскаго). Ср. отзывъ о немъ же *Н. Ю. Артынова* (годомъ старше Гоголя по г. в. н.) въ „Рус. Арх." 1877 г. III, 191—192: „вообще Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность". Кстати замѣтимъ, что въ спискахъ учениковъ, современниковъ Гоголя, Н. Ю. Артынова не оказалось (См. Гоголевскій (нѣжинскій) сборникъ 1902 г., стр. 315—317).

²) Ср. „Памяти Гоголя—Чествованіе памяти Г. въ учебн. зав. Кіевск. уч. окр." (Кіевъ. 1902), стр. 65, 80. Ср. также „Словарь профессоровъ Московск. унив." (М. 1855), II, 379 (біографія П. Г. Рѣдкина).

³) См. тамъ же, стр. 62.

⁴) См., напр., Извѣстія Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, III (1879), стр. 165 и сл.

⁵) Лицей кн. Безбородко (Спб. 1859), стр. 116 (автобіографія).

⁶) Воспоминанія учителя—Москвитянинъ, 1854 г. № 21, отд. V, стр. 11.

⁷) См. Воспоминанія старинпаго Черниговскаго семинариста—Черниг. епархіальн. извѣстія, 1877 г. № 7—8.

⁸) См. Воспоминанія о Волыни—Вѣстн. югоз. и зап. Россіи 186⁵/₆ гг. кн. 1, отд. 4, стр. 1—12; кн. II, отд. 4, стр. 125—138; кн. VI, стр. 256—265.

⁹) Воспоминанія семинариста, Воспоминанія учителя, Воспоминанія о Волыни; автобіографія—Лицей кн. Безбородко (Спб. 1859), Гимн. высш. наукъ и Лицей кн. Безбор. (Спб. 1881).

¹⁰) „Примѣтнѣйшія мои сочиненія литературныя были напечатаны въ „Москвитянинѣ" и „Маякѣ", говоритъ К-ій въ своей автобіографіи (Лицей кн. Безб., 116). Статьи именно изъ этихъ двухъ журналовъ составили первую (единственную) часть собранія его сочиненій, изданную въ 1850 году.

¹¹) См. ниже прим. 13.

¹²) Сюда слѣдуетъ присоединить богатый подобными данными архивнаго свойства „Опытъ исторіи Харьковскаго университета" (проф. Д. И. Багалѣя), главн. обр. II т. (печ. въ Зап. у-а, съ 1900 года, и отдѣльно: Харьковъ 1904).

¹³) Для большей наглядности и удобства прилагаю отдѣльно списокъ сочиненій Кулжинскаго—болѣе полный и исправный, нежели оба, составленные Н. В. Гербелемъ и напечатанные при автобіографіи Кулжинскаго (въ Лицеѣ кн. Безб. и Гимн. высш. наукъ и Лицеѣ), и позднѣйшій, составленный Д. Д. Языковымъ (Обзоръ жизни и трудовъ

умершихъ писателей, IV, 49). Списокъ нашъ едва-ли безусловно полонъ и теперь, такъ какъ составленіе его сопряжено съ большими трудностями: Кулжинскій печаталъ преимущественно въ малодоступныхъ теперь провинціальныхъ изданіяхъ и газетахъ и столичныхъ журналахъ, большого распространенія не имѣвшихъ; поэтому, его сочиненія не попадали даже въ наиболѣе обстоятельныя библіографіи, каковы: Межова, Мезьеръ, при чемъ часто, если и отмѣчались, то ошибочно смѣшиваясь съ сочиненіями его сына Григорія Ивановича, писавшаго въ духѣ отца и частью въ тѣхъ же журналахъ (напр. Вѣстникѣ ю. з. и зап. Россіи 60-хъ годовъ). Самая фамилія Кулжинскаго часто искажалась (Кульжинскій—обычно у Мезьеръ). Значительное затрудненіе представляло и то, что Кулжинскій часто подъ своими сочиненіями выставлялъ лишь иниціалы или псевдонимъ („Землякъ"), или оставлялъ ихъ вовсе безъ подписи. Хорошимъ подспорьемъ при опредѣленіи принадлежности той или другой статьи служили отдѣльные оттиски этихъ статей съ автографами автора, очень усердно имъ дарившіеся въ библіотеку Лицея въ Нѣжинѣ и перешедшіе теперь въ библіотеку Института. Въ спискѣ сочиненій К-аго, гдѣ оказалось возможнымъ, приводятся и указанія на критическія статьи и отзывы. Литература о Кулжинскомъ, очень не большая, приводится въ примѣчаніяхъ къ статьѣ и сгруппирована въ концѣ списка его сочиненій.

[14]) Архивъ Института, связка 1825 г. „о чиновникахъ" № 1 (по описи 1879 г.), л. 46. Ср. „Новый взглядъ на хохломанію" (1864 г.), стр. 2 отд. отт.

[15]) Въ послужномъ спискѣ (л. 48) небольшая неточность: мѣстомъ рожденія названо мѣстечко Воронежъ. Въ своей автобіографіи (Гимн. высш. наукъ и Лицей, 269; Лицей кн. Безб., 111) К-ій исправляетъ эту неточность: „Родился я.... въ Глуховѣ, гдѣ отецъ мой когда былъ дьякономъ.... черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего рожденія, отецъ былъ рукоположенъ въ священники.... въ мѣстечко Воронежъ, 36 верстъ за Глуховомъ, по дорогѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Здѣсь я выросъ, и потому привыкъ почитать мѣстечко Воронежъ моею родиною". Какъ извѣстно, м. Воронежъ—родина и П. А. Кулиша. Въ брошюрѣ *И. Абрамова* „Черниг. малороссы" (Спб. 1905, изъ „Живой Старины"), спеціально посвященной м. Воронежу въ этногр. отношеніи, есть свѣдѣнія и объ отцѣ И. Г. К-аго.

[16]) Школа, въ которой обучался К-ій, по его воспоминаніямъ, была типичной для этого времени; держалъ ее дьячокъ при церкви, обучалъ по традиціи: сперва часослову, затѣмъ псалтири, письму—сначала бѣлилами на деревянной доскѣ, затѣмъ чернилами на бумагѣ (Лицей, 111).

[17]) Въ „Воспоминаніяхъ семинариста" учитель этотъ названъ „философомъ" (т. е. изъ философскаго класса семинаріи), звали его Вас. Ив. Илличемъ.

[18]) Автобіографія, Воспоминанія семинариста.—Въ аттестатѣ (указ. связка архива, л. 169) однако отмѣчено: „вступилъ въ семинарію *1812* года сентября 29-го", а въ справкѣ по поводу увольненія К-аго изъ духовнаго званія и отъ учительства въ семинаріи (тамъ же): „обучался въ Черниговской семинаріи съ 1810 года іюня 5-го дня..." Дата автобіографіи (сентябрь 1811 г.), повидимому, должна быть признана правильной: въ октябрѣ 1812 г., когда авторъ воспоминаній съ опозданіемъ

пріѣхалъ съ каникулъ опять въ семинарію, онъ вспоминаетъ, что семинарія была занята лазаретомъ, и школа помѣщалась въ частныхъ домахъ; въ 12 году К-ій, уже въ семинаріи, жалѣетъ, что по маловозрастности не можетъ пойти въ комплектуемые по случаю войны казачьи малороссійскіе полки, куда шли его болѣе взрослые товарищи. Подсчетъ лѣтъ (по свидѣтельству аттестата, К-ому при окончаніи семинаріи было 22 года) также говоритъ въ пользу 1811 года, какъ года поступленія, разъ онъ кончилъ ее въ 1823 году; съ этимъ совпадаетъ и возрастъ ($8^1/_2$ лѣтъ) поступленія въ семинарію.

[19]) Нѣсколько подробностей о тогдашней школѣ Кулжинскій сообщаетъ въ автобіографіи и Воспоминаніяхъ семинариста. До преобразованія учителями его были: Мелхиседекъ Костенецкій, игуменъ и префектъ дореформенной семинаріи, Евгеній Прозоровъ (инфима), Логгинъ Семеновичъ Бойковъ (грамматика и синтаксима), Захарій Матвѣичъ Рожановскій (піитика). Реформа, коснувшаяся въ 1817 г. семинаріи (по уставамъ 1808 г.), должна была усилить въ семинаріи предметы общеобразовательные, ослабить схоластическо-формальное направленіе школьной науки; въ виду этого поднято было преподаваніе философіи, введено было болѣе обстоятельное преподаваніе исторіи, введены вновь математика и физика, греческій и новые языки (изъ нихъ одинъ по выбору). Главные предметы—риторика, философія и богословіе—по прежнему преподавались на латинскомъ языкѣ (Ср. Малицкій, Исторія Владимірской семинаріи (М. 1902), II, 7). Въ этой обновленной школѣ риторику преподавалъ К-ому Алекс. Корн. Огіевскій, философію—іером. Евлогій, греческій яз.—Ив. Яковл. Образцовъ (впослѣдствіе Іоанникій, еп. Кавказкій). Руководствомъ по риторикѣ былъ учебникъ Бургія, философіи—Баумейстеръ. Изъ латинскихъ авторовъ читался Овидій (дома, по своей охотѣ, К-ій читалъ Горація, который и остался его любимымъ поэтомъ—Москвит. 1854, № 91, стр. 11). Успѣлъ К-ій познакомиться и съ новыми языками. Интересно, что подобно Гоголю, Кулжинскій также былъ не доволенъ впослѣдствіи своей школой: здѣсь онъ, по его словамъ, ничему не научился „такъ, какъ бы слѣдовало и какъ бы можно было при другихъ обстоятельствахъ“ (Лицей, 112); онъ находилъ, что семинаристы стараго пошиба были слишкомъ слабо подготовлены для воспринятія новой науки, щедро преподаваемой молодыми профессорами, явившимися изъ духовныхъ академій; мѣшало, по мнѣнію К-аго, дѣлу и то, что профессора, занимая рядомъ съ каѳедрой постороннія административныя мѣста, мало могли удѣлять времени преподаванію своей спеціальности. Жалоба, м. б. не лишенная основанія, но несомнѣнно черезъ чуръ категоричная, какъ и у Гоголя: послѣдующая дѣятельность К-аго это ясно подтверждаетъ. Въ „Восп. учит.“ онъ о школѣ говоритъ мягче: „благодаря мѣсту моего воспитанія, ежели я и ничего не знаю, то всетаки умѣлъ говорить по латыни; тогда это не было рѣдкостью“ (Москвит. 1854 г. № 21 стр. 4).

[20]) Судя по аттестату, К-ій слабѣе другихъ предметовъ познакомился съ математикой („довольно“), немного лучше съ философіей („преизрядно“), лучше всего со словесностью и греческимъ языкомъ („отлично“). Кромѣ того, въ аттестатѣ отмѣчено, что занимался онъ языками еврейскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ (этому послѣднему,

по автобіографіи, онъ выучился самоучкой). Отзыва о его занятіяхъ латынью въ аттестатѣ нѣтъ; объясненіе этому надо искать, скорѣе всего, въ томъ, что латынь или входила въ рубрику „словесности", или же не отмѣчалась, такъ какъ на этомъ языкѣ шло преподаваніе нѣкоторыхъ и при томъ важныхъ предметовъ семинарской науки (см. предъид. прим.). Отсутствіе отмѣтки по латыни, м. б., и вызвало тотъ экзаменъ, который произвелъ Орлай К-ому, о чемъ ниже.

[21]) Это было, по словамъ К-аго, въ маѣ 1825 года. Что именно заставило Орлая остановиться на Кулжинскомъ, сказать трудно: Орлай искалъ преподавателя латинскаго языка, а Кулжинскій, какъ таковой, извѣстенъ не былъ, если онъ и пріобрѣлъ уже (что весьма возможно) славу хорошаго учителя. Ясно, что его могли (м. б. не безъ просьбы его самого, такъ какъ онъ на свое мѣсто въ Черниговѣ не смотрѣлъ, какъ на опредѣленное (см. выше), и искалъ иного) рекомендовать только съ этой стороны. М. б., не будетъ ошибкой указать предположительно и на лицо, которое могло быть посредникомъ между К-имъ и Орлаемъ: такимъ могъ оказаться Е. И. Бажановъ, служившій губернскимъ прокуроромъ въ Черниговѣ. Онъ былъ не только лицомъ виднымъ по своему положенію и пользовавшимся уваженіемъ (ему, между прочимъ, посвящаетъ одно изъ своихъ стихотвореній Д. Дунинъ-Барковскій, усердный сотрудникъ „Украинскаго Журнала"; см. 1824 г. № 6, стр. 283), но имѣлъ отношеніе и къ Гимназіи высшихъ наукъ: благодаря ему, какъ извѣстно, сюда попалъ и Гоголь (Шенрокъ, Мат. для біогр. Гоголя, I, 72). Съ этимъ же Бажановымъ, несомнѣнно, знакомъ былъ и Кулжинскій и при томъ довольно близко, какъ можно заключить по стихотворенію, посвященному Е. И. Бажанову (Дамскій журн. 1826 г., ч. 15, стр. 58), гдѣ онъ, утѣшая его по поводу смерти отца, называетъ его даже кумомъ. Отъ Е. И. Бажанова могъ и Орлай не только узнать про К-аго, но и получить просьбу устроить его (см. прим. 31). Въ „Воспоминаніяхъ учителя" (Москвит. 1854, № 21) К-ій прямо говоритъ, что онъ явится къ Орлаю съ просьбой о назначеніи его учителемъ въ Гимн. высш. наукъ (стр. 2).

[22]) Съ 7 августа (текущія бумаги конференціи Г. в. н. 1825 г. св. № 6, л. 123 об.); черезъ мѣсяцъ составленъ послужной списокъ К-аго.

[23]) Протоколы 1825 г., засѣданіе 23 мая, § II.

[24]) Имъ былъ съ 1822 г. проф. С. Андрущенко (Изв. Инст., III, 165, 172).

[25]) Прошеніе (связка 1825 г. „о чиновникахъ" № 1, л. 45 въ архивѣ Инст.) помѣчено Кулжинскимъ, „учителемъ греческаго языка и лекторомъ словесности", 16-мъ мая и принято Орлаемъ въ тотъ же день (помѣта: „Получ. 1825. V/16"); ясно, что подано оно было лично И. Г., вызваннымъ въ Нѣжинъ, и вѣроятно, тотчасъ послѣ „экзамена", произведеннаго ему Орлаемъ.

[26]) По разсказу Кулжинскаго (автобіографія, Лицей, 113, Воспомин. учителя, 3), Орлай пригласилъ къ себѣ его обѣдать и во время обѣда заставилъ его говорить съ собой и съ своимъ пансіонеромъ В. Игн. Любичемъ-Романовичемъ (онъ зналъ полатыни, такъ какъ раньше учился въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ) по латыни. Послѣ обѣда приказалъ ему подать прошеніе объ опредѣленіи. О томъ же

экзаменѣ, немного иначе, говорится въ оффиціальныхъ документахъ, бумагѣ къ почетному попечителю (архивъ Инст. „исходящ. бум. 1825 г.“, № 8, л. 15): „Изъ аттестата г-на К-аго явствуетъ, что.... онъ окончилъ съ превосходствомъ курсъ семинарскихъ наукъ, которыя большею частію преподаются на латинскомъ языкѣ (ср. выше, прим. 20). А по испытаніи, которое въ присутствіи моемъ производилъ ему профессоръ латинской словесности, онъ оказался весьма способнымъ быть учителемъ латинскаго языка и съ пользою можетъ служить для Гимназіи“. Тоже почти въ бумагѣ (тамъ же, л. 21 об.) къ попечителю округа.

[27]) Ему было дано жалованья 400 рублей, казенная квартира, отопленіе и освѣщеніе. (см. архивъ Инст. „о чиновникахъ“ 1825 г. № 1, л. 167; „текущ. бум.“ 1825 г. № 6, л. 123 об.). Въ Черниговѣ онъ имѣлъ 450 р. асс. (Лицей, 113).

[28]) Лицей, 114; „Москвитянинъ“ 1854 г. № 21. По отношенію къ этому факту заподозрѣна была подлинность показанія Кулжинскаго: исходя изъ воспоминаній А. С. Данилевскаго, товарища и пріятеля Гоголя, сообщенныхъ уже въ старости, В. И. Шенрокъ („Письма Гоголя“, изд. Маркса, I, 65, примѣч.) полагалъ, что ни Данилевскій, ни Гоголь у Кулжинскаго не учились. Но правдивый и отчетливо помнившій прошлое И. Г. Кулжинскій не ошибся, назвавъ точно Гоголя; перечисливъ талантливыхъ учениковъ Гимн. в. н.—Кукольника, Рѣдкина, Гоголя и Гребенку, онъ говоритъ: „два послѣдніе были моими учениками, а послѣдній сверхъ того и любимцемъ моимъ“. Самая категоричность сообщенія не допускаетъ сомнѣнія въ правдивости его; но кромѣ того оно подтверждается и документально, напр., „Вѣдомостью о поведеніи и успѣхахъ въ лат. яз. учениковъ Г. в. н. за мартъ—іюнь 1826 г.“; вѣдомость писана Кулжинскимъ собственноручно и подана по обычаю въ конференцію Гимназіи; въ ней находимъ о Гоголѣ:

Отдѣленіе 3-е. Яновскій Николай.	*Повед.*	*Усп.*
	не былъ	—Мартъ
	3	1—Апрѣль
	не былъ	—Май
	не былъ цѣлый мѣсяцъ и на экзаменѣ не былъ	—іюнь

Ясно, что въ данномъ случаѣ память измѣнила А. С. Данилевскому. Ясно также, что, при подобномъ отношеніи Гоголя къ дѣлу, доволенъ имъ быть К-ій не могъ и по своему былъ правъ, назвавъ его terra rudis et inculta. Да и Гоголь едва-ли при такомъ поведеніи и отношеніи къ дѣлу могъ близко сойтись и проникнуться уваженіемъ къ учителю, что мы и видимъ изъ его письма къ Высоцкому (Письма, ред. Шенрока, I, 65).

[29]) Лицей, 113.

[30]) К-ій считаетъ Орлая представителемъ порядка, остальныхъ огульно обвиняетъ въ небрежности, своеволіи; въ примѣръ послѣдняго приводитъ случай, когда конференція воспротивилась выдачѣ награды ему, Кулжинскому, не смотря на представленіе директора и утвержденіе почетнаго попечителя. Кулжинскій, повидимому, не различаетъ частныхъ дрязгъ въ коллегіи отъ коллегіальнаго веденія дѣла. М. б. здѣсь играли роль и личные счеты Кулжинскаго, покровительствуемаго Орлаемъ, съ коллегами. Неудовлетворительность хода учебныхъ занятій, которую справедливо отмѣчаетъ Кул-

жинскій, находитъ себѣ болѣе правильное объясненіе въ общемъ не нормальномъ положеніи Гимназіи, никакъ не могшей сформироваться (что въ „Воспоминаніяхъ учителя“ (Москв. 1854, № 21, стр. 5) признавалъ и самъ Кулжинскій), въ частой смѣнѣ директоровъ (въ 1826 г. Орлай уже ушелъ, былъ старый и ужъ совсѣмъ негодный къ дѣлу Ясновскій). При тогдашнемъ порядкѣ министерскихъ дѣлъ и тогдашнемъ настроеніи правительства ожидать успѣшнаго развитія Гимназіи было и трудно. Какъ примѣръ, можно привести случай изъ практики и самого Кулжинскаго. Изъ вѣдомостей, подававшихся въ конференцію, видно, что единственнымъ пособіемъ для учениковъ въ латинскомъ языкѣ была хрестоматія Кошанскаго, изъ которой дѣлались устные и письменные переводы, а грамматикъ вовсе не было и достать нельзя (на что и жалуется К-ій); дѣло шло туго, тратилось много времени на повторенія, такъ что въ 1826 г. въ 3-мъ отдѣленіи отъ января до іюня былъ пройденъ синтаксисъ латинскаго языка, при чемъ цѣлый мартъ пришлось потратить на повтореніе этимологіи, а на повтореніе пройденнаго и приготовленіе къ экзамену цѣликомъ ушли также май и іюнь. Ясно, что коллегіальность или неколлегіальность устройства гимназіи здѣсь не при чемъ. Слабость и даже фактическое отсутствіе инспекціи, на которыя жалуется Кулжинскій, также не стоятъ въ зависимости отъ коллегіальности учрежденія, а отъ ненормальности положенія самой должности инспектора, какъ видно изъ словъ самого же Кулжинскаго. Что же касается контроля надъ занятіями, то, вопреки мнѣнію Кулжинскаго, онъ былъ въ видѣ подробныхъ отчетовъ по преподаванію (вѣдомостей), которыми полны бумаги конференціи. Бумажное производство, поклонникомъ коего былъ формалистъ Орлай, не достигало цѣли на практикѣ. Нельзя не принять во вниманіе, что и лично К-ій, повидимому, не пользовался симпатіей школьниковъ, какъ видно изъ эпизода съ „Малороссійской деревней“ (о чемъ ниже). Все это даетъ объясненіе пристрастнаго, сердитаго отзыва К-аго о его пребываніи въ Гимн. высшихъ наукъ. Ср. также „Гимн. высш. наукъ и Лицей“ (Спб. 1881), стр. 48—49, гдѣ говорится противуположное мнѣнію Кулжинскаго.

[31]) Съ Харьковомъ онъ давно уже завязалъ сношенія, повидимому, еще будучи въ Черниговѣ. Относительно того, какъ К-ій попалъ въ преподаватели университета, у насъ есть документъ, не лишенный значенія и для освѣщенія взглядовъ на Кулжинскаго. Извѣстный А. А. Перовскій (Антонъ Погорѣльскій), бывшій попечителемъ округа и кураторомъ университета (1825—1830), какъ извѣстно, фактически уничтожилъ выборное начало, замѣщая профессорскія и преподавательскія мѣста въ университетѣ по произволу, руководясь болѣе благонадежностью (въ тогдашнемъ реакціонномъ смыслѣ), нежели научнымъ цензомъ кандидатовъ. Его преемникъ Филатьевъ, продолжая практику своего предшественника, постарался о замѣщеніи цѣлаго ряда каѳедръ, запустовавшихъ со времени реакціи. И вотъ по поводу каѳедры русской словесности въ 1831 году (10 іюля) онъ пишетъ министру: „По большому количеству студентовъ, и такъ какъ россійская словесность необходима и кромѣ словеснаго для всякаго факультета и въ особенности для этико-политическаго, я совмѣстно съ совѣтомъ у-а признаю не только нужнымъ, но и полезнымъ имѣть еще другого преподавателя ея

для политическаго факультета, и таковымъ признали мы учителя здѣшней Харьковской гимназіи *Кулжинскаго*, человѣка, имѣющаго весьма основательныя знанія въ россійскомъ языкѣ и словесности (нѣкоторыя изъ его сочиненій напечатаны), и онъ вполнѣ достоинъ быть преподавателемъ въ у—ѣ, въ гимназіи же есть двое преподавателей сего предмета. Кулжинскій еще въ 1825 году подавалъ просьбу въ у—ъ о назначеніи его адъюнктомъ по каѳедрѣ россійской словесности и признанъ достойнымъ каѳедры наравнѣ съ кандидатомъ Якимовымъ, а потому положено: имѣть его въ виду. Совѣтъ преподаваніе россійской словесности предоставилъ Якимову болѣе потому, что онъ не имѣлъ еще назначенія, а Кулжинскій имѣлъ и имѣетъ мѣсто старшаго учителя въ здѣшней гимназіи" (Зап. Харьк. Ун. 1900, III, 26—27; Д. И. Багалѣй, Опытъ ист. Харьк. Унив. (Харьк. 1904), II, 202). Эта оцѣнка К-аго, создавшаяся благодаря его литературнымъ трудамъ (до 1829 года имъ напечатано отъ 15—20 пьесъ, частью въ Москвѣ, частью въ Харьковѣ), подтверждается его воспоминаніями (Восп. учит., 12—13): онъ удивленъ, что при появленіи его въ Харьковѣ его трактуютъ какъ какого-то литератора, предлагаютъ ему уроки русской словесности и частные, и въ учебныхъ заведеніяхъ. Хотя онъ и говоритъ, что, желая поддержать славу своего „латынскаго происхожденія", онъ читалъ въ 30-мъ году рѣчь на актѣ полатыни, но тема рѣчи—о разницѣ между классической и романтической поэзіей—ясно указываетъ, что онъ не прочь былъ поддержать и свое званіе литератора, члена Общества любителей Россійской словесности въ Москвѣ (а членомъ онъ сталъ послѣ изданія „Малороссійской Деревни"—1827 г.; 15 марта 1829 г. имъ здѣсь произнесена рѣчь—о славянскомъ языкѣ, напечатанная имъ позднѣе въ его собраніи рѣчей (стр. 64, изд. 1837 г. Москва); см. списокъ сочиненій К-аго № 25).

[32]) Лицей, 114; Воспом. учит., 14.

[33]) Онъ былъ, по собственному заявленію, единственнымъ словесникомъ въ университетѣ, такъ какъ „всѣ преподаватели словесности выбыли изъ у—а, иные вышли въ отставку, другіе разъѣхались на неопредѣленное время" (Восп. уч., 15). Этимъ объясняется и невзыскательность слушателей: у К-аго, по собственному его признанію, не было даже времени готовиться къ лекціямъ; поэтому „онъ рѣшился положиться на память, да за справками заглядывалъ только въ исторію литературы Греча и—читалъ" (тамъ же).

[34]) Луцкъ тогда подвѣдомственъ былъ Харьковскому попечителю (послѣ упраздненія Виленскаго университета и Кременецкаго лицея).

[35]) Не надо забывать, что какъ разъ въ это время С. С. Уваровымъ объявленъ знаменитый принципъ воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ: православіе, самодержавіе и народность. Въ духѣ этихъ началъ, разсказываетъ одинъ изъ современниковъ—кіевлянъ, должна была строиться новая система образованія въ западномъ русскомъ краѣ, началъ, совершенно противуположныхъ прежней системѣ, основанной на католицизмѣ, конституціи и польской народности. Трудно было вводить направленіе, такъ рѣзко противорѣчившее прошлому. Надо было дѣйствовать исподволь, опасаясь не задѣть неугаснувшія антипатіи. Тутъ много зависѣло отъ способностей второстепенныхъ

исполнителей—а гдѣ было Брадке (попечителю вновь учрежденного Кіевскаго округа) взять ихъ?.... Встрѣчается въ старыхъ дѣлахъ и такой, напр., случай, что начальникъ заведенія требуетъ отъ католическаго священника, чтобы онъ читалъ ученикамъ священную исторію не по избранной имъ книгѣ Historya starego i nowego testamentu, а по изданной святѣйшимъ синодомъ для православныхъ „Краткой священной исторіи" (*В. Шульгинъ*, Исторія унив. св. Владиміра, Кіевъ 1860, стр. 35—36). Послѣдній случай, взятый изъ дѣла объ открытіи гимназій по округу въ 1832 и 33 г. г., имѣетъ въ виду нашего Кулжинскаго, какъ онъ призналъ это самъ (Воспоминанія о Волыни—Вѣстн. югозап. и зап. Россіи $186^5/_6$, I, отд. 4, стр. 9); но случай этотъ разсказываетъ И. Г. нѣсколько иначе, хотя суть и остается таже, именно: онъ заставилъ ксендза переводить и диктовать ученикамъ по русски учебникъ священной исторіи и катехизисъ, имѣя на это предписаніе попечителя. Но „ляхи обнесли его, какъ фанатика", и достигли того, что онъ черезъ два мѣсяца получилъ предписаніе о преподаваніи закона Божія на польскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, всѣ воспоминанія К-аго о своей дѣятельности на Волыни, его послѣдующая литературная дѣятельность рѣзко подчеркиваютъ принадлежность его къ лагерю представителей этой оффиціальной народности со всѣми ея послѣдствіями. До переѣзда въ Луцкъ въ К-омъ такой опредѣленности мы не видимъ въ этомъ направленіи.

36) О мотивахъ перехода его сюда намъ ничего не извѣстно.

37) Плат. Алекс. Ширинскій-Шихматовъ, какъ извѣстно, по направленію своей политики былъ реакціонеромъ, въ литературномъ направленіи—послѣдователемъ взглядовъ Шишкова.

38) Хронологически (если судить по нашему списку произведеній К-аго, вѣроятно, не безусловно полному) его сочиненія распадаются на группы: первую—23 печатныхъ труда—составляютъ раннія произведенія, преимущественно литературнаго (отчасти учебнаго) характера, вторую—15 трудовъ—историческаго, публицистическаго, изрѣдка литературно-художественнаго, но уже тенденціознаго характера; эта группа замыкается 1846 годомъ, послѣднимъ годомъ службы; въ третью войдутъ остальные труды—около 40, кончая приблизительно 80 годомъ; характеръ политико-тенденціозный проходитъ уже ярко даже въ басняхъ. См. списокъ.

39) См. выше, прим. 31.

40) Собраніе сочиненій (Спб. 1850) I, 357.

41) Вышелъ отдѣльно въ 1833 г., но еще въ 1830 началъ печататься въ „Московскомъ Вѣстникѣ". Сверхъ того въ это время напечаталъ онъ статейку о латинскомъ языкѣ (въ Укр. Журн. 1825), таблицы по латинской грамматикѣ (1831), русскую грамматику (1832); ихъ оставляемъ въ сторонѣ.

42) Объ А. В. Склабовскомъ, одномъ изъ выдающихся профессоровъ словесности 20-хъ годовъ, человѣкѣ, несомнѣнно, одаренномъ и энергіей и талантомъ, чуткомъ (къ сожалѣнію черезъ чуръ) къ господствовавшимъ теченіямъ, есть нѣсколько словъ во II т. „Опыта исторіи Харьк. ун.", въ словарѣ Брокгауза (LIX, 206), а болѣе обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова „А. В. Склабовскій, какъ поэтъ и

ученый" (Харьк. 1904; статья представляетъ оттискъ изъ январьскихъ фельетоновъ газеты „Южный Край").

[43]) Укр. Журн. 1824 г. № 1, стр. 1 и 9 („Отъ редактора").

[44]) Тамъ же № 9, стр. 151—152 („Отъ редактора"); далѣе слѣдуетъ просьба о присылкѣ подобныхъ матеріаловъ.

[45]) Тамъ же № 18, стр. 322 („Объ изданіи У. Ж. на 1825 годъ").

[46]) См. хотя бы сборникъ „Памяти Гоголя" (Кіевъ 1902), 81, 82; Отчетъ о XXIX прис. наградъ гр. Уварова (Спб. 1888), стр. 83, 84, 103 и сл., 108, 115, 138, 140, 168—169. Ср. указ. брошюру-фельетонъ Н. Ѳ. Сумцова, стр. 19 отд. отт. Въ частности въ Харьковѣ это движеніе выразилось въ видѣ изданій съ типичными заглавіями: Украинскій Вѣстн. (1816—19), Харьковскій Демокритъ (1816), Украинскій домоводъ (1817) и др. См. Лисовскій, „Рус. пер. печать" (Спб. 1895), I, № 237, 238, 247, 248.

[47]) Ср. дѣятельность кн. Н. А. Цертелева (о его „Опытѣ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней"), Павловскаго и др.: Пыпинъ, Ист. этногр., III, 12—15 и Отчетъ о XXIX прис. нагр. Увар., стр. 116 и сл.

[48]) Появленіе ихъ въ У. Ж. понятно въ виду того реакціонно-мистическаго духа, который внѣдрялъ или, по крайней мѣрѣ, старался внѣдрять знаменитый попечитель З. Карнѣевъ и его племянникъ Е. Карнѣевъ. Не надо забывать и того, что А. В. Склабовскій съ 1821 года состоялъ директоромъ студенческаго библейскаго общества, созданнаго тѣмъ же Зах. Карнѣевымъ, и былъ наканунѣ своего перемѣщенія, какъ личность угодная начальству, изъ профессоровъ на болѣе выгодное мѣсто „старшаго письмоводителя" канцеляріи всемогущаго тогда попечителя. (Ср. Зап. Харьк. Ун. 1900, II, 48, и Сумцова, ук. ст., стр. 3). Дѣйствительно, статей мистически-благочестиваго характера (чуть не проповѣдей), писанныхъ большею частью ханжествовавшими, м. б., несознательно студентами, въ журналѣ достаточно; см. № 1 (стр. 42—46), № 2 (92—98), № 4 (186—189, 189—193) № 6 (251—260) и т. д.; есть и стихи въ родѣ: „Чаяніе души христіянской 25 декабря" (П. Гулака-Артемовскаго, № 4), „Молодому воину при подаркѣ ему псалтири" (тамъ же), „Чувства христіанина въ день Христова воскресенія" (№ 9).

[49]) Напр.: „До какой степени можетъ простираться вліяніе училищъ на образованіе народнаго духа" (№ 4), „Нѣкоторыя замѣчанія относительно дѣланія чая" (№ 6), „Замѣчанія о Крымскихъ Татарахъ" (№ 8), „О золотомъ пескѣ въ Екатеринбурскомъ уѣздѣ", „Титъ Ливій" (№ 11), „Воловій глазъ" (№ 12); попадается довольно много переводовъ изъ классиковъ, статей о нихъ; есть статьи по критикѣ и эстетикѣ; напр., съ перваго же № начинается подробный разборъ „Оды Ломоносова, выбранной изъ Іова" и т. д.

[50]) О польскомъ вліяніи, знакомствѣ съ польской современной литературой и языкомъ въ харьковскихъ интеллигентныхъ кружкахъ см. Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской лит." (Кіевъ 1884), стр. 15, 16.

[51]) Приведены цѣликомъ по великорусски двѣ пѣсни весеннія, одна съ упоми-

naніемъ Лада, другая о коноплѣ (стр. 259, 261) съ разъясненіемъ.

52) № 12, стр. 332 и сл. Въ №№ 19—21—копіи съ гетманскихъ грамотъ, въ № 5 есть даже стихотвореніе (Дм. Дунина-Барковскаго), воспѣвающее славный Лиственъ (мѣстечко Черниг. губ., извѣстное по битвѣ въ 1024 году). Въ 1825 г. въ № 11—12 (389—400) есть статья П. Сбитнева „Воспоминанія о Черноморіи, содержащая историч. и этногр. замѣтки о казакахъ и Запорожьѣ".

53) Онъ могъ и непосредственно заинтересоваться журналомъ Склабовскаго: „Укр. Ж." выписывался (какъ видно изъ списка подписчиковъ, прилагавшагося въ концѣ каждой книжки) и въ Черниговской семинаріи за 1824 г. (см. № 4); такимъ образомъ, статьи К-аго могли быть прямымъ отвѣтомъ на просьбу редактора (въ № 9; см. выше прим. 44).

54) Укр. Ж. 1825 г. № 1—3, 5.

55) Первое стихотвореніе К-аго, писанное еще въ Черниговѣ 18 іюня 1825 г. (т. е. уже тогда, когда переходъ въ Нѣжинъ былъ рѣшенъ), помѣщено въ № 19 (октябрь) этого года „Д. Ж."

56) См. „Дамскій Журналъ" 1826 г. ч. 18 (стр. 222—223), 1829 г. ч. 27 (№ 32, стр. 81), № 34, 35 (стр. 119 и 129); писаны всѣ эти произведенія въ Нѣжинѣ.

57) См. выше прим. 41. По всей вѣроятности, и этотъ романъ, если не написанъ, во всякомъ слачаѣ писался также въ Нѣжинѣ.

58) На такое значеніе „Мал. дер." указалъ уже въ свое время Н. П. Дашкевичъ, назвавши ее (повидимому, лишь на основаніи рецензіи на книгу Пецъ-Галуховскаго и отзыва кн. Цертелева) „виднымъ явленіемъ въ малорусской этнографіи". Иная оцѣнка, съ иной точки зрѣнія, принадлежитъ Н. В. Владимірову: онъ назвалъ ее полу-сентиментальнымъ, полу-реторическимъ сочиненіемъ о народныхъ обычаяхъ Малороссіи, напоминающимъ „Путешествія въ Малороссію" кн. П. И. Шаликова, „о которыхъ еще въ свое время писали, что подобныя чувствительныя путешествія можно сочинять, и никогда не бывавши въ Малороссіи". См. списокъ соч. Кулжинскаго, примѣч. къ № 12.

59) Повидимому, эти строки Горація, любимаго латинскаго поэта К-аго (см. пр. 19), особенно правились ему: ими въ вольномъ переводѣ кончаетъ онъ своего „Ѳедюшу Мотовильскаго":

Хотѣлось мнѣ имѣть землицы уголокъ,
И садикъ, и вблизи журчащій ручеекъ.
Послали небеса мнѣ это все, и болѣ;
Доволенъ я судьбой, мнѣ хорошо въ сей долѣ;
И больше ни о чемъ не докучаю имъ,—
Лишь это бы всегда осталося моимъ!... (стр. 134—135)

Эти же стихи Горація цитируетъ онъ и по дорогѣ во время путешествія въ Грузію (1843); см. „Маякъ" 1844, т. XV, 120 и сл.=Сочиненія I, 214; наконецъ, ясно, этой же пьесой Горація навѣяно одно изъ раннихъ стихотвореній К-аго:

Блаженъ, кто садъ имѣетъ свой,

Въ саду—цвѣты, деревья тѣни,
И въ часъ полуденныя лѣни
Спокойно дремлетъ надъ водой!....
Завиденъ жребій вашъ, друзья,
Жильцы полей и селъ спокойныхъ!
Среди садовъ и водъ привольныхъ
Щастливы сердцемъ вы.... (Дамск. Жур. 1826, № 12, стр. 237)

Я нарочно привожу эти выписки: въ сопоставленіи ихъ съ отрывками изъ предисловія къ „М. д.“ ясна та идиллическая, чувствительная окраска, въ значительной мѣрѣ связанная къ литературной манерой, которая усвоена К-имъ (и не имъ однимъ) въ 20-хъ годахъ.

[60]) Ср. Шаликова, напр., два „Путешествія въ Малороссію“ (М. 1803 и 1804), Вл. Измайлова „Путешествіе въ полуденную Россію“ (М. 1800; послѣдующія изданія: 1802, 1805). Этнографическаго въ нихъ очень мало; но этотъ элементъ постепенно начинаетъ наростать, напр., у Павловскаго, Цертелева, Маркевича, Пассека и др. (см. у Н. П. Дашкевича, въ Отчетѣ о XXIX прис. прем. гр. Уварова, стр. 48, прим. 2). Идиллизмъ въ описаніяхъ быта—въ духѣ журналистики 20-хъ годовъ; см., напр., Сѣв. Арх. 1822 г. ч. I, стр. 48—69 (описаніе Сарептской колоніи). Ср. *Весинъ С.* Очерки исторіи журналистики (Спб. 1881), стр. 175, 182 (о проникновеніи народнаго элемента).

[61]) Письма, ред. В. И. Шенрока, I, 65; Ср. П. В. Владимірова „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“ (Кіевъ 1890), стр. 19.

[62]) Рецензентъ книжки Кулжинскаго (въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 г. ч. XIII, стр. 230—236; № 4 библіографіи) Н. Пецъ-Галуховскій ставитъ въ заслугу Кулжинскому, что онъ вслѣдъ за Цертелевымъ и Ходаковскимъ издалъ нѣсколько пѣсенъ, серьезно оцѣниваетъ эти пѣсни, сожалѣя, что нѣтъ варьянтовъ, которые помогли бы возстановить пѣсню въ ея настоящемъ видѣ, „ибо нѣкоторые стихи бываютъ перемѣшаны и часто начало одной пѣсни сдѣлано продолженіемъ совсѣмъ другой.“ Статью „О малороссійской поэзіи“ (стр. 72 и сл.) онъ считаетъ интересной, самой лучшей во всей книгѣ (что и справедливо): „хотя въ ней нѣтъ глубокихъ изысканій, но есть весьма хорошія догадки“. Въ описаніяхъ быта малороссовъ, „совершенно неизвѣстнаго у насъ письменно“, также отмѣчены у К-аго „нѣкоторыя любопытныя подробности“. Наконецъ, рецензентъ жалѣетъ, что К-ій привелъ двѣ веснянки въ переводѣ (и неудачномъ), а не въ подлинникѣ. Какъ видимъ, книжкѣ удѣлено серьезное вниманіе. Кн. Цертелевъ (Вѣстн. Евр. 1827 г. № 12) также серьезно взглянулъ, вслѣдъ за Галуховскимъ, на значеніе матеріаловъ собранныхъ К-имъ. Ср. выше, замѣтку Н. П. Дашкевича (прим. 58). Коснулся „М. Д.“ и А. Я. Стороженко въ своемъ разборѣ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ (въ „Сынѣ Отечества“ 1832 г., т. CXLVII, стр. 41—49, 100—115 и т. д. и отдѣльно „Мысли Малороссіанина“), при чемъ, какъ современникъ, сообщаетъ любопытныя данныя объ этой книгѣ К-аго: въ это время (20-ые и 30-ые годы) литература ограничивалась

незначительнымъ числомъ романовъ, особенно привлекала вниманіе писателей Украина, поэтическая по своей природѣ и по своему прошлому; но и тутъ, какъ онъ говоритъ, выходило по пословицѣ: „поймать не поймать, а погнаться можно", и хотя Украина приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго житья-бытья многихъ современныхъ поэтовъ и прозаиковъ, но попытка ихъ въ описательной поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удалась (стр. 9). Въ то время въ ходу были три беллетристическихъ произведенія, сюжеты коихъ взяты изъ украинской жизни; это: „Малороссійская деревня" И. Г. К-аго, „Бурсакъ" В. Т. Нарѣжнаго, и „Монастырка" А. Погорѣльскаго. „Мал. деревню" критикъ ставитъ ниже обоихъ остальныхъ, упрекая автора въ неточности изображенія быта народа и ошибкахъ въ языкѣ; въ качествѣ примѣра онъ приводитъ смѣшеніе винокурни съ шинкомъ, куда беззаботный малороссъ идетъ охотно, не смотря на морозъ и стужу („М. Д.," стр. 12). Ср. Кіевск. Старину 1886, VIII, 643—644.

63) Надъ этимъ и подтруниваетъ рецензентъ „Московск. Телеграфа" (см. предыд. прим.), см. стр. 234—235; ср. у Н. В. Владимірова, ук. соч., стр. 23 и сл.

64) Ниже (стр. 79) характеристика въ томъ же духѣ: добродушная лѣность, которой отличались предки нынѣшнихъ малоруссовъ. Припомнимъ, что и Гоголь, рисуя своихъ малороссовъ народомъ далеко не подвижнымъ, не прочь иногда характеризовать своихъ героевъ въ родѣ Солопія Черевика, такъ же, какъ К-ій: лежа въ сараѣ у кума, Черевикъ, „кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни— благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родички, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога" („Сорочинская ярмарка", гл. 10). Ср. также „Письма" (ред. Шенрока) I, 240: „я вывезъ изъ дому всю роскошь лѣни".

65) Стр. 47, 49. Кстати: Гоголь въ словарчикѣ къ „Вечерамъ" (I, 499 слѣд., по изд. 10-му) „варенуху" объясняетъ: „варенная водка съ пряностями и плодами"; К-ій въ своемъ словарчикѣ: „малороссійскій пуншъ (!)". Но на дѣлѣ объясненіе К-аго ближе къ гоголевскому; на стр. 49 въ примѣчаніи онъ подробнѣе говоритъ о ней: „Варенуха есть національный малороссійскій пуншъ, которой разные люди составляютъ разнымъ образомъ. Но самого лучшею почитается та варенуха, въ составъ которой входитъ *сливянка*, или *вишневка*, сахаръ и *пряныя* коренья....."

66) Рецензентъ „Моск. Тел." (см. пр. 62), справедливо признавая многое изъ передаваемаго К-имъ любопытнымъ, также справедливо упрекаетъ автора, что онъ поскупился привести побольше пѣсенъ, описывая обряды (стр. 233); особенно это замѣчаніе справедливо по отношенію къ описанію свадьбы, гдѣ, какъ разъ, мы ждали бы пѣсенъ, а ихъ то ни одной К-ій не приводитъ.

67) А. Н. Пыпинъ, Ист. этногр. III, 15—16.

68) Тамъ же, стр. 12. Статьи К-аго о малорусской пѣснѣ, какъ извѣстно, появились за два слишкомъ года до книжки М. А. Максимовича—въ первыхъ номерахъ Укр. Журн. 1825 г.; сама же „Малороссійская деревня", если и вышла лишь въ 1827 г., была готова однако еще въ томъ же 1825 году: 12 окт. этого

года подписана она цензоромъ М. Каченовскимъ; къ этому времени статья о малорусской поэзіи была уже исправлена для отдѣльнаго изданія (см. стр. 72, примѣчаніе).

[69]) Говоря о кн. Цертелевѣ, основываюсь на указаніяхъ А. Н. Пыпина (въ его Исторіи этнографіи, III) и особенно обстоятельныхъ Н. П. Дашкевича (въ Отчетѣ о XXIX прис.Увар. пр., 118—122), а также непосредственно на трудахъ кн. Цертелева: Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, Спб. 1819 (особенно важно для насъ предисловіе къ нимъ), О произведеніяхъ древней русской поэзіи (Спб. 1820), Взглядъ на русскія сказки (Спб. 1820), О народныхъ стихотвореніяхъ (письмо къ г-ну Максимовичу въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 12 (іюнь), 270—278) и др. При этомъ останавливаюсь, въ отличіе отъ А. Н. Пыпина и Н. П. Дашкевича, естественно, на томъ, что поможетъ выяснить взгляды И. Г. К-аго. Такъ какъ 1827 годъ оказался особенно обильнымъ для этнографич. литературы (въ этотъ годъ вышли: письмо Цертелева къ Максимовичу, переводъ изъ Зубрицкаго—„Простонародныя пѣсни"—В. Е. 1827 г. № 11, книжка Кулжинскаго, пѣсни Максимовича и др.), то извѣстный интересъ представляетъ вопросъ о хронологической послѣдовательности этихъ изданій, весьма возможно, вліявшихъ (какъ это несомнѣнно для Максимовича) другъ на друга. На основаніи ихъ содержанія, цензурныхъ помѣтъ, хронологическая послѣдовательность представляется въ такомъ видѣ: старшимъ по времени написанія и, вѣроятно, выхода будетъ книжка И. Г. Кулжинскаго (см. прим. 68), за нею идетъ рецензія Пецъ-Галуховскаго въ кн. 3. Моск. Телегр. (февраль 1827 г.), затѣмъ—письмо кн. Цертелева (В. Е. 1827 г., № 12—іюнь; здѣсь въ концѣ—о рецензіи Галуховскаго, стр. 298.; письмо датируется: „Тамбовъ, марта 16 дня, 1827 года", о собраніи пѣсенъ Максимовича говорится, какъ лишь объ ожидаемомъ), наконецъ книжка Максимовича (цензурное разрѣшеніе—27 апр. 1827 г.; здѣсь, стр. V—VI, почти буквальная выписка изъ Галуховскаго или письма Цертелева).

[70]) Ср. Н. П. Дашкевичъ, у. с. 118—119, 122; А. Н. Пыпинъ, Ист. этн. III, 12, 13.

[71]) Любопытны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя данныя русской литературы предшествовавшаго времени. Самая мысль о значеніи народнопоэтическаго преданія, интересъ къ этому преданію зародились (не безъ вліянія западно-европейскихъ зачатковъ романтики, проникавшихъ въ нашу литературу) еще раньше: припомнимъ хотя бы интересъ къ Слову о полку Игоревѣ (1800) съ характернымъ введеніемъ издателей, изданіе Кирши Данилова (Якубовича, 1804), Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ Прача (2-е изд. 1806 г.) и др., отзвуки интереса къ трудамъ Вука Караджича, чешской Краледворской рукописи и т. д. (Ср. Пыпинъ, ук. соч. 14). Но интересъ этотъ въ началѣ столѣтія скорѣе походилъ на любопытство по отношенію къ новинкѣ, далекъ былъ по характеру отъ того, какой мы замѣчаемъ у Цертелева и въ ближайшее къ нему время (второго десятилѣтія XIX в.). М.—Пушкинъ и его сотрудники видятъ въ Словѣ о. п. И. духъ *Оссіановъ*, указаніе на существованіе и у насъ своихъ *Бардовъ* (VI стр. изд. 1800 г.), ограничиваются напоминаніемъ о былинахъ про князя Владиміра по поводу Бояна (2); Якубовичъ считаетъ стихотворенія Кирши Данилова „славенской музы простымъ гласомъ", на свое изданіе смотритъ, какъ на случай

„принести общее удовольствіе, услужить русской литературѣ, любителямъ древностей и вообще читателямъ всякаго состоянія“. Прачъ, издавая свое собраніе пѣсенъ „съ голосами“, уже подробнѣе желаетъ выяснить значеніе и интересъ этого собранія, дать общій взглядъ; вотъ нѣсколько выписокъ изъ его предисловія: „въ Россіи сочинители народныхъ пѣсенъ совсѣмъ неизвѣстны, и слѣдовательно оныя принадлежатъ всему народу“(X).... „Можетъ быть, не безполезно будетъ сіе Собраніе и для самой философіи, которая изъ народнаго пѣнія старается заключать о народномъ характерѣ. По минорнымъ тонамъ большей части протяжныхъ пѣсенъ, которыя составляютъ характеристичное русское пѣніе, философія усмотритъ конечно чувствительность русскаго народа и то расположеніе души къ меланхоліи, которое производитъ великихъ людей во всѣхъ родахъ..... Нынѣшніе философы увидятъ изъ содержанія народныхъ пѣсенъ любовь россіянъ къ славѣ, рѣшимость ихъ на отважные подвиги, прославленіе храбрости и воинскихъ доблестей, вездѣ священное подобострастіе къ государямъ, привязанность и почтеніе къ родителямъ, тѣсный союзъ родства между братьями и сестрами, неутѣшную горесть любовницы о потерѣ милаго друга....“ (XIV). Введя въ свое собраніе нѣсколько и малороссійскихъ пѣсенъ (по 8 въ концѣ каждаго изъ двухъ томовъ), Прачъ пробуетъ характеризовать и ихъ сравнительно съ великорусскими: „свойство малороссійскихъ пѣсенъ... и напѣвъ ихъ совсѣмъ отъ русскаго отличенъ. Въ нихъ болѣе мелодіи, нежели въ нашихъ плясовыхъ, но не видно ни одной армонической малороссійской пѣсни, которая бы равнялась съ нашими протяжными....“ (XIII). Не глубокъ и отзывается старинными теоріями взглядъ *Н. Грамматина* на народную поэзію, хотя уже здѣсь видимъ и начало болѣе серьезнаго поздняго на нее воззрѣнія (имѣю въ виду его диссертацію на степень магистра: „Разсужденіе о древней русской словесности“, М. 1809): онъ, имѣя въ виду главн. обр. Слово о п. И., относится очень скептично къ „Древнимъ россійскимъ стихотвореніямъ“ (изд. Якубовича): они, по его мнѣнію, „суть ничто иное, какъ простонародныя русскія сказки, и наполнены самыми нелѣпыми вымыслами.... И такъ, я думаю, что древность сихъ „древнихъ“ стихотвореній никто защищать не станетъ. Время, около котораго онѣ писаны, можно опредѣлить съ довольной точностью (онѣ не старше 1606 года, года смерти Григорья Отрепьева, о которомъ у Кирши есть пѣсня) (19)....“ Его, какъ и другихъ воспитанниковъ старинной теоріи, интересуетъ лишь форма: въ народной поэзіи „лишь одно заслуживаетъ вниманія критики и любителей поэзіи: это —большое разнообразіе въ стопосложеніи“ (22). „Есть у насъ еще много простонародныхъ пѣсенъ, продолжаетъ Гр.: древность ихъ также не далеко простирается: кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и оборотовъ рѣчи, въ языкѣ ихъ нѣтъ ничего древняго, однако жъ онѣ имѣютъ свое достоинство. Сверьхъ разнообразія, которое находится въ ихъ стопосложеніи, въ нихъ виденъ, по крайней мѣрѣ, духъ народной поэзіи; и во многихъ довольно нѣжности, чувства и простоты. Вообще содержаніе ихъ печальное; сей духъ унынія, можетъ быть, есть плодъ порабощенія Россіи татарами....“ (30). Высоко цѣня красоты древняго народнаго языка, находимыя въ Словѣ о п. И., Грам. кончаетъ: „Если мы будемъ заимствовать ихъ и обогащать нашъ русской языкъ

словами и выраженіями, осторожно взятыми изъ него, то послѣдній не уступитъ ни одному изъ новѣйшихъ языковъ, и сей богатый запасъ для него никогда не истощится" (32). Т. о. Грамматинъ, если и далекъ отъ увлеченія народной поэзіей, отдавая предпочтеніе древнему русскому народному языку письменности, все же признаетъ нѣкоторое значеніе за ней въ области формы и содержанія. Черезъ 9 лѣтъ, видимо, воззрѣніе на народную поэзію уже сильно измѣнилось къ лучшему; объ этомъ можно судить по статьѣ, напр., *А. Глаголева* „О характерѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ" (Труды общ. люб. рос. слов., ч. XI (1818), стр. 33—51). Сторона настроенія, передаваемая пѣсней, выдвигается (м. б. подъ вліяніемъ сентиментальнаго теченія въ нашей литературѣ) на видное мѣсто, значеніе пѣсенъ въ національномъ отношеніи (опять таки подъ вліяніемъ общаго теченія въ сторону народности) устанавливается все прочнѣе, подчеркивается ихъ простота, близость къ природѣ. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ статьи Глаголева: „Народная пѣсня есть простое изліяніе сердца, потрясеннаго пріятнымъ или непріятнымъ или сильными чувствами. Сочинители сего рода стихотвореній руководствуются по большей части одною природою. Склонность къ пѣнію, врожденная всѣмъ людямъ, учитъ измѣнять голосъ; склонность къ ладу, примѣтная во всѣхъ движеніяхъ, производитъ мѣру въ словахъ.... (33). Разные народы одарены разными степенями чувствительности и воображенія; отъ сего и пѣсни ихъ имѣютъ разные характеры..... русскія—томны.... Народныя пѣсни должны быть для насъ драгоцѣнны, сколько для археолога древніе памятники, ибо въ нихъ узнаемъ духъ своихъ предковъ, ихъ нравы, понятія и чувства (35)..... Русскія голосовыя пѣсни по содержанію своему могутъ раздѣлиться на историческія, семейственныя, любовныя и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются преимущественно томностію, иныя нѣжностью, всѣ вообще простотою и чувствами (41)..... Достоинство пѣсни состоитъ безъ сомнѣнія не въ игрѣ словъ и воображенія, но въ чувствахъ, въ движеніяхъ, въ природѣ—и вотъ торжество Музы прежнихъ временъ! (ссылка на „Разговоры о словесности" А. С. Шишкова).... Надобно желать, чтобы и стихотворцы обратили особенное вниманіе на сіи родныя намъ творенія, особливо въ нынѣшнее время, когда композиторы плѣняютъ насъ русскими голосами, когда красавицы восхищаютъ насъ пѣніемъ русскихъ пѣсенъ, и когда русскіе начинаютъ любить русское" (51). Взглядъ, проникнутый уже научнымъ воззрѣніемъ на народную пѣсню, взглядъ *К. Ѳ. Калайдовича* (Древнія россійскія стихотворенія, изд. 2-ое, М. 1818, предисловіе) подтверждаетъ высказанное по поводу Глаголева. Съ такой подготовкой, какъ разъ въ это время, выступаетъ и Цертелевъ.

[72]) Объ этомъ сообщаетъ онъ самъ въ предисловіи къ своему „Опыту" (стр. 1) и вспоминаетъ позднѣе въ письмѣ къ Максимовичу (В. Е. 1827 г. № 12, стр. 275).

[73]) Сюда относятся его замѣчанія на первую грамматику малорусскаго языка Павловскаго (1818); см. Дашкевичъ, ук. соч. 120.

[74]) Это „Разсужденіе" вышло предварительно въ „Сынѣ Отечества" 1818 г. (ч. 45). Словарчикъ интересенъ для насъ также и потому, что имъ пользовался и Н. В. Гоголь, составляя свой словарь въ „Книгѣ всякой всячины" (VII, 885),

наравнѣ съ словарчикомъ, приложеннымъ къ изданію „Энеиды“ Котляревскаго.

[75]) Ср. А. Н. Пыпина, Ист. Этн. III, 12.

[76]) Дополнить ихъ можно выписками, сдѣланными А. Н. Пыпинымъ и Н. П. Дашкевичемъ въ упомянутыхъ трудахъ.

[77]) Въ видѣ поясненія Ц. далѣе приводитъ примѣры этой непосредственности, указывая на думу о погребеніи Хмельницкаго, разбирая значеніе кукушки, какъ символа горести малороссіянъ: „поетъ она надъ головою казака однозвучную унылую пѣснь свою, какъ сестра оплакиваетъ брата или мать сына. Разбирая извѣстнаго автора, замѣтилъ бы я въ подобномъ случаѣ искусный переходъ отъ ужаса къ нѣжности; разсматривая же пѣсню простого казака, я удивляюсь вѣрности, съ каковою выразилъ онъ движенія своего сердца“ (стр. 8—9). По поводу начала думы о бурѣ на Черномъ морѣ (Алексій Поповичъ) Цертелевъ замѣчаетъ: „прекрасныя *оссіяновы* описанія бури едва-ли заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности“(стр. 10).

[78]) Изъ статей Цертелева въ этотъ промежутокъ времени обращаютъ на себя вниманіе: „О произведеніяхъ древней русской поэзіи“ (Спб. 1820), „Взглядъ на русскія сказки и пѣсни“ (Спб. 1820), рецензія на изданіе Челаковскаго „Slovanské národné písnê“ (Прага 1823)—въ Сѣв. Архивѣ 1824 г. № 2 (смѣсь, стр. 102 и сл.), „О народныхъ малороссійскихъ стихотвореніяхъ“—въ „Благонамѣренномъ“ 1825 г. № 20, стр. 216—227. Въ первой видимъ повтореніе въ болѣе увѣренномъ уже тонѣ высказаннаго въ „Опытѣ“: „Многіе считаютъ даже неприличнымъ помѣщать произведенія прежней безъискуственной поэзіи съ произведеніями нынѣшней систематической. Но сколь часто полевой цвѣтокъ бываетъ украшеніемъ букета!.... Народныя русскія пѣсни можно назвать отголоскомъ сердца и ума предковъ нашихъ; въ нихъ хранятся нѣкоторыя историческія подробности, многіе обычаи, особенная гармонія, духъ языка и народа....“ (21—22) Почти тоже повторено во второй брошюрѣ (см. стр. 16). Въ рецензіи на книгу Челаковскаго, Цертелевъ удивляется, что въ нее вошло такъ мало малорусскихъ пѣсенъ, тогда какъ по части пѣсенъ малороссы самый богатый изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, заканчиваетъ характернымъ приглашеніемъ обратить вниманіе на свою народную поэзію: „намъ русскимъ, старшимъ потомкамъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ Сербамъ (имѣется въ виду В. Караджичъ) и Богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и, имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе умирающей, совершенно нерадѣть о томъ“ (цит. по Н. П. Дашкевичу, ук. соч. 121). Письмо Максимовичу, цитируемое далѣе, написано, какъ ясно изъ его содержанія, въ отвѣтъ на просьбу Максимовича прислать ему, какъ готовящему изданіе малорусскихъ пѣсенъ, матеріала; при письмѣ Ц. и посылаетъ 32 *обѣщанныя* малор. пѣсни.

[79]) Сюда присоединено любопытное примѣчаніе: „Многіе думаютъ, что всѣ сіи стихотворенія сложены простымъ народомъ, по сіе не справедливо. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ, очевидно, высшему сословію“.

[80]) Въ доказательство этой мысли авторъ письма ссылается на напечатанные

имъ образцы русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ, первыя—въ „Соревнователѣ просвѣщенія“ на 1823 г. № 4, вторыя—въ „Благонамѣренномъ“ 1825 г. № 20. Въ „Благонамѣренномъ“ же Цертелевымъ дана почти таже характеристика малорусскихъ пѣсенъ, что и приведенная: „Малороссійскія стихотворенія весьма разнообразны, краски ихъ всегда вѣрны, сравненія близкія, выраженія точныя. Иногда видны въ нихъ порывы необузданной страсти, иногда тихое, но глубокое чувство и вездѣ все оживляющее, юное воображеніе.... (222). Скажите, многіе ли романсы наши могутъ равняться съ сею простою сильною поэзіею?“ (227). Въ началѣ письма повторена мысль, высказанная по поводу книги Челаковскаго: „пора и намъ обратить вниманіе на произведенія народной нашей поэзіи: одни мы изъ просвѣщенныхъ европейцевъ остаемся равнодушны къ сему предмету“ (270—271). Другія выписки изъ письма см. у Дашкевича, ук. соч., 121—122.

[81]) О Трощинскомъ см. Рус. Стар. 1882 г. VI, 641—682; много о немъ и его значеніи говорится въ біографіи Гоголя (Шенрокъ, Матеріалы, указ. s. v.); ср. также Петрова, Очерки укр. лит., указатель s. v., наконецъ въ моей рѣчи о нѣжинскомъ періодѣ Гоголя (см. прим. 2). О Харьковскомъ кружкѣ, къ которому временно принадлежалъ и Кулжинскій, см. выше—о Склабовскомъ. Оживленіе этнографич. интереса въ литературѣ, конечно, не ограничивалось упомянутыми фактами. Наглядиѣе всего это видно изъ тогдашнихъ журналовъ, гдѣ оригинальныя статьи, какъ и переводныя, начинаютъ пестрить ихъ страницы. Указаніе этихъ статей завело бы насъ далеко отъ ближайшей задачи. Ограничусь примѣрами: въ Вѣстн. Евр. 1826 г. переводится статья Бродзинскаго о народныхъ пѣсняхъ славянъ (№ 13), въ 1827 г. того же журнала опять переводная съ польскаго статья Зубрицкаго о пѣсняхъ русинскихъ (№ 11, стр. 191—201), гдѣ даже приводятся три малорусскихъ пѣсни, начало четвертой, дается опредѣленіе „вечерницъ“ и т. д. См. также Б. Д. Гринченко „Литер. украинск. фольклора“ (Черниг. 1901), № 15, 16, 22, 23.

[82]) Не рѣшаясь точнѣе опредѣлить источникъ подобныхъ воззрѣній, за неимѣніемъ подъ рукой подлежащаго матеріала, а нахожу не лишнимъ напомнить, что въ рукахъ у К-аго могли быть уже изданія лѣтописей (на что онъ намекаетъ и самъ, что видно и изъ нижеслѣдующаго): ко времени работы К-аго уже были изданы Никоновская (1767—92), Кенигсбергская (1767), Новгородскія обѣ (1781, 1786), Софійская (1795) и даже часть Лаврентьевской (1824); могли быть ему извѣстны и Татищевъ и др. историки, наконецъ даже одно изъ многочисленныхъ изданій Синопсиса Гизеля, гдѣ какъ разъ есть и тоже объясненіе имени Славянъ: „такожде и языкъ Славенскій.... отъ славы имени Славяномъ Славенскъ наречеся“ (стр. 5 по изд. Спб. 1810).

[83]) Повидимому, имѣются въ виду слова начальной лѣтописи: „отъ тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ..... бяху же мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне.... Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ.....“ (см. изд. Лавр. лѣт. Тимковскаго (М. 1824), стр. 3, 5, 7—8).

[84]) Изъ Сл. о п. И.: „они же (струны) сами княземъ славу рокотаху". Подъ Владиміромъ К-ій подразумѣваетъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, „ясное русское солнышко", т. е. былиннаго Владиміра (75). Это смѣшеніе великорусской (когда то южно-русской, какъ выходитъ изъ словъ К-аго) съ современной малорусской поэзіей видно и далѣе: бандуристъ поетъ о *богатыряхъ* древняго времени.

[85]) Ср. выше прим. 77; ср. въ предисловіи къ изд. 1800 г. Сл. о п. И.: „любители россійской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ *Оссіяновъ*, слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу" (стр. VI). Объ Оссіанѣ и его вліяніи на литературу русскую и ея стиль нѣсколько фактовъ сгруппировано въ книгѣ П. Замотина „Романтизмъ 20-хъ годовъ" (Варш. 1903), 37—50.

[86]) Слѣдуетъ неудачный примѣръ этой грубости: „ой якъ ты уродлива"— обращеніе къ милой, т. е., смѣшеніе малорусскаго „уродли́вый" (красивый, пригожій) и великорусскаго „уро́дливый". Объясненіе огрубѣнія нравовъ подъ вліяніемъ татарщины и въ частности въ примѣненіи къ поэзіи у К-аго также едва ли оригинально: это мнѣніе въ общемъ—ходячее, въ частности знакомо намъ еще изъ Грамматина (прим. 71)

[87]) Ср. выше, прим. 76.

[88]) Охваченный этими воспоминаніями, авторъ въ сильно приподнятомъ тонѣ приводитъ мѣстную (вѣроятно, имъ самимъ слышанную) черниговскую легенду о княжнѣ Цернѣ, перенося ее во время разоренія Чернигова Батыемъ; легенда извлечена якобы изъ полусгнившей рукописи, попавшей въ руки автора и содержавшей одинъ древній лѣтописецъ (82—87): „Но и эту славную княжну не воспѣлъ ни одинъ Бардъ, ни одинъ Бардъ не вызвалъ ее изъ области тѣней". Объ этомъ преданіи кое-что см. Труды XII арх. съѣзда (М. 1905), III, 173—174. Ближайшій источникъ К-аго мнѣ остался неизвѣстенъ. Ср. Моск. Тел. 1827 г. № 3, стр. 233; Періодич. соч. объ успѣхахъ просв. XLI, (1816), 269; Древняя и Новая Россія 1875 г. № 3, стр. 264; Черниг. губ. вѣд. 1852 г. № 44, стр. 489 (неофф. отд.).

[89]) П. В. Владиміровымъ („Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", Кіевъ, 1890, стр. 19) высказано предположеніе, что пѣсни эти заимствованы быть могли К-имъ изъ „Новѣйшаго всеобщаго и полнаго пѣсенника.... П. Ш." (1819 г.), гдѣ во II ч. отд. 2 есть „Пѣсни малороссійскія", отчасти изъ „Опыта" Цертелева (1819), Указаніе на „Пѣсенникъ" взято изъ Ист. этн. А. Н. Пыпина (III, 11=Вѣстн. Евр. 1885, VIII, 754). Ссылка на „Опытъ"—не можетъ быть принята, такъ какъ тамъ нѣтъ пѣсенъ, приводимыхъ у К-аго (у Цертелева только думы и эпич. пѣсни, 21—58). Не могъ К-ій заимствовать и изъ „Пѣсенника" 1819 г.: ни въ немъ, ни въ рядѣ другихъ (мною просмотрѣно болѣе 20 пѣсенниковъ съ малорусскими пѣснями, кромѣ этого, изъ времени 1790—1827 г.) въ числѣ малорусскихъ пѣсенъ ни одной, одинаковой съ изданными у К-аго: К-ій, несомнѣнно, самъ могъ слышать и запомнить пѣсни, проведя молодость въ м. Воронежѣ и будучи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, человѣкомъ не только любовно и съ увлеченіемъ относившимся къ народной жизни, но и наблюдательнымъ; это предложеніе еще болѣе подтверждается случайно:

въ „Живой старинѣ“ 1905 г. (т. XIV, 3—4, стр. 513 и сл.) есть этнографич. описаніе какъ разъ родного села Кулжинскаго—Воронежа, гдѣ описаны „обжинки“, „свадьба“ и т. д.; по первому описанію убѣждаемся, что, несмотря на риторическую мишуру, К-ій точно описалъ обычай „обжинокъ“; даже пѣсня „Ой панночку нашъ“, на которую указываетъ К-ій, до сихъ поръ уцѣлѣла и записана Н. Абрамовымъ (11 стр. отт.). Таже точность, при тѣхъ же „украшеніяхъ“ рѣчи, видна и въ описаніи свадьбы; ср. о *предковскомъ мечѣ*, увитомъ барвенкомъ и рутой (68), о короваѣ (70) съ описаніемъ у Абрамова (16, 23). Если принять во вниманіе біографич. данныя К-аго приблизительно до 1825 года (когда написана „М. Д.“), думаю, не будетъ большой смѣлостью предположеніе, что, излагая свои наблюденія надъ обычаями и поэзіей, К-ій имѣлъ въ виду прежде всего свое село Воронежъ, гдѣ онъ выросъ; другими мѣстами его пребыванія были только Черниговъ и Нѣжинъ, гдѣ, разумѣется, кругъ наблюденій его не былъ широкъ въ этомъ отношеніи, и про которыя онъ не могъ говорить, выставляя свой выше приведенный эпиграфъ изъ Горація (см. пр. 59). Что касается догадки Кулжинскаго о польскомъ происхожденіи бандуры, то она не нова. Старѣйшее изъ извѣстныхъ мнѣ извѣстій такого рода относится къ 1771 году въ Essai sur la littérature russe Н. А. Дмитріевскаго, гдѣ послѣ перечня русскихъ писателей (см. П. А. Ефремова „Мат. для исторіи русской литературы“, Спб. 1867, стр. XI и 145 и сл.—перепечатка) слѣдуетъ une histoire abregée de la musique en Russie (оставшаяся не перепечатанной до сихъ поръ). Соотвѣтствующій отрывокъ, не безъинтересный и вообще для характеристики взглядовъ на Малороссію въ XVIII в., привожу по изданію 1774 года (16⁰ Livourne): On connoît aussi dans ce pays depuis un temps immémoriale la *Pandore* et le Gusli, mais l'un et l'autre de ces instruments sont moins en usage parmi le peuple de la campagne que dans les villes. La Pandore est une èspece de luth. Elle est originaire de la Pologne, ou plutôt de l'Ukraine; cette dernière contrée fournit les plus habiles joueurs de cet instrument. L'Ukraine est à la Russie ce, que le Languedoc et la Provence sont à la France. La situation méridionale de cette province, l'extrême fertilité de son sol, l'abondance dont les effets naturels sont l'aisance de la vie et l'attrait du plaisir, tout porte les habitants de cette contrée à une vie voluptueuse. Jls aiment tous la musique et la danse et ne paroissent pas avoir d'occupation plus importante que celle de se divertir. Jls excellent singulierement sur la Pandore dont ils accompagnent des chansons ou tendres ou badines, qu'ils ont en grand nombre. Beaucoup de ces habitants se rendent à Moscou ou à Petersbourg et se mettent au service des grands en qualité de musiciens: leur nombre a cependant sensiblement diminué en Russie depuis que le goût de la musique italienne y est devenu plus général (стр. 45—46).

90) См. прим. 62. Здѣсь нельзя не добавить, что описанія быта, обстановки обычаевъ не были часты въ тогдашней литературѣ, особенно по отношенію къ Малороссіи, и К-ому принадлежитъ хронологически одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. Ср. Моск. Тел. 1827, III, 233.

91) См. прим. 56. „Казацкія шапки“, кстати здѣсь указать, подверглись позднѣе

даже драматической обработкѣ; см. *А. В. Тупаловъ* „Геройскій подвигъ Нѣжинскихъ казачекъ". Спб. 1873, 16°.

[92]) Ср. вліяніе думъ на К. Ѳ. Рылѣева, отмѣчаемое Н. П. Дашкевичемъ, ук. соч., 173 примѣч. Можно думать, что и у К-аго кое-что навѣяно народными казацкими пѣснями и прямо думами; напр., мысль о скорби матери по сынѣ, образъ атамана на игривомъ конѣ; ср. думу о Морозенкѣ:

Попереду Морозенько сивимъ конемъ виграває,
Та схиливъ же голивонку сиву коню ажъ на гриву и т. д.

[93]) Этотъ терминъ К-ій поясняетъ: „Въ Малороссіи при многихъ сельскихъ церквахъ есть пчелы. Церковный староста къ извѣстнымъ праздникамъ варитъ медъ, и деньги, вырученныя за оный, вноситъ въ церковную кассу. Отсюда техническое выраженіе малороссіянъ: „ходимо въ медъ".

[94]) Ср. Максимовичъ „Малорос. пѣсни" (1827), предисловіе, стр. XI. К-ій самыхъ пѣсенъ и игръ не приводитъ, ограничиваясь лишь указаніемъ, вѣроятно, по памяти (ср. также стр. 50), на гопакъ, присядку, дробушечки. Припомнимъ, что и Гоголь интересовался играми, очевидно, желая имѣть характерный бытовой матеріалъ для своихъ повѣстей, почему въ „Книгѣ всякой всячины" (VII, 878—79) у него записано: „Игры. Увеселенія малороссіянъ"; въ числѣ ихъ: Улавы, Пахвиля, Пашокъ—карточныя игры; Хрещикъ, Журавль, Воронъ, Краглп—хороводныя (ср. Письма, ред. Шенрока, I, 122—123).

[95]) Содержаніе ея типичное „чувствительное": Терешко—пріемный сынъ головы деревенскаго, Вася—родной сынъ; оба идеальные друзья, становятся соперниками въ любви къ Марусѣ; Вася не устоялъ, враждуетъ, подводитъ подъ рекрутчину Терешка, но находится охотникъ за него; Терешко Маруся и живутъ до глубокой старости благословляя судьбу и нѣжно любя другъ друга. Влюбленная по уши Маруся, въ родѣ гоголевской Оксаны, не можетъ всю ночь сомкнуть глазъ („тихіе ангелы не имѣли надобности охранять сонъ Маруси: она не могла сомкнуть глазъ чрезъ цѣлую ночь"); дѣло кончается свиданіемъ на кладбищѣ, гдѣ ей Терешко рисуется мертвецомъ, ходящимъ по могиламъ, и т. п. Что касается послѣдняго „украинскаго" романа „Ѳедюши Мотовильскаго", то въ немъ К-ій, оставаясь тѣмъ же поклонникомъ чувствительнаго, идилличнаго, пробуетъ очертить бытъ малороссійскаго мелкаго помѣщика, не прочь заявить свои симпатіи доброму старому времени, когда „наши отцы не учились нынѣшнимъ философіямъ, да были умны и счастливы" (53), пробуетъ иронически описывать бурсаковъ (45) и т. д.

[96]) Напомню, что „Дамскій журналъ" началъ выходить въ Москвѣ съ 1823 года (ч. I, кн. 1 носитъ цензурную помѣту этого года—26 февр.) два раза въ мѣсяцъ, а съ 1829 года еженедѣльно. Съ 1825 г. постояннымъ, усерднымъ сотрудникомъ становится М. Н. Макаровъ, въ 1823—4 гг. особенно много помѣщалъ въ немъ стихотвореній А. Иванчинъ-Писаревъ. Первое время (до 1826 г.) журналъ пользовался несомнѣнно симпатій лучшей части литературныхъ людей; въ немъ принимали участіе такія лица, какъ кн. Вяземскій (Изъ Байрона—I, 1, стр. 29), В. Л. Пушкинъ

(Совѣтъ огорченному I, 1, 34; Куплеты I, 3, 110; Подражаніе Петраркѣ II, 7, 23), даже А. С. Пушкинъ (Черкесская пѣсня I, 1, 41) и др. О взглядахъ Пушкина на Шаликова ср. VII (лит. фонда), 111 (1825 г.), 129, 152; ср. 223 (1830). Характеристика Шаликова въ „Домѣ сумасшедшихъ" А. Ѳ. Воейкова—общеизвѣстна. Превосходную характеристику его же далъ А. Н. Веселовскій („Жуковскій", Спб. 1904, стр. 42—44), у него же (40—50)—общая характеристика теченія чувствительности въ литературѣ.

[97]) Это направленіе еще въ большомъ ходу, напр., въ Нѣжинѣ въ годы ученія Гоголя и дѣятельности К-аго, какъ писателя; см. мою рѣчь „Гимн. высш. наукъ и нѣжинскій періодъ жизни Гоголя" (Кіевъ, 1902), стр. 19—20. О программахъ по русской литературѣ въ Гимн. высшихъ наукъ см. тамъ же, 18. Интересенъ отзывъ (правда позднѣйшій) К-аго о своемъ сослуживцѣ П. Никольскомъ, учителѣ Гоголя по словесности: „Парфеній Никольскій устарѣлъ, остановился на Херасковѣ, Державинѣ и Карамзинѣ.... а на Пушкина, Козлова и Дельвига и вообще на всю эту молодежь смотрѣлъ съ видомъ негодованія и сожалѣнія, которое доказывалъ тѣмъ, что вовсе не читалъ ихъ" (Воспоминанія учителя (пис. 1854), 12). Иначе нѣсколько смотрѣлъ на тѣхъ же писателей самъ К-ій въ 20-хъ годахъ, какъ увидимъ сейчасъ.

[98]) Моск. Телегр. 1827 г. № 3, стр. 230, 231, 233, 234.

[99]) Къ нимъ присоединяетъ П.—Галуховскій (ibid, 236) и „Мал. дер.". О путешествіи Измайлова есть любопытная статейка В. Горленка „Кіевъ въ 1799 г." (въ его „Южнорусскихъ очеркахъ и портретахъ" (Кіевъ 1898), стр. 75 и сл.; тоже—въ Кіев. Стар. 1885, III, 581—592). По наблюденію автора статьи, у Измайлова реальнаго мало, преобладаетъ стремленіе передать возможно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души.

[100]) Любопытно для сравнительной характеристики учителя и ученика сопоставить это мѣсто съ извѣстнымъ мѣстомъ въ „Мертвыхъ душахъ", имѣющимъ также автобіографич. значеніе: „онъ (писатель) не имѣетъ обыкновенія смотрѣть по сторонамъ, когда пишетъ; если же и подыметъ глаза, то развѣ только на висящіе передъ нимъ на стѣнѣ портреты: Шекспира, Аріоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразившихъ природу таковою, какъ она была, а не таковою, какъ угодно было кому нибудь, чтобы она была" (VII, 140).

[101]) Сюда присоединить надо выписки—выше въ прим. 59.

[102]) Послѣдніе стихи, ясно, взяты К-имъ или изъ стихотворенія К. Н. Батюшкова „Счастливецъ":

Сердце наше—кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно.... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ....

(Изд. Л. Н. Майкова (Спб. 1887), I, 124 и 345), или же изъ „Дома сумасшедшихъ" А. Ѳ. Воейкова (изд. А. Ефремова въ Русск. Стар. 1874, III, 592), гдѣ пародируются эти стихи Батюшкова въ его каррикатурной характеристикѣ. Первое

предположеніе вѣроятнѣе, и въ силу настроенія К-аго, и въ виду того, что „Домъ сумасшедшихъ" въ то время напечатанъ еще не былъ (впервые онъ изданъ въ „Современникѣ" 1854 г. № 1, отд. III, 18—19) и ходилъ въ рукописяхъ. Для уясненія отношеній К-аго, какъ чувствительника, къ Шаликову, напомню (опуская каррикатуру Воейкова въ томъ же „Домѣ сумасшедшихъ") поэтическую шутливую характеристику его у Батюшкова:

„Кто ты?"—Увы, я пастушокъ,
Вздыхатель, завсегда готовый;
Вотъ мой баранъ и посошокъ,
Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
Которыми дышалъ и жилъ.
Вотъ мой Амуръ, моя Аглая.—
Сказалъ и, тягостно зѣвая,
Съ просонья въ Лету поскользнулъ. (ук. изд., I, 81)

103) Ср. А. Н. Веселовскій, у. с., стр. 45—46.

104) „Старовѣрскіе" взгляды К-аго на литературу, при его симпатіяхъ къ нарождающейся народности, освѣщаются отчасти его рѣчью о славянскомъ языкѣ произнесенной въ 1829 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности въ Москвѣ (см. выше, прим. 31): говоря о роли славянскаго языка для современнаго русскаго литературнаго, онъ, хотя и много умѣреннѣе, но все же приближается ко взглядамъ Шишковцевъ, также проникнутъ патріотизмомъ этой литературной школы. Ср. выше, прим. 71, взглядъ А. Глаголева (въ концѣ). Въ этомъ отношеніи нѣкоторый интересъ для освѣщенія Кулжинскаго, какъ представителя литературы, можетъ служить сопоставленіе его еще съ однимъ передовымъ дѣятелемъ поколѣнія, нѣсколько старшаго, именно съ *А. А. Палицынымъ* (†1811), также южаниномъ, но не дожившимъ до возрожденія мѣстныхъ литературныхъ и этнографическихъ интересовъ. Его такъ характеризуетъ біографъ: онъ былъ сторонникомъ новаго направленія, сентиментальнаго, съ примѣсью романтизма, направленія, основаннаго на восхищеніи природой и подражаніи ей. Онъ былъ переводчикомъ „Новой Элоизы", „Садовъ" Делиля, перелагалъ „Слово о полку Игоревѣ", наконецъ былъ авторомъ любопытнаго въ историколитературномъ отношеніи „Посланія къ Привѣтѣ, или воспоминанія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени". Живое чувство патріотизма, выражающееся въ преданности русскому языку и русской литературѣ, пробивается на каждой страницѣ его посланія. (Н. Ѳ. Сумцовъ „Изъ украинской старины". Харьк. 1905, стр. 40, 43).

105) Вотъ что записалъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ учителя"; „Чтобы поддержать славу своего „латынскаго" происхожденія (онъ былъ учителемъ латинскаго языка), я дождался перваго торжественнаго акта гимназіи и произнесъ на немъ латынскую рѣчь De differentia classicam inter et sic dictam romanticam poësin.... Вопросъ о романтической поэзіи былъ тогда (1830 г.) животрепещущею современностью. Надеждинъ въ Москвѣ защищалъ докторскую диссертацію по этому предмету. Мо-

сковскій Телеграфъ цѣлыми горстями сыпалъ на публику все то, что находилъ объ этомъ въ иностранныхъ журналахъ; вся образованная Россія была раздѣлена на *классиковъ* и *романтиковъ*, хотя—правду сказать—многіе не совсѣмъ отчетливо понимали, что такое классицизмъ и романтизмъ" (Москвит. 1854 г. № 21, смѣсь, стр. 13). Изъ приведенныхъ словъ ясно, что „латынское происхожденіе" здѣсь ни при чемъ: литературный интересъ былъ толчкомъ, а „латынское происхожденіе" лишь развѣ при томъ, что рѣчь была написана по латыни. Она явилась какъ будто независимо отъ диссертаціи Н. И. Надеждина, о которой К-ій узналъ во время печатанія своей рѣчи (см. приписку въ концѣ рѣчи, стр. 21). Но кое-что о взглядахъ Надеждина знать онъ могъ и до того времени: въ Вѣстн. Евр. 1830 г. № 1 появился отрывокъ изъ диссертаціи (по словамъ ред. М. Т. Каченовскаго, заключеніе ея) подъ заглавіемъ „О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи" (онъ перепечатанъ въ „Полномъ собраніи сочиненій В. Г. Бѣлинскаго", подъ ред. С. Венгерова, I (Спб. 1900), 499—524). Примѣчаніе Каченовскаго, что цѣлію „Опыта" (диссертаціи) Надеждина было „преимущественно показать, что споръ между классицизмомъ и романтизмомъ возникъ единственно отъ недоразумѣнія обѣихъ сторонъ", и могло служить для Кулжинскаго побужденіемъ взять темой для рѣчи этотъ модный вопросъ; ср. выше цитату изъ его „Воспоминаній учителя". Вопросъ о романтизмѣ, видимо, и послѣ интересовалъ Кулжинскаго, какъ можно заключать по тому, что въ 1846 г. (Москвитянинъ, ч. IV, № 7, стр. 51—64) онъ вернулся къ нему, а въ 1850 году счелъ не лишнимъ перепечатать сказанное въ 1846 г. (см. Сочиненія К-аго, I (Спб. 1850), 179 и сл.).

[106]) Излагаю содержаніе этой рѣчи довольно подробно потому, что книжка К-аго, какъ изданіе провинціальное, а потому довольно рѣдкое, остается до сихъ поръ не замѣченной излѣдователями исторіи романтизма у насъ: о ней нѣтъ упоминанія ни у Н. К. Козмина (Очерки изъ исторіи романтизма, Спб. 1903, см. гл. „Сужденія о классической и романтической литературахъ" (315—465), гдѣ ожидалось бы это упоминаніе), ни у И. И. Замотина (Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол., 321—377); нѣтъ упоминанія и о книжкѣ Вильмена—Nouveaux mélanges historiques et littéraires (1827), одномъ изъ главныхъ источниковъ Кулжинскаго (ср. у Замотина, у. с., стр. 243—244).

[107]) Также отрицательно отнесся къ Аристотелю въ этомъ случаѣ и Д. В. Веневитиновъ (Сынъ Отечества, 1825, ч. 100, № 8; цитата по Козьмину, у. с. 319).

[108]) Вотъ слова К-аго: „Poësin esse non nisi artem, quae, sibi propriis mediis, exerit et quasi enucleat ideam Pulchri" (12).

[109]) Далѣе—примѣры изъ Жуковскаго, Ѳ. Глинки. Нѣчто въ этомъ родѣ высказывалъ и Надеждинъ въ „Атенеѣ" 1830 г. (№ 1, ст. „Различіе между классическою и романтическою поэзіею, объясняемое изъ ихъ происхожденія"): греческій геній отмѣчается опредѣленнымъ единствомъ идей и формъ; у грековъ же „первообразъ изящества составляла для нихъ внѣшняя, матеріальная сторона бытія, чувственная гармонія физической природы"; чѣмъ самобытнѣе, чище было творчество грековъ, тѣмъ „ощутительнѣе выражалось въ немъ торжество матеріи подъ духомъ, формъ

надъ идеями". Таже у Надеждина и роль христіанства, явившагося на развалинахъ античнаго міра: „Христіанство, проповѣдуя безусловное торжество внутренняго, безплотнаго человѣка надъ тѣлеснымъ и внѣшнимъ, должно было сосредоточить всѣ движенія обновленной имъ жизни за предѣлами чувственнаго міра въ незримой безднѣ духовнаго бытія". „Итакъ, заключаетъ Н-ъ, нѣтъ сомнѣнія, что направленіе новаго европейскаго искусства заключается въ стремленіи къ одухотворенію вещественной жизни, къ просвѣтлѣнію внѣшней красоты формъ незримымъ, идеальнымъ изяществомъ" (по книгѣ Н. К. Козьмина, стр. 441, 442, 443). И эту статью могъ, какъ и въ Вѣстн. Евр. (см. пр. 105.), имѣть уже К-ій; ср. еще совпаденія относительно „Безконечнаго, какъ сущности изящнаго" у Надеждина и К-аго (Idea infiniti Entis, p. 13)—у Козьмина, у. с., 447.

[110]) Эту же роль приписываетъ трубадурамъ и Н. И. Надеждинъ; см. Вѣстн. Евр. 1830 г. № 1 (по перепеч. у Венгерова—Бѣлинскій, I, 502).

[111]) Имѣется въ виду въ качествѣ „старшаго", конечно, В. Л. Пушкинъ.

[112]) Полагаю не лишнимъ привести въ подлинникѣ отзывъ о Пушкинѣ, до сихъ поръ, кажется, не отмѣченный въ Puśkiniana'хъ: „Omnibus tamen his posthabitis, nunc in patria nostra avide legitur Puschkin junior, qui tamen ad romanticam scholam quoad externam modo partem suorum poëmatum pertinet—intime avidus cultor classicismi. Durum est, attamen veritas jubet fateri, hunc poëtam nobis majora pollicitum esse, et, proh dolor, expectationibus nostris hucusque minus satisfecisse....."

[113]) Не излагая подробно взглядовъ Н. И. Надеждина на романтизмъ и его будущее, ограничусь приведеніемъ лишь тезисовъ диссертаціи его, напечатанныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" (1830 г., № 8, стр. 401—402): I. Гдѣ жизнь, тамъ *поэзія;* II. *Поэзія,* сама въ себѣ единая (ср. Кулжинскаго, выше), разнообразна въ своихъ видоизмѣненіяхъ; III. Видоизмѣненія поэзіи опредѣляются духомъ возраста рода человѣческаго, въ коемъ она существуетъ; IV. Три видоизмѣненія принимала доселѣ поэзія, являвшись: *первобытною, классическою* и *романтическою*; V. Романтическая поэзія существовала и уже не существуетъ; VI. Періодъ романтической поэзіи ограничивается пространствомъ временъ, именуемыхъ *средними*; VII. Для поэзіи романтической высочайшій первообразъ составляетъ внутренняя человѣческая природа; VIII. Духъ романтической поэзіи былъ развитіе духа временъ среднихъ; IX. Міръ, въ которомъ живемъ мы, отъ временъ среднихъ существенно отличается; X. Романтической поэзіи возстановленіе въ наши времена не возможно; XI. Поэзія, слывущая нынѣ романтическою, представляетъ только лживый ея призракъ; XII. Суетныя подражанія романтической поэзіи для нашихъ временъ постыдны и вредны; XIII. Къ предъотвращенію порчи, коею лживый призракъ романтической поэзіи угрожаетъ поэтическому духу, изученіе *классической* поэзіи представляетъ надежнѣйшее и спасительнѣйшее средство. XIV. Наше отечество преимущественно должно вооружаться изученіемъ классической древности противъ пагубныхъ вторженій лживаго классицизма.—Ср. возраженія Надеждину Н. Камашева у Козьмина, у. с. 336—337.

[114]) Каковы В. Т. Плаксинъ, кн. П. А. Вяземскій; см. Козьминъ, у. с. 323—4,

368 (выписки), 373—4.

[115]) Кстати отмѣтить, для полноты представленія о К-омъ, какъ теоретикѣ литературы, его позднѣйшее воззрѣніе на классицизмъ: оно уже перестало быть объективнымъ, стало патріотическимъ; въ 1846 г. (см. пр. 105) онъ уже пишетъ: „между классицизмомъ и романтизмомъ находится такое же отношеніе, какое между католицизмомъ и протестантизмомъ. Мы не принадлежимъ ни къ тому ни къ другому; слѣдовательно, подражательность наша въ семъ случаѣ должна быть, и рѣшительно была, неудачна". (стр. 185). Заявивъ, что ни католицизмъ, „а слѣдовательно и классицизмъ", не сообразны съ нашимъ религіозноисторическимъ достоинствомъ, а также и протестантизмъ (это—„ангелъ тьмы, преобразившійся въ Ангела свѣта") и романтизмъ, авторъ заявляетъ: „Нѣтъ, христіанская религія готова отказаться отъ этой поэзіи, равно какъ и отъ классической.... Не этой литературы требуетъ и наша русская православная природа!" (193) и т. п. Истинные творцы русской литературы для К-аго, это—Грибоѣдовъ, Скобелевъ, Луганскій (Даль), Загоскинъ, Башуцкій и комп. (196).

[116]) Ср. выше, прим. 28, выше также отзывъ его о Гоголѣ. Для сравненія можно взять отношенія К-аго къ младшему товарищу Гоголя, „любимцу" учителя, Е. П. Гребенкѣ; о послѣднемъ К-ій вспоминаетъ тепло, разсказываетъ, какъ тотъ у него бывалъ, какъ онъ снабжалъ его даже книжками литературнаго содержанія (альманахами). И позднѣе К-ій вседа съ любовью о немъ вспоминаетъ: ѣдучи на Кавказъ, въ Пирятинѣ онъ разыскиваетъ Е. П. Гребенку, не скрываетъ своего предпочтенія его Гоголю, находя, что Гребенка мастерски описываетъ малороссійскіе типы, „ежели только захочетъ писать самъ по себѣ и не старается, безъ всякой надобности, подражать Гоголю" (Маякъ 1844, XV=Соч. I, 205). Если бы у него отношенія личныя къ Гоголю были иными, то словоохотливый К-ій нашелъ бы, что вспомнить, а не ограничился бы описаніемъ лишь внѣшности Ѳоголя, франтящаго послѣ выпуска въ сюртукѣ на клѣтчатой подкладкѣ (Восп. учителя, 5, 6), да нѣкоторыми отзывами далеко не лестнаго, въ лучшемъ случаѣ, безразличнаго характера (ср. Гимн. высш. наукъ и Лицей (Спб. 1881), 271): „я писалъ ему нули да единицы..." (что, какъ мы теперь можемъ видѣть изъ вѣдомостей самого К-аго, преувеличеніе со стороны мамуариста); или: „Будучи лѣнивцемъ, Гоголь въ тоже время былъ самымъ благонравнымъ юношей и велъ себя благородно (перваго сказать такъ опредѣленно не могъ бы К-ій, учитель, если бы вспомнилъ, напр., случившееся въ бытность его въ Нѣжинѣ; ср. Гоголевскій сборникъ (нѣжинскій), 366—369; ср. Зап. о жизни Гоголя (Кулиша), II, 274—75).... единицы и даже нуль (!) въ ученіи и пять (4? въ гимназіи была тогда 4-хъ бальная система) въ поведеніи" (Воспом. учителя 5, 6). Наконецъ, какъ то нехотя признается К-ій, что то, что Гоголь былъ terra rudis et inculta, не зналъ спряженія глаголовъ ни на одномъ языкѣ, не помѣшало ему сдѣлаться первоклассным писателемъ-художникомъ (Гим. и Лиц., 271). Если мы и не въ правѣ утверждать, что учитель К-ій относился отрицательно къ своему ученику Гоголю, то, несомнѣнно, въ правѣ заключать, что въ Нѣжинѣ они были лично другъ другу чужды.

[117]) Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, I, 65. Для ясности пониманія этого письма—нѣсколько справокъ: о томъ, что К-ій прибѣгалъ къ покровительству и защитѣ конференціи гимназіи, въ документахъ архива Гимн. высшихъ наукъ слѣда не сохранилось; что конференція его не защитила, если онъ и обращался къ ней, вещь —весьма возможная: оправившійся на Орлая К-ій не былъ симпатиченъ ей, при томъ чуждой всякой литературы, какъ можно заключать изъ отзыва самого К-аго (см. выше, ср. прим. 30); подъ „стихотворнымъ" спокойствіемъ надо видѣть намекъ на то, что и, помимо „Мал. дер.", Гоголю и товарищамъ были извѣстны его стихотворенія, помѣщавшіяся въ „Дамскомъ журналѣ" (о чемъ выше); запираніе К-аго въ канцеляріи, практиковавшееся школярами, объясняется тѣмъ, что К-ій въ это время былъ секретаремъ хозяйственнаго управленія Гимназіи и имѣлъ дѣла постоянно съ экзекуторомъ, а имъ въ то время былъ майоръ С. И. Шишкинъ; театръ—разумѣется театръ въ Гимназіи: другого въ городѣ не было. Наконецъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе упоминаемая Гоголемъ комедія-водевиль: „Малороссійская деревня, или Законъ дуракамъ не писанъ". Была ли сочинена въ Гимназіи такая пьеса, или это только выдумка учениковъ, желавшихъ подразнить „почтеннаго князя"? Съ другой стороны, мы знаемъ изъ воспоминаній Г. И. Высоцкаго (корреспондента Гоголя), что Гоголь написалъ (когда? когда еще Высоцкій былъ въ Гимназіи, откуда онъ вышелъ въ 1826 г.?) сатиру на жителей г. Нѣжина подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или *Дуракамъ законъ не писанъ*", знаемъ даже кое-что объ ея содержаніи или составѣ; наконецъ, тотъ же Высоцкій имѣлъ даже рукопись этой сатиры, впослѣдствіи уничтоженную Гоголемъ (П. А. Кулишъ, Записки о жизни Н В. Гоголя, I, 24—25, отсюда В. И. Шенрокъ, Матеріалы, I, 87; ср. Сочин. Гоголя, VII, 951). Въ какомъ отношеніи находятся между собой эти два сообщенія: Гоголя и Высоцкаго? Если сатира Гоголя появилась еще тогда, когда Высоцкій былъ въ Гимназіи, то Гоголь бы, навѣрное, чѣмъ нибудь отмѣтилъ это въ письмѣ къ Высоцкому, разъ сопоставили „Мал. дер." и сатиру, уже ходившую по рукамъ въ 1826 году; въ такомъ случаѣ ничего общаго по содержанію съ „Малор. дер." она не имѣла, что похоже на правду, если вспомнимъ главы этой сатиры, какъ ихъ передалъ Высоцкій (Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ, Выборъ въ греческій магистратъ, Всеѣдная ярмарка, Обѣдъ у предводителя П., Роспускъ и съѣздъ студентовъ). При сочетаніи же „Мал. дер." и „Законъ дурокомъ не писанъ" (по письму Гоголя) выходитъ, что это была сатира (м. б. пародія въ драматич. формѣ—водевиля) на „Мал. дер."; и если и была такая комедія-водевиль сочинена школьниками, она не имѣла отношенія къ болѣе ранней пьесѣ Гоголя, извѣстной Высоцкому въ рукописи. Допустить путаницу въ воспоминаніяхъ Высоцкаго трудно: ужъ очень точно и опредѣленно передается фактъ. Откуда это совпаденіе? Можетъ быть, Высоцкому позднѣе (когда онъ былъ уже въ Петербургѣ) стала извѣстна пьеса Гоголя и онъ комедію-водевиль назвалъ сатирой? И это едва-ли возможно: самъ Высоцкій сообщаетъ, что Гоголь, находясь еще въ Гимназіи (стало быть, до мая 1829 г.), выписалъ ее отъ него и не воротилъ назадъ. Составъ пьесы, приводимый Высоцкимъ, говоритъ будто бы за то, что Высоцкій не ошибся

назвавъ ее сатирой, а не комедіей-водевилемъ. Также мало вѣроятно и предположеніе, что Гоголь уже въ отсутствіе Высоцкаго сочинилъ (стало быть въ 1827 г.) пародію на „Мал. дер." и послалъ ее Высоцкому: содержаніе пьесы опять таки не подойдетъ къ содержанію „Мал. дер.", пародируемой Гоголемъ и намъ извѣстной. Какъ бы мы ни рѣшали эту загадку, остается однако яснымъ, что книжка К-аго, уже извѣстнаго школьникамъ и раньше въ качествѣ писателя, обратила на себя вниманіе и Гоголя, который поспѣшилъ обозвать ее литературнымъ уродомъ, перенеся, м. б., отчасти свое чувство къ не уважаемому учителю латыни и на книгу писателя-этнографа и чувствительника.

[118]) Моск. Тел. 1827 г. февр. (начало) могъ прочесть уже и Гоголь до письма Высоцкому, получая всѣ литературныя новости (а въ томъ числѣ и М. Т.) изъ Кибинцевъ или Яресекъ (Ср. Письма, ред. Шенрока, I, 19, 21,). Сюда слѣдуетъ присоединить выписки „уродствъ" „Мал. дер.", сдѣланныя (примѣнительно къ указанному нами воззрѣнію Гоголя) у П. В. Владимірова: „Изъ ученич. лѣтъ Гоголя" (Кіевъ 1890), стр. 23—24.

[119]) Моск. Телегр. ук. кн., Вѣстн. Евр. 1827 г. № 12, гдѣ въ концѣ письма Цертелева къ Максимовичу (стр. 278) есть его отзывъ о рецензіи Галуховскаго по поводу „Мал. дер.". „Опытомъ" Цертелева Гоголь, какъ извѣстно, пользовался въ своей, „Книгѣ всякой всячины" (см. прим. 74).

[120]) „Книга всякой всячины", начатая въ 1826 г. и продолжавшая пополняться приблизительно до 1835 г., въ выдержкахъ напечатана—Соч. Гог. VII, 873—891; въ письмахъ сюда болѣе или менѣе относятся (по изд. подъ ред. Шенрока): I, 119, 122, 123, 144, 190, 238, 263, 269, 272, 279, 286, 299 (за періодъ 1829—1834 г.) и др.; ср. „О Малороссійскихъ пѣсняхъ"—V, 287, „Взглядъ на составленіе Малороссіи"—V, 197; первая статья 1833 г., вторая 1832-го.

[121]) Первое письмо къ Максимовичу помѣчено декабремъ этого года, но по содержанію показываетъ, что сближеніе началось уже раньше (I, 230—231); ср. Сочиненія, VII, 877 (слова на *ж*, *з*), 880 (слова на *м*)—заимствованія изъ Максимовича въ „Книгѣ всякой всячины".

[122]) Хотя въ нашу задачу и не входитъ изученіе источниковъ Максимовича, всетаки не будетъ лишнимъ указать хотя бы на нѣкоторые: начало предисловія (о національномъ значеніи народной поэзіи) взято изъ письма Цертелева (272); сближеніе малорусскихъ пѣсенъ съ новогреческими сдѣлано имъ не безъ вліянія съ одной стороны статьи *Бродзинскаго* „О народныхъ пѣсняхъ славянъ" (В. Е. 1826, № 13), съ другой—*Гнѣдича* „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ" (Спб. 1825) (гдѣ южанинъ Гнѣдичъ съ большой любовью говоритъ о малорусскихъ пѣсняхъ, вспоминаетъ о видѣнномъ имъ бандуристѣ, 30—31); общая характеристика малорусскихъ пѣсенъ сравнительно съ русскими построена опять на статьяхъ *Цертелева* (письмо, Опытъ (1819)), а также *Глаголева*, о которыхъ мы упоминали выше. Изъ письма Цертелева идетъ и о трехъ элементахъ, вошедшихъ въ характеръ малороссовъ (стр. V): наѣздническомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ; а Цертелевымъ эта мысль была высказана по поводу рецензіи *Ицъ-Галуховскаго* (Моск. Тел. 1827) на книгу Кул-

жинскаго. Составляя словарь къ книжкѣ, Максимовичъ перечисляетъ словарчики, прилагавшіеся къ русско-малорусскимъ книгамъ (Котляревскій (Энеида), Павловскій (Грамматика), Цертелевъ (Опытъ), Войцеховичъ), но о Кулжинскомъ не упоминаетъ. Кажется, книга *Кулжинскаго* стала извѣстна Максимовичу, когда его предисловіе (оно подписано: 1827 г. 20 апр.) и собраніе были уже почти кончены; въ его собраніи есть пѣсни, помѣщенныя также у Кулжинскаго (цѣликомъ и въ отрывкахъ; ср. стр. 47, 96, 115, 126, 128, 131, у Макс. стр. 167 (№ 10), № XLIX, XLVIII, LXXV, LXXXVIII, LXXXVII); но всѣ онѣ, за исключеніемъ одного отрывка (у Максимовича цѣликомъ) представляютъ *варіанты* сравнительно съ тѣмъ, что у К-аго; пѣсня „И шуме и гуде", которая цѣликомъ у К-аго (122), у Макс. упомянута (XI стр.), какъ общеизвѣстная, и въ собраніе не вошла; объясненіе барвенка и руты (Кулж., 25), которыхъ касается и Макс. (XVII стр.), у него совершенно иное; только въ концѣ книжки, въ примѣчаніяхъ (221), по поводу „обжинокъ" Макс. ссылается на книжку Кулжинскаго, не указывая даже страницы, но и тутъ приводитъ *свое* описаніе „обжинокъ".

[123]) Напр., въ его „Взглядѣ на составл. Малороссіи" (V, 206) о вліяніи азіатчины на типъ малоросса (у Макс., стр. IV—V).

[124]) Ср. выше выписки изъ Кулжинскаго (Мал. дер., 76, 77); также 82: „Вся нынѣшняя Малороссія есть не что иное, какъ обширное кладбище, сохраняющее въ себѣ остатки древнихъ сыновъ брани.... Ахъ, кому не любопытно узнать исторію Церны".... (рѣчь идетъ объ отзвукахъ старинныхъ преданій).

[125]) Соч. Гоголя, изд. XII (1894), II, 6 и „Малоросс. дер.", стр. 41.

[126]) Кстати замѣтить, что въ общемъ описаны вечерницы у Кулжинскаго очень правильно; поэтому замѣчается у него и сходство съ такимъ же описаніемъ у Гоголя. Вотъ описаніе Кулжинскаго: „Сперва на вечерницы собираются однѣ красныя дѣвушки —каждая съ пряслицей, или съ другимъ какимъ рукодѣліемъ; садятся въ кружокъ, и затянувши заунывную пѣсню, принимаются за дѣло. Соскучившись пѣть, разсказываютъ по очереди страшныя и веселыя сказки, смѣются одна изъ другой, выдумываютъ новыя шутки, и—опять поютъ пѣсни.... Вдругъ съ радостнымъ шумомъ отворяется дверь, и деревенскіе парни въ сопровожденіи музыкантовъ являются на вечерницы! Веретена и пряслицы полетѣли подъ лавку, и праздникъ любви начинается шумною пляскою!..." (Малор. дер., стр. 55—56). Конечно, у Гоголя, какъ сильнаго художника, тотъ же матеріалъ далъ болѣе рельефную, выпуклую, живую картину, нежели у чувствительно настроеннаго Кулжинскаго.

[127]) О „нѣгѣ" не говорятъ ни Цертелевъ, ни Максимовичъ.

[128]) „Наши прогрессисты", статья К-аго въ „Благовѣстѣ" 1883 г., № 19—20.

[129]) Тѣже буквально мысли, даже буквально тѣми же словами, и въ газетѣ, „Русскій" 1868 г. № 127; здѣсь, кромѣ того, есть и личное воспоминаніе о Гоголѣ: „Достойно замѣчанія, что какъ будто нарочно и Гоголь очень плохо учился, хотя кончилъ курсъ Нѣжинской гимназіи, но въ ней ничему, даже правописанію русскому, не хотѣлъ научиться; не зналъ языковъ, и такъ выступилъ на поприще русской лите-

ратуры.... Въ Гоголѣ, еще съ отроческихъ лѣтъ, было уже замѣтно расположеніе къ авторству, извѣстная школьная болѣзнь, pruritus scribendi. Какъ теперь, вижу этого бѣлокураго, кудряваго мальчика, въ сѣромъ гимназическомъ сертучкѣ, пробирающагося въ латинскомъ классѣ на отдаленную, заднюю скамейку, чтобы тамъ подъ шумъ и говоръ переводовъ изъ латинской хрестоматіи, свободно читать какой-нибудь литературный журналъ или альманахъ, или же строчить какую-нибудь каррикатуру". Эта замѣтка даетъ съ одной стороны знакомый взглядъ К-аго на плохого ученика Гоголя (ср. выше, прим. 28), съ другой стороны, можетъ быть, косвенно намекаетъ на изложенную выше исторію съ „Малороссійской деревней": я имѣю въ виду конецъ замѣтки о томъ, что Гоголь не только увлекался чтеніемъ (фактъ, хорошо извѣстный и изъ другихъ источниковъ), но на урокахъ „строчилъ" и каррикатуры, конечно, прежде всего на учителя, въ данномъ случаѣ автора „Малор. деревни" на его урокахъ латинской грамматики (ср. также выше, прим. 30).

Сочиненія И. Г. Кулжинскаго.

1) Нѣкоторыя замѣчанія касательно исторіи и характера малоросійской поэзіи.—„Украинскій Журналъ“ 1825 г., № 1, стр. 43—54; № 2, стр. 89—100; № 3, стр. 178—187.

2) Нѣкоторыя черты о воспитаніи.—Тамъ же, 1825 г., № 4, стр. 235.

3) Пѣсня.—Тамъ же, 1825 г. № 5, стр. 305.

4) О латинскомъ языкѣ.—Тамъ же, 1825 г., № 23—24, стр. 323.

5) Эпитафія. Семилѣтнему юношѣ Г. П. Глбскму.—„Дамскій Журналъ“, 1825 г., № 19 (окт.), стр. 19.

Не 10-я стр., какъ указано въ „Лицеѣ кн. Безбородко“ (1859). Стихотвореніе помѣчено: „Черниговъ. 18 іюня 1825 г.“. Г. П. Глбскій, вѣроятно,—Г. П. Глѣбовскій, на сестрѣ коего Еленѣ Пантелеймоновнѣ въ этомъ году женился И. Г. Кулжинскій.

6) Рѣчь Ромула къ похищеннымъ Сабинянкамъ (изъ Тита Ливія, кн. I).—Тамъ же, 1825 г. № 20 (окт.), стр. 65—66.

Помѣта: „Нѣжинъ“; писано, стало быть, не ранѣе августа этого года.

7) Мой геній (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., № 4, стр. 159—161.

Помѣта: „Нѣжинъ 1825“.

8) Эпитафія Е. Ф. Мску.—Тамъ же, 1826 г., № 10, стр. 150.

9) „Блаженъ, кто садъ имѣетъ свой“ (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., № 12, стр. 237.

Помѣта: „Нѣжинъ“; подпись: И. К.. Стихотвореніе безъ заглавія, въ „Лицеѣ кн. Безбородко“ озаглавлено: „Блаженство“.

10) Бажанову Е. И. (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., ч. 15, стр. 58—60.

Стихотвореніе помѣчено 1825-мъ годомъ и снабжено припиской редактора (кн. Шаликова): „Издатель позволяетъ себѣ просить любезнаго поэта нѣсколько болѣе заботиться о риомахъ, которыя въ прекрасныхъ его стихахъ не всѣ *богаты*“.

11) Казацкая пѣсня (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., ч. 18, стр. 222—223.

Помѣта: „Нѣжинъ“.

12) Малороссійская деревня. Москва, 1827 г., 16°, IX+136+4 ненумер.

Въ типографіи Имп. Моск. театра у содержателя А. Похорскаго. Цѣна 2 р. с. Цензурное разрѣшеніе 1825 г. окт. 12 дня. Составъ сборника: „Вмѣсто предисловія" (V—IX), Весна въ Малороссіи (1—40), Обжинки (41—52), Вечерницы (53—71), О малороссійской поэзіи (72—117; примѣчаніе: „Сія піеса была уже напечатана въ Украинскомъ Журналѣ (см. наст. списокъ № 1—3); но здѣсь она представляется съ большею исправностью"), Малороссійскія пѣсни (118—136), Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ (1—4 ненум.). Отзывы объ этой книгѣ: „Дамскій Журналъ" 1827 г., ч. 17, стр. 209—210; „Московск. Телеграфъ" 1827 г., ч. 13, стр. 230—236 (№ 4, отд. библіографіи, статья Н. Пецъ-Галуховскаго), „Вѣстн. Европы" 1827 г. № 12, стр. 277 (замѣтка кн. Цертелева); письмо Н. В. Гоголя къ Высоцкому („Письма", ред. В. Шенрока, I, 65). Ср. Н. К. Козьминъ „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма" (Спб. 1903), стр. 55; Отчетъ о XXIX присужденіи Уваровскихъ премій (Спб. 1888), стр. 48, прим. 2 (статья Н. П. Дашкевича); П. В. Владиміровъ „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя" (Кіевъ 1890), стр. 18—24.

13) Безсонница (стихотв.).—„Дамскій Журн." 1829 г., № 24 (ч. 26, іюнь), стр. 167—8.

Подпись: „Нѣжинъ.—Н. К."

41) Казацкія шапки.—Тамъ же, 1829 г., № 32 (ч. 27, авг.), стр. 81.

Примѣчаніе: „Сія повѣсть составлена изъ преданія, которое ходитъ въ Малороссіи". Ср. драматическую обработку этой повѣсти: „Геройскій подвигъ нѣжинскихъ казачекъ.... въ 1709 г." А. В. Тупалова, Спб. 1873.

15) Знакомство съ меценатомъ (повѣсть).—Тамъ же, 1827 г., № 33, стр. 97.

16) Терешко—малороссійская повѣсть.—Тамъ же, 1829 г., № 34, стр. 113—119; № 35, стр. 129—136.

Къ конечнымъ словамъ повѣсти („благословляю моихъ читателей (si dantur) за ихъ терпѣніе") примѣчаніе издателя журнала: „Ручаюсь—по крайней мѣрѣ за *читательницъ*—что онѣ.... благодарятъ любезнаго автора за милую повѣсть, разсказанную съ такимъ живымъ чувствомъ, съ такимъ необыкновеннымъ мастерствомъ".

17) Три сестры—аллегорическая повѣсть.—Тамъ же, 1829 г., № 36 (ч. 27, авг.), стр. 145—153.

Послѣднія четыре повѣсти съ прибавленіемъ еще одной (Исторія женитьбы) должны были выйти также отдѣльнымъ изданіемъ, но, сколько мнѣ извѣстно, изданіе это не состоялось. Въ „Дамскомъ Журналѣ" *1828* г. (ч. 22, стр. 214) находимъ такую замѣтку и объявленіе: „На

сихъ дняхъ вышла *изъ цензуры* и *поступаетъ въ печать* новая книга подъ названіемъ: „*Повѣсти И. Кулжинскаго*“, съ эпиграфомъ изъ Карамзина: „Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ“. Повѣсти, составляющія сію книгу, суть слѣдующія: Газацкія шапки—Знакомство съ меценатомъ—Терешко, малорос. повѣсть—Исторія женитьбы—Три сестры. На полученіе сей книги открылась подписка. Подписная цѣна за одинъ экземпляръ на хорошей бумагѣ 5 рублей ассигнаціями и съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи. Имена г-дъ Субскрибентовъ будутъ пропечатаны при самой книгѣ. Съ требованіями благоволятъ относиться къ самому сочинителю, надписывая на пакетѣ такъ: *Его Благородію, Ивану Григорьевичу Кулжинскому, въ Нѣжинѣ*“. Изданіе въ свѣтъ такъ и не вышло: еще въ *1829*-мъ году перечисленныя повѣсти по одиночкѣ появляются на страницахъ „Дамскаго Журнала“ (см. наст. списокъ № 14—17); по библіографическимъ указателямъ такой книжки Кулжинскаго также не оказывается; нѣтъ ея и въ перечняхъ сочиненій Кулжинскаго у Н. В. Гербеля („Гимн. высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко“ (Спб. 1881), стр. 273).

18) Эпитафія матери.—Тамъ же, 1829 г., № 37, стр. 168—169.

19) Рѣчь о различіи между классическою и романтической поэзіей, произнесенная въ торжественномъ собраніи Слободско-Украинской гимназіи 29 іюня 1830 года старшимъ учителемъ Иваномъ Кулжинскимъ. Харьковъ, 1830, 8⁰, 22 стр. (на латинскомъ языкѣ).

Рѣчь посвящена попечителю Харьковскаго округа В. И. Филатьеву. Въ концѣ ея примѣчаніе: „Сейчасъ только досталъ и прочиталъ я превосходную диссертацію г. *Надеждина*, De origine, natura et fatis poëseos quae romantica audit ect. Mosquae 1830. Чувствую, что моя рѣчь послѣ этого дѣлается *лишнею* для нашей публики; но.... случай, время и мѣсто, назначенныя мнѣ для произнесенія Рѣчи, пусть будутъ моимъ оправданіемъ. *К.* 3 іюля 1830“. Позднѣе перепечатана, см. № 25.

20) Таблица латинской этимологіи, для облегченія учащихся въ повтореніи. Харьковъ, 1831, листъ.

Этой таблицы въ библіотекахъ, бывшихъ мнѣ доступными, мною найдено не было. Д. Д. Языковъ („Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ писателей“, IV, 39) знаетъ лишь второе изданіе (Кіевъ, 1839). См. примѣчаніе къ слѣдующему номеру.

21) Таблица латинскаго синтаксиса, для облегченія учащихся въ повтореніи. Харьковъ, 1831, листъ.

Объ этихъ двухъ таблицахъ упоминаетъ К-ій въ автобіографіи: „полезнѣйшимъ сочиненіемъ моимъ я считаю изданныя мною таблицы латинской этимологіи и синтаксиса, которыя два раза были печатаемы,

въ Харьковѣ и въ Кіевѣ" (Гимн. высшихъ наукъ и Лицей кн. Безб. (Спб. 1881), стр. 293). Таблица синтаксиса (экземпляръ ея есть въ библіот. Главн. архива Мин. Иностр. дѣлъ, въ Москвѣ) представляетъ листъ, развернутый и разграфленный клѣтками, въ которыхъ напечатаны правила; цензурная помѣта: 21 февр. 1831 г., Москва, И. Снегиревъ. Кіевское изданіе (1839 г., по Языкову, у. с.) мнѣ не встрѣтилось. Ср. Опытъ исторіи Харьковск. университета (Зап. универс. 1904 г., II, 66).

22) Краткая грамматика русскаго языка для благородныхъ воспитанницъ Харьковскаго Института. Харьковъ, 1832, 8⁰, III+103 стр.

Университетская типографія. Предисловіе помѣчено 4-мъ окт. 1831 г. Отрывки изъ этой грамматики печатались раньше, въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1830 г. Отзывъ о книгѣ: „Московск. Телеграфъ", ч. 46, стр. 242—246. Ср. Межовъ „Каталогъ Базунова" (Спб. 1869), № 9363, также ср. „Опытъ исторіи Харьк. унив." (Зап. у-а, 1904 г., II, 66).

23) Ѳедюша Мотовильскій—украинскій романъ. Москва, 1833, 16⁰, 135 стр.

Университетская типографія. Цензурное разрѣшеніе 9 дек. 1832 г. Раньше романъ печатался въ „Московскомъ Вѣстникѣ" (1830, IV, стр. 9).

24) Эмеритъ—литературные очерки. Москва, 1836, 12⁰, 105 стр.

Отзывъ: „Молва" 1841 г., ч. 17—18, гл. 8, стр. 9—25; ср. Межовъ „Каталогъ Базунова" № 10344. Цензурное разрѣшеніе 22 марта 1836 г., типографія А. Семена. На книжкѣ эпиграфъ: Nisi utile est, quod fecimus, stulta est gloria.

25) Рѣчи, произнесенныя въ разныя времена директоромъ Клеванской гимназіи Иваномъ Кулжинскимъ. Москва, 1837, 16⁰, 76 стр.

Университетская типографія. Цензурное разрѣшеніе 2 мая 1837 г. (М. Каченовскій). Здѣсь помѣщены рѣчи: при открытіи педагогическаго совѣта Луцкой гимназіи 22 ноября 1832 г. (стр. 5), при торжественномъ открытіи Луцкой гимназіи 6 дек. 1832 г. (9), при первомъ выпускѣ воспитанниковъ Луцкой гимназіи 29 іюня 1834 г. (16), на торжественномъ актѣ Клеванской (прежде бывшей Луцкой) гимназіи 29 іюня 1836 г. (21), при торжественномъ открытіи Клеванскаго уѣзднаго училища 15 марта 1833 г. (35), при погребеніи В. Ѳ. Ольденборгера, учителя Харьковской гимназіи, 8 окт. 1829 г. (41), въ торжественномъ собраніи Харьковской гимназіи (45; см. выше № 19), о славянскомъ языкѣ (читано въ экстраординарномъ собраніи Московскаго Общества Любителей Россійской словесности 15 марта 1829 года, 64).

26) О значеніи Россіи въ семействѣ европейскихъ народовъ. Москва, 1840, 8⁰, 27 стр.

Университетская типографія.

27) Утреня свѣтлаго воскресенія.—„Маякъ" 1840 г., № 5.

28) Вечерня.—Тамъ же, 1840 г., № 10.

29) Русская книга для грамотныхъ людей. Спб., 1841, 8⁰, II+54 стр.

Типографія Имп. Акад. Наукъ. Цѣна книжки назначена 7 коп. сер. Подпись: „Сочиненіе И. К.“. Отзывъ: „Маякъ“ 1842 г., т. III, кн. 5, гл. 4, стр. 1—65 (ср. Межовъ „Кат. Базунова“ № 9324).

30) Кочубей, драма въ трехъ дѣйствіяхъ.—„Русская Бесѣда“, собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ въ пользу А. Смирдина, т. I (Спб. 1841), стр. 1—40.

31) Современные вопросы.—„Маякъ“, 1842 г.

Примѣчаніе автора: „Писано въ 1842 г.“; второе заглавіе: „Письмо къ редакторамъ Маяка“.

32) Уѣздный судья.—„Маякъ“, 1842 г., № 5, стр. 45; № 7, стр. 6; № 9, стр. 25.

33) Юродивый, драма въ 4-хъ д.—Тамъ же, 1842 г., № 7, стр. 31.

34) Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь.—Тамъ же, 1843 г., № 14, стр. 109—120.

35) Очная ставка русскимъ обычаямъ: православнымъ и заморскимъ, старымъ и новымъ.—Тамъ же, 1843 г., № 21, стр. 1—51.

Въ X главу (Живопись) этой главы вошли двѣ, ранѣе напечатанныя въ томъ же журналѣ (у насъ № 27 и 28).

36) Утреннія молитвы.—Тамъ же, 1843 г., № 24.

37) О настоящемъ состояніи и о будущихъ надеждахъ народнаго просвѣщенія въ Закавказскомъ краѣ—Рѣчь директора Закавказскихъ училищъ надворнаго совѣтника Ивана Кулжинскаго.—Торжественный актъ Тифлисской гимназіи 24 окт. 1843 года, стр. 7—18, 16⁰.

Тифлисъ, 1843. Типогр. Я. и Д. Арзановыхъ.

38) Поѣздка въ Грузію.—„Маякъ“, 1844 г., т. XV, стр. 120.

39) Задача человѣческой жизни. Спб., 1846 г. 8⁰, 82 стр.

Цѣна книгѣ назначена 40 коп. сер. Это—№ 5 части II „Библіотеки назидательнаго чтенія“, серіи, издавшейся В. А. Васильевымъ.

40) Могила Грибоѣдова.—„Москвитянинъ“ 1846 г., ч. IV, № 7, стр. 51—64.

41) Сочиненія, часть первая. Спб., 1850 г., 8⁰, 456 стр.

Морская типографія. Изданіе В. А. Васильева. Болѣе напечатано не было. Въ составъ этого сборника вошли большею частію, статьи, напечатанныя ранѣе, преимущественно въ „Маякѣ“, а также и отдѣльно: О значеніи Россіи (1840), Уѣздный лѣкарь, Юродивый (1842), Могила Грибоѣдова (1846), Поѣздка въ Грузію (1844), Современные вопросы (1842), Утреннія молитвы (1843), Опытъ о современной образованности (1843, изъ „Очной ставки“), Утреня свѣтлаго воскресенія, Проводы (оттуда же), Отставной профессоръ (1836, иначе: „Эмеритъ“), Задача человѣческой

жизни (1846), Выдержки изъ записной книжки (афоризмы), Увы, друзья, на свѣтѣ нѣтъ друзей (стихотв.), Обращеніе къ свят. Митрофану (стихотв.). Ср. въ наст. спискѣ №№ 26, 32, 33, 40, 38, 31, 36, 35, 24, 39. О мытарствахъ въ цензурѣ при печатаніи этой книги см. „Истор. Вѣстн." 1887 г., XII, 664—679; авторъ этой статьи (В. А. Васильевъ) увѣряетъ, что книга такъ и осталась не вышедшей въ свѣтъ (674). Попавшіе на рынокъ экземпляры—вѣроятно, изъ тѣхъ (десятка полтора), которые издатель „прихватилъ изъ типографіи для себя и для автора на память" (666). Послѣ смерти Н. Г. Кулжинскаго, редакторъ „Благовѣста" открылъ подписку на полное собраніе сочиненій своего отца, и въ качествѣ перваго тома была намѣчена къ перепечаткѣ эта первая часть, но, кажется, и это изданіе не состоялось (см. „Благовѣстъ" 1884 г., № 8, стр. 16).

42) Послѣдній день Помпеи.—„Москвитянинъ", 1851 г. № 24, стр. 529.

43) Семенъ Середа, куренный атаманъ Запорожскаго войска.— Тамъ же, 1852 г., т. IV, стр. 16 и 25.

44) Разсказы изъ русской исторіи для простонароднаго чтенія. Спб., 1853, 8°, 242 стр.

Типографія Имп. Акад. Наукъ. На книжкѣ цѣна—63 коп. Слѣдующее изданіе въ 1863 г. Рецензія: „Учитель" 1863 г., № 13—14, т. III, стр. 67 (Е. Кемница).

45) Воспоминанія учителя.—„Москвитянинъ", 1854 г. № 21, отд. V (Смѣсь), стр. 1—16.

Подписано: И. К.

46) Русскій человѣкъ (стихотв.).—Тамъ же, 1856 г., ч. IV.

47) Современныя идеи православны-ли? Спб., 1858 г., 8°, 32 стр.

Двѣ статьи подъ этимъ заглавіемъ: первая (писана въ Нѣжинѣ) —Кулжинскаго, носящая второе заглавіе: „О преобразованіяхъ и улучшеніяхъ въ духѣ святаго православія", вторая—Н. Баркова (35 стр.)

48) Курсъ всеобщей исторіи. Три тома. Спб., 1859, 8°. 245+293+229 стр.

Цѣна книги 3 рубля. Отзывы: „Московск. Вѣд." 1861 г. № 176 (С. В. Ешевскаго), Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г. № 4 (ч. 138), стр. 289. У Межова („Кат. Базунова", № 4693) ошибочно приписана Н. Кулжинскому.

49) Автобіографія.—„Лицей кн. Безбородко въ Нѣжинѣ" Спб. 1859, 4°, стр. 111—117.

50) Д. Е. Ясновскій (біографія).—Тамъ же, стр. 81—83.

51) Ѳ. Ѳ. Шульговскій (біографія).—Тамъ же, стр. 143—144.

Всѣ три статьи, 49—51, (первая съ небольшими измѣненіями) перепечатаны въ „Гимназіи высшихъ наукъ и Лицеѣ кн. Безбородко", изд. Н. В. Гербеля (Спб. 1881), стр. 206, 269, 319. Къ автобіографіи

приложенъ списокъ (крайне не полный) сочиненій И. Г. К-аго, перепечатанъ съ дополненіями (но также съ пропусками) и во второмъ изданіи.

52) Русская правда, литературный альманахъ на 1860 годъ. Кіевъ, 1860, 16^0, 6+332 стр.

Типографія А. Давиденко. Цѣна книги 2 р. с. Имени Кулжинскаго на книгѣ нѣтъ, ни одна статья не подписана. И. Г. Кулжинскому книга приписана въ „Гимн. высш. наукъ и Лиц. кн. Безб.“ (Спб. 1881), стр. 273. По составу самостоятельныхъ статей, писанныхъ (какъ и заявлено въ предисловіи) въ духѣ идей „русскаго православія, самодержавія и народности“, сборникъ легко могъ выйти изъ подъ пера И. Г. Кулжинскаго. Вторая половина альманаха—литературная: письма А. С. Пушкина, преосв. Иннокентія, И. И. Дмитріева, гр. М. М. Сперанскаго, В. Ганки, гр. Растопчина, Евг. Болховитинова, кн. А. Н. Голицына, В. А. Жуковскаго. Г. Р. Державина, Шада, повѣсти, драматич. произв. „Столѣтіе въ лицахъ“ (стр. 109), составленное изъ дѣйствующихъ лицъ изъ „Бригадира“, „Недоросля“, „Горя отъ ума“ и „Ревизора“ и кончающееся гимномъ: „Боже, царя храни“.

53) Двѣ могилы: св. Игоря, князя—схимника (1147) и кіевскаго митрополита Константина, въ черниговской Спасопреображенской церкви, въ Красномъ теремѣ Мстислава Удалого.—„Черниговскій Листокъ“ 1861 г., № 11.

54) Александръ Герценъ, онъ же Искандеръ.—„Вѣстникъ югозападной и западной Россіи“, т. I (Кіевъ, 1862), № 6 (декабрь), стр. 226—232.

Подпись: И. К.; принадлежность статьи И. Кулжинскому удостовѣряется отдѣльнымъ оттискомъ ея, съ автографомъ, въ библ. Института въ Нѣжинѣ. Этой статьей воспользовался въ значительной ея части И. Г. Кулжинскій въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ (см. наст. списокъ № 92).

55) О зарождающейся такъ называемой малорусской литературѣ. Кіевъ, 1863, 8^0, 32 стр.

Типогр. А. и И. Давиденко; цензурное разрѣшеніе: Кіевъ, 21 дек. 1862 г. Три статьи вмѣстѣ: I. Южнорусскій элементъ, какъ предметъ торговли, II. О малороссійскомъ нарѣчіи, III. Дневникъ Т. Г. Шевченко.

56) Святая Русь.—„Вѣстн. ю.-з. и з. Россіи“ 1863 г. кн. 1, стр. 1—11; кн. II, стр. 117—123.

57) Письмо къ издателю львовскаго журнала „Мета“ г. Ксен. Климковичу.—Тамъ же, т. II, кн. 5.

58) Интеллигенція края. Ослы. Домашнія совѣщанія (басни).—Тамъ же, 1863 г., кн. 1, стр. 40—44.

Подпись: И. К.. Басни перепечатаны позднѣе въ отдѣльномъ сборникѣ „Современныя басни“ (Кіевъ, 1864), 21—25 стр. (см. ниже № 72).

59) Нѣсколько словъ о хохломаніи.—Тамъ же, 1863 г., кн. 2, стр. 31—39 (отд. 3).

Подпись: „Землякъ"; принадлежность Кулжинскому удостовѣряется отд. отт. съ автографомъ въ библ. Института въ Нѣжинѣ.

60) Пастухи и Овцы. Оселъ и Муравей (басни).—Тамъ же, 1863 г., кн. 2, стр. 140 (отд. 4).

Подпись: И. К.; перепечатано въ „Соврем. басняхъ" (см. № 72).

61) Опытъ дипломатической записки безъ лукавства и многословія.—Тамъ же, 1863 г., кн. 3, стр. 240—247 (отд. 4).

Подпись И. К.; принадлежность И. К-ому основывается на отд. отт. съ автографомъ въ библ. Института въ Нѣжинѣ.

62) Оселъ—путешественникъ. Зеркало. Собаки (басни).—Тамъ же, 1863 г. кн. 3, стр. 247—250 (отд. 4).

Подпись: И. К.; переп. въ „Совр. басняхъ" (см. № 72).

63) Современникамъ (стихотв.).—Тамъ же, 1863 г., кн. 3, стр. 325 (отд. 4).

Подпись: И. К.

64) Конгрессъ. Оселъ педагогъ (басни).—Тамъ же, 1863 г., кн. 4, стр. 79 (отд. 4).

Подпись: И. К.; перепеч. въ „Совр. басняхъ" (см. № 72).

65) Дѣвушка—невѣста (стихотв.).—Тамъ же, 1863 г., кн. 5, стр. 185 (отд. 4).

Подпись: И. К.

66) Послѣднее пятидесятилѣтіе Польши.—Тамъ же, 1863 г., кн. 7, отд. 4, 22 страницы (отд. отт.).

67) Письмо къ Филиксу Фелинскому.—Тамъ же, 1863 г., кн. 10, отд. 4, стр. 66.

68) Исторія Польши. Кіевъ, 1864, 8^0, 195 стр.

Изданіе Бредихина. Цѣна 1 р. Отзывъ: „Отеч. Зап." 1865 г., XII (іюнь, кн. 2). У Межова („Кат. Базунова", № 5036) фамилія автора искажена: Кульжинскій.

69) Народная руская исторія. Кіевъ, 1864, 8^0, 258 стр.

70) Новый взглядъ на хохломанство (физіологическій опытъ). Кіевъ, 1864, 8^0, 11 стр.

Судя по фармату и печати, повидимому, изъ „Вѣстн. ю.-з. и з. Россіи". Подпись: „Землякъ" (ср. выше, № 59). Отд. отт. съ автографомъ К-аго въ библ. Института въ Нѣжинѣ.

71) Сорокалѣтіе Европы, съ 1815 по 1855 годъ. Кіевъ, 1864, 16^0, 133 стр.

Подпись: И. К. Оттискъ (въ библ. Института съ автографомъ) изъ „Кіевскаго Телеграфа" 1864 года.

72) Современныя басни. Кіевъ, 1864, 8^0, 34 стр.

Подпись: И. К.; экземпляръ съ автографомъ въ библіот. Института. Кромѣ напечатанныхъ раньше (см. наст. списокъ №№ 58, 60, 62, 64), сюда вошли басни: Медвѣди-туристы, Кошки и Обезьяны, Двѣ сестры, Сторожъ, Прудъ и Море, Ноты, Улей, Цивилизація, Тюлени и Крысы, Пѣтухъ Орлы и Вороны, Змѣи и Караси, Теоретикъ, Литературная штука, Эпилогъ къ баснямъ—всего 23 пьесы.

73) Современный вопросъ (стихотв.).—„Вѣстн. ю.-зап. и зап. Россіи“ 1864 г., кн. 6, отд. 4, стр. 326.

74) Тройка (стихотв).—Тамъ же, 1864 г., кн. 7, отд. 4, стр. 56.

Подъ обоими стихотвореніями, 73—74, подпись: И. К.

75) Воспоминанія о Волыни.—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 1, отд. 4, стр. 1—12; кн. 2, отд. 4, стр. 125—138.

76) Еще воспоминанія о Волыни.—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 6, отд. 4, стр. 256—265.

Подъ первой статьей подпись полная, подъ второй: И. К.

77) По вопросу о народныхъ школахъ.—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 10, стр. 59—63.

Подпись: И. К.

78) Сепаратисты (басня).—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 10, стр. 66—67.

Посвящается „Учителю“, автору статьи: „Педагогическое значеніе малороссійскаго языка“ въ № 93 „С-Петерб. Вѣдомостей“.

79) Н. А. Полевой и В. Г. Бѣлинскій (изъ рукописи: „Литературныя воспоминанія“).—Газета „Русскій“ 1868 г., № 114—116.

80) Замѣтка о Гоголѣ и Шевченкѣ. (Второй отрывокъ изъ рукописи: „Литературныя воспоминанія“).—Тамъ же, 1868 г., № 127 и 135.

Обѣ статьи, 79—80, послужили матеріаломъ для одной изъ послѣднихъ работъ автора (см. наст. списокъ № 92).

81) Отвѣтъ „Русскому“, корреспонденту газеты „Вѣсть“.—„Вѣстникъ западн. Россіи“, 1868 г., № 13—19.

Подпись: И. К.; ср. Межовъ, „Ист. рус. слов. 1855—1870“ (Спб. 1872) №№ 2553—2555.

82) Фаддѣй Чацкій, какъ писатель.—Тамъ же, 1870 г., № 7, т. III, стр. 1—12.

83) Стихи и привѣтствіе на юбилеѣ М. П. Погодина.—Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина. М. 1872, стр. 87—88, 94.

Здѣсь воспоминаніе и о Гоголѣ (стр. 87):

„Я Гоголя давно когда-то
Латинской азбукѣ училъ
И память о порѣ той свято
Досель въ смиреніи хранилъ“.

84) Воспоминанія стариннаго черниговскаго семинариста.—„Черниговск. Епархіальн. Извѣстія“ 1877 г. № 7—8.

85) Разборъ сочиненія прот. А. Ѳ. Хойнацкаго „Очерки изъ исторіи православной церкви и благочестія на Волыни“.—„Волынскія Епарх. Вѣдом.“ 1878 г., № 13, стр. 536—541.

86) Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Россіи. Письма и замѣтки по этому поводу (1872—1881). Кіевъ, 1895.

Издана уже по смерти И. Г. Кулжинскаго по случаю перваго десятилѣтія со времени утвержденія положенія о церковно-приходскихъ школахъ (1884—1894). Брошюра содержитъ письма К-аго: къ митр. Исидору, Арсенію, еписк. А., кн. Ширинскому-Шихматову, гр. А. Д. Блудову, Н. В. Елагину и др. Въ предисловіи, кромѣ краткихъ біографич. данныхъ объ авторѣ, отмѣчено неизвѣстное изъ другихъ источниковъ произведеніе его: „Болѣзни, вздохи и молитвы“ (стихотв.?).

87) Подражаніе 19-му псалму.—„Благовѣстъ“ 1883 г. № 2, стр. 11.

88) Подражаніе 3-му псалму.—Тамъ же, 1883 г., № 3, стр. 7.

89) Молитвенное обращеніе къ святителю Николаю.—Тамъ же, 1883 г., № 4, стр. 12.

Включено въ статью Гр. И. Кулжинскаго: „Свѣдѣнія о мѣстночтимомъ образѣ св. Николая въ Харьковскомъ соборѣ“.

90) Душе моя, что спиши? (стихотв.).—Тамъ же, 1883 г., № 6, стр. 2.

91) Пасхальная пѣснь.—Тамъ же, 1883 г., № 9, стр. 1.

92) Наши прогрессисты (опытъ литературно-житейскаго изслѣдованія).—Тамъ же, 1883 г., № 17—21.

Содержаніе этой полемической статьи заимствовано въ значительной степени изъ болѣе раннихъ статей автора; ср. наст. списокъ №№ 54, 79, 80.

93) Поѣздка въ Москву и Петербургъ.—Тамъ же, 1884 г. № 8, стр. 6.

Напечатано уже по смерти автора. Содержаніе—встрѣча съ малороссійскимъ поэтомъ В. Н. Забѣлою, двѣ пѣсни коего и приведены цѣликомъ

Можетъ быть, И. Г. Кулжинскому принадлежитъ и замѣтка о скверѣ въ Нѣжинѣ и музыкѣ въ немъ, мѣшающей богослуженію въ монастырѣ, находящемся около сквера („Благовѣстъ“ 1884 г. № 7, стр. 8): она подписана: И. К-ій. Въ экземплярѣ „Историч. Вѣстн.“ 1887 г., XII, принадлежащемъ библіотекѣ Института въ Нѣжинѣ, въ статьѣ Д. Д. Языкова объ умершихъ писателяхъ, на стр. 50 (здѣсь списокъ сочиненій Кулжинскаго), рукой А. Ѳ. Хойнацкаго (законоучителя Института и Гимназіи), человѣка близкаго И. Г. Кулжинскому, добавлены слѣдующія сочиненія И. Г. Кулжинскаго, оставшіяся мною не разысканными: 1) Надежды, вздохи и молитвы (ср. выше № 86), 2) Акаѳистъ Виленскимъ мученикамъ: Антонію, Іоанну и Евстафію,

3) Воскресеніе и вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа (Воскр. Чтеніе), 4) О загробной жизни, 5) Прощальное слово стараго литератора, 6) Правила земледѣлія, 7) Самый главный современный вопросъ, 8) Современныя безобразія, 9) Благодатная святыня Почаевской горы (реценз.?), 10) Отголоски (стихотв.), 11) Враждебное чувство, 12) О гимназическомъ воспитаніи и обученіи.

Матеріалы для біографіи и очерка дѣятельности И. Г. Кулжинскаго.

1) Воспоминанія учителя (Москвитянинъ, 1854 г., № 21, смѣсь, стр. 1—16)—автобіографич. характера.

2) Автобіографія (Лицей кн. Безбородко, Спб. 1859, 4^0, стр. 111—117). Перепечатано съ небольшими измѣненіями въ „Гимназіи высшихъ наукъ и Лицеѣ кн. Безбородко“ (Спб. 1881), стр. 269—274.

3) Воспоминанія о Волыни (Вѣстн. югозап. и зап. Россіи, 1865 г., кн. 1, отд. 4, стр. 1—12; кн. 2, отд. 4, стр. 125—138)—автобіограф. характера.

4) Еще воспоминанія о Волыни (тамъ же, кн. 6, стр. 256—265)—того же характера.

5) Воспоминанія стариннаго черниговскаго семинариста (Черниг. Епарх. Изв., 1877 г. № 7—8)—того же характера.

6) Поѣздка въ Москву и Петербургъ („Благовѣстъ“, 1884 г. № 8)—того же характера.

7) *И. Г. Кулжинскій.* Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Россіи. Кіевъ, 1895.—Въ предисловіи издателя краткія біографич. свѣдѣнія.

8) *Д. Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ умершихъ писателей, IV, стр. 49.—Краткая біографія и списокъ трудовъ, но не полный, съ ошибкой: вм. „Украинскаго Журнала“ цитируется „Украинскій *Вѣстникъ*“, въ которомъ К-ій не участвовалъ.

9) „Русскій біографич. словарь“, изд. Имп. Рус. Ист. Общ. подъ ред. А. А. Половцова, томъ „Кнаппе-Кюхельбекеръ“ (Спб. 1903), стр. 539.—Краткая поверхностная біографія, перечень нѣкоторыхъ сочиненій, общая краткая характеристика, нѣсколько странная.

10) *Брокгаузъ-Эфронъ*, Энциклоп. словарь, т. XVII (полут. 33), стр. 2. —Замѣтка очень поверхностная.

11) Объявленіе о смерти И. Г. Кулжинскаго („Благовѣстъ“, 1884 г., № 7).

12) Некрологъ И. Г. Кулжинскаго, пис. *Людмилой Игорьской* (тамъ же, 1884 г., № 8).—Послѣдніе часы жизни и кончина К-аго.

13) Письма С. О. Бурачка къ И. Г. Кулжинскому (1841—52 г.г.) (тамъ же, 1883 г., № 6, 7, 9).

14) *Д. И. Багалѣй.* Опытъ исторіи Харьковскаго университета, II (Зап. Харьк. ун. 1900 г., III, 26—27).— О назначеніи К-аго преподавателемъ у—а.

15) *В. А. Васильевъ.* Приключенія одной книги („Истор. Вѣстн." 1887, XII, стр. 664—679).—О мытарствахъ по поводу изданія „Сочиненій Кулжинскаго" въ 1850 году.

16) Бумаги архива бывшей Гимназіи высшихъ наукъ, нынѣ архива Института въ Нѣжинѣ.—Оффиціальныя данныя о службѣ К-аго.

17) *Марковъ.* Повѣсть о русской народности („Маякъ", 1843 г., № 16, стр. 106).—Отзывъ о дѣятельности и направленіи К-аго.

18) *Ап. Григорьевъ.* Оппозиція застоя и черты изъ исторіи мракобѣсія („Время", 1861 г., № 5, или: Сочиненія Ап. Гр., изд. Страхова (Спб. 1876) I, стр. 602).—К-ій упоминается въ одной группѣ съ Бурачкомъ и Аскоченскимъ.

19) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи, I, 360.—О „Маякѣ" и участіи въ немъ К-аго.

20) *Шенрокъ В. И.* Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя, I, 86, 103, 120, 143.—О дѣятельности К-аго въ Гимн. высшихъ наукъ.

21) *П. В. Владиміровъ.* Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя (Кіевъ, Унив. Изв. 1890 г., 18—24).—О „Малороссійской деревнѣ", письмо Гоголя къ Высоцкому о ней же. Раньше это письмо издано въ „Русскомъ Курьерѣ" 1888 г., № 126, позднѣе: Письма Гоголя, ред. Шенрока, I, 65.

22) *М. Н. Сперанскій.* Гимназія высшихъ наукъ и нѣжинскій періодъ въ жизни Гоголя („Памяти Гоголя", сборн., изданный Кіевскимъ учебн. округомъ, Кіевъ, 1902, стр. 65, 80).—Объ отношеніи К-аго къ литературному теченію 20-хъ годовъ.

23) Гоголевскій (нѣжинскій) сборникъ (Кіевъ, 1902, стр. 247).— Портретъ Кулжинскаго и замѣтка о немъ.

24) *В. В. Кулжинскій.* Матеріалы къ исторіи рода Кулжинскихъ. (Спб. 1904 г., 16°, 52 стр.). Авторъ—внукъ И. Г. Кулжинскаго. Попытка —возвести родъ Кулжинскихъ къ Кулженко и даже къ князьямъ Пересопницкимъ—неудачная.

25) *Чалый.* Воспоминанія. (Кіевск. Стар. 1894 г., V, 283).—О И. Г. Кулжинскомъ и Е. Я. Зимовскомъ въ 1841 году.

26) *С. Стрибульскій.* Историческая записка о Немировской гимназіи 1838—1888 г. Немировъ, 1888 стр. 49 (замѣчанія К-аго о необходимости усиленія преподаванія русскаго языка) 51 (выговоръ учителю за недочеты въ преподаваніи латинскаго языка), 70 (назначеніе К-аго) и стр. 11—12 приложеній (краткая біографія К-аго).

В. Савва

ИЗЪ
Слободской-украинской старины
конца XVIII в.

(ЗАМѢТКИ и МАТЕРІАЛЫ)

Нѣжинъ, Типо-Лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1906.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

8 октября 1905 г. исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой и педагогической дѣятельности проф. Харьковскаго Университета Д. И. Багалѣя. Среди учениковъ и почитателей его возникла мысль издать къ этому дню посвященный юбиляру сборникъ статей. Мысль эта не была осуществлена по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ учениковъ и почитателей юбиляра.

Предлагаемые очерки должны были войти въ сборникъ, посвященный проф. Д. И. Багалѣю. Составлены они по матеріаламъ, относящимся къ исторіи Слободской Украины, которая, по выраженію проф. В. Б. Антоновича, оставалась въ тѣни до появленія капитальныхъ трудовъ Д. И. Багалѣя („Проф. Д. И. Багалѣй. Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности“, стр. 21. Харьковъ. 1906 г.).

Благодаря любезности Е. М. Иванова, архиваріуса Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, я имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми дѣлами о духоборцахъ, которыя перешли въ архивъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія.

Данныя, извлеченныя мною изъ архивныхъ матеріаловъ, нѣсколько пополняютъ свѣдѣнія о духоборцахъ въ Слободской Украйнѣ, которую считаютъ родиною дохоборцевъ (О. Новицкій „Духоборцы", стр. 21, изд. 2. Проф. А. С. Лебедевъ „Духоборцы въ Слободской Украйнѣ", стр. 1).

Среди дѣлъ того же архива нашлось нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Харьковскихъ Казеннаго и Народныхъ училищъ. Такъ какъ документы эти представляютъ не только мѣстный интересъ, но имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи русской школы, я рѣшился извлечь ихъ изъ архива.

Къ исторіи духоборцевъ.

I.

Дѣло о духоборцѣ Романѣ Скрипниченковѣ и женѣ его Евдокіи открывается рапортомъ Харьковскаго городничего Слободскому-украинскому губернатору П. Ф. Сабурову.

Городничій 27 іюля 1799 г. „по секрету“ доносилъ губернатору о слѣд.: когда я былъ въ острогѣ при заклепаніи въ кандалы духоборцевъ, пришла въ острогъ жена солдата драгунскаго генерала Глазенапа полка Евдокія Скрипниченкова съ тремя ея малолѣтними дѣтьми и, на вопросъ о причинѣ ея прихода, „объявила себя токовоежъ содержащею духоборческую ересь, а посему я учинилъ ей допросъ, присемъ къ разсмотрѣнію В. П-ва честь имѣю представить, и притомъ донесть, что помянутая солдатка Скрипниченкова съ ея дѣтьми содержится въ острогѣ подъ особымъ секретнымъ и крѣпкимъ присмотромъ“.

Что побудило Евдокію Скрипниченкову добровольно объявить себя принадлежащею къ духоборчеству, открываетъ снятый съ нея допросъ: она, проживая въ Харьковѣ, ѣздила къ духоборцамъ въ село Проходы, по заключеніи же этихъ духоборцевъ въ Харьковскій острогъ, носила имъ милостыню; когда ее не пустили къ ея, какъ выразилась она при допросѣ, „братьямъ“, она назвалась духоборкою, полагая, что ее въ такомъ случаѣ пустятъ къ заключеннымъ духоборцамъ.

О себѣ Евдокія показала слѣд.: отъ роду мнѣ 27 лѣтъ, гдѣ родилась—не знаю, выросла въ г. Сумахъ, состою во второмъ замужествѣ, читать умѣю, но писать не знаю, сначала

содержала вѣру своихъ родителей—грекороссійскую; вскорѣ послѣ перваго замужества переѣхала съ матерью и всею семьею на жительство къ братьямъ своимъ въ слободу помѣщика кн. Прозорова Прусовку, Новороссійской губ. Павлоградскаго уѣзда, гдѣ, по наученію духоборцевъ, приняла ихъ ученіе тайно отъ мужа; по смерти его переѣхала въ слободу того же помѣщика кн. Прозорова Троицкую и тамъ вышла вторично замужъ за подданнаго кн. Прозорова—духоборца Романа Скрипниченкова, съ которымъ вѣнчана была въ церкви священникомъ. Исповѣдуя духоборческое ученіе, она и мужъ ея бывали ежегодно у исповѣди и причастія, но не по желанію своему, а по принужденію отъ жителей, содержавшихъ грекороссійскую вѣру. Мужъ ея, по настоянію священника Троицкой слободы, за исповѣданіе духоборческаго ученія отданъ былъ въ 1798 г. помѣщикомъ въ рекруты въ г. Павлоградъ, откуда отправленъ былъ въ драгунскій полкъ въ Харьковъ; сюда преѣхала и она, поселившись здѣсь на квартирѣ. Изъ Харькова Евдокія ѣздила къ духоборцамъ въ село Проходы.

На вопросы, почему она посѣщала Харьковскій острогъ, гдѣ содержались духоборцы, и почему объявила себя принадлежащею къ духоборчеству, отвѣтила, что „при острогѣ имѣла малой торгъ въ продаже съестныхъ припасовъ и часто духоборцамъ носила милостыню, а когда меня одинажды въ острогъ не пустили, то я, объявивши, чтобы меня къ братьямъ моимъ, то есть духоборцамъ, пропустили въ острогъ, потому что я духоборка, въ такомъ случаи и взята за сіе подъ караулъ“.

На вопросъ, находятся ли духоборцы въ г. Сумахъ и въ селеніяхъ Новороссійской губ. Прусовкѣ и Троицкомъ, гдѣ проживала Евдокія, послѣдняя отвѣтила, что ей неизвѣстно, имѣются ли духоборцы въ г. Сумахъ и въ окрестностяхъ его, въ Новороссійской же губерніи духоборцы проживаютъ: въ слободахъ Богдановкѣ и Никольской, гдѣ болѣе пятидесяти духоборческихъ дворовъ, нѣсколько въ слободѣ Прусовкѣ, въ с. Александровкѣ двора три и въ с. Токмацѣ двора два.

Послѣ допроса Евдокія Скрипниченкова, вмѣстѣ съ допросомъ, съ нея снятымъ, была отправлена 28 іюля того же 1799 г. къ генералъ-маіору Глазенапу, въ полку котораго служилъ ея мужъ.

Изъ документовъ не видно, на какія средства проживала въ г. Харьковѣ Евдокія съ тремя своими малолѣтними дѣтьми. Нѣтъ данныхъ предполагать, что мужъ Евдокіи—солдатъ —давалъ ей средства къ жизни или, что родные ея, проживавшіе въ Новороссіи, помогали ей. Возможно, что Евдокія добывала средства къ пропитанію себя и дѣтей своихъ тѣмъ „малымъ торгомъ въ продаже съестныхъ припасовъ“, который она имѣла при острогѣ, и изъ этихъ средствъ умудрялась удѣлять милостыню „братьямъ“ своимъ, какъ называла она духоборцевъ, заключенныхъ въ Харьковскомъ острогѣ.

Мужъ Евдокіи, Романъ Скрипниченковъ, при допросѣ показалъ слѣд.: „отъ роду имѣю 37 лѣтъ, а отколѣ уроженецъ—не помню, кромѣ толко того, что я былъ въ малолѣтствѣ еще лѣтъ девяти оставшимся отъ отца и матери; извѣстенъ понаслышкамъ, что родомъ Курской губ. Курочинской округи изъ села Гущина, и завезенъ неизвѣстно мнѣ какимто купцомъ в ныне называемую Новороссійскую губернію, гдѣ проживалъ болѣе двадцати семи лѣтъ по разнымъ Новороссійской губерніи мѣстамъ, до самаго взятія меня в рекруты къ опредѣленію в службу сего 799 года въ драгунской Глазенапа полкъ, грамотѣ никакой читать и писать не знаю, *кромѣ разныхъ божественныхъ молитвъ и псалмовъ по псалтырю, изъученыхъ мною отъ жены моей Евдокіи,* со мною въ полку находящеюся; у исповѣди и святого причастія бывалъ ежегодно у священниковъ грекороссійскихъ по своей охотѣ, но не спринужденія, а нынешняго 799 года по отдачѣ меня в рекруты не былъ единственно что не имѣлъ къ тому желанія“.

Евдокія Скрипниченкова показала, что она и ея мужъ бывали у исповѣди и причастія по принужденію, а мужъ ея далъ показаніе, что дѣлалъ это по своей охотѣ, только потерялъ ее послѣ отдачи его въ солдаты. Не потому ли онъ потерялъ

ее, что по настоянію священника сданъ былъ въ рекруты за исповѣданіе духоборческаго ученія?

На вопросъ: „какъ ты разумѣешъ всевышняго и істиннаго Господа Бога, и Его святыхъ угодниковъ, такожъ и іконы и ізъображеніе креста Господня“, Романъ отвѣтилъ: „всевышняго Бога я разумѣю, что есть Богъ и Ему поклоняюсь, а на святыхъ угодниковъ не уверяюсъ, и іхъ иконъ и ізображенія креста вовсѣ не почитаю“. На вопросы: „давно ли ты основалъ себя быть въ такомъ положеніи о вѣре вредной грекороссійскому исповѣданію“ и „икону пресвятыя Богородицы какъ ты разумѣешъ“, Романъ далъ показаніе: „таковое произростеніе вѣры въ которой я утвержденъ съ юношества самъ собою отъ чтенія мнѣ разными людми божественныхъ книгъ; икону пресвятыя Богородицы я не почитаю, а разумѣю толко существо ея менѣе Бога“.

Допросъ, снятый съ Романа, заканчивается показаніями его на вопросы: вѣренъ ли онъ въ службѣ государю и не знаетъ ли духоборцевъ въ полку, въ которомъ служилъ. На второй вопросъ Романъ отвѣтилъ отрицательно, замѣтивъ, что въ Новороссійской губ. духоборцевъ „доволно есть въ въ разныхъ селеніяхъ, особливо въ Богдановкѣ и Микольской“, а на первый показалъ: „о вѣрности къ службѣ хотя я присягалъ, крестъ и евангеліе целовалъ не веруя тому истинны, и полагаю ктому себя принужденнымъ, а притомъ и службу мою не съ усердіемъ несу и охоты не имѣю, но с приказанія, от намеренія жъ к побегу удаленъ“.

По снятіи допроса съ Романа Скрипниченкова (допросъ помѣченъ іюлемъ 1799 г., безъ обозначенія числа), генералъ-маіоръ Глазенапъ сообщилъ губернатору Новороссійской губ., въ какихъ мѣстахъ ея, по показанію Скрипниченковыхъ, проживали духоборцы, послалъ донесеніе о Скрипниченковыхъ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову и предложилъ Харьковскому губернатору содержать Скрипниченковыхъ въ острогѣ. Здѣсь они были заключены отдѣльно отъ другихъ колодниковъ.

Судьба Скрипниченковыхъ была скоро рѣшена. Графъ Салтыковъ послалъ донесеніе о нихъ императору Павлу I, отъ котораго получилъ изъ Гатчины повелѣніе, помѣченное 22 августа 1799 г.: „драгуна Скрипниченко и жену его Евдокію, за признаніе ими самими, что содержатъ духоборческую ересь, повелѣваю ихъ наказать кнутомъ и вырвавъ ноздри сослать на каторгу въ Екатеринбургъ".

Во исполненіе такого высочайшаго повелѣнія гр. Салтыковъ предписалъ генералу Глазенапу отослать супруговъ Скрипниченковыхъ къ губернатору Слободскому-украинскому, губернатору же препроводилъ копію съ высочайшаго повелѣнія для исполненія.

Губернаторъ предложилъ Губернскому Правленію привести въ исполненіе приговоръ: дать Роману Скрипниченкову 50 ударовъ кнутомъ, женѣ его 20, вырѣзать имъ ноздри и сослать на каторгу въ Екатеринбургъ[1]).

II.

Въ дѣлѣ о духоборцахъ 1798 г. изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія находятся документы, относящіеся къ судьбѣ двухъ Харьковскихъ духоборцевъ: Алексѣя Головина и Степана Голищева, изложенной проф. А. С. Лебедевымъ въ трудѣ его: „Духоборцы въ Слободской Украйнѣ"[2]).

Алексѣй Головинъ, житель села Тернового Харьковскаго округа, предсталъ впервые предъ судомъ въ 1793 г. еще несовершеннолѣтнимъ, обвиненный въ неправовѣріи. Тогда Харьковскій Совѣстный судъ, принявъ во вниманіе несовершеннолѣтіе подсудимаго, опредѣлилъ его къ отдачѣ въ Харьковское Казенное училище въ надеждѣ, что Головинъ, обучаемый и наставляемый въ Казенномъ училищѣ, откажется

---

[1]) Объ отношеніи русскаго правительства къ духоборцамъ въ девяностыхъ годахъ XVIII в. см. „Духоборцы" О. Новицкаго, 50 и след., изд. 2.

[2]) Стр. 6 и слѣд.

отъ неправовѣрія. Но Головинъ, по выраженію проф. А. С. Лебедева, надеждъ Совѣстнаго суда на обращеніе его путемъ ученія къ правовѣрію не оправдалъ[1]). Въ 1798 г. онъ былъ уличенъ, какъ видно изъ отношенія епископа Бѣлгородскаго Θеоктиста къ Слободскому-украинскому губернатору Теплову, не только въ неправовѣріи, но и въ распространеніи его. Епископъ 27 февраля 1798 г. писалъ губернатору въ своемъ къ нему отношеніи: „Харьковской округи селъ Салтовскаго Терново и Большихъ Проходовъ между однодворцами открывшаяся ересь духоборническая въ минувшемъ 1797 г. прекратилась было, а нынѣ села Тернового однодворцы Алексѣй Головинъ и Степанъ Голищевъ, пришедъ въ Бѣлгородъ, разсѣвали оную духоборческую ересь, а именно: о изображеніи на себѣ честнаго креста говорятъ, что ручное крещеніе не истовая молитва; о честномъ крестѣ толкуютъ, что крестъ живый внутрь насъ сіяющій; о иконахъ твердятъ, что икона есть та, которой сынъ Назорей говорилъ о Богѣ, и прочія о догматахъ и обрядахъ православныя церкви свои несообразимости между народомъ разсѣваютъ; таковой же ихъ дерзскій поступокъ тѣмъ опаснѣе, что одинъ изъ нихъ Алексѣй Головинъ обучался въ Харьковскихъ классахъ математикѣ и другимъ наукамъ по его показанію; увѣщевалъ я обоихъ келейно, увѣщевалъ и въ присутствіи консисторскомъ о оставленіи нелѣпаго ихъ заблужденія; но они на всѣ мои увѣщанія не склонились, и по выходѣ изъ консисторіи болѣе ко мнѣ не являлись, и гдѣ нынѣ находятся, неизвѣстно; указомъ же изъ святѣйшаго правительствующаго Синода отъ 2 марта 1773 года велѣно: заблудшихъ и къ православію по увѣщаніи не обращающихся отсылать въ свѣтскія команды для надлежащаго объ нихъ разсмотрѣнія: того ради о предохраненіи простолюдиновъ отъ духоборническаго помянутыхъ однодворцовъ Головина и Голищева заблужденія на разсмотрѣніе в-му пр-ву сообщаю“. Далѣе архіерей доводитъ до свѣдѣнія губер-

[1]) Тамъ же, 7.

натора, что приходскій священникъ не допустилъ къ причастію Головина и Голищева „по ихъ въ еретическомъ заблужденіи нераскаянію“, на что они принесли жалобу; сообщаетъ, что имъ предписано Харьковскому протопопу Андрею Прокоповичу наставить на путь истины Головина и Голищева и проситъ губернатора, въ случаѣ, если Головинъ и Голищевъ „покаются и къ правовѣрію обратятся, приказать обязать ихъ подпискою, чтобъ они впредь отъ правовѣрія никогда не отставали и нынѣшняго своего заблужденія никому бы не внушали“.

Епископъ надѣялся, что протоіерей успѣетъ въ томъ, въ чемъ онъ потерпѣлъ неудачу[1]). Протоіерей успѣлъ, но онъ увѣщевалъ заблудшихъ послѣ того, какъ ихъ полѣчили въ домѣ умалишенныхъ.

Губернаторъ, получивъ отношеніе архіерея, 2 марта предписалъ по секрету Харьковскому Нижнему Земскому суду выслать къ нему въ непродолжительномъ времени однодворцевъ села Тернового Головина и Голищева, а епископу, на его отношеніе, отвѣтилъ, что Головинъ и Голищевъ имѣютъ быть высланы въ Харьковъ и представлены протоіерею Прокоповичу; если представленные, писалъ губернаторъ, послѣ увѣщанія останутся въ заблужденіи, будутъ предприняты мѣры „къ прекращенію чинимыхъ ими таковыхъ неистовствъ“. 10 марта Харьковскій Нижній Земскій судъ рапортовалъ губернатору, что Головинъ и Голищевъ препровождаются къ нему „по касающейся до нихъ надобности“. 10-же марта губернаторомъ было изготовлено предложеніе протоіерею Прокоповичу „наставить на путь истинный“ посылаемыхъ къ нему Головина и Голищева и въ случаѣ, если они „отъ заблужденія обратятся къ правовѣрію, и о своемъ заблужденіи достодолжное покаяніе принесутъ“, отправить ихъ обратно.

---

[1]) Предложеніе архіерея протоіерею Прокоповичу объ увѣщаніи Головина и Голищева въ вышеназванномъ трудѣ проф. А. С. Лебедева, 7—8. Проф. А. С. Лебедевъ обращаетъ вниманіе на признаніе архіереемъ Головина опаснымъ потому, что онъ обучался въ Харьковскомъ Казенномъ училищѣ „математикѣ и другимъ наукамъ“.

Были ли Головинъ и Голищевъ отправлены 10 марта къ протоіерею Прокоповичу, изъ дѣла о нихъ не видно, но, какъ видно изъ рапорта губернатора къ генералъ-прокурору, ниже помѣщаемаго, Головинъ и Голищевъ побывали въ Духовномъ Правленіи, которое, „слыша отъ сихъ двухъ человѣкъ правила противные установленію церкви, немало затрудняемо было". Узнавъ объ этомъ затрудненіи Духовнаго Правленія, губернаторъ, по словамъ его, подалъ совѣтъ „назвать ихъ потерявшими умъ и разсудокъ", послѣ чего распорядился посадить Головина и Голищева въ домъ умалишенныхъ. Пребываніе заблудшихъ въ этомъ домѣ продолжалось до двадцатыхъ чиселъ іюня—всего мѣсяца три. 23 іюня завѣдывавшій домомъ умалишенныхъ докторъ Кеппенъ рапортовалъ губернатору, что Головинъ и Голищевъ „находились по сумошествію въ домѣ сумошедшихъ, кои по мнѣнію моему нынѣ пришли въ выздоровленіе". Губернаторъ, получивъ такой отзывъ доктора о состояніи Головина и его товарища, обратился къ протоіерею Прокоповичу съ предложеніемъ дать Головину и Голищеву нужное наставленіе, „буде онѣ дѣйствительно окажутся в здравомъ разсудкѣ", и отпустить ихъ домой, предписавъ священнику села Терновoго, „дабы онъ за показанными однодворцами Голищевымъ и Головинымъ имѣлъ наблюденіе по возложенной на него должности".

Въ этотъ разъ увѣщаніе не было безплодно. 9 іюля протоіерей Прокоповичъ рапортовалъ губернатору: „препровожденные отъ в. П-ва ко мнѣ для увѣщанія села Терноваго однодворцы Стефанъ Голищевъ и Алексѣй Головинъ мною въ Духовномъ Правленіи въ сходство предписанія даннаго мнѣ о семъ отъ Преосвященнаго Ѳеоктиста Епископа Бѣлоградского и Курского были увѣщеваемы, которые при увѣщаніи дали обѣщаніе оставить свое заблужденіе и исполнятъ все то, что святою церковію опредѣлено, по сему они по силѣ 722 года іюля 16 дня Указа обязаны подпискою и по предписанію в. П-ва отпущены въ домы ихъ, и о семъ Его Преосвя-

щенству дано отъ меня знать, о чемъ и в-му П-ву почтеннѣйше репортую"[1]).

Вслѣдствіе этого рапорта губернаторъ предложилъ Харьковскому Нижнему Земскому суду водворить Головина и Голищева на мѣсто ихъ жительства.

Какова была дальнѣйшая судьба Головина и Голищева, изъ дѣла о нихъ не видно. Изъ донесенія губернатора къ генералъ-прокурору, сохранившагося въ черновикѣ и датированнаго 8 января 1799 г. видно, что губернаторъ не вѣрилъ въ искренность раскаянія Головина и Голищева, и что въ теченіе 1798 года обнаружилось въ Слободской-украинской губ. не малое число духоборцевъ. „Извѣстно уже Тайной Экспедиціи все то, рапортовалъ губернаторъ генералъ-прокурору, что до 1797 г. происходило по дѣламъ касающимся до раскольниковъ, называемыхъ духоборцами, проживающихъ во многихъ деревняхъ по здѣшней губерніи. Въ теченіи 1797 года по открывшимся случаямъ долженъ я былъ доносить рапортами моими отъ 20 октября и 10 ноября того года, съ приложеніемъ записки о правилахъ ими наблюдаемыхъ все то, что по долгу моему безъ упущенія слѣдовало. По симъ двумъ моимъ рапортамъ, каковые по секрету получены два отношеніи отъ предмѣстника Вашего Высокопревосходительства Его С-ва князь Алексѣя Борисовича Куракина, со оныхъ точные копіи В-му В-ву при семъ честь имѣю доставить. Въ теченіи истекшаго 1798 г. въ Курскую губ. по сосѣдству забрѣли изъ здѣшней села Терноваго однодворцы Голищевъ и Головинъ, кои представлены будучи въ Бѣлагородскую духовную консисторію, препровождены изъ оной въ здѣшнее духовное правленіе, которое не мало затрудняемо было, слыша отъ сихъ двухъ человѣкъ правила противные установленію Церкви; но я узнавъ о семъ подалъ совѣтъ назвать ихъ, каковыми они и кажутся, потерявшими умъ и разсудокъ. Послѣ чего, сколь скоро оныхъ изъ духов-

---

[1]) Назв. тр. проф. А. С. Лебедева, 9.

наго правленія ко мнѣ препроводили, то я ихъ приказалъ[1]) отдать въ сумашедшій домъ, гдѣ пробывъ до трехъ мѣсяцовъ, хотя, какъ думаю, притворно пришли въ раскаяніе, но отвѣчавъ по отсылкѣ въ духовное правленіе сходно требованіямъ, поступая сообразно Высокомонаршей воли мнѣ объявленной въ предписаніи, были они отправлены на покой въ свои жилища". Въ дальнѣйшемъ губернаторъ испрашиваетъ указаній генералъ-прокурора на веденіе возникшаго въ Харьковскомъ Уѣздномъ судѣ дѣла, которое, по мнѣнію губернатора, „возымѣло начало по неосновательности учиненнаго деревенскимъ священникомъ[2]) призывомъ въ большомъ количествѣ изъ числа сихъ раскольниковъ въ церковь, требуя отъ оныхъ согласія на тѣ пункты, о коихъ онъ могъ прежде быть увѣренъ, что они противиться упорно будутъ, не бывъ по одиначкѣ и келейно поученіями[3]) пріуготовлены". Въ заключеніе губернаторъ жалуется на нерадѣніе губернскаго прокурора и Уѣзднаго суда по дѣлу о духоборцахъ, которыхъ „не малое количество" содержалось въ острогѣ.

Въ этомъ своемъ донесеніи губернаторъ упоминаетъ о двухъ своихъ рапортахъ, представленныхъ въ 1797 г. (отъ 20 октября и 10 ноября) генералъ-прокурору кн. А. Б. Куракину. Черновикъ одного изъ этихъ рапортовъ, датированный 1797 г., сохранился въ дѣлѣ о духоборцахъ. Въ виду интереса, представляемаго этимъ рапортомъ, привожу его, какъ сохранился онъ (Приложенія, № 1).

III.

Какъ видно изъ рапортовъ Изюмскаго и Ахтырскаго земскихъ исправниковъ губернатору Слободской-украинской губ.

---

[1]) Добавлено, повидимому, рукою губернатора: освидѣтельствовавъ доктору.

[2]) Добавлено тою же рукою: каковой нынѣ другимъ перемѣненъ.

[3]) Добавлено тою же рукою: до должнаго познанія доведѣны и къ требованіямъ священникомъ чинимымъ.

А. Г. Теплову, имп, во исполненіе секретнаго губернаторскаго ордера отъ 4 ноября 1797 г.: „сколь возможно посекретнѣе извѣдать по селеніямъ, особливо чрезъ селскихъ священниковъ, нѣтли изъ жителей заблудшихъ въ расколахъ такъ называемыхъ духоборцовъ“, произведены были розыски.

Къ сожалѣнію, въ архивѣ не оказалось рапортовъ другихъ исправниковъ Слободской-украинской губ.; сохранились только рапорты исправниковъ Изюмскаго и Ахтырскаго. Рапортуя о произведенныхъ розыскахъ духоборцевъ, оба исправника представили губернатору результаты этихъ поисковъ въ ввѣренныхъ имъ уѣздахъ.

Изюмскій исправникъ Фесенко 7 января 1798 г. доносилъ, что духоборцы найдены въ селеніяхъ Шандриголовой и Новокраснянскомъ, причемъ представилъ списокъ духоборцевъ „съ объясненіемъ узнаниxъ священниками таковому ихъ заблужденію дѣяній“. Въ этомъ спискѣ указано было, что на хуторѣ Кузьминскомъ, въ разстояніи $1^1/_2$ версты отъ слободы Шандриголовой Изюмскаго уѣзда, у помѣщика поручика Василія Филипьева находилось „раскольнической секти скопище“, состоявшее изъ „ересеучительницы родной оного Филипьева тіотки дѣвки Мавры Кузминичны, помощника ея въ ересеучительствѣ Василія Прокофиева“, по слухамъ бѣглаго солдата, проживавшаго недалеко отъ двора помѣщика, на пасѣкѣ его. Къ сектѣ принадлежалъ племянникъ Мавры Кузьминичны, проживавшій съ своимъ семействомъ на хуторѣ Кузьминскомъ и еще нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ названа вдова, переселившихся на хуторъ изъ г. Чугуева.

Къ сектантамъ, по донесенію исправника, приходило и пріѣзжало „для отправленія и обученія ереси“ 13 однодворцевъ (судя по фамиліямъ—великоруссы), изъ нихъ большинство съ семействами, и 2 женщины (одна изъ нихъ—вдова, имѣвшая дѣтей) съ хуторовъ Дериловскаго, Виползова, Колодязей и Овсяникового. По донесенію исправника сектанты „церкви чуждаются, у йсповѣди и причастія святыхъ таинъ не бываютъ, хоронятъ сами собою; кромѣ сего слухъ носится, что

младенцовъ родящихся подсилаютъ къ священникамъ крестить, а послѣ сами перекрещиваютъ недовольно младенцовъ, но и самихъ тѣхъ стариковъ и старухъ, кои въ ихъ секту поступаютъ".

Въ селеніи Новокраснянскомъ оказалось, по донесенію исправника, уклонившихся отъ православной церкви 8 мужчинъ (большинство семейныхъ), 6 вдовъ, 2 замужнія женщины и одна дѣвица. Исправникъ о нихъ доносилъ слѣд.: „оные чрезъ четыре года въ исповѣди и святаго причастія не были, и когда священникъ по дольжности своей въ ихъ дома приходитъ с крестомъ и молитвою, то оные не толко честному и животворящему кресту дольжнаго почтенія не дѣлаютъ, но и отнего священника укриваются, а при томъ многіе жители увѣрили, что всѣ вышеписанные собираются в разные времена в домъ того села жителя Ивана Петрова сына Ролдугина, и совершаютъ какіе то моленія, кои сосѣдъ ево Ролдугина Бахмутскій мѣщанинъ Никита Ивановъ сынъ Суравцовъ совершаетъ имъ, изчего и заключать можно онымъ быть раскольниками или духоборцами, и главнимъ тому поставляетъ означеннаго Ивана Ролдугина, которой еще секты той показать можетъ, болиежъ сего обяснить ихъ дѣяній неможно, поелику весьма производятъ секретно".

Ахтырскій земскій исправникъ, капитанъ Боярскій, доносилъ 16 апрѣля 1798 г. губернатору, что имъ, во исполненіе губернаторскаго приказа, „во всѣхъ Ахтырскаго уѣзда селеніяхъ чрезъ приходскихъ священниковъ секретное изслѣдованіе учинено; и что у ихъ приходахъ заблудшихъ в расколахъ людей не имѣется, подписки отнихъ взяты". Только изъ деревни Дерновой поступило донесеніе священника, что подполковникъ Р. С. Ефимьевъ въ церковь не ходитъ, „во святую четырѣдесятницу не исповѣдывается и святымъ тайнамъ не сообщается, и протчево таинства церькви не принимаетъ, а какого точно онъ закона, за необявленіемъ отнего ему священнику ево, знать не можетъ". Исправникъ

доносилъ губернатору, что Ефимьевъ не далъ ему ни устнаго, ни письменнаго объясненія причинъ непосѣщенія имъ церкви.

Чѣмъ окончилось дѣло это, неизвѣстно.

IV.

Въ дѣлѣ о духоборцахъ, хранившемся въ архивѣ Харьковскаго Губернскаго Правленія, находится „Опись хозяйственному состоянію духоборцовъ, возвращенныхъ по Высочайшему повелѣніи во свояси въ 1801 г. въ Слободскую Украинскую губернію, въ уѣзды Харьковской, Изюмской и Змiевской“.

Эта опись, подписанная Слободскимъ-украинскимъ губернаторомъ Зильбергарнишомъ, была составлена по повелѣнію Александра I; о такомъ своемъ повелѣніи Слободскому-украинскому губернатору Александръ I писалъ 27 ноября 1801 г. въ рескриптѣ своемъ сенаторамъ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому, ревизовавшимъ въ то время Слободскую-украинскую губернію: „я предписываю ему (Слободскому-украинскому губернатору), войдя въ ихъ (духоборцевъ, возвращенныхъ изъ ссылки) состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они домы, и есть-ли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе“[1]).

По полученіи донесенія губернатора о нуждахъ духоборцевъ—„Описи хозяйственному состоянію духоборцовъ“, Александръ I повелѣлъ 13 февраля 1802 г. Слободскому-украинскому губернатору Артакову, преемнику Зильбергарниша: „по донесенію предмѣстника вашего о нуждахъ духоборцовъ въ губерніи, вамъ ввѣренной обитающихъ и бывшею

---

[1]) Записки Лопухина въ Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р., 1860 г., III, 104. Указъ Александра I отъ 27 ноября 1801 г. Слободскому-украинскому губернатору (сдѣлать представленіе о нуждахъ духоборцевъ для выдачи имъ пособій) приведенъ въ изслѣдованіи О. Новицкаго „Духоборцы“, 60—61, изд 2.

ссылкою раззоренныхъ, приказалъ я отпустить къ вамъ изъ кабинета тысячу пять сотъ пятьдесятъ рублей, которые поручаю вамъ роздать по прилагаемому при семъ списку, такъ, чтобъ деньги сіи со всею вѣрностію дошли до рукъ каждаго. При семъ внушитѣ имъ, что помощь сія дѣлается имъ безъ возврата и не въ счетъ тѣхъ разположеній, кои предназначены для нихъ въ указѣ моемъ отъ 25 числа минувшаго Генваря мѣсяца, вамъ данномъ на случай ихъ переселенія". При этомъ повелѣніи приложена копія „Описи хозяйственному состоянію духоборцовъ", представленной губернаторомъ Зильбергарнишомъ Александру I.

Раззоренные ссылкою, многіе духоборцы, по возвращеніи на прежнія мѣста жительства, какъ значится въ описи, „ничего не имѣли". Прибывъ на мѣста своего прежняго жительства около средины лѣта, когда время посѣва миновало, въ большинствѣ не имѣя скота, духоборцы должны были прежде всего озаботиться устройствомъ для себя жилищъ. Возвратившіеся духоборцы снискивали себѣ пропитаніе, по выраженію описи, „рукодѣліями и работами", но нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось выдать заимообразно хлѣбъ изъ общественныхъ сельскихъ магазиновъ.

„Опись хозяйственному состоянію духоборцовъ", рисующую ихъ матеріальное положеніе по возвращеніи изъ ссылки, представляю въ полномъ видѣ (Приложенія, № 2).

Къ исторіи Харьковскихъ Училищъ.

Казенное училище въ г. Харьковѣ было открыто, сначала подъ названіемъ Прибавочныхъ или Вспомогательныхъ классовъ, при Коллегіумѣ въ 1768 г., по инціативѣ свѣтской власти, собственно для дворянскихъ дѣтей, и состояло въ вѣдомствѣ Губернскаго Правленія[1]). Училище это сыграло видную роль въ умственной жизни г. Харькова[2]). Просуществовало оно до 1798 г., когда слилось съ основаннымъ въ 1789 г. въ г. Харьковѣ Главнымъ Народнымъ училищемъ[3]).

Въ дѣлѣ изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія, озаглавленномъ: „Дѣло относящееся до Народныхъ Училищъ 1790 г.“, нашлись два документа, относящіеся къ исторіи Казеннаго училища въ г. Харьковѣ. Одинъ—„Статъ Харьковскихъ Казенныхъ училищъ, сочиненный декабря 21 дня 1782 г.“, другой—„Вѣдомость о Харьковскомъ казенномъ училищѣ, какимъ языкамъ и наукамъ во ономъ учениковъ обуютъ, колико для каждой науки и языка учителей, ихъ имена съ означеніемъ, какимъ наукамъ каждой обучаетъ по сколько въ неделю часовъ, и сколько за все то получаетъ въ годъ жалованья“. Вѣдомость эта датирована 1790 г.

„Статъ“ опредѣляетъ предметы преподаванія, число учителей, количество даваемыхъ ими уроковъ и жалованье, ими получаемое. Должны были преподаваться: законъ Божій, языки: русскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметика, геометрія, фортификація, геодезія, артиллерія, исторія, географія, рисованіе и живопись, танцы, игра на клавикордахъ и вокально-инструментальная музыка[4]). Для преподаванія закона Божьяго

---

[1]) „Харьковскій Коллегіумъ“ проф. А. С. Лебедева въ Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р., 1886 г., кн. 1, стр. 10 и слѣд. „Исторія города Харькова“ проф. Д. И. Багалѣя и Д. И. Миллера, I, стр. 403 и слѣд. Положеніе о Прибавочныхъ классахъ при Харьковскомъ Коллегіумѣ см. въ Приложеніяхъ къ 12 гл. „Исторіи г. Харькова“, стр. 551.

[2]) „Исторія г. Харькова“, стр. 424.

[3]) Тамъ же, стр. 427.

[4]) По Уставу Народныхъ училищъ 5 авг. 1785 г. полагалось преподавать въ главныхъ училищахъ: законъ Божій, русскую грамматику, ариѳметику, латинскій

назначались 3 часа въ недѣлю; къ преподаванію этого предмета допускался одинъ изъ учителей училища или „по ученіи способный“ студентъ Харьковскаго Коллегіума[1]). Для преподаванія французскаго и нѣмецкаго языковъ назначалось 6 учителей, по 3 на каждый языкъ, при 20 урокахъ въ недѣлю на оба языка. Учитель русской грамоты полагался одинъ, при 24 урокахъ въ недѣлю. Для преподаванія фортификаціи, артиллеріи, геометріи, ариѳметики, геодезіи, рисованія и живописи опредѣлялось 16 уроковъ въ недѣлю, столько же недѣльныхъ уроковъ назначалось для преподаванія исторіи и географіи. Обученію танцамъ и игрѣ на клавикордахъ посвящалось 6 часовъ въ недѣлю, а вокально-инструментальной музыкѣ— 24 часа.

Послѣ росписанія занятій учениковъ „Статъ“ подробно исчисляетъ все, полагавшееся на содержаніе 75 учениковъ. Ученики носили косы, и каждому ученику полагалась лента для косы и пудра. Изъ „Примѣчанія“, приложеннаго директоромъ Харьк. Каз. уч. къ „Стату“ видно, что нѣкоторые предметы не были введены за неимѣніемъ учителей. Директоръ предлагалъ, если бы нашлись средства, выписать изъ Кенигсбергскаго университета „достойныхъ профессоровъ“ для преподаванія наукъ въ Казенномъ училищѣ, „съ опредѣленіемъ жалованья по 400 р. въ годъ и другихъ выгодъ“ („Статъ“ Харьк. Каз. уч. въ Приложеніяхъ, № 3).

Для исторіи Харьковскаго Казеннаго училища, среди дѣлъ изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія, нашелся, какъ отмѣчено выше, еще одинъ документъ: отчетъ директора о состояніи училища за 1790 г. Отчетъ этотъ, излагая подробно, какимъ предметамъ и какими учителями обучались ученики, и изъ какихъ лицъ состоялъ служебный персоналъ училища, перечисляетъ музыкантовъ и пѣвчихъ, получавшихъ жалованье, расходы на содержаніе казеннокошныхъ учениковъ и суммы, получавшіяся

языкъ и сосѣдственный, географію, исторію гражданскую и естественную, геометрію, архитектуру, механику, физику и рисованіе (П. С. З. т. XXII № 16,421).

[1]) О причинѣ преподаванія закона Божьяго въ школахъ не священниками, а свѣтскими учителями у гр .Д. Толстого: „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II“, стр. 102.

за содержаніе пансіонеровъ и ученіе волонтеровъ—приходящихъ учениковъ. Изъ этого отчета видно, что въ 1790 г. въ Казенномъ училищѣ изъ предметовъ, опредѣленныхъ „Статомъ" 1782 г., не преподавались: исторія, живопись и игра на клавикордахъ, но за то воспитанники изучали: физику, механику и архитектуру (Приложенія, № 4).

Въ этомъ же „Дѣлѣ относящемся до Народныхъ Училищъ 1790 г." находится нѣсколько документовъ для начальной исторіи Народныхъ училищъ Слободской-украинской губ. Документы эти—рапорты Харьковскаго директора Народныхъ училищъ о состояніи Главнаго и Малаго Народныхъ училищъ въ г. Харьковѣ и Малыхъ Народныхъ училищъ въ г.г. Изюмѣ, Сумахъ и Ахтыркѣ[1]).

Главное Народное училище открыто было въ г. Харьковѣ 3 ноября 1788 г., открытіе же Малыхъ Народныхъ училищъ въ г. Харьковѣ и въ трехъ уѣздныхъ городахъ: Ахтыркѣ, Изюмѣ и Сумахъ было приготовлено Приказомъ общественнаго Призрѣнія въ теченіе 1790 г.[2]). Для помѣщенія Малаго Народнаго училища въ г. Харьковѣ Харьковскій намѣстникъ обратился въ Казенную Палату съ предложеніемъ передать въ вѣдомство Приказа общественнаго Призрѣнія „оставшійся безъ употребленія казенный дворъ съ обветшалымъ деревяннымъ строеніемъ", въ которомъ прежде жилъ Харьковскій вице-губернаторъ, а потомъ помѣщался Губернскій Магистратъ. Для открывавшагося въ г. Ахтыркѣ Малаго Народнаго училища, смотрителемъ котораго назначенъ былъ прапорщикъ Криницкій, отведены были два флигеля: первый, при казенной квартирѣ городничего, остававшійся незанятымъ и имѣвшій 3 покоя, и второй, находившійся подлѣ перваго, имѣвшій 2 покоя и занятый полиціей. Эти два флигеля, для помѣщенія въ нихъ училища, должна была отремонтировать городская Дума.

---

[1]) Основаніе и исторія Главнаго Народнаго училища въ г. Харьковѣ изложены въ трудѣ проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера „Исторія города Харькова", I, 427 и слѣд.

[2]) Срв. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи" Кеппена, № III, стр. 59.

По рапорту директора Народныхъ училищъ, представленному 18 мая 1790 г. правителю Харьковскаго Намѣстничества, въ Главномъ Харьковскомъ Народномъ училищѣ, во второй годъ существованія его, было 5 преподавателей: математическихъ наукъ, исторіи, учитель II кл., учитель 1 кл., преподававшій также рисованіе, и учитель нѣмецкаго яз.; семинаристовъ, приготовленныхъ къ преподаванію въ Малыхъ Народныхъ училищахъ, было 2; учениковъ находилось: въ 1 кл. 55, въ числѣ ихъ 12 учениць; во II кл. 29, въ III кл. 30. Въ Маломъ Народномъ училищѣ было учениковъ: въ 1 кл. 37, во II кл. 15, при двухъ учителяхъ. Въ Главномъ Народномъ училищѣ имѣлись слѣдующія книги и учебныя пособія: книгъ разнаго содержанія—217; географическихъ чертежей—12; архитектурныхъ чертежей—43; геометрическихъ тѣлъ—15; 1 камеръ—обскура; глобусовъ земныхъ—2; небесныхъ—2; готовалень съ математическими инструментами —2; 1 модель дорическаго ордена для построенія церквей; ландшафтовъ для рисовальнаго класса—6; 1 барометръ; 1 термометръ; 1 гигрометръ. Въ Изюмскомъ Народномъ училищѣ въ 1790 г. должность смотрителя занималъ изюмскій гражданинъ, состоявшій въ гильдіи; учителей было 2; учениковъ находилось: во II кл. 17, въ 1 кл. 23. Въ спискѣ учениковъ, приложенномъ къ рапорту о состояніи Изюмскаго училища, названы въ числѣ 23 учениковъ 1 кл. 3 ученицы. Въ Сумскомъ училищѣ смотрителемъ былъ изюмскій гражданинъ; учителей было 2; учениковъ находилось: въ 1 кл. 26, въ II кл. 13. Въ Ахтырскомъ училищѣ, при смотрителѣ прапорщикѣ и 2 учителяхъ, учениковъ было: въ 1 кл. 45, во II кл. 15.

Въ „Дѣлѣ относящемся до Народныхъ Училищъ 1790 г.“ находится Вѣдомость о Главн. Нар. Училищѣ за 1790 г., составленная по образцу, опредѣленному для представленія отчетовъ о состояніи Народныхъ училищъ[1]).

[1]) Образецъ въ П. С. З. т. XXII № 16,421 (№ 7).

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1.

„Извѣстно мнѣ было, что въ двухъ сѣлахъ губерніи мнѣ вверенной Харьковскаго уѣзда: въ селѣ Салтовой Терновой и Проходахъ находятся несколько семействъ разкольниковъ особаго рода заблужденія, подъ имянемъ духоборцовъ, какъ и то, что еще въ правленіе здѣшнею губерніею Князя Григорія Александровича Потемкина были тогда чинимы разные изслѣдованія, кои доходили до разбирательства по тайной експедиціи, куда возимы были нѣкоторые старшіи и болѣе спадшіе съ пути истинного, изъ коихъ даже два человѣка отосланы и находятся неизвѣстно гдѣ, многіе въ солдаты отданы, а протчіе отпущены по многимъ увѣщеваніямъ духовенства въ домы свои и донесено, что они обратились паки къ истиннѣ.

Приказано было мною стар(ш)инамъ въ сихъ немалыхъ селеніяхъ наблюдать за сими уже отявленными прежде людьми; нѣсколько дней тому назадъ, какъ явился староста съ другими началниками сѣла Салтовского Терноваго, объявляя, что будто нѣкоторые изъ пазываемыхъ духоборцовъ, паки сходбищи имѣя, въновь другихъ крѣстьянъ въ свои домы приглашаютъ, что имъ подозрително показавшись, они, по приказу имъ данному, долгомъ поставляютъ начальству объявить; Губернской прокуроръ также меня о семъ извѣстилъ. Въ следствіи сего отрядилъ я, давъ предложеніе секретное Харковскому Земскому Суду, изъ онаго Капитана Исправника и засѣдателя развѣдать, сколь можно непримѣтно, истинну и подробны подать списки о числѣ душъ обоего пола, какъ и о томъ, что приглашаютъ ли сіи раскольники въ свои праздничные бесѣды въновь кого изъ поселянъ и стараются ли они таковыхъ подговаривать мыслить по ихъ правиламъ, каковые они однакожъ тайною хранятъ; также чтобы развѣдано было, нетъ ли отшедшихъ въ Курскую губернію селеній и поблизу, кои бы имѣли людей сего названія и сего рода, и по наружности

раскола. Земской Харьковской Судъ меня рапортомъ подъ № 2524-мъ сего октября 13-го дня увѣдомилъ, что по предписанію моему всевозможные изысканія въ селахъ Салтовскомъ Терновомъ и Проходахъ чинены, но тамошніе жители и священники объявили единогласно, что таковыми называются у нихъ духоборцами тѣ, кои прежде сего такъ названы были, но что самые тѣ ходятъ ныне въ церковь и сего года въ великой постъ были у исповѣди и причастія святыхъ таинъ, а чтобъ они теперь противно верѣ христіянской явно поступали, въ томъ ясныхъ доказательствъ нетъ; о наблюденіижъ за ихъ поступками какъ прежде, такъ и ныне Земскимъ Судомъ строжайше тамошнимъ выборнымъ подтверждено, коимъ тогда подозрителны некоторые изъ крестьянъ показались, но ихъ нашли разговаривающихъ съ называемыми духоборцами. Въ другихъ же селеніяхъ, какъ и по Курской губерніи прикосновенныхъ къ Харьковской, чтобъ духоборцы были, ни отъ кого по округѣ не объявлено. Имѣя по долгу моему наблюденіе неослабное по всему тому, что по губерніи здешней чинится, почелъ нужнымъ какъ о случившемся донести Вашему Сіятельству, приложа копію съ списка мнѣ поданного Харьковскимъ Капитаномъ Исправникомъ при рапортѣ отъ Земского Суда о числѣ и названіяхъ людей, какъ въ двухъ селеніяхъ числящихся подъ имянемъ духоборцовъ, такъ при томъ доложить и то, что бывшея Екатеринославская, а ныне Новороссійская губернія наполнена сего раскола людей, о чемъ тамошнимъ начальникамъ должно было извѣстно, кои, какъ сказываютъ, отъ Донскихъ нѣкоторыхъ станицъ заразились, а здѣшніи селеніи отъ одного наказаннаго колодника, коего вѣли на каторгу, и которой по болѣзни сутки пролѣжалъ въ селѣ Проходахъ. Съ тѣми духоборцами, кои въ тюрмахъ изъ числа прежнихъ сидѣли, съ 4-мя человѣками я наединѣ, призвавъ ихъ по разнымъ другимъ надобностямъ къ себѣ, говорилъ и разпрашивалъ называемыхъ духоборцовъ; замѣтилъ я по ихъ наружности въ нихъ много склонности къ миролюбивому и добропорядочному общежитію, строгое наблюденіе за хозяйствомъ и домашнимъ семействомъ, какъ и своими поступками, отвращеніе къ забавамъ, а паче пьянству и къ обхожденію съ протчими жителями; извѣстно мнѣ также, что они подати плотятъ исправно, начальства явно не ослушаются, но, кажется, въ большомъ количествѣ весьма склонны къ возмущѣнію и къ безпредѣльному выполненію своихъ тайныхъ правилъ, о коихъ при семъ, развѣдавъ обстоятельно, прилагаю для усмотрѣнія замѣчанія. Мнѣніе

мое, что въ числѣ сихъ людей, какъ во всѣхъ сектахъ тайно производимыхъ, обыкновенно находятся обманщики и обманутые; первые бываютъ умны, а послѣдніе или незрѣлыхъ лѣтъ или глупы. Но въ числѣ духоборцовъ вышесказанныхъ двухъ селеній Проходовъ и Салтовой Терновой нѣкоторые, кои повидимому поддерживаютъ въ своихъ семействахъ сію пакостную секту въ праздные отъ работъ часы, суть люди ограниченнаго ума, затвердившіе нѣкоторое количество, какъ видно, вопросовъ и отвѣтовъ, и, умѣя нѣсколько грамоты, читаютъ тайно своимъ семействамъ множество словъ, коихъ изъ нихъ никто не разумѣютъ, но не имѣя никакого закона и твердыхъ правилъ, упорно привыкли тому только вѣрить, о чемъ на память выуча мыслять, понимая не существо смысла, но звукъ единый словъ. Какъ бы то ни было, но сіи люди въ обществѣ безполѣзны могутъ быть и при возмутителѣ и большемъ количествомъ крайне врѣдны. Семѣйства же ихъ и малолѣтные дѣти во всякомъ случае достоины сожалѣнія и невинны. Хорошіе и просвященные священники, коихъ у нихъ нетъ, повидимому, могутъ конечно обманутыхъ и малолѣтныхъ возвратить на истинной путь; при маломъ же подозрѣніи обманщиковъ и начинщиковъ нужно непремѣнно удалить, но какъ ихъ весма много по Новороссійской губерніи, а паче по сей губерніи, кои о чемъ здешнея вся извѣстна, то донеся симъ Вашему Сіятельству, сколь по сему дѣлу мнѣ обнаружилось, ожидать буду наставлѣнія, какъ съ сего рода людьми по Высочайшему повелѣнію поступать и что въ какомъ случае чинить мнѣ приказано будетъ, а паче буди и еще гдѣ таковые по отшедшимъ частямъ Воронежской и Новороссійской губерніи причисленныхъ во мнѣ ввѣренную, откроются. Въ Харьковѣ находится одинъ капралъ отставной, бывшей прежде изъ числа главныхъ духоборцовъ, обратившейся тому нѣсколько лѣтъ; не приказано ли будетъ [его доставить въ Петербургъ, ныне онъ, будучи уже человѣкъ въ лѣтахъ, находится большею частью по церквамъ и ведетъ родъ жизни смиренной][1]). Обстоятельнѣйшей[2]) слѣдствія и изысканія о духоборцахъ должны быть по Тайной Експедиціи извѣстны. О сихъ людяхъ мною здѣсь никакихъ дѣлъ не найдено, и мнѣ не зданы.

Слободская Украинская и, сколь мнѣ извѣстно, Новороссійская губерніи таперя наполнены людьми разного званія безъ мѣстъ, поль-

---

[1]) Заключенное въ скобкахъ зачеркнуто.

[2]) Вѣроятно, описка, вмѣсто: обстоятельнѣйшія.

зуясь по чину правомъ дворянскимъ. Сіи люди безъ имѣній всячески стараются пользоваться недоразумѣніями крѣстьянъ и нерѣдко попадаются по дѣламъ, называясь повѣренными; опаснѣйшихъ и замѣчиныхъ сего рода возмутителями нужно бы непремѣнно ссылать, дабы отъ нихъ врѣда, а паче начальствуя духоборцами, произойтить не могло. Не приказано ли будетъ сихъ чиновниковъ праздношатающихся, построжѣе наблюдая, смирять при случаяхъ.

№ 2.

Опись хозяйственному состоянію духоборцовъ, возвращенныхъ по Высочайшему повелѣніи во свояси въ 1801 году въ Слободскую Украинскую Губернію, въ уѣзды Харьковской, Изюмской и Зміевской.

Харьковскаго Уѣзда

въ Слободѣ Терновой:

Федоръ Щекинъ съ братомъ Прокофіемъ. Семейство состоитъ изъ женска полу, живутъ въ домѣ у родной бабки, лошадей и рогатаго скота не имѣютъ; на покупку оныхъ и на другіе хозяйственные надобности полагается . . . . 60 руб.

Федоръ Посниковъ съ невѣсткою и малолѣтнимъ племянникомъ Захаромъ. Семейство состоитъ изъ женска полу, имѣетъ избу и одну лошадь; на вспоможеніе полагается . . . . 30 руб.

Андрей Посниковъ. Семейство въ двухъ душахъ мужеска полу, имущества никакого не имѣетъ, живетъ у вышеписаннаго Федора Посникова; на заведеніе двора и на покупку лошади и скота полагается . . . . 60 руб.

Ларіонъ Голенищевъ. Безъ семейной, живетъ при отцѣ, которой держится православія и къ духоборцамъ не принадлежитъ; на вспоможеніе полагается . . . . 15 руб.

Фома Гремякинъ, такъ же водворенъ при отцѣ, а нынѣ нанялся въ городовые работники въ городѣ Харьковѣ; на вспоможеніе полагается . . . . 15 руб.

Матвѣй Позняковъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ 3 душахъ, живетъ въ ветхой избѣ, лошадей и другаго скота не имеетъ; на покупку онаго полагается . . . . 40 руб

Тимофей Малаховъ. Семейство состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ 4 душахъ, живетъ въ ветхой избѣ, лошадей и другаго скота не имѣетъ; на покупку лошадей и скота полагается . . 50 руб.

Иванъ Рѣпинъ съ братьями Даниломъ и Игнатьемъ. Семейство состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ 6-ти душахъ, имѣютъ дворъ съ постройкою и одну лошадь; на вспоможеніе и на покупку лошадей и скота полагается . . . . 60 руб.

Яковъ Лукьяновъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ трехъ душахъ, дворъ имѣетъ обстроенный, но лошадей и другаго ни какого скота не имѣетъ; на покупку онаго и на вспоможеніе полагается 50 руб.

Ермолъ Лежибоковъ. Безъ семейной, отецъ его держится православія, изъ сей слободы помалости земли переселяется въ изюмскій уѣздъ и оставляетъ сыну дворъ и избу, но скота никакого; на вспоможеніе ему полагается . . . . 25 руб.

Павелъ Махонинъ съ братомъ Емельяномъ. Перьвой живетъ при отцѣ, которой держится православія, а другой живетъ въ городѣ Харьковѣ, въ найму въ работникахъ; имъ полагается . . . 50 руб.

Иванъ Власовъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ 2 душахъ кромѣ женска, имѣетъ дворъ, избу и одну лошадь; на вспоможеніе полагается ему . . . . 25 руб.

Василій Власовъ. Семейство состоитъ мужеска пола въ двухъ душахъ, имѣетъ дворъ и избу, скота никакого; на вспоможеніе ему полагается . . . . 40 руб.

Логинъ Голищевъ. Семейство состоитъ въ двухъ душахъ мужеска пола, имѣетъ дворъ и избу, лошади и другаго скота ни какого не имѣетъ; на покупку онаго полагается . . . . 40 руб.

Степанъ Голищевъ. Семейство состоитъ мужска полу въ трехъ душахъ, кромѣ женска; ничего не имѣетъ, живетъ у товарищей; на обзаведеніе двора и домашняго скота полагается . . . . . 60 руб.

Ефимъ Гритчинъ. Живетъ при отцѣ, которой держится православія; на вспоможеніе полагается . . . . 15 руб.

Федоръ Гритчинъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, имѣетъ дворъ, избу и одну лошадь, а болѣе ничего; на вспоможеніе ему полагается . . . . 25 руб.

Петръ Кузнецовъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, имѣетъ дворъ, избу и лошадь; на вспоможеніе полагается 25 руб.

Трофимъ Голищевъ съ женою, имѣетъ дворъ и избу, больше ничего; на вспоможеніе полагается . . . . 30 руб.

Максимъ Уласовъ, Павелъ Махонинъ и Алексѣй Головинъ, безъ семейные, ничего не имѣютъ и живутъ у товарищей; на обзаведеніе имъ полагается каждому по 25 рублей . . . . 75 руб.

въ Слободѣ Большихъ Проходахъ:

Иванъ Гончаровъ съ сестрами и невѣсткою, имѣетъ дворъ, избу и одну лошадь; на вспоможеніе полагается . . . . 25 руб.

Григорій Гончаровъ. Семейство состоитъ изъ женска пола, имѣетъ дворъ, избу и двѣ лошади; на вспоможеніе полагается 15 руб.

Платонъ Гончаровъ. Семейство состоитъ въ пяти душахъ мужеска пола, имѣетъ дворъ, избу и двѣ лошади; на вспоможеніе полагается 20 руб.

Сергѣй Сухаревъ съ невѣсткою. Семейство состоитъ изъ женска пола, двора и имущества не имѣетъ никакого, живетъ у вышеписанныхъ Гончаровыхъ; на заведеніе двора и на покупку лошади и скота полагается . . . . 60 руб.

Аврамъ Пенцовъ. Имѣетъ сына, которой держится православія, имѣетъ дворъ, избу, три лошади и одну корову; на вспоможеніе полагается . . . . 10 руб.

Василій Сухаревъ, Мина Кусковъ, Григорій Блудовъ и Степанъ Сухаревъ, безъ семейные, ничего не имѣютъ, живутъ у своихъ товарищей; на обзаведеніе полагается каждому по 25 рублей . . 100 руб.

Въ сихъ слободахъ всѣ жители землями владѣютъ по выписямъ, крѣпостямъ и по другимъ здѣлкамъ изъ давна, а потому и означенные духоборцы, по возвращеніи своемъ, принадлежащіе имъ земли во владѣніе приняли, но за прошествіемъ уже половины лѣта, такъ же по недостатку, и обратясь на приведеніе въ устройство жилищъ, въ хлѣбопашество еще не вступили, а пропитаніе имѣютъ отъ рукодѣлій и работъ, а нѣкоторымъ выданъ хлѣбъ заимообразно изъ общественныхъ сельскихъ магазѣйновъ.

Изюмскаго уѣзда

въ Слободѣ Петровской:

Сергѣй Поповъ. Семейство его состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ четырехъ душахъ, имѣетъ дворъ, двѣ избы и нужные крестьянскіе строенія, лошади, рогатой и другой домашнѣй скотъ, равно пахатная земля и сѣнокосы во владѣніи его состоятъ, ибо

семейство его оставалось на мѣстѣ въ сей слободѣ и сохранило всѣ хозяйственныя заведенія, а потому и не нуждается въ споможеніи.

Яковъ Перегудовъ. Семейство его состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, имѣетъ одну только обвѣтшалую избу, другихъ же строеній, скота и прочихъ крестьянскихъ необходимостей не имѣетъ; на вспоможеніе ему полагается . . . . 40 руб.

Иванъ Сукрутовъ. Ничего у себя не имѣетъ, живѣтъ въ избѣ съ вышеписаннымъ Яковомъ Перегудовымъ; на обзаведеніе дворомъ и нужнымъ скотомъ полагается . . . . 60 руб.

Зміевскаго Уѣзда

въ Слободѣ Охочей:

Федоръ Кухтинъ. Семейство состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ двухъ душахъ, имѣетъ дворъ и избу, изъ домашняго скота имѣетъ только одну лошадь; на вспоможеніе ему для покупки скота и на другія обзаведенія полагается . . . . 25 руб., да живущимъ съ нимъ въ одной избѣ родственникамъ его Ивану и Прокофію Кухтинымъ на покупку лошадей по 25 рублей 50 руб.

Анисимъ Кухтинъ съ братомъ Андрѣемъ. Семейство состоитъ въ трехъ душахъ мужеска пола, кромѣ женска, живутъ въ одной плетневой избѣ, лошадь имѣютъ только одну и болѣе ничего; на покупку другой лошади, домашняго скота и на другія заведенія полагается . . . . 60 руб.

въ Слободѣ Верховой Берекѣ

Сергѣй Строевъ. Семейство состоитъ мужеска пола въ двухъ душахъ, имѣетъ дворъ, избу и довольное строеніе, изъ домашняго скота только одну лошадь; на вспоможеніе полагается . . . 20 руб., да живущему съ нимъ въ одной избѣ брату его Михайлу на постройку избы и на покупку скота и прочаго . . . . . . 60 руб.

Исай Збитневъ и Трофимъ Боевъ съ братьями Иваномъ и Ефимомъ. Безъ семѣйные, никакого имущества не имѣютъ, а проживаютъ у товарищей своихъ въ работахъ; на обзаведеніе имъ полагается каждому по 25 руб. . . . . 100 руб.

Архипъ Баевъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ трехъ душахъ, дворъ и строеніе имѣетъ довольное, изъ домашняго скота только одну лошадь; на вспоможеніе полагается . . . . . 20 руб.

Иванъ Барбинъ. Живетъ во дворѣ у отца своего, который держится православія и не принадлежитъ къ духоборцамъ; на вспоможеніе полагается . . . . 15 руб.

Федоръ Сидоровъ. Семейство состоитъ мужеска пола въ двухъ душахъ, двора и имущества никакого не имѣетъ, а проживаетъ у товарищей; на заведеніе строенія и хозяйства полагается . 60 руб.

Федоръ Збитневъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, дворъ имѣетъ довольно обстроенный, изъ домашняго скота только одна лошадь; на вспоможеніе полагается . . . . 20 руб.

а всего въ три уѣзда . . 1550 руб.

Вышеписанные слободы Изюмскаго уѣзда Петровская и Зміевская Охочая и Верховая Берека прежде состояли въ Новороссійской губерніи, и къ нимъ земли обмежеваны по числу душъ, а потому въ каждомъ селеніи чрезъ нѣсколько времени жители уравниваютъ между собою земли по семѣйствамъ, противу прибыли и убыли душъ, при каковомъ уравненіи въ наступающую весну и духоборцы получатъ свои участки противу пропорціи душъ; а по возвращеніи ихъ хотя и отводимы были части земли, оставшіесь не засѣянными, но въ разсужденіе поздаго летняго времени, а другіе по недостатку и упражняясь въ устроеніи жилищъ, въ хлѣбопашество не вступили, пропитаніе жъ нынѣ имѣютъ отъ рукодѣлій и работъ, и сверхъ того приказано нуждающимся отпустить въ заимообразъ хлѣба изъ общественныхъ сельскихъ магазейновъ.

Сумма, исчисленная въ сей описи на вспоможеніе имъ, 1550 рублей, расположена по мѣстнымъ цѣнамъ и по нуждамъ каждой семьи, въ разсужденіи достатка, числа работниковъ и другихъ одной предъ другою выгодъ.

На подлинной подписалъ: Гражданскій Губернаторъ Зильбергаришъ

Съ подлиннымъ свѣрялъ: Коллежскій Совѣтникъ Михайловъ

№ 3.

Статъ Харьковскихъ Казенныхъ училищъ, сочиненный декабря 21 дня 1782 г.

Учителю закона Божія 50 руб. Обучать въ недѣлю 3 часа, именно въ субботу отъ 8 до 11 ч., къ чему опредѣлить изъ учителей

сихъ училищъ или Харьковскаго Коллегіума изъ студентовъ, кто по ученіи его способенъ.

Французскому яз. обучать тремъ учителямъ: за обученіе синтаксису—275 р., за обученіе грамматикѣ—180 р., за обученіе чтенію и письму—100 р. Нѣмецкому языку обучать тремъ учителямъ: за обученіе синтаксису—275 р., за обученіе грамматикѣ—180 р., за обученіе чтенію и письму—100 р. На оба предмета: обучать до полудня въ недѣлю 20 ч.

Россійской грамотѣ учить: читать, писать и правописанію—1 учитель; ему жалованья—100; обучать въ недѣлю 24 ч.

Жалованья учителямъ: фортификаціи и артиллеріи—200 р., геометріи—150 р., ариѳметики—100 р., геодезіи—100 р., рисованія и живописи—200 р.; на обученіе всѣмъ этимъ предметамъ—16 ч. въ недѣлю послѣ полудня.

Жалованья: учителю танцевъ—200 р., учителю игры на клавикордахъ—60 р.; обоимъ на обученіе—6 ч. въ недѣлю.

Учителю исторіи и географіи—120 р. жалованья; на обученіе—16 ч. въ недѣлю.

Учителю вокально-инструментальной музыки—300 р. жалованья; на обученія—24 ч. въ недѣлю.

Годового жалованья: директору—300 р., интенданту—120 р, сержанту—12 р., ротному квартемистру—9 р., каптенармусу—9 р., тремъ капраламъ—по 6 р.

Учениковъ—75; имъ на пищу и на столовые приборы, на содержаніе посуды, столовъ и скамей—по 12 р. на каждаго, а всего—900 р.

Въ счетъ этой суммы изготовлялись особые кафтаны пѣвчимъ и музыкантамъ, халаты, туфли и колпаки для больныхъ учениковъ, а также производилась починка музыкальныхъ инструментовъ.

На чернила, перья, бумагу, краски, книги, дрова, свѣчи расходовались суммы, собираемыя за право ученія съ дѣтей дворянъ и разночинцевъ.

Росписаніе, какое состоящихъ при Харьковскихъ училищахъ ученикамъ полагается одѣяніе, въ какіе именно сроки и въ какую сумму

Въ одинъ годъ:

Рубахъ три, въ каждую по 5 аршинъ холста, а аршинъ по 8 к. —всего 1 р. 20 к.

За шитье оныхъ за каждую по 10 к.—всего 30 к.

Манишекъ съ рукавами двѣ, въ каждую по два съ половиною аршина, итого 5 аршинъ по 10 к.—всего 50 к.

Манжетъ кисейныхъ или батметовыхъ, которыя дѣлать не болѣе вершка—60 к.

Чулокъ шерстяныхъ двѣ пари по 15 к.—итого 30 к.

Чулокъ нытныхъ двѣ пари по 30 к.—итого 60 к.

Башмаковъ одна пара—30 к.

Сапоговъ три пари по 50 к.—1 р. 50 к.

На подметки и на починку—25 к.

Ленты шерстяной на косу 4 арш., по 4 к. аршинъ,—16 к.

Пудри одинъ фунтъ—6 к.

Мыла шесть фунтовъ—6 к.

Итого на одного ученика—6 р. 1 к., а на 75—450 р. 75 к.

Въ два года:

На сертукъ и одни шаровары сѣрого не крашеннаго фабричнаго сукна четырѣ аршина по 40 к.—всего 1 р. 60 к.

Холста на подкладку 10 аршинъ, а аршинъ по 5 к.,—всего 50 к.

На полукафтанье, однѣ шаровары и на вершокъ шапки жолтого фабричнаго сукна три аршина, а аршинъ по 60 к.,—всего 1 р. 80 к.

Юфты къ двоимъ шароварамъ, на всякое по 35 к.,—всего 70 к.

Холста на подкладку 7 аршинъ, а аршинъ по 5 к.,—всего 35 к.

Крючковъ къ полукафтану три палочки, каждая по 3 к.,—9 к.

На два кушака стамету красного одинъ аршинъ съ половиною, а аршинъ по 50 к.,—всего 75 к.

Къ кушакамъ въ средину подъ каждой холста хрящу по три четверти-одинъ аршинъ съ половиною, а аршинъ по 4 к.,—всего 6 к.

На опушку шапки бѣлой смушокъ—20 к.

Клеіонку подъ оную полъ аршина, а аршинъ по 6 к.,—3 к.

Галстукъ черной—6 к.

Гребенка роговая—6 к.

На шитье мундировъ, шапки, шароваровъ, шенелей, тожъ и на нитки—1 р. 20 к.

Сукна синего фабричного на шенель 4 аршина, а аршинъ по 55 к.,—всего 2 р. 20 к.

На обшлагъ и воротникъ фабричного же бѣлаго сукна четверть аршина—12 к.

На подкладку красной коразины четире аршина съ половиною—66 к.

На подкладку въ спину и въ рукава холста хрящу три аршина, а аршинъ по 4 к.,—12 к.

Итого на одного ученика въ 2 года—10 р. 51 к. (на одинъ годъ на одного ученика—5 р. 25½ к.), а на всѣхъ 75 учениковъ въ 2 года —788 р. 25 к. (на одинъ годъ на всѣхъ учениковъ—394 р. 12¼ к.).

Въ шесть лѣтъ:

Пряжка къ галстуху мѣдная—6 к.

Пуговицъ мѣдныхъ къ сертуку восемнадцать, каждая по одной копейки,—18 к.

Кровать переплетенная веревками—60 к.

Тюфякъ обшитой тикомъ, набытой шерстью—90 к.

Простинь двѣ, полагая на каждую по 6 ар. холста, а аршинъ по 6 к.,—всего 72 к.

Тиковую жъ наголовную подушку, набитою шерстью—36 к.

Наволочокъ холстяныхъ три, полагая на каждую по три аршина, а аршинъ по 7 к.,—21 к.

На одѣяло бѣлаго фабричного сукна одинъ аршинъ десять вершковъ съ половиною—90 к.

Щетка сапожная—6 к.

Щетка кафтанная одна—12 к.

Пряжки башмачныя—30 к.

Итого на одного ученика—4 р. 41 к. (на одинъ годъ 73½ к.), а на 75 учениковъ—330 р. 72 к. (на один годъ—55 р. 12½ к.).

Итого на платье и обувь, постелю и протчее, разчитывая на годъ, приходитъ на каждаго по двенадцати рублей, а на 75 учениковъ—900 р., а всей суммы на жалованье и содержаніе учениковъ пять тысячъ восемсотъ руб.

На подлинномъ подписано тако:
Дмитрій Норовъ (Харьковскій губернаторъ).

Къ сему штату сдѣлано въ 1780 г. Примѣчаніе:

Въ данномъ Харковскому Казенному Училищу Учрежденіи въ 3-мъ пунктѣ написано: кромѣ отпускаемыхъ изъ Казенной Палаты

4000 р. отпускать на содержаніе сего училища изъ процентовъ собираемыхъ за отдаваемую капиталную классическую сумму по 1000 р. въ годъ, да изъ Приказа Призрѣнія изъ процентныхъ же по восми сотъ рублей, всего, кромѣ собираемыхъ экономическихъ денегъ, въ годъ по 5800 р. Сія сумма съ начала отпускаема не была отчасти потому, что въ то время экономическими нужные и опредѣленные расходы выполнять можно было, а отпускалось по случаю вновъ построенныхъ связей, сколько по смѣтѣ къ надобности требовалось. Экономическіе деньги, собираемые по всегодно въ томъ учрежденіи, предписано употреблять на содержаніе библіотеки, на починку, отопливаніе и освѣщеніе классическаго дома; а какъ цѣны нынѣ во всѣхъ вещахъ и съестныхъ припасахъ гораздо возвисились, то и мундиръ на казенныхъ питомцевъ перемѣненъ, и дѣлается такой, какъ нынѣ состоитъ, уже нѣсколько лѣтъ.

Нѣкоторые науки, кромѣ написанныхъ въ семъ Штатѣ въведены, а другіе, какъ то обученіе на клавикордахъ, за неимѣніемъ учителя, необучается; въ мѣсто же положенныхъ для обученія языковъ шести учителей, обучаютъ только три, одинъ французскаго, а два нѣмецкаго, за неимѣніемь суммы выписать изъ Университета и содержать иностранныхъ, совершенно знающихъ языки и другія науки, людей, а естли сумма найтится можетъ, то изъ Кенигсбергскаго Университета достойныхъ профессоровъ, съ опредѣленіемъ жалованья по 400 рублей въ годъ и другихъ выгодъ, въ непродолжительномъ времени выписать не трудно будетъ.

Въ должности директора
Примеръ-маіоръ Густавъ фонъ-Буксгевденъ.

№ 4.

Вѣдомость 1790 г. о Харковскомъ Казенномъ Училищѣ, какимъ языкамъ и наукамъ воономъ учениковъ обучаютъ, колико для каждой науки и языка учителей, ихъ имена съ означеніемъ, какимъ наукамъ каждой обучаетъ по сколько въ неделю часовъ, и сколько за все то получаетъ въ годъ жалованья:

Учителя языковъ:

Россійскаго:

1. Синтаксису, Риторики и Логики, онъ же и Закона Божія—Федоръ Кудрицкій—8 ч. въ недѣлю—250 руб. жалованья.

2. Грамматики, онъ же и катихизиса и первой части Арифметики—Иванъ Малиновскій—18 ч. въ нед.—75 руб. жал. За смотрѣніе же за пенсіонерами и питомцами ползуется классическою квартирою и пищею.

3. Граммотѣ, читать и писать, онъ же и танцованью—Иванъ Якубовскій—44 г. въ нед.—100 р. жал.

Нѣмецкаго:

1. Синтаксису и Грамматики, онъ же и географіи—Федоръ Олденбергеръ—22 ч. въ нед.—200 р. жал.

2. Граммотѣ читать и писать—Иванъ Розе—22 ч. въ нед.—100 р. жал., онъ же и надзиратель, за что пользуется квартирою и пищею·

Французскаго:

1. Синтаксису, Грамматикѣ и Граммотѣ—Григорій Дмитріевъ—22 ч. въ нед.—300 р. жал.

Учители Наукъ:

1. Фортификаціи и Артиллеріи—Иванъ Николаевъ—16 ч. въ нед.—250 р. жал.

1. Геометріи, Физикѣ и Механикѣ—Гаврило Каринѣевъ—24 ч. въ нед.—250 р. жал.

1. 1-й части Арифметики и Геодезіи—Павелъ Тертичниковъ—20 ч. въ нед.—100 р. жал.

1. Архитектурѣ—Максимъ Калиновскій—8 ч. въ нед.—100 р. жал.

1. Рисованію—Семенъ Маяцкій—16 ч. въ нед.—250 р. жал.

11 учителей

Итого на учителей 1975 р.

Сверхъ оныхъ учителей при семъ Училищѣ состоятъ чины:

При конторѣ:

1. За Директора Примеръ-майоръ Куставъ фонъ-Буксгевденъ—300 р. жал.

1. Экономъ прапорщикъ Василей Сидоренковъ, сверхъ казенной пищи, квартиры, дровъ, свѣчей и услугъ—80 р.
1. Для письменныхъ дѣлъ Регистраторъ Иванъ Золотаревъ—100 р.

При больницѣ:

1. Лѣкарь Иванъ Романовскій—50 р.
2. Подлѣкарь Григорій Койленковъ—50 р.

Вѣдомость о вокалной и инструменталной музыки:

1. Учитель вокалной и инструментальной музыки—Максимъ Канцевичъ—300 р.

Музыканты на жалованьи:

1. Петръ Виноградскій—50 р.
2. Антонъ Списаревскій—50 р. За смотрѣніе малыхъ пѣвчихъ ползуется квартирою и пищею.
3. Климъ Гриневъ—50 р.
4. Тимофѣй Макаренковъ—50 р.
5. Павелъ Харченковъ—50 р.
6. Григорій Друголюбскій—50 р.
7. Илья Поповъ, сверхъ квартиры и пищи,—30 р.

Пѣвчіе на жалованьи:

Басисты:

1. Федоръ Дмитревичъ—50 р.
2. Егоръ Ивановъ—50 р.
3. Ефимъ Дмитревскій—50 р.

4. Леонтій Хламовъ тенористъ—40 р.

Итого на музыкалный классъ, кромѣ малыхъ пѣвчихъ,—820 р.

А всего всѣмъ вышеозначеннымъ чинамъ и учителямъ жалованья—3375 р.

За вышеписаннымъ расходомъ остается изъ отпускаемыхъ на содержаніе сего Училища 4000 р.—625 р., кои въ расходѣ употребляются, а именно:

На ноты, струны и починку инструментовъ—60 р.

Портному за шитье по договору казеннымъ ученикамъ платья—60 р., а за починку старого ползуется квартирою и дровами на одну пѣчь.

Сапожнику за шитье на казенныхъ учениковъ 50 человѣкъ изъ своего товара сапоговъ отъ каждаго за весь годъ, тожъ и за починку, по 3 р.,—150 р.

Да малымъ пѣвчимъ 12 человѣкамъ отъ каждаго по 4 р.—48 р.

Портомойкѣ за мытье ученическаго и столоваго бѣлья въ годъ—60 р.

Нужно имѣть восми сторожей, каждому по 15 р.,—120 р.

Да трехъ кухарокъ—36 р.

На починку печей и протчаго примѣрно полагается—81 р.

Итого 4000 р.

Отъ находящихся въ семъ Училищѣ пенсіонеровъ за содержаніе пищею и квартирою, тожъ и за ученіе, въ семъ 1790 г. собрано 325 р., да еще надежно въ семъ же году получить 335 р., всего 660 р. Оные деньги на содержаніе ихъ и трехъ надзирателей, да на отопленіе, освѣщеніе и починку той связи, въ коей пребываніе оню имѣютъ, исходятъ.

Отъ волонтеровъ дворянскихъ дѣтей, приходящихъ изъ квартиръ, въ семъ году собрано отъ каждаго по 12 и по 6 рублей—726 р.; надежно получить въ семъ же году 222 р.,—всего 948 р.

Изъ оныхъ полученныхъ денегъ въ расходъ употреблено: для питомцовъ рубашечного, скатертного и подкладочного холста за 94 р. 84 к.; сукно на платье 130 аршинъ пó 80 коп.—104 р. 40 к.; дровъ куплено въ семъ году за 124 р. 40 к.; на пищу, медикаменты, книги и бумагу іюня по 1 число—370 р. 46 к.; куплено шляпъ за 17 р. 50 к.; заплочено за пошитье 120 рубахъ—14 р. 40 к. Итого—726 р.

Сверхъ вышеписанныхъ суммъ представлено Намѣстническому Правленію объ отпускѣ изъ процентовъ классической капиталной суммы 447 р. на нужную пристройку; да взамѣнъ выданныхъ изъ

вступившей въ семъ году экономической суммы учителямъ за сентябрскую прошлаго 789 г. треть—153 р.—всего 600 р.; въ которое число принято толко 300 р., а естли и остальные 300 р. отпущены будуть, то надежно, что съ имѣющими вступить экономическими денгами, классы и казенныхъ учениковъ на нынѣшнемъ положеніи содержать можно, но другаго платья и новыхъ постелей построить будетъ не изъ чего.

Примеръ-маіоръ Густавъ фонъ-Буксгевденъ.

Ив. Турцевичъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

И ЗАМѢТКИ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

IV.

Optimus maximus и optimus maximusque[1]).

Верховный богъ-покровитель Рима, Юпитеръ Капитолійскій назывался оффиціально всегда optimus maximus. Эти эпитеты его мы встрѣчаемъ много разъ въ разнаго рода памятникахъ Римской письменности, между прочимъ въ весьма многихъ надписяхъ. Иногда находимъ эти эпитеты присвоенными и другимъ Юпитерамъ или Зевсамъ, напр. Юпитеру Латинскому, Пеннинскому, Зевсу Геліопольскому, Долихинскому, Дамасскому[2]), Зевсу-Балмаркоду (κυρίῳ γενναίῳ).

Казалось-бы, что эти важные, часто встрѣчающіеся эпитеты Юпитера объясняются въ комментаріяхъ къ древнимъ авторамъ или въ другихъ филологическихъ пособіяхъ; но на самомъ дѣлѣ они часто оставляются совсѣмъ безъ разъясненія, а вполнѣ обстоятельнаго объясненія ихъ намъ встрѣчать не приходилось; едва-ли филологи, въ частности переводчики Латинскихъ авторовъ, всегда даютъ себѣ точный отчетъ въ значеніи этихъ словъ. По крайней мѣрѣ переводятъ ихъ разно. У Нѣмецкихъ авторовъ слова optimus maximus, какъ эпитеты Юпитера, передаются чаще всего, кажется, черезъ der beste und grösste; такой переводъ ихъ мы находимъ напр. у Т. Моммзена и у Преллера. Онъ, кажется, страдаетъ

---

[1]) Этотъ этюдъ былъ читанъ въ засѣданіи Историко-Филолог. Общества при Институтѣ Кн. Безбородко.

[2]) См. Preller, Röm. Mythologie. Фирмикъ-Матернъ Mathes. l. I, 14 (Skutch) лишаетъ Юпитера Капитолійскаго эпитетовъ optimus maximus и придаетъ ихъ Солнцу (Sol optime maxime, qui mediam caeli possides partem, mens mundi atque temperies, dux omnium atque princeps и пр.), но въ его гороскопіи эти слова играютъ роль именно какъ эпитеты Юпитера (см. ниже). Ceres optima maxima—въ надписи Orelli-Henzen, Coll., № 5717.

нѣкоторою неясностью, но, можетъ быть, въ данномъ случаѣ это—достоинство. Другіе ученые Нѣмцы переводятъ иначе: напр. ч. der höchste gütigste (Фридлендеръ Sittengesch. Roms, III[5], стр. 549); Штовассеръ, въ своемъ словарѣ (s. v. bonus), указавъ для bonus значенія gnädig, freigebig, прибавляетъ: Daher der Beiname Bona dea... und des Iupiter... и приводитъ слова Цицерона pro domo, 57; иного пониманія этого слова онъ не указываетъ. У насъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій называетъ Юпитера Капитолійскаго „всеблагимъ и всевышнимъ" (см. Вѣстн. Евр., 1893, Янв., стр. 28); проф. В. И. Модестовъ sedem Iovis optimi maximi у Тацита, Hist. III, 72 перевелъ такъ: „сѣдалище верховнаго Юпитера". Къ этому переводу онъ далъ слѣдующее поясненіе: „Эти прилагательныя составляютъ обыкновенные эпитеты Юпитера (слѣдовало прибавить: Капитолійскаго), которые не имѣютъ себѣ вполнѣ соотвѣтствующихъ въ русскомъ языкѣ; тѣ же эпитеты подобнаго рода (напр. всеблагій), которые мы прилагаемъ къ христіанскому божеству, не годятся для языческаго". Мы не думаемъ, чтобы это объясненіе могло кого-либо удовлетворить. Вопросъ здѣсь вѣдь не въ томъ, годится-ли или не годится эпитетъ „всеблагій" для Юпитера,—мы увидимъ, что, по мнѣнію Цицерона, онъ вполнѣ для него годился,—а въ томъ, значило-ли optimus въ этомъ сочетаніи „всеблагій". Почему это, въ самомъ дѣлѣ, язычникъ не могъ называть своего бога всеблагимъ или благимъ? Вѣдь и христіанскій богъ также между прочимъ караетъ, наказуетъ, и все таки онъ благъ. Почему Юпитера въ частности не могли называть всеблагимъ, когда его называли almus, salutaris? Если эпитеты optimus maximus дѣйствительно не имѣютъ себѣ вполнѣ соотвѣтствующихъ въ Русскомъ языкѣ, то слѣдовало сказать, что́ они собственно значатъ (вѣдь по крайней мѣрѣ это можно же было выразить по-Русски). Приходится думать, что значеніе словъ optimus maximus, по мнѣнію проф. Модестова, передаетъ переводъ „верховнаго"; но тогда зачѣмъ было говорить о „всеблагомъ" и о непригодности этого эпитета для Юпитера?

Мы не знаемъ навѣрное, когда именно Юпитеру Капитолійскому присвоенъ былъ эпитетъ optimus maximus, а должны довольствоваться предположеніями.

Такъ какъ культъ Капитолійской тріады въ Римѣ былъ сравнительно новымъ и, какъ обыкновенно полагаютъ, возникъ подъ Греческимъ вліяніемъ[1]), то можно думать, что и optimus maximus тоже соотвѣтствовало Греческому прототипу. У Грековъ Зевсъ нерѣдко назывался βασιλεύς, у Римлянъ же Юнона называлась regina, а Юпитеръ—optimus maximus. Невольно является предположеніе, что optimus maximus замѣнилъ собою титулъ rex—по политическимъ причинамъ. Моммзенъ R. Staatsrecht, II[3], стр. 15, прямо утверждаетъ, что съ установленіемъ республики Юпитеръ nicht mehr „Iupiter König", sondern Iupiter der beste grösste genannt ward.

Нѣкоторые ученые, напр. Преллеръ, полагаютъ, что эпитетомъ optimus maximus Юпитеръ обозначался, какъ первый, величайшій изъ всѣхъ боговъ, по мнѣнію другихъ, онъ выдѣлялъ Юпитера Капитолійскаго изъ ряда всѣхъ Юпитеровъ въ Римѣ и внѣ его[2]).

Главное впрочемъ затрудненіе при толкованіи optimus maximus представляетъ слово optimus.

Слово bonus, подобно нашему „добрый", употреблялось въ разныхъ значеніяхъ, между прочимъ и въ значеніи „благій", милосердный[3]). Melior и optimus соотвѣтствовали ему, какъ срав-

---

[1]) Wissowa, Religion u. Kultus d. Römer, 110: Als Tempelgenossinen neben ihm (говорится о Юпитерѣ Капитолійскомъ) Iuno Regina und Minerva verehrt, so dass ein göttlicher Dreiverein ensteht, der ziemlich sicher auf griechischen Ursprung zurückgeführt werden kann, nach Rom aber wahrscheinlich über Etrurien gelangt ist.

[2]) Wissowa, Religion etc. 110: die Beinamen (optimus maximus) bezeichnen den Gott nicht sowohl, als den besten und grössten der Götter, als vielmehr als den ersten und hervorragendsten aller in und ausserhalb Roms verehrten *Ioves*.

[3]) Сенека De clem. II, 4: Pertinet hoc loco quaerere, quid sit misericordia. Plerique enim ut virtutem eam laudant et bonum hominem

нительная и превосходная степень вообще, но едва-ли во всѣхъ оттѣнкахъ значенія. Optimus употребляется очень часто но, кажется, крайне рѣдко въ значеніи „добрѣйшій“.

Сохранившись до конца республики въ своемъ древнемъ видѣ и произношеніи optumus maxumus[1]), этотъ эпитетъ Юпитера могъ давно потерять свое первоначальное значеніе.

Мы не можемъ сейчасъ указать, въ какомъ Латинскомъ текстѣ optimus maximus встрѣчается впервые; вопросъ этотъ впрочемъ не представляетъ важности, такъ какъ, какъ извѣстно, сколько-нибудь значительныхъ Латинскихъ текстовъ отъ древнѣйшаго времени у насъ нѣтъ.

Въ комедіяхъ Плавта, представляющихъ изъ себя передѣлки Греческихъ оригиналовъ, находимъ иногда черты совсѣмъ Римскія, между прочимъ и спеціально Римскіе термины; но, по весьма понятной причинѣ, всего менѣе они могли относиться къ области Римской религіи. Въ одной комедіи Плавта Юпитеръ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, но это—совсѣмъ Греческій Зевсъ; соотвѣтственно этому и эпитеты Юпитера у Плавта вообще Греческіе, а Римскаго optimus maximus нѣтъ. Разъ только, въ „Амфитруонѣ“, Юпитеръ названъ optimus—можетъ быть съ намекомъ на эпитетъ Юпитера Капитолійскаго; во всякомъ случаѣ optimus не употреблено здѣсь въ значеніи „всеблагій“[2]). Находимъ у

vocant misericordem. Срв. его-же Epist. 34, 3: scis, quem bonum dicam? perfectum, absolutum, quem malum facere nulla vis, nulla necessitas possit.

[1]) Квинтиліанъ Instit. I, 7, 21: Etiam *optimus maximus*, ut mediam litteram quae veteribus U fuerat, acciperent, C. primum Caesaris inscriptione traditur factum. Это свидѣтельство пропущено у А. А. Брока, Quaest. gramm. capita duo.—Opitumus находимъ C. I. L. I, 32 и 1016.

[2]) Amphitruo, 273:

Perge, nox, ut occepisti, gere patri morem meo:
Optumo optume optumam operam das, datam pulcre locas.

Такъ какъ Плавтъ, какъ извѣстно, особенно любилъ подобныя ассонанціи, то, по всей вѣроятности, въ optumo и пр. имѣемъ его собственныя слова, а не воспроизведеніе оригинала.

Плавта и optimi maximi, но не какъ эпитеты Юпитера, а въ значеніи „аристократы“, и, вѣроятно, слово max. явилось результатомъ позднѣйшей вставки (Ричль Rhein. Mus., VIII, стр. 306 устранялъ совсѣмъ слово maxumi, а Leo читаетъ maxime)[1]).

Цицеронъ прямо разъ говоритъ, что optimus по отношенію къ Юпитеру указываетъ на его благость, благодѣянія. Такъ De deor. nat. онъ говоритъ: Sed ipse Iupiter, id est iuvans pater, quem conversis casibus appellamus a iuvando Iovem,... a maioribus nostris optimus maximus et quidem ante optimus, id est beneficentissimus, quam maximus, quia maius est certeque gratius prodesse omnibus, quam opes magnas habere. Срв. De deor. nat. III, 36, 87, or. pro domo, 57, 144, De rep. I, 33, 50, De finibus III, 66.

Философъ Сенека, естественно, былъ склоненъ понимать optimus maximus по отношенію къ Юпитеру, какъ понималъ его Цицеронъ. Онъ говоритъ De clem. I, 19 (Haase): Quid autem? non proximum illis (именно diis) locum tenet is, qui se ex deorum natura gerit beneficus ac largus et in melius potens? Hoc adfectare, hoc imitari decet, maximum ita haberi, ut optimus simul habeare. Срв. его-же Epist. 95, 50: primus est deorum cultus deos credere, deinde reddere illis maiestatem suam, reddere bonitatem, sine qua nulla maiestas est. Несомнѣнно, Сенека имѣлъ въ виду эпитеты Юпитера optimus maximus, примѣняя ихъ ко всѣмъ богамъ вообще[2]).

Фирмикъ-Матернъ Mathes. I, 22 говоритъ: Si Saturnus facit cautos tardos avaros ac tacitos, Iuppiter maturos bonos

---

[1]) Men., 571: Ut hoc utimur maxime more moro
molestoque multum, atque uti quique sunt
optumi, maxime morem habent hunc:
clientis sibi omnes volunt esse multos:
bonine an mali sint, id haud quaeritant.

[2]) Срв. также De vita beata, 26: Sic vestras hallucinationes fero, quemadmodum Iupiter optimus maximus ineptias poëtarum.

benignos ac modestos, Mars credeles, perfidos ac feroces и пр. и I, 10, 14 о Юпитерѣ: et tu, Iuppiter, Tarpeiae rupis habitator, qui mundum ac terras salutari semper ac benigna maiestate laetificas[1]). Пояснять эти мѣста, кажется, нѣтъ надобности.

То, что Цицеронъ считалъ нужнымъ пояснять эпитетъ Юпитера optimus, несомнѣнно, показываетъ, что значеніе его не было достаточно яснымъ, что не всѣ современники его такъ, какъ онъ, понимали его, а ниже мы увидимъ, что и въ болѣе позднее время нѣкоторые понимали его иначе.

Что optimus, какъ эпитетъ Юпитера, означало собственно „высочайшій, верховный“ или что таково было по крайней мѣрѣ древнѣйшее, первоначальное значеніе этого эпитета, это представляется вообще весьма вѣроятнымъ, это мнѣніе не разъ уже высказывалось, но обстоятельнаго обоснованія его намъ встрѣчать не приходилось.

Преллеръ Röm. Myth., I³, 205 говоритъ, что, хотя въ болѣе позднее время обыкновенно охотно эпитетъ optimus толковали, какъ обозначеніе величайшей нравственной доброты, однако онъ собственно обозначалъ „изъ всѣхъ боговъ выдающійся, высшій по могуществу и чести“. Срв. Usener, Götternamen, стр. 343: Während früher Zeus als der „grosse Gott, der grösste, der höchste“ verehrt wurde, wie Iuppiter als optimus maximus.

Кромѣ прямого свидѣтельства древнихъ въ пользу такого пониманія этого слова можно привести еще нѣкоторые, болѣе или менѣе вѣроятные, доводы.

Во-первыхъ, первоначальное значеніе этого слова, по общему правилу, должно было быть конктретнымъ[2]).

[1]) Срв. Math. III, 31, 1 и IV, 29.

[2]) Производятъ optimus обыкновенно отъ op-s, нѣкоторые отъ ob. Зоммеръ (Handbuch d. lat. Laut—u. Formenlehre, стр. 486 и сл.) сопоставляя optimus съ finitimus и maritimus, переводитъ такъ: „in engster Beziehung zur Hülfe stehend, am besten zur Hülfe. Едвали кто-либо найдетъ этотъ переводъ удачнымъ.

Во-вторыхъ, уже то, что optimus стоитъ на первомъ мѣстѣ, кажется, говоритъ въ пользу предположенія, что оно не значитъ или первоначально не значило „всеблагій“, а нѣчто иное.

Въ-третьихъ, храмы Юпитера Капитолійскаго находились всегда или по возможности на возвышеніяхъ; это былъ богъ высокій (altus Iupiter)—конечно, это соотвѣтствовало вообще представленію о немъ, какъ о богѣ неба и т. п.; естественно, кажется, чтобы и въ его эпитетахъ было указаніе на это[1]).

Въ-четвертыхъ, аспндетъ optimus maximus есть, кажется, копулятвный, такой-же, какъ purus putus, pollens potens, faustus felix и т. п., т. е., что второе слово въ немъ приблизительно синонимично первому. Юпитеръ имѣлъ у Римлянъ еще, между прочимъ, слѣдующіе эпитеты: summus excellentissimus и summus exsuperantissimus. По-видимому, они образованы совсѣмъ по образцу optimus maximus, вполнѣ ему соотвѣтствовали, представляя только варіаціи стариннаго optimus maximus. Если же такъ, то summus указывало бы на первоначальное значеніе слова optimus.

У Грековъ Зевсъ тоже имѣлъ эпитеты *κύδιστος μέγιστος* и *ὕφιστος καὶ μέγιστος*; какъ по внѣшней формѣ, такъ, кажется, и по смыслу они напоминаютъ optimus maximus. Нѣчто также. по-видимому, довольно точно соотвѣтствовавшее Латинскому optimus maximus находимъ у Грековъ въ *ἄριστος καὶ μέγιστος*. Въ Hymn. Homer. XXIII (Εἰς Δία) читаемъ:

Ζῆνα θεῶν τὸν ἄριστον ἀείσομεν ἠδὲ μέγιστον.

Какъ бы ни понимать эпитеты Юпитера Капитолійскаго, для передачи ихъ у Грековъ были соотвѣтствующіе эпитеты ихъ Зевса; однако въ Греческихъ текстахъ, въ которыхъ упоминается Юпитеръ Капитолійскій, онъ называется только

---

[1]) Намъ случалось неразъ въ Бѣлоруссіи изъ устъ крестьянъ слышать восклицаніе: „Боже великій, высокій“!

Капитолійскимъ[1]) и почему-то нѣтъ нигдѣ или почти нигдѣ его знаменитыхъ эпитетовъ въ Греческомъ переводѣ.

У Плутарха (Flamin., 16) находимъ начало гимна въ честь Фламинина: Μέλπετε κοῦραι Ζῆνα μέγαν Ῥώμαν θ' ἅμα Ῥωμαίων τε πίστιν. Надо полагать, здѣсь разумѣлся Iupiter maximus Рима. Въ надписи C. I. Gr., 3074: Διὸς Καπετωλίου Ῥώμης ἀγαθοῦ δαίμονος послѣднія слова, по-видимому, должны указывать на эпитетъ Юпитера Капитолійскаго. Греческую передачу обоихъ его эпитетовъ вмѣстѣ мы могли констатировать только въ одномъ мѣстѣ.

Въ приведенномъ нами выше (стр. 30) рескриптѣ имп. Максимина-Дазы, представляющемъ переводъ съ Латинскаго, Зевсъ ὕψιστος καὶ μέγιστος оказывается покровителемъ (προκαθήμενος praeses) города Тира. Такъ какъ намъ ничего неизвѣстно о какомъ-либо выдающемся исконно Тирійскомъ культѣ Зевса,— исконнымъ богомъ-покровителемъ Тира былъ Гераклъ[2]), изображенія котораго находимъ на монетахъ этого города—и такъ какъ этотъ Зевсъ въ рескриптѣ противополагается исконнымъ отечественнымъ богамъ Тирійцевъ, то приходится предположить, что здѣсь разумѣлся Римскій Iupiter optimus maximus, культъ котораго введенъ въ Тирѣ, конечно, тогда, когда послѣдній былъ сдѣланъ Римскою колоніею. Этотъ рескриптъ Максимина остался неизвѣстнымъ Кугфельдту и другимъ ученымъ, писавшимъ о Капитоліяхъ городовъ Римскаго государства.

Намъ извѣстенъ Греческій переводъ слова optimus, какъ эпитета императора, и нѣтъ основанія думать, чтобы optimus

---

[1]) См., напр., у Діон. Галикарн., Antiqu., VI, 77: „εἴη μὲν οὖν, ὦ Καπετώλιε Ζεῦ καὶ θεοὶ πόλεως ἐπίσκοποι τῆς ἡμετέρας καλὴ καὶ συμφέρουσα πᾶσιν ἡ... κάθοδος и пр.

[2]) Элій-Аристидъ, когда Тиръ еще не былъ колоніею, говорилъ (XL (5) Keil § 10): ἴσμεν Αἰγυπτίους ὅσον τινὰ ἄγουσιν θεὸν Ἡρακλέα καὶ Τυρίους ὅτι πρῶτον σέβουσι θεῶν.

по отношенію къ императору употреблялось въ иномъ значеніи, чѣмъ по отношенію къ Юпитеру[1]).

Нерѣдко какъ у писателей, такъ и въ надписяхъ встрѣчается princeps optimus или optimus princeps, а одному императору прозвище optimus было присвоено оффиціально сенатомъ, какъ почетное cognomen. Оно дано было именно Траяну, который, конечно, былъ выдающимся правителемъ и полководцемъ, но такою особою добротою, какъ Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій, не отличался[2]).

Ка́къ понималъ сенатъ и ка́къ, слѣдовательно, должны были понимать Римляне вообще это cognomen Траяна, это объясняетъ обстоятельно Плиній въ своемъ панегирикѣ этому императору, гл. 88. Изъ этого разъясненія выходитъ, во-первыхъ, что словомъ optimus въ этомъ случаѣ обозначали совокупность разныхъ добродѣтелей (nec magis distincte definiteque designat qui Traianum, quam qui optimum appellat, ut olim frugalitate Pisones, sapientia Laelii, pietate Metelli monstrabantur, quae simul omnia uno isto nomine continentur)[3]) и,

---

[1]) У Юліана Conviv. Траянъ говоритъ, что онъ былъ самымъ кроткимъ изъ всѣхъ императоровъ до него; какъ бы то ни было, эпитетъ optimus этого не обозначалъ. Срв. Triginta tyranni, V, 6: „Victorino ... neminem aestimo praeferendum, non in virtute Traianum, non Antoninum in clementia“. Эвтропій Brev. VIII, 5 говоритъ: Huius (Траяна) tantum memoriae delatum est, ut usque ad nostram aetatem non aliter in senatu principibus acclametur nisi „Felicior Augusto, melior Traiano!“ Отъ школьнаго времени у меня остался въ памяти такой переводъ послѣднихъ словъ: „Будь счастливъ какъ Августъ и добръ какъ Траянъ!“

[2]) Преллеръ, Röm. Mythologie, I[3], 206: Selbst die spätere Uebertragung des Titels Optimus Maximus auf die Person des Kaisers ist nur insofern ein Frevel, als er dem höchsten Gott entlehnt war. Seiner ältesten und eigentlichen Bedeutung nach passte er ebenso gut auf den Kaiser als auf den Iupiter.

[3]) Во время второй Пунической войны Римскій сенатъ призналъ Сципіона-Назику за vir optimus. Ливій (XXIX, 14) поясняетъ это такъ: id quibus virtutibus inducti ita iudicarint, sicut traditum a proximis memoriae temporum illorum scriptoribus libens posteris traderem, ita

во-вторыхъ, что optimus по отношенію къ Юпитеру Плиній понималъ тоже въ этомъ широкомъ значеніи слова, а не какъ Цицеронъ и нѣкоторые другіе (minus est enim imperatorem... quam omnibus imperatoribus esse meliorem. ideoque ille parens hominum deorumque optimi prius, deinde maximi nomine colitur. quo praeclarior laus tua, quem non minus constat optimum esse, quam maximum)[1]).

Въ оффиціальныхъ документахъ на Греческомъ языкѣ cognomen Траяна optimus передавалось словомъ Ἄριστος; Діонъ-Кассій перевелъ его тоже черезъ ἄριστος[2]).

Калигула, по свидѣтельству Светонія, принялъ самъ прозвище optimus maximus, именно писался optimus maximus Caesar[3]). Извѣстно, что онъ страдалъ маніей величія и всемогущества и хотѣлъ въ этомъ равняться съ Юпитеромъ, на особую доброту онъ не претендовалъ.

Другіе императоры послѣ него не употребляли сами въ своей титулатурѣ optimus maximus, но допускали называть себя такъ (чаще, кажется, optimus maximusque princeps). Такъ напр. C. I. L. II, 2010: Traiano..... optimo maxsimoque principi; тоже C. I. L., II, 2054, CIL. X, 7852: optimi maximique principis и друг.

Iupiter optimus maximus и optimus maximus(que) princeps могли попадаться въ одномъ и томъ-же текстѣ, иногда почти рядомъ; см. напр., Henzen, Acta fratrum Arvalium, стр. 103.

Эти знаменитыя слова optimus и maximus употреблялись

---

meas opiniones coniectando rem vetustate obrutam non interponam. Срв. о томъ-же у Діодора и у Діона-Кассія.

[1]) Срв. у него-же Epist. VII, 10 (о Вергиніѣ-Руфѣ): ipse mihi locus optimi illius et maximi viri desiderium non sine dolore renovavit.

[2]) Діонъ-Кассій, LXVIII, 23: τά τε ἄλλα ἐψηφίζετο αὐτῷ (имп. Траяну) πολλὰ ἡ βουλὴ καὶ ὄπτιμον, εἴτ' οὖν ἄριστον ἐπωνόμασεν.

[3]) Calig. 22: Compluribus cognominibus adsumptis (nam et pius et castrorum filius et pater exercituum et optimus maximus Caesar vocabatur).....

нерѣдко также вмѣстѣ, какъ terminus technicus Римскаго права, но всегда соединеныя союзомъ que[1]).

Хорошо извѣстны выраженія optimo iure, optima lege. Dig. XLV, 1, 75 находимъ такое опредѣленіе понятія optimus для гражданскаго права: cum optimum quis stipulatur, id stipulari intelligitur, cuius bonitas principalem gradum bonitatis habet. Еще обстоятельнѣе обозначалось то-же самое словами optimus maximusque. Optimus и maximus вмѣстѣ, какъ терминъ права, находимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) C. I. L., V, 1000: Kaput ex testamento. || Hoc amplius rei p(ublicae) Petelinorum dari volo | HS X n(ummum) item vineam Caedicianam cum| partem fundi Pompeiani ita uti optima maxi|maq(ue) sunt и пр. Эта надпись—времени имперіи.

2) Siculus Flaccus, De condicion. agr. (Gromat. vet. ex rec. Lachm., I, 146): ad omnes autem agros semper iter liberum est. nam aliquando deficientibus vicinalibus viis per agros alienos iter praestatur. quidam etiam conveniunt specialiter uti servitutem praestent his agris ad quos necesse habent transmittere per suum. nam et his verbis conpraehenditur, ita ut optimus maximusque est.

3) Въ Дигестахъ, именно XXI, 2, 48, XXI, 2, 75, XXXII, 92 и 93. XXXIII, 7, 22 и L, 16, 90 и 163. Здѣсь приведемъ только второе изъ этихъ мѣстъ: *Venuleius libro sexto decimo stipulationum.* Quod ad servitutes praediorum attinet, si tacite secutae sunt et vindicentur ab alio, Quintus Mucius et Sabinus existimant venditorem ob evictionem teneri non posse: nec enim evictionis nomine quemquam teneri in eo iure, quod tacite soleat accedere: nisi ut optimus maximusque esset traditus fuerit fundus: tunc enim liberum ab omni servitute praestandum и проч. Изъ этого мѣста видно, м. пр., что этотъ юридическій терминъ существовалъ уже при республикѣ.

---

[1]) Dig. L, 16, 90 можно смѣло вмѣсто optimae читать optimaeque.

V.

О Латинской oratio obliqua.

Deecke въ своихъ Erläuterungen zur Lateinischen Schulgrammatik, стр. 385 говоритъ о Латинской oratio obliqua: „doch ist nicht zu leugnen, dass dergleichen Bravourstücke schwerfällig und oft unklar werden, zumal die lateinische Sprache bei weitem nicht die Leichtigkeit, Gewandtheit und Freiheit der griechischen besitzt; selbst die deutsche ist darin der römischen überlegen. Allzuviele Uebungen in der or. obliqua haben daher im Latein keinen Zweck mehr, da diejenigen, welche in die Lage kommen, lateinisch zu sprechen oder zu schreiben, sie möglichst meiden werden. Auch Cicero schon meidet eine längere or. obliqua, besonders wo sie irgendwie zweideutig werden könnte.

Эти, совершенно ненаучныя и невѣрныя, сужденія пристали развѣ какому-нибудь школьнику, немного знакомому съ oratio obliqua и тяготящемуся ея правилами, или вообще профану, имѣющему претензію судить о томъ, чего не знаетъ, а не ученому латинисту.

Oratio obliqua теперь намъ можетъ казаться очень неясною, трудною и для нашихъ практическихъ цѣлей ненужною; но совсѣмъ иной вопросъ, была-ли, казалась-ли она такою древнимъ Римлянамъ. На этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ; напротивъ, у Римскихъ писателей она попадается довольно часто, при томъ у писателей, которыхъ сами древніе выставляютъ образцовыми стилистами, нѣкоторыхъ—образцовыми и по ясности изложенія. Значитъ, для древнихъ Римлянъ oratio obliqua не казалась ни тяжелою, ни неясною; значитъ, языкъ ихъ обладалъ достаточными средствами для такого способа передачи мыслей; онъ имѣлъ кое-что такое, чего нѣтъ въ Греческомъ языкѣ. Мы имѣемъ объ orationes obliquae въ историческихъ сочиненіяхъ свидѣтельство одного древняго историка золотого вѣка Римской литературы—оно, конечно, осталось Deecke неизвѣст-

нымъ; по нашему мнѣнію, это мѣсто должно быть въ комментаріѣ къ каждому Латинскому историческому сочиненію. Юстинъ въ своемъ сокращеніи Исторіи Помпея-Трога, XXXVIII, 3 приводитъ дословно изъ Трога длинную oratio obliqua Митридата и предпосылаетъ ей слѣдующія слова: Tunc ad contionem milites vocat eosque variis exhortationibus ad Romana bella sive Asiana incitat. Quam orationem dignam duxi, cuius exemplum brevitati huius operis insererem; quam obliquam Pompeius Trogus exposuit, quoniam in Livio et in Sallustio reprehendit, quod contiones directas pro sua oratione operi suo inserendo historiae modum excesserint. Итакъ, выходитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ древнихъ стилистовъ—конечно, не одинъ Трогъ держался такого мнѣнія—въ историческихъ сочиненіяхъ косвенныя рѣчи были какъ разъ умѣстнѣе, чѣмъ прямыя,—конечно, не мѣшая ясности и легкости изложенія[1]).

Само собою разумѣется, не во всякаго рода произведеніяхъ и стиляхъ удобны были и умѣстны были длинныя orationes obliquae. Но, что Цицеронъ вообще избѣгалъ длинныхъ orationes obliquae, это совершенно невѣрно[2]).

Еще одно невѣрное утвержденіе объ oratio obliqua находимъ у Deecke, тамъ-же, стр. 388, именно, будто въ дошедшихъ до насъ Латинскихъ текстахъ нѣтъ примѣра передачи въ oratio obliqua ирреальнаго имперфекта (Für das irreale Imperfekt fehlt ein Beispiel: es ist aber dem Plusquamperfekt ganz analog, z. B si sciret... moleste se id laturum esse oder fore ut gravaretur: aber: se non abire posse).

---

[1]) См. о рѣчахъ Саллюстія также мѣста Сенеки ритора и Гранія-Лициніана, приведенныя у Бернгарди Grundr. d. R. Litt.[5], стр. 707.

[2]) Latein. Gramm. von Stolz und Schmalz, 3 Aufl.; стр. 298: Selbstverständlich gehört die or. obliq. wesentlich den Historikern an und findet sich sonst nur vereinzelt. Unter den Historikern ist es ganz besonders Caesar, welcher die Oratio obliqua ausgiebig verwendet, nur die Rede des Critognatus b. G. 7, 77 ist im b. Gall. direkt wiedergegeben, alle andern, darunter auch sehr lange, stehen in Oratio obliqua. У Цицерона очень длинную or. obl. находимъ напр. Brutus, гл. 22.

Это утвержденіе представляется невѣроятнымъ уже a priori; съ другой стороны уже до выхода Латинской грамматики Deecke и Erläuterungen къ ней довольно много примѣровъ ирреальнаго имперфекта въ косвенной рѣчи указано было Сп. Вассисомъ въ Revue de philologie XI (1887), стр. 42 и сл., затѣмъ Римано̂мъ въ томъ-же журналѣ, XV, стр. 34. Риманъ въ своей Syntaxe latine (3-е изд.) выставляетъ правило, что ирреальное scriberem въ косвенной рѣчи передавалось черезъ scripturum fuisse, но не считаетъ этого вопроса окончательно рѣшеннымъ; la question, говоритъ онъ, n'est pas encore absolument tranchée, à cause du petit nombre d' exemples.

Мы приводимъ здѣсь нѣкоторые примѣры ирреальнаго имперфекта въ косвенной рѣчи, на которые не указано ни у Вассиса, ни у Римана.

1) Квинтиліанъ, Instit. X, 1, 99: In comoedia maxime claudicamus, licet Varro *Musas Plautino* dicat *sermone locuturas fuisse, si Latine loqui vellent.*

2) Ливій, II, 2: invitum se dicere hominis causa, nec dicturum fuisse, ni caritas rei publicae vinceret.

3) Ливій, XXXII, 36: Quinctius verum id futurum fuisse dicere, si aestas et tempus rerum gerendarum esset. nunc hieme instante nihil admitti dato spatio ad legatos mittendos.

4) Ливій, XXVI, 26: quibus tantum abesse ut per se non liceat palam Romae crimina edita ficta ab inimicis vulgare, ut, nisi simularent aliquem sibi timorem absente collega dicendi de consule esse, ipse eis extemplo daturus senatum fuerit, ubi quidem collega venisset, non passurum quidquam prius agi, quam ut Siculi in senatum introducantur.

5) Ливій, XXVI, 31: „non adeo maiestatis... populi Romani imperiique huius oblitus sum, ut, si de meo crimine ambigeretur, consul dicturus causam accusantibus Graecis fuerim. sed non quid ego fecerim, in disquisitionem venit,... sed quid isti pati debuerint".

6) Ливій, XXXIV, 4: „cur paupertas aliarum sub hac legis specie latet, ut quod habere non possunt, habiturae, si liceret, fuisse videantur?"

7) Сенека, De Superst. (Haase III p. 425): Si cui intueri vacet, quae faciunt quaeque patiuntur, inveniet tam indecora honestis, tam indigna liberis....., ut nemo fuerit dubitaturus furere eos, si cum paucioribus furerent. nunc sanitatis patrocinium insanientium turba est.

8) Курцій-Руфъ, VII, 10 (39): Illi, si ab alio occiderentur, tristes morituros fuisse responderunt: nunc a tanto rege, victore omnium gentium, maioribus suis redditos honestam mortem, quam fortes viri voto quoque expeterent, carminibus sui moris laetitiaque celebrare.

9) Курцій-Руфъ, VIII, 1 (4): „Philippi milites spernis oblitus, nisi hic Atharrias senex iuniores pugnam detrectantes revocasset, adhuc nos circa Halicarnassum haesuros fuisse".

10) Курцій-Руфъ, IV, 14 (52): Haec se fortibus viris dicere. Si qui dissimiles eorum essent, illa fuisse dicturum и пр.

11) Плиній, N. h. VII, 110: Aeschines summus orator, cum accusationem qua fuerat usus, Rhodiis legisset, legit et defensionem Demosthenis, qua in illud pulsus fuerat exilium, mirantibusque tum magis fuisse miraturos dicit, si ipsum orantem audivissent. Срв. Цицер. De orat. III, 213: Aeschines... rogatus Rhodiis legisse fertur orationem illam egregiam, quam in Ctesiphontem contra Demosthenem dixerat. qua perlecta petitum ab eo est, postridie ut legeret illam etiam, quae erat ab Demosthene pro Ctesiphonte dicta: quam cum suavissima et maxima voce legisset, mirantibus omnibus, „Quanto", inquit, magis miraremini, si audissetis ipsum"! Срв. Плутархъ, X or. vitae, VI (объ Эсхинѣ): ἀνέγνω τε τοῖς Ῥοδίοις τὸν κατὰ Κτησιφῶντος λόγον ἐπιδεικνύμενος· θαυμαζόντων δὲ πάντων, εἰ ταῦτ᾽ εἰπὼν ἡττήθη „οὐκ ἄν" ἔφη „ἐθαυμάζετε. Ῥόδιοι, εἰ πρὸς ταῦτα Δημοσθένους λέγοντος ἠκούσατε".

12) Плиній, Epist. IV, 22: De huius nequitia (Катулла) sententiis in commune omnes super cenam loquebantur, cum imperator „quid putamus passurum fuisse, si viveret"? et Mauricus „nobiscum cenaret". Срв. Аврелій-Викт. Epit., 12: Qui convivio familiari adhibitus, cum Veientonem consulari honore functum apud Domitianum, tamen multos occultis criminationibus persecutum

adesse vidisset, inter colloquia mentione Catulli facta callumniatoris praecipui dicente Nerva, quid nunc faceret, si Domitiano supervixisset, „Nobiscum, inquit Mauricus, caenaret".

13) Геллій, Noctes Atticae, XII., 5, 6: Sed ut tibi a me mos geratur, dicam ego „indoctius", ut aiunt, „et opertius, quae fuisse dicturum puto sinuosius atque sollertius, si quis nunc adesset Stoicorum".

14) Геллій, N. A., XIII, 28, 2: eandemque credis futuram fuisse multitudinis demonstrationem, si „cum multis hominibus", ac non „cum multis mortalibus" diceret.

15) Плиній, N. h. I, praef. 16: profiteor mirari T. Livium... quodam volumine sic orsum, satis sibi iam gloriae quaesitum, et potuisse se desidere, ni animus inquies pasceretur opere.

16) Ливій, VI, 6: senatus diis agere gratias, quod Camillus in magistratu esset: dictatorem quippe dicendum eum fuisse, si privatus esset.

17) Светоній, Aug. 65: cum sub idem tempus una ex consciis (дочери его) liberta Phoebe suspendio vitam finisset, *maluisse se* ait *Phoebes patrem fuisse.*

18) Августинъ, De doctr. Christ. II, 20: Cato, cum esset consultus a quodam, qui sibi erosas a soricibus caligas diceret, respondit: non esse illud monstrum, sed vere monstrum habendum fuisse, si sorices a caligis roderentur.

VI.

Eine Kaiserrede[1]).

Im Jahre 1898 erschien eine neue Ausgabe des Aelius Aristides, zunächst vol. II., besorgt von B. Keil. Da ich mich schon früher mit diesem Autor beschäftigt hatte[2]), so griff ich gleich nach Eintreffen des Buches neugierig zu dem neuen Text.

Keil hatte in seiner Ausgabe u. A. die Rede Εἰς βασιλέα dem Aristides abgesprochen; wer aber der darin gefeierte Kaiser sei, konnte er nicht bestimmen. Indem ich, was den ersten Punkt betrifft, Keil vollkommen beistimmte, beschloss ich zugleich den betreffenden Kaiser herauszufinden. Das gelang mir recht bald.

Da ich mich früher mit den Rescripten der römischen Kaiser beschäftigt hatte[3]), so war mir frisch im Gedächtnis die jedem Juristen wohlbekannte Stelle aus der Vita Macrini über die

---

[1]) Эта статья назначалась первоначально для одного изъ Нѣмецкихъ филологическихъ журналовъ; но потомъ мы рѣшили, что приличнѣе ей появиться на родинѣ, въ „Извѣстіяхъ“ нашего Института, хотя бы и на Нѣмецкомъ языкѣ. Нѣмецкій языкъ мы оставили, желая, чтобы эта статья, въ которой мы отнимаемъ у проф. Кейля первенство по рѣшенію научнаго вопроса, была легко и вполнѣ доступна ему и другимъ Нѣмецкимъ филологамъ.

[2]) Im Jahre 1895 las ich in der hiesigen historisch--philologischen Gesellschaft meine russische Uebersetzung der Aristides-Lobrede auf Rom. Zur Zeit befindet sich diese Uebersetzung im Druck. Der Kommentar zu dieser Rede ist in Vorbereitung.

[3]) Im J. 1901 erschien meine Sammlung der Kaiserbriefe an Provinciallandtage, Städte u. dgl..

ungewöhnlichen Rechtskenntnisse dieses Kaisers und sein Verhältnis zu den Rescripten seiner Vorgänger. Beim Lesen § 17 der Rede Εἰς βασιλέα wurde ich gleich an jene Stelle erinnert. Das Vergleichen ferner der betreffenden Partien bei Dio Cassius und Herodian mit dieser Rede führte mich bald zu der Ueberzeugung, dass die fragliche Rede eine Lobrede auf den Kaiser Macrinus sei.

Zu diesem Ergebnis gelangte ich etwa vor 7 Jahren und theilte es dann gelegentlich meinen Kollegen hier, Herrn M. Speransky, B. Bursy, A. Martow u. A. mit; auch schrieb ich darüber etwa vor zwei Jahren Herrn Professor Julian Kulakowsky in Kiew. Einen Vortrag in der hiesigen historisch—philologischen Gesellschaft darüber zu halten fand ich nicht rathsam, weil es an genügender Zahl der Exemplare dieser Rede fehlte. Mit dem Druck wollte es auch nicht glücken.

Nachdem ich zu dem besagten Resultat gekommen war, fasste ich einmal den Plan den Text dieser Rede mit den entsprechenden Prolegomena herauszugeben oder gar eine Monographie über die Regierung des Kaisers Macrinus zu schreiben. Nun ist bekanntlich das Beste ein Feind des Guten:—die geplante Arbeit forderte noch Zeit, und manche andere Arbeit, die schon längst bei mir druckreif in der Mappe lag, forderte auch ihr Recht, und so wurde denn der Druck einer derselben begonnen, aber bald wieder unterbrochen—infolge meiner Krankheit und sonstiger tempora dura... Von August 1905 bis April dieses Jahres befand ich mich in der Krim, wo ich zwar, soweit es möglich war, meinen philologischen Studien oblag, aber beinahe keine Nachrichten über philologische Neuigkeiten hatte. Erst im Sommer dieses Jahres nach Nieschin zurückgekehrt, erfuhr ich von der Abhandlung B. Keils „Eine Kaiserrede“, erschienen in den Nachrichten von d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, ph.-h. Cl., 1905, Heft 4, S. 381—428, worin dieser Gelehrte ausführlich darthut, dass die Rede Εἰς βασιλέα dem Aristides abzusprechen und als eine Lobrede auf den Kaiser Macrinus zu betrachten sei, also etwas, was bei uns schon längst bekannt war.

Bevor ich nun die obenerwähnte Abhandlung Keil's zu Gesicht bekam, glaubte ich, dass durch dieselbe meine Arbeit über das gleichlautende Thema und meine Argumentation völlig nutzlos und überflüssig gemacht worden sei; jetzt aber sehe ich, dass ich auch nach Keil's langer und fleissiger Abhandlung über die darin behandelte Frage etwas Neues sagen, bez. das von ihm Gesagte berichtigen kann.

In meiner Abhandlung bin ich den möglichst kürzesten Weg zur Lösung der Frage gegangen, den Keil übersehen hat; darum ist meine Abhandlung weit kürzer, als die seinige, ausgefallen.

Keil hält auf etwa 40 Seiten — man möchte fast sagen — eine förmliche Kaiserschau, indem er, etwa wie Julian in seinem Symposion, alle römischen Kaiser von den Juliern-Claudiern bis auf Diocletian der Reihe nach auftreten und Revue passieren lässt. Das ist zwar eine nützliche Repetirung der römischen Kaisergeschichte und für einen Philologen, der sich mit der griechischen Litteraturgeschichte der Kaiserzeit beschäftigt, wie ich es aus eigener Erfahrung weiss, von Nutzen; sed nunc non erat hic locus....... in diesem Fall war sie eigentlich ganz unnöthig.

§ 13 unserer Rede heisst es: ὁ δὲ (der gefeierte Kaiser) οὕτω καθωσίωτο τῇ βασιλείᾳ — nämlich πρὸ τοῦ βασιλεύειν — ὥστε τὴν πρώτην τεταγμένος ὅπως ἔτυχε ταχθείς. ἀδήλου ὄντος τοῦ μέλλοντος, ὁρῶν πολλὰ τῆς βασιλείας οὐ καλῶς οὐδὲ ὁσίως διοικούμενα, ἀλλὰ πολλὴν αὐθάδειαν καὶ ὕβριν καὶ ἀκολασίαν ἐγγενομένην, οὐκ εἴα αὔξεσθαι οὐδὲ περαιτέρω χωρεῖν, ἀλλ' ὥσπερ μεγάλου σώματος καὶ οὐχ ὑγιαίνοντος ἰώμενος τὰ ὕπουλα καὶ νενοσηκότα αὐτοῦ, ἢ καθάπερ ἵππου χαλεποῦ καὶ βιαίου κατέχων τὸ ἄγριον καὶ ἀπειθές, ἐκφερόμενος μὲν ὑπ' αὐτοῦ, πολλάκις δὲ κατέχων καὶ ἀνακόπτων τὰς συνεχεῖς καὶ ἀλόγους καὶ βιαίους ὁρμάς, ἔπραττεν αὐτῷ καὶ προεώρα τὰ συμφέροντα. Keil glaubte in den Worten τὴν πρώτην τεταγμένος etc. eine Bezeichnung *des niedrigsten Amtes*, das der gefeierte Kaiser vor seiner Kaiserwürde bekleidet hat, zu haben[1]).

---

[1]) S., z. B., S. 421, Anm. 1: „Macrinus hatte als Jurist von der Pike auf gedient und.... als advocatus fisci begonnen, also mit einem nicht eben hohen Amte: auch daher 13 τὴν πρώτην τεταγμένος ὅπως ἔτυχε ταχθείς“ (sic!).

Diese Annahme ist wohl ganz verfehlt[1]). Wie konnte ein niedriger Beamter, z. B. ein advocatus fisci, dem Kaiser Rath ertheilen und überhaupt ihn wesentlich beeinflussen?! Das konnte nur einer, der, bevor er Kaiser wurde, *das höchste Amt* nach der Kaiserwürde, d. h. die praefectura praetorii, bekleidete, und gerade dieses Amt ist m. E. mit den angeführten Worten bezeichnet. Diese Praefectur aber galt als das erste Amt nach der Kaiserwürde bekanntlich erst seit Hadrians und noch mehr seit Severus' Regierung.

Ist dem aber so, ist unsere Erklärung der angeführten Worte richtig, so hätte Keil von vielen Kaisern ganz absehen und sein Augenmerk nur auf diejenigen von ihnen richten sollen, die früher praefecti praetorio und zwar seit Hadrians Zeit gewesen sind. So würde er sofort, ohne sogar z. B. über Pertinax ein Wort zu verlieren[2]), gerade zu Macrinus gelangt sein[3]). Da, wie Keil richtig bemerkt, von den christlichen Kaisern hier abgesehen werden muss, so kamen nach Macrinus nur in Betracht: Philippus, Florianus, Ballista und Carus. Aber Florianus post fratrem arripuit imperium... quasi hereditarium esset imperium (Vita Flor., 1) und hat nur zwei Monate geherrscht etc; Ballistas Herrschaft, wenn er überhaupt eine solche erlangt hat, war ebenfalls ephemer (s. Vita); Carus hatte zwei Söhne

---

[1]) Themistius or. V., Dind. p. 79 sagt von dem Kaiser Iovian (bekanntlich auch einem αὐτοκράτωρ ἐξ ἰδιώτου): μεταστὰς γὰρ ἐκ τάξεως οὐ λίαν πρώτης εἰς τὴν ἁπασῶν ὑψηλοτάτην. Vgl. bei Julian or. 1: ἧς (nämlich Ῥώμης) τὸ δεύτερον τετάχθαι.

[2]) Mit geringerem Grund konnte die praefectura urbis als das erste Amt bezeichnet werden. Vgl. Vollmer zu Statius Silvae I, 4, 6.

[3]) Bei Herodian V, 1, 2 (ed. Bekker) sagt Macrinus (in einem Schreiben an den Senat in Rom) „ἐν εἰδόσι μὲν ὑμῖν τοῦ τε βίου μου τὴν ἐξ ἀρχῆς προαίρεσιν τοῦ τε τρόπου τὸ πρὸς, χρηστότητα ἐπιρρεπὲς καὶ τὸ πρᾷον τῆς διοικηθείσης πρότερον πράξεως, (vielmehr τάξεως?) οὐ πολύ τι ἐξουσίας καὶ δυνάμεως βασιλικῆς ἀποδεούσης...... ἴστε γάρ με καὶ οἷς ἐκεῖνος (Caracalla) ἔπραττεν οὐκ ἀρεσκόμενον, καὶ προκινδυνεύσαντα ὑμῶν, ἐν οἷς πολλάκις ταῖς τυχούσαις διαβολαῖς πιστεύων ἀφειδῶς ὑμῖν προσεφέρετο etc.

und ist während des Perserkrieges gestorben. So bleiben nur Macrinus und Philippus,

S. 40 seiner Abhandlung sagt Keil: „So bleiben allein Macrinus und Philippus. Nur kurze Zeit schwankt man“. Ja, gewiss. Nur hätte er auch in Betreff der übrigen zahlreichen Kaiser nicht so lange schwanken und rathen, sondern auf einer der ersten Seiten seiner Abhandlung das sagen sollen, was er auf S. 40 sagt, und somit seinem Leser einige Stunden Lesens ersparen sollen....

§ 14 unserer Rede heisst es von dem Kriege, während dessen der gefeierte Kaiser die höchste Gewalt erhielt: „ἁπάντων μὲν κεκινημένων καὶ μεθισταμένων ὡς ἔπος εἰπεῖν εἰς ἑτέραν γῆν, σαλευούσης δὲ τῆς ἀρχῆς ὡς ἐν μεγάλῳ χειμῶνι ἢ σεισμῷ, κἆτα ὥσπερ νεὼς καταδύεσθαι μελλούσης, ἀποφερομένης πρὸς ἔσχατα γῆς, οὗ καὶ πρότερον ἀπεπλανήθησάν τινες τῶν ἐν ἀρχαῖς καὶ βασιλείαις γενομένων κἄπειτα ὥσπερ ἐν λαβυρίνθῳ πολλαῖς καὶ χαλεπαῖς ἀπορίαις ἐντυχόντες τελευτῶντες αὑτοὺς ἀπεῖπον, ἀποκλεισθέντες τῆς ὀπίσω ὁδοῦ, ἐπανελθεῖν μὴ δυνηθέντες etc. Zu dieser Stelle bemerkt Keil: „Unter der anderen Erde“ und den „Enden der Erde“ ist der Orient gemeint. In ἐν ἀρχαῖς, welche sich selbst aufgaben, ist ohne weiteres Cassius (wohl ein Schreibfehler—statt Crassus) freiwilliger Tod im Partherkriege zu erkennen. Mit Königen, welche in ähnliche Lage kamen, wird an die Seleukiden, besonders an Antiochus III, den Grossen, auch an Antiochus IV Epiphanes und Antiochus VII Euergetes, vielleicht auch an Antiochus X Eusebes, erinnert“,

Zu Crassus ist wohl noch Antonius hinzuzufügen; unter den οἱ ἐν βασιλείαις γενόμενοι aber verstehe ich römische Kaiser und zwar aus folgenden Gründen: 1) Wollte der Redner ausländische Herrscher bezeichnen, so würde er gewiss ein entsprechendes Beiwort hinzugefügt oder das auf irgend welche Weise des näheren ausgeführt haben. 2) Warum sollte er hier, in einer Kaiserrede, nach einem heimischen ausländische Beispiele angeführt haben? warum nach einem Römer gerade der Seleukiden gedacht haben? 3) Warum weist er diesen Königen, die dazu vor Crassus gelebt haben, nur die zweite Stelle an? 4) Das ἀπεπλανήθησαν passt gut

nur für den Standpunkt von Rom; denn οὗ bezeichnet nicht einfach Parthien, sondern Parthien als ἔσχατα γῆς; als solches aber konnte Parthien heissen nur für Rom, nicht für das nahe Antiochien, die Residenz der Seleukiden. 5) Es gab römische Kaiser[1]), die im Parther- oder Perserreich oder überhaupt im fernen Orient in ähnlicher Lage gewesen sind. Ihrer sind in unserer Stelle wenigstens zwei gemeint. Es wären also Trajan und Septimius Severus, da L. Verus persönlich das Partherreich nie betreten hat.

So zeigt denn m. E. auch diese Stelle unserer Rede, dass dieselbe erst nach Septimius Severus verfasst worden ist.

S. 403 sagt Keil: „Schliesslich ist, da hier Aristides in Frage ist, das Fehlen eines Teiles über die εὐσέβεια hervorzuheben. Diese wird anscheinend in jener πρόθεσις (15) angekündigt, aber mit einem ἤρξατο μὲν γάρ, ὥσπερ προσήκει, ἀπὸ εὐσεβείας, διεξῆλθεν δὲ καὶ διὰ τῶν ἄλλων μερῶν τῆς ἀρετῆς (15) ist sie für die ganze Rede abgetan. Nur in der Scheinrekapitulation—denn sie enthält zur Hälfte Nichtbewiesenes—fällt der Begriff noch einmal (§ 37). Der Verfasser will die εὐσέβεια wol in Teil I bewiesen haben mit 8 ὅπως ὁσίως καί εὐσεβῶς ἐπιστήσεται und ἃ... τῆς δικαιοσύνης,.. καὶ τῆς ἄλλης εὐσεβείας τούτῳ διαφυλάξας. und vielleicht soll jenes ἤρξατο... ἀπὸ εὐσεβείας eben auf die Zeit vor der Regierung hindeuten: an sich sehr schwächlich; dazu fragt man im besonderen, ob bei einem Aristides der Teil über εὐσέβεια sich so hätte verkrümmeln können“.

Keil hat offenbar die betreffenden Stellen der Rede missverstanden. Das Wort εὐσέβεια bedeutet bei unserem Redner nicht „Frömmigkeit“, wie bei Aristides, sondern „Milde, Barmherzig-

---

[1]) Der Redner tadelt eine solche Orientpolitik der römischen Kaiser seiner Zeit und der Vergangenheit. Vgl. Dio Cassius LXXV, 3: ὁ δὲ Σευῆρος ἀξίωμα· τῇ Νισίβει δοὺς ἱππεῖ ἐπέτρεψεν, ἔλεγέ τε μεγάλην τέ τινα χώραν προσκεκτῆσθαι καὶ πρόβολον αὐτὴν τῆς Συρίας πεποιῆσθαι. ἐλέγχεται δὲ ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἔργου καὶ πολέμων ἡμῖν συνεχῶν, ὡς καὶ δαπανημάτων πολλῶν αἰτία οὖσα etc.

keit", und eben von einer solchen εὐσέβεια spricht der Redner § 9: der Kaiser soll gerade mit der εὐσέβεια begonnen haben, er soll auch solche, die eines Attentates auf ihn überführt worden waren, nicht haben hinrichten oder verbannen lassen, sondern alle verschont haben. Das Wort εὐσέβεια (wie das entsprechende lateinische pietas) mit der Bedeutung „Barmherzigkeit" kommt häufiger im IV und V Jahrh. n. Chr., manchmal wohl auch im III Jahrh., aber schwerlich im II Jahrh. vor[1]). Von Justins Apologien und dem Eusebius Hist. eccles IV, 26, 10 wollen wir hier lieber absehen. CIL. III, 1000 heisst es (in einer Bittschrift an den Kaiser Philippus und seinen Sohn): πάντων ἐν τοῖς μακαριωτάτοις ὑμῶν καιροῖς, εὐσεβέστατοι καὶ ἀλυπότατοι τῶν πώποτε βασιλέων, ἤρεμον καὶ γαληνὸν τὸν βίον διαγόντων..... In der Epitome des Dio Cassius LXXI, 30 heisst es von M. Aurel: οὕτω τι καθαρὸς διὰ πάντων καὶ χρηστὸς καὶ εὐσεβὴς ἐγένετο. καὶ οὐδὲν αὐτὸν ἐξεβιάσατο ἔξω τι τῶν ἑαυτοῦ ἠθῶν πρᾶξαι, οὐχ ἡ ἀνοσιουργία τῶν τετολμημένων, οὐχ ἡ προσδοκία τῶν ὁροίων ἐκ τῆς πρὸς ἐκείνους συγγνώμης etc[2]). Hier ist nur von der

---

[1]) Bei Themistius or. XIX, Dind. p. 279 heisst Gott φιλάνθρωπος καὶ εὐσεβής (vgl. bei späteren lateinischen Schriftstellern deus piissimus, pietas dei u. dgl.); und or. VII, Dind. p. 105 wird das Wort εὐσεβής (vielmehr pius) im Kaisertitel so erklärt: παραλαβοῦσα ἡ Ῥωμαίων φωνὴ καὶ ὁ θεσμὸς τῆς πολιτείας τὴν ἑκατέρῳ (nämlich einem Krieger und einem Kaiser) πρέπουσαν ἀρετὴν ταῖς ἐπικλήσεσιν ἐνεδείξατο ὑμᾶς μὲν (die Kaiser) εὐσεβεῖς καὶ φιλανθρώπους προσαγορεύσας etc. Vgl. im Thesaurus glossarum emendatarum: εὐσεβής, humanus, pius. Ueber diese Bedeutung des W. εὐσέβεια hat kürzlich A. Martow „Ueber die Ehrenämter der röm. Kaiser etc." (russisch) S. 86 fg., gehandelt.

[2]) Ganz dasselbe finden wir bei Dio Cassius—ebenfalls in der Epitome—von Antoninus Pius erzählt und als εὐσέβεια bezeichnet. Nämlich LXXX, 1, nachdem erzählt worden ist, wie Antoninus die Apotheose seines Vaters Hadrian beim Senate durchgesetzt hat, heisst es weiter: Ταῦτα μόνα περὶ τοῦ Ἀντωνίνου ἐν τῷ Δίωνι σώζεται, καὶ ὅτι Αὔγουστον αὐτὸν καὶ Εὐσεβῆ διὰ τοιαύτην αἰτίαν ἐπωνόμασεν ἡ βουλή. ἐπειδὴ ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ πολλῶν αἰτιαθέντων καὶ τινων καὶ ὀνομαστὶ ἐξαιτηθέντων ὅμως οὐδένα ἐκόλασεν, εἰπὼν ὅτι οὐ δεῖ με ἀπὸ τοιούτων ἔργων τῆς προστασίας ὑμῶν ἄρξασθαι. Dio Cassius mag wohl εὐσέβεια in der Bedeutung

Barmherzigkeit des Kaisers die Rede; vgl. ibidem, unten, 34: οὕτω θεοσεβὴς ἦν ὁ Μάρκος, ὥστε καὶ ἐν ταῖς ἀποφράσι οἴκοι θύειν.

So weist auch die Bedeutung des Wortes εὐσέβεια in unserer Rede wohl auf eine bedeutend spätere Zeit als die des Aristides.

S. 418 schreibt Keil: „Gegen Pertinax spricht auch die folgende Beachtung, welche ich brieflicher Mittheilung O. Hirschfelds verdanke: „Der Kaiser wird 38 angeredet als ὦ πάντας βασιλέας παρεληλυθώς, σοφίᾳ μὲν τοὺς σοφούς, ἀνδρείᾳ δὲ τοὺς ἀνδρείους, εὐσεβείᾳ δὲ τοὺς ἐπὶ ταύτῃ διαφέροντας, εὐτυχίᾳ δὲ τοὺς εὐτυχεστάτους. Diese ausdrückliche Höherstellung über alle früheren Kaiser findet sich zuerst bei Caracalla; vgl. Dessau 452 super omnes principes fortissimo felicissimoque; CIL VI ind. p. 1047 f. mehrere Inschriften. Seitdem findet sie sich bisweilen auch bei anderen Kaisern des. 3. Jh". Nein, eine solche Höherstellung über alle übrigen Kaiser und zwar eine der in unserer Rede vorkommenden sehr ähnliche findet sich schon bei Fronto—von Antoninus Pius—Naber p. 226: „Iam vero pater vester divinus ille vir prudentia, pudicitia, frugalitate, innocentia, pietate, sanctimonia omnes omnium principum virtutes supergressus.

Wichtiger sind in der eben angeführten Stelle die Worte: εὐσεβείᾳ δὲ...., εὐτυχίᾳ δὲ..... Εὐσέβεια und εὐτυχία in dieser Ordnung wurden wohl mit Bezug auf den Kaisertitel gesprochen und weisen somit wohl auf Severus' Zeit oder eine noch spätere. Denn εὐσεβὴς εὐτυχὴς sind bekanntlich in der Kaisertitulatur zuerst unter

---

„Barmherzigkeit" gebraucht haben, aber unmöglich konnte er diesen Ehrentitel des Antoninus anders erklären als ihn die Zeitgenossen desselben Kaisers auffassten (Pausanias VIII, 43) u. erklärten. So wären m. E. die Worte ταῦτα μόνα bis ἐπειδὴ zum Vorhergehenden zu schlagen, so dass τοιαύτην auf das Vorhergehende hinwiese, und was folgt, wäre als eine spätere und gewiss unrichtige Erklärung zu betrachten. Da man die rechte Beziehung des τοιαύτην nicht verstand und eine Erklärung des Titels vermisste, glaubte man eine solche nachtragen zu müssen, die aber die spätere Zeit verräth. Diese Erklärung konnte man leicht auch aus der Rede Εἰς βασιλέα, indem man sie für eine Lobrede auf Antoninus Pius hielt, herauslesen.

Commodus aufgekommen und haben sich seitdem darin immer behauptet (Felix heisst Commodus erst seit 185).

So zeigt wohl auch diese Stelle wieder, dass unsere Rede nicht vor Septimius Severus zu setzen sei.

S. 409 behauptet Keil, dass Macrinus offiziell nie felix geheissen habe „Macrinus hat diesen Namen, wie Inschriften und Münzen zeigen, nie geführt" und in der Anmerkung dazu heisst es: Prosopographia Rom. II 734 n. 70 etc. Ein sonderbares Versehen! Bei Dessau, Inscr. Lat. Sil. vol. I. stehen №№ 463, 464 und 465 Inschriften, wo Macrinus constant pius felix genannt ist.

S. 417 sagt Keil: „Allerdings von einer Forderung des Griechentums seinerseits (nämlich von Seiten des Macrinus) wissen wir nichts" Wie so nichts? Keil selbst führt S. 432—im anderen Zusammenhange—diese Stelle der Vita (13, 4) an: adhibuit convivio litteratos—doch wohl, wenn nicht ausschliesslich, so wenigstens hauptsächlich Griechen—und Herodian's V, 24 von Macrinus: ὀρχηστῶν τε θέαις καὶ πάσης μούσης κινήσεως τε εὐρύθμου ὑποκριταῖς σχολάζων. Lässt das auf eine Förderung des Griechentums nicht schliessen? als ein Beweis für den Luxus des Kaisers lässt Keil diese Worte nicht gelten.

§ 35 unserer Rede heisst es: ὅπου γὰρ Κελτοὶ μὲν οἱ μέγιστοι καὶ φονικώτατοι τῶν ὑπὸ ἡλίῳ πολλὰ δὴ καὶ παντοῖα τολμήσαντες νῦν προσκυνοῦσι τὸν δεσπότην, γνόντες τὸ τὴν ἡσυχίαν ἄγειν ὡς ἄμεινον ἦν καὶ ποιεῖν τὸ προστάττόμενον τοῦ πολεμεῖν..... τοῦτο τὸ ὄνομα λείπεται μόνον τοῦ γένους. S. 413 sagt Keil von dieser Stelle: 9) Glücklicher Keltenkrieg. Unter Pertinax hört man nichts davon, ebensowenig unter Macrinus und Philippus etc. Indess in seiner Aristidesausgabe in der Anm. z. d. St. versteht er unter den Κελτοί die Germanen—ohne Zweifel richtig. Wir glauben, diese Stelle unserer Rede findet ihre Erklärung bei Dio Cassius LXXVIII, 27, 4: οἵ τε Δάκοι λυμηνάμενοί τινα τῆς Δακίας καὶ πολεμησείοντες, ἐπεὶ πλεῖον ἀνέσχον, τοὺς ὁμήρους, οὓς ὁ Καράκαλλος ἐν συμμαχίας λόγῳ, παρ' αὐτῶν εἰλήφει, κομισάμενοι.

Die wenigen Worte über ein angeblich vertilgtes Volk sind, weil lückenhaft, am schwersten zu deuten. Aber wir müssen

jedenfalls dabei eine Stelle in der Vita Macrini (c. 12) nicht ausser Betracht lassen, woselbst u. A. auch von einem glücklichen Kriege des Macrinus gegen die Araber die Rede ist (pugnavit tamen et contra Parthos et contra Armenios et contra Arabas, quos Eudemones vocant, non minus fortiter quam feliciter).

Die Rede Εἰς βασιλέα wurde an einer ἑορτῇ καὶ ἱερομηνίᾳ gehalten; § 37 gedenkt der Redner des Δήμητρος πῦρ. Keil vermuthet daher, diese Rede sei in oder bei Antiochien an einem Demeterfest gehalten. Das könnte man mit mehr Nachdruck behaupten—in Hinsicht auf folgende Stelle des Libanius, or. XI, ('Αντιοχικός) Förster p. 443: Δημήτηρ δὲ οὕτω δή τι τὴν ἡμετέραν ἠγάπησε μᾶλλον ἢ Σικελίαν, ὥστε Ἥφαιστος μὲν ἐπὶ τῆς ἀσπίδος χρυσῆν ἄρουραν ἐποίησεν, ἡ δὲ μοῖραν ἡμῖν τῆς γῆς οὐ μικρὰν χρυσῷ προσόμοιον ἐποίησεν, καὶ τὸ δῶρον ξανθῆς ὄντως θεᾶς; ibidem, c. 125 wird ein Demetertempel in Antiochien erwähnt; aus derselben Rede des Libanius (c. 58 u. 163) ersehen wir auch, dass ein Theil der Antiochener athenischer Abstammung war. Macrinus, ein Afrikaner von Geburt, mochte Demeter-Ceres als seine Landes- und Schutzgöttin besonders verehren[1]).

Keil hat u. A. auch die Sprache und den Stil unserer Rede analysirt. S. 398 sagt er von der Geschmacklosigkeit des Redners: „Die folgende Blütenlese wird für sich sprechen: „ἔπαυσεν τῆς ἐκεῖσε ὁρμῆς, ἔπειτα κατέστησεν εἰς ὅρμον ἄγων· καὶ νῦν ἡ μὲν ἐν ἀσφαλεστάτῳ ὁρμεῖ (14, 15); ὅση δύναμις.... ὅσον δυνατόν (p. 254, 1, 3); κατέχων—κατέχων (256, 14. 15); ἠμελημένης..... οὐκ ἐμέλησεν (258, 10. 12)“ und S. 299, Anm. 2: „Ich halte es nicht für ausgeschlossen, dass dies Wort (nämlich κατήκοος) eines geschmacklosen Wortspiels

[1]) In Afrika war der Kult der Ceres in der Kaiserzeit weit verbreitet. Von der Ceres Africana spricht Tertullian De exhort. castit., 13: Novimus et continentes viros, et quidem tauri illius Aegyptii antistites: feminas vero Cereri Africanae, cui etiam sponte abdicato matrimomo assenescunt, aversantes exinde contactum masculorum usque ad oscula filiorum.... vgl. De uxore, I, 6. Die Münzen 'Αντιοχέων νεωκόρων mit den Bildnissen des Pescennius Niger und der Demeter s. Eckheil., VII, 5. 158.

wegen (wie ὅρμή—ὅρμος) gewählt wurde: κατεπτηχὸς ἅπαν τὸ ὑπήκοον... πολλῶν τῶν κατηκόων. Keil hätte dies entschiedener behaupten sollen, statt es nur als eine Vermuthung aufzustellen. Denn jenes „geschmacklose Wortspiel“ gehört gerade mit zur Manier unseres Redners, dasselbe kommt ausser den von Keil besprochenen Stellen noch häufig vor, so § 5: δεηθείς, δεηθέντων.... δεηθεῖσι, § 7: ἐκεῖνοι μὲν γὰρ μετὰ πολέμων καὶ φόνων πολλῶν εἰσῆλθον εἰς τὰ πράγματα. πολλοὺς μὲν τῶν ἐν τάξει ἀπολέσαντες, πολλοῖς δὲ ἀνηκέστων συμφορῶν αἴτιοι γενηθέντες, ὥστε πολλὰς μὲν ἐρημωθῆναι πόλεις....... τοῖς πράγμασι.... πραγμάτων... ἐπράχθη, § 12: τὴν παιδείαν.... παιδευθείς... ἀπὸ παιδείας, § 13: ἐπειδὰν δὲ εἰσέλθωσιν εἰς τὴν ἀρχὴν (=βασιλείαν), τηνικαῦτα ἐπιμελεῖσθαι αὐτῆς ἄρχονται.... τεταγμένος ὅπως ἔτυχε ταχθείς, § 16: τῆς γὰρ συντάξεως ὑπερβαλλούσης τῆς εἰς διοίκησιν συντεταγμένης καὶ φόρων ἐπιταχθέντων, § 17: ὥστε δικαιοσύνην τὴν ἀκριβεστάτην ταὐτὸν δύνασθαι φιλανθρωπιᾳ τῇ καθαρωτάτῃ, § 27: εἴ τις ἐσπν ἐγκράτεια καθ' ἀνθρώπους ὑμνουμένη, ταύτην περὶ τούτου μόνου λεγομένην πιστὴν εἶναι δοκεῖν, § 28: ἡττημένος μὲν Χρυσηΐδος, ἐρῶν δὲ Βρισηΐδος.... ἔκλαεν ὁρῶν „ἐσὶ οἴνοπα πόντον“ καλῶν τὴν μητέρα, ὥσπερ παιδάριον πεπονθὸς τοῦτο ὑπὸ ὁμοίου ἑτέρου, § 32: τοὺς πολεμίους.... ἐν τοῖς πολέμοις.... πολεμικοὺς, § 37: χάρις δὲ πάντα ἐπέχει πεδία, πᾶς δὲ διὰ πάντων λέλυται φόβος, § 33: ἱκανῶς ἑνὸς ἀνδρός, § 39: γενναῖε γενναίων.

Dieser Stil erinnert lebhaft an Apuleius und Africa[1]). Denn, wie man über den Ursprung des sogenannten afrikanischen Stils auch denken mag, unbestritten ist es, dass er zur Kaiserzeit besonders in Afrika verbreitet war, wobei die dortigen Redner vielfach des Lateinischen und des Griechischen gleich mächtig waren[2]). Daher wird hoffentlich die Vermuthung nicht allzu kühn erscheinen, ob nicht der Verfasser unserer Rede, wie der von ihm gefeierte Kaiser, ein Afrikaner war. Einige ausgezeichnete afrikanische Redner waren gewiss als Gesandte der Städte

[1]) Norden, Die Kunstprosa, I.

[2]) Nach Apuleius Apol., 98 war in manchen Gegenden Africas das Griechische verbreiteter als das Lateinische.

zum neuen Kaiser nach Antiochien gekomnen, mancher wird wohl bei ihm zurückgeblieben sein.

Meine obigen Ausführungen würden, glaube ich, meine Priorität in der richtigen Deutung dieser Kaiserrede auch dann sehr wahrscheinlich erscheinen lassen, wenn dieselbe sonst als Thatsache nicht direkt bezeugt werden könnte.

Als die vorigen Seiten theils schon gedruckt, theils im Drucke waren, da kam mir Philologus, Band LXV, Heft 3. zu, woselbst A. v. Domaszewski (Beiträge zur Kaisergeschichte, II. Die Rede des Aristides εἰς βασιλέα) zu beweisen sucht, dass die Rede Εἰς βασιλέα ein προσφωνητικὸς Γαλιηνῷ (s. Suidas s. v. Καλλίνικος) gewesen sei, gehalten vom Sophisten Callinicus im Herbst des Jahres 260 bei dem grossen Feste der Demeter in Eleusis.

Die Beweisführung Domaszewski scheint uns nicht überzeugend und wir bleiben bei unserer Deutung. Der gelehrte Verfasser hat wohl diese Frage nicht mit seiner gewohnten Akribie behandelt. Hier wollen wir von seinen Aufstellungen nur Einiges besprechen.

Aus der Rede Εἰς βασιλέα erhellt u. A.—und wir betonen besonders diese Punkte,—dass der gefeierte Kaiser kein Kaisersohn gewesen, dass er vor der Thronbesteigung ein praefectus praetorio und überhaupt ein eminenter Rechtskenner gewesen, einen grossen von seinem Vorgänger angefangenen Krieg im Orient beigelegt, die Freiheit zurückgegeben, die Steuern gemindert, die Zucht im Heere wiederhergestellt, nach einem dem hellenischen Wesen unholden Vorgänger dasselbe begünstigt, einen Sohn gehabt, nach Septimius Severus gelebt.

Domaszewski nennt Macrinus einen unbedeutenden Fürsten. Die wahre Bedeutung des Macrinus als Kaiser ist für uns jetzt gleichgültig; genug, dass er für eine mässige Lobrede Stoff geliefert hat. Nun sagt von ihm Herodian V, 2, 2: ἐν ἀδείᾳ πολλῇ καὶ εἰκόνι ἐλευθερίας ἐβίωσαν ἐκείνου τοῦ ἔτους οὗ μόνου ὁ Μακρῖνος ἐβασίλευσε... und Dio Cassius LXXVIII, 40 nennt ihn καὶ ἐμπειρίᾳ πραγμάτων προφέρων ἀρετήν τε ὑποδεικνύων... nur, leder, hat er, ein Ritter, statt die Kaiserwürde einem Senator zu bieten, es vorgezogen, selbst Kaiser zu werden.

Gallien hat einige Jahre mit seinem Vater regiert und der in unserer Rede gepriesene Kaiser ist von Anfang an alleiniger Herrscher gewesen.

Gallien war von edler Herkunft und hatte die Cäsar- und Augustuswürde als Kaisersohn erhalten; der Kaiser unserer Rede war von niedriger Herkunft.

Dass Gallien die Cäsarwürde vom Senat erhielt, ist für uns ohne Bedeutung; denn hätte er diese Würde zuerst vom Vater erhalten, so hätte dieselbe vom Senat bestätigt werden müssen, wie auch seine Augustuswürde, ihm vom Vater verliehen, gewiss nahher vom Senat bestätigt wurde.

§ 14 unserer Rede (s. oben. S. 53) findet Domaszewski eine „Verzweiflung der Herrscher selbst an der Herrschaft" angedeutet. M. E. ist darin etwas anderes gemeint (s. oben).

S. 244 sagt Domaszewski: „unsere ebenso ausführliche als zuverlässige Ueberlieferung bei Cassius Dio und Herodian weiss nicht das geringste von Kämpfen des Macrinus gegen die Germanen". Aber die Rede Εἰς βασιλέα weiss eigentlich auch nichts von den *Kämpfen* gegen dieselben unter diesem βασιλεύς (s. oben, S. 57).

Auf derselben S. heisst es weiter: „Nun gar Septimius Severus und seinen Sohn Caracalla für Verächter derjenigen, die damals für Hellenen galten, zu erklären, schlägt der ganzen Ueberlieferung ins Gesicht. Soll man erst daran erinnern, an wen Philostratus das Leben des Apollonius gerichtet hat und wer der Lehrer Caracallas war?". Von Septimius Severus und Julia Domna hatte der Redner keine Veranlassung zu reden; ihm genügte zur Vergleichung der nächste Vorgänger seines Kaisers, d. h. Caracalla. Dieser aber hat zwar ausgezeichnete Lehrer gehabt, aber hat auch, nachdem er Alleinherrscher geworden, jede wissenschaftliche Bildung gänzlich verachtet; Dio Cassius LXXVII, 7 sagt von ihm: καὶ δὴ καὶ τοὺς φιλοσόφους τοὺς Ἀριστοτελείους ὠνομασμένους τά τε ἄλλα δεινῶς ἐμίσει, ὥστε καὶ τὰ βιβλία αὐτοῦ κατακαῦσαι ἐθελῆσαι, τάς τε λοιπὰς ὠφελείας ὅσας ἐκαρποῦντο, ἀφείλετο... und c. 11: ὁ δὲ ἐκ μὲν τούτων τρόπον τινὰ ἐρρώσθη, τῆς δὴ παι-

δεύσεως ὡς οὐδὲ τοὔνομα αὐτῆς πώποτε ἀκηκοὼς ἐπελάθετο[1]). Philostratus hat das Leben des Apollonius an Niemanden gerichtet (d. h. dedicirt), geschrieben aber auf Wunsch der Julia Domna; diese interressirte sich für die Philosophie und dgl., aber nicht ihr Stiefsohn Caracalla.

Aber zugegeben, Caracalla sei wirklich ein Gönner der Griechen und ihrer παιδεία gewesen,—welche Verächter des Hellenischen glaubt Domaszewski in unserer Rede angedeutet? S. 354 sagt er: „Die Periode der Missachtung des Hellenischen ist die der früheren Kaiser von Philippus bis Aemilianus, die als Grenzbarbaren weder durch Herkunft noch durch Bildung den Hellenen freundlich gesinnt sein konnten“. Eigentlich haben wir keinen Grund z. B. dem Philippus und Decius eine Missachtung des Hellenischen zuzuschreiben. Philippus stamnte aus dem hellenisirten Orient; Griechisch war wahrscheinlich seine Muttersprache und was wir sonst von ihm wissen, spricht vielmehr für seine griechische Sympathien. Von Decius sagt ein Grieche (Zosimus), dass er καὶ γένει προέχων καὶ ἀξιώματι, προσέτι δὲ καὶ πάσαις διαπρέπων ταῖς ἀρεταῖς. war, und nichts von seiner Missachtung der Griechen.

S. 356, Anm. 45 sagt Domaszewski: „Der Volksname, dessen Ausfall Keil erkannt hat (§ 35), ist der der Alemannen, die auf dem Boden Italiens 300000 Mann stark vernichtet wurden. Vgl. oben 150“. S. 150 ist Zonaras Stelle 12, 24 angeführt, wo aber von einer *Vernichtung* der Alemannen kein Wort steht.

---

[1]) § 20 unserer Rede heisst es: οὕτω γὰρ σφόδρα φιλέλλην ἐστὶν ὁ βασιλεὺς καὶ τοσοῦτον αὐτῷ περίεστι τούτου τοῦ καλοῦ ὥστε ἠμελημένης τῆς τῶν Ἑλλήνων παιδείας καὶ καταπεφρονημένης, ἀνῃρημένων δὲ τῶν ἐπ᾽ αὐτῇ τιμῶν, παρεωσμένου δὲ καὶ ἐν οὐδενὸς ὄντος μέρει παντὸς τοῦ Ἑλληνικοῦ, οὐκ ἐμέλλησεν ὁ βασιλεὺς, ἀλλὰ πρὸς ταῖς ὑπαρχούσαις τιμαῖς καὶ ἄλλας προσέθηκεν. Wenn Caracalla die Athletik begünstigte, so war das—besonders in den Augen eines Rhetors—noch kein Merkmal der höheren Ἑλλήνων παιδεία. Ein Syrer hat dem Caracalla—bezeichnend genug—Κυνηγετικά gewidmet. Ἁλιευτικά Oppians waren—ich hoffe es bald zu beweisen—dem Antoninus Pius und M. Aurel gewidmet.

Die Erwähnung des Demeterfeuers kann man als eine bildliche Bezeichnung des Friedens auffassen, wobei freilich auch eine specielle, personelle oder lokale, Beziehung nicht ausgeschlossen ist. Aber auf Eleusis weist in unserer Rede nichts hin. Der Kaiser war in Athen und Eleusis angekommen, um in die Mysterien eingeweiht zu werden, und da in einer bei dieser Gelegenheit gehaltenen Rede kein Wort von Athen, von Eleusis und seinen berühmten Mysterien, kein Wort von des Kaisers εὐσέβεια εἰς θεούς! Vgl. Himerius or. III (Εἰς Βασίλειον, Παναθηναίοις, ἀρχομένου τοῦ ἔαρος), u. A. c. 12: Βούλομαι δέ σοί τι καὶ διήγημα, τῆς τε πόλεως ἐπιχώριον καὶ πανηγύρεως ἐφ' ἣν ἥκεις, διηγήσασθαι. Πάντως ἡδὺ καὶ ἀξιάγαστον οὐ θεᾶσθαι μόνον Παναθήναια, ἀλλὰ καὶ λέγειν τι περὶ αὐτῶν ἐν τοῖς Ἕλλησι, ὅταν ἐν τῇ πανηγύρει τὴν ἱερὰν Ἀθηναῖοι τριήρη τῇ θεῷ πέμπωσιν etc. Himerius erwähnt c. 4 auch die Eleusinien: Νῦν πλούσια μὲν Ἰλισσοῦ καὶ διαφανῆ τὰ νάμαται καὶ τάχα Δηοῦς μαντεύεται πάλιν ὁ ποταμὸς μυστήρια. Vgl. auch Menander II. ἐπιδ. Walz, p. 255.

S. 356 heisst es: „Der Ort und die Zeit der Rede (sie sind eigentlich von D. nicht genügend bestimmt) lassen auch den Redner selbst erkennen. Es ist die Rede keine andere als die hochberühmte, die Suidas nennt als das Werk des athenischen Sophisten Callinicus von Petra, der προσφωνητικὸς Γαλιηνῷ. Und in der Anm. dazu: „Dieselbe Rede bei Menander Walz p. 217 ὡς Καλλίνικος ἐποίησεν ἐν τῷ μεγάλῳ Βασιλικῷ". Unsere Rede ist kein προσφωνητικός gewesen: sie wurde an einer ἑορτή gehalten und der gefeierte Kaiser ist in ihr nicht angeredet[1]), dem Umfang nach ist sie ziemlich klein und dem litterarischen Werthe nach keineswegs eine Musterrede. Callinicus muss besser geschrieben haben. Von dem Stil dieses berühmten Rhetors haben wir ein Beispiel—leider sehr kleines—in dem Fragment: Εἰς τὰ πάτρια Ῥώμης. Somit müssen der προσφωνητικὸς Γαλιηνῷ und ὁ μέγας βασιλικός verchiedene Reden gewesen sein—Callinicus soll mehrere ἐγκώμια καὶ λόγους

[1]) Eine Apostrophe an den Kaiser und seinen Sohn am Ende der Rede setzt die Anwesenheit des Kaisers nicht voraus. Vgl. z. B. den Προσφωνητικὸς Ἰουλιανοῦ des Libanius.

geschrieben haben (Suidas). Dasselbe folgt auch aus Menanders Stelle (Walz p. 217), deren einige Worte bei Domaszewski angeführt sind; dort heisst es nämlich: θεωρήσεις δὲ, πότερον ἔνδοξον αὐτοῦ τὸ γένος ἢ οὔ· κἂν μὲν ἔνδοξον ᾖ, ἐξεργάσῃ τὰ περὶ τούτου· ἐὰν δὲ ἄδοξον ἢ εὐτελὲς, μεθεὶς καὶ τοῦτο ἀπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως τὴν ἀρχὴν ποιήσῃ, ὡς καὶ Καλλίνικος ἐποίησεν ἐν τῷ μεγάλῳ Βασιλικῷ. Also hat Callinicus in seinem μέγας βασιλικός einen Kaiser von niedriger Herkunft gepriesen, somit nicht Gallien. Es mag dies eine Lobrede auf den Kaiser Philippus—von ritterlicher Herkunft—gewesen sein; es scheint uns nicht unwahrscheinlich, dass Callinicus damit Philippus, seinen Landsmann,—beide waren aus der Provinz Arabien gebürtig—in Athen—während der Reise des Kaisers nach Rom oder später—verherrlicht hat[1]).

Nach Domaszewski (S. 354) sind nur Hadrian und Gallien Archonten in Athen gewesen. Es hat aber auch Domitian dies Ehrenamt daselbst bekleidet und Constantin d. Gr. ist daselbst Strateg gewesen. Das Ehrenamt Galliens in Trajanopolis glaubt Domaszewski dadurch erklären zu dürfen, dass diese Stadt vermuthlich seine Vaterstadt gewesen. Aber diese Thatsache konnte auch durch den längeren Aufenthalt Galliens in Thracien veranlasst werden.

Anhang: Zwei Prokonsulreden u. A.

Wir lassen hier noch einen kleinen Beitrag zur Textkritik und Erklärung des Aristides folgen.

[1]) Unter den Schriften des Callinicus nennt Suidas eine mit dem Titel περὶ ἀνανεώσεως Ῥωμαίων. Bernhardy war der Sinn dieser Ῥωμαίων undeutlich. M. E. sind gemeint τὰ Ῥωμαΐα. Vielleicht standen diese Schrift des Callinicus und seine Lobrede auf Rom—ein Bruchstück derselben besitzen wir—in irgend einem Zusammenhange mit der unter Philippus veranstalteten Feier des tausendjährigen Bestehens Roms.

1. Or. XVII (15), § 6. Keil heisst es: δεῖγμα δὲ (nämlich τοῦ Σμυρναικοῦ τρόπου) ἓν ἐξαρκέσει, οὗ καὶ ὑπόμνημα ὄψει—καλοῦσι γάρ σε ἦρος Ὧραι πρῶται—Διονυσίοις τριήρης ἱερὰ τῷ Διονυσίῳ φέρεται κύκλῳ δι' ἀγορᾶς. Zu dieser Stelle bemerkt Keil: Ὧραι πρῶται scripsi: ὥρα πρώτη O; καλοῦσι ad Smyrnaeos relatum sensu cassum; cfr. ad. p. 12, 15; Διονυσίοις <οἷς> Schwarz Wiener Stud. 1886, 78.

Wir lesen:—καλοῦσι (ein Futurum!) γάρ σε—ἦρος ὥρᾳ πρώτῃ Διονυσίοις τριήρης ἱερὰ etc.

Die Richtigkeit dieser Lesart wird erst dann einleuchten, wenn wir richtig bestimmen, an wen diese Rede gerichtet war.

Diese Rede und die XXI (22) gehören zusammen: in der zweiten wird auf die erste Bezug genommen, die erste ist an den Vater, die zweite an seinen Sohn gerichtet. Man nimmt an, dass beide, Vater und Sohn, römische Kaiser waren, darin stimmen wohl alle überein. Keil in einer Anmerkung zur Ἐπιστολὴ περὶ Σμύρνης πρὸς βασιλέας sagt: or, XVII non habita est imperatoribus urbem intrantibus (neque enim Commodi ulla mentio), sed missa per legatos ad Marcum Aurelium, ut imperatorem, qui iter per Asiam faciendum iam instituerat, salutarent proficiscentem... und von diesen beiden Reden heisst es bei ihm S. 23: Duo cum Σμυρναικοί in delectum orationum nostrum recepti essent, prioris titulo (or. XVII) πολιτικός, alterius προσφωνητικός additum, ut distinguerentur; at ut utrique orationi aeque apte πολιτικός (cfr. Diog. L. III 86), ita προσφωνητικός aeque inepte (neutra enim est) inscribi potuit. Vgl. S. 338, Anm.

Wir, im Gegentheil, halten diese Reden gerade für προσφωνητικοί, Begrüssungsreden, aber nicht an Kaiser gerichtet, sondern an Prokonsuln[1]; der zweite Prokonsul war Sohn des ersten und

---

[1] Ueber diese Begrüssungsreden an die Provincialstatthalter s. bei Dionysius Rhetorica, c. 11, Menander, Περὶ ἐπιδεικτ., II, c. 3, und 10 und Dig. I, 16. Wir haben schon längst eine Abhandlung über die Begrüssungs- und andere Reden an röm. Provincialstatthalter ausgearbeitet; sie, sowie eine Sammlung der kaiserlichen Mandata, sollen—hoffentlich in der nächsten Zukunft—als Exkurse zu Ulpians De officio proconsulis

hatte früher in derselben Provinz als Legat seines Vaters gedient—dieser Fall ist zur Kaiserzeit bekanntlich nicht selten vorgekommen; mehrere Beispiele der Art sind bezeugt—aus den Provinzen Asia und Africa.

Für diese meine Annahme sprechen wohl folgende Stellen dieser Reden: or. XVII, § 23: περὶ γὰρ τοῦ δήμου τί δεῖ λέγειν; αὐτὸς γὰρ κρινεῖς καὶ ἔτι βελτίω ποιήσεις ἐξηγούμενος πρὸς τὸ κάλλιστον (doch wohl als ein τοῦ ἔθνους ἡγεμών), or. XXI, § 1: ὦ θαυμάσιε (so einen Kaiser anzureden war schwerlich zulässig[1]), vielmehr wäre es θαυμάσιον im üblen Sinne gewesen), § 2: ἐμνήσθην πρὸς τοὺς πάντα ἀρίστους βασιλέας—M. Aurel und Commodus—vgl. § 9 und 12 (keine Anspielung darauf, dass die Rede vor einem Kaiser gehalten oder auch nur brieflich an einen solchen gerichtet werde, vielmehr schliessen diese Stellen eine solche Vermuthung gänzlich aus), § 3: Τὰ μὲν οὖν παλαιὰ μέμνησαι κατὰ τὴν πρώτην ἀκούσας ἀρχήν, ἣν τῷ πατρὶ συνῆρχες[2]), § 7: Λέγω δὲ οὐχὶ τὴν μέχρι

---

erscheinen. Am Anfang der or. XVII (15) sagt Aristides: ἀνάγκη δὲ ἀφοσιώσασθαι πρὸς τὸν νόμον, ἐπειδὴ καὶ οἵδε κελεύουσι und bei Dionysius Rhetorica, V, 1 heisst es: τὸ πρᾶγμα ἤδη ἐπιχωριάζει ἐπὶ πᾶσι, καὶ καθάπερ τις οὗτος νόμος καὶ θεσμὸς διελήλυθεν διὰ πάντων, ὡς εὐθὺς ἅμα τε πρώτῃ τῶν πυλῶν ὡς ἂν εἴποι τις, εἰσόδῳ προσφωνεῖν τούτους (die Provincialstatthalter) δημοσίᾳ τὰς πόλεις ὑφ' ἑνὸς ὅτου οὖν τῶν ἀρίστων κατὰ τὴν παιδείαν ὥσπερ δημοσίᾳ τινὶ φωνῇ καὶ κοινῷ προσαγορεύματι προσαγορεύοντος. Dieser Brauch muss schon zur Zeit des Aristides geherrscht haben. Vgl. Tacitus Agric. 18: clarus et magnus haberi Agricola, quippe cui ingredienti provinciam, quod tempus alii per ostentationem et officiorum ambitum transigunt, labor et periculum placuisset.

[1]) ὦ θαυμάσιοι (von den Griechen) bei Aristides XXII, (19), § 13 und XXIII, § 75.

[2]) Der Legat wurde manchmal im Verhältniss zu dem betreffenden Magistrate oder Promagistrate als ὑπάρχων und dgl. bezeichnet; in einer Ansprache an den gewesenen Legat konnte leicht dies Verhältniss als eine συναρχία bezeichnet werden. Bei Dio Cassius heisst M. Aurel als τῷ πρὶν Ἀντωνίνῳ ὑπάρξας, Melito aber in seiner Apologie, an M. Aurel gerichtet, sagt: ὁ δὲ πατήρ σου, καὶ σοῦ τὰ σύμπαντα διοικοῦντος αὐτῷ (vielmehr σοῦ τὰ πάντα συνδιοικοῦντος—)etc. (Eusebius, Hist. eccles. IV, 26, 10).

Μαιάνδρου πηγῶν (nämlich 'Ασίαν), οὐδ' ὅσην ὁ τῶν ἡγεμόνων ὑμῶν[1]) κλῆρος ὁρίζεται... Am Ende dieser Rede hat der Redner ein paar Worte vom Flusse Meles gesagt und, da er von ihm in der ersten Rede gesprochen, sagt er in Bezug darauf: ἔδει δὲ ἴσως καὶ τοῖς παισὶ ὥσπερ ἄλλην τινὰ μοῖραν τοῦ λόγου σωθῆναι. Dann fährt er fort: Τιθείη δ' ἄν τις καὶ τοῦτ' εἰς ἀγαθὸν σύμβολον σέ τε ἡμῖν ἐπὶ τὰς πόλεις ἥκειν καὶ περίοδον οὕτω συμβαίνειν. ὥστε σέ τὴν πατρῴαν ἀρχὴν ἀκριβῶς ἀνανεώσασθαι ταῖς περὶ Σμύρναν διατριβαῖς. Die erste Hälfte dieser Stelle erklärt Keil so: „iuvenes imperatori obviam ibant, quorum e numero unus προσφωνητικὸν dixit; huius orationi (cfr. v. 4) addit Aristides sese fortasse quae de Melete subiunxit reservare debuisse....... pro τοῖς παισὶν ci. τοῖς ἔπεσιν Jacobs Lect. Stob. p. 104". Diese Erklärung ist allzu künstlich und überhaupt unhaltbar. Aristides hatte seine Rede nach Smyrna übersandt; war ihm der Inhalt der zu haltenden Rede eines Jünglings—warum gerade eines Jünglings?—genau bekannt? Sollte Aristides dieser Rede wissentlich unklug vorgegriffen haben?! Nein, er sagte etwas anderes: „Es war vielleicht eine gute Fügung, dass ein Theil des Lobes auf Meles vor dem Vater vorgetragen, der andere dem Sohne[2]) vorbehalten geblieben". Der Sinn der zweiten Hälfte dieser Stelle—Keil lässt ihn unerklärt--ist wohl folgender: „Auch dies dürfte man für eine gute Fügung halten, dass du zu uns als ein Prokonsul kommst, wo dein Vater diese Würde bekleidet hat, und dieser wiederkehrende Fall mit jenem früheren auch das gemein hat, dass du, gerade wie dein Vater, zuerst

---

[1]) In der Uebersetzung Canters ist ὑμῶν nicht wiedergegeben. Bei Dindorf steht: ὑμῶν] Fort. ἡμῶν. id est τῶν ἡμῖν ἐπιτεταγμένων. *proconsulum nostrorum.* Reisk. Keil übersetzt: „proconsulum vestrorum provincia (Asia)". Diese Uebersetzung ist wohl unrichtig; denn schwerlich konnte Aristides von den *kaiserlichen* Prokonsuln reden: or. XXIII (42), § 62 heisst es von den Prokonsuln d. Pr. Asia: ἡγεμόνες δ' ἡμῖν ἐκ νόμου φοιτῶσι καθ' ἕκαστον ἔτος.; vestrorum wäre hier vielmehr τῶν ὑμετέρων; vgl. Aristides XIX, § 12 πρὸς τοὺς ἄρχοντας ὑμᾶς und XXIV, § 27 τῶν ὑμετέρων προγόνων 'Αργείων.

[2]) Vgl. Aristides or. L (26), § 72: τοῖς ἡγεμόσι u. τὸν ἡγεμόνα.

in Smyrna als Statthalter aufgetreten bist"[1]). Auf Commodus kann man unmöglich diese Worte beziehen: Commodus war schon beim Leben seines Vaters Augustus gewesen, hatte somit nach seinem Tode keineswegs die väterliche Würde erneuert, als alleiniger Herrscher aber war er zuerst in Sirmium und nicht in Smyrna aufgetreten. Ein Prokonsul besass die volle Amtsgewalt nur in seiner Provinz[2]).

Betrachten wir nun bei der neuen Beleuchtung die oben von uns verbesserte Stelle, so ist darin alles klar und in Ordnung. Es war zur Kaiserzeit Brauch, dass einzelne Städte der Provinz zu ihren grösseren Festen ihre Statthalter einluden[3]). Eine solche κλῆσις ist wohl an unserer Stelle gemeint; sie wird auch in dem Falle stattgefunden haben, von welchem Aristides or. L. (26), § 85 berichtet: Ἵνα δ' ἐκπεράνω, γιγνόμεθα ἐν τῇ Σμύρνῃ Διονυσίοις. καὶ παρῆν Σεβῆρος (der Prokonsul) κατὰ τὴν ἑορτήν.

Was sich somit aus der Analyse der beiden Reden ergeben hat, stimmt zu dem, was wir über den Besuch des M. Aurel und des Commodus in Smyrna wissen. Aus Philostratus erfahren wir, dass Aristides beim Einzug des M. Aurel (mit Commodus) in Smyrna nicht zugegen war und dass er einige Tage später eine Rede vor dem Kaiser gehalten und zwar ein vom Kaiser gestelltes Thema behandelt; was für ein Thema es war, wusste Philostratus nicht; er sagt: οὐκ ἔγραψα τὴν μελετηθεῖσαν ὑπόθεσιν, ἐπεὸδὴ

---

1) Vgl. Dig. I, 16: *Ulpianus de officio proconsulis:* Quaedam provinciae etiam hoc habent, ut per mare in eam provinciam proconsul veniat, ut Asia, scilicet usque adeo, ut imperator noster Antoninus Augustus ad desideria Asianorum rescripsit proconsuli necessitatem impositam per mare Asiam applicare καὶ τῶν μητροπόλεων Ἔφεσον primam attingere. Also vor Caracalla hatte das nicht als feste Regel gegolten.

2) Dig. I, 16, 1: *Ulpianus de officio proconsulis:* Proconsul ubique quidem proconsularia insignia habet statim atque urbem egressus est: potestatem autem non exercet nisi in ea provincia sola, quae ei decreta est. Vgl. ibidem, 2.

3) Vgl. Menander, II. ἐπιδεικτ., c. XIV. Περὶ κλητικοῦ.|'Ἐὰν ἄρχοντα καλέσῃς εἰς πανήγυριν, ὡς ἔθος, ἐρεῖς μὲν ἐν τοῖς προοιμίοις τὴν αἰτίαν τῆς κλήσεως, ὅτι πέπομφεν ἡ πόλις etc.

ἄλλοι ἄλλην φασίν. ἐκεῖνο γε μὴν πρὸς πάντων ὁμολογεῖται, τὸν Ἀριστείδην ἀρίστῃ φορᾷ ἐπὶ τοῦ Μάρκου χρήσασθαι, πόρρωθεν τῇ Σμύρνῃ ἑτοιμαζούσης τῆς τύχης τὸ δι' ἀνδρὸς τοιούτου διανοικισθῆναι. W. Schmid, Rheinisches Museum XLVIII, glaubte, diese Rede sei die XVII (15) unserer Sammlung; dem widerspricht, wie wir gesehen haben, Keil— wohl mit Recht: die XVII Rede wurde vor einem gehalten, der Smyrna noch nicht betreten, bez. nicht besichtigt hatte. Von einem zweiten Aufenthalte des Commodus in Smyrna ist nichts bezeugt und ist kein Grund vorhanden denselben zu statuiren.

Wenn unsere obigen Aufstellungen richtig sind, so werden dadurch zwei Kaiserreden des Aristides zu Prokonsulreden degradirt, aber zugleich bekommen sie ihre ursprüngliche Physiognomie wieder.

2. Or. XVII, § 14 Keil heisst es: Μέλης ὁ ἐπώνυμος διωρυχὴ νυμφῶν ἐκ πηγῶν εἰς θάλατταν, αὐταῖς τε εἶναι λουτρὸν ῥυτὸν καὶ Νηρηίδας παρὰ Νηρέως δέξασθαι δι' ὀλίγου. Diese Lesart giebt keinen leidlichen Sinn. Wir lesen ὁ ἐπώνυμος νυμφῶν διαρκὴς ἐκ πηγῶν εἰς θάλατταν etc.

3. Or. XXVII (14), § 8 Keil heisst es: ἀλλ' ἑτέρας ἰσομετρέτους ὑπὲρ αὐτὴν ἀραμένη φέρει ἄλλας ἐπ' ἄλλαις. ὡς ἄρα ἐπώνυμον αὐτῇ τοὔνομα καὶ οὐδὲν ἀλλ' ἢ ῥώμη τὰ τῇδε. Nach ἄρα muss ῥώμης ausgefallen sein. In der Ἐπιστολὴ π. Σμύρνης, § 3 heisst Smyrna τοῦ κάλλους ἐπώνυμος und bei Scymnus, 232 Rom—ἔχουσ' ἐφάμιλλον τῇ δυνάμει καὶ τοὔνομα.

4. Or. XXVI, § 10 heisst es: εἰ μὴ πᾶσαν Λιβύην καὶ τὴν Εὐρώπην ἐξαίρετον ἐποιεῖτο τῶν ἡλίου δυσμῶν τε καὶ ἀνατολῶν. Nach τῶν vermisse ich ἐντὸς oder μεταξύ. Vgl. or. XXVII, § 7: τοῦ μεταξὺ τόπου Γαδείρων καὶ Φάσιδος.

5. Or. XXVI, § 33 vermisse ich nach oder vor καθημένῳ eine Bezeichnung des Ortes, etwa ἐν τῇ πόλει.

6. Or. XXVI, § 51 Keil heisst es: ἀλλὰ καὶ τοῦτο ὑμέτερόν ἐστιν εὕρημα καὶ ὁμοῦ τοῖς ἄλλοις ἐπεισελθόν. Zu ἐπεισελθόν bemerkt Keil: ante hoc participium desidero <ἐφ' ὑμῶν πρῶτον>. Jedenfalls ist ὁμοῦ hier unstatthaft. Wir lesen παρ' ὑμῶν.

7. Or. XXVI, § 63 Keil heisst es: οὐ γὰρ εἰς Ἕλληνας καὶ βαρβάρους διαιρεῖτε νῦν τὰ γένη, οὐδὲ γελοίαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφήνατε αὐτοῖς

πολυανθρωποτέραν τὴν πόλιν παρεχόμενοι ἢ κατά πᾶν. ὡς εἰπεῖν, τὸ Ἑλληνικὸν φῦλον, ἀλλ' εἰς Ῥωμαίους τε καὶ οὐ Ῥωμαίους ἀντιδιείλετε. Wir lesen οὐ... διαιρεῖτε νῦν τὰ γένη. πόθεν; γελοίαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφήνατε etc. Πόθεν; mit der Bedeutung οὐδαμῶς dürfte bei Aristides nicht selten sein; ich habe mir notirt einen Fall or. XXII, § 61, und vier Fälle or. XLI.

8. Or. XXVI, § 78 liest Keil: οὐ χωρὶς ὧν εἶπον οὐδ' ὥστε φθόνον ἕξειν μᾶλλον τοῖς ἄλλοις...., ἀλλ' ἐν τιμῆς αὐτοὺς μέρει λήψεσθαι τὴν μετουσίαν τῆς πολετείας. Statt μᾶλλον schlagen wir μέλλειν vor.

9. Or. XX (21), § 7 u. folg. liest Keil: οἱ δὲ (nämlich οἱ βασιλεῖς) τοσαύτην ἄρα τὴν ἐγρήγορσιν παρέσχοντο ὥστ' ἔφθησαν ἡμᾶς ἀναστάντες πρὶν ἐξελθεῖν τὸν ἐροῦντα πρὸς αὐτοὺς ἃ πεπόνθαμεν. ὀργάνοις δὲ θειοτάτοις ἅμα καὶ λαμπροτάτοις ἐχρήσαντο, λόγοις μὲν παραμυθησάμενοι...., χορηγίαν δὲ πᾶσαν παρασχόμενοι πρός τε τῶν συμβεβηκότων θεραπείαν καὶ προσέτι ἑτέρων κόσμων περιβολήν. καὶ οὐδὲ ταῦτ' ἀπέχρησεν, ἀλλ' ὥσπερ ἐν αὐτῇ τῇ πόλει πολιτευόμενοι χρημάτων τε πόρους ἀπεδείκνυσαν καὶ τοὺς φιλοτιμησομένους ὑπ' ἐλπίδων ἐκάλουν καὶ χειρῶν βοήθειαν [ἐκάλουν] ἐπηγγέλλοντο βουλομένοις, οὐκ ἐθέλοντας δὲ οὐκ ἐνοχλήσειν, κἂν αὐτίκα πρὸς τούτοις ἕτερόν τι βουλώμεθα, λέγειν ἐκέλευον. ὡς χαριούμενοι. Diese Stelle bietet manche Schwierigkeit; wir glauben, dass in den letzten Zeilen etwas verdorben ist. Bei Keil steht in den Anmerkungen u. A: „βουλομένοις (v. p. 19, 1) Schwarz l. c.: βουλομένους O(Thom. Mag. l. c.); operarios (χειρῶν βοήθειαν) Smyrnaeis praestare sese velle imperatores rescripserant (ex hoc rescripto 19, 1 οὐκ—χαριούμενοι repetita), si Smyrnaeis placeret, si non placeret, non fore ut insisterent. Diese Erklärung scheint uns unrichtig. Erstens, die Kaiser scripserant Smyrnaeis, nicht rescripserant — s. oben: πρὶν ἐξελθεῖν τὸν ἐροῦντα πρὸς αὐτοὺς etc.; zweitens,—was wichtiger ist—der Inhalt des kaiserlichen Schreibens ist nicht richtig wiedergegeben. War die Voraussetzung denkbar, dass die Smyrnaeer die ihnen von den Kaisern angebotenen Arbeiter nicht annehmen würden? Und in der That hatten die Kaiser nichts derartiges ihnen angeboten—Aristides erwähnt zuerst, was die Kaiser selbst den Smyrnaern bewilligt haben und dann, zu welcher Hilfeleistung sie Andere aufgefordert haben. Das ist wohl klar.

Darum ist hier ἐπηγγέλλοντο ganz unstatthaft; die Worte ὑπ' ἐλπίδων sind höchst verdächtg. Wir lesen ἐπαγέλλεσθαι. dazu nehmen wir aus der Handschrift βουλομένους. In ὑπ' ἐλπίδων muss eine dem χειρῶν βοήθειαν entsprechende Bezeichnung stecken; es dürfte ἐπιδιδόναι oder ἐπ' ἐπίδοσιν zu lesen sein. So bekommt die Stelle einen ganz befriedigenden Sinn.

10. Or. XXIII, § 3 liest Keil: ἐγὼ δ' ὑπὲρ μὲν τοῦ πρὸς τοὺς βαρβάρους πολέμου οὐκέθ' ὁρῶ καιρὸν λέγειν: ἀθρόαν γὰρ ἁπάντων δεδοκότων δίκην τοῖς τε θεοῖς καὶ τοῖς ἡγεμόσι μελήσειν οἶμαι, καὶ σὺν αὐτοῖς γε εἰπεῖν τοῖς θεοῖς οὐ πολὺν τὸν ἀγῶνα νομίζω γενήσεσθαι, ὁρῶν τῆς ἁπάσης οἰκουμένης καὶ τῆς ἤδη βεβαίως ἐχομένης μικρὸν μέρος τὸ νῦν ὑπὸ ἀνοίας ἀνθεστηκός, ὃ δὲ λοιπόν ἐστιν, περὶ τῆς πρὸς ἀλλήλους ὁμονοίας... διαλέξομαι. Diese Stelle ist ohne Zweifel verdorben, kann aber wohl annähernd gebessert werden. Das Wort τὸν ἀγῶνα weist auf etwas, was im Vorhergehenden ausgedrückt sein müsste. Wenn ein ἀγών noch bevorsteht, so sind nicht alle Barbaren bestraft. Also ist ἁπάντων bei jetzigem Text unstatthaft[1]) und ἀθρόαν sehr verdächtig. Nach δίκην hat Reiske eine Lücke statuirt—m. E. mit Recht. Vielleicht steckt das hier ausgelassene Wort in γε εἰπεῖν (auch vor τοῖς θεοῖς stehend). Aristides dürfte etwa so geschrieben haben: μικροῦ γὰρ ἁπάντων δεδοκότων δίκην τοῦ λοιποῦ (τῶν ἄλλων) τοῖς τε θεοῖς καὶ τοῖς ἡγεμόσι μελήσειν οἶμαι καὶ συν αὐτοῖς? τοῖς θεοῖς οὐ πολὺν τὸν ἀγῶνα νομίζω γενήσεσθαι, ὁρῶν τῆς ἁπάσης οἰκουμένης ἤδη βεβαίως ἐχομένης etc.

11. Or. XXXII (12), § 16 liest Keil: συμβαίνει δ' ἐμοὶ τῇ μὲν γνώμῃ πάντων ἐφικνεῖσθαι τῶν ἐκείνου καλῶν, τῷ λόγῳ δὲ ἀπόρως ἔχειν ἐπεξελθεῖν. ἀθρόα γὰρ πάντα ἐπέρχεται, ἃ καθ' ἕκαστον μὲν εἰπεῖν ἀδύνατον. ἀρχὴν δὲ ουδὲ πειρᾶσθαι καιρὸν ἔχειν μοι δοκεῖ· ἀπὸ μέρους δ' εἰ λέγοιμι, δέδοικα μὴ βελτίων ὦ σιωπῶν· Die Lesart ἐπέρχεται ist offenbar verdorben. Canter übersetzte: Ea namque mihi simul occurrunt, quae per partes quidem narrare difficile sit, omnino autem ne aggredi quidem praestiterit. nam si aliqua dumtaxat ex omnibus

---

[1]) Vgl. Lukian, De hist. conscr., c. 5: εἴ ποτε πόλεμος ἄλλος συσταίη ἢ Κελτοῖς πρὸς Γέτας ἢ Ἰνδοῖς πρὸς Βακτρίους (οὐ γὰρ πρὸς ἡμᾶς γε τολμήσειεν ἄν τις ἁπάντων ἤδη κεχειρωμένων)...

recitarem, metuo, ne tacere satius esset. Den Sinn der ersten Hälfte d. St. wird wohl Niemand vestehen und in der zweiten ist δὲ durch nam wiedergegeben. Ohne Zweifel hatte Aristides geschrieben: ἀθρόα μὲν γὰρ πάντα ἐπέρχεσθαι (oder ἐπεξέρχεσθαι), ἃ καθ' ἕκαστον εἰπεῖν ἀδύνατον, ἀρχὴν οὐδὲ πειρᾶσθαι καιρὸν ἔχειν μοι δοκεῖ. Der Infin. praes kommt bei πειρᾶσθαι häufig vor.

12. Or. XXV (49), § 153 Keil heisst es: Θαυμάζω δ' ὅπως εὖ πεφυκὼς πρὸς τὸ παιδαγωγεῖν οὐχ ὁρᾷς τούτους τοὺς ἀργυρίου τὸν ἔπαινον ὠνουμένους οὐ μόνον ἐν ταῖς ἐπιδείξεσιν, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς θεάτροις. Zu ἀργυρίου bemerkt Keil: „qui muneribus et largitionibus redimunt laudationes in theatro renuntiandas". Er denkt also wohl an ein officielles Lob von seiten der Stadtgemeinde. Mir scheint diese Erklärung nicht annehmbar.

13. Or. XXVI (14), § 2 liest Keil: κατὰ ἰσομέτρου μὲν οὖν εὔξασθαι τῇ πόλει λόγου οὐκ ἐνῆν, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς εὐχῆς αὖ προσεδεῖτο ἑτέρας ἴσως μὲν [οὖν] καὶ μείζονος δυνηθῆναι τοιοῦτον ἆραι λόγον, ὅστις παρισώσεται τοσῷδε ὄγκῳ πόλεως· προσερεῖν γε μὴν ὑπεσχόμεθα, ὅπως ἂν δυνώμεθα. Als ich diese Stelle übersetzte, war ich schon überzeugt, dass sie verdorben sei, konnte aber sie damals nicht mit Sicherheit heilen und musste das Verdorbene, so gut es ging, übersetzen—meine Uebersetzung dieser Rede liegt leider schon gedruckt vor. Canter las: εὐχῆς αὖ προσεδεῖτο ἑτέρας, ἴσως μὲν καὶ μείζονος, δυνηθῆναι etc. und übesetzte die ganze Stelle so: Quoniam vero aequalem Urbi orationem vovere non licuit (alio enim rursus et maiore fortassis voto fuisset opus, ut orationem in tantam sublimitatem, quanta est Urbis moles, efferre possemus) eas tamen laudes, quae viribus nostris convenirent, polliciti sumus. Keils Interpunction und die Erklärung: „μείζονος] sc. ῥήτορός ἐστιν ἢ ἐμοῦ cfr. v. 11" müssen wir entschieden verwerfen. Reiske erklärte: „καὶ μείζονος] Scil. δυνάμεως aut οὐσίας. videtur maioris alicuius et humanum modum excedentis ingenii et facultatis esse. non enim videtur ad εὐχῆς referri posse". Im Gegentheil, μείζονος kann und darf nur auf εὐχῆς bezogen werden, wie es Canter richtig einsah, aber dem entsprechend muss auch δυνηθῆναι corrigirt werden. Der Infin. aoristi δυνηθῆναι setzt nothwendig ein *Gebet* voraus,

Aristides aber sprach von einem *Gelübde*, wie die Wörter ἑτέρας, αὖ und μείζονος deutlich zeigen und wie es auch dem Gedankengang vollkommen entspricht. Ist das richtig, so muss Aristides εἰ δυνηθείημεν geschrieben haben; die dreimal in drei Wörtern nacheinander folgende Silbe εἰ dürfte den Ausfall des εἰ veranlasst haben, was dann die Veränderung des δυνηθειήμεν in δυνηθῆναι leicht nach sich zog. Wie δυνηθῆναι, so ist auch ἆραι λόγον verdorben. Ganz gut wäre dagegen ἆραι τὴν πόλιν λόγῳ oder λόγον ἄρασθαι[1]). Aristides wird wohl geschrieben haben ᾆσαι λόγον. Vgl. z. B. in dieser Rede, § 4: τὴν δὲ πόλιν ᾄδουσι μὲν πάντες καὶ ᾄσονται.... οἱ δὲ λόγοι (diese ἐγκώμια)[2]), or. XL (5), § 1: πολλοὶ μὲν γὰρ οἱ καταλογάδην ᾄδοντες τὰ σά, πολλὰ δὲ ποιηταὶ κατὰ πάντας τρόπους ὑμνήκασι.... ibidem, § 22: οὗτος σοι, ὦ φίλε Ἡρακλεις, ὁ παρ' ἡμῶν λόγος ἀντ' ἄλλου μέλους ᾐσμένος...[3]), or. XLIV (17), § 18: Ταῦτά σοι παρ' ἡμῶν..... ἤσθω τῇ ἡμετέρᾳ μουσικῇ[4]), or. XXXI (50), § 4: τούτων αὖ τινα τῶν περὶ ὄχλους κυλινδομένων καλῶς ἐγώ ποτ' ἐφώρασα τἀναντία πράττοντα ἢ ἔσπευδεν· ᾖδε μὲν γὰρ ἐγκλίνας τῶν χαρίτων ἕνεκα. ἀκροτελεύτιον δ' ἐπεφθέγγετο ἐφ' ἑκάστῳ τῶν κομματίων ὥσπερ ἐν μέλει ταὐτόν (Aristides tadelte wohl nicht das ᾄδειν der Rede überhaupt, sondern nur das μελῳδεῖν dabei).. u. or. XIII, Dind. p. 200: ὥσπερ τι προοίμιον (ein prosaisches?) ᾆσαι τοῦ πολέμου... Vgl. auch Neue Jahrb. f. Philol., 1896, S. 116.

---

[1]) Schmid, Der Atticismus etc. II, 1 hält ἆραι λόγον für eine poëtische Lizenz. Vgl. or. XIII, Dind. p. 153: τῶν εἰς τοσοῦτον τὴν πόλιν ἠρκότων.

[2]) Or. LXV (8), § 14 sagt Aristides: δός λέξαι τὸν λόγον..., aber in dieser Rede gebraucht er auch sonst diesbezügliche prosaische Bezeichnungen, so § 16: τὰ δὲ ἔργα τοῦ θεοῦ λέγωμεν... und § 31: καὶ ἡμῖν ἤδη προειρήσθω—das that er vielleicht im Gegensatz zu Dichtern, von deren licentia er im Anfang der Rede spricht.

[3]) In etwas anderem Sinne gebraucht λόγον ᾄδειν z. B. Philo I, 189, 16 und 3, 48, 12. Vgl. Aristides, or. XVIII (49), § 148: τί δὲ τοῦτό ἐστι τὸ ἐπίγραμμα, ὅ παντες ᾄδουσι.... ᾄδουσι δὲ καὶ Χαβρίου τι ῥῆμα. In dieser und ähnlichen Stellen soll ᾄδειν nach Schmid, Der Atticismus etc., II, S. 71, „preisen“ bedeuten, was gewiss nicht richtig ist.

[4]) Ebenso Mamertinus Paneg. Maximiano d., c. 1: tibi potissimum, imperator invicte, laudes canimus.

14. Or. XXVI (14), § 10 liest Keil: τοῦτο νῦν ἐξενίκησεν ἀληθὲς εὖναι. τὴν ἴσην τε ἡλίου πορείαν εἶναι <καὶ> κτῆσιν ὑμετέραν καὶ τὸν ἥλιον διὰ τῆς ὑμετέρας πορεύεσθαι. Keil erklärt: τὴν ἴσην i. q. τὴν αὐτὴν πορεία (i. e. πορείᾳ) V. Reiske sagt zu d. St. „porro lego ἴσην τε τὴν ἡλίου πορείᾳ εἶναι τὴν ὑμετέραν κτῆσιν, aut sic ἀληθὲς εἶναι, ἴσην τήν τε ἡλίου πορείαν καὶ κτῆσιν ὑμετέραν". Auch Reiske lässt sich also das Wort κτῆσιν und die Auslassung des Artikels gefallen. Wir vermutten, κτῆσιν sei aus καὶ τὴν verdorben; so wäre auch der Ausfall des καὶ leichter verständlich. Ἡ ὑμετέρα ohne γῆ oder dgl. s. auch bei Callinicus, Εἰς τὰ πάτρια Ῥώμης.

15. Or. XXVI (14), § 11 heisst es: τοσαῦται δ' ἀφικνοῦνται δεῦρο (d. h. nach Rom) κομίζουσαι <πάντα> παρὰ πάντων ὁλκάδες, ἀνὰ πᾶσαν μὲν ὥραν, πᾶσαν δὲ φθινοπώρου περιτροπὴν, ὥστ' ἐοικέναι τὴν πόλιν κοινῷ τινι τῆς γῆς ἐργαστηρίῳ. In dieser Stelle scheinen uns verdächtig: κομίζουσαι <πάντα>, φθινιπώρου περιτροπὴν und ἐργαστηρίῳ. Durch κομίζουσαι <πάντα> wird, erstens, ὁλκάδες zu weit von τοσαῦται entfernt; zweitens, erscheinen diese Worte hier nach dem eben Gesagten überflüssig, und, drittens, ist die häufige Widerholung von πᾶς etwas anstössig. Vielleicht ist κομίζουσαι in γέμουσαι zu verändern oder steckt darin ὁρμίζονται. Ἐργαστήριον bedeutet sonst bei Aristides nur „Werkstätte", aber diese Bedeutung passt für unsere Stelle gewiss nicht: Rom verbrauchte sehr viel und produzierte selbst sehr wenig. Ἐργαστήριον bedeutete zuweilen noch „Kauflade", aber nicht „Handelsplatz"[1]). Keine Stadt konnte also darum, weil in ihr viele Kauffahrteischiffe landeten, füglich ein ἐργαστήριον in irgend welchem Sinne genannt werden[2]). Die letztere Bedeutung des ἐργαστήριον mag aber zur Verderbniss

---

[1]) Vgl. auch das Lat. ergasterium.

[2]) Auch in Korinth z. B. landeten forwährend Schiffe, aber diese Stadt nennt Aristides darum nicht ἐργαστήριον, sondern ἀγορά τις καὶ αὐλὴ κοινὴ τῶν Ἑλλήνων καὶ πανήγυρις. Florus nennt Ostia maritimum urbis hospitium und Rom orbis terrarum conciliabulum. Ephesus nennt Aristides—infolge seiner λιμένων κοινότης—ταμιεῖον τι κοινὸν τῆς Ἀσίας. Themistius or. VI, Dind. p. 100 nennt Konstantinopel ὅρμος ἐν χρείᾳ θαλάσσης, ἀγορὰ τῆς πολοΐμου καὶ πορευσίμης, ἐργαστήριον εὐφροσύνης.

dieser Stelle beigetragen haben: nach τοσαῦται konnte m. E. nur ὁρμιστήριον am Platze sein und dieses seltene Wort (dass dieses Wort nicht existirt hat, scheint unglaublich) konnte leicht in ἐργαστήριον verwandelt werden.

16. Or. XXVII (16), § 33 liest Keil: καὶ τό γε ἥδιστον τῆς ἐπινοίας, ὥσπερ γὰρ πρότερον τοὺς κατ᾽ ἐνιαυτὸν ἄρχοντας κατὰ συζυγίαν παρείχοντο ὀνομάζειν τοῖς ἔξω, οὕτω νῦν τοὺς διηνεκεῖς ἔξεστιν ὁμοῦ πατρόθεν τε καὶ σὺν ἀλλήλοις ὀνομάζειν. Canter hatte denselben Text und übersetzte ihn so: „Deinde, quod est omnium lepidissimum, ut prius annuos praefectos exteris binos eligere permittebant, ita nunc perpetuos ex genere simul et ambos pariter licet eligere“. Offenbar war Canter der Sinn der Stelle undetlich und bis jetzt hat ihn Niemand erschlossen. Keil bemerkt zu d. St.: „παρείχοντο DUTA? παρεῖχον τὸ A'R, subiectum (sive Romani sive proavi Caesarum) non sine commentatione supplendum; τοῖς ἔξω omnino non intelligo: οἱ ἔξω neque hae, quae non sunt Romanae originis, gentes esse possunt, quandoquidem et ipsis Romanis annus e. g. „Apronio Paullo coss.“ audiebat, neque crediderim Aristidem se ipsum τῶν ἔξω dixisse; denique πατρόθεν obscurum; „M. L. Caesares“ intellegit Wil., in quibus patris vel familiae significationem desidero. mendum altius latere videtur?“

Wir glauben dieses mendum aufdecken zu können. Da in der Protasis und der Apodosis offenbar in Allem Parallelismus gewesen sein muss, so lesen wir: παρεῖχεν (imperson., entspricht dem ἔξεστι unten) und <καὶ> τοῖς ἔξω oder <καὶ> [τοῖς] ἔξω. Der Sinn der Stelle wäre folgender: Früher war es möglich (nur) die Konsuln (denn diese meinte haupsächlich Aristides) nach ihrer Wechselbeziehung zueinander (Kollegialität) und auch nach den sonstigen, ausserhalb des Amtes liegenden, Verhältnissen zu bezeichnen, jetzt aber kann man die Kaiser zugleich nach ihrem Vater und nach ihrem Verhältniss zueinander, als Brüder und Mitherrscher, bezeichnen.

17. Or. XXVII (16), § 34 u. fg. sagt Aristides von M. Aurel und L. Verus: τῷ ὄντι ἐδήλωσαν τὴν τροφὴν θείαν οὖσαν ἑαυτῶν. ὁ γοῦν λογισμὸς αὐτῶν θεῖος καὶ ὡς ἀληθῶς ἄνωθεν ἔχων τὸ παράδειγμα

καὶ πρὸς ἐκείνην ὁρῶν τὴν πολιτείαν, εἰ δεῖ κεφάλαιον εἰπεῖν· ἐπεὶ καὶ θεοὺς αὐτοὺς καὶ τὸν σύμπαντα δὴ κόσμον τε καὶ οὐρανὸν φιλίαν καὶ κοινωνίαν φασὶν εἶναι τὴν συνέχουσαν, καὶ διὰ τούτων τὸν ἀεὶ χρόνον ἀσφαλῶς πορεύεσθαι etc. Ich gestehe, den Satz εἰ δεῖ κεφάλαιον εἰπεῖν nicht verstehen zu können und halte ihn für verdorben. Canter übersetzte: „ut summatim dicam", also ungenau. Versuchen wir diesem Satz den Sinn abzugewinnen.

Betrachten wir näher die unmiltelbar vorausgehenden Worte, so bemerken wir leicht, dass nach ihnen dieser Satz, wie er jetzt gelesen wird, nicht folgen konnte. In Bezug auf ἄνωθεν müsste statt ἐκείνην etwa τὴν ἄνω oder τὴν ἐκεῖ stehen. Dies und die Wortstellung ἐκείκην ὁρῶν τὴν πολιτείαν zeigen wohl, dass ἐκείνην unten durch einen Relativsatz erklärt sein müsste. Da aber τὴν πολιτείαν durch κεφάλαιον hier nicht befriedigend erklärt wird, so muss dieses Wort verdorben sein. Der Sinn dieser ganzen Stelle—es ist darin von der stoischen universellen πολιτεία die Rede[1])—fordert καθολικὴν, also ist der räthselhafte Satz so zu entziffern: ἣν δεῖ καθολικὴν εἰπεῖν; dieser Satz wird dann im folgenden (ἐπεὶ etc.) erklärt und begründet. Die Verderbniss der Stelle ist wohl paläographisch verständlich; vielleicht gefiel auch diese καθολικὴ πολιτεία manchem Byzantiner nicht.

18. Or. XXV (43) (anonymi), § 28 heisst es von der Stadt Rhodos nach dem Erdbeben: πυραὶ δὲ ἀήθεις ἐκαίοντο ὁμοίως νύκτα καὶ ἡμέραν, ταῖς πρόσθεν ἱερομηνίαις ἀντίστροφοι. ἀντὶ δὲ χρυσείων καὶ ἀργυρείων μετάλλων διώρυχος τοὔδαφος τῆς πόλεως παρεῖχε καὶ εἰς μῆνας ἐκκαθαίρειν τοὺς κειμένους. Reiske war geneigt, μετάλλων wegzulassen, Dindorf vertheidigte es. Keil ist geneigt, μετάλλων zu streichen, lässt aber das Uebrige stehen, ohne es zu erklären. Canter hatte denselben Text und übersetzte ihn so: „et pro aureis atque argenteis

---

[1]) Vgl. Seneca De otio c., 4: Duas res publicas animo complectamur: alteram magnam et vere publicam, qua dii atque homines continentur, in qua non ad hunc angulum respicimus aut ad illum, sed terminos civitatis nostrae cum sole metimur; alteram, cui nos adscripsit conditio nascendi.

metallis effodiendis mortuos urbis area per menses aliquot efferendos praebebat“ — καὶ hatte er unübersetzt gelassen. Also Gold und Silbergruben in der Stadt Rhodos! Nicht etwa Ateliers der Goldarbeiter etc., sondern Gold*gruben*...

Gold und Silbergruben gab es in Rhodos gewiss nicht, aber Gold und Silber genug; sollte doch Zeus über diese Stadt einen Goldregen ausgegossen haben (§ 30 dieser Rede: Ὅμηρος μὲν πλοῦτον ἔφη καταχεάι τὸν Δία τῇ νήσῳ καὶ τοῖς περὶ Τληπόλεμον προγόνοις ὑμῶν, καὶ Πίνδαρος παραλαβὼν ὗσαι χρυσὸν νεφέλην ξανθὴν ἐπιστήσαντα... und Strabo XIV.). Diese Edelmetalle waren u. A. auch an Kunstwerken, an welchen[1]) Rhodos überreich war, und öffentlichen Gebäudem verwendet. Rhodos war u. A. durch lange und gerade Strassen berühmt, s. Strabo, XIV, C. 652: und § 6 dieser Rede heisst es: ἀγυιὰς δὲ ἐξ ἀρχῆς εἰς τέλος διηνεκεῖς, ὥστε ἥκιστα στενωποὺς καλεῖσθαι und § 64: χρὴ... τὸν λόγον βεβαιῶσαι ὅτι οὐκ οἰκίαι καλῶς ἐστεγασμένοι οὐδὲ λίθοι τειχῶν εὖ δεδομημένοι οὐδὲ στενωποί τε καὶ νεώρια ἡ πόλις, ἀλλ' ἄνδρες... Wahrscheinlich hiess eine von den Strassen oder Portiken in Rhodos „Goldene“ oder man nannte so mehrere von ihnen, die prächtigsten. Denn, wenn in Smyrna, wie wir aus Aristides ersehen[2]), einige Strassen „Goldene“ hiessen, so passte es für das sehr reiche Rhodos, das Zeus mit Gold überschüttet hatte, noch besser, „Goldene“ Strassen zu haben; auch die Smyrnäer dürften solche Benennungen für Strassen aus Rhodos entlehnt

---

[1]) Dio Chrysost. or. XXXI, § 55 sagt den Rhodiern: ὑμεῖς μὲν καὶ πρότερον ἦτε πλουσιώτατοι τῶν Ἑλλήνων καὶ νῦν ἔτι μᾶλλον ἐστέ.

[2]) S. or. XVIII (20), § 6: ὦ τῆς ὑπερλάμπρου σχῆμα ἀγορᾶς, ὦ χρυσοῦ τε ἐπώνυμοι καὶ ἱερῶν ὁδοὶ καθ' ἕκαστον πλαίσιον, ἀντ' ἀγορᾶς ἅπασαι. Vgl. XVII, § 10: ἀπὸ ἑσπέρας μὲν πρὸς ἕω βαδίζειν ἐκ νεὼ τε εἰς νεὼν ἥξεις καὶ ἐκ κολωνοῦ πρὸς κολωνόν δι' ἑνὸς στενωποῦ καλλίονος ἢ κατὰ τοὔνομα. Keil erklärt: vicus *aureus*. Dio Chrysost. spricht XLVII, 17 von den goldenen Portiken in Rom (τὰς ἐν Ῥώμῃ τὰς χρυσὰς nämlich στοάς). Rom hiess bekanntlich officiell „goldenes“; so nannte man zuweilen Alexandrien in Aegypten (s. Athenaeus, I, 36); dasselbe ist wohl auch von Rhodos anzunehmen.

haben[1]). Da dies uns sehr wahrscheinlich dünkt, so schaffen wir das ungereimte μετάλλων weg, verändern dann ἀργυρείων in ἀγυιῶν und διώρυχος in διώρυχας; bei dieser Emendation erscheint natürlich καὶ unstatthaft. Dadurch bekommt die Stelle einen ganz befriedigenden Sinn, nämlich: Statt goldener Strassen bot damals die Stadt (eig. der Stadtgrund) Gräben[2]) und für Monate das Wegschaffen (daraus) der Leichen. Die Verderbniss der Stelle ist wohl so vor sich gegangen: die Bezeichnung χρυσῶν neben ἀγυιῶν mochte befremdend aussehen und, andererseits, lag es nahe, das neben χρυσῶν stehende ἀγυιῶν in ἀργυρίων zu verändern; διώρυχες liessen auch an eine Metallgrube denken; so hatte man schon eine Silbergrube, was eine Goldgrube und καὶ nach sich zog; zuletzt kam das erklärende μετάλλων.

19. Or. XXIX, (40), § 29 statt ἄλλως τε † τούτων, ὧν οὐδὲν πρὸς τὸν Διονυσόν ἐστιν· ἀλλ᾽ ἔμοιγε etc. schlagen wir vor: ἄλλως τε τούτων ὄντων οὐδὲν πρὸς Διόνυσον, πόθεν; ἀλλ᾽ ἔμοιγε etc.

Zum Schluss — um etwaigen Missdeutungen vorzubeugen — hebe ich ausdrücklich hervor, dass ich Keils Verdienste um Aristides hoch schätze und ihm zu Dank verpflichtet bin.

Geschr. im J. 1906.

---

[1]) Rom hat wahrscheinlich seine Graecostasis nach der rhodischen eingerichtet und den Namen selbst daher entlehnt. Solche ξενοστάσεις (das Wort steht bei Pollux aus Sophocles) gab es gewiss auch in anderen Städten, von einer statio Graia in Rhodos sagt Vitruvius II, 15, 20.

[2]) Vgl. § 32: νῦν δὲ αὐτὴν τὴν πόλιν ἐν τοιαύτῃ θέα λείπεται παριστάναι [δεικνύναι] τοῖς εἰσαφικνουμένοις. . . . . καὶ σκοπέλους ἀντὶ πύργων etc. Hier haben wir also eine Parallele zu ἀντὶ ἀγυιῶν διώρυχες.

VII.

Къ Ars poëtica Горація.

Горацію весьма посчастливилось у потомства—въ значительной мѣрѣ благодаря Латинскому языку[1]). Посчастливилось ему сравнительно и у насъ: перевелъ его произведенія на Русскій языкъ поэтъ и нѣсколько Русскихъ профессоровъ писали о немъ и о его произведеніяхъ. Посчастливилось въ новое время и Гораціевой Ars poëtica необычайно.

Проф. И. В. Нетушилъ напечаталъ въ 1901 г. статью „Тема и планъ Гораціевой Ars poëtica въ Ж. М. Н. П. и въ 1903 г. другую: „Критико-экзегетическія замѣчанія къ Поэтикѣ Горація въ Commentationes Nikitinianae.

Авторъ старается доказать, что Ars poëtica Горація имѣетъ схему риторической institutio и что Горацій въ ней не только подражалъ Неоптолему Парійскому, но отчасти мѣстами прямо переводилъ его.

И. В. Нетушилъ сопоставляетъ Ars poëtica напр. съ De oratore Цицерона и Institutio orat. Квинтиліяна. Уже другіе, напр., Кисслингъ, раньше его дѣлали ссылки въ своихъ

---

1) Проф. Вилямовицъ-Меллендорфъ говоритъ объ Аппіанѣ: „wenn sein Buch lateinisch wäre, würde er ein berühmter Mann sein". Срв. у Моммзена, Reden u. Aufsätze, стр. 352: „wenngleich uns heute nicht, wie einst, das „Augustische Alter" als das Ideal des geistigen Lebens erscheint, näher steht es uns immer noch als die griechische oder die mittelalterliche Vergangenheit, und in der allgemeinen Erziehung zur Oberflächlichkeit wird die Kunde der lateinischen Sprache allem Anschein nach am längsten das Widerstandsstück bilden".

комментаріяхъ къ Ars poëtica м. пр. и на нѣкоторыя риторическія руководства древнихъ; но г. Нетушилъ утверждаетъ, что въ Ars poëtica примѣнена вся схема риторическаго руководства.

„Но ars poëtica Горація—говоритъ нашъ авторъ—не прозаическій учебникъ, какимъ, по—видимому, было сочиненіе Неоптолема. Принятая Гораціемъ форма поэтическаго посланія наложила своеобразную печать на ходъ его изложенія. Литературное посланіе вообще является только разновидностью діалога".

Мы убѣждены въ томъ, что произведеніе Неоптолема, о которомъ говорится въ схоліяхъ Порфиріона, было написано стихами. Но, какъ бы то ни было, разъ Ars poëtica Горація есть поэтическое посланіе, то мы должны искать ему аналогій въ Греческой литературѣ прежде всего въ поэтическихъ посланіяхъ или произведеніяхъ, близко къ нимъ подходящихъ.

Такую аналогію мы нашли въ сочиненіи Лукіана Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν[1]) и намъ казалось страннымъ, что раньше

[1]) Мы пришли къ этою мысли подъ вліяніемъ указанной статьи И. В. Нетушила, переводя и объясняя въ 190²/з акад. году ex officio Ars poëtica. Подѣлиться этою мыслью со спеціалистами въ нашихъ „Филол. Этюдахъ и зам." въ ближайшее время мы не могли по указаннымъ въ предыдущей статьѣ причинамъ. О появившейся въ 1905 г. въ Hermes (40 т.) статьѣ Нордэна: Die Composition und Litteraturgattung der horazischen Epistula ad Pisones мы узнали только лѣтомъ прошлаго года. Въ числѣ примѣровъ исагогической литературы, съ которыми онъ сопоставляетъ Ars poëtica Горація, онъ указываетъ на Περὶ ὀρχήσεως и Πῶς δεῖ ἱστ. συγγρ. Лукіана. О первомъ произведеніи онъ говоритъ: „Die Identität des Schemas dieser Schrift mit demjenigen der horazischen Epistel ist also in Einszelheiten genau", а въ прим. къ этимъ словамъ стоитъ: „Vgl. aus Lukian noch: de hist. conscr., besonders 37 ff. über den συγγραφεύς und die ἱστορία, wo 47 die Poetik zum Vergleich herangezogen wird (für den isagogischen Charakter dieses Abschnitts vgl. den Anfang 37...); ibid. 9 über das χρήσιμον als ἔργον καὶ τελος ἱστορίας und das τερπνὸν als Begleiterscheinung". Мы полагаемъ, что Πῶς δ. ἱστ. συγγρ. и по формѣ и по содержанію ближе, чѣмъ Περὶ ὀρχήσεως, къ Ars poëtica.

никто не обратилъ вниманія на эту параллель, и что въ комментаріяхъ къ Ars poëtica нѣтъ, сколько намъ извѣстно, ни одной ссылки на это произведеніе Лукіана.

Это произведеніе Лукіана по сюжету, характеру и нѣкоторымъ частностямъ соотвѣтствуетъ Гораціевой Ars poëtica. Что Лукіанъ въ немъ не вполнѣ оригиналенъ, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться; онъ, конечно, пользовался уже существовавшими произведеніями подобнаго рода, пользовался сочиненіями о поэтикѣ,—можетъ быть, даже упомянутымъ сочиненіемъ Неоптомема, хотя и напираетъ на различіе между исторіографіею и поэзіею.

Между исторіографіею и поэзіею древнихъ были, конечно, пункты различія, но было у нихъ не мало и сходнаго, общаго; особенно между историческими сочиненіями и трагедіею. Историческое произведеніе у древнихъ обыкновенно было произведеніемъ искусства; въ немъ умѣстенъ былъ нѣкоторый color poëticus; въ рѣчахъ, которыя вставлялись въ историческое произведеніе, историкъ былъ свободенъ почти какъ поэтъ.

Сравненіе въ общемъ и въ частностяхъ названнаго сочиненія Лукіана съ Гораціевою Ars poëtica имѣетъ raîson d'être и можетъ быть, полагаемъ, интересно, въ частности—для рѣшенія вопроса о Греческихъ образцахъ Горація.

Произведеніе Лукіана—дидактическо-сатирическое посланіе, какъ и Ars poëtica, но въ прозѣ—стихотворство во время Лукіана было не въ модѣ.

Кристъ[1]) полагаетъ, что Лукіанъ перешелъ къ формѣ посланій подъ старость.

Лукіанъ обращается къ другу своему Филону, какъ Горацій къ Пизонамъ. Возможно, что Филонъ интересовался спеціально исторіею.

---

[1]) Gesch. d. griech. Litter[4]., стр. 774: „In die Forn von Briefen kleidete Lukian mehrere Schriften des gereiften Alters".

Лукіанъ самъ не пишетъ исторіи, но даетъ совѣты, какъ ее писать; поводомъ къ этому послужило то, что вслѣдствіе бывшей войны многіе возмнили себя историками.

Лукіанъ, какъ и Горацій, начинаетъ съ отрицательныхъ сторонъ предмета.

Лукіанъ напираетъ на то, что исторія должна быть правдива, но и Горацій прежде всего требуетъ правды—поэтической—и выдержанности.

Гл. 23 Лукіанъ говоритъ о высокопарныхъ введеніяхъ (προοίμια τραγικά), не соотвѣтствующихъ самимъ произведеніямъ; тутъ у него стоитъ м. пр. и „Ὤδινεν ὄρος“. Два раза, гл. 19 и 57, онъ говоритъ о неумѣстности въ историческихъ произведеніяхъ слишкомъ обстоятельныхъ описаній (ἐκφράσεις). Гл. 11 онъ говоритъ: ἑκάστου γὰρ δὴ ἴδιον τι καλόν ἐστιν· εἰ δὲ τοῦτο ἐναλλάξειας, ἀκαλλὲς τὸ αὐτὸ παρὰ τὴν χρῆσιν γίγνεται. Все это напоминаетъ Ars poëtica Горація.

Читатель, ближе интересующійся этимъ произведеніемъ, сдѣлаетъ самъ полное сопоставленіе параллельныхъ мѣстъ.

Прибавимъ здѣсь еще кое-что, что можетъ пригодиться для комментарія къ Ars poëtica.

О licentia поэтовъ говоритъ Лукіанъ гл. 8 названнаго сейчасъ произведенія и Hermotimus, гл. 72: ὅ γε νῦν ἔπραττες καὶ ἐπενόεις, οὐδὲν τῶν Ἱπποκενταύρων καὶ Χιμαιρῶν καὶ Γοργόνων διαφέρει, καὶ ὅσα ἄλλα ὄνειροι καὶ ποιηταὶ καὶ γραφεῖς ἐλεύθεροι ὄντες ἀναπλάττουσι οὔτε γενόμενα πώποτε οὔτε γενέσθαι δυνάμενα. Обстоятельно говоритъ о томъ-же Элій-Аристидъ or. VIII. М. пр. онъ говоритъ о поэтахъ § 1: ὥσπερ τύραννοί τινες τῶν νοημάτων ὄντες и § 13: πολλὰ αὐτοῖς ὑπάρχει πλεονεκτήματα καί εἰσιν αὐτοκράτορες ὅ τι ἂν βούλωνται ποιεῖν.

У Филострата Διαλέξις, Kayser, II p. 258 читаемъ: ῥᾶον πείσομεν, ἢν σαφῶς ἑρμηνεύσωμεν· σαφῶς δὲ ἑρμηνεύσομεν καὶ ἔξω εὐτελείας, ἢν τῶν νοηθέντων τὰ μὲν κοινὰ καινῶς φράσωμεν, τὰ δὲ καινὰ κοινῶς. Эти слова напоминаютъ извѣстныя мѣста въ Ars poëtica Горація.

Извѣстная характеристика возрастовъ въ Ars poëtica сама по себѣ недурна, но въ упрекъ можно поставить Горацію, что она является повтореніемъ мысли, уже высказанной имъ

выше (ст. 105 и сл.), съ одной стороны, слишкомъ обстоятельна, а, съ другой, ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ упоминанія о женскомъ характерѣ вообще и о важномъ различіи между мужскимъ и женскимъ характеромъ, что́, по ходу мысли автора, несомнѣнно было бы существенно нужно, во всякомъ случаѣ нужнѣе, чѣмъ стихи о дѣтяхъ; въ ст. 111 говорится о matrona potens и sedula nutrix, но тоже ни слова о женскомъ характерѣ вообще. Горацій пропустилъ въ своей Ars poëtica то, что мы находимъ напр. въ сочиненіи по физіогномоникѣ, Scriptores physiognom. Graeci et Latini. Ed. Förster, I, стр. 350: ὡς γὰρ ἐπὶ πλεῖστον τὸ μὲν ἄρρεν γενναῖον, ἄδολον, δίκαιον, θυμοειδές, φιλότιμον, ἄκακον, τὸ δὲ θῆλυ ἀγεννές, πικρόν, δολερόν, κουφόνοον, ἄδικον, φιλόνεικον, θρασύδειλον.

ПАНЕГИРИКЪ РИМУ

ЭЛІЯ-АРИСТИДА.

Греческій текстъ съ Русскимъ переводомъ, введеніемъ, комментаріемъ и приложеніями

Ив. Турцевича.

Выпускъ первый.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Предисловіе.

О писателѣ, коего произведеніе мы здѣсь предлагаемъ читателямъ, извѣстный профессоръ и академикъ У. Вилямовицъ-Меллендорфъ недавно сказалъ[1]): „Аристидъ филологіею собственно еще не открытъ...., но онъ заслуживаетъ монографіи“. Понимать эти слова нужно, конечно, не въ буквальномъ смыслѣ—первое (полное) печатное изданіе Аристида вышло въ 1517 г.,—но въ высшемъ научномъ смыслѣ. Дѣйствительно, пока еще многаго недостаетъ для надлежащаго пониманія отдѣльныхъ произведеній Аристида и нѣтъ полнаго и вполнѣ удовлетворительнаго изслѣдованія о его жизни и произведеніяхъ. Несомнѣнно, этотъ авторъ сравнительно очень мало читался въ прошломъ вѣкѣ—даже записными филологами, былъ почти забытъ, а читавшіе его далеки были отъ мысли особенно рекомендовать его другимъ. Нѣкогда было не то: въ древности, при жизни его и послѣ смерти, онъ пользовался большою славою и авторитетомъ; его много читали въ Византіи; читали его и подражали ему также въ вѣкъ Возрожденія.

Въ послѣднее время интересъ къ Аристиду—по крайней мѣрѣ среди ученыхъ—нѣсколько усилился и, можетъ быть, скоро филологическая наука выполнитъ свой по отношенію къ нему долгъ въ смыслѣ научнаго объясненія его произведеній и уясненія значенія личности и дѣятельности этого во всякомъ

---

[1]) См. Die Kultur der Gegenwart, herausg. von Hinneberg, I, 8, 167.

случаѣ крупнаго писателя древности. Монографіи о немъ можно скорѣе всего ожидать отъ его послѣдняго издателя, проф. Б. Кейля.

Вендляндъ въ рецензіи на вышедшій томъ Кейлевскаго изданія Аристида говорилъ объ Аристидѣ слѣдующее (Berliner Philologische Wochenschrift, 1899, № 11): „Стало почти модою цитовать Аристида не безъ эпитетовъ „отвратительный, пустой риторъ", словно стѣсняются знакомства съ нимъ, и это понятно, если одинъ изъ самыхъ начитанныхъ филологовъ недавно признавался (это—Родэ), что, прочитавъ нѣсколько рѣчей, онъ пріостановился въ чтеніи. Со мною при прежнихъ попыткахъ было то-же самое; но это зависѣло, надо полагать, отъ трудности пониманія (Аристида) и отъ того непріятнаго чувства, которое пробуждалъ совсѣмъ недостаточный аппаратъ. Существенныя трудности пониманія теперь устранены благодаря образцовой работѣ Кейля и вотъ мы должны теперь, не ограничиваясь общимъ эстетическимъ сужденіемъ, дойти до историческаго пониманія, мы должны перенестись въ настроеніе современниковъ Аристида, слушавшихъ его, воспроизвести въ насъ то впечатлѣніе, которое онъ хотѣлъ производить и производилъ, какъ бы это ни было для насъ трудно. Для риторическаго пониманія какъ разъ только положено начало. Но и въ другихъ отношеніяхъ Аристидъ можетъ дать много. Какъ Діонъ (Хрисостомъ), онъ есть главный источникъ для изученія античной городской жизни, изслѣдованіе коей какъ разъ только началось и стало благодаря новѣйшимъ раскопкамъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ филологическихъ штудій."

Если уже въ Германіи приходится въ нѣкоторомъ смыслѣ открывать Элія-Аристида, то у насъ тѣмъ болѣе: у насъ, въ нашей литературѣ это почти совсѣмъ неизвѣстный писатель; нѣсколько строкъ о немъ можно найти развѣ только въ переводныхъ сочиненіяхъ или словаряхъ[1]). Но, разъ этотъ

[1]) Въ извѣстномъ указателѣ Прозорова нѣтъ даже и имени этого Аристида.

писатель признается имѣющимъ значеніе въ наукѣ и литературѣ вообще, то, значитъ, и для насъ; мы уже указали на то, что произведенія Аристида много читались въ Византіи. По нашему мнѣнію, даже переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Аристида на Русскій языкъ можетъ быть небезполезенъ.

Предлагаемый нами нынѣ въ Русскомъ переводѣ панегирикъ Риму Аристида не есть, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся литературное произведеніе. Уже литературная форма произведенія, его риторичность намъ очень не по вкусу. Но наша оцѣнка древняго литературнаго произведенія отнюдь не должна опредѣляться только нашими вкусами; для этого необходима историческая точка зрѣнія; нужно понять и древніе панегирики; вѣдь ихъ въ свое время писалось и произносилось очень много; они требовались обычаемъ и представляются очень характернымъ явленіемъ общественной жизни и литературы. Затѣмъ, какъ бы мы ни относились къ древнимъ панегирикамъ вообще и въ частности къ панегирикамъ городовъ, панегирикъ такого города, какъ Римъ, этого города городовъ, уже долженъ возбуждать наше вниманіе во всякомъ случаѣ, а панегирикъ Риму Аристида, притомъ-же, есть единственный большой или, правильнѣе сказать, вообще единственный настоящій панегирикъ этому городу, дошедшій до насъ—изъ числа весьма многихъ. То, что этотъ панегирикъ на Греческомъ языкѣ, а не Латинскомъ, произнесенъ былъ въ Римѣ, хотя и Римскимъ гражданиномъ, но провинціальнымъ, полагаемъ, только еще увеличиваетъ представляемый имъ для насъ интересъ.

Уже по этимъ общимъ соображеніямъ можно утверждать, что это произведеніе Аристида должно представлять для насъ интересъ, хотя бы въ немъ были отчасти и преувеличенія и хотя бы о многомъ важномъ въ немъ не было ни слова.

Этотъ панегирикъ Рима, конечно, не могли игнорировать новые историки Рима и вообще ученые, писавшіе о Римѣ, въ частности о Римѣ времени имперіи. Въ соотвѣтственныхъ сочиненіяхъ находимъ ссылки на этотъ панегирикъ, при

водятся и поясняются отдѣльныя мѣста изъ него. Но въ то-же время читатель можетъ встрѣтить совершенно невѣрные отзывы о немъ и притомъ тамъ, гдѣ всего менѣе этого можно было ожидать. Вотъ, напр., въ Geschichte der griech. Literatur Криста (4 изд. стр. 750) говорится, что въ Ἐγκώμιον Ῥώμης Аристида превозносится чрезмѣрно самый городъ Римъ и Римскій государственный строй, представляющій де сочетаніе хорошихъ сторонъ демократіи, аристократіи и монархіи. Всякій, читавшій панегирикъ Аристида, знаетъ, какъ мало объ этомъ въ немъ говорится. Фолькманъ въ Die Rhetorik d. Griechen und Römer, 2 изд., стр. 283 говоритъ, правда, нѣсколько вѣрнѣе, что панегирикъ Риму Аристида есть восхваленіе Римскаго міровладычества и Римскаго принципата; но это для автора какъ будто неважно: онъ продолжаетъ: „Sie (т. е. die Rede auf Rom) ist dadurch merkwürdig, dass sie trotz ihres grossen Umfangs nicht die geringste Notiz von der Römischen Geschichte nimmt, ja nicht einen einzigen Römischen Namen enthält. Mit nicht zu leugnender Kunst wird von dem τεχνικώτατος σοφιστῶν ein lobendes Enthymem an das andere gereiht, jedes streng zur Sache gehörig, aber nirgends der Boden allgemeiner Reflexion verlassen, nirgends das Gebiet positiver Thatsachen betreten. Derartige Leistungen der sophistischen Kunst sind für moderne Leser völlig ungeniessbar. Nur das genaueste Eingehen auf die rhetorische Technik macht uns ihre Lectüre erträglich und zugleich begreiflich, dass sie überhaupt zu irgend einer Zeit gefallen konnten“. Выходило бы по Фолькману, что названная рѣчь Аристида совершенно безсодержательна, что въ ней нѣтъ ни слова о Римской исторіи! Или Фолькманъ ожидалъ у Аристида упоминаній о сраженіяхъ, завоеваніяхъ и т. п.? Но вѣдь ясно, что Аристидъ въ этой рѣчи намѣренно оставилъ въ сторонѣ эти, великія и по числу и по размѣрамъ, πάτρια Ῥώμης. Свой громадный Παναθηναϊκός, въ коемъ онъ обстоятельно говоритъ о политической исторіи Аѳинъ, Аристиду пришлось произносить въ два пріема, раздѣлить его на два дня; что́ же, если бы онъ въ панегирикѣ Рима далъ такой-же обзоръ исторіи Рима?

V

Панегирикъ Риму Аристида, несомнѣнно, представляетъ значительный интересъ и по своему содержанію. Но пониманіе и толкованіе его представляетъ трудности—даже для спеціалистовъ. Причина этого заключается въ языкѣ и стилѣ Аристида и въ томъ, что текстъ этого панегирика дошелъ до насъ со значительными пропусками и искаженіями.

Въ виду этого мы въ 1895 г. изготовили Русскій переводъ этой рѣчи Аристида; переводъ этотъ былъ въ декабрѣ того-же года прочитанъ нами въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества, состоящаго при Институтѣ Кн. Безбородко.

Нашъ переводъ мы не рѣшались тогда-же печатать— главнымъ образомъ въ виду плохого состоянія Греческаго текста рѣчи. Въ 1898 году появилось новое критическое изданіе этой и нѣкоторыхъ другихъ рѣчей и вообще произведеній Аристида, сдѣланное Б. Кейлемъ. Новый текстъ, правда, тоже оставлялъ желать многаго, но нужно было довольствоваться сдѣланными улучшеніями; однако приступить къ печатанію перевода намъ помѣшали другія работы и заботы.

Между тѣмъ у насъ явилась мысль расширить нашу работу по панегирику Аристида.

Недочеты въ нашемъ Русскомъ переводѣ могли быть исправлены или по крайней мѣрѣ видны и понятны только при сравненіи съ оригиналомъ, который рѣдко гдѣ имѣется. Греческій же текстъ панегирика, да и вообще этотъ панегирикъ требовалъ многихъ поясненій и комментированіе этого произведенія, относящагося къ главной сферѣ нашихъ научныхъ занятій, намъ представлялось интересной, заманчивой работою. Поэтому мы рѣшили дать читателямъ и Греческій текстъ панегирика и обстоятельный коментарій къ нему съ дополненіями, а также предпослать рѣчи введеніе, составляющее по содержанію тоже часть комментарія. Пока комментарія къ этой рѣчи Аристида не имѣется ни на одномъ языкѣ.

Въ этомъ нашемъ намѣреніи насъ укрѣпили отзывы о панегирикѣ Аристида нѣкоторыхъ весьма компетентныхъ ученыхъ. Такъ, напр., упомянутый профессоръ Вилямовицъ-

Меллендорфъ находилъ, что эта рѣчь Аристида есть самое значительное литературное прославленіе Римской державы и что этотъ панегирикъ вполнѣ заслуживаетъ обстоятельнаго комментарія[1]).

Во введеніи мы говоримъ о панегирикахъ городамъ въ періодъ Римской имперіи и въ частности о панегирикахъ Риму, а затѣмъ о жизни и произведеніяхъ нашего Аристида.

Нашъ переводъ панегирика Риму мы отнюдь не считаемъ совершеннымъ, но все таки онъ, можетъ быть, кому-нибудь пригодится. Онъ былъ бы лучше, если бы былъ не началомъ, а завершеніемъ нашей работы надъ панегирикомъ. Онъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ ни тексту Диндорфа, ни тексту Кейля.

Греческій текстъ мы даемъ по изданію Кейля, а наши разночтенія помѣщаемъ послѣ текста, въ Appendix critica.

Нашъ комментарій прежде всего и главнымъ образомъ — реальный; мы полагали, что таковой наиболѣе нуженъ современному читателю. О языкѣ и стилѣ Аристида вообще говорится во введеніи.

Въ „Приложеніяхъ“ мы помѣстили, во-первыхъ, нѣкоторые тексты, которые неудобно было помѣщать въ комментаріѣ, напр. вслѣдствіе ихъ значительнаго размѣра, во-вторыхъ, тексты, представляющіе, такъ сказать, membra disiecta генеральнаго панегирика Риму, отдѣльные элементы и мотивы его, и, въ третьихъ, экскурсъ объ epitheta ornantia древняго Рима.

---

[1]) Die Kultur der Gegenwart, I, 8, стр. 163: „Die vornehmste literarische Verherrlichung des Reiches, die es überhaupt giebt, ist die Rede, die Aristides von Smyrna unter Pius auf Rom in Rom gehalten hat...“ и стр. 167: „Zwar nicht sein (Аристида) Panathenaikos, aber wohl seine Rede auf Rom dürfte durch einen Kommentar, der Inhalt und Form gleich zur Geltung brächte, auf eine Höhe gehoben werden, die an den Panegyricus des Isokrates mindestens nahe kommt.“

Панегирикъ Риму

Элія—Аристида.

---

1. Предпринимающіе морское или сухопутное путешествіе обыкновенно даютъ обѣты, какой кто придумаетъ; а одинъ поэтъ сказалъ въ шутку, что онъ далъ обѣтъ принести въ жертву „златорогій ладанъ“. Я же, господа, во время путешествія сюда по сушѣ и морямъ далъ обѣтъ, вполнѣ художественный, вполнѣ соотвѣтствующій моему положенію и моей профессіи, именно, обѣщался, если прибуду сюда благополучно, произнести публично рѣчь городу. Но обѣщать рѣчь, вполнѣ соотвѣтствующую этому городу, нельзя было; собственно мнѣ нужно было помолиться даже о томъ, чтобы хватило силъ хотя взяться за такую рѣчь, которая бы соотвѣтствовала такому величію города. Я, разумѣется, далъ обѣтъ произнести рѣчь, которая будетъ по моимъ силамъ, такъ какъ вѣдь и другіе, дѣлая приношеніе по своимъ силамъ, удовлетворяютъ этимъ боговъ.

Господа жители этого великаго города! Если вы сколько-нибудь желаете, чтобы я не оказался нарушителемъ обѣта, то поддержите съ своей стороны мое дерзновенное начинаніе, дабы я, выступая (здѣсь) съ первою похвальною рѣчью, могъ сказать, что мнѣ съ самаго начала посчастливилось встрѣтить такихъ слушателей, предъ которыми человѣкъ, по словамъ Еврипида, даже будучи прежде неискуснымъ, становится искуснымъ и ловкимъ ораторомъ и можетъ говорить о такихъ предметахъ, которые ему собственно не по силамъ.

Вашъ городъ величаютъ всѣ и будутъ величать; но этимъ они умаляютъ его болѣе, чѣмъ своимъ молчаніемъ, поскольку, безмолвствуя, нельзя сдѣлать его ни большимъ, ни меньшимъ, и онъ остается для знакомящагося съ нимъ цѣлымъ, а рѣчи даютъ не тотъ результатъ, какой собственно должны бы давать: восхваляя, мы не показываемъ въ подлинномъ видѣ то, чему удивляемся. Если живописецъ берется художественно воспроизвести красиваго человѣка, привлекающаго къ себѣ взоры всѣхъ, и не въ состояніи этого сдѣлать, то всякій въ правѣ, конечно, сказать, что полезнѣе бы было и не писать совсѣмъ, а или показать оригиналъ или не показывать неудовлетворительное его воспроизведеніе. Такъ, мнѣ кажется, обстоитъ дѣло и съ вашимъ городомъ: рѣчи отнимаютъ у него значительную часть его достопримѣчательностей и панегиристы поступаютъ такъ, какъ если бы кто, желая точно опредѣлить количество какого-либо войска, напр. Ксеркова, говорилъ бы, что видѣлъ десять или двадцать тысячъ, а конницы столько-то и столько-то, не обозначая этимъ даже и малой части всего цѣлаго своими восторженными словами.

Да, впервые недостаточность слова человѣческаго обнаруживается на вашемъ городѣ. О немъ не только нельзя говорить соотвѣтственно его значенію, но его нельзя даже осмотрѣть надлежащимъ образомъ, а, право, для этого нуженъ нѣкій всезрящій Аргусъ, а еще вѣрнѣе—самъ владыка его, всезрящій богъ. Въ самомъ дѣлѣ, столько возвышеній здѣсь занято зданіями, столько равныхъ мѣстъ заселено, такая громадная площадь объединена именемъ одного города! Кто съ какого возвышенія можетъ хорошо осмотрѣть все это! Совершенно какъ говоритъ Гомеръ о снѣгѣ: „онъ вершины горъ высокихъ и выдающіеся холмы“ покрываетъ „а равно цвѣтущія степи и тучныя пахарей нивы; разсыпался онъ по пристанямъ и по берегамъ сѣдого моря“—такъ точно и этотъ вашъ городъ: онъ покрываетъ высокіе холмы, покрываетъ между ними равнины, простирается онъ и до моря, на которомъ—общее торжище людей и общее распредѣленіе произведеній земли. Гдѣ

бы кто въ немъ ни очутился, онъ все-таки въ срединѣ его. Онъ не только закрываетъ поверхность земли, но необыкновенно высоко воздымается къ небу, такъ что высоту его можно сравнить не со слоемъ снѣга, а скорѣе съ самою возвышенностью. И подобно тому, какъ человѣкъ, много превосходящій другихъ ростомъ и силою, не довольствуется этимъ, а беретъ на себя другихъ и носитъ, такъ и этотъ городъ: ему мало того, что самъ онъ раскинулся на такой огромной площади, нѣтъ, онъ взялъ на себя другіе, столь-же большіе города и несетъ, нагромоздивъ одинъ на другой. По этому и имя его нарицательное (именно-Рома, Сила); да, то, что здѣсь передъ нами, это именно-сила. Если бы кто захотѣлъ его совсѣмъ развернуть, всѣ эти города, теперь воздушные, поставить на землѣ одинъ возлѣ другого, то все протяженіе Италіи, нынѣ не занятое, было бы заполнено и образовался бы одинъ непрерывный городъ, вплоть до Іонійскаго моря. Такова его величина; а я ея все еще, быть можетъ, не представилъ надлежащимъ образомъ,--зрѣніе можетъ лучше свидѣтельствовать; однако о немъ нельзя, какъ объ остальныхъ городахъ, сказать, что онъ вотъ здѣсь. О городѣ Аѳинянъ и Лакедемонянъ кто-то сказалъ, что городъ однихъ изъ нихъ можетъ казаться вдвое больше, чѣмъ его могущество, а другихъ, наоборотъ,—ниже его. Да не будетъ это сравненіе вамъ въ обиду!—О вашемъ городѣ, во всѣхъ отношеніяхъ великомъ, нельзя сказать, что его могущество не соотвѣтствуетъ такой его громадности; напротивъ, посмотрѣвъ на всю державу его, можно перестать удивляться городу, видя, что онъ составляетъ только весьма незначительную часть всей этой территоріи, и опять, увидѣвъ самый городъ и предѣлы его, уже не удивляться болѣе тому, что такому городу подчиняется земля. Какой-то писатель сказалъ относительно Азіи, что, гдѣ только проходитъ солнце, надъ всѣмъ этимъ пространствомъ властвуетъ одинъ человѣкъ; но это—невѣрно, если онъ не исключалъ всю Африку и Европу изъ числа странъ между востокомъ и западомъ. А вотъ теперь это видимъ дѣйствительно

осуществившимся: путь солнца равенъ вашимъ владѣніямъ, солнце совершаетъ путь свой все по вашей территоріи. Вѣдь ни утесы морскіе, ни Хелидоніи и Кіанеи не ограничиваютъ вашей державы; ширина ея до моря не опредѣляется дневнымъ бѣгомъ коня; вы властвуете не въ границахъ, особо, искусственно обозначенныхъ; никто другой не объявляетъ, до котораго мѣста простирается ваша власть; нѣтъ, море, какъ-бы нѣкій поясъ, лежитъ по срединѣ и земли и вашей державы, а вокругъ него лежатъ „великіе величественно“ материки, постоянно поставляющіе что-нибудь вамъ изъ своихъ произведеній.

А доставляется со всей земли и моря все, что даетъ каждое время года и каждая мѣстность, что даютъ рѣки, озера и искусства и ремесла Грековъ и варваровъ, такъ что, если кто хочетъ все это увидѣть, то долженъ или объѣхать всю землю или побывать въ вашемъ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ, все, что добывается и производится у каждаго народа, все это непремѣнно всегда имѣется здѣсь даже въ избыткѣ. Сюда прибываетъ столько торговыхъ судовъ съ грузами отъ всѣхъ народовъ во всякое время, во всякую смѣну поздней осени(?), что городъ представляется какъ-бы общею мастерскою(?) всей земли.

Здѣсь можно видѣть товары изъ Индіи, да пожалуй и отъ счастливыхъ Арабовъ, въ такомъ количествѣ, что кажется, будто деревья для тамошнихъ жителей остались совсѣмъ опустошенными и имъ приходится ѣхать сюда, въ случаѣ надобности, за своими-же произведеніями. Матерій изъ Вавилоніи и украшеній изъ странъ, лежащихъ далѣе, доставляется къ вамъ гораздо болѣе и это легче, чѣмъ если бы надо было съ Накса или Киѳна привезти что-нибудь изъ тамошнихъ произведеній. Ваши житницы—Египетъ, Сицилія и культивированная часть Африки. Приходъ и отходъ судовъ никогда не прекращается, такъ что можно удивляться, что не только гавани, но и самаго моря хватаетъ для грузовыхъ судовъ. Какъ Гезіодъ сказалъ объ окраинахъ океана, что де тамъ есть мѣсто, гдѣ все сходится въ одно начало и конецъ, такъ и въ

вашемъ городѣ. Все тутъ совмѣщается: торговля, мореходство, земледѣліе, очищеніе металловъ, всѣ искусства и ремесла, какія только существуютъ, все, что рождается и произростаетъ; а если чего здѣсь не видно, то того и не было или нѣтъ совсѣмъ. Въ виду этого не легко рѣшить, болѣе-ли этотъ городъ превосходитъ другіе существующіе города, или эта держава превосходитъ всѣ другія, когда-либо существовавшія.

Право, мнѣ стыдно, что послѣ стольких и такихъ опредѣленій (в. города)..... окажется, что я говорю о какой-нибудь варварской державѣ или Греческой силѣ, и мой пріемъ будетъ казаться противоположнымъ пріему Эолійскихъ поэтовъ. Тѣ, когда хотѣли что-нибудь современное умалить, то сопоставляли его съ чѣмъ-нибудь великимъ и славнымъ въ старину, полагая, что такимъ образомъ наилучше докажутъ, что требуется, я же, не имѣя возможности иначе показать превосходство вашей державы, сопоставлю ее съ прежде существовавшими малыми. Да, вѣдь вы все и самое великое сдѣлали весьма малымъ—вашимъ большимъ масштабомъ; поэтому-то я вотъ выбралъ самое значительное, а вы, пожалуй, только посмѣетесь надъ нимъ.

Итакъ, во-первыхъ, разсмотримъ Персидскую державу, о которой столько говорили нѣкогда Греки и которая доставила обладателю ея, царю, титулъ „великаго“;—о другихъ, до нея существовавшихъ, менѣе значительныхъ, я не буду говорить. Посмотримъ, по порядку, размѣры ея и положеніе дѣлъ въ ней; вѣдь надо же разсмотрѣть вопросъ о томъ, чтó сами эти цари извлекали изъ своихъ владѣній и кáкъ относились къ своимъ подданнымъ.

И вотъ оказывается, во-первыхъ: то, что значитъ теперь для васъ Атлантическій океанъ, этимъ было тогда для Персидскаго царя вообще море; море было предѣломъ его державы и власти, такъ что Іоняне и Эоляне были на границахъ его земли. А когда однажды этотъ царь отъ востока солнца до запада задумалъ было переправиться въ Грецію, то это вызвало такое великое удивленіе, которому равнялась только

неудача его предпріятія. Свое величіе онъ показалъ этимъ только въ томъ смыслѣ, что ясно стало, что онъ могъ лишиться многаго и великаго. Если же ему такъ далеко было до покоренія Греціи, а Іонія была на границѣ его владѣній, то ясно, его держава меньше вашей—не на полетъ диска или стрѣлы, а на цѣлую половину вселенной да еще съ этимъ самымъ его моремъ. Соотвѣтственно этому, и внутри, въ этихъ границахъ, онъ не всегда оказывался дѣйствительно властнымъ царемъ, а, смотря потому, каковы были силы Аѳинянъ или счастье Лакедемонянъ, онъ былъ царемъ то до Іоніи и Эолиды и моря, то опять уже даже не до Іоніи и не до моря, а только до Лидіи, не видя такимъ образомъ моря съ находящихся на западѣ Кіанейскихъ о-вовъ; совсѣмъ, какъ царь, избираемый дѣтьми въ игрѣ, то пребывая внутри страны, то спускаясь къ морю, завися отъ тѣхъ, кто признавалъ его власть. Это показало войско Агезилая и еще раньше Клеарховы десять тысячъ: первое прошло до Фригіи, какъ по своей землѣ, а тѣ проникли за Ефратъ, идя какъ по пустынѣ. А вотъ какъ Персидскіе цари наслаждались своею властью по мудрому совѣту Ойбара. Говорятъ, будто онъ первый сказалъ Киру, когда тотъ былъ недоволенъ постояннымъ странствованіемъ, что де ему непремѣнно, необходимо нужно, хотя—нехотя, посѣщать всѣ мѣстности своего царства, если хочетъ царствовать; онъ де долженъ смотрѣть, какъ кожа, когда ступишь на нее, понижается и касается земли, а гдѣ поднимешь ногу, опять подымется, и опять понижается подъ давленіемъ ноги. Это какіе-то цари переселенцы; между ними и кочевниками Скиѳами только та разница, что они кочевали не на телѣгахъ, а на парадныхъ колесницахъ. Да, (кочевники цари и блуждающіе)—и это вслѣдствіе недовѣрія и страха къ постоянному мѣсту жительства: они попирали, по истинѣ какъ какую-нибудь кожу, свою собственную землю, и такимъ образомъ держали въ своей власти то Вавилонъ, то Сузу, то Экбатану, а не умѣя владѣть ими постоянно и не заботясь о нихъ, какъ пастухи. Въ самомъ дѣлѣ, походило на то, какъ

будто они не были увѣрены въ томъ, что это ихъ держава. Они вѣдь не заботились о подданныхъ, какъ о своихъ, не увеличивали и не украшали ничѣмъ ни городовъ, ни земель; напротивъ, какъ-бы вторгшіеся въ не принадлежащее имъ, они безобразно, безнравственно эксплуатировали его, заботясь о томъ, чтобы властвовать надъ совершенно безсильными, и какъ-бы соревнуя другъ съ другомъ въ беззаконныхъ убійствахъ, каждый старался превзойти своего предшественника. Состязались они вотъ въ чемъ: ка́къ бы по возможности больше людей умертвить, какъ можно больше прогнать съ мѣста семействъ и общинъ, да нарушить какъ можно больше клятвъ. Вотъ что получали они отъ своего пресловутаго могущества, да при этомъ еще и то, что по закону природы должно сопровождать такія дѣянія,—ненависть и заговоры со стороны подданныхъ, очутившихся въ такомъ положеніи, отпаденія, кровавыя усобицы, постоянныя ссоры и препирательства.

Да, вотъ что получали они сами, какъ-бы властвуя болѣе вслѣдствіе проклятія, чѣмъ по желанію. А на долю подчиненныхъ приходилось то, что должно было приходиться подданнымъ такихъ властителей, да на это уже въ общемъ и указано. Страхъ внушала родителямъ красота дитяти, а красота жены—мужу; погибать приходилось не человѣку, совершившему много преступленій, а человѣку, много имѣющему; разрушеніе и срытіе городовъ встрѣчалось тогда почти чаще, чѣмъ теперь основаніе новыхъ; легче было уцѣлѣть, воюя, чѣмъ будучи покорнымъ, такъ какъ въ сраженіяхъ ихъ легко было одолѣть, а властью они злоупотребляли безъ мѣры; людей почтительныхъ они презирали, какъ рабовъ, а свободолюбивыхъ наказывали, какъ враговъ; и вслѣдствіе этого всегда ненавидѣли другихъ и сами были предметомъ ненависти. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь часто они больше боялись своихъ подданныхъ, чѣмъ непріятелей, прибѣгая для улаженія внутреннихъ дѣлъ большею частью къ войнѣ. Причиною всего этого было то, что цари не умѣли властвовать, а подданные не выполняли своего долга повиновенія. Да и нельзя

въ самомъ дѣлѣ быть хорошимъ подданнымъ, когда правители дурно правятъ. Да, въ тѣ времена еще не раздѣлялись понятія властвованія и деспотіи, „царь“ и „деспотъ“ было одно и то-же. Естественно, что при такихъ понятіяхъ они и не распространили своей власти далеко; имя владыки-деспота, этого рода власть не идетъ далѣе сферы домохозяйства; а, когда распространяется на города и народы, то легко устраняется.

Александръ,—перехожу къ нему—пріобрѣвшій наибольшую державу до вашей и прошедшій землю, собственно представляется мнѣ скорѣе пріобрѣвшимъ царскую власть, чѣмъ царствовавшимъ. Иной частный человѣкъ пріобрѣтетъ себѣ много хорошей земли и умираетъ прежде, чѣмъ успѣетъ получить плоды отъ нея; то-же, мнѣ кажется, случилось и съ Александромъ: онъ прошелъ по весьма большому пространству земли, покорилъ всѣхъ сопротивлявшихся ему и извѣдалъ всякія опасности, но онъ не могъ упрочить свою державу и завершить свое дѣло, онъ умеръ среди самаго теченія событій. Поэтому о немъ можно сказать, что онъ одержалъ очень много побѣдъ, а царствовалъ весьма не долго, былъ великимъ борцомъ изъ-за царской власти, но не успѣлъ пожать плоды, достойные его замысловъ и искусства; напротивъ, онъ очутился въ такомъ положеніи, какъ если бы напр. кто-нибудь, состязаясь въ Олимпіи и побѣдивъ соперниковъ, умеръ сейчасъ послѣ побѣды, не успѣвъ прочно и красиво приладить на своей головѣ побѣдный вѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе законы далъ Александръ каждой народности? какой прочный порядокъ въ финансахъ или въ военномъ или морскомъ дѣлѣ установилъ онъ? какой обычный административный механизмъ дѣйствовалъ при немъ, дѣйствовалъ самъ по себѣ, въ опредѣленномъ порядкѣ и чередованіи? Какія учрежденія ввелъ онъ у подданныхъ? Единственное достойное его дѣло и единственный памятникъ, оставленный имъ, это—названный по его имени городъ въ Египтѣ; онъ прекрасно основалъ его для васъ, чтобы вы имъ владѣли и чтобы онъ

былъ самымъ большимъ въ вашей державѣ послѣ вашего города. Да, Александръ положилъ конецъ владычеству Персовъ, а самъ почти не властвовалъ.

Когда же онъ скончался, немедленно Македонія распалась на много частей. Македоняне показали на дѣлѣ, что властвованіе надъ другими имъ не по силамъ; они не могли удержать за собою даже своей родины, а дошли до такого печальнаго положенія, что вынуждены были оставить свою родную землю, чтобы властвовать надъ чужими, словно скорѣе выселенные, чѣмъ способные владычествовать; звучало чѣмъ-то загадочнымъ „Македоняне не въ Македоніи", и, гдѣ могли, они царствовали каждый скорѣе какъ комендантъ городовъ и мѣстностей, чѣмъ правитель, какіе-то изгнанные цари, притомъ изгнаные не великимъ царемъ, а изгнавшіе сами себя; они, если можно такъ выразиться, представляли изъ себя сатраповъ безъ царя. Но такой порядокъ не похожъ-ли болѣе на разбойничество, чѣмъ на царство?

Теперь у васъ предѣлы вашей державы широко раздвинулись и нельзя измѣрить то, что они обнимаютъ. Гдѣ прежде оканчивалась держава Персовъ, если двигаться на западъ, тамъ остается еще большее разстояніе, чѣмъ отъ одного конца Персидскаго царства до другого. Все подчинено вамъ: всѣ города, народы, гавани, мѣстности—кромѣ развѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя вы признали негодными, чѣмъ вы пренебрегли, какъ безполезнымъ. И Красное Море, и водопады Нила, и Меотійское озеро, о которыхъ прежде говорили, какъ о предѣлахъ земли, теперь для вашего города какъ-бы заборъ для двора. Нѣкоторые историки прежде не вѣрили совсѣмъ въ существованіе океана и что онъ окружаетъ землю, полагая, что это де только поэты ввели въ поэзію это слово для произведенія бо́льшихъ эффектовъ; а вы этотъ самый океанъ открыли вполнѣ; вамъ сталъ извѣстенъ даже и находящійся на немъ островъ.

Такъ велика и пространна ваша держава! Но еще выше, чѣмъ по протяженію своихъ границъ, стоитъ она по сплочен-

ности своихъ частей. Въ ней не Мизійцамъ, не Саккамъ и не Писидамъ принадлежитъ царская власть и никакимъ другимъ народностямъ въ срединѣ ея, то силою поселившимся въ ней, то отложившимся, коихъ нѣтъ силъ усмирить; земля не считается номинально только царскою, принадлежащею царю, а принадлежитъ въ дѣйствительности всякому, кто могъ занимать ее; не воюютъ у васъ другъ съ другомъ сатрапы, словно у нихъ нѣтъ царя; города не становятся одни на сторону одного, другіе—другого; гарнизоны не посылаются въ одни изъ нихъ и не изгоняются изъ другихъ, но, какъ-бы какого двора вычищенная ограда(?)... такъ при васъ вся вселенная единогласна, согласнѣе хора, и вся вмѣстѣ возноситъ однѣ мольбы о томъ, чтобы нынѣшняя власть оставалась на вѣки. Такъ прекрасно управляетъ сю этотъ корифей-регентъ. Вездѣ подчиненіе одинаково; жители горныхъ мѣстностей покорнѣе жителей самыхъ низкихъ равнинъ и не думаютъ возмущаться, а жители благословенныхъ равнинъ—ваши земледѣльцы. Материкъ и островъ ничѣмъ между собою не отличаются, но все, какъ-бы одна непрерывная страна и одно племя, повинуется безропотно. Все выполняется согласно приказанію и по мановенію, легче, чѣмъ струна тронутая издаетъ звукъ; и, если что должно быть сдѣлано, нужно только рѣшеніе и—готово! Что касается правителей, посылаемыхъ въ города и области, то они—начальники для своихъ подчиненныхъ, но сами по себѣ и въ отношеніи другъ къ другу всѣ въ одинаковой мѣрѣ подчиненные. И можно прямо сказать, что они тѣмъ только выше своихъ подчиненныхъ, что сами первые показываютъ, какъ слѣдуетъ подчиняться. Такъ они боятся своего великаго правителя и общаго верховнаго распорядителя! Они убѣждены, что ему болѣе извѣстны ихъ дѣйствія, чѣмъ имъ самимъ; они чувствуютъ къ нему болѣе страха и почтенія, чѣмъ рабъ передъ своимъ господиномъ, который стоитъ надъ нимъ и приказываетъ. Ни у одного изъ нихъ нѣтъ столько заносчивости, чтобы, услышавши только имя его, отнестись къ этому пассивно; нѣтъ, каждый встанетъ

прославлятъ его, отдаетъ ему честь и возноситъ двѣ молитвы, одну за него къ богамъ, а другую ему за себя..... Если у правителей является какое недоразумѣніе касательно судебнаго дѣла или ходатайствъ подчиненныхъ, общественнаго или частнаго характера, дѣйствительно заслуживающихъ особаго вниманія, то они доносятъ немедленно объ этомъ ему, и ждутъ, пока онъ не дастъ указаній, совсѣмъ какъ хоръ отъ своего регента. Такимъ образомъ нѣтъ вовсе надобности утруждать себя, объѣзжать всю державу и, посѣщая то одну мѣстность, то другую, въ каждой устраивать мѣстныя дѣла, лично присутствуя тамъ; нѣтъ, весьма легко, сидя (въ столицѣ), править всею землею посредствомъ письменныхъ сношеній. А эти бумаги—чуть написаны и почти немедленно уже на мѣстѣ назначенія, словно разносимыя птицами пернатыми.

Теперь я укажу на то, что заслуживаетъ въ особенности удивленія и благодарности—словомъ и дѣломъ. Велика у васъ держава; такъ мощно, съ полною властью вы ею правите; но вотъ что еще выше этого—и это всецѣло и исключительно принадлежитъ только вамъ:—только вы одни изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ властителей правите свободными странами. Карія не предоставляется Тиссаферну, а Фригія—Фарнабазу и Египетъ—иному кому; извѣстный народъ не подчиненъ, какъ домъ, такому и такому-то, которому онъ отданъ въ рабство, причемъ и самъ этотъ—несвободный человѣкъ; нѣтъ, подобно живущимъ отдѣльными независимыми городскими общинами, вы какъ бы въ одномъ городѣ держите тѣ-же общественно-городскіе порядки на всей землѣ, всѣмъ назначаете властей, какъ-бы по выборамъ, и они должны начальствовать надъ подчиненными и пещись о нихъ, а не владѣть и распоряжаться ими, какъ рабами. Правитель смѣняетъ правителя, когда истекаетъ его срокъ власти; рѣдко даже застаетъ еще одинъ другого, не говоря уже о томъ, чтобы начать споръ о власти, какъ-бы данная область была его владѣніемъ.

Къ нимъ (провинціалы) аппеллируютъ, словно демоты къ суду (городовъ), причемъ рѣшеніе дѣла безпокоитъ не менѣе принимающихъ аппелляціи, чѣмъ подающихъ. Такимъ образомъ можно сказать, что нынѣшніе ваши подданные управляются посылаемыми намѣстниками въ такой мѣрѣ, въ какой сами хотятъ. Какъ же это не выше всякой демократіи? При демократіи вѣдь нельзя послѣ приговора, произнесеннаго въ данной общинѣ, обращаться въ другое мѣсто и къ другимъ судьямъ, а приходится довольствоваться этимъ рѣшеніемъ, если городъ не слишкомъ уже малъ, такъ что нуждается въ судьяхъ изъ другого города... нѣтъ, остается еще другой великій судья, который всегда во всемъ найдетъ правду. И при этомъ наблюдается большое и прекрасное равенство—между большимъ человѣкомъ и малымъ, знаменитымъ и безвѣстнымъ, между бѣднякомъ и богачемъ, знатнымъ и незнатнымъ. Сбывается сказанное Гезіодомъ: „легко даетъ силу и легко сильнаго смиряетъ“ этотъ вашъ судья и вождь, какъ требуетъ законъ,—совсѣмъ какъ вѣтеръ по отношенію къ судну: какъ извѣстно, онъ не благопріятствуетъ, и не бываетъ попутенъ болѣе богачу, а бѣдняку менѣе, но, кого ни встрѣтитъ, одинаково бываетъ полезенъ всякому.

Теперь я брошу взглядъ на исторію Грековъ, такъ какъ дошелъ въ моей рѣчи до нихъ,—хотя мнѣ и стыдно и боюсь, какъ-бы не показалось, что я останавливаюсь на мелкихъ предметахъ. Однако, какъ я только-что сказалъ, я не сопоставляю равное съ равнымъ, но, за недостаткомъ болѣе значительныхъ параллелей, вынужденъ пользоваться имѣющимися въ исторіи; затѣмъ, было бы смѣшно удивляться и указывать на то, что нельзя найти другую державу равную вашей и близко подходящую и что она затмеваетъ собою все, и откладывать сопоставленіе до тѣхъ поръ, пока можно будетъ упомянуть о равномъ,—конечно, ждать этого не приходится: вѣдь и не была бы она такъ удивительна, если бы можно было назвать другую подобную. Я отлично знаю, что государства Грековъ покажутся еще ничтожнѣе, чѣмъ та держава, кото-

рую я только-что разсматривалъ,—по размѣрамъ и важности исторіи, именно Персидской монархіи. Но превзойти варваровъ богатствомъ и численностью военныхъ силъ, а также Грековъ въ отношеніи мудрости и добрыхъ нравовъ—это я считаю самымъ важнымъ и рѣшительнымъ мотивомъ въ сужденіи о доблести и самымъ славнымъ изъ всѣхъ состязаній. Итакъ, теперь я скажу, какъ велики были государства Грековъ и какими Греки были политиками. Если окажется, что они не смогли сохранить гораздо меньшихъ государствъ, чѣмъ ваше, то ясно, что̀ отсюда вытекаетъ для нашего вопроса.

Аѳиняне и Лакедемоняне сдѣлали все ради власти и гегемоніи, и ихъ сила заключалась въ плаваніи по морю и владѣніи Кикладскими островами, Ѳракійскимъ побережьемъ, Ѳермопилами, Геллеспонтомъ и Корифасіемъ. Да, таковы были ихъ силы. Это значитъ, какъ если-бы кто, желая овладѣть человѣкомъ, ухватился за ногти и оконечности и воображалъ, что держитъ все тѣло. Такъ и они, желая пріобрѣсть гегемонію, воспользовались только островками да мысами и гаванями на берегу моря и т. подобнымъ; всѣ силы свои истощили тутъ около моря, скорѣе мечтали о гегемоніи, чѣмъ были въ состояніи пріобрѣсти ее. Становясь однако, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, во главѣ Грековъ, какъ-бы по очереди, каждый городъ не могъ сохранять за собою этого положенія, можно сказать, даже впродолженіе одного поколѣнія; да, не могъ—по крайней мѣрѣ надлежащимъ образомъ, но, какъ говорится, они одерживали Кадмову побѣду одни надъ другими въ борьбѣ изъ-за гегемоніи, какъ-бы не допуская, чтобы только все одна сторона была предметомъ ненависти, —и другая должна была подвергнуться тому-же.

Такъ, во-первыхъ, одинъ вождь Лакедемонянъ раздражилъ своимъ образомъ дѣйствій Грековъ и потому они, по своей волѣ отставъ отъ Лакедемонянъ, охотно искали себѣ другихъ властителей; затѣмъ, подчинившись Аѳинянамъ, спустя немного времени опять передумали и измѣнили: они

не могли выносить громадныхъ податей и обиранія ихъ подъ предлогомъ этихъ податей; каждый годъ ихъ влекли изъ ихъ городовъ въ Аѳины давать отчетъ о своихъ дѣлахъ; къ нимъ, на ихъ земли посылали колонистовъ и сборщиковъ собирать денегъ помимо податей, если случайно являлась какая либо особая потребность въ деньгахъ; далѣе, кромѣ этого, они не могли сохранить свои акрополи свободными, всегда зависѣли отъ демагоговъ господствовавшаго государства,—все равно, хороши-ли или дурны эти были; они должны были часто участвовать въ ненужныхъ военныхъ походахъ во время священнаго мира и празднествъ; коротко говоря, ничего имъ эта гегемонія не давала такого, ради чего стоило бы переносить все это.

Поэтому-то большинство Грековъ, недовольные Аѳинянами, перешли опять на сторону Лакедемонянъ, такъ-же, какъ раньше отъ Лакедемонянъ на сторону Аѳинянъ, но опять были обмануты Лакедемонянами: эти, объявивъ, что будутъ воевать съ Аѳинянами за независимость Грековъ, и этимъ привлекая большинство Грековъ на свою сторону, послѣ того, какъ уничтожили стѣны Аѳинъ и вообще почувствовали въ своихъ рукахъ силу, власть, дошли въ своемъ высокомѣріи до того, что установили тираніи во всѣхъ Греческихъ городахъ, называя ихъ эвфемистически декархіями. Уничтоживъ одну власть Аѳинянъ, они съ своей стороны, въ замѣнъ ея, ввели много своихъ властей, которыя, не сидя въ Аѳинахъ или въ Спартѣ, притѣсняли подчиненныхъ, а вводились во всѣхъ отдѣльныхъ городахъ, на всемъ пространствѣ и какъ-бы образуя собою сѣть. Такимъ образомъ, если бы они, начиная войну, объявили Грекамъ, что будутъ воевать съ Аѳинянами для того, чтобы вредить имъ больше и чаще, чѣмъ тѣ, и показать, что господство Аѳинянъ было свободою, то такое объявленіе ихъ какъ нельзя болѣе подтверждалось бы ихъ образомъ дѣйствій. И вотъ поэтому они были побѣждены однимъ изгнанникомъ, покинуты были Ѳиванцами, возбуждали ненависть Коринѳянъ; море наполнялось изгнанными

ихъ устроителями, такъ какъ эти сами были безпорядочны, были установлены и правили городами не соотвѣтственно своему названію.

Когда вслѣдствіе несправедливостей Лакедемонянъ, и, какъ слѣдствія ихъ, ненависти къ нимъ со стороны Грековъ, усилились Ѳиванцы и побѣдили ихъ при Левктрахъ, то одновременно Лакедемоняне были устранены и опять никто не могъ выносить Ѳиванцевъ—всего послѣ одной-то ихъ побѣды... Оказалось, что полезнѣе ихъ побѣды надъ Лакедемонянами продолженіе послѣдними оккупаціи Кадмова акрополя: такую ненависть къ себѣ возбудили Ѳиванцы!

Конечно, я привелъ это не съ цѣлью огульнаго осужденія Грековъ—подобно тому, какъ это сдѣлалъ извѣстный, возбудившій удивленіе, авторъ „Троевластія“—да не будетъ никогда такой необходимости!—нѣтъ, я хочу только доказать, что до васъ не было еще умѣнья управлять. Вѣдь если бы оно было, то было бы среди Грековъ, которые, несомнѣнно же, превосходили всѣ остальные народы мудростью. Нѣтъ, это умѣнье есть ваше изобрѣтеніе и отъ васъ перешло къ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь то, что сказано объ Аѳинянахъ, пожалуй будетъ вѣрно также и по отношенію ко всѣмъ Грекамъ. У нихъ было очень достаточно мужества, чтобы возстать противъ своихъ властителей и одолѣть Персовъ и Лидійцевъ; могли они переносить морскія экспедиціи и вообще труды, но сами властвовать они еще не научились и въ своихъ попыткахъ терпѣли неудачи.

Такъ, во-первыхъ, они посылали въ города гарнизоны, которые по численности всегда, были, конечно, не меньше тѣхъ самихъ, къ которымъ посылались и такимъ образомъ и тѣмъ, кои еще не имѣли у себя гарнизоновъ, внушали опасеніе, что Греки все хотятъ дѣлать путемъ силы и насилій. И вотъ естественнымъ результатомъ такой политики было что, во-первыхъ, власть ихъ надъ городами не была прочной и, во-вторыхъ, они возбуждали къ себѣ ненависть, вмѣсто выгоды властвованія они получали отъ него только невыгоды: выгоды

не были прочны, но прочно держалось мнѣніе, что они извлекаютъ таковыя. Что́ же потомъ?—Вѣчно разъединяясь и раздѣляясь, они становились слабѣе у себя дома и не могли сохранять за собою своихъ собственныхъ владѣній, стараясь завладѣть чужими. Они не могли посылать достаточно военныхъ силъ къ тѣмъ, надъ которыми стремились властвовать, и у себя не оставляли столько, чтобы остаться съ прежними силами; напротивъ, какъ разъ наоборотъ были не достаточно сильны внѣ, не достаточно сильны и дома, и увеличеніе ихъ власти внѣ ставило ихъ въ крайне затруднительное положеніе: у нихъ не было средствъ удерживать за собою свои пріобрѣтенія. Такимъ образомъ они должны были отступать назадъ и удачи были для нихъ затрудненіями, почти вызывали проклятія, а неудачи были легче и возбуждали менѣе опасеній. Да, право, казалось, что вмѣсто того, чтобы властвовать, они только разъединяли въ разныя мѣста свои силы и трудились только ради самого труда; одновременно съ поступленіемъ процентовъ немедленно и незамѣтно уменьшался капиталъ и, по слову поэтовъ, понижался до прежняго размѣра.

Далѣе, не въ ихъ интересахъ было, чтобы ихъ подвластные были сильны—вслѣдствіе возможности возстаній—и, съ другой стороны, нежелательно было также, чтобы они были безсильны—въ виду возможныхъ войнъ съ внѣшними врагами, чтобы въ этихъ случаяхъ было болѣе пользы отъ союза съ ними. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они походили на играющихъ въ извѣстную игру, гдѣ участвующіе то двигаются впередъ, то опять тащатъ назадъ; они не знали, что дѣлать, и, желая въ одно и то-же время, чтобы подвластные ихъ были и сильны и слабы, возились съ ними и водили ихъ, и не могли при этомъ сказать, надъ чѣмъ собственно трудятся. А вотъ что особенно смѣшно и странно: на возставшихъ своихъ союзниковъ они заставляли идти остальныхъ, замышлявшихъ то-же самое; это все равно, какъ если бы они убѣждали возставшихъ идти противъ нихъ самихъ; они не давали себѣ отчета въ томъ, что это они вели держащихъ

сторону ихъ враговъ противъ этихъ-же послѣднихъ, вели тѣхъ, для которыхъ, конечно, невыгодно было во вредъ себѣ выказывать, что они готовы ревностно помогать остальнымъ (союзникамъ). Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ они достигали противоположнаго тому, чего желали и что было бы въ ихъ интересахъ. Въ самомъ дѣлѣ, желая возвратить себѣ отпадающихъ, они могли и остававшихся вѣрными сдѣлать измѣнниками; они вѣдь показывали, что, оставаясь вѣрными имъ, тѣ будутъ обращать оружіе одни противъ другихъ въ угоду властвующему государству, а отложившись, всѣ будутъ имѣть обезпеченную независимость, такъ какъ въ концѣ концовъ не будетъ кому ихъ возвращать въ прежнее положеніе. Итакъ они были по отношенію къ себѣ самимъ хуже измѣнявшихъ имъ союзниковъ, поскольку тѣ отлагались отъ нихъ каждые въ отдѣльности, а сами они своимъ образомъ дѣйствія вели ко всеобщему отпаденію.

Такъ-то: тогда еще не было системы во властвованіи: люди стремились къ нему, не зная его, и, хотя владѣли только немногимъ и какъ-бы краями..., не смогли однако сохранить за собою и этого—вслѣдствіе неопытности во властвованіи и безсилія, не правя городами гуманно и не будучи въ силахъ держать ихъ властно; власть ихъ была въ одно и то-же время и обременительной и безсильной. Кончалось поэтому тѣмъ, что эти государства, общипанныя, какъ Эзопова галка, въ одиночку боролись со всѣми.

Это искусство, не дававшееся, можно сказать, ни одному народу прежде, суждено было открыть и довести до совершенства вамъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: и въ остальныхъ дѣлахъ на матеріалѣ обнаруживается искусство; такъ, когда образовалась величайшая держава и выдающееся могущество, то на ней выработано, на ней проявилось и соотвѣтственное искусство, и они увеличивались одно отъ другого: вслѣдствіе величины державы должна была непремѣнно явиться и опытность, и опять вслѣдствіе умѣнія властвовать въ то-же время справедливо и естественно увеличивалась и держава.

И во-первыхъ, болѣе всего достойна вниманія и удивленія ваша щедрость въ дарованіи права вашего гражданства и величіе при этомъ политической мысли, такъ что ничего подобнаго нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Именно вы раздѣлили на двѣ категоріи (половины) всѣхъ людей, подчиняющихся вашей власти, иными словами,—всю вселенную, и всѣ элементы болѣе симпатичные, благородные и сильные сдѣлали гражданскими или даже единоплеменными, а остальныхъ—подданными, подвластными. И ни море не мѣшаетъ быть гражданиномъ, ни отдаленность мѣстности на сушѣ; Азія и Европа не раздѣлены въ этомъ отношеніи. Доступно все всѣмъ; никто не чужой, кто только достоенъ власти или довѣрія, но установилось нѣкое общее міровое народоправленіе—подъ однимъ наилучшимъ правителемъ и блюстителемъ порядка; и всѣ собираются какъ-бы на общій форумъ, чтобы получить каждому, что слѣдуетъ по его заслугамъ. То, что городъ вообще для своихъ предѣловъ и земель, этимъ вашъ городъ является для всей земли, какъ-бы сдѣланный общимъ городомъ для нея. Можно сказать, что всѣ люди—періэки или живутъ по демамъ и собираются въ одинъ этотъ вашъ акрополь; и онъ никогда не отвергалъ ихъ, но, какъ твердь земная держитъ всѣхъ, такъ и онъ принимаетъ въ себя людей со всей земли, словно море рѣки. У него съ моремъ общее еще слѣдующее: и море не увеличивается отъ впаденія въ него рѣкъ, и на этомъ городѣ, при его величинѣ, не замѣтно никакое приращеніе: подобно тому, кто беретъ къ себѣ что-либо за пазуху, этотъ городъ все въ себѣ держитъ скрытно, при прибыли и убыли оставаясь все тѣмъ-же. Но это такъ къ слову пришлось—для сравненія; возвращаюсь къ главному. Какъ я сказалъ, будучи велики, вы взяли великій масштабъ для своего города и не сдѣлали его гордымъ въ самомнѣніи и удивительнымъ тѣмъ, что не удѣляли правъ его (гражданства) остальнымъ, но поискали населеніе достойное его. Римское имя вы сдѣлали не обозначеніемъ города, но-нѣкоей общей національности, и при томъ не одной изъ числа всѣхъ, а перевѣшивающей всѣ

остальныя. Вѣдь вы теперь не раздѣляете націи на Грековъ и варваровъ, нѣтъ! вы сдѣлали смѣшнымъ это дѣленіе, предоставляя имъ свой городъ, болѣе многолюдный, чѣмъ, можно сказать, все Греческое племя, а взамѣнъ того раздѣлили всѣхъ на Римлянъ и не-Римлянъ—такое широкое значеніе вы дали имени вашего города!

При такомъ дѣленіи элементовъ народонаселенія, въ каждомъ городѣ много вашихъ согражданъ, гражданъ вполнѣ, какъ-бы изъ вашихъ единоплеменниковъ—изъ нихъ нѣкоторые даже и не видѣли еще своего города; и нѣтъ надобности въ гарнизонахъ для занятія акрополей, но въ каждомъ городѣ люди самые выдающіеся и вліятельные сохраняютъ въ вѣрности вамъ свои родные города. Такимъ образомъ вы двояко держите города въ повиновеніи,—отсюда и черезъ нихъ самихъ. Никакой зависти не проявляется изъ-за властвованія, такъ какъ вы сами подали примѣръ широкой щедрости, сдѣлавъ все общедоступнымъ и предоставивъ возможность способнымъ къ тому не быть подчиненными, а скорѣе править въ свою очередь. Поэтому и тѣ, которые поставлены ниже, не питаютъ къ вамъ ненависти. Такъ какъ ваше гражданство общедоступно и городъ какъ-бы одинъ, то, естественно, ваши правители управляютъ не какъ чужими, а какъ своими согражданами. Кромѣ того, положеніе всѣхъ общинъ обезпечено отъ посягательствъ со стороны лицъ выдающихся и власть имѣющихъ у нихъ: если они дерзаютъ допускать какое беззаконіе, то немедленно ихъ постигаетъ вашъ гнѣвъ и наказаніе. Такимъ образомъ, естественно, и бѣдные и богатые довольны существующимъ порядкомъ и находятъ его для себя полезнымъ, и не остается другого образа жизни. Предъ нами единый, согласованный политическій строй, обнимающій всѣхъ. То, что прежде казалось несовмѣстнымъ, при васъ осуществилось, именно—сила власти и вмѣстѣ гуманность... Поэтому города свободны отъ гарнизоновъ; батальоновъ и эскадроновъ достаточно для охраны цѣлыхъ областей; да и тѣ не размѣщены по городамъ каждой области въ большомъ числѣ,

а разсѣяны по странѣ, среди остальнаго населенія. Вслѣдствіе этого многія области и не знаютъ, гдѣ находится назначенная для ихъ охраны военная сила. Если же случится, что какой-либо городъ вслѣдствіе выдающейся величины уже не можетъ самъ по себѣ поддерживать у себя порядокъ, то вы и такимъ не отказываете въ назначеніи особыхъ начальствующихъ лицъ и охранителей.

Всѣ охотнѣе вамъ посылаютъ подати, чѣмъ иные получали бы ихъ сами отъ другихъ. И это естественно: управленіе въ рукахъ тѣхъ, для кого оно не по силамъ, не благодѣтельно, подчиненіе же выше стоящимъ, это, какъ говорится, —второе плаваніе, а вами оно сдѣлано теперь даже первымъ. И вотъ всѣ крѣпко держатся за васъ и такъ-же мало расположены оставить васъ, какъ плывущіе на кораблѣ—своего кормчаго; напротивъ, какъ летучія мыши въ пещерахъ держатся одна за другую и за камни, прильнувъ къ нимъ, такъ и васъ всѣ держатся, въ большомъ страхѣ и заботясь, какъ бы кто не отвалился отъ этой кучи; скорѣе они боятся быть покинуты вами, чѣмъ думаютъ оставить васъ. Вмѣсто соревнованія изъ-за власти и первенства, бывшихъ причиною всѣхъ прежнихъ войнъ, теперь одни съ удовольствіемъ пребываютъ въ покоѣ, какъ тихо текущая вода, довольные, что избавились отъ страданій и бѣдъ, и убѣжденные, что прежде гонялись за призраками; а иные и совсѣмъ не знаютъ, властвовали-ли когда нибудь, не могутъ этого припомнить, но совсѣмъ, по разсказу Памфила, или, если не Памфила, то Платона, города́, какъ-бы уже лежавшіе на кострѣ—вслѣдствіе ихъ взаимной вражды и смутъ, сразу приняли вашу гегемонію и вдругъ ожили; но, ка́къ это съ ними случилось, они не могутъ сказать, и вообще они знаютъ только одно—удивляться существующему порядку; они словно были пробуждены отъ сна и, вмѣсто представлявшихся имъ сновидѣній, увидѣвъ господствующій теперь порядокъ, пришли опять въ себя. Что касается войнъ, то они уже не вѣрятъ даже, что когда-либо войны происходили дѣйствительно; большинство людей слу-

шаетъ разсказы о нихъ, какъ-бы какіе-то миѳы; и если бы и теперь гдѣ они начались на окраинахъ,—что, конечно, возможно, на громадной, неизмѣримой территоріи вашего государства—вслѣдствіе безумія Гетовъ или обездоленных Ливійцевъ или безразсудныхъ обитателей береговъ Краснаго Моря, которые не могутъ воспользоваться существующими благами,—то, право, эти войны—совсѣмъ какъ вымыслы: они проходятъ быстро, а равно и разсказы о нихъ.

Да, таковъ царитъ у васъ миръ, несмотря на то, что война—ваше дѣло отъ временъ предковъ .... У васъ вчерашніе шорники и плотники не становятся сегодня уже гоплитами и кавалеристами, не превращается, какъ на сценѣ въ театрѣ, въ солдата человѣкъ только-что бывшій земледѣльцемъ; вы не смѣшиваете спеціальностей, у васъ, не какъ въ бѣдномъ домѣ, въ которомъ одни и тѣ-же—и повара и привратники и комнатные слуги; вы не ждете, пока люди иныхъ профессій изъ нужды не запишутся въ солдаты, и не допускаете, чтобы непріятели призывали васъ къ оружію........ Я говорилъ уже вообще о вашей державѣ и политическомъ строѣ, именно о томъ, какую систему вы избрали и какъ примѣнили ее на дѣлѣ. Въ частности же о войскѣ и военныхъ порядкахъ умѣстно будетъ сказать теперь, кáкъ вы поняли и военное дѣло и какую организацію ему дали. Несомнѣнно, удивительна мудрость, обнаруженная вами и въ этой области, и вполнѣ соотвѣтствующей аналогіи себѣ не имѣетъ.

До выдѣленія (изъ всего народа) войска додумались, правда, уже Египтяне и считали весьма мудрымъ нововведеніемъ то, что у нихъ защитники страны поставлены были совершенно особо отъ остальныхъ жителей, какъ и во многомъ другомъ Египтяне считали себя мудрѣе остальныхъ народовъ. Вы дошли до того-же принципа, но примѣнили его не такимъ-же образомъ: у васъ раздѣленіе лучше, мудрѣе, поскольку при ихней организаціи нельзя было и тѣмъ и другимъ элементамъ имѣть одинаковыя права гражданства и одни военные, перенося труды всю жизнь, были въ худшемъ

положеніи сравнительно съ мирными жителями, и потому, надо полагать, и не долюбливали послѣднихъ; у васъ же, при существованіи общаго равенства правъ, возможно военную силу поставить особо. Поэтому-то мужество Грековъ и Египтянъ и кого бы еще тамъ ни назвать, оказывается, уступаетъ вашему. И, будучи настолько слабѣе васъ по силѣ оружія, всѣ они еще болѣе остаются позади, что касается практическаго пониманія дѣла. Военную службу и безпокойства, сопряженныя съ нею, для гражданъ изъ вашего города вы не считали приличными вашему государству и настоящему благоденствію, а не-гражданамъ вы не довѣряли, солдаты же нужны были непремѣнно. Ка́къ же вы поступили? Вы придумали свое войско, причемъ граждане, не отягощались, какъ таковые, военною службою. Возможность имѣть такое войско дали вамъ ваша общегосударственная политика и не-устраненіе перегриновъ отъ всѣхъ тѣхъ службъ, которыя они могутъ и должны нести. Како́въ же этотъ наборъ, ка́къ онъ производится? Вы отправляетесь въ провинціальныя общины и тамъ высматриваете людей, которые годились бы для этой службы; а найдя таковыхъ, вы въ то-же время исключаете ихъ изъ общинъ и одновременно даете имъ права вашего города, такъ что впослѣдствіи всегда они, пожалуй, стыдятся называть себя гражданами той общины, въ которой нѣкогда числились гражданами. Сдѣлавъ гражданами, вы такимъ образомъ дѣлаете ихъ и солдатами, и такимъ образомъ граждане, принадлежащіе къ извѣстной общинѣ, не несутъ военной службы, а несущіе ее остаются вполнѣ гражданами, такъ какъ, лишившись своего прежняго гражданства со вступленіемъ въ ряды войска, становятся съ того-же самаго дня гражданами вашего города и хранителями его. И всѣ слѣдуютъ вашему призыву; ни одинъ городъ не тяготится; вы требуете отъ отдѣльныхъ городовъ такое количество солдатъ, что оно и необременительно для дающихъ и недостаточно для образованія у нихъ ихъ особаго мѣстнаго войска. Поэтому города очень благодарны тѣмъ, которые высылаются отъ

нихъ въ ваши арміи, такъ какъ они образуютъ общее войско, а особо у каждаго города изъ его гражданъ нѣтъ никакой военной силы, взятые же въ военную службу, они обращаютъ взоры только къ вамъ, потому что въ этомъ смыслѣ прекрасно организованы.

Выбравъ для войска самыхъ лучшихъ людей отовсюду, вы отъ этого получили громадную выгоду. Вы вѣдь не держитесь того убѣжденія, что для общественныхъ сборищъ и состязаній изъ-за вѣнковъ наиболѣе красивые, наиболѣе рослые и сильные люди должны предварительно упражняться, а будущіе борцы и побѣдители на самыхъ великихъ и истинныхъ состязаніяхъ, тѣ, коимъ предстоитъ одерживать всѣ побѣды за столь великую державу, могутъ собираться лишь въ случаѣ надобности, и не надо де, чтобы заранѣе выбирались изъ всѣхъ люди самые рослые и наиболѣе для дѣла годные и упражнялись бы такъ, чтобы, разъ очутившись передъ врагомъ, съ самаго-же начала имѣли перевѣсъ; нѣтъ, вы будущихъ борцовъ тщательно выбираете (изъ подчиненныхъ вамъ), давая вознагражденіе, на которое я указалъ, такъ что они не должны потомъ завидовать другимъ, остающимся въ своемъ городѣ, какъ-бы неравноправные съ этими по прежнему, но имѣютъ получить, какъ отличіе, участіе въ вашемъ гражданствѣ; найдя же ихъ и расположивъ къ себѣ такимъ образомъ, вы отводите ихъ къ границамъ имперіи и, помѣстивъ тамъ въ разныхъ пунктахъ, поручаете имъ охранять одними одни, другимъ другія мѣста.

Этимъ самымъ вы позаботились и рѣшили вопросъ о стѣнахъ города. Теперь кстати и объ этомъ вопросѣ.

Нельзя сказать, чтобы вашъ городъ былъ безъ стѣнъ, какъ у надменныхъ Спартанцевъ, но также нельзя сказать и того, чтобы вашъ городъ былъ совсѣмъ заключенъ въ стѣнахъ, какъ великолѣпный Вавилонъ или другой какой городъ, прежде или послѣ обведенный величественными стѣнами; но вы сдѣлали также то, что даже укрѣпленія Вавилона кажутся игрушечными и по истинѣ сооруженіемъ женщины.

Окружать стѣнами самый городъ, какъ-бы желая скрыть его или убѣгая отъ подчиненныхъ вамъ, вы считали неблагоразумнымъ и не соотвѣтствующимъ вообще вашей политикѣ; вѣдь это выходило бы то-же, какъ если бы господинъ оказался боящимся своихъ рабовъ. Однако вы подумали и о стѣнахъ, только ими вы окружили вашу державу, а не городъ. Вы ихъ поставили какъ можно далѣе (отъ него) - великолѣпныя, достойныя васъ стѣны, невидимыя для живущихъ внутри обнимаемаго ими круга; а если кто хочетъ увидѣтъ ихъ, тому предстоитъ путь, если начинать его отъ столицы, на цѣлые мѣсяцы и годы.... Да, уже за самой периферіей вселенной вы, совсѣмъ какъ при укрѣпленіи города, провели другую линію, съ болѣе удобными изгибами и болѣе удобную для защиты, а на ней возвели стѣны и построили пограничные города, одни въ одномъ, другіе въ другомъ мѣстѣ, заселили ихъ колонистами, коимъ дали соотвѣтственныя искусства и ремесла и завели во всемъ порядокъ. И, какъ ровъ кругомъ, по всей линіи окружаетъ лагерь..... Если вычислять длину этихъ стѣнъ, то окажется не десять парасанговъ и не двадцать или нѣсколько больше этого, да и нельзя прямо опредѣлить, сколько; но все то, что заключается между населенною частью Эѳіопіи, Фазисомъ вотъ здѣсь и Евфратомъ на востокѣ, а на западѣ великимъ крайнимъ островомъ,—все это можно назвать кругомъ, обведеннымъ стѣнами.

Эти стѣны не сдѣланы изъ горной смолы и обожженнаго кирпича и не блестятъ штукатуркою; однако и онѣ, обычной, смотря по мѣстностямъ, постройки, во многихъ мѣстахъ сдѣланы изъ камней, какъ въ стѣнѣ дома у Гомера, плотно сложенныхъ и точно одинъ къ другому пригнанныхъ, громадны по размѣрамъ и блестятъ ярче мѣди; но другая линія, гораздо бо́льшая и болѣе величественная, вездѣ несокрушимая и неразрывная, затмѣвающая собою всѣ иныя и крѣпче всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, это—воины, что на этихъ стѣнахъ стоятъ, не признающіе бѣгства, такъ плотно стоящіе одинъ возлѣ другого, какъ Мирмидоняне у Гомера который

ихъ сравниваетъ со стѣною дома, о которой я упоминалъ, воины, вооруженные всякими военными доспѣхами; шлемъ отъ шлема такъ близокъ, что негдѣ между ними стрѣлѣ упасть; а поднятые надъ ихъ головами щиты могутъ быть мѣстомъ для бѣговъ, болѣе прочнымъ, чѣмъ устраиваемыя въ городахъ, такъ какъ на немъ могутъ скакать даже всадники; прямо скажешь, что видишь передъ собою, какъ выражается Еврипидъ, „мѣдью покрытое поле“; панцыри (?) такъ пристаютъ одинъ къ другому, что, если (среди вооруженныхъ воиновъ) поставить одного безъ панцыря, то довольно только сомкнуть рядъ (?); копья, словно съ неба падающія кругомъ капли дождя, касаются одно другого. Такова-то эта стройная цѣпь . . . .
. . . .

Въ старину Дарій съ Артаферномъ и Датисомъ могъ взять одинъ городъ на какомъ-то островѣ посредствомъ сѣти; а вы, если можно такъ выразиться, окружили сѣтью всю вселенную и такимъ образомъ охраняете ее—посредствомъ общихъ ея гражданъ и перегриновъ, которыхъ вы, какъ я сказалъ, выбрали изъ числа всѣхъ и вывели на окраины, обнадеживъ всѣхъ безупречно служащихъ увѣреніемъ, что не придется раскаиваться въ этомъ, что де не въ силу благороднаго происхожденія будутъ занимать первыя, вторыя и т. д. мѣста, а каждый будетъ занимать такое мѣсто, какого заслуживаетъ, такъ какъ подборъ де лучшихъ опредѣляется не пустыми словами, а дѣлами; и, примѣняя эти правила на дѣлѣ явно для всѣхъ, вы достигли того, что всѣ считаютъ праздность несчастьемъ для себя, а труды—средствомъ къ достиженію желаній, въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля проявляютъ согласіе, а другъ съ другомъ состязаются изъ-за отличій всю жизнь, и во всемъ свѣтѣ только ваши воины молятся о томъ, чтобы найти врага. Поэтому, видя упражненія и строй вашихъ войскъ, вспомнишь слова Гомера, что, если бы противниковъ было и вдесятеро больше, они скоро бы были обращены вспять и взяты (всѣ) до одного человѣка(?); а когда обратишь вниманіе на пополненіе ихъ рядовъ, наборъ, то

приходятъ на память слова́ того Египтянина, который, когда Камбизъ разорялъ его страну и разрушалъ святилища, ставъ на стѣнахъ Ѳивъ, поднялъ вверхъ въ рукѣ комокъ земли и чашу воды изъ Нила, желая этимъ символически выразить ту мысль, что, пока царь не будетъ въ состояніи передвинуть съ мѣста самый Египетъ и рѣку Нилъ и расхитить ихъ, то онъ еще не завладѣлъ богатствомъ Египта и что вскорѣ у нихъ вмѣсто похищеннаго и разрушеннаго явится опять столько-же, такъ какъ остаются эти основанія и источники богатства, и что никогда, слѣдовательно, богатство Египта не иссякнетъ совсѣмъ. Это-же можно подума́ть и сказать также о вашемъ войскѣ, именно, что до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не будетъ въ состояніи сдвинуть съ мѣста самую территорію вашу и сдѣлать пустою и пока вселенная должна оставаться на своемъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ не можетъ оказаться у васъ недостатка въ войскѣ, его будетъ у васъ столько, сколько захотите, со всѣхъ концовъ земли.

Далѣе, по истинѣ сказать, и въ отношеніи военнаго строя и дисциплины всѣ люди по сравненію съ вами оказались дѣтьми. Вы требуете отъ вашихъ солдатъ и командировъ практики, упражненій не только въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, но прежде предварительно между собою; всякій день каждый воинъ проводитъ въ строю и никогда не покидаетъ назначеннаго ему поста; какъ-бы въ какомъ-то постоянномъ хорѣ, каждый знаетъ и занимаетъ свое мѣсто, а къ занимающему высшій постъ другой, занимающій низшій, не питаетъ изъ-за этого зависти, и самъ требуетъ себѣ полнаго подчиненія отъ тѣхъ, кои поставлены ниже его.

Досадно, что другіе уже сказали о Лакедемонянахъ, что, за исключеніемъ немногихъ, въ ихъ войскѣ всѣ—начальники начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, для васъ бы слѣдовало приберечь эти слова и примѣнить ихъ къ вамъ—сказавшій ихъ сдѣлалъ это раньше времени. Войско Лакедемонянъ, пожалуй, по своей численности было такъ незначительно, что ничего нѣтъ страннаго, если бы всѣ въ немъ были на-

чальниками. Но вотъ, когда при такомъ большомъ числѣ воинскихъ частей и народностей, что нелегко узнать даже названія ихъ, начиная отъ одного лица, все обнимающаго и все блюдущаго: провинціи, города, войска и самихъ главноначальствующихъ,—рядъ лицъ начальствующихъ оканчивается однимъ такимъ, которому подчинено всего четыре или два человѣка—мы пропускаемъ всѣ промежуточныя ступени,—когда, какъ въ клубкѣ(?) пряжи, круги все съуживаются и такъ эта непрерывная подчиненность проведена до конца,—то какъ же это не выше всякаго человѣческаго строя? Мнѣ хочется привести здѣсь извѣстныя слова Гомера, измѣнивъ ихъ немного въ концѣ: „Зевса, я, мню, такова Олимпійца держава“. Въ самомъ дѣлѣ, когда одинъ правитъ столь многими, а другіе всѣ—слуги и посланцы его, гораздо ниже его, но выше тѣхъ, о коихъ заботятся, когда они совершаютъ все безъ крику и замѣшательства, въ полномъ повиновеніи, когда нѣтъ мѣста зависти, во всемъ вездѣ справедливость и уваженіе и никто не лишается награды за доблесть,—то какъ къ этому не примѣнить этихъ словъ Гомера?

Мнѣ кажется, что и въ самой общинѣ вашей вы установили политическій строй не такой, какъ у остальныхъ людей. Прежде обыкновенно различалось три формы политическаго строя, каждая съ двумя видовыми подраздѣленіями, соотвѣтствовавшими извѣстному образу дѣйствія правящихъ лицъ, именно: царская власть и тираннида, аристократія и олигархія, въ-третьихъ демократія,—хорошая и извращенная. Города имѣютъ у себя каждый одну изъ этихъ формъ—по собственному выбору или вслѣдствіе стеченія случайныхъ обстоятельствъ. Вашъ же общинный строй не таковъ, какъ эти, а представляетъ какъ-бы смѣшеніе всѣхъ, но безъ дурныхъ сторонъ, присущихъ каждому изъ нихъ. Такимъ образомъ появился подобнаго рода строй. Если принять въ соображеніе значеніе народа и то, какъ легко онъ достигаетъ, чего хочетъ и требуетъ, то признаешь, что вашъ государственный строй есть народоправленіе и что при немъ нѣтъ только

заблужденій народа; если же посмотришь на сенатъ, совѣщающійся и имѣющій право на занятіе магистратуръ, то выходитъ уже, что этотъ строй—самая настоящая аристократія; а если обратить вниманіе на блюстителя всего этого и главу, отъ котораго и народъ получаетъ то, что ему нужно, и сенатъ—свою власть и силу, то въ немъ мы видимъ лицо, имѣющее полную монархическую власть, но безъ дурныхъ сторонъ тиранниды и превосходящую достоинствомъ власть царя.

Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что именно только вы одни такъ оригинально устроили все въ вашей державѣ и въ самой вашей общинѣ. Вѣдь вы одни—правители, можно сказать, по природѣ. Другіе, что властвовали до васъ, были деспотами и рабами одни другихъ поочередно и самозванцами владычества, кончали такъ, какъ играющіе въ мячъ мѣняютъ свои мѣста: рабствовали Македоняне Персамъ, Персы—Мидійцамъ, Мидійцы—Сирійцамъ; васъ же всѣ, съ коихъ только поръ знаютъ, знаютъ—властителями. И вотъ, естественно, вы, какъ искони свободные и какъ-бы прямо рожденные для власти, все, касающееся властвованія, прекрасно устроили, въ частности въ общинѣ придумали такой строй, какого никто еще до васъ не зналъ, и установили законы и порядки, обязательные для всѣхъ.

Давно уже приходитъ на память и просится на языкъ одна мысль, но доселѣ за другимъ не была высказана. Теперь, полагаю, будетъ благовременно высказать ее. Сколько величиною вашей державы, столько-же и крѣпостью и оригинальностью вашего государственнаго строя вы превосходите всѣхъ—это уже сказано. Но вѣрно, думаю, будетъ и то, что всѣ прочіе владычествовавшіе, власти которыхъ подчинялась весьма большая часть земли, властвовали надъ странами какъ-бы надъ нагими тѣлами..... Въ самомъ дѣлѣ, когда это было столько городовъ на материкѣ и на морѣ и когда́ они были въ такой степени всячески украшены? Кто́ изъ прежнихъ властителей могъ ѣздить по своимъ областямъ, каждый день встрѣчая по городу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

проѣзжать въ одинъ день черезъ два или три города, какъ-бы по улицамъ? Такимъ образомъ у прежде бывшихъ властителей не только была хуже столица государства, но и подчиненныя имъ земли, которыя были у нихъ, также какъ и у васъ, не представляли изъ себя того, что ваши теперь, и не походили на нихъ, напротивъ, можно тогдашней области противопоставить городъ, находящійся въ ней теперь. Можно, право, сказать, что тѣ властители были царями какъ-бы пустынь и гарнизоновъ, а вы одни—властители городовъ.

Теперь всѣ Греческіе города при васъ воспрянули; въ нихъ всѣ произведенія искусства соревнуютъ предъ вами, словно украшенія въ предмѣстіяхъ (в. города). Полны городами приморскія возвышенія и срединныя мѣстности материковъ, городами то основанными, то увеличеными при васъ и вами. Іонія, прежде предметъ борьбы, теперь освобожденная отъ гарнизоновъ и сатраповъ, впереди всѣхъ, первая по красотѣ; сколько прежде, по общему мнѣнію, она превосходила остальныя страны граціею и благообразностью жителей, настолько она теперь еще увеличила свою красоту сама. Величественный, великій городъ Александра въ Египтѣ служитъ теперь украшеніемъ вашей державы, какъ ожерелье или запястіе богатой женщины въ числѣ многихъ другихъ драгоцѣнностей.

Вы постоянно печетесь о Грекахъ, какъ о кормильцахъ, простираете надъ ними свою руку и какъ-бы поднимаете лежащихъ. Самые выдающіеся города и стоявшіе въ старину во главѣ другихъ вы сдѣлали вольными и автономными, а остальными правите съ умѣренностью, большою снисходительностью и заботливостью. Варваровъ, соотвѣтственно характеру каждой народности, вы воспитываете, дѣйствуя то болѣе кроткими, то болѣе энергичными мѣрами:—естественно, что правители людей въ этомъ не хуже дрессировщиковъ лошадей, а изучаютъ природу каждаго и направляютъ его соотвѣтственно ей.

И вотъ вся земля, какъ во время всеобщаго празднества, сложила съ себя старое бремя, желѣзо, и обратилась спокойная

къ украшеніямъ и всякому веселію. Никакія иныя соревнованія не служатъ (теперь) мотивами дѣятельности людей; у всѣхъ городовъ одно соревнованіе—какъ-бы каждый изъ нихъ оказался наикрасивѣе и наиприятнѣе. Вездѣ множество гимназій, водопроводовъ, пропилеевъ, храмовъ, мастерскихъ и школъ; и правильно можно сказать, что земля, какъ-бы съ самаго начала все болѣвшая, теперь оправилась. Непрестанно исходятъ отъ васъ городамъ благодѣянія и нельзя сказать, кому на долю досталось ихъ больше,—вслѣдствіе равной съ вашей стороны гуманности по отношенію ко всѣмъ. И вотъ города сіяютъ блескомъ, красотою и вся земля разукрашена, словно какой паркъ. А дымъ сигнальныхъ костровъ, своихъ и непріятельскихъ словно вѣтеръ его унесъ, изчезъ за предѣлы земель и моря; и вмѣсто его явились всякая прелесть зрѣлищъ и безконечное число состязаній; какъ священный и неугасимый огонь, не прерываясь идутъ общественныя празднества, они справляются то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, но всегда гдѣ-нибудь да есть; ибо жизнь всѣхъ гармонируетъ съ этимъ.

Поэтому должно пожалѣть только тѣхъ людей, которые живутъ за предѣлами вашей державы, если есть еще дѣйствительно такіе, пожалѣть о томъ, какихъ благъ они лишены.

Всѣ говорятъ, что земля—мать и общее отечество для всѣхъ людей; вы наилучше это показали и сдѣлали истиною. Теперь-то, наконецъ, можно и Греку и варвару—со своимъ имуществомъ или безъ него—легко передвигаться, кто куда хочетъ,—совсѣмъ какъ-бы изъ своего родного города въ родной-же. Не страшны болѣе Киликійскія Ворота, ни узкіе и песчаные пути въ Египетъ черезъ земли Арабовъ, ни непроходимыя горы, ни громадныя рѣки, ни необщительныя племена варваровъ; теперь для личной безопасности достаточно быть Римляниномъ или, вѣрнѣе, однимъ изъ вашихъ подданныхъ. Слова Гомера: „земля же обща для всѣхъ“ вы сдѣлали дѣйствительностью, измѣривъ всю вселенную, настроивъ на рѣкахъ разнаго рода мостовъ, прорѣзавъ горы и сдѣлавъ ихъ проѣзжими, настроивъ станцій въ пустыняхъ и заведши вездѣ цивилизованную жизнь и порядокъ.

Поэтому я полагаю, что до-Триптолемовскій вѣкъ—это вѣкъ, предшествовавшій вашему владычеству,—вѣкъ жестокій и дикій, жизнь близкая къ жизни горцевъ......, а начало цивилизованному и нынѣ существующему образу жизни положилъ городъ Аѳинянъ, упроченъ же и онъ вами вторыми,—по пословицѣ, лучшими.

Теперь не нужно составлять описаній земли и перечислять, какіе у кого законы и обычаи: вы теперь—общіе путеводители для всѣхъ, отверзши всѣ врата всей вселенной и давши всѣмъ желающимъ возможность собственными глазами видѣть все, установивъ общіе для всѣхъ законы и положивъ конецъ тому, что въ разсказахъ представлялось занимательнымъ, а при трезвомъ взглядѣ на дѣло было невыносимымъ,—сдѣлавъ возможнымъ брачное общеніе и устроивъ всю вселенную, какъ-бы одну семью. Да, совсѣмъ выходитъ по словамъ поэтовъ: до владычества де Зевса вездѣ было волненіе и безпорядокъ, а съ наступленіемъ его власти все пришло въ порядокъ: Титаны скрылись въ самыя глубокія ущелья земли, согнанные туда имъ и союзными съ нимъ богами; точно такъ, сравнивая положеніе дѣлъ до васъ и при васъ, можно сказать, что до вашего владычества вездѣ была смута, все шло безъ толку, а съ появленіемъ вашей власти смуты и усобицы прекратились, явился во всемъ порядокъ и яркій свѣтъ жизни и благоустройства, опять законы явились на свѣтъ и правда у жертвенниковъ боговъ. Вѣдь прежде люди. словно увѣча своихъ родителей, опустошали землю, дѣтей своихъ прямо не пожирали, но губили дѣтей другъ друга и своихъ собственныхъ во время усобицъ даже у святынь. Теперь же представляется общая и вѣрная безопасность для самой земли и для ея обитателей; теперь они, мнѣ кажется, освобождены совсѣмъ отъ страданій и получили много средствъ для достиженія благоденствія, и боги, смотря сверху на землю, споспѣшествуютъ благосклонно вашей власти и обезпечиваютъ прочность ея, Зевсъ,—потому что вы у него о вселенной, прекрасномъ произведеніи, какъ говорится, пре-

красно заботитесь, Гера—въ виду законности брачныхъ союзовъ, Аѳина и Гефестъ—за то, что искусства и ремесла пользуются уваженіемъ, Діонисъ и Деметра,—такъ какъ никто не портитъ ихъ плодовъ, Посейдонъ,—такъ какъ его море свободно отъ морскихъ битвъ и получило грузовыя суда вмѣсто тріеръ; а вотъ хоръ Аполлона, Артемиды и Музъ постоянно видитъ своихъ служителей въ театрахъ; Гермесъ не оставленъ безъ состязаній и посольствъ, Афродита......... для Харитъ когда́ было время болѣе благопріятное? когда города были имъ въ бо́льшей мѣрѣ причастны? Милости Асклепія и Египетскихъ божествъ изливаются на людей теперь особенно обильно. Впрочемъ и Аресъ не безъ чести у васъ, и нѣтъ опасенія, что онъ можетъ нарушить весь порядокъ, какъ то сдѣлалъ, будучи забытъ на пиршествѣ Лапитовъ, но онъ ведетъ свою непрерывную пляску на берегахъ пограничныхъ рѣкъ, храня свое оружіе чистымъ отъ(?).. крови. А всезрящій Геліосъ не видѣлъ при васъ никакихъ насилій и несправедливостей и вообще всего того, чего много пришлось ему видѣть въ прежнія времена, и потому, понятно, съ великимъ удовольствіемъ взираетъ на вашу державу.

Я думаю, что, будь Гезіодъ подобно Гомеру совершеннымъ въ поэзіи и вѣщимъ, то, какъ Гомеръ прозрѣлъ въ грядущемъ вашу державу, и онъ бы предвидѣлъ ее въ своихъ стихахъ, какъ и тотъ, и не начиналъ бы своего повѣствованія о бытіи, какъ теперь начинаетъ, съ золотого вѣка, или, установивъ его какъ начало, и говоря о послѣднемъ, желѣзномъ вѣкѣ, не сказалъ бы, что онъ долженъ погибнуть, „когда будутъ рождаться съ сѣдыми висками“, а сказалъ бы, что, когда установится ваше главенство и власть, тогда де прекратится желѣзный родъ на землѣ, а Справедливости и Стыду будетъ предоставлено возвратиться къ людямъ, и пожалѣлъ бы о тѣхъ, кои должны были жить раньше васъ.

Всѣ прекрасные, почтенные ваши принципы и учрежденія постоянно, непрерывно все болѣе и болѣе укрѣпляются и утверждаются......, и великій нынѣшній правитель вашъ, какъ

хорошій борецъ, настолько превосходитъ своихъ предмѣстниковъ (отца), насколько—а это сказать нелегко—онъ самъ выше остальныхъ(?)..... Можно сказать, что справедливо и законно все, что онъ ни постановитъ. Затѣмъ, не мудрѣе-ли онъ остальныхъ также и тѣмъ, что участниковъ его власти онъ себѣ избираетъ подобныхъ ему, по образованію, и ихъ у него больше, чѣмъ было у кого-либо изъ его предшественниковъ?

Но—повторяю сказанное въ началѣ—въ высшей степени трудная задача--рѣчь, соотвѣтствующая величію вашей державы; для составленія ея, пожалуй, нужно почти столько-же времени, сколько существуетъ эта держава, а это, пожалуй, цѣлая вѣчность. Итакъ, самое лучшее будетъ, по примѣру диѳирамбистовъ и пайянистовъ, закончить нашу рѣчь какою-нибудь молитвою. Я призываю всѣхъ боговъ и потомковъ боговъ, да дадутъ они, чтобы эта держава и этотъ городъ процвѣтали вѣчно, существовали, пока металлъ не будетъ плавать въ морѣ и деревья не перестанутъ цвѣсти по веснѣ, а великій правитель и его сыновья здравствовали бы для общаго блага!

Я выполнилъ мою смѣлую задачу,—худо-ли, хорошо-ли, теперь уже можно рѣшить.

ΑΡΙΣΤΕΙΔΟΥ

ΕΙΣ ΡΩΜΗΝ[1]).

Ἔθος τοῖς πλέουσι καὶ ὁδοιποροῦσιν εὐχὰς ποιεῖσθαι καθ' ὧν ἂν 1
ἕκαστος ἐπινοῇ· ποιητὴς μὲν οὖν ἤδη τις εἶπε σκώψας εὔξασθαι 'κατὰ
χρυσόκερω λιβανωτοῦ', ἡμεῖς δέ, ὦ ἄνδρες, παρὰ τὴν ὁδὸν τὴν ἐνταῦθα
καὶ τὸν πλοῦν εὐχὴν ταύτην ἐποιησάμεθα, οὐκ ἄμουσον οὐδ' ἐκμελῆ οὐδ'
ἄπο τῆς τέχνης, εἰ σωθείημεν, προσερεῖν ἐν τῷ μέσῳ τὴν πόλιν. κατὰ 2
ἰσομετρήτου μὲν οὖν εὔξασθαι τῇ πόλει λόγου οὐκ ἐνῆν, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς
εὐχῆς αὖ προσεδεῖτο ἑτέρας· ἴσως μὲν [οὖν] καὶ μείζονος δυνηθῆναι τοι-
οῦτον ἆραι λόγον, ὅστις παρισώσεται τοσῷδε ὄγκῳ πόλεως· προσερεῖν γε
μὴν ὑπεσχόμεθα, ὅπως ἂν δυνώμεθα. ἐπειδή γε καὶ ἄλλοι τὰ ἰσομέτρητα
σφίσιν αὐτοῖς ἰσομέτρητα ποιοῦσιν αὖ καὶ τοῖς θεοῖς. ἀλλ', ὦ ἄνδρες, οἱ 3
τῆς μεγάλης ἔνοικοι πόλεως, εἴ τι μέτεστιν ὑμῖν προνοίας μὴ ἐμὲ ψεύσασθαι
τὴν εὐχήν, συνάρασθε τῷ τολμήματι, ἵνα τῶν ἐγκωμίων πρῶτον ἀρχόμενοι
καὶ τοῦτο ἔχωμεν λέγειν, ὅτι εὐθὺς μὲν τοιούτοις ἀνδράσιν ἐντυχεῖν ἦν,
ὑφ' ὧν τις, 'κἂν ἄμουσος ᾖ τὸ πρὶν' κατ' Εὐριπίδην (frg. 663 N.[2]),
ἐμμελής τε καὶ δεξιὸς εὐθὺς γίγνεται καὶ δύναται λέγειν καὶ περὶ τῶν
μειζόνων ἢ κατ' αὐτόν· τὴν δὲ πόλιν ᾄδουσι μὲν πάντες καὶ ᾄσονται, 4
τοσούτῳ δὲ ἐλάττω ποιοῦσιν ἢ σιωπῶντες, ὅσῳ παρὰ μὲν τὴν σιωπὴν οὔτε
μείζονα οὔτ' ἐλάττονα ἔστι ποιῆσαι τῆς οὔσης, ἀλλ' ἀκέραιος τῇ γνώσει
μένει, οἱ δὲ λόγοι τοὐναντίον οὗ βούλονται ποιοῦσιν· ἐπαινοῦντες γὰρ οὐ
δεικνύουσιν ἀκριβῶς ὃ θαυμάζουσιν, ἀλλ' ὥσπερ ἂν εἴ τις ζωγράφος σῶμα

---

[1]) Aelii Aristidis Smyrnaei quae supersunt omnia ed. Br. Keil, Vol. II., pp. 91—124.

καλὸν καὶ περίβλεπτον ἐπιχειρῶν δεῖξαι διὰ τέχνης, εἶτα ἀπολείποιτο, πᾶς
τις ἂν δή που φαίη λυσιτελεῖν μὴ γράφειν, ἀλλὰ αὐτὸ ἰδεῖν ἐᾶν, ἢ μὴ
δεικνύειν <γε> αὐτοῖς ἐπὶ τὸ χεῖρον μιμούμενον, ὥς δὲ καὶ περὶ ταύτης
μοι δοκεῖ τῆς πόλεως ἔχειν· ἀφαιροῦσιν οἱ λόγοι τὰ πολλὰ τῶν θαυμάτων
καὶ ποιεῖν δοκοῦσί μοι παραπλήσιον ὥσπερ ἂν εἴ τις στρατιᾶς πλῆθος
ἐξαγγεῖλαι βουλόμενος, οἷον τῆς Ξέρξου, καὶ πάνυ δὴ θαυμάζων, εἶτα
λέγοι μυρίους ἢ δισμυρίους στρατιώτας ἰδεῖν, ἵππον δὲ τόσην καὶ τόσην,
οὐδὲ πολλοστὸν μέρος τοῦ παντὸς λέγων ἐν οἷς θαυμάζει.
6 Ἡ γὰρ δὴ πρώτη λόγου δύναμιν ἐξελέγξασα οὐκ ἐπὶ πᾶν ἀφικνουμένην
ἥδε ἐστί· περὶ ἧς μὴ ὅτι εἰπεῖν κατὰ τὴν ἀξίαν ἔστιν, ἀλλ' οὐδ' ἰδεῖν
ἀξίως αὐτήν. ἀλλ' ὡς ἀληθῶς Ἄργου τινὸς πανόπτου, μᾶλλον δὲ τοῦ
κατέχοντος αὐτὴν πανόπτου θεοῦ δεῖ. τίς γὰρ ἂν τοσάσδε ὁρῶν κορυφὰς
κατειλημμένας ἢ πεδίων νομοὺς ἐκπεπολισμένους ἢ γῆν τοσήνδε εἰς μιᾶς
πόλεως ὄνομα συνηγμένην, εἶτα ἀκριβῶς κατεθεάσατο; ἀπὸ ποίας τοιαύτης
7 σκοπιᾶς; ὅπερ γὰρ ἐπὶ τῆς χιόνος Ὅμηρος ἔφη (M 282—4), χυθεῖσαν
αὐτὴν 'ὑψηλῶν ὀρέων κορυφὰς καὶ πρώονας ἄκρους' καλύπτειν 'καὶ πεδία
λωτεῦντα καὶ ἀνδρῶν πίονα ἔργα, καὶ τ' ἐφ' ἁλὸς πολιῆς', φησί, 'κέχυται
λιμέσιν τε καὶ ἀκταῖς', τοῦτο ἄρα καὶ ἥδ' ἡ πόλις· καλύπτει μὲν ἄκρους
πρώονας, καλύπτει δὲ τὴν ἐν μέσῳ γῆν, καταβαίνει δὲ καὶ μέχρι θαλάττης,
οὗ τὸ κοινὸν ἀνθρώπων ἐμπόριον καὶ ἡ κοινὴ τῶν ἐν γῇ φυομένων διοί-
κησις· ὅπου δέ τις αὐτῆς γίγνοιτο, οὐδέν ἐστι τὸ κωλῦον ὁμοίως εἶναι ἐν
8 μέσῳ. καὶ μὲν δὴ οὐδ' ἐπιπολῆς γε κέχυται, ἀλλ' ἀτεχνῶς πολὺ ὑπὲρ τὸ
παράδειγμα ἐπὶ πλεῖστον ἄνω ἥκει τοῦ ἀέρος, ὡς εἶναι μὴ χιόνος κατα-
λήψει τὸ ὕψος προσεικάσαι, ἀλλὰ μᾶλλον αὐτοῖς τοῖς πρώοσι. καὶ ὥσπερ
τις ἀνὴρ πολὺ νικῶν τοὺς ἄλλους μεγέθει τε καὶ ῥώμῃ οὐκ ἀγαπᾷ μὴ
καὶ ἄλλους ὑπὲρ αὐτὸν ἀράμενος [φέρειν], ὣς δὲ καὶ ἥδε ἐπὶ τοσαύτης
γῆς ᾠκισμένη οὐκ ἀγαπᾷ, ἀλλ' ἑτέρας ἰσομετρήτους ὑπὲρ αὐτὴν ἀραμένη
φέρει ἄλλας ἐπ' ἄλλαις. ὡς ἄρα ἐπώνυμον αὐτῇ τοὔνομα καὶ οὐδὲν ἀλλ' ἢ
ῥώμη τὰ τῆσδε. ὥστ' εἴ τις αὐτὴν ἐθελήσειε καθαρῶς ἀναπτύξαι καὶ τὰς
νῦν μετεώρους πόλεις ἐπὶ γῆς ἐρείσας θεῖναι ἄλλην παρ' ἄλλην, ὅσον
νῦν Ἰταλίας διαλεῖπόν ἐστιν, ἀναπληρωθῆναι τοῦτο πᾶν ἂν μοι δοκεῖ καὶ
9 γενέσθαι πόλις συνεχὴς μία ἐπὶ τὸν Ἰόνιον τείνουσα. τοσαύτη δὲ οὖσα,
ὅσην ἐγὼ μὲν οὐδὲ νῦν ἴσως ἀρκούντως ἐνεδειξάμην, ὀφθαλμοὶ δὲ ἄμεινον
μαρτυροῦσιν, οὐχ ὥσπερ ἐπὶ τῶν ἄλλων εἰπεῖν ἔστιν, ἐνταῦθα ἕστηκεν,
οὐδ' ὅ τις (Thuc. I 10) εἶπεν περὶ τῆς Ἀθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων

πόλεως, λέγων τῶν μὲν τὸ μέγεθος διπλάσιον ἢ κατὰ τὴν δύναμιν, τῶν
δὲ πολὺ τῆς δυνάμεως ἔλαττον ἂν φανῆναι τὸ μέγεθος — ἀπείη δὲ τὸ
βλάσφημον τοῦ παραδείγματος —. τοῦτο ἄν τις φαίη καὶ περὶ τῆσδε τῆς
πάντα μεγάλης, ὡς ἄρα οὐκ ἀκόλουθον τὴν δύναμιν τῷ τοσούτῳ μεγέθει
κατεσκευάσατο· ἀλλ᾽ ἔστιν εἰς μὲν τὴν ὅλην ἀρχὴν βλέψαντα [μηκέτι] τὴν
πόλιν θαυμάζειν, πολλοστὸν μέρος τῆς ἁπάσης ἄρχειν νομίσαντα γῆς. εἰς
δ᾽ αὐτὴν τὴν πόλιν καὶ τοὺς τῆς πόλεως ὅρους ἰδόντα μηκέτι θαυμάζειν,
εἰ ὑπὸ τοσαύτης ἄρχεται πᾶσα ἡ οἰκουμένη. ὅπερ γάρ τις ἔφη τῶν λο- 10
γοποιῶν περὶ τῆς Ἀσίας, λέγων ὅσην ὁ ἥλιος πορεύεται, ταύτης πάσης
ἄρχειν ἄνδρα ἕνα — οὐκ ἀληθῆ λέγων, εἰ μὴ πᾶσαν Λιβύην καὶ τὴν
Εὐρώπην ἐξαίρετον ἐποιεῖτο τῶν ἡλίου δυσμῶν τε καὶ ἀνατολῶν —, τοῦτο
νῦν ἐξενίκησεν ἀληθὲς εἶναι, τὴν ἴσην τε ἡλίου πορείαν εἶναι <καὶ>
κτῆσιν ὑμετέραν καὶ τὸν ἥλιον διὰ τῆς ὑμετέρας πορεύεσθαι. οὐ γὰρ
σκόπελοι θαλάττιοι οὐδὲ Χελιδόνεαι καὶ Κυάνεαι τὴν ὑμετέραν ἀρχὴν ὁρί-
ζουσιν οὐδὲ ἵππου δρόμος ἡμερήσιος ἐπὶ θάλατταν, οὐδ᾽ ἐπὶ τακτοῖς ὅροις
βασιλεύετε, οὐδ᾽ ἕτερος προαγορεύει μέχρι οὗ δεῖ κρατεῖν, ἀλλ᾽ ἡ μὲν
θάλαττα ὥσπερ ζώνη τις ἐν μέσῳ τῆς οἰκουμένης ὁμοίως καὶ τῆς ὑμετέ-
ρας ἡγεμονίας τέταται. περὶ δὲ αὐτὴν αἱ ἤπειροι ‛μεγάλαι μεγαλωστὶ’ 11
κέκλινται, πρὸς ὑμᾶς ἀεί τι <τῶν> ἐνθένδε πληροῦσαι. ἄγεται δὲ ἐκ πάσης
γῆς καὶ θαλάττης ὅσα ὧραι φύουσιν καὶ χῶραι ἕκασται φέρουσιν καὶ πο-
ταμοὶ καὶ λίμναι καὶ τέχναι Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων· ὥστε εἴ τις ταῦτα
πάντα ἐπιδεῖν βούλοιτο, δεῖ αὐτὸν ἢ πᾶσαν ἐπελθόντα τὴν οἰκουμένην
οὕτω θεάσασθαι ἢ ἐν τῇδε τῇ πόλει γενόμενον. ὅσα γὰρ παρ᾽ ἑκάστοις
φύεται καὶ κατασκευάζεται, οὐκ ἔστιν ὡς οὐκ ἐνταῦθα ἀεὶ καὶ περιττεύει.
τοσαῦται δ᾽ ἀφικνοῦνται δεῦρο κομίζουσαι <πάντα> παρὰ πάντων ὁλκάδες
ἀνὰ πᾶσαν μὲν ὥραν, πᾶσαν δὲ φθινοπώρου περιτροπήν, ὥστ᾽ ἐοικέναι
τὴν πόλιν κοινῷ τινι τῆς γῆς ἐργαστηρίῳ. φόρτους μὲν ἀπ᾽ Ἰνδῶν, εἰ 12
βούλει δὲ καὶ τῶν εὐδαιμόνων Ἀράβων, τοσούτους ὁρᾶν ἔξεστιν ὥστε εἰκά-
ζειν γυμνὰ τὸ λοιπὸν τοῖς ἐκεῖ λελεῖφθαι τὰ δένδρα καὶ δεῦρο δεῖν ἐκεί-
νους ἐλθεῖν, ἐάν του δέωνται, τῶν σφετέρων μεταιτήσοντας· ἐσθῆτας δὲ
αὖ Βαβυλωνίους καὶ τοὺς ἐκ τῆς ἐπέκεινα βαρβάρου κόσμους πολὺ πλείους
τε καὶ ῥᾷον εἰσαφικνουμένους ἢ εἰ ἐκ Νάξου ἢ Κύθνου Ἀθήναζ᾽ ἔδει
καταῖραι τῶν ἐκεῖ τι φέροντας· γεωργίαι δὲ ὑμῶν Αἴγυπτος, Σικελία, Λι-
βύης ὅσον ἥμερον. κατάπλοι δὲ καὶ ἀπόπλοι οὔποτε λείπουσιν· ὥστε εἶναι 13
θαυμάσαι μὴ ὅτι περὶ τοῦ λιμένος, ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς θαλάττης, ὅτι

περ † ἐξαρκεῖ ὁλκάσιν. ἀτεχνῶς δὲ ὅπερ Ἡσίοδος ἔφη περὶ τῶν τοῦ Ὠκεανοῦ περάτων, εἶναι τόπον οὗ συντετρῆσθαι πάντα εἰς μίαν ἀρχήν τε καὶ τελευτήν, [εἰς αὐτὴν συντέτρηται, καὶ] πάντα ἐνταῦθα συμπίπτει. ἐμπορίαι ναυτιλίαι γεωργίαι μετάλλων καθάρσεις, τέχναι ὁπόσαι εἰσί τε καὶ γεγένηνται, πάντα ὅσα γεννᾶται καὶ φύεται. ὅ τι δ' ἂν μὴ ἐνταῦθα ἴδῃ τις, οὐκ ἔστι τῶν γενομένων ἢ γιγνομένων· ὥστε μὴ εἶναι ῥᾴδιον διακρῖναι πότερα ἡ πόλις ὑπερέχει πλεῖον [εἰς] τὰς πόλεις τὰς οὔσας ἢ ἡ ἀρχὴ τὰς ἀρχὰς τὰς πώποτε γενομένας.

14 Ἐρυθριῶ δῆτα, εἰ τοσούτων καὶ τηλικούτων εἰρημένων, εἶτα μὴ † ἔχοντος τοῦ λόγου φανοῦμαι μεμνημένος ἢ βαρβαρικῆς τινος ἀρχῆς ἢ Ἑλληνικῆς δυνάμεως, καὶ δόξω τοὐναντίον ποιήσειν τοῖς Αἰολεῦσι ποιηταῖς. ἐκεῖνοι μὲν γὰρ ἐπειδάν τι βούλωνται τῶν καθ' αὑτοὺς φαυλίσαι, μεγάλῳ αὐτὸ παρέβαλον καὶ παρ' ἀρχαίοις περιφανεῖ, ἡγούμενοι μάλιστα ἂν οὕτως ἐξελέγξαι· ἐγὼ δὲ τὰ ὑμέτερα οὐκ ἔχων ἐπιδεικνύειν ἄλλως ὅσῳ ὑπερέχει, παραβαλῶ μικροῖς ἀρχαίοις· πάντα γὰρ ὑμεῖς καὶ τὰ μέγιστα μικρότατα ἀπεφήνατε ταῖς ὑπερβολαῖς. ἐπεὶ ἐγὼ μὲν τὰ μέγιστα ἐκλέξας ἐρῶ, ὑμεῖς δ' ἴσως γελάσεσθε ἐπ' αὐτοῖς.

15 Τοῦτο μὲν δὴ τὴν Περσῶν ἀρχὴν σκεψώμεθα, ἣ πάνυ ποτὲ ἐν τοῖς Ἕλλησιν ἐβεβόητο καὶ μέγαν παρέσχε τὸ ἐπώνυμον καλεῖσθαι τὸν ἔχοντα αὐτὴν βασιλέα — τὰς γὰρ πρὸ αὐτῆς φαυλοτέρας οὔσας ἐάσω — καὶ πάντα ἴδωμεν ἑξῆς, τό τε μέγεθος καὶ τὰ γιγνόμενα ἐπ' αὐτῆς. δεῖ γὰρ οὖν καὶ τοῦτο συνεξετάζειν, ὅπως αὐτοί τε ἀπέλαυον ὧν ἐκέκτηντο καὶ τοὺς

16 ἀρχομένους παρεσκεύαζον. πρῶτον μὲν τοίνυν, ὅπερ νῦν ὑμῖν τὸ Ἀτλαντικὸν πέλαγος δύναται, τοῦτ' ἦν ἁπλῶς τότε τῷ βασιλεῖ <ἡ> θάλαττα· ἐνταῦθα ὡρίζετο αὐτῷ ἡ ἀρχή, ὥστε Ἴωνας καὶ Αἰολέας ἐν πέρασι γῆς εἶναι τῆς ἐκείνου· εἰς δέ γε τὴν Ἑλλάδα διαβῆναί ποτε ἐπιχειρήσας ὁ τῶν ἀπὸ ἡλίου ἀνίσχοντος μέχρι δυομένου βασιλεὺς τοσοῦτον ἐθαυμάσθη, ὅσον μεγάλως ἠτύχησεν· καὶ τοῦτο ἐπίδειγμα ἐποιήσατο τῆς αὑτοῦ λαμπρότητος, ὅτι πολλῶν καὶ μεγάλων ἔσχε στερηθῆναι. ὁ δὴ τῆς μὲν Ἑλλάδος τοσοῦτον ἀποσχὼν τοῦ κρατῆσαι, Ἰωνίαν δὲ ἔχων ἐν ἐσχατιαῖς, ἣ που οὐκ εἰς δίσκου φορὰν λέλειπται τῆς ὑμετέρας ἀρχῆς ἢ ὅσον τόξευμα ἐξικνεῖται, ἀλλὰ τῷ ἡμίσει παντὶ τῆς οἰκουμένης καὶ πρός <γ'>

17 αὐτῷ τῇ θαλάττῃ. οὐ τοίνυν οὐδὲ μέχρι τούτων τῶν ὅρων ἐκεῖνός γε κυρίως ἀεὶ βασιλεύς, ἀλλ' ὅπως ἢ Ἀθηναῖοι δυνάμεως ἢ Λακεδαιμόνιοι ἔχοιεν τύχης, νῦν μὲν ἕως Ἰώνων καὶ Αἰολέων καὶ θαλάττης βασιλεύς,

πάλιν δὲ οὐκέτι Ἰώνων οὐδὲ ἕως θαλάττης, ἀλλ' ἄχρι Λυδῶν, οὐχ ὁρῶν
θάλατταν ἐκ τῶν πρὸς ἑσπέραν Κυανέων, ἀτεχνῶς ὥσπερ ἐν παίδων
παιδιᾷ βασιλεὺς ὢν ἄνω μένων, πάλιν κατιὼν τῶν συγχωρησόντων βασι-
λεύειν δεόμενος. ἐδήλωσε δὲ ἡ σὺν Ἀγησιλάῳ δύναμις καὶ πρὸ ἐκείνου ἡ
τῶν σὺν Κλεάρχῳ μυρίων, ἡ μὲν ἕως Φρυγίας ὡς δι' οἰκείας διελθοῦσα,
ἡ δὲ ὑπὲρ τὸν Εὐφράτην ὡς δι' ἐρημίας ἀφικομένη. ἅ γε μὴν ἀπέλαυον 18
τῆς ἀρχῆς κατὰ τὴν Οἰβάρου σοφίαν, ὃς πρῶτος εἰπεῖν λέγεται Κύρῳ
δυσχεραίνοντι τὴν πολλὴν πλάνην δεῖν αὐτὸν καὶ ἀνάγκην εἶναι πανταχοῖ
περιφοιτᾶν τῆς ἀρχῆς ἑκόντα τε καὶ ἄκοντα, εἰ μέλλοι βασιλεύειν, ὁρῶντα
εἰς τὴν βύρσαν, ὡς ἐφ' ἃ μὲν αὐτῆς βαίνοι, ταπεινὰ ἐγίγνετο καὶ τῆς γῆς
ἔψαυεν, ἀφ' ὧν δὲ ἀπαλλάττοιτο, αὖθις ἀνίστατο καὶ πάλιν πατοῦντος
ἐταπεινοῦτο — μετανάσται τινὲς βασιλεῖς καὶ Σκυθῶν τῶν νομάδων τοσοῦτον
διαφέροντες, ὅσον οὐκ ἐφ' ἁμαξῶν περῄεσαν, ἀλλ' ἐφ' ἁρμαμαξῶν. [νομάδες
τινὲς βασιλεῖς καὶ πλάνητες] διὰ τὴν ἀπιστίαν καὶ τὸν φόβον τῆς ἐν ταὐτῷ καθέδρας
πιέζοντες ὡς ἀληθῶς ὥσπερ τινὰ βύρσαν τὴν ἑαυτῶν χώραν καὶ τούτῳ κρατοῦντες
νῦν μὲν Βαβυλῶνα, πάλιν δὲ Σοῦσα, εἶτα Ἐκβάτανα, οὐχ ὅπως ἂν ἀεὶ κατέ-
χειν εἰδότες οὐδὲ τημελοῦντες ὥσπερ νομεῖς. καὶ γὰρ τοιαῦτα ἦν ὡς ἀλη- 19
θῶς, ὥσπερ ἀπιστούντων μὴ αὐτῶν εἶναι τὴν ἀρχήν. οὐ γὰρ ὡς οἰκείων
ἐφρόντιζον, οὐδὲ ηὖξον εἰς κάλλος καὶ μέγεθος οὔτε τὰς πόλεις οὔτε τὰς
χώρας, ἀλλ' ὥσπερ οἱ εἰς μὴ προσήκοντα ἐμπεσόντες αἰσχρῶς καὶ κακῶς
ἀνήλισκον, τοῦτο ζητοῦντες, ὅπως <ὡς> ἀσθενεστάτων ἄρξουσι, καὶ ὥσπερ
ὑπὲρ μιαιφονιῶν ἁμιλλώμενοι πρὸς ἀλλήλους ὁ δεύτερος ἀεὶ τὸν πρότερον
κατὰ τοὺς πεντάθλους ὑπερβαλεῖν ἐπειρᾶτο. καὶ ἦν ἀγώνισμα ὡς πλείστους
ἀποσφάξαι καὶ ὡς πλείστους ἀναστάτους ποιῆσαι οἴκους καὶ δήμους καὶ
ὅρκους ὡς πλείστους ψεύσασθαι. ταῦτά τε δὴ τῆς περιβλέπτου δυνάμεως 20
ἀπέλαυον καὶ ἃ τούτοις αὖ παρέπεσθαι <ὁ> φύσεως νόμος διέταξε, μίση
καὶ ἐπιβουλὰς ἐκ τῶν οὕτω διατιθεμένων καὶ ἀποστάσεις καὶ μάχας ἐν
ἀλλήλοις καὶ συνεχεῖς ἔριδας καὶ ἀπαύστους φιλονικίας. αὐτοὶ μὲν δὴ 21
ταῦτα ἀπέλαυον, ὥσπερ ἐκ κατάρας μᾶλλον ἄρχοντες ἢ κατ' εὐχήν, οἱ δὲ
ἀρχόμενοι πάντα ἃ τοὺς ὑπὸ τοιούτων ἀρχομένους ἀνάγκη. σχεδὸν δέ τι
καὶ προείρηται (§ 19). φοβερὸν μὲν γὰρ ἦν γονεῦσι παιδὸς εὐμορφία,
φοβερὸν δὲ γυναικὸς ἀνδρί· ἔδει δὲ ἀπολωλέναι οὐ τὸν πλεῖστα ἀδικήσαντα,
ἀλλὰ τὸν πλεῖστα κεκτημένον. πόλεων δὲ ἀναιρέσεις καὶ κατασκαφαὶ τότε
πλείους ἢ νῦν ὀλίγου δέω λέγειν εἰσὶν οἰκισμοί. ῥᾷον δὲ ἦν πολεμοῦντα 22
ἢ ὑπακούοντα σωθῆναι· ἐν μὲν γὰρ ταῖς μάχαις ῥᾳδίως ἡττῶντο, ἐν δὲ

ταῖς ἐξουσίαις οὐ μετρίως ὕβριζον· καὶ τοὺς μὲν θεραπεύοντας ὡς δούλους ὑπερεώρων, τοὺς δὲ ἐλευθέρους ὡς ἐχθροὺς ἐκόλαζον, ἐξ ὧν μισοῦντές τε καὶ μισούμενοι διῆγον· καὶ γὰρ οὖν πολλάκις τοὺς ὑπηκόους μᾶλλον τῶν πολεμίων ἐδεδοίκεσαν, τὰ πλείω διαλλακτῇ τῷ πολέμῳ χρώμενοι.
23 αἴτιον δ' ἦν, οὔτε ἐκεῖνοι ἄρχειν ἠπίσταντο οὔτε οἱ ἀρχόμενοι τὸ ἀκόλουθον ἀπεπλήρουν. οὐ γὰρ ἔνεστιν ἄρχεσθαι καλῶς, ὅταν κακῶς οἱ ἄρχοντες ἄρχωσιν. οὔπω γὰρ ἥ τε ἀρχὴ καὶ τὸ δεσπόζειν διῄρητο, ἀλλ' ἦν ἴσον βασιλεὺς καὶ δεσπότης. οὔκουν εἰκότως οὐδὲ ἐπὶ μεγάλα προῆλθον· οὐ γὰρ πρόεισιν οἴκου περαιτέρω τοῦτο τοὔνομα, ὅταν δ' εἰς πόλεις τε καὶ ἔθνη ἀφίκηται, ῥᾳδίως παύεται.
24 Ἀλέξανδρος δ' αὖ ὁ τὴν μεγίστην ἀρχὴν μέχρι τῆς ὑμετέρας κτησάμενος καὶ καταδραμὼν τὴν γῆν ὡς ἀληθῶς δὴ τοῦτο κτησαμένῳ βασιλείαν μᾶλλον ἔοικεν ἢ βασιλεύσαντι. ὥσπερ γὰρ ἂν εἴ τις ἰδιώτης συγκτήσαιτο μὲν γῆν πολλὴν καὶ ἀγαθήν, πρὶν δὲ λαβεῖν ἀπ' αὐτῆς τοὺς καρποὺς
25 τελευτήσειεν, ὡς δὴ κἀκείνῳ μοι δοκεῖ συμβῆναι. προῆλθε μὲν γὰρ ἐπὶ πλεῖστον τῆς γῆς καὶ τοὺς ἀντιστάντας ἅπαντας κατέστραπτο καὶ τῶν χαλεπῶν ἁπάντων ἀκριβῶς ἀπέλαυσεν· καταστήσασθαι δ' οὐκ ἠδυνήθη τὴν ἀρχὴν οὐδ' ἐπιθεῖναι πέρας τοῖς πεπονημένοις, ἀλλ' ἀπέθανεν ἐν μέσῃ τῇ τῶν πραγμάτων πορείᾳ. ὥστε ἐκεῖνον μὲν μάχας ἄν τις φαίη πλείστας κατορθῶσαι, βασιλεῦσαι δὲ ἐλάχιστα, καὶ γενέσθαι μὲν ἀγωνιστὴν μέγαν περὶ βασιλείας, ἀπολαῦσαι δ' οὐδὲν ἄξιον τῆς διανοίας καὶ τῆς τέχνης. ἀλλὰ παθεῖν παραπλήσιον ὥσπερ ἂν εἴ τις τὸν Ὀλυμπικὸν ἀγῶνα ἀγωνιζόμενος καὶ κρατήσας τοὺς ἀντιπάλους, εἶτα ἐπαποθάνοι τῇ νίκῃ,
26 πρὶν εὖ καὶ καλῶς τῇ κεφαλῇ τὸν στέφανον ἁρμόσαι. ποίους γὰρ νόμους ἑκάστοις διέθηκεν; ἢ ποίας συντάξεις διηνεκεῖς χρημάτων ἢ στρατιωτῶν ἢ νεῶν ἐποιήσατο; ἢ ποίᾳ συνήθει διοικήσει τὰ πράγματα ἤγαγεν αὐτομάτως προϊούσῃ χρόνων τακταῖς περιόδοις; ποῖα πολιτεύματα ἐπολιτεύσατο ἐν τοῖς ἀρχομένοις; ὃ δὲ καὶ μόνον ἄξιον τῆς ἑαυτοῦ φύσεως ἔργον καὶ μνημεῖον κατέλιπεν, πρὸς Αἰγύπτῳ τὴν ἐπώνυμον πόλιν, ταύτην εὖ ποιῶν ὑμῖν ᾤκισεν, ὅπως ἔχοιτε καὶ τῆς μεγίστης μετὰ τὴν ὑμετέραν κρατοίητε. ὥστε
27 Πέρσας μὲν κατέλυσεν ἄρχοντας, αὐτὸς δὲ ἐγγύτατα οὐκ ἦρξεν. Ἐπεί γε μὴν ἐκεῖνος ἐτελεύτησεν, εὐθὺς μὲν ἐσχίσθησαν εἰς μυρία οἱ Μακεδόνες, ἔργῳ δείξαντες ὑπὲρ αὐτοὺς εἶναι τὴν ἀρχήν, κατέχειν δὲ οὐδὲ τὴν αὐτῶν ἔτι ἐδύναντο. ἀλλ' εἰς τοῦτο τύχης ἀφίκοντο ὥστε ἠναγκάσθησαν τὴν σφετέραν αὐτῶν ἐκλιπεῖν, ἵνα τῆς ἀλλοτρίας ἄρχωσιν, ὥσπερ ἐξῳκισμένοι

μᾶλλον ἂν κρατεῖν δυνάμενοι, καὶ ἦν ὥσπερ αἴνιγμα, Μακεδόνες οὐκ ἐν
Μακεδονίᾳ, ἀλλ' οὗ δύναιντο βασιλεύοντες ἕκαστοι, ὥσπερ φρουροὶ μᾶλλον
τῶν πόλεων καὶ τῶν χωρίων ὄντες ἢ ἄρχοντες, ἀνάστατοί τινες βασιλεῖς
οὐχ ὑπὸ τοῦ μεγάλου βασιλέως, ἀλλ' ὑφ' ἑαυτῶν αὐτοὶ γεγενημένοι, εἰ
δὲ οἷόν τε εἰπεῖν, σατράπαι ἔρημοι βασιλέως. καίτοι τὴν τοιαύτην κατά-
στασιν πότερον λῃστείᾳ μᾶλλον ἢ βασιλείᾳ προσεοικέναι φήσομεν;
Νῦν δὲ ὅροι μὲν δήπουθεν οὐ μεμπτοὶ τῆς ἀρχῆς ἐκτέτανται, οὐδ' 28
ὥστε εἶναι μέτρῳ λαβεῖν τὸ ἐντὸς αὐτῶν, ἀλλ' οὗ μὲν τότε ὡρίζετο τοῦ
Πέρσου ἡ ἀρχή, ἐντεῦθεν ἀρξαμένῳ βαδίζειν πρὸς ἑσπέραν πολὺ πλείων
ἐστὶν ἡ λοιπὴ τῆς ἐκείνου πάσης. ἐκφεύγει δὲ ὑμᾶς οὐδέν, οὐ πόλις, οὐκ
ἔθνος, οὐ λιμήν, οὐ χωρίον, πλὴν εἴ τινων ἄρα ἀχρηστίαν κατέγνωτε·
ἐρυθρά τε θάλαττα καὶ Νείλου καταρράκται καὶ λίμνη Μαιῶτις, ἃ τοῖς
πρότερον ἐν πέρασι γῆς ἠκούετο, ἴσα καὶ αὐλῆς ἑρκία τῇδε τῇ πόλει. ὅν
γε μὴν ἠπίστουν τινὲς τῶν λογοποιῶν μηδὲ εἶναι τὸ παράπαν Ὠκεανόν,
μηδὲ περιρρεῖν τὴν γῆν (cf. Herodot. IV 36), ποιητὰς δὲ εὑρόντας
τοὔνομα ψυχαγωγίας ἕνεκα εἰς ποίησιν θεῖναι, τοῦτον οὕτως καλῶς ἀνεύ-
ρετε ὥστε οὐδὲ ἡ ἐνταῦθα νῆσος ὑμᾶς διέφυγε. τοσαύτη δὲ οὖσα καὶ 29
τηλικαύτη τὸ μέγεθος ἡ ἀρχὴ πολὺ μείζων ἐστὶ τῇ ἀκριβείᾳ ἢ τῷ κύκλῳ
τῆς χώρας. οὐ γὰρ Μυσοὶ τὴν βασιλέως ἔχουσιν οὐδὲ Σάκαι οὐδὲ Πισίδαι
οὐδ' ἄλλοι μέσοι, οἱ μὲν βίᾳ εἰσῳκισμένοι, οἱ δὲ ἀποστάντες, ληφθῆναι
δ' οὐ δυνάμενοι, οὐδ' ἀκούει μὲν [ἡ] βασιλέως [γῆ], ἔστι δὲ πάντων τῶν
ἔχειν αὐτὴν δυναμένων, οὐδὲ σατράπαι μάχονται πρὸς ἀλλήλους ὥσπερ οὐκ
ὄντος αὐτοῖς βασιλέως οὐδὲ πόλεις αἱ μὲν πρὸς τούτους, αἱ δὲ πρὸς ἐκεί-
νους διίστανται, καὶ εἰς μὲν τὰς ἐκπέμπονται φρουροί, ἐκ δὲ τῶν ἐκπί-
πτουσιν, ἀλλ' ὥσπερ αὐλῆς περίβολος ἐκκεκαθαρμένος..... οὕτως ἅπασα ἡ
οἰκουμένη χοροῦ ἀκριβέστερον ἓν φθέγγεται, συνευχομένη μένειν τὸν ἅπαντα
αἰῶνα τήνδε τὴν ἀρχήν· οὕτως καλῶς ὑπὸ τοῦδε τοῦ κορυφαίου [ἡγεμόνος]
συγκροτεῖται. † ὑπὸ πάντων δὲ πανταχοῦ ἴσον ἄρχεται †, καὶ οἱ μὲν ἐν 30
τοῖς ὄρεσι κατῳκισμένοι ταπεινότεροι τῶν ἐν τοῖς κοιλοτάτοις πεδίοις πρός
γε τὸ μὴ ἀντιτάττεσθαι, οἱ δὲ τῶν πεδίων τῶν εὐδαιμόνων κληροῦχοί τε
καὶ οἰκήτορες ὑμέτεροι γεωργοί· ἤπειρος δὲ καὶ νῆσος οὐδὲν ἔτι διακέκριται,
ἀλλ' ὥσπερ μία χώρα συνεχὴς καὶ ἓν φῦλον ἅπαντα ὑπακούει σιωπῇ.
πάντα δὲ ἐξ ἐπιτάγματος καὶ νεύματος τελεῖται ῥᾷον ἤ τις ἂν χορδὴν 31
ψήλειεν. κἂν τι γενέσθαι δέῃ, ἀπόχρη δόξαι, καὶ πέπρακται. οἱ δὲ ἄρχον-
τες οἱ πεμπόμενοι ἐπὶ τὰς πόλεις τε καὶ τὰ ἔθνη τῶν μὲν ὑφ' ἑαυτοῖς

ἕκαστοι ἄρχοντές εἰσι, τὰ δὲ πρὸς αὑτούς τε καὶ πρὸς ἀλλήλους ὁμοίως ἅπαντες ἀρχόμενοι. καὶ δὴ καὶ τούτῳ φαίη τις ἂν αὐτοὺς τῶν ἀρχομένων διαφέρειν, ὅτι πρῶτοι δεικνύουσιν ὅπως ἄρχεσθαι προσήκει· τοσοῦτος ἅπασιν ἐνέστακται φόβος τοῦ μεγάλου ἄρχοντος καὶ τὰ πάντα πρυτανεύοντος.
32 ὥστε μᾶλλον μὲν ἐκεῖνον εἰδέναι νομίζουσιν ἃ πράττουσιν ἢ σφᾶς αὐτούς. μᾶλλον δὲ δεδίασιν καὶ αἰδοῦνται ἢ τὸν δεσπότην ἄν τις τὸν αὑτοῦ παρόντα καὶ ἐφεστηκότα καὶ κελεύοντα. οὐδεὶς δὲ ἐφ᾽ ἑαυτῷ τηλικοῦτον φρονεῖ, ὅστις τοὔνομα ἀκούσας μόνον οἷός τ᾽ ἐστὶν ἀτρεμεῖν, ἀλλ᾽ ἀναστὰς ὑμνεῖ καὶ σέβει καὶ συνεύχεται διπλῆν εὐχήν, τὴν μὲν ὑπὲρ αὐτοῦ τοῖς
33 θεοῖς, τὴν δὲ αὐτῷ ἐκείνῳ περὶ τῶν ἑαυτοῦ. εἰ δέ τι καὶ μικρὸν ἐνδοι-<άζοι>εν περὶ δίκας τε καὶ ἀξιώσεις ἢ κοινὰς ἢ ἰδίας τῶν ἀρχομένων, εἴ τινες ἄρα ἄξιοι εἶεν, ὡς ἐκεῖνον εἰσπέμπουσιν εὐθὺς ἐρωτῶντες τί δεῖ ποιεῖν, καὶ μένουσιν ἔστ᾽ ἂν ἀποσημήνῃ, οὐχ ἧττον ἢ διδάσκαλον χορός.
34 ὥστε οὐδὲν δεῖ φθείρεσθαι περιιόντα τὴν ἀρχὴν ἅπασαν, οὐδὲ ἄλλοτε ἐν ἄλλοις γιγνόμενον, τὸ καθ᾽ ἕκαστον βεβαιοῦσθαι, ὁπότε σφίσι τὴν γῆν πατοίη· ἀλλ᾽ εὐμάρεια πολλὴ καθημένῳ πᾶσαν ἄγειν τὴν οἰκουμένην δι᾽ ἐπιστολῶν. αἱ δὲ μικρὸν φθάνουσι γραφεῖσαι καὶ πάρεισιν ὥσπερ ὑπὸ
35 πτηνῶν φερόμεναι. ὃ δὲ πάντων <μάλιστα> ἄξιον ἄγασθαί τε καὶ θαυμάζειν καὶ χάριν ἐκτίνειν καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ, τοῦτο νῦν εἰρήσεται. τοσαύτην μὲν γὰρ ἔχοντες τὴν ἀρχήν, οὕτω δ᾽ ἐγκρατῶς καὶ κατὰ πολλὴν ἐξουσίαν ἄρχοντες, ἐκεῖνο καὶ πολὺ μάλιστα νενικήκατε, ὃ παντελῶς ὑμῶν
36 ἐστιν ἴδιον. μόνοι γὰρ τῶν πώποτε ἐλευθέρων ἄρχετε, καὶ οὐ Καρία δέδοται Τισσαφέρνει οὐδὲ Φρυγία Φαρναβάζῳ οὐδὲ Αἴγυπτος ἑτέρῳ, οὐδ᾽ ὥσπερ οἶκος τοῦ δεῖνος ἀκούει τὸ ἔθνος, ὅτῳ παρεδόθη δουλεύειν οὐδὲ αὐτῷ ὄντι ἐλευθέρῳ, ἀλλ᾽ ὥσπερ οἱ ἐν ταῖς κατὰ μίαν πόλεσιν, οὕτω καὶ ὑμεῖς ὥσπερ ἐν μιᾷ πόλει πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ πολιτευόμενοι τοὺς ἄρχοντας καθίστατε [ἐπ᾽ αὐτοῖς] οἷον ἐξ ἀρχαιρεσιῶν, ἐπὶ προστασίᾳ καὶ προνοίᾳ τῶν ἀρχομένων, οὐκ ἐπὶ τῷ δεσπότας εἶναι· ὥστε ὑποχωρεῖ μὲν ἄρχων ἄρχοντι, ὅταν αὐτοῦ ὁ χρόνος ἐξήκῃ, καὶ οὐδ᾽ ἂν ἀπαντήσειε ῥᾳδίως· τοσοῦτον ἀπέχει τοῦ διενεχθῆναι ἂν ὡς αὑτοῦ τῆς χώρας οὔσης.
37 ἔκκλητοι δὲ ὥσπερ ἔφεσις ἐκ δημοτῶν εἰς <τὸ> δικαστήριον σὺν οὐκ ἐλάττονι τῶν δεξαμένων φόβῳ περὶ τῆς κρίσεως ἢ τῶν ποιουμένων γίγνονται· ὥστε φαίη τις ἂν τοσαῦτα ἄρχεσθαι τοὺς νῦν ὑπὸ τῶν πεμπο-
38 μένων, ὁπόσα ἂν αὐτοῖς ἀρέσκῃ. πῶς οὖν ταῦτα οὐκ ἐν τοῖς ἐπέκεινα πάσης δημοκρατίας; οὔκουν ἐκεῖ ἔξεστι μετὰ τὴν ἐν τῇ πόλει ψῆφον

ἐνεχθεῖσαν ἐλθεῖν ἄλλοσε οὐδ' ἐπ' ἄλλους δικαστάς, ἀλλὰ στέργειν ἀνάγκη
τοῖς ἐγνωσμένοις, εἰ μή τίς ἐστι μικρὰ πόλις, ὥστε προσδεῖσθαι δικαστῶν
ὑπερορίων..... παρὰ τὴν ἀξίαν, ἢ καὶ διώκοντα μὴ κρατήσαντα μηδὲ
τῷ νενικῆσθαι· ἀλλὰ μένει δικαστὴς ἕτερος μέγας, ὃν οὔποτε οὐδὲν ἐκφεύ-
γει τῶν δικαίων. κἀνταῦθα δὴ πολλὴ καὶ εὐσχήμων ἰσότης μικροῦ πρὸς 39
μέγαν καὶ ἀδόξου πρὸς ἔνδοξον καὶ πένητος δὴ πρὸς πλούσιον καὶ γενναῖον
[ἀγεννοῦς], καὶ τὸ τοῦ Ἡσιόδου (OD. 5) συμβαίνει·

ῥέα μὲν γὰρ βριάει, ῥέα δὲ βριάοντα χαλέπτει

οὗτος ὁ δικαστής τε καὶ ἡγεμών, ὅπως ἂν τὸ δίκαιον ἄγῃ, ὥσπερ πνεῦμα
ἐν νηί, οὐ δή που πλουσίῳ μὲν μᾶλλον, πένητι δὲ ἧττον χαριζόμενόν τε
καὶ παραπέμπον, ἀλλ' ὅτῳ γένοιτο ἀεί, τοῦτον ὁμοίως ὠφελοῦν.

Δίειμι δὴ καὶ τὰ Ἑλληνικά, ἐπειδήπερ ἐνταῦθα ἐγενόμην τοῦ λόγου, 40
αἰσχυνόμενος μὲν καὶ δεδιὼς μὴ δόξω μικρολογεῖσθαι· οὐ μὴν ἀλλ', ὅπερ
καὶ ἀρτίως εἶπον (§ 14), οὐχ ὡς ἴσα ἴσοις παραβάλλων δίειμι, ἀλλ' οὐκ
ὄντων ἑτέρων παραδειγμάτων ἀναγκάζομαι τοῖς οὖσι χρῆσθαι..... εἶτα
καὶ γελοῖον τοῦτο μὲν αὐτὸ θαυμάζειν καὶ δεικνύειν, ὅτι οὐκ ἔστιν εὑρεῖν
ἴσα τοῖς ὑμετέροις ἕτερα οὐδ' ἐγγύς, ἀλλὰ πάντα ὑπὸ τούτων ἀποκρύπτε-
ται, περιμένειν δὲ τηνικαῦτα παρεξετάσαι, ὁπηνίκα ἴσων ἔχοιμεν μνημονεῦ-
σαι· οὐκ οἶμαί γε δεῖν, ὅτι γε οὐδὲ θαυμαστὰ ὁμοίως ἂν ἦν, εἴ τινα
εἴχομεν εἰπεῖν ὅμοια. καὶ μὴν οὐδ' ἐκεῖνό γε ἀγνοῶ, ὅτι ταῦτ' ἔτι φαυλό- 41
τερα ὧν ἀρτίως ἐξήτασα περιβολῇ τε ἀρχῆς καὶ ὄγκῳ πραγμάτων φανεῖται
[τὰ Ἑλληνικὰ τῶν Περσικῶν]· ἀλλὰ τὸ τοὺς μὲν βαρβάρους ταῖς περιου-
σίαις καὶ ταῖς δυνάμεσιν ὑπερβαλέσθαι, τοὺς δὲ Ἕλληνας σοφίᾳ καὶ
σωφροσύνῃ παρελθεῖν, μέγα μοι δοκεῖ καὶ παντελὲς εἰς ἀρετῆς εἶναι
λόγον καὶ παντὸς ἀγώνισμα λαμπρότερον. τοῦτ' οὖν ἐρῶν ἔρχομαι, ὅπως 42
ἐκεῖνοι καὶ πηλίκοις οὖσι τοῖς ἑαυτῶν ἐχρήσαντο πράγμασι· κἂν φανῶσι
πολὺ μικρότερα διασώσασθαι μὴ δυνηθέντες, δῆλον τὸ συνθησόμενον εἰς
τὴν ψῆφον. Ἔπραξαν μὲν γὰρ πᾶν ὑπὲρ ἀρχῆς καὶ ἡγεμονίας Ἀθηναῖοι 43
καὶ Λακεδαιμόνιοι, καὶ ἦν αὐτῶν ἡ δύναμις πλεῖν τὴν θάλατταν καὶ τῶν
Κυκλάδων ἄρχειν καὶ τὰ ἐπὶ Θρᾴκης ἔχειν καὶ Πύλας καὶ Ἑλλήσποντον
καὶ Κορυφάσιον· καὶ ταῦτ' ἦν ἡ δύναμις. καὶ ἔπαθον δὴ παραπλήσιον
ὥσπερ ἂν εἴ τις σώματος ἐπιθυμῶν γενέσθαι κύριος ὄνυχάς τινας καὶ
ἄκρα λάβοι ἀντὶ ὅλου τοῦ σώματος καὶ ταῦτα <ἔχων> ἔχειν οἴοιτο ἅπερ
ἐβούλετο· ὡς δὲ κἀκεῖνοι ἡγεμονίας ἐπιθυμήσαντες νησίδια καὶ ἄκρας ἐπὶ
θαλάττῃ καὶ λιμένας καὶ τοιαῦτα ἐξεκαρπώσαντο καὶ κατετρίφθησαν περὶ

τὴν θάλατταν, ὀνειροπολήσαντες ἡγεμονίαν μᾶλλον ἢ κτήσασθαι δυνηθέντες·
44 γενόμενοι δὲ ὅμως ἐπὶ καιρῶν, ὥσπερ ἐν κλήρου περιόδῳ, ἐπιστάται τῶν
Ἑλλήνων ἑκάτεροι οὐδ' εἰς μίαν. ὡς εἰπεῖν, γενεὰν διεσώσαντο τὴν τάξιν·
οὔκουν ἀμέμπτως γε, ἀλλὰ τοῦτο δὴ τὸ λεγόμενον τὴν Καδμείαν νίκην
ἐνίκων ἀλλήλους περὶ τῆς ἡγεμονίας. ὥσπερ οὐκ ἀξιοῦντες τοὺς ἑτέρους
μόνους μισεῖσθαι ἀεὶ οἱ ἕτεροι, ἀλλ' αὐτοὶ τοῦ μέρους μεταλαμβάνειν.
45 τοῦτο μὲν γὰρ Λακεδαιμονίων εἷς ἡγεμὼν οὕτω διέθηκε τοὺς Ἕλληνας
ὥστ' ἀπαλλαγέντας ἀπ' αὐτῶν ἑκόντας <ἀσ>μένους ἑαυτοῖς ἑτέρους
ἄρχοντας ζητῆσαι. δόντες δ' ἑαυτοὺς Ἀθηναίοις. ὡς χρόνος οὐ πολὺς
διῆλθε, μετέγνωσαν, οὔτε τῶν φόρων φέροντες τὴν ἀμετρίαν οὔτε τοὺς
ἐπὶ τῇ τούτων προφάσει παρακλέπτοντας [αὑτοῖς], ἀνάσπαστοί τε γιγνό-
μενοι καθ' ἕκαστον ἐνιαυτόν, Ἀθήνησι περὶ τῶν παρ' ἑαυτοῖς ὑφέξοντες
λόγον, κληρούχων τε σφίσιν ἐπὶ τὴν γῆν πεμπομένων καὶ παρὰ τοὺς
46 φόρους ἀργυρολόγων. εἴ που χρεία κατάσχοι ἑτέρα· προσέτι τάς τε
ἀκροπόλεις ἐλευθέρας ἔχειν οὐ δυνάμενοι καὶ ἐπὶ τοῖς δημαγωγοῖς ὄντες
τοῖς ἐκείνων. εὖ καὶ χεῖρον φρονοῦσιν ὁμοίως. στρατεύσασθαί τε ἀναγκα-
ζόμενοι στρατείας οὐκ ἀναγκαίας ἐν ἱερομηνίαις καὶ ἑορταῖς πολλάκις. ὡς
δ' εἰπεῖν ἁπλῶς, οὐδὲν τηλικοῦτον τῆς προστασίας ἀπολαύοντες ἀνθ' ὅτου
47 ταῦτα ἄξιον ἦν ὑπομεῖναι. δυσχεραίνοντες δ' ἐκ τούτων τοὺς Ἀθηναίους
οἱ πολλοὶ καὶ πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους πάλιν μεταστάντες τὸν αὐτὸν
τρόπον ὅνπερ πρότερον ἀπ' ἐκείνων πρὸς τοὺς Ἀθηναίους, [τὸν αὐτὸν
τρόπον] ὑπ' ἐκείνων πάλιν ἐξηπατήθησαν. προειπόντες γὰρ ὑπὲρ τῆς τῶν
Ἑλλήνων ἐλευθερίας πολεμήσειν Ἀθηναίοις καὶ τούτῳ προσαγόμενοι τοὺς
πολλούς. ἐπειδὴ καθεῖλον ἐκείνων τὰ τείχη καὶ κύριοι τῶν πραγμάτων
καὶ τοῦ πάντα ποιεῖν ἐγένοντο, τοσοῦτον ὑπερεβάλλοντο ὥστε τυραννίδας
ἐν πάσαις ταῖς Ἑλληνίσι πόλεσι κατέστησαν. ἃς προσεῖπον εὐφήμως
48 δεκαρχίας· καὶ μίαν καθελόντες τὴν Ἀθηναίων δυναστείαν πολλὰς
τὰς παρ' αὐτῶν ἀντεισῆγον, αἳ οὐκ Ἀθήνησιν οὐδ' ἐν Σπάρτῃ διατελοῦ-
σαι κακῶς ἐποίουν τοὺς ἀρχομένους. ἀλλ' ἐν αὐτοῖς τοῖς σφετέροις ἕκα-
σται χωρίοις συνεχῶς ἱδρυμέναι καὶ οἷον συμπεπλεγμέναι. ὥστ' εἰ ἀρχόμε-
νοι τοῦ πολέμου προεῖπον τοῖς Ἕλλησιν ὅτι ὑπὲρ τούτου πολεμήσουσιν
Ἀθηναίοις, ὅπως μείζω καὶ πλείω σφᾶς ἐκείνων κακὰ ἐργάσαιντο καὶ
δείξαιεν ἐλευθερίαν αὐτοῖς ὄντα τὰ ἀπ' ἐκείνων, μὴ ἂν αὐτοὺς ἄμεινον
49 βεβαιῶσαι τὴν ἐπαγγελίαν. καὶ γὰρ οὖν ἡττῶντο μὲν εὐθέως ἑνὸς φυγά-
δος, κατελείποντο δὲ ὑπὸ Θηβαίων, ἐμισοῦντο δὲ ὑπὸ Κορινθίων, ἐπίμ-

πλατο δὲ ἡ θάλαττα τῶν ἁρμοστῶν ἐκπιπτόντων, ἅτε ἀναρμόστων καὶ οὐ
κατὰ τοὔνομα ἐγκατασταθέντων τε καὶ ἐχόντων τὰς πόλεις. ἐπειδή 50
τε τοῖς ἐκείνων ἀδικήμασι καὶ τῷ μίσει τῷ διὰ ταῦτα εἰς αὐτοὺς παρὰ
τῶν Ἑλλήνων αὐξηθέντες Θηβαῖοι ἐκράτησαν αὐτοὺς [τὴν ἐν Λεύκτροις
μάχην], ὁμοῦ τε Λακεδαιμόνιοι ἐκποδὼν ἦσαν καὶ Θηβαίους οὐδεὶς αὖ
φέρειν ἐδύνατο μίαν μάχην εὐτυχήσαντας, ἀλλ' ἀπεφάνθη λυσιτελοῦν ἔτι
τὴν Καδμείαν [ἀν]έχεσθαι μᾶλλον ἢ κεκρατηκέναι Λακεδαιμονίων <Θε-
βαίους>· οὕτως ἐμισήθησαν. Καὶ ταῦτα οὐ δή που κατηγορίας ἕνεκα 51
κοινῆς τῶν Ἑλλήνων συνεσκευασάμην, ὥσπερ ὁ θαυμαστὸς ἐκεῖνος ὁ τὸν
Τρικάρανον ποιήσας—μήποτε ἀνάγκη τοσαύτη γένοιτο—. ἀλλ' ἐκεῖνο
ἐπιδεικνύναι βουλόμενος, ὅτι οὔπω πρὸ ὑμῶν ἦν τὸ ἄρχειν εἰδέναι· εἰ
γὰρ ἦν, ἐν τοῖς Ἕλλησιν ἦν ἄν, οἳ πλεῖστον δή που τῶν γε ἄλλων
σοφίᾳ διήνεγκαν· ἀλλὰ καὶ τοῦτο ὑμέτερόν ἐστιν εὕρημα καὶ ὁμοῦ τοῖς
ἄλλοις ἐπεισελθόν. ἐπεὶ τό γε λεχθὲν ἐπ' Ἀθηναίων κινδυνεύει καὶ περὶ
πάντων, εἴ τις εἴποι, τῶν Ἑλλήνων ἀληθὲς εἶναι. ἐπεὶ τοῖς μὲν ἄρχου-
σιν ἀντιστῆναι καὶ κρατῆσαι Πέρσας καὶ Λυδοὺς καὶ πλοῦς τε καὶ πόνους
ὑπενεγκεῖν ἀγαθοὶ παντὸς μᾶλλον ἦσαν. ἄρχειν δὲ αὐτοὶ ἔτι ἀπαίδευτοι
ἦσαν, πειρώμενοί τε ἐσφάλλοντο. καὶ πρῶτον μὲν φρουροὺς εἰσέπεμπον 52
εἰς τὰς πόλεις, οἳ τῶν μὲν ἐπιχωρίων ἑκάστων καὶ εἰς οὓς ἐπέμποντο
οὐκ ἐλάττους ἀεὶ δήπουθεν ἦσαν· ὑπόνοιαν δὲ ἐποίουν καὶ τοῖς μήπω
φρουρουμένοις ὡς πάντα πρὸς ἰσχὺν καὶ βίαν ἄγοντες. ἀμφότερα οὖν συνέ-
βαινε, μήτε τὰς πόλεις ἀσφαλῶς ἔχειν καὶ προσέτι μισεῖσθαι καὶ τὰ κακὰ
τῆς ἀρχῆς ἀντὶ τῶν τῆς ἀρχῆς ἀγαθῶν καρποῦσθαι, τὴν μὲν πλεονεξίαν
οὐ βέβαιον, τὴν δὲ τῆς πλεονεξίας δόξαν ἰσχυρὰν ἔχοντας. ἔπειτα τί 53
πρὸς τούτοις συνέβαινε; διασπωμένους ἀεὶ καὶ διαιρουμένους ἀσθενεστέρους
τὰ οἴκοι γίγνεσθαι καὶ μὴ ἱκανοὺς τὴν ἑαυτῶν σῴζειν, διὰ τὸ ζητεῖν τὴν
ἑτέρων ἔχειν. οὔτ' οὖν ὧν ἄρχειν ἐφίεντο ὑπερβαλέσθαι τότε ἐδύναντο
πλήθει τούτων ὧν ἔπεμπον, οὔθ' ἑαυτοῖς τὸ μένειν ἴσοις κατέλιπον. ἀλλ'
ἦσαν ἐλάττους μὲν ἔξω, ἐλάττους δὲ οἴκοι, καὶ τὸ προϊέναι τὴν ἀρχὴν
αὐτοῖς εἰς ἄπορον καθίστατο, οὐκ ἔχουσι τὰ τελευταῖα δι' ὅτων αὐτὴν
καθέξουσιν· ὥστε τοὔμπαλιν ἔσπευδον ὧν ἐδέοντο. καὶ ἦν τὸ μὲν προχω-
ρεῖν αὐτοῖς ἃ ἐβούλοντο ἀμήχανον καὶ κατάρας ἐγγύς, τὸ δὲ μὴ προχω-
ρεῖν κουφότερόν τε καὶ ἧττους ἔχον τοὺς φόβους. οὐδὲν γὰρ ἄλλο ἢ διοικι-
ζομένοις ἐῴκεσαν ἀντὶ ἀρχόντων καὶ πονοῦσιν ὑπὲρ τοῦ πονεῖν. ἅμα γὰρ
τῷ τέλει τὸ κεφάλαιον εὐθὺς ἐλάνθανε λυόμενον, καὶ πάλιν εἰς ταὐτὸ

54 κατὰ τοὺς ποιητὰς κατῄει. ἔτι δ' οὔτ' ἰσχύειν αὐτοῖς συνέφερε τοὺς
ἀρχομένους διὰ τὰς ἐπιβουλὰς οὔτ' ἀσθενεῖς εἶναι διὰ τοὺς παρὰ τῶν
ἔξωθεν αὖ πολέμους καὶ ὅπως ᾖ τι πλέον τῆς συμμαχίας, ἀλλ' ἐπεπόν-
θεσαν πρὸς αὐτοὺς παραπλήσιον ὅπερ οἱ ἐν ταῖς παιδιαῖς τῇ μὲν εἰς
τοὔμπροσθεν ἄγοντες, τῇ δ' εἰς τοὔπισθεν ἀνθέλκοντες, οὐκ ἔχοντες ὅ τι
χρήσονται, ἀλλ' οἷον εἶναί τε καὶ μὴ εἶναι αὐτοὺς βουλόμενοι. αὐτοὶ
μεταχειριζόμενοί τε καὶ ἄγοντες, ὅποι σπεύδουσιν, εἰπεῖν οὐκ ἔχοντες.
55 τὸ δὲ πάντων γελοιότατόν τε καὶ ἀτοπώτατον· ἐπὶ γὰρ τοὺς ἀφισταμένους
αὐτῶν τοὺς λοιποὺς ἐν νῷ τὸ αὐτὸ ποιεῖν ἔχοντας ἠνάγκαζον ἰέναι.
παραπλήσιον ποιοῦντες ὥσπερ ἂν εἰ αὐτοὺς τοὺς ἀφεστηκότας ἐφ' ἑαυτοὺς
ἔπειθον ἰέναι. καὶ οὐκ ἐλογίζοντο τοὺς τῆς ἐκείνων ὄντας μερίδος τούτους
ἐπ' αὐτοὺς ἄγοντες, οἷς οὐκ ἐλυσιτέλει δή που καθ' αὑτῶν καταδεικνύναι
τὸ τοῖς ἄλλοις σπουδῇ βοηθεῖν. ὥστε κἀνταῦθα τοὐναντίον ἢ ἐβούλοντό
56 τε καὶ συνέφερε διεπράττοντο· βουλόμενοι γὰρ τοὺς ἀφισταμένους προσά-
γεσθαι καὶ τοὺς παραμένοντας ἂν ἐποίουν ἀφίστασθαι. ἐδείκνυσαν γὰρ
αὐτοῖς ὅτι μένοντες μὲν ἐπ' ἀλλήλους ὑπάρξουσιν αὐτοῖς. κοινῇ θ' ἅπαν-
τες ἀποστάντες ἐλεύθεροι βεβαίως ἔσονται· οὐ γὰρ καταλείψουσι τελευτῶντες
δι' ὧν ληφθήσονται. ὥστε τοσούτῳ περὶ αὐτοὺς ἦσαν φαυλότεροι τῶν
ἀπίστων συμμάχων, ὅσῳ οἱ μὲν καθ' ἑαυτοὺς ἕκαστοι ἀπεχώρουν, οἱ δὲ
57 κοινὴν ἀπόστασιν ἐξ ὧν ἔπραττον εἰσηγοῦντο. Οὕτω τότε ἀρχῆς οὔπω
τάξις ἦν, οὐδ' εἰδότες αὐτὴν ἐδίωκον, ἀλλὰ καίπερ μικρὰ καὶ οἷον ἐσχα-
τιὰς καὶ κλήρους ἔχοντες οὐκ ἠδυνήθησαν οὐδ' αὐτὰ ταῦτα διασώσασθαι
διὰ τὴν τοῦ ἄρχειν ἀπειρίαν τε καὶ ἀδυναμίαν, οὔτε φιλανθρώπως ἄγοντες
τὰς πόλεις οὔτ' ἐγκρατῶς ἔχειν δυνάμενοι, βαρεῖς ἅμα καὶ ἀσθενεῖς
ὄντες. τελευταῖον δ' οὖν γυμνωθέντες κατὰ τὸν Αἰσώπου κολοιὸν μόνοι
πρὸς ἅπαντας ἐμάχοντο.
58 Τοῦτο μέντοι τὸ τοὺς πρόσθεν ἅπαντας, ὡς εἰπεῖν, ἀνθρώπους
διαφυγὸν ὑμῖν ἐτηρήθη μόνοις εὑρεῖν τε καὶ τελεώσασθαι· καὶ θαυμαστὸν
οὐδέν. ὥσπερ γὰρ τῶν ἄλλων πραγμάτων ἐπὶ ταῖς ὕλαις ἀπαντῶσιν αἱ
τέχναι, οὕτως ὅτε ἀρχὴ μεγίστη καὶ δύναμις διαφέρουσα συνέστη, τότ'
ἐπ' αὐτῇ καὶ ἡ τέχνη συνετέθη τε καὶ συνεισῆλθεν, καὶ ἄμφω δὴ δι'
ἀλλήλων ἐκρατύνθη· διὰ μὲν τὸ τῆς ἀρχῆς μέγεθος καὶ ἡ ἐμπειρία
ἀναγκαίως περιεγένετο, διὰ δ' αὖ τὸ ἄρχειν εἰδέναι δικαίως ἅμα καὶ εἰκό-
59 τως ηὔξησεν ἡ ἀρχή. τοῦτο δὲ καὶ πολὺ μάλιστα πάντων ἄξιον ἰδεῖν
καὶ θαυμάσαι τῶν περὶ τὴν πολιτείαν [καὶ] τὴν τῆς διανοίας μεγαλοπρέ-

πειαν, ὡς οὐδὲν ἐοικὸς αὐτῇ τῶν πάντων. διελόντες γὰρ δύο μέρη πάντας
τοὺς ἐπὶ τῆς ἀρχῆς—τοῦτο δ' εἰπὼν ἅπασαν εἴρηκα τὴν οἰκουμένην—,
τὸ μὲν χαριέστερόν τε καὶ γενναιότερον καὶ δυνατώτερον πανταχοῦ πολιτικὸν
ἢ καὶ ὁμόφυλον πᾶν ἀπεδείξατε, τὸ δὲ λοιπὸν ὑπήκοόν τε καὶ ἀρχόμενον. καὶ 60
οὔτε θάλαττα διείργει τὸ μὴ εἶναι πολίτην οὔτε πλῆθος τῆς ἐν μέσῳ
χώρας, οὐδ' Ἀσία καὶ Εὐρώπη διῄρηται ἐνταῦθα· πρόκειται δ' ἐν μέσῳ
πᾶσι πάντα· ξένος δ' οὐδεὶς ὅστις ἀρχῆς ἢ πίστεως ἄξιος, ἀλλὰ καθέστηκε
κοινὴ τῆς γῆς δημοκρατία ὑφ' ἑνὶ τῷ ἀρίστῳ ἄρχοντι καὶ κοσμητῇ, καὶ
πάντες ὥσπερ εἰς κοινὴν ἀγορὰν συνίασι τευξόμενοι τῆς ἀξίας ἕκαστοι.
ὅπερ δὲ πόλις τοῖς αὐτῆς ὁρίοις καὶ χώραις ἐστίν, τοῦθ' ἥδε ἡ πόλις τῇ 61
πάσῃ οἰκουμένῃ, ὥσπερ αὐτῆς [χώρας] ἄστυ κοινὸν ἀποδεδειγμένη· φαίης
ἂν περιοίκους ἅπαντας ἢ κατὰ δῆμον οἰκοῦντας <ἄλλους> ἄλλον χῶρον
εἰς μίαν ταύτην ἀκρόπολιν συνέρχεσθαι. ἡ δὲ οὐδεπώποτε ἀπεῖπεν, 62
ἀλλ' ὥσπερ τὸ τῆς γῆς ἔδαφος φέρει πάντας, οὕτω καὶ ἥδε δέχεται μὲν
τοὺς ἐξ ἁπάσης γῆς, ὥσπερ τοὺς ποταμοὺς θάλαττα· κοινὸν δ' αὐτῇ καὶ
τοῦτο πρὸς τὴν θάλαττάν ἐστιν· οὔτε γὰρ ἐκείνη μείζων ὑπὸ τῆς ἐμβολῆς
τῶν ποταμῶν γίγνεται, ὡς συνειμαρμένου τούτου † σὺν αὐτοῖς εἰς ῥοῦν
αὐτὴν ἔχειν τὸ μέγεθος †, <οὔτε> τῇδε ὑπὸ μεγέθους οὐδὲν ἐπίδηλον·
ὥσπερ δὲ οἱ τοῖς κόλποις δεχόμενοι, πάντα οὕτως κρύψασα ἔχει, ἐξιόντων
καὶ εἰσιόντων ἴση οὖσά τε καὶ φαινομένη. καὶ τοῦτο μὲν δὴ τοῦ λόγου 63
ὑπενεγκόντος οὕτω παρεφθέγχθω. ὅπερ δὲ ἐλέγομεν, μεγάλοι μεγάλως
ἐμετρήσατε τὴν πόλιν, καὶ οὐκ ἀποσεμνυνάμενοι τούτῳ θαυμαστὴν ἐποιή-
σατε, τῷ μηδενὶ τῶν ἄλλων αὐτῆς μεταδιδόναι, ἀλλὰ τὸ πλήρωμα αὐτῆς
ἄξιον ἐζητήσατε, καὶ τὸ Ῥωμαῖον εἶναι ἐποιήσατε οὐ πόλεως, ἀλλὰ
γένους ὄνομα κοινοῦ τινος, καὶ τούτου οὐχ ἑνὸς τῶν πάντων, ἀλλ' ἀντιρ-
ρόπου πᾶσι τοῖς λοιποῖς. οὐ γὰρ εἰς Ἕλληνας καὶ βαρβάρους διαιρεῖτε
νῦν τὰ γένη, οὐδὲ γελοίαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφήνατε αὐτοῖς πολυανθρωπο-
τέραν τὴν πόλιν παρεχόμενοι ἢ κατὰ πᾶν, ὡς εἰπεῖν, τὸ Ἑλληνικὸν
φῦλον, ἀλλ' εἰς Ῥωμαίους τε καὶ οὐ Ῥωμαίους ἀντιδιείλετε· ἐπὶ τοσοῦτον
ἐξηγάγετε τὸ τῆς πόλεως ὄνομα. τούτων δὲ οὕτω διῃρημένων πολλοὶ 64
μὲν ἐν ἑκάστῃ πόλει πολῖται ὑμέτεροι οὐχ ἧττον ἢ τῶν ὁμοφύλων, οὐδ'
ἰδόντες πώ τινες αὐτῶν τὴν πόλιν, φρουρῶν δὲ οὐδὲν δεῖ τὰς ἀκροπόλεις
ἐχόντων, ἀλλ' οἱ ἑκασταχόθεν μέγιστοι καὶ δυνατώτατοι τὰς ἑαυτῶν πα-
τρίδας ὑμῖν φυλάττουσιν· καὶ διπλῇ τὰς πόλεις ἔχετε, ἐνθένδε τε καὶ
παρ' αὐτῶν ἑκάστας. φθόνος δὲ οὐδεὶς ἐπιβαίνει τῆς ἀρχῆς· αὐτοὶ γὰρ 65

ὑπήρξατε τοῦ μὴ φθονεῖν, ἅπαντα εἰς τὸ μέσον καταθέντες καὶ παρα-
σχόντες τοῖς δυναμένοις μὴ ἄρχεσθαι μᾶλλον ἢ ἄρχειν ἐν τῷ μέρει· οὐ
τοίνυν οὐδὲ μῖσος ἐκ τῶν ἀπολειπομένων ὕπεισι· διὰ γὰρ τὸ κοινὴν εἶναι
τὴν πολιτείαν καὶ οἷον πόλεως μιᾶς, εἰκότως οὐχ ὡς ἀλλοτρίων, ἀλλ'
ὡς οἰκείων <οἱ> ἄρχοντες ἄρχουσιν· ἔτι δὲ καὶ μέτεστιν <ἐν> αὐτῇ
πᾶσιν ἄδεια τοῖς πλήθεσιν ἐκ τῶν παρ' αὐτοῖς δυνατῶν, ... ἡ παρ'
ὑμῶν ἐπ' αὐτούς, ἐάν τι τολμῶσι παρακινεῖν, εὐθὺς ἥξουσα ὀργή τε καὶ
66 τιμωρία. οὕτω καὶ πένησι καὶ πλουσίοις εἰκότως τὰ παρόντα καὶ ἀρέ-
σκει καὶ συμφέρει. καὶ ἄλλως οὐ λέλειπται ζῆν· καὶ γέγονε μία ἁρμονία
πολιτείας ἅπαντας συγκεκλῃκυῖα, καὶ τὸ πρόσθεν δοκοῦν οὐ δυνατὸν εἶναι
συμβῆναι συνῆλθεν ἐφ' ὑμῶν, † κράτος ἀρχῆς ἅμα καὶ φιλανθρωπίας
67 καὶ μεγάλης γε καὶ οὐκ ἐνὸν ἄρχειν ἐγκρατεῖς, †. οὕτω δὴ καθαραὶ μὲν
φρουρῶν πόλεις, μόραι δὲ καὶ ἶλαι ἀποχρῶσιν ἐθνῶν ὅλων εἶναι φυλακή,
καὶ οὐδ' αὗται κατὰ τὰς πόλεις ἑκάστῳ τῶν γενῶν πολλαὶ ἱδρυμέναι, ἀλλ'
ἐν ἀριθμῷ τῶν ἄλλων ἐνεσπαρμέναι ταῖς χώραις, ὥστε πολλὰ τῶν ἐθνῶν
ἀγνοεῖν ὅπου ποτ' ἐστὶν αὐτοῖς ἡ φρουρά. εἰ δέ που πόλις δι' ὑπερβολὴν
μεγέθους ὑπερῆρκε τὸ δύνασθαι σωφρονεῖν καθ' αὑτήν, οὐδὲ τούτοις ἐφθο-
νήσατε τῶν ἐπιστησομένων τε καὶ διαφυλαξόντων. καὶ γάρ τοι ἥδιον μὲν
ὑμῖν ἅπαντες ἀποπέμπουσι τοὺς φόρους ἢ παρ' ἄλλων ἄν τινες αὐτοὶ
68 λαμβάνοιεν· εἰκότως. ἄρχειν μὲν γὰρ οἷς μὴ δύναμις οὐ σωτήριον,
ἄρχεσθαι δ' ὑπὸ τῶν κρειττόνων ὁ δεύτερος, φασί, πλοῦς, ὑπὸ δὲ ὑμῶν
νῦν καὶ πρῶτος ἀπεφάνθη. πάντες οὖν ἀπρὶξ ἔχονται καὶ οὐ πρότερον
ἀξιώσαιεν ἂν ἀποστῆναι ἢ οἱ πλέοντες τοῦ κυβερνήτου· ἀλλ' οἷον αἱ νυκ-
τερίδες ἐν τοῖς ἄντροις ἀλλήλων τε καὶ λίθων ἔχονται προσπεφυκυῖαι,
οὕτως ὑμῶν ἅπαντες ἐξήρτηνται σὺν πολλῷ φόβῳ καὶ προνοίᾳ μή τις
ἀποπέσῃ τούτου τοῦ ὁρμαθοῦ, καὶ πρότερον ἂν δείσαιεν μὴ ὑφ' ὑμῶν
69 καταλειφθῶσιν ἢ ὑμᾶς ἂν αὐτοὶ καταλίποιεν. ἀντὶ δὲ ἀμφισβητήσεως
ἀρχῆς τε καὶ πρωτείων, ὑφ' ὧν ἅπαντες οἱ πρότερον συνερρήγνυντο πόλε-
μοι, οἱ μὲν ὥσπερ ὕδωρ ἀψοφητὶ ῥέον ἥδιστα ἡσυχάζουσιν, ἄσμενοι πόνων
παυσάμενοι καὶ κακῶν, μετεγνωκότες ὡς ἄρα ἄλλως ἐσκιαμάχουν, οἱ δ'
οὐδ' ἣν ποτε ἦρξαν ἴσασιν οὐδ' ἀναμιμνήσκονται, ἀλλ' ἀτεχνῶς κατὰ τὸν
Παμφύλου μῦθον, εἰ δὲ μή, Πλάτωνος (rp. 614 B), οἷον ἐπὶ τῇ πυρᾷ
ἤδη κείμεναι αἱ πόλεις ὑπὸ τῆς πρὸς ἀλλήλας ἔριδος καὶ ταραχῆς ἀθρόαν
ἐδέξαντο τὴν ἡγεμονίαν καὶ ἐξαίφνης ἀνεβίωσαν. ὅπως δὲ εἰς τοῦτο ἀφί-
κοντο οὐκ ἔχουσιν εἰπεῖν, οὐδ' ἴσασιν οὐδὲν πλὴν τὰ παρόντα θαυμάζειν.

ἀλλὰ πεπόνθασιν οἷον οἱ ἀφυπνισθέντες καὶ ἀντὶ τῶν ὀνειράτων ὧν ἀρτίως
ἑώρων ἐξαίφνης ταῦτα παριδόντες καὶ ἐν αὐτοῖς γενόμενοι. πόλεμοι δὲ 70
οὐδ᾽ εἰ πώποτε ἐγένοντο ἔτι πιστεύονται, ἀλλ᾽ ἐν ἄλλως μύθων τάξει
τοῖς πολλοῖς ἀκούονται, εἰ δέ που καὶ συμπλακεῖεν ἐπ᾽ ἐσχατιαῖς, οἷα
εἰκὸς ἐν ἀρχῇ μεγάλῃ καὶ ἀμετρήτῳ παρανοίᾳ Γετῶν ἢ δυστυχίᾳ Λιβύων
ἢ κακοδαιμονίᾳ τῶν περὶ τὴν ἐρυθρὰν θάλατταν, ἀγαθοῖς παροῦσι χρήσα-
σθαι μὴ δυναμένων. ἀτεχνῶς ὥσπερ μῦθοι ταχέως αὐτοί τε παρῆλθον
καὶ οἱ περὶ αὐτῶν λόγοι. τοσαύτη ἄρ᾽ ὑμῖν εἰρήνη, † κἂν πάτριον 71
πολεμεῖν· . . . . οὐ γὰρ οἱ χθὲς σκυτοτόμοι καὶ τέκτονες τήμερον ὁπλῖται
καὶ ἱππεῖς. οὐδ᾽ ὥσπερ ἐπὶ σκηνῆς στρατιώτης μετεσκεύασται ὃς ἀρτίως
ἦν γεωργός, οὐδ᾽ οἷον ἐν οἰκίᾳ πενιχρᾷ οἱ αὐτοὶ ὀψοποιοὶ οἰκουροῦσιν,
στρωννύουσιν, οὐχ οὕτως καὶ ὑμεῖς ἀνεμίξατε· οὐδὲ τοὺς ἐπ᾽ ἄλλων ὄντας
στρατιώτας ὑπὸ τῆς χρείας γενήσεσθαι ἀνεμείνατε, οὐδὲ ἐπετρέψατε τοῖς
πολεμίοις συγκαλεῖν ὑμᾶς. ἀλλὰ. . . .

. . . . . τὰ περὶ τὴν ὅλην ἀρχήν τε καὶ τὴν περὶ ταύτην πολιτείαν 72
εἴρηται ὅντιν᾽ ἔγνωτε τρόπον καὶ ὅπως κατεστήσασθε· περὶ δὲ τοῦ μαχίμου
καὶ τῶν κατὰ στρατείας νῦν καιρὸς εἰπεῖν. ὅπως αὖ καὶ τοῦτ᾽ ἐπενοήσατε
καὶ ἥντινα τάξιν αὐτῷ ἀπέδοτε. θαυμαστὴ ἄρ᾽ ἦν καὶ ἡ περὶ τοῦτο σοφία
καὶ παράδειγμα εἰς τὸ παντελὲς οὐκ ἔχει. μέχρι μὲν γὰρ τοῦ τὸ 73
μάχιμον ἀποκρῖναι καὶ Αἰγύπτιοι προῆλθον καὶ ἐδόκουν τοῦτο σοφώτατον
εὑρεῖν, ὅτι αὐτοῖς ἰδίᾳ ἀπὸ τῶν ἄλλων ἵδρυντο οἱ προπολεμοῦντες τῆς
χώρας, ὥσπερ καὶ ἄλλα πολλὰ παρὰ τοὺς ἄλλους ἐδόκουν εἶναι, ᾗ φασιν,
Αἰγύπτιοι σοφοί. τοῦτο δὲ ὑμεῖς κατὰ ταὐτὸ γνόντες οὐ ταὐτὸν ἐποιήσατε.
ἀλλὰ τοσούτῳ κάλλιον καὶ σοφώτερον αὐτοὶ διείλεσθε, ὥστε ἐν ἐκείνῳ
μὲν τῷ συντάγματι οὐκ ἦν ἴσον ἔχειν τῆς πολιτείας ἀλλήλοις. ἀλλ᾽ ἦσαν
ἐν τῷ χείρονι οἱ στρατευόμενοι τῶν ἡσυχαζόντων μόνοι πονοῦντες δι᾽
αἰῶνος — οὔκουν ἴσως οὐδὲ ἡδέως εἶχεν αὐτοῖς —, παρ᾽ ὑμῖν δὲ ἁπάντων
ἐχόντων τὸ ἴσον, τὸ μάχιμον δυνατὸν χωρὶς ἱδρῦσθαι. οὕτω καὶ Ἑλλήνων
τόλμα καὶ Αἰγυπτίων καὶ ὅτων εἴποι τις ἂν τῆς ὑμετέρας ἡττᾶται. καὶ 74
τοσοῦτον ὑμῶν λειπόμενοι πάντες τοῖς ὅπλοις, ἔτι τῇ γνώμῃ πλέον εἰσὶν
ὀπίσω· τὸ μὲν γὰρ τοὺς ἀπὸ τῆς πόλεως στρατεύεσθαι καὶ ταλαιπωρεῖν
οὐκ ἄξια τῆς ἀρχῆς καὶ τῆς παρούσης εὐδαιμονίας ἀπολαύειν εἶναι ἐνομί-
σατε, ξένοις δὲ οὐκ ἐπιστεύσατε· ἔδει δὲ στρατιωτῶν πρὸ τῆς ἀνάγκης.
πῶς οὖν ἐποιήσατε; εὕρετε οἰκεῖον στράτευμα. τῶν πολιτῶν οὐκ ἐνοχλου-
μένων. τοῦτο δὲ ὑμῖν ἐπόρισεν ἡ περὶ πάσης τῆς ἀρχῆς βουλὴ καὶ τὸ

75 μηδέν' ἐγκρίνειν ξένον εἰς μηδὲν ὧν ἂν δύνηταί τε καὶ δέῃ ποιεῖν. τίς
οὖν ἡ συλλογὴ καὶ τίς ὁ τρόπος; ἐλθόντες ἐπὶ πᾶσαν τὴν ὑπήκοον
ἐντεῦθεν ἐσκέψασθε τοὺς λειτουργήσοντας τήνδε τὴν λειτουργίαν, καὶ ὡς
εὕρετε, ὁμοῦ τῆς τε πατρίδος ἀπηλλάξατε καὶ τὴν ὑμετέραν αὐτῶν πόλιν
ἀντέδοτε αὐτοῖς· ὥστε καὶ αἰσχυνθῆναι τὸ λοιπὸν αὐτοὺς ἐκείνους γ'
ἀνειπεῖν, ὅθεν ἦσαν τὸ ἀρχαῖον. ποιησάμενοι δὲ πολίτας, οὕτως καὶ
στρατιώτας ἐποιήσατε ὥστε τούς τε ἀπὸ τῆς πόλεως μὴ στρατεύεσθαι
καὶ τοὺς στρατευομένους μηδ' ὁτιοῦν ἧττον εἶναι πολίτας, τῆς μὲν ἀρχαίας
ἀπόλιδας γεγενημένους ἅμα τῇ στρατείᾳ, τῆς δ' ὑμετέρας πολίτας τε καὶ
76 φρουροὺς ἀπὸ τῆς αὐτῆς ἡμέρας. καὶ πάντες τε οὕτως ἕπονται καὶ πόλις
οὐδεμία δυσμεναίνει, ἀλλὰ τοσούτους γε ἀφ' ἑκάστων ᾐτήσατε, ὅσοι μήτε
τοῖς διδοῦσιν ἔμελλον ἄχθος ποιήσειν μήτε αὐτάρκεις ἔσεσθαι πλήρωμα
ἑνὸς οἰκείου στρατεύματος παρασχέσθαι· ὥστε εὔνοιαν μὲν ἁπάσας ἔχειν
τὰς πόλεις τοῖς ἐκπεμφθεῖσιν, ὡς κοινοῖς ἑαυτῶν, ἰδίᾳ δὲ ἑκάστῃ μηδ'
ἡντινοῦν εἶναι δύναμιν ἀπὸ τῶν αὐτῆς μηδὲ βλέπειν ἄλλοσε τοὺς ἐξελθόν-
77 τας ἢ πρὸς ὑμᾶς, διὰ τὸ πρὸς τοῦτο μόνον καλῶς συντετάχθαι. καὶ
μὴν τούς γε ἐπιτηδειοτάτους ἑκασταχόθεν ἐπιλέξαντες κέρδος οὐ μικρὸν
τοῦτο εὕρασθε· οὐ γὰρ ᾤεσθε δεῖν ἐπὶ μὲν τὰς πανηγύρεις καὶ τοὺς
στεφανίτας ἀγῶνας τοὺς ἄριστα πεφυκότας καὶ τοῖς σώμασι προὔχοντας
ἐγκριθέντας ἀσκεῖσθαι, τοὺς δὲ τῶν μεγίστων καὶ ἀληθινῶν ἔργων ἀγωνι-
στὰς καὶ νικηφόρους ἐσομένους ὁπόσας ἂν τύχῃ νικᾶν ὑπὲρ ἀρχῆς τοιαύ-
της, τούτους δὲ ἐπὶ καιροῦ συνελθεῖν καὶ μὴ πόρρωθεν τοὺς μεγίστους
τε καὶ μάλιστα ἐπιτηδειοτάτους ἐξ ἁπάντων ἐπιλεχθέντας ἀσκεῖσθαι.
78 ὅπως εὐθὺς ἑστῶτες ὑπερέχοιεν. τούτους δὴ ἄρα καθάραντες καὶ φυλο-
κρινήσαντες [τὸ κοινὸν τῶν ἀρχόντων], οὐ χωρὶς ὧν εἶπον οὐδ' ὥστε
φθόνον ἕξειν μᾶλλον τοῖς ἄλλοις τοῖς ἐπὶ τῇ πόλεως μένουσιν, ἅτε οὐκ
ὄντας ὁμοτίμους τὸ ἀρχαῖον, ἀλλ' ἐν τιμῆς αὐτοὺς μέρει λήψεσθαι τὴν
μετουσίαν τῆς πολιτείας, οὕτως εὑρόντες τε καὶ διαθέντες αὐτοὺς ἠγάγετε
ἐπὶ τὰ πέρατα τῆς ἀρχῆς, κἀνταῦθα διαστήσαντες ἄλλοις ἄλλα φυλάττειν
79 ἀπενείματε. Τοιγαροῦν καὶ ὑπὲρ τῶν τειχῶν ἐβουλεύσασθέ τε καὶ
ἐπενοήσατε· νῦν γὰρ ἄξιον εἰπεῖν. οὔτε γὰρ κατὰ τὴν Λακεδαιμονίων
αὐθάδειαν ἀτείχιστον ἂν προσείποις τήνδε τὴν πόλιν οὔτ' αὖ τειχήρη
κατὰ τὴν Βαβυλῶνος λαμπρότητα, ἢ εἴ τις ἄλλη σεμνότερον ἐτειχίσθη
πρότερον ἢ ὕστερον, ἀλλὰ καὶ τοῦτον τὸν τειχισμὸν παιδιὰν καὶ γυναικὸς
80 ὡς ἀληθῶς ἔργον ἀπεφήνατε. αὐτῇ μὲν γὰρ τῇ πόλει περιβαλεῖν τὰ

τείχη, οἷον ἀποκρύπτοντες αὐτὴν ἢ φεύγοντες τοὺς ὑπηκόους. ἀγεννές τε
εἶναι καὶ οὐ πρὸς τῆς ἄλλης διανοίας ἐνομίσατε, οἷον εἴ τις δεσπότης
δεικνύοιτο τοὺς ἑαυτοῦ δούλους φοβούμενος. τειχῶν γε μὴν οὐκ ἠμελήσατε,
ταῦτα δὲ τῇ ἀρχῇ περιεβάλετε, οὐ τῇ πόλει· καὶ ἐστήσατε ὡς πορρωτάτω
λαμπρά τε καὶ ὑμῶν ἄξια, ὁρατὰ τοῖς εἴσω τοῦ κύκλου, ἡ δὲ πορεία ἐπ'
αὐτά, εἴ τις βούλοιτο ἰδεῖν, μηνῶν τε καὶ ἐνιαυτῶν ἀρξαμένῳ βαδίζειν
ἀπὸ τῆς πόλεως. ὑπὲρ γὰρ τὸν ἐξωτάτω κύκλον τῆς οἰκουμένης ἀτεχνῶς 81
οἷον ἐν τειχισμῷ πόλεως δεύτερον ἀγαγόντες ἕτερον εὐκαμπέστερόν τε καὶ
εὐφυλακτότερον, ἐνταῦθα τείχη τε προὐβάλεσθε καὶ πόλεις ἐφορίας ἐδεί-
μασθε, ἄλλας ἐν ἄλλοις μέρεσι πληρώσαντες οἰκητόρων, τέχνας τε ὑπουρ-
γοὺς δόντες αὐτοῖς καὶ τἄλλα κοσμήσαντες. ὥσπερ δὲ τάφρος κύκλῳ 82
περιείργει στρατόπεδον, ὥστε οὐ[δὲ] δέκα παρασάγγαι λογιζομένῳ τοῦ
περιβόλου τούτου τὸ περίμετρον, οὐδ' εἴκοσιν, οὐδ' ὀλίγῳ πλείους, οὐδ'
εἴποις ἂν εὐθὺς ὁπόσον, ἀλλ' ὅσον Αἰθιοπίας τὸ ἐποικούμενον καὶ Φᾶσις
ἐνθένδε καὶ Εὐφράτης ἄνω καὶ πρὸς ἑσπέραν ἡ μεγάλη τελευταία νῆσος
ἐντὸς ἀποκλῄουσιν, τοῦτο πᾶν ἔξεστι κύκλον καὶ περίβολον τῶν τειχῶν
εἰπεῖν. τὰ δὲ οὐκ ἀσφάλτῳ οὐδὲ πλίνθῳ ὀπτῇ δέδμηται οὐδὲ κόνει 83
στιλπνὰ ἕστηκεν. ἀλλ' ἔστι μὲν καὶ ταῦτα <τὰ> νομιζόμενα ἐφ' ἑκάστων
τῶν τόπων καὶ `μάλα πολλά, καὶ τοῖς λίθοις, ὥσπερ Ὅμηρος ἔφη
(II 212) τὸν κατ' οἰκίαν τοῖχον, `<πυκινῶς> ἅμα καὶ ἀκριβῶς ἡρμοσμένα
ἄπειρά τε μεγέθει καὶ λάμποντα χαλκοῦ στιλπνότερον. ὁ δὲ δὴ πολὺ 84
μείζων καὶ σεμνότερος κύκλος πάντῃ παντάπασιν ἀρραγὴς καὶ ἄλυτος πολὺ
πάντας ὑπερλάμπων καὶ οὐδεὶς τῶν πώποτε οὕτω παγείς, τούτων τῶν
τειχῶν προασπίζουσιν ἄνδρες φυγὴν οὐ νομίζοντες, ἡρμοσμένοι πρὸς ἀλλή-
λους ἐκείνῃ τῇ ἁρμονίᾳ, ᾗ τοὺς Μυρμιδόνας Ὅμηρός φησι (II 215),
πρὸς ὃν εἶπον τοῖχον τότε εἰκάζων, πᾶσι τοῖς ὀργάνοις τοῦ πολέμου·
συνεχῆ μὲν οὕτως ἀλλήλοις τὰ κράνη ὡς μὴ εἶναι μέσον ὀϊστὸν διεξελ-
θεῖν, ἀσπίδες δὲ ὑπὲρ κεφαλῆς ἐξαρθεῖσαι μετεώρους ἂν δέχοιντο δρόμους,
τοσούτῳ στερροτέρους τῶν κατ' ἄστυ ποιητῶν ὥστε καὶ ἱππεῦσιν ἔξεστιν
ἐπιθεῖν, καὶ τοῦτο δὴ τὸ Εὐριπίδου (Phoen. 110), κατάχαλκον ὁρᾶν
πεδίον τότε φήσεις ἀληθῶς. θώρακες δὲ οὕτως ἀλλήλων ἔχονται ὥστε,
εἰ καὶ γυμνὸν τάξαις τὸν μέσον, ἀρκεῖν αὐτῷ τὰ ἑκατέρωθεν ἀπαντῆσαι
μέχρι τοῦ μέσου· οἱ δὲ ἄκοντες οἷον ἐκ Διὸς περιπίπτοντες ἀλλήλους
ἐγκαταλαμβάνουσιν· τοιᾷδε ἄρ' ἁρμονίᾳ συγκέκλῃνται † ὅ τε τῶν διεξόδων
κύκλος τειχῶν τε καὶ ὁ τῆς πάσης ἔφορος γῆς †. πάλαι μὲν οὖν Δαρεῖ- 85

ος μετ' Ἀρταφέρνου καὶ Δάτιδος νῆσον μιᾶς μίαν πόλιν ἠδυνήθη σαγηνεύσας ἑλεῖν, ὑμεῖς δ' ἅπασαν, εἰ οἷόν τε εἰπεῖν, σαγηνεύσαντες τὴν οἰκουμένην οὕτως σῴζετε τοῖς κοινῇ [αὐτῆς] πολίταις τε καὶ ξένοις, οὕς, ὥσπερ ἔφην (§ 74 sqq.), ἐξ ἁπάντων προκρίναντες ἐξηγάγετε, ἐλπίδας τε παραστήσαντες τοῖς γιγνομένοις ἀγαθοῖς ἀνδράσι μὴ μεταμελήσειν — οὐ γὰρ ἐξ εὐπατριδῶν ἔσεσθαι τὸν ἀεὶ πρῶτον δυνάμενον καὶ δευτέρων τὸν δεύτερον καὶ τὴν ἄλλην τάξιν ὡσαύτως, <ἀλλ'> ἧς ἂν ἕκαστος ἀξίας ᾖ, ταύτην σχήσειν, ἅτε οὐ λόγων, ἀλλ' ἔργων ἐνταῦθα κρινόντων τοὺς ἀγαθούς —, παραδείγματά τε ἐμφανῆ πᾶσι τούτων ποιήσαντες, ὥστε ἅπαντας <τὴν> μὲν ἀργίαν συμφορὰν ἡγεῖσθαι, τὰς δὲ πράξεις ἀφορμὰς ὧν εὔχονται νομίζειν, καὶ κατὰ μὲν τῶν πολεμίων ὁμοφρονεῖν, πρὸς δὲ ἀλλήλους ὑπὲρ τοῦ πρόσθεν ἀγωνίζεσθαι διὰ βίου, μόνους δὲ ἀνθρώπων

86 εὔχεσθαι εὑρεῖν πολεμίους. ὥστε ὅταν μέν τις εἰς τὴν ἄσκησίν τε καὶ σύνταξιν ἴδῃ τοῦ στρατιωτικοῦ, τοῦτο δὴ νομιεῖ τὸ Ὁμηρικόν (Β 372), εἰ καὶ δέκα τόσοι εἶεν οἱ ἀντίπαλοι, ταχέως ἂν αὐτοὺς περιστραφέντας ἄνδρα παρὰ ἕνα † λειφθῆναι, ὅταν δὲ εἰς τὴν πλήρωσίν τε καὶ συλλογὴν αὐτοῦ βλέψῃ, τὸ τοῦ Αἰγυπτίου φήσει τε καὶ οἰήσεται, ὃς τῷ Καμβύσῃ διαρπάζοντι τὰ ἐν τῇ χώρᾳ καὶ τὰ ἱερὰ πορθοῦντι στὰς ἐπὶ τῶν τειχῶν τῶν Θηβαϊκῶν ἀνέτεινε γῆς τε βῶλον καὶ κύλικα ὕδατος ἀπὸ τοῦ Νείλου, σύμβολον ποιούμενος ὅτι, ἕως ἂν Αἴγυπτον αὐτὴν καὶ τὸν ποταμὸν Νεῖλον μετενεγκεῖν μὴ δύνηται μηδὲ ἀγαγεῖν ἀνάρπαστον, οὔπω τὸν Αἰγυπτίων πλοῦτον εἴληφεν, ἀλλὰ ταχέως αὐτοῖς ἄλλα τοσαῦτα γενήσεται τούτων μενόντων καὶ οὔποτε ἐπιλείψει πλοῦτος Αἴγυπτον, τοῦτο δὲ καὶ περὶ τοῦ ὑμετέρου στρατιωτικοῦ νομίσαι τε καὶ εἰπεῖν ἔξεστιν, ὅτι, ἕως ἂν τὴν χώραν αὐτὴν μὴ δύνωνταί τινες ἐξ ἕδρας ἀναστῆσαι μηδὲ κενώσαντες οἴχεσθαι, ἀλλ' ἀνάγκη ᾖ μένειν αὐτὴν ἐφ' ἑαυτῆς τὴν οἰκουμένην, ἀμήχανον ἐπιλείπειν ὑμᾶς πλήθη στρατιωτικά, ἀλλὰ τοσαῦτα ὁπόσα βούλεσθε

87 ὑπάρχειν ἀπὸ πάσης τῆς οὔσης ἀφικνούμενα. καὶ μὴν εἴς γε τακτικῶν λόγον παῖδας ἅπαντας ἀνθρώπους ἀπεφήνατε. οὐ γὰρ πρὸς τοὺς πολεμίους ἀσκεῖν μόνον προὔθεσθε αὐτὰ τοῖς στρατιώταις τε καὶ ἡγεμόσιν, ἀλλὰ πρὸς αὐτοὺς πρῶτον· ὥστε καθ' ἡμέραν ἑκάστην ἐν τάξει ζῆν καὶ μήποτε λιπεῖν μηδένα τὴν προστεταγμένην αὐτῷ, ἀλλ' οἷον ἐν χορῷ τινι αἰωνίῳ ἕκαστον τὴν ἑαυτοῦ χώραν εἰδέναι τε καὶ σῴζειν, καὶ τῷ μὲν ἐντιμοτέρῳ τὸν ἥττω μὴ διὰ τοῦτο φθονεῖν, ὧν δ' αὐτὸς μείζων ἐστὶν

88 ἀκριβῶς κρατεῖν. ἄχθομαι δ' ἔγωγε ἑτέρους φθάσαντας εἰπεῖν (Thuc.

V' 66, 4) ἐπὶ Λακεδαιμονίων, ὅτι ἄρα πλὴν ὀλίγων τὸ στρατόπεδον αὐτοῖς ἄρχοντες ἀρχόντων εἰσίν· ὑμῖν γὰρ ἥρμοττε τετηρῆσθαι καὶ ἐφ' ὑμῶν πρῶτον εἰρῆσθαι, ὁ δὲ πρότερον τοῦ δέοντος προεξήνεγκεν αὐτό. ἀλλ' οὖν τό γε Λακεδαιμονίων στρατόπεδον κινδυνεύει τοσούτων εἶναι, ὅσους οὐδὲν ἀπεικὸς καὶ πάντας ἄρχοντας εἶναι· τὸ δ' ἐν τοσούτοις ἀριθμοῖς καταλόγων τε καὶ γενῶν, ὧν οὐδὲ τὰ ὀνόματα ἐξευρεῖν ῥᾴδιον, ἀρξαμένους ἀπὸ ἑνὸς τοῦ διὰ πάντων διεξιόντος τε καὶ πάντα ἐφορῶντος, ἔθνη, πόλεις, στρατόπεδα, ἡγεμόνας αὐτούς, τελευτᾶν εἰς ἕνα τεττάρων καὶ δυεῖν ἄρχοντα ἀνδρῶν — τὸ δ' ἐν μέσῳ πᾶν ἐξελίπομεν —, καὶ ὥσπερ νήματος περιστροφὴν ἐκ τῶν πλειόνων εἰς τοὺς ἐλάττους ἀεὶ κατιέναι, καὶ οὕτω διήκειν ἄλλους ἐπ' ἄλλοις ἀεὶ ταττομένους μέχρι τῆς τελευτῆς, πῶς οὐχ ὑπὲρ πᾶσαν ἀνθρωπίνην τάξιν ἐστίν; ἐπέρχεταί δέ μοι τὸ Ὁμη- 89
ρικὸν εἰπεῖν, μικρὸν ἐπὶ τῆς τελευτῆς ὑπαλλάξαντι.

Ζηνός που τοιήδε γ' Ὀλυμπίου ἔνδοθεν ἀρχή·

ὅταν γὰρ ἄρχῃ μὲν εἷς τοσούτων, οἱ δὲ ἐπ' αὐτῷ διάκονοί τε καὶ πρέσβεις αὐτοῦ μὲν πολὺ χείρους, ὧν δὲ ἐπιμέλονται πολὺ βελτίους, πάντα δ' ἄνευ θορύβου καὶ ταραχῆς σιωπῇ περαίνωσιν, φθόνος δ' ἐκποδὼν ᾖ, δίκης δὲ καὶ αἰδοῦς πάντα πανταχοῦ μεστά, καρπὸς δὲ ἀρετῆς μηδένα ἐκφεύγῃ, πῶς οὐχὶ νικᾷ τόδε τὸ ἔπος; Δοκεῖ<τε> δ' ἔμοιγε οὐδ' ἐν 90
αὐτῇ τῇ πόλει πολιτείαν παραπλησίως τισὶ τῶν ἄλλων ἀνθρώπων καταστήσασθαι. πρότερον μὲν γὰρ ἐδόκουν τρεῖς εἶναι κατ' ἀνθρώπους πολιτεῖαι, δύο μὲν ἐν δυεῖν ὀνόμασιν, ἑκατέρα παρὰ τοὺς τῶν ἐχόντων τρόπους θεωρουμένη τυραννὶς καὶ ὀλιγαρχία, βασιλεία καὶ ἀριστοκρατία, τρίτον δὲ ὄνομα δημοκρατία, εὖ τε καὶ χεῖρον ἀγομένη. διειλήφεσαν οὖν αἱ πόλεις ὡς ἑκάστοις αἵρεσις ἢ τύχη νικήσειεν· τὸ δ' ὑμέτερον οὐδὲν ὁμοίως ἔχει, ἀλλ' οἱονεὶ κρᾶσις ἁπασῶν τῶν πολιτειῶν, ἄνευ γε τῆς ἐφ' ἑκάστῃ χείρονος· οὕτω καὶ ⟨τὸ⟩ τοιοῦτον εἶδος πολιτείας νενίκηκεν. ὥστε ὅταν μὲν εἰς τὴν τοῦ δήμου τις ἰσχὺν βλέψῃ, καὶ ὡς ἁπάντων ὧν ἂν βουληθῇ τε καὶ αἰτήσῃ ῥᾳδίως τυγχάνει, δημοκρατίαν νομιεῖ καὶ οὐδὲν ἐνδεῖν πλὴν ὧν ἐξαμαρτάνει δῆμος· ὅταν δὲ εἰς τὴν γερουσίαν ἴδῃ τὴν βουλευομένην τε καὶ τὰς ἀρχὰς ἔχουσαν, ἀριστοκρατίαν οὐκ εἶναι ταύτης ἀκριβεστέραν νομιεῖ· εἰς δὲ τὸν πάντων τούτων ἔφορόν τε καὶ πρύτανιν βλέψας, παρ' οὗ τῷ τε δήμῳ τὸ τυγχάνειν ὧν βούλεται καὶ τοῖς ὀλίγοις τὸ ἄρχειν καὶ δύνασθαι, τοῦτον ἐκεῖνον ὁρᾷ, τὸν τὴν τελεωτάτην ἔχοντα μοναρχίαν, τυράννου τε κακῶν ἄμοιρον καὶ βασιλέως σεμνότητος μείζονα. καὶ τοῦτ' 91

οὐδὲν ἀπεικὸς οὕτω διελέσθαι καὶ κατιδεῖν μόνους ὑμᾶς καὶ περὶ τῶν ἔξω
καὶ περὶ τῶν ἐν αὐτῇ τῇ πόλει· μόνοι γάρ ἐστε ὑμεῖς ἄρχοντες ὡς
εἰπεῖν κατὰ φύσιν. οἱ μὲν γὰρ ἄλλοι οἱ πρὸ ὑμῶν δυναστεύσαντες δε-
σπόται καὶ δοῦλοι ἀλλήλων ἐν τῷ μέρει γιγνόμενοι καὶ νόθοι τῆς ἀρχῆς
ὄντες οὕτω διεξῆλθον, ὥσπερ ἐν σφαίρᾳ τὴν τάξιν μεταλαμβάνοντες, καὶ
ἐδούλευσαν Μακεδόνες Πέρσαις, Πέρσαι Μήδοις, Μῆδοι Σύροις· ὑμᾶς δὲ
ἐκ τοσούτου πάντες ἴσασιν, ἐξ ὅτου περ ἴσασιν, ἄρχοντας. ἅτ' οὖν ἐξ
ἀρχῆς ὄντες ἐλεύθεροι καὶ οἷον ἐπὶ τὸ ἄρχειν εὐθὺς γενόμενοι, πάντα τὰ
πρὸς τοῦτο φέροντα καλῶς ἐξηρτύσασθε, καὶ πολιτείαν γε εὕρετε ἣν οὔπω
πρόσθεν οὐδεὶς καὶ θεσμοὺς καὶ τάξεις ἀφύκτους ἅπασιν ἐπεστήσατε.
92 Ὃ δὲ ἐκ πολλοῦ μὲν ὕπεισί με καὶ πολλάκις ὤχληκε πρὸς αὐτοῖς
τοῖς χείλεσι γιγνόμενον, παρενήνεκται δὲ ὑπὸ τοῦ λόγου δεῦρο ἀεί, τοῦτο
νῦν εἰπὼν οὐκ ἂν ἴσως ἀπὸ καιροῦ πέσοιμι. ὅσον <μὲν> γὰρ μεγέθει
τῆς ἁπάσης ἀρχῆς [ἐγκρατείᾳ] καὶ πολιτείας ἐπινοίᾳ πάντας ὑπερβάλλε-
σθε, ἔστιν ἐν τοῖς εἰρημένοις· νῦν δέ μοι δοκεῖ κἀκεῖνό τις εἰπὼν οὐκ ἂν
ἁμαρτεῖν, ὅτι οἱ μὲν ἄνω πάντες καὶ οἱ ἐπὶ πλεῖστον γῆς ἄρξαντες ὥσ-
93 περ σωμάτων γυμνῶν αὐτῶν τῶν ἐθνῶν ἦρξαν . . . . : πότε γὰρ πόλεις
τοσαῦται κατ' ἤπειρον καὶ κατὰ θάλατταν, ἢ πότε οὕτω διὰ πάντων
ἐκοσμήθησαν; ἢ τίς πω οὕτω τῶν τότε διεξήλασεν, ἐπαριθμῶν ταῖς
ἡμέραις τὰς πόλεις, ἔστι δὲ ὅτε τῆς αὐτῆς καὶ διὰ δυεῖν καὶ τριῶν ἐξ-
ελαύνων ὥσπερ στενωπῶν; ὥστ' οὐ μόνον τῷ κεφαλαίῳ τῆς ἀρχῆς ἡττῶν-
ται τοσοῦτον οἱ πρότεροι, ἀλλὰ καὶ ὧν τῶν αὐτῶν ἦρξαν ὑμῖν, οὐκ ἴσων
ἑκάστων οὐδὲ ὁμοίων ἦρξαν, ἀλλ' ἔνεστι τῷ τότε ἔθνει πόλιν ἀντιστῆσαι
τὴν ἐν αὐτῷ νῦν. καὶ δὴ καὶ φαίη τις ἂν ἐκείνους μὲν οἷον ἐρημίας
καὶ φρουρίων βασιλεῖς γεγονέναι, ὑμᾶς δὲ πόλεων ἄρχοντας μόνους.
94 νῦν ἅπασαι μὲν αἱ Ἑλληνικαὶ πόλεις ἐφ' ὑμῶν ἀνέχουσι καὶ τὰ ἐν αὐταῖς
ἀναθήματα καὶ τέχναι καὶ κόσμοι πάντες ὑμῖν ἔχουσι φιλοτιμίαν, ὥσπερ
ἐν προαστίῳ κόσμος· ἐκπεπλήρωνται δὲ ἀκταί τε παράλιοι καὶ μεσόγειαι
πόλεσι, ταῖς μὲν οἰκισθείσαις, ταῖς δὲ αὐξηθείσαις ἐφ' ὑμῶν τε καὶ ὑφ'
95 ὑμῶν. Ἰωνία δὲ ἡ περιμάχητος ἐλευθερωθεῖσα φρουρῶν καὶ σατραπῶν
πρόκειται πᾶσι κάλλους ἡγεμών, ὅσον πρόσθεν ἐδόκει τῶν ἄλλων ὑπε-
ραίρειν γενῶν χάριτι καὶ κόσμῳ, τοσοῦτον νῦν ἐπιδεδωκυῖα αὐτὴ παρ'
αὐτήν. ἡ δὲ σεμνὴ καὶ μεγάλη κατ' Αἴγυπτον Ἀλεξάνδρου πόλις ἐγκαλ-
λώπισμα τῆς ὑμετέρας γέγονεν ἡγεμονίας, ὥσπερ γυναικὸς πλουσίας ὅρμος
96 ἢ ψέλιον ἐν πολλοῖς τοῖς ἄλλοις κτήμασι. διατελεῖτε δὲ τῶν μὲν Ἑλ-

λήνων ὥσπερ τροφέων ἐπιμελόμενοι. χεῖρά τε ὑπερέχοντες καὶ οἷον κειμένους ἀνιστάντες, τοὺς μὲν ἀρίστους καὶ πάλαι ἡγεμόνας ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους ἀφιέντες αὐτῶν. τῶν δ' ἄλλων μετρίως καὶ κατὰ πολλὴν φειδώ τε καὶ πρόνοιαν ἐξηγούμενοι, τοὺς δὲ βαρβάρους πρὸς τὴν ἑκάστοις αὐτῶν οὖσαν φύσιν παιδεύοντες πρᾳότερόν τε καὶ σφοδρότερον, ὥσπερ εἰκὸς ἵππων ἐπιστατῶν μὴ εἶναι χείρους ἀνδρῶν ὄντας ἄρχοντας, ἀλλ' ἐξητακέναι τὰς φύσεις καὶ πρὸς ταύτας ἄγειν. καὶ γὰρ ὥσπερ πανηγυρίζουσα 97
πᾶσα ἡ οἰκουμένη τὸ μὲν παλαιὸν φόρημα, τὸν σίδηρον, κατέθετο. εἰς δὲ κόσμον καὶ πάσας εὐφροσύνας τέτραπται σὺν ἐξουσίᾳ. καὶ αἱ μὲν ἄλλαι πᾶσαι φιλονικίαι τὰς πόλεις ἐπιλελοίπασιν, μία δὲ αὕτη κατέχει πάσας ἔρις, ὅπως ὅτι καλλίστη καὶ ἡδίστη αὐτὴ ἑκάστη φανεῖται. πάντα δὲ μεστὰ γυμνασίων, κρηνῶν, προπυλαίων, νεῶν, δημιουργιῶν, διδασκαλείων, ἐπιστημόνως| τε ἔξεστιν εἰπεῖν οἷον πεπονηκυῖαν ἐξ ἀρχῆς ἀνακεκομίσθαι τὴν οἰκουμένην· δωρεαὶ δ' οὔποτε λείπουσιν εἰς ταύτας παρ' ὑμῶν ἰοῦσαι, 98
οὐδ' ἔστιν εὑρεῖν τοὺς μειζόνων τετυχηκότας διὰ τὴν ὁμοίαν εἰς ἅπαντας ὑμῶν φιλανθρωπίαν. πόλεις τε οὖν δὴ που λάμπουσιν αἴγλῃ καὶ χάριτι 99
καὶ ἡ γῆ πᾶσα οἷον παράδεισος συγκεκόσμηται· καπνοὶ δ' ἐκ πεδίων καὶ φρυκτοὶ φίλιοι καὶ πολέμιοι, οἷον πνεύματος ἐκριπίσαντος, φροῦδοι, γῆς ἐπέκεινα καὶ θαλάττης· ἀντεισῆκται δὲ θέας πᾶσα χάρις καὶ ἀγώνων ἄπειρος ἀριθμός. ὥστε οἷον πῦρ ἱερὸν καὶ ἄσβεστον οὐ διαλείπει τὸ πανηγυρίζειν, ἀλλὰ περίεισιν ἄλλοτε εἰς ἄλλους, ἀεὶ δέ ἐστι πού· πάντες γὰρ ἀξίως τούτου πεπράγασιν· ὥστε μόνους ἄξιον εἶναι κατοικτεῖραι τοὺς ἔξω τῆς ὑμετέρας, εἴ τινές πού εἰσιν ἄρα, ἡγεμονίας, οἵων ἀγαθῶν στέρονται. καὶ μὴν τό γε ὑπὸ πάντων λεγόμενον, ὅτι γῆ πάντων μήτηρ 100
καὶ πατρὶς κοινὴ πάντων, ἄριστα ὑμεῖς ἀπεδείξατε. νῦν γοῦν ἔξεστι καὶ Ἕλληνι καὶ βαρβάρῳ καὶ τὰ αὑτοῦ κομίζοντι καὶ χωρὶς τῶν αὑτοῦ [αὐτοῦ] βαδίζειν ὅποι βούλεται ῥᾳδίως. ἀτεχνῶς ὡς ἐκ πατρίδος εἰς πατρίδα ἰόντι· καὶ οὔτε Πύλαι Κιλίκιοι φόβον παρέχουσιν οὔτε στεναὶ καὶ ψαμμώδεις δι' Ἀράβων ἐπ' Αἴγυπτον πάροδοι, οὐκ ὄρη δύσβατα, οὐ ποταμῶν ἄπειρα μεγέθη, οὐ γένη βαρβάρων ἄμικτα, ἀλλ' εἰς ἀσφάλειαν ἐξαρκεῖ Ῥωμαῖον εἶναι, μᾶλλον δὲ ἕνα τῶν ὑφ' ὑμῖν καὶ τὸ Ὁμήρῳ 101
λεχθὲν 'γαῖα δέ τοι ξυνὴ πάντων' (Ο 193) ὑμεῖς ἔργῳ ἐποιήσατε, καταμετρήσαντες μὲν πᾶσαν τὴν οἰκουμένην, ζεύξαντες δὲ παντοδαπαῖς γεφύραις ποταμούς, καὶ ὄρη κόψαντες ἱππήλατον γῆν εἶναι, σταθμοῖς τε τὰ ἔρημα ἀναπλήσαντες καὶ διαίτῃ καὶ τάξει πάντα ἡμερώσαντες.

ὥστ᾿ ἔγωγε τὸν νομιζόμενον πρὸ Τριπτολέμου βίον τοῦτον εἶναι τὸν πρὸ
ὑμῶν ἐπινοῶ, σκληρόν τινα καὶ ἄγροικον καὶ ὀρείου διαίτης ὀλίγον ἀπο-
κεχωρηκότα. <ἀλλ . . . . .> ἀλλ᾿ ἄρξαι μὲν τοῦ ἡμέρου τε καὶ τοῦ
νῦν τὴν Ἀθηναίων πόλιν, βεβαιωθῆναι δὲ καὶ τοῦτο ὑφ᾿ ὑμῶν δευτέρων,
102 φασίν, ἀμεινόνων. οὐδέ γε δεῖ νῦν περιήγησιν γῆς γράφειν οὐδ᾿ οἷς
ἕκαστοι χρῶνται νόμοις ἀπαριθμεῖν, ἀλλ᾿ ὑμεῖς ἅπασιν περιηγηταὶ κοινοὶ
γεγόνατε, ἀναπετάσαντες ἁπάσας τῆς οἰκουμένης τὰς πύλας καὶ παρα-
σχόντες ἐξουσίαν αὐτόπτας πάντων τοὺς θέλοντας γίγνεσθαι, νόμους τε
κοινοὺς ἅπασι τάξαντες καὶ τὰ πρόσθεν λόγου μὲν διηγήσει τέρποντα,
λογισμῷ δὲ εἰ λαμβάνοι τις, ἀφόρητα παύσαντες, γάμους τε κοινοὺς
ποιήσαντες καὶ συντάξαντες ὥσπερ ἕνα οἶκον ἅπασαν τὴν οἰκουμένην.
103 ἀτεχνῶς δέ, ὥσπερ οἱ ποιηταὶ λέγουσιν, πρὸ τῆς Διὸς ἀρχῆς ἅπαντα
στάσεως καὶ θορύβου καὶ ἀταξίας εἶναι μεστά, ἐλθόντος δὲ ἐπὶ τὴν
ἀρχὴν Διὸς πάντα δὴ καταστῆναι, καὶ τοὺς Τιτᾶνας εἰς τοὺς κατωτάτους
μυχοὺς τῆς γῆς ἀπελθεῖν, συνωσθέντας ὑπ᾿ αὐτοῦ τε καὶ τῶν σὺν αὐτῷ
θεῶν, οὕτως ἄν τις καὶ περὶ τῶν πρὸ ὑμῶν τε καὶ ἐφ᾿ ὑμῶν πραγμάτων
λογιζόμενος ὑπολάβοι, ὡς πρὸ μὲν τῆς ὑμετέρας ἀρχῆς ἄνω καὶ κάτω
συνετετάρακτο καὶ εἰκῇ ἐφέρετο, ἐπιστάντων δὲ ὑμῶν ταραχαὶ καὶ στάσεις
ἔληξαν, τάξις δὲ πάντων καὶ φῶς λαμπρὸν εἰσῆλθε βίου καὶ πολιτείας,
104 νόμοι τε ἐξεφάνησαν καὶ θεῶν βωμοὶ πίστιν ἔλαβον. πρότερον γὰρ
ὥσπερ τοὺς γονέας ἐκτέμνοντες καὶ τὴν γῆν ἔτεμνον, παῖδάς τε οὐ κατέ-
πινον, ἀλλ᾿ ἀπώλλυσαν τοὺς ἀλλήλων τε καὶ τοὺς ἑαυτῶν ἐν ταῖς στάσεσι
καὶ πρὸς ἱεροῖς. νῦν δὲ κοινὴ καὶ σαφὴς πᾶσι πάντων ἄδεια δέδοται
αὐτῇ τε τῇ γῇ καὶ τοῖς ἐν αὐτῇ κατοικοῦσιν· καὶ τοῦ μὲν κακῶς πάσχειν
ἅπαντα ἀφεῖσθαι, τοῦ δὲ καλῶς ἄγεσθαι πολλὰς τὰς ἀφορμὰς εἰληφέναι
μοι δοκοῦσι, καὶ οἱ θεοὶ καθορῶντες συγκατορθοῦν ὑμῖν εὐμενῶς τὴν
105 ἀρχὴν καὶ διδόναι βέβαιον τὴν κτῆσιν αὐτῆς, Ζεὺς μέν, ὅτι αὐτῷ τῆς
οἰκουμένης καλοῦ, φασίν, ἔργου καλῶς ἐπιμέλεσθε, Ἥρα δὲ γάμων νόμῳ
γιγνομένων [τιμωμένη], Ἀθηνᾶ δὲ καὶ Ἥφαιστος τεχνῶν τιμωμένων,
Διόνυσος δὲ καὶ Δημήτηρ, ὅτι αὐτοῖς οἱ καρποὶ οὐχ ὑβρίζονται, Ποσειδῶν
δὲ ναυμαχιῶν μὲν καθαρευούσης τῆς θαλάττης αὐτῷ, τὰς δὲ ὁλκάδας
ἀντὶ τῶν τριήρων μετειληφυίας· ὅ γε μὴν Ἀπόλλωνος καὶ Ἀρτέμιδος
καὶ Μουσῶν χορὸς οὔποτ᾿ ἐ<κ>λείπει τοὺς ὑπηρέτας ἐν τοῖς θεάτροις
καθορῶν· Ἑρμῆς δὲ ἀγώνων οὐκ ἄμοιρος οὐδὲ πρεσβειῶν· Ἀφροδίτη δὲ
σπόρων. . . . καὶ Χαρίτων πότε μᾶλλον καιρὸς ὑπῆρξεν ἢ πότε πλείονα

μοῖραν ἔσχον αἱ πόλεις; αἱ δ' Ἀσκληπιοῦ χάριτες καὶ τῶν κατ' Αἴγυπτον
θεῶν νῦν πλεῖστον εἰς ἀνθρώπους ἐπιδεδώκασιν. οὐ μὴν οὐδὲ Ἄρης γε
ὑμῖν ἠτίμασται. οὐδὲ δέος μὴ συνταράξῃ τὰ πάντα, ὥσπερ ἐν Λαπιθῶν
δείπνῳ παροφθείς, ἀλλ' ἐπὶ ταῖς ὄχθαις τῶν ἔξω ποταμῶν χορεύει τὴν
ἄπαυστον χορείαν, αἵματος <ἐμφυλίου> καθαρὰ σῴζων τὰ ὅπλα. ὅ γε
μὴν πάντ' ἐφορῶν Ἥλιος οὐδὲν εἶδεν ἐφ' ὑμῶν βίαιον οὐδ' ἄδικον οὐδ'
οἷα πολλὰ ἐν τοῖς πρόσθεν χρόνοις· ὥστ' εἰκότως ἥδιστα ἐφορᾷ τὴν ὑμε-
τέραν ἀρχήν. δοκεῖ δέ μοι καὶ Ἡσίοδος, εἰ ὁμοίως Ὁμήρῳ τέλειος ἦν 106
τὰ ποιητικὰ καὶ μαντικὸς ὥσπερ ἐκεῖνος οὐκ ἠγνόησεν τὴν ὑμετέραν ἀρχὴν
ἐσομένην, ἀλλὰ προεῖδεν καὶ ἀνεφθέγξατο ἐν τοῖς ἔπεσιν, οὕτως καὶ αὐτὸς
οὐκ ἂν ὥσπερ νῦν ἀπὸ τοῦ χρυσοῦ γένους ἄρξασθαι γενεαλογῶν, οὐδ'
<εἰ> δὴ ταύτην ἀρχὴν ἐνεστήσατο, περί γε τοῦ τελευταίου καὶ σιδηροῦ
γένους διαλεγόμενος τοῦτον ἂν αὐτοῦ φάναι (OD. 181) γενέσθαι τὸν ὄλεθρον,

εὖτ' ἂν γεινόμενοι πολιοκρόταφοι τελέθωσιν,

ἀλλ' ἡνίκα ἂν ἡ ὑμετέρα προστασία τε καὶ ἀρχὴ καταστῇ, τότ' ἂν φάναι
φθαρῆναι τὸ σιδηροῦν φῦλον ἐν τῇ γῇ, καὶ Δίκῃ δὴ καὶ Αἰδοῖ τότ' ἂν
ἀποδοῦναι κάθοδον εἰς ἀνθρώπους, καὶ οἰκτεῖραι τοὺς πρὸ ὑμῶν γενομένους.
Ἀεὶ μὲν οὖν τά γε δὴ παρ' ὑμῖν τίμια εἰσαχθέντα ὡς ἀληθῶς ὑφ' ὑμῶν 107
καὶ ἀεὶ μᾶλλον βεβαιούμενα . . . . , ὅ γε μὴν νῦν ἄρχων μέγας οἷον ἀγω-
νιστὴς καθαρῶς τοσοῦτον ὑπεραίρει τοὺς πρὸ αὐτοῦ [τὸν πατέρα], ὅσον οὐδ'
εἰπεῖν ῥᾴδιον ἑτέρους αὐτὸς ὑπεραίρει. . . . . καὶ δὴ φαίη τις ἂν δικαιοσύνην
καὶ νόμιμον εἶναι τοῦτο ὡς ἀληθῶς ὅ τι κρίνειεν οὗτος. † τί δὲ καὶ τοῦτο
πρὸ τῶν ἄλλων εἴη † σαφῶς, ὅτι τοὺς τῆς ἀρχῆς κοινωνούς, οὓς οἰκειοῦ-
ται, ἔχει παιδείᾳ ὁμοίους ἑαυτῷ πλείους ἢ τῶν πρὸ αὐτοῦ τις.

Ἀλλὰ τὸ ἐξ ἀρχῆς ἀγώνισμα παντὸς μεῖζον, παρισῶσαι τῷ τῆς 108
ἀρχῆς μεγέθει τὸν λόγον, καὶ σχεδὸν τοῦ ἴσου χρόνου δεόμενον ὅσοσπερ ὁ
τῆς ἀρχῆς· εἴη δ' ἂν οὗτος ὁ πᾶς αἰών. κράτιστον οὖν, ὥσπερ οἱ τῶν
διθυράμβων τε καὶ παιάνων ποιηταί, εὐχήν τινα προσθέντα οὕτω κατακλῇ-
σαι τὸν λόγον. καὶ δὴ κεκλήσθων θεοὶ πάντες καὶ θεῶν παῖδες καὶ 109
διδόντων τὴν ἀρχὴν τήνδε καὶ πόλιν τήνδε θάλλειν δι' αἰῶνος καὶ μὴ
παύεσθαι πρὶν ἂν μύδροι τε ὑπὲρ θαλάττης πέσωσιν καὶ δένδρα ἦρι θάλ-
λοντα παύσηται· ἄρχοντά τε τὸν μέγαν καὶ παῖδας τούτου <σ>ῶς τε
εἶναι καὶ πρυτανεύειν πᾶσι τὰ ἀγαθά. ἐκτετέλεσταί μοι τὸ τόλμημα· εἴτε
δὲ χεῖρον εἴτε βέλτιον ἔξεστιν ἤδη φέρειν τὴν ψῆφον.

Appendix critica.

In oratione Aristidis supra secundum Keilii recensionem exhibita nihil fere mutavimus praeter paragraphorum numeros, qui sunt in pagina 42. Aliquot typothetae errata a nobis praetermissa speramus a legentibus facile corrigi posse. Hic proponimus nostras lectiones, quarum rationes infra redduntur.

§ 2 lego ἀλλ' ὡς ἀληθῶς εὐχῆς αὖ προσεδεῖτο ἑτέρας, ἴσως μὲν [οὖν] καὶ μείζονος, εἰ δυνηθείημεν τοιοῦτον ᾆσαι λόγον, ὅστις etc.

§ 7 pro διοίκησις lego διοίκισις.

§ 8 lego ὡς ἄρα <ῥώμης> ἐπώνυμον αὐτῇ τοὔνομα.

§ 10 inter τῶν et ἡλίου desideratur ἐντός vel μεταξύ; pro <καὶ> κτῆσιν ὑμετέραν lego καὶ τὴν ὑμετέραν.

§ 14 κομίζουσαι <πάντα> suspectum videtur, item πᾶσαν δὲ φθινοπώρου περιτροπήν; pro ἐργαστηρίῳ fortasse legendum est ὁρμιστηρίῳ.

§ 26 lego τὴν ἐπώνυμον ἑαυτοῦ πόλιν.

§ 28 et 70 scribo Ἐρυθρά et Ἐρυθράν.

§ 34 post καθημένῳ desidero loci significationem, velut ἐν τῇ πόλει.

§ 39 pro γένοιτο fortasse legendum est παραγένοιτο.

§ 45 pro ἑκόντας <ἀσμένους> fortasse legendum est ἠναγκασμένους vel ἠναγκασμένως.

§ 51 pro καὶ ὁμοῦ lego παρ' ὑμῶν.

§ 59 fortasse legendum est τούτων δὲ καὶ πολὺ μάλιστα πάντων ἄξιον εἰπεῖν καὶ θαυμάσαι τὸ (?) περὶ τὴν πολιτείαν (desideratur substantivum).

§ 63 pro τὰ γένη οὐδὲ γελοίαν lego τὰ γένη, πόθεν; γελοίαν...

§ 69 pro ἀθρόαν fortasse legendum est ἄπνοι vel ἄναρθροι; pro παριδόντες lego ὕπαρ ἰδόντες Reiskium secutus.

§ 71 pro ἄρ ὑμῖν lego παρ' ὑμῖν.

§ 72 pro ἦν lego ὑμῶν.

§ 73 pro τῆς πολιτείας lego τοὺς πολίτας, pro εἶχεν—εἶχον.

§ 77 pro ὁπόσας lego ὁποσάκις.

§ 78 De ἄρα καθάραντες dubito; pro μᾶλλον lego μέλλειν.

§ 80 lego ἀόρατα...

§ 81 comma post ἐδείμασθε positum deleo.

§ 84 lego <ὡς> οὐδὲις...

§ 86 pro κενώσαντες lego κινήσαντες.

§ 101 post κόψαντες suppleo ὥστε, comma post ποταμοὺς positum deleo; pro κόψαντες fortasse legendum est ἐκκόψαντες.

ЛУКІАНЪ.

Какъ надо писать исторію?

СЪ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

А. Мартовъ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Мелепевскаго.
1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Предисловіе.

„Le petit livre de Lucien n'instruit pas seulement, c'est encore un chef-d'oeuvre de plaisanterie élégante et fine, qui charme tous les hommes de goût“—таковъ отзывъ извѣстнаго французскаго критика *Egger* (Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs, p. 282) о произведеніи, русскій переводъ котораго нынѣ въ первый разъ появляется въ печати. Въ этомъ-же родѣ, только еще полнѣе, находимъ отзывъ объ этомъ произведеніи Лукіана у нѣмецкаго ученаго *Schmid*'а: „Man kann in der That keine schöneren und vernünftigeren Ratschläge über den Stil eines Geschichtswerkes geben: die Sache ist der feste Grund, aus welcher die Form hervorwachsen muss, vom Gegenstand aus erhält der Stil Richtung und Massstab...“

Приведенныя слова названныхъ ученыхъ заключаютъ въ себѣ, правда, нѣсколько одностороннюю похвалу, такъ какъ касаются главнымъ образомъ одной только формальной стороны даннаго произведенія; но не смотря на всю свою односторонность эти отзывы представляются намъ гораздо болѣе правильными, чѣмъ строгій приговоръ *Christ*'а (Geschichte der griech. Literatur[4], p. 775), утверждающаго, что сочиненіе Лукіана Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγάφειν „enthält nichts, was sich über die alltäglichsten Gemeinplätze erhebe“.

Выпуская въ настоящее время одинъ лишь переводъ этого произведенія, мы надѣемся въ непродолжительномъ времени напечатать къ нему введеніе и примѣчанія, чего не могли сдѣлать теперь, по причинамъ, отъ насъ не зависящимъ.

Переводъ исполненъ нами преимущественно по изданію *I. Sommerbrodt*'а (Ausgewählte Schriften des Lucian. Berlin 1878).

ЛУКІАНЪ.

Какъ надо писать исторію?

1. Разсказываютъ, мой милый Филонъ, что въ правленіе Лисимаха жителями города Абдеры овладѣла такого рода болѣзнь: сначала всѣ они поголовно, съ перваго-же дня, страдали весьма сильной и упорной лихорадкой, а на седьмой день у однихъ появилось сильное кровотеченіе изъ носа, у другихъ обильный потъ; лихорадка прекратилась, но послѣ нея осталась у нихъ какое-то ненормальное состояніе: всѣ они помѣшались на трагедіи, говорили ямбами и кричали, а въ особенности декламировали монологи изъ Еврипидовой Андромеды и повторяли поочередно слова Персея. Словомъ, весь городъ былъ наполненъ блѣдными и исхудалыми людьми, превратившимися на седьмой день въ трагиковъ.

„О Эротъ, владыка боговъ и людей“

и тому подобное выкрикивали они громогласно и часто, до тѣхъ поръ, пока зима и наступившій сильный холодъ не положили предѣла ихъ болтовнѣ. Поводъ къ такому увлеченію, по моему мнѣнію, далъ имъ славившійся въ то время трагическій актеръ Архелай, который (однажды), среди лѣта и въ сильную жару, такъ сыгралъ имъ Андромеду, что большинство изъ нихъ послѣ этого представленія заболѣло лихорадкой. Поправившись затѣмъ, они всѣ ударились въ трагедію, такъ какъ фантазія ихъ сильно занята была Андромедой и у каждаго въ мысляхъ вертѣлся Персей съ головой Медузы.

2. Сравнивая теперь, какъ говорится, одно съ другимъ, я нахожу что это увлеченіе абдеритовъ и въ наше время охватило весьма многихъ изъ образованныхъ людей, не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы они сдѣлались трагиками—это было бы еще небольшимъ безуміемъ

съ ихъ стороны, такъ какъ они тогда одержимы были бы только чужими и при томъ недурными ямбами—, но въ томъ, что со времени событій нашихъ дней—войны съ варварами, пораженія въ Арменіи и сплошныхъ побѣдъ нашихъ—у насъ нѣтъ человѣка, который бы не писалъ исторіи, а скорѣе всѣ у насъ стали Ѳукидидами, Геродотами и Ксенофонтами, такъ что, повидимому, дѣйствительно истиннымъ было изреченіе: „Война—мать всѣхъ вещей", разъ она однимъ лишь ударомъ породила столь много историковъ.

3. И вотъ, присматриваясь ко всему этому, мой другъ, и слыша объ этомъ, я вспомнилъ объ извѣстномъ всѣмъ поступкѣ синопейца. Именно, когда разнеслась молва, что Филиппъ уже приближается, всѣми коринѳянами овладѣло безпокойство и всѣ они принялись за дѣло: одинъ приготовлялъ оружіе, другой приносилъ камни, третій исправлялъ стѣны, четвертый укрѣплялъ брустверы, словомъ—каждый помогалъ, гдѣ могъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ. Діогенъ же, присматриваясь лишь ко всему этому и не имѣя никакого занятія, такъ какъ его услугами никто не пользовался, препоясалъ, наконецъ, свой плащъ и съ великимъ усердіемъ сталъ катать бочку, въ которой онъ въ то время жилъ, вверхъ и внизъ по Кранею. На вопросъ одного знакомаго: „Что ты это дѣлаешь, Діогенъ?" Онъ лишь отвѣтилъ: „Свою бочку катаю, дабы не казаться празднымъ среди столь многихъ работающихъ".

4. Точно такъ-же и я, Филонъ, дабы не быть безгласнымъ въ наше многоглаголивое время и дабы не оставаться незамѣченнымъ—съ разинутымъ ртомъ и безмолвствуя, подобно статистамъ въ комедіи—, счелъ за хорошее дѣло, по мѣрѣ силъ моихъ покатать бочку, не съ тѣмъ, конечно, чтобы самому написать исторію или изложить какія-нибудь событія; я вѣдь не настолько отваженъ и бояться тебѣ отъ меня этого нечего. Къ тому-же мнѣ хорошо извѣстно, какая опасность грозила бы тому, кто сталъ бы скатывать бочку съ утеса,—особенно такой непрочно сдѣланный изъ глины боченокъ, каковымъ является мой; при первомъ соприкосновеніи его съ малѣйшимъ камешкомъ сейчасъ-же пришлось бы собирать черепки.

Итакъ, я сообщу тебѣ, на что я рѣшился и какимъ образомъ я, безъ всякой опасности для себя, стоя самъ внѣ выстрѣла, намѣренъ участвовать въ нынѣшней войнѣ. Вдали „отъ дыма и морского волненія" и заботъ, присущихъ исторіографіи—отъ нея я благоразумно воздержусь—хочу я дать небольшое наставленіе и нѣсколько совѣтовъ историкамъ, чтобы такимъ образомъ быть соучастникомъ въ ихъ постройкѣ, если и не въ качествѣ архитектора, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ рабочаго.

5. Большинство историковъ, правда, того мнѣнія, что они въ своемъ дѣлѣ столь-же мало нуждаются въ наставленіи, сколько въ какомъ-нибудь руководствѣ при хожденіи, смотрѣніи и ѣдѣ. По ихъ мнѣнію, писать исторію—дѣло въ высшей степени легкое и обыкновенное, за которое можетъ взяться всякій, если только онъ въ состояніи излагать то, что ему взбредетъ на умъ. А между тѣмъ тебѣ, мой другъ, извѣстно, до какой степени это дѣло трудное и не поддающееся поверхностной работѣ, а напротивъ, требующее большой старательности,—не менѣе любой другой отрасли литературы,—если только, говоря словами Ѳукидида, хочешь создать „нѣчто вѣчное“. Притомъ я хорошо знаю, что (своими совѣтами) я лишь очень немногихъ исправлю, а инымъ покажусь даже человѣкомъ несноснымъ, особенно тѣмъ, которые уже окончили и выпустили въ свѣтъ свою исторію; а если она уже удостоилась даже похвалы со стороны слушателей, то съ моей стороны было бы прямо безуміемъ надѣяться, что они хоть что-нибудь передѣлаютъ или измѣнятъ изъ того, что уже разъ получило санкцію и, такъ сказать, хранится въ дворцахъ императора. Однако, и для нихъ, я думаю, мои совѣты не будутъ совершенно неумѣстными. Вѣдь, въ случаѣ возникновенія какой-нибудь новой войны—между кельтами и гетами или индійцами и бактрійцами—противъ насъ, вѣдь, едва-ли кто рѣшится выступить, такъ какъ мы уже всѣхъ ихъ укротили,—они могли бы создать что-нибудь получше, пользуясь моимъ руководствомъ, если, конечно, оно покажется имъ правильнымъ. Въ противномъ же случаѣ пускай они тою-же мѣркою, какъ и теперь, измѣряютъ свою работу; а врачъ не очень-то огорчится, если всѣ абдериты по доброй волѣ будутъ изображать Андромеду.

6. Такъ какъ обязанность совѣтчика дѣло двоякое, а именно, научить, чему слѣдуетъ отдавать предпочтеніе и чего избѣгать, то и я сначала укажу на то, чего долженъ избѣгать историкъ и отъ чего болѣе всего воздерживаться, а затѣмъ укажу примѣры, пользуясь которыми онъ не собьется съ правильнаго и ведущаго прямо къ цѣли пути,—а именно: съ чего онъ долженъ начинать, въ какомъ порядкѣ приводить факты, что проходить молчаніемъ, на чемъ останавливать свое вниманіе, о чемъ упоминать лишь вскользь и какъ излагать и соединять части въ одно гармоническое цѣлое. Впрочемъ, объ этомъ и другихъ подобныхъ вопросахъ мною будетъ сказано ниже. Теперь же я упомяну о недостаткахъ, свойственныхъ плохимъ историкамъ. Что же касается общихъ для всѣхъ литературныхъ произведеній погрѣшностей противъ языка, гармонической связи и основной мысли, а равно и недостатка въ техникѣ вообще, то распространяться здѣсь объ этомъ было бы слишкомъ долго, да это и не относится спеціально

къ моей темѣ, такъ какъ погрѣшности противъ языка и гармонической связи, какъ я уже замѣтилъ, являются общими для всѣхъ видовъ литературныхъ произведеній.

7. Какъ много промаховъ дѣлается въ историческихъ произведеніяхъ, въ этомъ ты могъ бы убѣдиться при ближайшемъ наблюденіи не хуже меня—я же не разъ убѣждался въ этомъ во время публичныхъ чтеній,—въ особенности, если бы ты сталъ выслушивать всѣхъ безъ исключенія. Но пока, я думаю, умѣстно будетъ привести здѣсь, ради примѣра, хоть нѣсколько промаховъ изъ уже существующихъ историческихъ произведеній подобнаго сорта. Разсмотримъ сначала слѣдующій, весьма значительный промахъ (у нашихъ историковъ). Дѣло въ томъ, что большинство изъ нихъ, не заботясь объ изложеніи самихъ фактовъ, удѣляютъ много времени прославленію правителей и полководцевъ, при чемъ своихъ возносятъ до небесъ, а враговъ унижаютъ паче мѣры. Они, повидимому, даже не подозрѣваютъ, что историческое повѣствованіе отдѣляется отъ похвальнаго слова не какимъ-нибудь узкимъ перешейкомъ, а великой горой и что онѣ, выражаясь языкомъ музыкантовъ, отстоятъ другъ отъ друга на цѣлыхъ двѣ октавы. Вѣдь если панегиристъ озабоченъ единственно лишь тѣмъ, какъ бы ему получше прославить и доставить удовольствіе воспѣваемому имъ герою—даже если ему для этого пришлось бы солгать,—историкъ, напротивъ, не долженъ терпѣть даже малѣйшей примѣси лжи, точно такъ-же, какъ дыхательный каналъ, по словамъ врачей, не въ состояніи удержать внутри себя какой-нибудь попавшій въ него предметъ.

8. Кромѣ того, этимъ историкамъ, повидимому, неизвѣстно, что у поэзіи и поэтическихъ произведеній задачи и законы одни, а у исторіи—другіе. У первыхъ неограниченная свобода и одинъ лишь законъ—произволъ поэта. А такъ какъ поэтъ одержимъ божествомъ и вдохновенъ Музами, то на него никто и не разсердится, если ему вздумается запрячь въ колесницу крылатыхъ коней или заставить ихъ нестись то по волнамъ, то по верхушкамъ колосьевъ. Или же, когда ихъ Зевсъ на одной только цѣпи поднимаетъ на воздухъ всю землю и море, никто и не думаетъ бояться, какъ бы эта цѣпь не порвалась и какъ бы вслѣдствіе этого не расшиблось все висящее на ней. Равнымъ образомъ, когда они принимаются воспѣвать Агамемнона, никто имъ не мѣшаетъ изобразить его съ головой и глазами Зевса, съ грудью брата его, Посейдона, и со станомъ Ареса и изъ сложенныхъ такимъ образомъ во-едино боговъ создать сына Атрея и Европы. Вѣдь для того, чтобы во всей полнотѣ представить его красоту, недостаточно одного Зевса или Посейдона или Ареса! А

если бы исторія позволила себѣ такого рода лесть, то что иное представила бы она, какъ не поэзію въ прозѣ, лишенную ея звучности и тѣмъ ярче обнаруживающую свою баснословность, не прикрытую стихами.

Поэтому великая или, лучше сказать, очень великая бѣда заключается въ томъ, если кто не умѣетъ различать исторію отъ поэзіи и если онъ въ первую вноситъ прикрасы, миѳы, похвалы и преувеличенія, свойственныя второй, подобно тому, какъ если бы кто вздумалъ нарядить въ пурпуровое платье и всю прочую мишуру гетеръ крѣпкаго, словно дубъ, атлета и сталъ бы красить ему лицо румянами и бѣлилами; о Гераклъ, какимъ бы онъ сдѣлалъ его смѣшнымъ, обезобразивъ его этимъ нарядомъ!

9. Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, что въ историческихъ произведеніяхъ вообще не слѣдуетъ высказывать похвалу. Нужно только дѣлать это въ надлежащемъ мѣстѣ и съ соблюденіемъ извѣстной мѣры, дабы это не казалось противнымъ для будущихъ читателей. Въ этомъ отношеніи, какъ мною будетъ показано немного ниже, вообще слѣдуетъ руководствоваться мнѣніемъ будущихъ поколѣній. Что же касается тѣхъ, которые, по своему мнѣнію, очень умно различаютъ въ исторіи пріятное и полезное и соотвѣтственно этому вносятъ въ исторію похвальныя рѣчи, какъ нѣчто пріятное и развлекающее читателя, то для тебя не тайна, какъ сильно они (въ этомъ случаѣ) грѣшатъ противъ истины. Во-первыхъ, такое различеніе не правильно. Вѣдь, единственная задача и цѣль исторіи заключается въ ея полезности, которая, въ свою очередь, достигается исключительно путемъ истины. Если же сюда присоединяется еще и пріятное, то тѣмъ лучше, подобно тому, какъ и красота нисколько не вредитъ атлету. Въ противномъ же случаѣ ничто, напримѣръ, не мѣшаетъ Никострату, сыну Исидота, человѣку благороднаго происхожденія и превосходящаго всѣхъ своихъ противниковъ силою, считаться преемникомъ Геракла, даже если бы у него была самая безобразная наружность и его противникомъ выступилъ бы красивый уроженецъ города Милета Алкей, котораго многіе считаютъ его любимцемъ. Точно такъ-же и исторія (безъ сомнѣнія) привлекла бы большое количество почитателей, если бы она между прочимъ заключала въ себѣ и пріятное; но до тѣхъ поръ, пока она всецѣло будетъ выполнять настоящую свою задачу—я разумѣю раскрытіе истины—ей лишь мало придется заботиться о красотѣ.

10. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить еще и то, что совершенно баснословные разсказы и хвалебныя рѣчи въ исторіи вовсе не представляютъ чего-либо пріятнаго, а напротивъ, являются въ высшей степени

противными,—какъ въ ту, такъ и въ другую сторону—если, конечно, имѣть въ виду не сбродъ какой-нибудь или толпу, а слушателей, относящихся къ дѣлу подобно судьямъ или даже, наконецъ, подобно сикофантамъ. Отъ такихъ людей ничто не въ состояніи ускользнуть. Обладая зрѣніемъ, болѣе острымъ, чѣмъ Аргусъ, имѣя глаза повсюду, они, какъ мѣнялы монету, взвѣшиваютъ каждое слово, готовые сейчасъ-же отбросить въ сторону все неточное и принять только неподдѣльное, справедливое и имѣющее настоящую чеканку. Имѣя въ виду только такихъ людей и слѣдуетъ писать исторію, а на остальныхъ обращать вниманіе незачѣмъ, даже если бы они хваля лопались съ натуги. Если же ты, пренебрегши первыми, станешь уснащать исторію миѳами, прославленіями и всякою лестью, то этимъ ты только скорѣе уподобишь ее Гераклу въ Лидіи. Вѣдь ты, должно быть, гдѣ-нибудь уже видѣлъ картину, на которой онъ, одѣтый въ странный нарядъ, прислуживаетъ Омфалѣ, которая, накинувъ на себя его львиную шкуру, держитъ въ рукѣ его дубину, словно она сама—Гераклъ; онъ же, нарядившись въ женское платье шафрановаго и пурпуроваго цвѣта, расчесываетъ шерсть, получая отъ Омфалы удары сандаліей, при чемъ—о позорное зрѣлище!—платье у него не пристаетъ, а, напротивъ, отстаетъ отъ тѣла, придавая позорный и изнѣженный видъ всей мужественной фигурѣ героя.

11. Возможно, конечно, что толпа похвалитъ у тебя и подобныя вещи; но тѣ образованные люди, которыми ты пренебрегъ, только отъ души и до-сыта будутъ смѣяться при видѣ несообразности, нескладности и неясности твоего произведенія. Вѣдь каждой вещи свойственна какая-нибудь одна, принадлежащая лишь ей одной красота, а если перенести ее на другую вещь, то эта послѣдняя именно вслѣдствіе этого становится некрасивой. Впрочемъ, я охотно соглашаюсь, что похвальныя рѣчи, быть можетъ, доставляютъ удовольствіе лицу восхваляемому; остальнымъ же онѣ противны, особенно, если онѣ содержатъ въ себѣ такія чудовищныя преувеличенія, каковыя позволяетъ себѣ большинство нашихъ историковъ, гонящихся за благоволеніемъ воспѣваемыхъ ими лицъ и расточающихъ эти похвалы до тѣхъ поръ, пока каждому станетъ очевидной ихъ лесть. Вѣдь эти люди не умѣютъ дѣлать это искусно и даже не скрываютъ своей лести, а, напротивъ, берутся за дѣло неумѣло и безъ разбору повѣствуютъ о вещахъ невѣроятныхъ и лишенныхъ всякой правды.

12. Такимъ образомъ они не достигаютъ даже той цѣли, къ которой сами болѣе всего стремились. Вѣдь тѣ, которыхъ они воспѣваютъ, сами-же ихъ ненавидятъ и благоразумно отъ нихъ отворачиваются, какъ отъ льстецовъ, въ особенности, если они люди со

здравымъ смысломъ. Такъ, напримѣръ, Александръ, когда Аристобулъ, написавшій сочиненіе о единоборствѣ между Александромъ и Поромъ, сталъ читать ему какъ разъ это мѣсто изъ своего сочиненія, разсчитывая, конечно, болѣе всего угодить царю, присочиняя ему нѣкоторые подвиги и придумывая дѣянія, превосходящія дѣйствительность,—то Александръ вырвалъ у него книгу и бросилъ ее прямо въ воду—они какъ разъ въ это время ѣхали по рѣкѣ Гидаспу—при чемъ прибавилъ: „Такъ слѣдовало бы поступить и съ тобою, Аристобулъ, за то, что ты меня заставляешь участвовать въ такомъ состязаніи и убивать слоновъ при помощи одного лишь дротика". Понятно, что подобная вещь должна была вызывать негодованіе у Александра, который, какъ извѣстно, не вынесъ дерзости одного архитектора, обѣщавшаго ему превратить Аѳонскую гору въ статую, изображающую царя; узнавъ въ немъ сейчасъ-же льстеца, онъ (съ тѣхъ поръ) пересталъ привлекать его къ какимъ бы то ни было работамъ.

13. Итакъ, гдѣ же тутъ пріятное? Развѣ только какой-нибудь совершенно безумный человѣкъ сочтетъ пріятными похвалы, которыя тутъ-же, немедленно, могутъ быть опровергнуты. Бываетъ, что люди некрасивые, въ особенности женщины, просятъ живописцевъ нарисовать ихъ какъ можно красивѣе, воображая, что самая наружность ихъ сдѣлается красивѣе, если живописецъ ихъ лицу придастъ больше румянца и прибавитъ ему больше бѣлизны. Совершенно такъ-же поступаетъ и большинство историковъ, заботящихся лишь о настоящемъ и о личныхъ своихъ выгодахъ, которыя они надѣются извлечь изъ исторіи. Такихъ людей не грѣхъ ненавидѣть, такъ какъ для своихъ современниковъ они являются явными и неискусными льстецами, а для будущихъ поколѣній они такими преувеличеніями дѣлаютъ свои историческія произведенія подозрительными. Если же кто того мнѣнія, что въ исторіи непремѣнно должно встрѣчаться и пріятное, то (ему не слѣдуетъ забывать, что) въ красотахъ ея изложенія содержится множество другихъ прелестей, которыми большинство историковъ, однако, пренебрегаетъ, включая въ нее вещи, совершенно къ ней не идущія.

14. Приведу теперь—насколько припомню—нѣсколько примѣровъ изъ сочиненій историковъ, излагающихъ нынѣшнюю войну, которыхъ я недавно самъ слушалъ въ Іоніи и, клянусь Зевсомъ, очень недавно—въ Ахаіи. При этомъ, прошу именемъ Харитъ, пусть никто не сомнѣвается въ правдивости моихъ словъ; въ истинности ихъ я могъ бы даже поклясться, если бы вообще принято было включать клятвы въ сочиненія.

Итакъ, одинъ изъ нихъ свое произведеніе сразу-же началъ съ Музъ, призывая этихъ богинь къ содѣйствію въ его литературномъ трудѣ. Ты видишь уже, какъ пристойно это начало и какъ оно подходитъ къ исторіи и подобнаго рода произведеніямъ вообще! Затѣмъ, немного ниже, онъ сравнивалъ нашего государя съ Ахиллесомъ, а царя персидскаго съ Ѳерситомъ, не подозрѣвая, что гораздо величественнѣе оказался бы его Ахиллесъ, если бы онъ, вмѣсто Ѳерсита, одолѣлъ Гектора и если бы

„Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ много сильнѣйшій". Далѣе, онъ вплелъ нѣкоторую похвалу самому себѣ, указывая на то, какъ именно онъ достоенъ быть повѣствователемъ столь славныхъ дѣяній. Послѣ этого онъ сталъ восхвалять свой родной городъ Милетъ, прибавивъ, что онъ куда лучше поступаетъ, чѣмъ Гомеръ, который даже не упомянулъ о своей родинѣ. Наконецъ, въ концѣ своего введенія онъ ясно и опредѣленно обѣщалъ, что будетъ прославлять всѣ наши дѣла, а на варваровъ нападать, сколько хватитъ силъ. Началъ же онъ свою исторію, объясняя причины возникновенія настоящей войны, слѣдующими словами: „Нечестивѣйшій Вологезъ, достойный наихудшей участи, началъ войну по слѣдующему поводу". Такъ писалъ этотъ историкъ. 15. Другой, великій поклонникъ Ѳукидида, отлично подражавшій своему образцу, началъ свое сочиненіе, какъ тотъ, съ упоминанія своего собственнаго имени. Начало, какъ видишь, самое прелестное и пахнущее аттическимъ ѳиміаномъ! Послушай только: „Креперей Кальпурніанъ, гражданинъ города Помпейополя, описалъ войну пароянъ и римлянъ, какъ они воевали другъ съ другомъ, начавъ свое сочиненіе съ самаго момента возникновенія этой войны". Послѣ такого начала мнѣ уже незачѣмъ говорить тебѣ объ остальномъ,—какую рѣчь, напримѣръ, онъ въ Арменіи держалъ передъ народомъ—,если сопоставить его съ извѣстнымъ Коркирейскимъ ораторомъ—,или откуда онъ вывелъ чуму для жителей города Низибиса, не принявшихъ сторону римлянъ. Все это онъ цѣликомъ позаимствовалъ у Ѳукидида, за исключеніемъ только Пелазгикона и длинныхъ стѣнъ, гдѣ въ то время жили зачумленные. Въ остальномъ же и у него чума получила свое начало въ Эѳіопіи, оттуда перешла въ Египетъ и обширныя владѣнія персидскаго царя, гдѣ она,—къ счастью—и пріостановилась. Покинувъ его еще при погребеніи злосчастныхъ аѳинянъ—въ Низибисѣ, я ушелъ, такъ какъ отлично зналъ, о чемъ онъ будетъ говорить послѣ моего ухода.

Но, помимо этого, въ наше время существуетъ весьма распространенное мнѣніе, что писать по-Ѳукидидовски значитъ писать его-же словами, съ незначительными лишь измѣненіями. Таковы краткіе обо-

роты, въ родѣ: „какъ ты и самъ сказалъ бы“ или „не по этой причинѣ“ или „клянусь Зевсомъ, я чуть-было не пропустилъ это“ и т. п. Тотъ-же историкъ называлъ римскими именами разнаго рода оружіе и машины, какъ, напримѣръ, ровъ, мостъ и др. Подумай только, какая это честь для исторіи и какъ это достойно Ѳукидида, когда рядомъ съ аттическими словами стоятъ подобнаго рода италійскія, украшающія, придающія блескъ и какъ нельзя болѣе подходящія, подобно пурпурной каймѣ!

16. Другой въ своемъ очеркѣ привелъ совершенно голый, сухой и жалкій перечень событій, словно его составилъ какой-нибудь солдатъ, отмѣчавшій ежедневныя происшествія, или плотникъ или маркитантъ, сопровождающій войско. Впрочемъ, этотъ невѣжда былъ гораздо скромнѣе другихъ, такъ какъ съ перваго-же взгляда ясно было, кто онъ такой; кромѣ того, онъ, вѣдь, приготовилъ работу другимъ, болѣе его образованнымъ и умѣющимъ справляться съ исторіею. Единственно только я не одобрялъ въ его сочиненіи того, что онъ отдѣльнымъ книгамъ далъ болѣе пышныя заглавія, чѣмъ стоило все его произведеніе: „Каллиморфа, врача шестой когорты копьеносцевъ, исторія парѳянъ“, при чемъ каждая книга обозначается цифрой. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ черезчуръ безжизненное введеніе, приходя въ немъ къ слѣдующему заключенію: будто писать исторію подобаетъ лишь врачу, такъ какъ де Асклепій былъ сыномъ Аполлона, а Аполлонъ—вождемъ Музъ и покровителемъ образованности вообще! При томъ онъ сначала писалъ на іонійскомъ діалектѣ, а затѣмъ, неизвѣстно, почему, вдругъ перешелъ на общій языкъ, такъ что рядомъ со словами: ἰητρείη, πείρη, ὁκόσα и νοῦσοι онъ употребляетъ выраженія обыкновеннаго разговорнаго языка, а весьма часто даже слова, употребительныя въ простонародьѣ.

17. Если ужъ нужно, чтобы я здѣсь упомянулъ и о философѣ, то пусть имя его останется въ неизвѣстности. Скажу только (нѣсколько словъ) объ его образѣ мыслей и о вышедшемъ недавно въ Коринѳѣ сочиненіи его, превзошедшемъ всѣ ожиданія. Въ самомъ началѣ, въ первомъ-же періодѣ своего введенія, онъ поставилъ своимъ читателямъ вопросъ, стараясь доказать имъ весьма мудрое положеніе, будто писать исторію надлежитъ однимъ лишь философамъ. Затѣмъ, немного ниже, слѣдуетъ другой силлогизмъ, потомъ третій и т. д. Словомъ все его введеніе состоитъ изъ силлогизмовъ всѣхъ категорій. При томъ лесть у него занимаетъ преобладающее мѣсто, а похвальныя рѣчи доведены до пошлости и прямо до смѣшного, и все это такъ-же въ видѣ силлогизмовъ и вопросовъ! Точно такъ-же пошлымъ и менѣе всего достойнымъ философа, имѣющаго

уже длинную и сѣдую бороду, показалось мнѣ въ его введеніи заявленіе, будто преимущество нашего государя передъ другими заключается уже въ томъ, что его дѣянія сочли достойными описанія даже философы. Объ этомъ, если оно вообще требовало упоминанія, ему слѣдовало бы предоставить судить намъ, а не говорить самому.

18. Было бы грѣшно, не упомянуть здѣсь и о другомъ историкѣ, который свое сочиненіе началъ слѣдующими словами: „Я намѣренъ говорить о римлянахъ и персахъ“ и, немного ниже, „Персы должны были потерпѣть неудачу“ или „То былъ Осрой, котораго эллины называютъ Оксироемъ“ и т. п. Ты видишь, конечно, какъ они похожи другъ на друга, съ тою лишь разницею, что одинъ превосходно копируетъ Өукидида, а другой—Геродота.

19. Еще другой историкъ, прославившійся силою своего краснорѣчія и также оказавшійся Өукидидомъ или даже лучше его, описывалъ всѣ города, горы, равнины и рѣки—съ величайшей, по его мнѣнію, ясностью и силой. Пускай обрушилъ бы это сей бѣдоборецъ на головы враговъ! Сколько было здѣсь холоду,—холоднѣе каспійской зимы и кельтійскихъ льдовъ! Для описанія щита нашего императора ему едва хватило одной книги: тутъ, на выпуклости щита, и Горгона и глаза ея, темносиняго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, и поясъ всѣхъ цвѣтовъ радуги и драконы, извивающіеся какъ локоны! А затѣмъ еще шаровары Вологеза или узда его лошади! Боже мой, какое безконечное количество строкъ (понадобилось) для каждаго изъ нихъ! Наконецъ описаніе цвѣта волосъ Осроя, переплывающаго рѣку Тигръ и изображеніе пещеры, въ которой онъ нашелъ убѣжище и надъ которой сросшіяся вѣтви плюща, мирта и лавра образовали настоящую крышу! Ты видишь, какъ все это необходимо для исторіи и какъ безъ того мы, пожалуй, даже не знали бы, что тамъ происходило!

20. Будучи безсильны дать что-нибудь полезное и не умѣя сдѣлать надлежащаго выбора, они обращаются къ такого рода описаніямъ мѣстностей и пещеръ, а когда имъ встрѣтится богатый и важный матеріалъ, они дѣлаются похожими на недавно разбогатѣвшаго раба, только-что получившаго наслѣдство отъ своего господина: онъ ни плаща своего, какъ слѣдуетъ, надѣть не умѣетъ, ни пообѣдать, какъ полагается; напротивъ, затрудняясь нерѣдко при видѣ лежащихъ передъ нимъ блюдъ изъ птичьяго, свиного и заячьяго мяса, онъ нажрется какой нибудь каши или солонины, такъ что чуть не лопнетъ.

Тотъ-же историкъ, о которомъ я только-что упомянулъ, разсказываетъ еще о весьма невѣроятныхъ пораненіяхъ и необычайныхъ видахъ смерти. Такъ, напримѣръ, у него одинъ, получивъ рану въ большой палецъ ноги, немедленно скончался, а отъ одного крика легата

Приска упали въ обморокъ двадцать семь непріятелей! Кромѣ того онъ привиралъ и въ сообщеніяхъ о числѣ убитыхъ и при томъ вопреки свѣдѣніямъ въ донесеніяхъ самихъ полководцевъ. Такъ, напримѣръ, (въ битвѣ) у города Европа со стороны непріятелей пало, будто бы, 370206 человѣкъ, а у римлянъ оказалось лишь двое убитыхъ и девять раненыхъ! Съ подобной вещью, мнѣ кажется, едва-ли кто въ состояніи примириться!

21. Далѣе, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующемъ, немаловажномъ обстоятельствѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ-же историкъ, желая быть чистѣйшимъ аттикистомъ и заботясь о безукоризненности языка, счелъ нужнымъ передѣлывать римскія имена и придавать имъ греческую форму, такъ что вмѣсто „Сатурнинъ" онъ говорилъ „Кроніосъ", вмѣсто „Фронтонъ"—„Фронтисъ", вмѣсто „Титіанъ"—„Титаніосъ" и еще многое другое, что гораздо смѣшнѣе этого. По поводу смерти Северіана этотъ-же историкъ сообщаетъ, будто всѣ другіе (историки) сильно ошибаются, думая, что онъ умеръ отъ меча; на самомъ дѣлѣ этотъ человѣкъ умеръ де съ голоду, такъ какъ этотъ родъ смерти онъ считалъ наименѣе тягостнымъ. Этотъ историкъ (повидимому) не знаетъ, что всѣ страданія Северіана продолжались всего лишь, если не ошибаюсь, три дня и что большинство людей безъ пищи можетъ прожить даже семь дней. Остается развѣ только предположить, что Осрой стоялъ и ждалъ, когда съ голоду помретъ Северіанъ и только поэтому не повелъ противъ него своего войска въ продолженіе семи дней!

22. Затѣмъ, что мнѣ сказать, любезный Филонъ, относительно лицъ, пользующихся въ историческихъ произведеніяхъ поэтическими выраженіями? Напримѣръ: „Шевельнулась осадная машина и съ грохотомъ рухнула стѣна"—или въ другомъ мѣстѣ того-же славнаго сочиненія—„Такъ кругомъ Эдессы бряцало оружіе, отовсюду доносился шумъ и гулъ" или „Вождь думалъ крѣпкую думу, какъ бы лучше всего подвести свое войско къ городской стѣнѣ". Рядомъ съ такими оборотами попадаются многія простыя, народныя и даже нищенскія выраженія, въ родѣ: „Начальникъ лагеря отписалъ, государю" или „Солдаты покупали себѣ поѣсть" или „Выкупавшись они занялись самими собою" и т. п. Словомъ, все это походитъ на трагическаго актера, у котораго одна нога въ высокомъ котурнѣ, а другая въ сандаліи.

23. Есть, однако, и такіе историки, которые (къ своимъ сочиненіямъ) пишутъ блестящія, напыщенныя и черезчуръ пространныя введенія, такъ что иной, пожалуй, станетъ ожидать послѣ всего этого услышать самыя изумительныя вещи. На дѣлѣ же самое содер-

жаніе ихъ исторіи до того ничтожно и жалко, что все произведеніе походитъ на ребенка—ты, вѣроятно, гдѣ-нибудь уже видѣлъ играющаго Эрота, напялившаго себѣ на голову огромную маску Геракла или Пана. (Не удивительно) поэтому, что слушатели имъ сейчасъ-же преподносятъ извѣстное: „гора рожала!" Вѣдь (въ историческомъ произведеніи), мнѣ кажется, все должно быть соразмѣрно и однородно и и головѣ должно соотвѣтствовать все остальное тѣло, дабы не оказалось, что шлемъ сдѣланъ изъ золота, панцырь, словно для смѣху, сшитъ изъ какихъ-то тряпокъ и лоскутковъ гнилой кожи, щитъ—изъ ивовыхъ прутьевъ, а сапоги изъ свиной кожи.

Такихъ историковъ, приставляющихъ голову Родосскаго колосса къ ничтожному туловищу, ты встрѣтишь въ большомъ количествѣ, а съ другой стороны найдешь и такихъ, которые, наоборотъ, выводятъ па сцену туловище безъ головы, т. е. безъ всякаго введенія сейчасъ-же приступаютъ къ самому сюжету, присоединяясь (такимъ образомъ) къ Ксенофонту, начинающему со словъ: „У Дарія и Парисатиды было два сына" и къ многимъ другимъ древнимъ авторамъ. Они (очевидно) не знаютъ, что „введеніемъ" по существу является часто то, что весьма многими за таковое не признается,—какъ мною будетъ показано въ другомъ мѣстѣ.

24. Впрочемъ, все это еще сносно, пока дѣло касается только погрѣшностей противъ слога и общаго построенія. Но когда историки даютъ ложныя сообщенія относительно мѣстностей, ошибаясь при томъ не только на парасанги, но даже на цѣлые дневные переходы, то это становится уже ни на что не похожимъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, никогда не видѣвшій сирійца и, какъ говорится, даже въ цырульнѣ не слышавшій разговоровъ по этому поводу, съ такой небрежностью состряпалъ свое сочиненіе, что о городѣ Европѣ повѣствовалъ слѣдующее: „Городъ Европъ расположенъ въ Месопотаміи, на разстояніи двухъ дневныхъ переходовъ отъ рѣки Евфрата и представляетъ собою колонію города Эдессы". Въ той-же книгѣ этотъ славный историкъ даже мой родной городъ Самосаты поднимаетъ съ своего мѣста, вмѣстѣ съ акрополемъ и стѣнами, и переноситъ въ Месопотамію, помѣщая его между обѣихъ рѣкъ, которыя (такимъ образомъ) близко подходятъ къ нему съ двухъ сторонъ и чуть-ли не омываютъ его стѣны. Было бы смѣшно, если бы я здѣсь сталъ доказывать тебѣ, что я не парѳянинъ и не месопотамецъ, среди которыхъ угодно было поселить меня этому чудаку!

25. Полнаго довѣрія заслуживаетъ, несомнѣнно, и то, что объ (упомянутомъ выше) Северіанѣ передавалъ тотъ-же историкъ, поклявшись, что онъ это узналъ отъ одного изъ участниковъ въ бѣгствѣ

послѣ той-же битвы. Оказывается, что Северіанъ не хотѣлъ умереть отъ меча или яда или петли, а придумалъ себѣ необычайный и трагическій родъ смерти. Дѣло въ томъ, что случайно при немъ оказалось два стеклянныхъ кубка очень большого размѣра, сдѣланные изъ прекраснѣйшаго стекла, и такъ какъ онъ твердо рѣшилъ покончить съ собою, то, разбивши бо́льшій изъ этихъ бокаловъ, однимъ осколкомъ его воспользовался для того, чтобы перерѣзать себѣ горло. Такимъ образомъ не нашлось у него даже меча или копья, чтобы умереть смертью, достойною мужчины и героя!

26. Далѣе, такъ какъ у Өукидида имѣется надгробная рѣчь въ память первыхъ павшихъ въ (пелопоннесской) войнѣ, то и онъ счелъ нужнымъ сказать надгробное слово Северіану. Вѣдь у всѣхъ этихъ историковъ замѣчается постоянное соревнованіе съ Өукидидомъ, хотя онъ ничѣмъ не повиненъ въ неудачахъ, постигшихъ насъ въ Арменіи! Итакъ, устроивъ Северіану пышные похороны, онъ возводитъ на его могилу нѣкоего сотника Афранія Силона—соперника Перикла—и заставляетъ его ораторствовать такъ сильно и трогательно, что я, клянусь Харитами, горько заплакалъ—со смѣху,—особенно, когда этотъ ораторъ Афраній, уже въ концѣ своей рѣчи, со слезами и жалобными причитаніями сталъ припоминать великолѣпныя пиршества и попойки покойника. Наконецъ, онъ завершаетъ все это сценой, напоминающей смерть Аякса: обнаживъ мечь—со всѣмъ благородствомъ, подобающимъ Афранію—онъ на глазахъ у всѣхъ закалываетъ себя на этомъ-же могильномъ курганѣ. И по дѣломъ ему, клянусь Эніаліемъ! Было бы даже лучше, если бы онъ умеръ еще до своей рѣчи! „А всѣ присутствующіе“—замѣчаетъ нашъ историкъ—„при видѣ этого были поражены и превозносили до небесъ Афранія“. Я же, осуждая вообще всю рѣчь, въ которой онъ упомянулъ чуть-ли не о всѣхъ похлебкахъ и блюдахъ, проливая слезы при одномъ воспоминаніи о пирожкахъ, въ особенную вину поставилъ ему то, что онъ покончилъ съ собою, не заколовъ предварительно историка, давшаго намъ эту сцену.

27. Такого рода историковъ, мой другъ, я могъ бы назвать тебѣ еще очень много, но не смотря на это я упомяну здѣсь лишь о нѣкоторыхъ, а затѣмъ перейду къ моему второму обѣщанію, т. е. къ совѣту, какъ лучше писать исторію.

Есть еще историки, которые совсѣмъ пропускаютъ или лишь вскользь упоминаютъ о великихъ и достопамятныхъ дѣяніяхъ и вслѣдствіе своего безвкусія и неумѣнія рѣшить, о чемъ слѣдуетъ упомянуть и о чемъ молчать, весьма краснорѣчиво и обстоятельно повѣствуютъ о ничтожнѣйшихъ вещахъ, тратя на это много времени, подобно тому, какъ если бы кто-нибудь, вмѣсто того, чтобы разсматри-

вать и расхваливать величественную красоту всей статуи Зевса въ Олимпіи и разсказывать о ней людямъ, еще не знающимъ этого, сталъ бы удивляться искусной отдѣлкѣ и полировкѣ ея подножія, а равно и симметріи ея фундамента и все это изображать съ величайшей подробностью.

28. Такъ, напримѣръ, я слушалъ одного, который всю битву у города Европа бѣгло изложилъ даже не въ полныхъ семи строкахъ, между тѣмъ какъ двадцать или даже болѣе мѣръ воды онъ потратилъ на безцвѣтное и совершенно для насъ не интересное повѣствованіе о томъ, какъ какой-то мавританскій всадникъ, по имени Мавсакъ, мучимый жаждой, блуждалъ въ горахъ и наткнулся на какихъ-то сирійскихъ крестьянъ, приготовляющихъ себѣ завтракъ, и о томъ, какъ они сначала его боялись, а затѣмъ, узнавъ, что онъ имъ не врагъ, приняли его и угостили; оказалось, что одинъ изъ нихъ случайно самъ бывалъ въ Мавританіи, такъ какъ въ этой странѣ несъ военную службу его братъ. Далѣе слѣдують длинные разсказы и повѣствованія о томъ, какъ онъ ходилъ на охоту въ Мавританіи, какъ онъ видѣлъ стадо слоновъ, которые паслись въ одномъ мѣстѣ, какъ онъ едва не былъ съѣденъ львомъ и какихъ громадныхъ рыбъ онъ купилъ себѣ въ городѣ Кесаріи. Опустивъ, такимъ образомъ, происходившія у Европа значительныя сраженія, конныя аттаки, невольное перемиріе и принятыя съ обѣихъ сторонъ мѣры предосторожности, этотъ удивительный историкъ до поздняго вечера просидѣлъ у сирійца Мальхіона въ Кесаріи, любуясь, какъ онъ за безцѣнокъ закупаетъ огромныхъ морскихъ лещей, и если бы его не застигла ночь, онъ безъ сомнѣнія (тутъ-же) поужиналъ бы съ нимъ изготовленными лещами. Если бы эти подробности не были старательно занесены въ исторію, мы, надо полагать, ничего не знали бы о важныхъ событіяхъ и потеря для римлянъ была бы безмѣрна, если бы жаждущій мавританецъ Мавсакъ ничего не нашелъ для питья и безъ обѣда долженъ былъ бы возвратиться въ свой лагерь! При этомъ, однако, я нарочно опускаю здѣсь многое другое, еще болѣе важное; напримѣръ, какъ изъ ближайшей деревни къ нимъ пришла флейтистка и какъ они другъ другу давали подарки—мавританецъ Мальхіону копье, а послѣдній Мавсаку застежку—и еще многое другое, что въ описаніи битвы у города Европа составляетъ, конечно, самое существенное! Итакъ, съ полнымъ правомъ можно сказать, что подобные историки самой розы не видятъ, за то тщательно разсматриваютъ шипы на ея стеблѣ!

29. Другой, не менѣе забавный историкъ, шагу никогда не ступившій за стѣны Коринѳа и никогда не доходившій даже до Кенхрей, не говоря уже о томъ, что онъ никогда не видѣлъ ни Сиріи, ни Ар-

меніи,—я это помню—началъ (свое произведеніе) такимъ образомъ: „Слуху слѣдуетъ вѣрить меньше, чѣмъ зрѣнію; поэтому я пишу о томъ, что видѣлъ, а не о томъ, что слышалъ.“ Какъ тщательно онъ все разсмотрѣлъ, (видно изъ того, что), по его словамъ, извѣстные драконы пареянъ—въ дѣйствительности это у нихъ значки для отдѣльныхъ войсковыхъ частей, при чемъ на каждую тысячу, если не ошибаюсь, полагается одинъ драконъ—это де живые драконы огромной величины, водящіеся въ Персіи, немного выше Иберіи. Этихъ-то драконовъ они, будто бы, передъ началомъ сраженія привязываютъ къ шестамъ и высоко поднимаютъ на воздухъ, чѣмъ уже издали наводятъ страхъ при своемъ приближеніи, а въ самомъ сраженіи, когда дѣло доходитъ до рукопашной, они ихъ отвязываютъ и пускаютъ на непріятелей. Такимъ образомъ будто бы уже многіе изъ нашихъ погибли, а другіе оказались задушенными и задавленными обвившимися вокругъ нихъ драконами. И все это нашъ историкъ видѣлъ своими собственными глазами, дѣлая эти наблюденія, конечно, съ безопаснаго мѣста, т. е. съ высокаго дерева. И прекрасно онъ сдѣлалъ, что не сунулся къ этимъ чудовищамъ, а то мы теперь, пожалуй, не имѣли бы такого чуднаго историка, непосредственнаго участника столь великихъ и блестящихъ дѣяній этой войны! Да, вѣдь онъ же при этомъ не разъ уже подвергался опасности и былъ даже раненъ у города Суры—разумѣется, во время прогулки отъ Кранея до Лерны! И все это онъ читалъ въ присутствіи коринеянъ, которые, конечно, отлично знали, что онъ даже нарисованной на стѣнѣ войны никогда не видѣлъ. Мало того, онъ даже не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ оружіи и военныхъ орудіяхъ, а равно и о названіяхъ войсковыхъ частей и ихъ подраздѣленіяхъ. Поэтому ему ничего не стоило называть фланговый строй колонной, а колонну—фронтомъ.

30. Другой превосходный историкъ втиснулъ всѣ рѣшительно событія, имѣвшія мѣсто въ Арменіи, Сиріи, Месопотаміи, у рѣки Тигра и въ Мидіи, отъ начала до конца (пареянской войны), менѣе чѣмъ въ пять сотъ строкъ и выдаетъ это за исторію! А между тѣмъ заглавіе, данное имъ своему сочиненію, чуть-ли не пространнѣе самой книги, а именно: „Повѣствованіе Антіохана, побѣдителя на священныхъ играхъ Аполлона“—въ дѣтствѣ, надо полагать, онъ гдѣ-то одержалъ побѣду въ бѣгѣ—„о дѣяніяхъ, недавно совершенныхъ римлянами въ Арменіи, Месопотаміи и Мидіи“.

31. Приходилось мнѣ слушать и такого историка, который описалъ даже будущія событія, напримѣръ: взятіе въ плѣнъ Вологеза, гибель Осроя, именно то, какъ онъ будетъ брошенъ на съѣденіе льву, и описалъ тріумфъ, котораго всѣ мы такъ страстно желали. Охва-

ченный этимъ пророческимъ воодушевленіемъ, онъ спѣшилъ къ концу своего произведенія, однако основалъ еще въ Месопотаміи городъ, величайшій по величинѣ и красивѣйшій по красотѣ; но пока онъ еще размышляетъ и колеблется, назвать-ли ему этотъ городъ „Побѣднымъ“, въ память одержанной побѣды, или „Согласіемъ“ или „Мирнымъ“, и такъ какъ дѣло это еще не рѣшено, то этотъ прекрасный городъ для насъ остается безъименнымъ, хотя онъ и населенъ безконечной авторской болтовней и глупостью. Кромѣ того, онъ обѣщалъ дать описаніе предстоящихъ событій въ Индіи и на побережьѣ индійскаго океана. И дѣйствительно, онъ не ограничился однимъ обѣщаніемъ и уже составилъ введеніе къ индійской исторіи, такъ что третій легіонъ съ кельтами и небольшимъ отрядомъ мавританцевъ подъ начальствомъ Кассія уже переправились черезъ рѣку Индъ. А что они тамъ будутъ дѣлать и какимъ образомъ они выдержатъ натискъ слоновъ, объ этомъ намъ въ непродолжительномъ времени донесетъ этотъ чудный историкъ изъ Музириса или страны оксидраковъ.

32. Подобною болтовнею занимаются они по своему невѣжеству, не видя того, на что слѣдуетъ обратить вниманіе или же, если и видятъ, то, не будучи въ состояніи передать это достойнымъ образомъ, они сами придумываютъ и сочиняютъ то, что имъ, какъ говорится, сболтнется. При этомъ они еще гордятся количествомъ своихъ книгъ и въ особенности ихъ заглавіями, которыя дѣйствительно бываютъ въ высшей степени забавны, какъ, напримѣръ: „Такого-то пароянскихъ побѣдъ столько-то книгъ“ или „Пароиды книга первая, вторая и т. д.“ —очевидно въ подражаніе извѣстной „Аттидѣ“; у третьяго я читалъ заглавіе, еще болѣе изысканное: „Димитрія Сагаласскаго дѣянія пароянъ“..... (Все это я привелъ здѣсь) не съ тѣмъ, чтобы поднять на смѣхъ эти прекрасныя произведенія или издѣваться надъ ними, а лишь ради пользы. Вѣдь, если кто избѣгнетъ этихъ и подобныхъ ошибокъ, то этимъ онъ уже сдѣлаетъ большой шагъ къ тому, чтобы быть хорошимъ историкомъ или, лучше сказать, онъ уже не будетъ далекъ отъ этого, по крайней мѣрѣ, если правильно извѣстное положеніе діалектиковъ, что изъ двухъ вещей, не имѣющихъ между собой третьей, отрицаніе первой влечетъ за собою признаніе второй.

33. Итакъ—скажутъ мнѣ—ты тщательно очистилъ почву, вырубилъ всѣ рѣшительно колючки и терновникъ и удалилъ весь остальной мусоръ, такъ что все, что раньше было шероховато, теперь стало ровнымъ. Такъ построй-же ты самъ что-нибудь, чтобы видно было, что ты, какъ благородный человѣкъ, не только разрушаешь сдѣланное

другими, но и самъ можешь придумать что-нибудь умное, чего никто, даже самъ Момъ, не въ состоянiи будетъ осмѣять.

34. Итакъ, я утверждаю, что тотъ, кто желаетъ быть хорошимъ историкомъ, отъ природы долженъ обладать слѣдующими двумя главными качествами: политическимъ умомъ и умѣнiемъ излагать. Первое есть даръ природы и не является результатомъ обученiя; второе достигается путемъ усиленнаго упражненiя, настойчиваго труда и подражанiя древнимъ образцамъ. Такимъ образомъ, оба эти качества не почерпаются изъ руководства и поэтому мои совѣты здѣсь совершенно излишни. Да, моя книжка вовсе не обѣщаетъ сдѣлать разсудительными и проницательными тѣхъ, которымъ эти качества не прирождены, такъ какъ она была бы гораздо драгоцѣннѣе или была бы даже величайшею драгоцѣнностью, если бы могла передѣлывать и переустроивать подобныя вещи и превращать, напримѣръ, свинецъ въ золото, олово въ серебро, Конона въ Титорма и Леотрофида въ Милона.

35. Но какая-же тогда польза—скажутъ мнѣ—отъ твоего искусства и совѣта? Эта польза заключается не въ созданiи качествъ, если ихъ нѣтъ, а въ указанiи ихъ примѣненiя. Такъ, несомнѣнно, и Иккъ и Геродикъ и Ѳеонъ и всякiй другой учитель гимнастики врядъ-ли дадутъ тебѣ обѣщанiе, что они, взявъ въ свою школу Пердикку—если это тотъ самый, который зачахъ отъ любви къ своей мачихѣ, а не Антiохъ, сынъ Селевка и извѣстной Стратоники—сдѣлаютъ изъ него атлета-побѣдителя на олимпiйскихъ играхъ или даже соперника Ѳеагена съ острова Ѳасоса или Полидаманта изъ города Скотузы. Если же дать имъ человѣка, способнаго къ гимнастическимъ упражненiямъ, то съ помощью своего искусства они его значительно усовершенствовали бы. Поэтому, да будетъ чуждо мнѣ надменное притязанiе, будто я открылъ какое-то искусство для этого важнаго и труднаго дѣла! Вѣдь я не обѣщаю сдѣлать историкомъ перваго встрѣчнаго, а лишь имѣю въ виду указать человѣку, обладающему природнымъ умомъ и съ успѣхомъ занимавшемуся ораторскимъ искусствомъ, нѣкоторые вѣрные пути,—если они ему покажутся таковыми,—по которымъ онъ быстрѣе и легче могъ бы дойти до цѣли.

36. Вѣдь ты же не станешь отрицать, что и умный человѣкъ нуждается въ обученiи и руководствѣ въ томъ, чего онъ не знаетъ; иначе онъ, безъ предварительнаго ученiя, игралъ бы на киѳарѣ и флейтѣ и былъ бы искусенъ во всемъ. На дѣлѣ же безъ предварительнаго руководства ничего подобнаго онъ дѣлать не можетъ; если же дать ему (надлежащiя) указанiя, то онъ весьма легко научится всему этому и отлично справится съ этимъ самъ.

37. Поэтому, пусть и мнѣ дадутъ ученика, обладающаго умомъ, даромъ слова и быстрой сообразительностью, способнаго къ общественной дѣятельности въ случаѣ, если бы онъ былъ къ ней привлеченъ, знатока военнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ (искуснаго) политика и опытнаго полководца,—человѣка, который самъ бывалъ въ лагерѣ, который видѣлъ упражненія солдатъ въ строю, который знакомъ съ оружіемъ и снарядами и знаетъ, что такое колонна и что фронтъ, какъ дѣйствуетъ пѣхота и какъ кавалерія и что значитъ мѣнять фронтъ и дѣлать обходъ; словомъ, пусть мнѣ дадутъ не домосѣда, который вѣритъ всему, что ему говорятъ.

38. Прежде всего онъ долженъ быть независимъ въ своихъ взглядахъ, никого не бояться и ни на что не надѣяться, такъ какъ иначе онъ походилъ бы на негодныхъ судей, которые за вознагражденіе творятъ судъ, то милостивый, то немилостивый. А онъ, напротивъ, не долженъ бояться ни Филиппа, если ему придется изобразитъ его въ тотъ моментъ, когда стрѣлокъ Астръ изъ Амфиполя выкололъ ему глазъ въ Олимпіи, ни Александра, который (сильно) огорченъ былъ совершеннымъ (имъ-же) во время пира жестокимъ убійствомъ Клита,—если онъ хочетъ писать правдивую исторію. Точно также не слѣдуетъ ему бояться Клеона, пользующагося большимъ вліяніемъ въ народномъ собраніи и завладѣвшаго ораторской трибуной, а напротивъ, онъ долженъ (смѣло) заявлять, что это былъ пагубный и сумасбродный человѣкъ. Даже весь городъ аѳинянъ не долженъ помѣшать ему разсказать о неудачахъ въ Сициліи, о взятіи въ плѣнъ Демосѳена, о смерти Никія и о томъ, какъ аѳиняне терпѣли жажду, какую воду они пили и какъ большинство изъ нихъ при этомъ было перебито. Вѣдь онъ по всей справедливости можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ обвинять его, если онъ будетъ излагать неудачи и неразумныя дѣянія такъ, какъ онѣ происходили. Онъ же не виновникъ всего этого, а лишь повѣствователь! Такъ, напримѣръ, когда аѳиняне иной разъ терпятъ пораженіе въ морской битвѣ, не онъ же пускаетъ ко дну ихъ корабли и, когда они обращаются въ бѣгство, не онъ ихъ преслѣдуетъ; развѣ только онъ упустилъ помолиться за нихъ, когда слѣдовало! Вѣдь, если бы умолчаніемъ или сообщеніемъ противоположнаго можно было поправить дѣло, то Ѳукидиду не стоило бы никакого труда, однимъ легкимъ почеркомъ пера разрушить укрѣпленіе, возведенное у Эпиполъ, пустить ко дну трирему Гермократа, пронзить проклятаго Гилиппа въ тотъ моментъ, когда онъ бастіонами и рвами загораживалъ дороги и, наконецъ, запереть въ каменоломни сиракузянъ, аѳинянамъ же дать возможность плавать кругомъ Сициліи и Италіи, соотвѣтственно перво-

начальнымъ надеждамъ, внушеннымъ имъ Алкивіадомъ. Однако, что уже разъ сдѣлано, того, на мой взглядъ, ни Клото не въ состояніи измѣнить, ни Атропа передѣлать!

39. Итакъ, дѣло историка излагать всѣ событія такъ, какъ онѣ происходили! Это, однако, для него будетъ не возможно, пока онъ, будучи врачемъ Артаксеркса, или будетъ бояться его или надѣяться получить отъ него пурпуровый халатъ, золотую цѣпь и нисейскихъ коней, въ видѣ награды за прославленіе его въ своемъ сочиненіи. Но этого никогда не сдѣлаетъ ни правдивый историкъ Ксенофонтъ, ни Ѳукидидъ. Напротивъ, они, даже питая личную ненависть къ комулибо, всегда сочтутъ болѣе важнымъ общее дѣло и истину поставятъ выше своей вражды и не станутъ щадить промахи даже того лица, къ которому они расположены.

Въ этомъ, какъ я уже выше сказалъ, и заключается существенная черта исторіи и если кто намѣренъ писать исторію, то долженъ преклоняться передъ одной лишь истиной, а на все остальное не обращать вниманія. Словомъ, единственно вѣрнымъ мѣриломъ и правиломъ для него должно служить то, чтобы имѣть въ виду не теперешнихъ слушателей, а будущихъ читателей своихъ сочиненій.

40. Если же кто служитъ только настоящему, то его по всей справедливости отнесутъ къ числу льстецовъ, которые исторіи искони были противны не менѣе, чѣмъ косметика гимнастикѣ. Разсказываютъ, напримѣръ, про Александра, будто онъ сказалъ Онесикриту: „Хотѣлось бы мнѣ послѣ смерти не на долго воскреснуть, чтобы узнать, какъ относятся читатели къ твоей исторіи. Вѣдь, если они теперь ее хвалятъ и одобряютъ, то этому тебѣ удивляться нечего, такъ какъ каждый изъ нихъ этимъ разсчитываетъ не мало мнѣ угодить и заслужить мое расположеніе“. Поэтому, если нѣкоторые склонны вѣрить Гомеру, несмотря на то, что онъ объ Ахиллесѣ сообщаетъ по большей части баснословныя вещи, то единственнымъ доказательствомъ его правдивости для нихъ является то вѣское соображеніе, что онъ писалъ не о живомъ и поэтому они не видятъ причины, почему онъ сталъ бы лгать.

41. Итакъ, мой историкъ долженъ быть неустрашимъ, неподкупенъ, независимъ, откровененъ и правдолюбивъ, называя—какъ выражается одинъ комическій поэтъ—смокву смоквой, а корыто корытомъ; онъ не долженъ руководиться ни ненавистью, ни дружбой, не долженъ оказывать пощады или чувствовать состраданіе или стыдъ или робость; онъ долженъ быть судьей, одинаково благосклоннымъ ко всѣмъ и воздающимъ каждому по заслугамъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ долженъ быть чуждымъ какой-бы то ни было странѣ, какому-бы то ни было го-

роду; долженъ подчиняться только своимъ законамъ, не признавать надъ собою царя, передавать то, что дѣйствительно было, не соображаясь съ тѣмъ, что скажетъ на это тотъ или другой.

42. Поэтому Ѳукидидъ съ полнымъ основаніемъ возводилъ все это въ законъ и по этимъ признакамъ судилъ о достоинствахъ и недостаткахъ историка и хотя видѣлъ, какое сильное удивленіе вызывалъ Геродотъ, книги котораго даже названы были по именамъ Музъ, онъ, однако, самъ, по собственнымъ словамъ, предпочелъ написать скорѣе „нѣчто вѣчное", чѣмъ произведеніе, разсчитанное на настоящій моментъ и, не удѣляя вниманія баснословнымъ разсказамъ, пожелалъ оставить будущимъ поколѣніямъ правдивое изображеніе дѣйствительныхъ событій. При этомъ онъ указываетъ и на полезность исторіи и еще на другую цѣль, которую каждому слѣдовало бы полагать въ основу своей исторіи,—а именно, чтобы люди, въ случаѣ повторенія подобныхъ-же событій, могли руководиться описанными раньше происшествіями и такимъ образомъ разумно поступать въ своемъ положеніи.

43. Съ такими взглядами пусть явится предо мной историкъ! Что же касается языка и силы слога, стремительности, ѣдкости, непрерывныхъ періодовъ, сложныхъ аргументацій и всѣхъ прочихъ пріемовъ, свойственныхъ риторикѣ, то историку не слѣдуетъ начинать свое произведеніе съ жаромъ, а напротивъ,—возможно спокойнѣе; сужденія его должны быть мѣткими и умными, языкъ ясенъ и общедоступенъ, чтобы возможно нагляднѣе представился трактуемый предметъ.

44. Подобно тому, какъ къ выражаемымъ историкомъ взглядамъ мы предъявляли требованіе откровенности и правдивости, точно такъ-же единственною и главнѣйшею цѣлью его изложенія должно быть, какъ можно яснѣе и нагляднѣе изобразить свой предметъ, не прибѣгая къ словамъ непонятнымъ, мало употребительнымъ, уличнымъ или даже кабацкимъ, а выражаясь такъ, чтобы простой народъ его могъ понять, а люди образованные—хвалили. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его не лишнее будетъ украсить и легкими фигурами, носящими печать простоты; тогда только его произведеніе будетъ походить на хорошо приготовленное и вкусное блюдо.

45. Далѣе, историкъ не долженъ быть чуждъ и поэзіи,—поскольку и исторія заключаетъ въ себѣ элементъ возвышеннаго и элементъ панегирическій—,особенно, когда онъ приступаетъ къ изображенію расположенія войскъ, сухопутныхъ и морскихъ битвъ; въ такихъ случаяхъ необходимо поэтическое воодушевленіе, которое, словно попутный вѣтеръ, надувало бы паруса и несло бы корабль по гребнямъ вздувшихся

волнъ. Но при этомъ рѣчь его должна, такъ сказать, идти по землѣ, становясь возвышенною при изображеніи прекрасныхъ и высокихъ дѣяній и по возможности соотвѣтствуя имъ, избѣгая, при этомъ, чего-либо необычайнаго и не впадая въ чрезмѣрную восторженность; въ послѣднемъ случаѣ ему грозила бы величайшая опасность потерять нить и стать игрушкою порывовъ поэтическаго безумія. Поэтому историку здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ обуздывать свое воображеніе и руководиться спокойной мыслью, въ виду того, что и въ рѣчи немалымъ зломъ является излишняя приподнятость. Вообще желательно, чтобы мысль была всадникомъ на добромъ конѣ, а словесное ея выраженіе—пѣшеходомъ, равняющимся со своимъ спутникомъ, держась при этомъ за чапракъ, чтобы не остаться позади при быстрой его скачкѣ.

46. И въ расположеніи словъ нужно знать мѣру и держаться золотой середины: съ одной стороны соединеніе словъ должно представлять извѣстную ритмичность во избѣжаніе шероховатости рѣчи, а съ другой стороны не слѣдуетъ вводить стихотворнаго размѣра, какимъ пользуются поэты; послѣднее достойно порицанія, а первое противно уху.

47. Матеріалъ слѣдуетъ сводить не какъ попало, но послѣ тщательнаго и нерѣдко труднаго критическаго разбора. По возможности историкъ долженъ приводить факты, при которыхъ самъ присутствовалъ и которыхъ былъ очевидцемъ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ руководиться только свидѣтельствомъ лицъ безпристрастныхъ, отъ которыхъ онъ не можетъ ожидать извращенія событій ни въ худую сторону—изъ враждебнаго чувства, ни въ хорошую—изъ благорасположенія. Въ этомъ случаѣ онъ уже долженъ руководиться своимъ критическимъ чутьемъ и способностью угадывать, чтобы опредѣлить, что наиболѣе заслуживаетъ довѣрія.

48. Собравъ такимъ образомъ все или большую часть матеріала, ему слѣдуетъ прежде всего набросать очеркъ и образовать остовъ, пока еще некрасивый и безформенный. Затѣмъ онъ долженъ сообщить ему стройность и красоту, обработать его стиль и придать ему форму и соразмѣрность.

49. Вообще, историкъ долженъ походить въ это время на гомеровскаго Зевса, который обращаетъ свои взоры то на землю конеборныхъ ѳракіянъ, то на землю мизійцевъ. Такъ и историкъ сначала долженъ разсмотрѣть, что дѣлается у нашихъ соотечественниковъ и сообщить намъ, какимъ это ему представляется съ его возвышенной точки зрѣнія, затѣмъ обратить вниманіе на персовъ и, наконецъ, на тѣхъ и другихъ совокупно во время ихъ военнаго столкновенія. Въ минуту

же сраженія онъ не долженъ сосредоточивать своего вниманія на одной только сторонѣ или даже на одномъ только всадникѣ или пѣхотинцѣ,—особенно, если это ни Бразидъ, рвущійся въ бой, ни Демосѳенъ, отражающій высадку (непріятеля); напротивъ, онъ долженъ обращать свое вниманіе главнымъ образомъ на полководцевъ, выслушивать ихъ рѣчи (воинамъ) и замѣчать, какъ, съ какимъ разсчетомъ и съ какой цѣлью выстроены ими войска. А когда дѣло дошло до рукопашной, онъ долженъ стараться уловить всѣ подробности общей картины боя и словно на вѣсахъ взвѣшивать все происходящее, относясь одинаково какъ къ преслѣдующимъ, такъ и къ преслѣдуемымъ.

50. При всемъ этомъ онъ долженъ соблюдать извѣстную мѣру, чтобы не утомлять читателя излишней пространностью и неумѣстнымъ пустословіемъ. Онъ не долженъ затрудняться отъ одного предмета перейти къ другому, когда это нужно и, покончивъ съ послѣднимъ, возвращаться къ первому, когда этого требуетъ дѣло. Вообще, онъ долженъ стараться по возможности одновременно присутствовать при всемъ, изъ Арменіи переноситься въ Мидію, оттуда мгновенно въ Иберію, а затѣмъ въ Италію, чтобы не упустить ни одного происшествія.

51. Лучше сказать, умъ его долженъ походить на чистое, блестящее и тщательно отшлифованное зеркало, въ которомъ предметы отражаются въ ихъ подлинномъ видѣ, не будучи измѣняемы ни въ своей окраскѣ, ни во внѣшнихъ очертаніяхъ. Вѣдь историки пишутъ не такъ, ... какъ риторы; напротивъ, подлежащее ихъ изображенію должно быть изображаемо въ своемъ подлинномъ видѣ, такъ какъ все это дѣйствительные факты, которые нужно изложить въ должномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, имъ остается обсудить не то, *что* изложить, а то, *какъ* изложить. Вообще нужно смотрѣть такъ, что пишущій исторію долженъ быть подобенъ Фидію, Праксителю, Алкаману и тому подобнымъ художникамъ: не сами они создавали золото, серебро, слоновую кость и весь остальной матеріалъ, но онъ уже былъ на лицо передъ ними, доставленный имъ или элейцами или аѳинянами или аргивянами; а они только обрабатывали его, пилили слоновую кость, точили, склеивали, вырабатывали художественную форму и украшали золотомъ. Значитъ, все ихъ искусство заключалось лишь въ томъ, чтобы какъ должно употребить матеріалъ! Нѣчто подобное представляетъ собою и дѣло историка, а именно: искусно расположить событія и по возможности ясно представить ихъ. И если послѣ этого кому изъ слушателей разсказываемое представится яснымъ, какъ живое и онъ по этому поводу выскажетъ свою похвалу, тогда—да, только тогда—произведеніе историка можно считать отдѣланнымъ въ совер-

шенствѣ и увѣнчаннымъ наградою, подобающею произведенію историка—Фидія.

52. Когда всѣ подготовительныя работы уже окончены, историкъ иногда и безъ введенія можетъ приступить къ дѣлу, если самый предметъ не слишкомъ требуетъ предварительнаго объясненія въ введеніи; но въ сущности у него и безъ того будетъ введеніе, объясняющее все послѣдующее.

53. А если онъ пожелаетъ предпослать введеніе, то долженъ ограничиться двумя предметами, а не тремя, какъ это дѣлаютъ риторы: оставляя въ сторонѣ стремленіе снискать благосклонность своихъ слушателей, онъ долженъ пробудить ихъ вниманіе и подготовить ихъ къ пониманію послѣдующаго. Вниманіе онъ возбудитъ къ себѣ, если покажетъ, какъ важно, необходимо, близко и полезно имъ то, о чемъ онъ будетъ говорить, а удобопонятнымъ и яснымъ онъ сдѣлаетъ свое изложеніе, если заранѣе укажетъ причины и опредѣлитъ главнѣйшіе моменты (описываемыхъ) событій.

54. Такого рода введенія дѣлали лучшіе историки: Геродотъ пишетъ де—чтобы съ теченіемъ времени не исчезли изъ памяти великія и достопамятныя дѣянія, свидѣтельствующія о побѣдахъ эллиновъ и пораженіяхъ варваровъ; Ѳукидидъ—ожидая, что эта война будетъ великой, замѣчательной и болѣе значительной, чѣмъ всѣ предшествовавшія. И дѣйствительно во время ея приключились великія бѣдствія!

55. Послѣ введенія, пространнаго или краткаго, соотвѣтственно событіямъ, переходъ къ самому разсказу долженъ быть легкимъ и непринужденнымъ; Да, вѣдь все послѣдующее есть только длинное повѣствованіе; поэтому оно должно имѣть всѣ достоинства разсказа, развиваться спокойно, равномѣрно и выдерживая разъ принятый тонъ, не повышая его и не понижая; всюду должна быть ясность, которая, какъ я уже замѣтилъ, достигается съ одной стороны слогомъ, съ другой—искуснымъ распредѣленіемъ матеріала. Все должно быть изложено легко и обстоятельно и отъ одного предмета слѣдуетъ переходить къ другому, который бы стоялъ съ нимъ въ связи, какъ одно звено цѣпи съ другимъ, чтобы повѣствованіе шло непрерывно и не тормозилось нѣсколькими параллельными разсказами и чтобы предъидущее не стояло только рядомъ съ послѣдующимъ, а находилось съ нимъ въ связи и одно тѣсно примыкало къ другому.

56. Всюду умѣстна краткость, особенно—при обиліи матеріала. Но стремиться къ ней слѣдуетъ не столько въ словахъ и выраженіяхъ, сколько путемъ подбора фактовъ. Я хочу сказать, что незначительныхъ и менѣе необходимыхъ предметовъ слѣдуетъ касаться лишь вскользь, а на важныхъ событіяхъ останавливаться не больше, чѣмъ это необ-

ходимо, многое даже совсѣмъ опускать. Вѣдь, если ты позвалъ въ гости своихъ друзей, то среди сладкихъ пирожковъ, птицъ, дикихъ кабановъ, зайцевъ, грудинокъ и т. п. роскошныхъ блюдъ ты не поставишь же соленую рыбу или кашу, потому только, что и эти блюда готовы, а отложишь въ сторону все болѣе простое.

57. Особенно слѣдуетъ быть осторожнымъ при описаніи горъ, укрѣпленій и рѣкъ, дабы не казалось, что ты некстати хочешь щегольнуть своимъ мастерствомъ въ такихъ описаніяхъ и что ты гораздо болѣе занятъ самимъ собою, чѣмъ исторіею; напротивъ, коснувшись этихъ описаній лишь слегка, насколько это нужно для ясности, слѣдуетъ переходить къ другому, избѣгая попасться на этомъ, какъ на приманку въ ловушку, подобно тому, какъ это дѣлаетъ и великій Гомеръ, несмотря на то, что онъ поэтъ. Онъ только вскользь говоритъ о Танталѣ, Иксіонѣ, Титіѣ и всѣхъ прочихъ. А если бы Парѳенію, Евфоріону или Каллимаху пришлось говорить о нихъ, то сколько, по твоему мнѣнію, стиховъ пришлось бы имъ сочинить для того, чтобы поднять воду къ устамъ Тантала? Въ теченіе сколькихъ бы стиховъ они кружили на колесѣ Иксіона? Или—еще лучше!—смотри, какъ умѣренно прибѣгаетъ къ такого рода описаніямъ Ѳукидидъ и какъ кратокъ онъ въ изображеніи военнаго орудія или плана осады—хотя оно и необходимо и полезно—или укрѣпленія Эпиполъ или гавани Сиракузъ! А когда онъ говоритъ о чумѣ, онъ (на первый взглядъ) можетъ показаться даже многорѣчивымъ; но обрати вниманіе на суть дѣла и ты убѣдишься въ краткости его и поймешь, что онъ, несмотря на свое стремленіе къ краткости, всетаки вынужденъ останавливаться вслѣдствіе обилія происшествій.

58. Если иногда является необходимость вложить въ уста какому-нибудь лицу рѣчь, то она прежде всего должна соотвѣтствовать его характеру и обстоятельствамъ; при томъ и здѣсь все должно быть по возможности ясно. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ тебѣ разрѣшается ораторствовать и показать всю силу своего краснорѣчія.

59. Похвалы и порицанія должны быть всегда умѣренны, обдуманы, чужды клеветы, основаны на доказательствахъ, кратки и умѣстны, такъ какъ историкъ говоритъ не передъ судомъ. Иначе ты навлекъ бы на себя обвиненіе, возведенное на Ѳеопомпа, который съ сварливостью порицаетъ все и это порицаніе превратилъ въ пріятное для себя занятіе, такъ что онъ болѣе бранится, чѣмъ повѣствуетъ о прошедшихъ событіяхъ.

60. Если тебѣ встрѣтится что-либо баснословное, то о немъ слѣдуетъ упомянуть, но не выдавать его за истину, а оставить вопросъ открытымъ для лицъ, желающихъ принять это въ соображеніе; такимъ

образомъ ты избѣгнешь опасности, не склоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону.

61. Вообще, ты долженъ помнить,—я это часто повторяю—, что ты пишешь не только для настоящаго времени, ради похвалъ и почестей со стороны твоихъ современниковъ; напротивъ, имѣя въ виду будущее время, пиши для будущихъ читателей и отъ нихъ требуй награды за свое сочиненіе, чтобы и про тебя говорили: „Вотъ былъ по-истинѣ свободный человѣкъ, вполнѣ откровенный, чуждый лести и раболѣпства и правдивый во всемъ!“ Такой отзывъ каждый благоразумный человѣкъ поставитъ выше всѣхъ выгодъ настоящаго, которыя, вдобавокъ, такъ мимолетны.

62. Знаешь ли ты, какъ поступилъ извѣстный архитекторъ съ острова Книда? Выстроивъ на Фаросѣ башню,—величайшее и красивѣйшее сооруженіе въ мірѣ—, чтобы оттуда подавались сигналы мореплавателямъ на далекое разстояніе въ море, предохраняя ихъ этимъ отъ опасности быть занесенными въ Паратонію, которая, какъ говорятъ, весьма опасна и откуда нѣтъ возможности выбраться, если кто попадетъ на подводныя скалы,—выстроивъ это самое зданіе, онъ внутри на камнѣ начерталъ свое собственное имя, а затѣмъ, покрывъ его слоемъ извести, сверху написалъ имя тогдашняго царя, хорошо предвидя,—какъ оно и случилось—, что въ скоромъ времени вмѣстѣ съ известью отпадетъ одна надпись и обнаружится другая: „Сострать, сынъ Дексифана, съ острова Книда, богамъ-спасителямъ, для мореплавателей“. Такимъ образомъ онъ имѣлъ въ виду не тогдашнее время и не свою собственную кратковременную жизнь, но теперешнее и все будущее время, пока будетъ стоять эта башня, какъ памятникъ его искусства.

63. Такъ слѣдуетъ писать и исторію,—лучше правдиво, въ надеждѣ на будущее, чѣмъ льстиво, въ угоду лицамъ воспѣваемымъ. Это должно служить тебѣ правиломъ и руководствомъ для настоящей ист ріи! Если тотъ или другой послѣдуетъ этому руководству, то тѣмъ лучше для него и, слѣдовательно, я писалъ не напрасно; въ противномъ же случаѣ я только покаталъ бочку въ Кранеѣ.

В. И. Рѣзановъ.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ШКОЛЬНЫЯ ДѢЙСТВА XVII—XVIII вв.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ

„ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ДРАМЫ“

НѢЖИНЪ.
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые „Памятники русской драматической литературы“ составляютъ приложеніе къ моему изслѣдованію „Изъ исторіи русской драмы“, которое выйдетъ въ свѣтъ вслѣдъ за симъ и въ которомъ излагаются результаты изученія издаваемыхъ текстовъ.

Вошедшіе въ составъ настоящаго изданія тексты такъ называемыхъ „школьныхъ дѣйствъ“ XVII и XVIII вв. извлечены изъ слѣдующихъ рукописей:

I. Среди рукописнаго собранія библіотеки Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко (въ г. Нѣжинѣ) находится составившаяся заботами проф. М. Н. Сперанскаго группа драматическихъ сочиненій этого рода:

1) № 144. Вырванные изъ какой-то рукописи 21 листокъ, формата малой восьмушки, южно-русскаго письма конца XVII или начала XVIII в.,—на которыхъ сохранилось начало, повидимому, обширной драмы страстей, подъ заглавіемъ: „Царство Натуры людской, Прелестію разоренное, благодатію же Христа паки составленное и вѣнчанное“. Драма написана въ Кіевской Духовной Академіи; время написанія и, можетъ быть, исполненія -1698 годъ, какъ обозначено въ заглавіи;

2) № 145. Также вырванные изъ какой-то рукописи,—можетъ быть школьнаго курса піитики и риторики,—47 листовъ въ четвертку, южно-русскаго письма XVIII столѣтія; здѣсь сохранился полный текстъ большой пасхальной драмы: „Торжество Естества человѣческаго, прежде снѣдію завѣщаннаго древа умореннаго, нынѣ же смертію Христовою оживотвореннаго“. Мѣсто написанія драмы—Кіевская Духовная Академія, время—1706 годъ, какъ сказано въ заглавіи. Другія статьи (латинскія рѣчи) этого отрывка рукописи перечислены въ описаніи М. Н. Сперанскаго; Рукописное собраніе библіотеки И.-Ф. Института кн. Безбородко. Пріобрѣтенія 1901—1903 г. Нѣжинъ 1903, стр. 25—26*);

3) № 163. Колекція соединенныхъ въ одномъ переплетѣ тетрадокъ печатныхъ и рукописныхъ; каталогъ ихъ въ описаніи М. Н. Сперанскаго: Рукопис. собраніе и проч.

*) Извѣстія И.-Ф. Института кн. Безбородко, томъ XXI, Нѣжинъ, 1904.

Пріобрѣтенія 1904—1905 гг. ,стр. 21—24*). Тетрадка 19-ая, въ 6 листовъ въ четвертку, небрежной южно-русской скорописи начала XVIII вѣка, довольно плохой сохранности (мѣстами края обгнили), особенно интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ, очевидно, черновой автографъ неизвѣстнаго автора съ помарками и исправленіями. Заглавія не обозначено: текстъ заключаетъ въ себѣ небольшого объема пасхальную пьесу, которая и издается ниже, стр. 108—120;

4) № 179. Сборникъ, разныхъ рукъ XVIII вѣка; о составѣ его см. то же описаніе М. Н. Сперанскаго, стр. 35. Рукопись куплена въ Москвѣ. Листы 3—32 заключаютъ текстъ трехъ небольшого размѣра пьесъ: а) рождественской драмы, названія которой не обозначено (см. ниже, стр. 18—32), б) другой рождественской пьесы подъ заглавіемъ: „Дѣйствіе на Рождество Христово" и в) пьесы безъ заглавія, представляющей драматическую обработку разсказа Геродота (книга I, гл. 107 и слѣд.) о воцареніи Кира.

Всѣ эти шесть драмъ, дошедшія въ единственныхъ пока извѣстныхъ спискахъ, интересныя для изслѣдователя судебъ русскаго театра ранней эпохи, какъ образчики, значительно расширяющіе кругъ извѣстныхъ до сихъ поръ произведеній этого рода,—въ предлагаемомъ изданіи воспроизводятся не палеографически, но по возможности близко къ рукописному тексту. По типографскимъ условіямъ, немногія встрѣчающіяся въ рукописяхъ титла и сокращенія пришлось раскрыть. Очевидныя описки и искаженія исправлены въ текстѣ или въ выноскахъ, причемъ однако всякій разъ представлено и буквальное чтеніе рукописи; кое-гдѣ прибавлены въ выноскахъ конъектуры. Поставлены знаки препинанія.

II. Составленныя іеромонахомъ Митрофаномъ Довгалевскимъ, профессоромъ поэзіи въ Кіевской Духовной Академіи, двѣ пьесы: Комическое дѣйствіе на Рождество Христово, 1736 года, и пасхальная драма „Властотворный образъ человѣколюбія Божія", 1737 года, печатаются по единственному извѣстному списку ихъ—рукописи кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря № 1710. Главную часть этой рукописи (листы 1—162) составляетъ прекрасно переписанный курсъ піитики и риторики на латинскомъ языкѣ, преподанный М. Догалевскимъ своимъ студентамъ: Hortus poeticus legendi gratia flores et fructus ligatae et solutae orationis in alma kijoviensi Akademia Mohilozaborowsciana in maius alimentum Roxolano abdolonimo, eiusque orthodoxae Patriae penes Iordanicum et marianum pontum pastinatus, anno 1736.

Листы 186—194: Рождественская пьеса „Комическое дѣйствіе, въ честь похваленіе и прославленіе рождшемуся Христу Господу изображенное" съ относящимися къ этой драмѣ кантами.

Листы 195—204: пять интерлюдій.

---

*) Извѣстія И.-Ф. Инст. кн. Безб., т. XXII. Нѣжинъ 1906.

III.

Листы 205—217: „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“ и (лл. 215—217) шесть относящихся къ пьесѣ кантовъ.

Л. 218. „Кантъ благодарственный“ Рафаилу Заборовскому, сочиненія М. Довгалевскаго.

Листы 219—228: пять интерлюдій.

О прочихъ статьяхъ, входящихъ въ составъ рукописи, см. *Н. П. Петровъ* Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, вып. II, № 521, стр. 239—243.

III. Текстъ драмы „Стефанотокосъ“ былъ, по рукописи Импер. Публич. Библіотеки Q, отд. XIV № 19, напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ Приложеніи къ его Примѣчаніямъ ко II тому его Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 гг. (Спб., 1874), стр. XXXVII—LXXXV, но Примѣчанія эти въ свѣтъ не вышли. Свои замѣчанія о драмѣ „Стефанотокосъ“ Н. С. Тихонравовъ высказалъ въ томъ же приложеніи къ Примѣчаніямъ ко II т. Рукс. Драм. Произв., стр. LXXXV и слѣд. и въ своемъ разборѣ Исторіи русской словесности Галахова*); вслѣдъ за нимъ подвергъ анализу драму „Стефанотокосъ“ И. О. Морозовъ**)

Профессоръ Кіевскаго университета А. М. Лобода открылъ новый въ высок степени интересный и важный списокъ драмы „Стефанотокосъ“, о которомъ и сдѣлалъ сообщеніе***). Списокъ этотъ въ настоящее время любезно предоставленъ имъ въ мое распоряженіе, за что и считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь А. М. Лободѣ мою глубокую благодарность.

Позднѣе сдѣлался извѣстенъ еще одинъ списокъ драмы „Стефанотокосъ“, поступившій въ Московскій Румянцовскій Музей отъ П. А. Кулаковскаго⁰).

По этимъ тремъ спискамъ и издается „Стефанотокосъ“ въ предлагаемыхъ „Памятникахъ“⁰⁰).

*) См. Отчетъ о 19-мъ присужденіи Уваров. наградъ, Спб. 1878, стр. 112—114= Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, М. 1898, стр. 100—103

**) *Морозовъ*, Исторія русс. театра. Спб. 1889, стр. 350—360.

***) Чтенія въ Обществѣ Лѣт. Нестора, Книга XV. Кіевъ 1901, отдѣлъ V, стр. 57—62: Школьная драма „Стефанотокосъ“ по вновь найденной рукописи 1741—1743 гг.

⁰) Отчетъ Публич. и Румянцов. Музеевъ за 1903 г. (Москва 1904), стр. 37—38 № 3348. Срв. *Г. П. Георгіевскій*, Двѣ драмы Петровскаго времени, Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Имп. Академіи Н., т. X, кн. 1, Спб. 1905, стр. 212.

⁰⁰) Мнѣ пока неизвѣстно, гдѣ находится списокъ Л. Н. Майкова, о которомъ упоминаетъ Н. С. Тихонравовъ (Отчетъ о 19-мъ прис. Увар. нагр., стр. 112=Соч. Тихонр., I, Примѣчанія, стр. 10, примѣч. 126). Его нѣтъ среди рукописей Л. Н-ча, какъ сообщила мнѣ вдова покойнаго, Александра Алексѣевна Майкова, въ письмѣ отъ 29 декабря 1906 г.; не находится ли этотъ списокъ между поступившими въ Румянцовскій Музей рукописями Тихонравова?

IV.

Въ основу изданія положенъ текстъ по рукописи А. М. Лободы (обозначаю этотъ списокъ буквою **Л**).

Рукопись эта, въ 4 д. л., писанная разными руками, объединяетъ въ одномъ переплетѣ (кожаномъ, старомъ) нѣсколько сочиненій.

Выходной листъ: Liber de Institutione poetica Roxolanae juventuti revolutus et in Athenaeo Abrosiano Veliconowogardensi explicatus anno Christi 1741 octobris 22. Подпись владѣльца: Ex libris Gregorij Pawinskj. На оборотѣ позднѣйшая запись: Hic liber meus, testis est Deus; qui illum quaerit, hoc nomen erit: Antonius (надписано сверху затертаго имени) natus, Radecky (надписано сверху затертой фамиліи) vocatus. 1826 anno.

Л. 1. *Praefatio*: Bicollem nunc ascenditis, neovates, Parnassum tum suavissimi Apollinis, tum musarum melodia recreaturi animum. Ut igitur facilius scandatis, accipite hunc librum; ille enim vos rectissimam et tutissimam edocebit viam, quam carpentes felicissime ipsum artis poeticae cacumen attingetis, etc.

Л. 3 об. *De proaemialibus poeseos et de poesi in genere*. Caput 1-m: De natura et origine itèm de materia et fine poeseos.

Л. 5. Caput 2-dum: De tropis et figuris.

Л. 35 обор.—36. Caput 3-um: De carminum generibus deque eorum virtutibus et vitiis.

Л. 58. Caput 4-tum: De exercitatione.

Л. 82. Cap. 5-tum: De fictione poetica.

Л. 86 об. Cap. 6-tum, Proponens eruditiones ad poesim spectantes. Nomina deorum poeticorum.

Л. 90 об. Cap. 7-mum: De imitatione (о подражаніи образцамъ, лучшимъ писателямъ).

Л. 93. *Pars secunda. De speciebus poeseos, seu de poesi in specie aut in particulari.*

Л. 93 об. Cap. 1-mum: De poesi epica deque eius antiquitate, notatione nominis, materia, definitione et genere carminis quo scribi debeat epopaeia.

Л. 98. Cap. 2-dum: De amplificatione, patho et decore.

Л. 103. Cap. 3-um: De tragoedia et tragica poesi, comoedia et comica poesi et tragico-comoedia. Въ этой главѣ воспроизводятся съ самыми незначительными сокращеніями главы X и XI Піитики Ѳеофана Прокоповича. Глава заканчивается словами: Exemplum dramatis ad finem annalis laboris dabitur.

Л. 106 об. Cap. 4-tum: De epigrammatica poesi.

Л. 111 об. Cap. 5-tum: De simplice epigrammate et epitaphio.

Л. 113 Cap. 6-tum. De lyrica poesi.

Л. 115 об. Cap. 7-mum: De poesi satyrica et bucolica.

Л. 118 *Pars III-tia*. Caput 1-mum: De periodis.

Л. 131 об. Cap. 2-dum: De amplificatione.

Л. 135—146. Cap. 3-tium: De chria.

V.

Эта часть рукописи писана на бумагѣ, имѣющей водяной знакъ: щитъ, рисунка котораго нѣтъ ни у Лаптева; ни у Тромонина, ни у Лихачева*).

Далѣе, листы 147—207 написаны на бумагѣ, имѣющей водяной знакъ, воспроизведенный у Тромонина на таблицѣ 59 № 856 (1721 года), у Лихачева, „Бумага и др. б. мельницы", на табл. 65 № 499 (1721 года) и на табл. 67 № 503 (1727 года).

Здѣсь совершенно другимъ почеркомъ переписана драма „Стефанотокосъ" (Листы 147—181); заглавія не обозначено, начинается прямо антипрологомъ: „Выходятъ два отрочища" и проч. Затѣмъ идетъ прологъ, синопсисъ и проч.

Въ высокой степени важною особенностью списка **Л** является *Краткое показаніе, что заключается въ слѣдующей драмѣ* (листъ 152; см. ниже стр. 237) и другія *Краткія толкованія*, помѣщенныя послѣ каждаго явленія драмы, за исключеніемъ 2-го, 3-го и 4-го явленій IV дѣйствія. Эти *Показаніе* и *Толкованія*, раскрывая аллегорическій смыслъ пьесы, вводя, какъ выражается проф. А. М. Лобода, „даже въ мелкія подробности тѣхъ событій и настроеній", какія „авторъ полагалъ въ основу своего произведенія", даютъ блестящее подтвержденіе тому объясненію драмы Стефанотокосъ, какое предложилъ Н. С. Тихонравовъ**) въ противовѣсъ взгляду академика Пекарскаго,***) повторенному И. Е. Забѣлинымъ****).

Разсматриваемая часть рукописи А. М. Лободы даетъ полную картину исполненія драмы Стефанотокосъ на сценѣ:

За текстомъ драмы, начиная съ листа 181, слѣдуютъ интерлюдіи, причемъ передъ каждой интерлюдіей обозначено, въ какомъ мѣстѣ спектакля она исполнялась. Интерлюдіи эти изданы Н. С. Тихонравовымъ*****) по рукописи Имп. Публ. Библіотеки Q. XIV. № 19, въ которой онѣ помѣщены послѣ текста „Стефанотокоса", но безъ всякихъ указаній на отношеніе ихъ къ драмѣ. Рукопись А. М. Лободы представляетъ нѣкоторыя

*) *Л. Лаптевъ.* Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, или способъ узнавать по бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи. Спб. 1824. *К. Тромонинъ*, Изъясненія знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ М. 1844. *Н. П. Лихачевъ*, Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1891. *Его же*, Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. I—III Спб. 1899.

**) Кто не узнаетъ въ судьбѣ Стефанотокоса исторіи Елизаветы Петровны до „радостоплоднаго" дня 25 ноября 1741 года?... Школьная драма, посвященная прославленію торжества дочери Петра Великаго надъ „иноземцами, рабами-пришлецами", и проч. Примѣчанія ко II т. Русскихъ драмат. произв., стр LXXXVII.

***) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, стр. 242: При чтеніи „Стефанотокоса" тотчасъ можно замѣтить, что содержаніе пьесы не принадлежитъ къ вымысламъ фантазіи, но заимствовано прямо изъ дѣйствительности. Поэтому, прежде, нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію „Стефанотокоса", напомнимъ нѣкоторыя событія, случившіяся во время переворота, слѣдствіемъ котораго было прекращеніе соцарствія и вступленіе въ управленіе Россіею Петра Великаго, и проч.

****) Домашній бытъ русскихъ царицъ, М. 1872, Стр. 501.

*****) Лѣтописи русс. литературы и древности, т. II. отдѣлъ 2-й, стр. 37—60.

разночтенія; однако разночтенія эти не настолько значительны, чтобы могли оправдать полную перепечатку текста интерлюдій. Я ограничился приведеніемъ важнѣйшихъ разночтеній, помогающихъ иногда возстановить болѣе правильный смыслъ.

Непосредственно вслѣдъ за интерлюдіями идетъ (листы 204 обор.—207) стихотвореніе безъ заглавія—кантъ, въ которомъ, параллельно съ исторіей Амана и Есфири, прославляется восшествіе на престолъ Стефанотокоса; повидимому, это—хоръ, гимнъ, исполненный въ заключеніе спектакля.

Листъ 208 утраченъ.

Листы 209—243: Fasciculus sententiarum ex variis authoribus alphabetico ordine collectus.

A. Adversus virtutem hoc possunt calamitates et iniuriae et damna, quod adversus solem nubilae possunt. Seneca.

Aetas parentum pessima facit filios nequiores, mox daturos progeniem viciosiorem. Horatius, и т. д.

Писано на бумагѣ, имѣющей тотъ же водяной знакъ, что и первая часть рукописи (Liber de institutione poetica, л.л. 1—146).

Л. 244. Praxes syntaxeos a praeceptore in schola confectae.

Ad mortem sic vita fluit velut ad mare flumen,
Vivere nam res est dulcis, amara mori.
Скоро шествуютъ къ смерти жизни нашой вѣки,
Аки к морю стекаютъ потоки и рѣки;
Пребывати бо в жизни нам пріятно дѣло,
Но горестно есть души оставляти тѣло.
Dulce mori miseris, sed mors optata recedit:
At quum tristis erit, praecitata venit.
Жизнь сію оставлять есть бѣдным вожделѣнно, и т. д.

Латинскіе стихи чередуются съ русскими.

Л. 247 обор. Praxes poeticae a praeceptore in schola compositae.

Сначала идутъ латинскіе стихи:

Pierium Avgustum placuit fundare laborem:
Hic labor vobis commodus ut veniat,
O Superi, convertimus ad vos pectus et ora,
Ut detis nobis desuper auxilium! и проч.

Затѣмъ слѣдуютъ Carmina rhutena ad imitationem; русскіе стихи на темы:

Л. 250 об. Пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.

В-первыхъ Бога чтить, отца, матерь чтити
Тщися и ихъ же в тѣх мѣсто имѣти

Богъ тебѣ даде, иже тя измлада
Всѣхъ благъ учили, и проч.
Наставленія дѣтямъ.

Л. 252 об. Autumnus ad tuum adventum induit floridi veris scenam.
Чудесную вещъ приходъ вашъ являетъ,
Егда ужъ есень не есень бываетъ, и проч.

Л. 253. Adventus tuus magnam nobis peperit laetitiam.
Славны приходъ вашъ веселія многа
Исполни сердца наша, какъ от Бога
Къ Товіи ангелъ посланный с привѣты, и пр.

Л. 253. Gratulatio ex angustia loci.
Не сіе мѣсто, но страна пространна
Можетъ вмѣстити тя, мужа избранна...

Л. 253 об. Gratulatio ex cirsumstantia mensis octobris
К инымъ октябрь золъ, а к намъ милосердный,
Иныхъ обиждат, намъ служить усердный...

Л. 254 Gratulatio ex circumstantia avtumni.
Есень хоть славна обилными плоды,
Однакъ за сто не очень чтятъ роды
Геликонскіе....

254. об. Gratulatio ex circumstantia aquilonis.
Студено иным, а намъ тепло вѣетъ,
Полунощны вѣтръ входъ бо гостей грѣет...

Л. 255. Gratulatio ex circumstantia tenebrosi diei.
Немилостивъ Фебъ к нам днесь изявился,
Что в приходъ ваш ден мраченъ пригодился...

Л. 255. Nulla gratia est mortis.
Чія во мирѣ смертнаго устава,
Сколь онъ есть силенъ, не знаетъ держава?
Чей вѣкъ з начала созданія свѣта
Лютаго ся безвѣстенъ навѣта?...

Л. 256. Descriptio iuvenis.
Какова друга имѣхомъ любезна,—
И оувы! о немъ коль есть повѣсть слезна!
Ангеловиденъ, зреніемъ прекрасны...

Л. 256 об. Descriptio resolutae nivis tempore veris.
Златозарнымъ Фебъ с горныя палаты
Какъ только оком взглянул, унывати
Сребровидный снѣгъ начат в странах долных...

Л. 257 обор. Epitaphium piae defunctae serenissimae imperatricis nostrae Annae Ioannides.

Анна в Россіи бѣ императрица,
Миръ, милость россам, аки голубица
Посви, радость точащая выну...

Л. 258 обор. Стихи безъ заглавія:
Амвросія днесь чтится намят честна, славна,
И тебѣ зрим, пастырю, тебѣ не неравна:
Едно имя, званіе и дѣло едино...

Хвалебная ода Амвросію Юшкевичу.

Л. 259. Другое стихотвореніе на ту же тему:
Амвросія имя сладко и сотъ превосходит
Меда: кринъ благовонный сладчайша не родитъ...
О Новъ-граде, над всѣх ты в пастыри сщастливы...

Л. 259. Стихотворное латинское привѣтствіе Петру II (белъ заглавія):
Petre Nepos Petri, magno de sanguine sanguis,
Petre cui servat Russica sceptra Deus...

Л. 259. Ода на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны (безъ заглавія):
Матерь отчества, Монархиню славну,
Тебе Россіи наслѣдну державну,
Далъ Богъ тебѣ и всѣхъ радости и миру
Скипетръ, порфиру...

Л. 259 обор. Стихотвореніе безъ заглавія:
Общa всѣмъ радость, когда гость приходитъ,
Христосъ бо гостя, гость Христа приводитъ...

Л. 260. Variae variorum authorum orationes et gratulationes tum ligata, tum soluta oratione confectae.

a) Вожделѣнное нынѣ блаженство явися,
Во многомъ веселіи всѣм нам приближися,
Егда сподобихомся ліце твое зрѣти...

Л. 260 об. b) И юна Палляс наша не можетъ молчати,
Зря тя мітрополіта полна благодати...

c) Превозшелъ еси прочих многимя благими,
Пастырю искуснѣйшій, пред Богом твоими...

Л. 261. d) Днесь Богомъ спасаемый Новъ-градъ торжествует,
Ликъ духовныхъ граждан куп̑но ликовствует...

e) В сердцах и душах наших рождается радость,
Уста же ощущают несказанну сладост...

Л. 261 об. f) Вѣру многу имущъ к Богу, достойно, Меѳодій,
Имя славно носишъ явно, вѣчных бо угодій
Есть надежда...

g) Богомъ данный, муж избранный, ректор наш почтенный
Пріявъ чести, но без лести Богом возвышенный...

h) Gloria Marcellus Romanis dux fuit olim,
Maior inest nobis gloria, Sancte Pater...
Л. 262. i) Усердно тебе всегда мы желаем зрѣти,
Какъ благоутробну мать малѣйшіе дѣти...
к) Денница вам радости возсіяла, музы:
Да разрѣшатся ваши молчанія узы...
l) Пожеланный, свыше данный Петре нам под лѣты,
Посѣщаешъ, возбуждаеш всѣх нас на привѣты...
Л. 262 об. m) Quot cumulata bonis, quot Russia nacta triumphos
Vultibus o celsis, Petre, potita tuis...
n) Привѣтствовали Христа оными привѣты:
Осанна! Благословен! еурейстіи дѣти...
o) Dum tenebras noctis Phoebus propellit amoenas,
Per totum mundum gavdia summa fluunt...
Л. 263. p) Quid, bona musa, siles? Io! Laetum concipe lingua!
Mente simul laetum concipe: pastor adest!...
q) Scholarum noster labor omine et alite dextro
Ad finem iam iam praepositum rediit...
Л. 263 об. r) Стихотворныя привѣтствія императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ:
а) Россійской славы се верхъ правый прославися Богомъ,
Имут бо радость вси и сладость въ веселіи многомъ...
б) Abdidit sese malus ille livor
Qui morabatur tua celse. Russis
Ora...
Л. 264. в) Каменно сердце развѣ наше б было,
Аще радости не бы ощутило
По вѣрной своей и рабской природѣ
В твоем приходѣ...
г) Горких скорбей нектому темны зрятся мраки,
Освѣтило бо солнце истинное зраки...
Л. 264 об. д) Царь славы Петру даде порфиру носити,
Екатерину равно оной украсити
Благоволилъ, а нынѣ достойно тя в мирѣ
Царь славы прославляет в наслѣдной порфирѣ!
В тебѣ милость, любовь и кротость Петрова,
В тебѣ Екатерина, вѣра Христова,
Сіяютъ, какъ бы сама на тебѣ порфира,
Яже виновна славы россійской и мира.
Царствуй убо в порфирѣ и буди славима
С наслѣднымъ Петром, свыше от всѣх золъ хранима!
s) Привѣтствія въ прозѣ:

Л. 264 об. а) Наставнику въ день его ангела:

Л. 266. б) Высочайшей особѣ:

Ангелоподобное Вашего Імператорскаго Высочества лице, аки бы нѣкій доброзрачный цвѣтъ, всѣхъ и очеса дивно влечетъ и сердца безмѣрно увеселяетъ! Блаженна еси, Россіе, в ней же шипокъ сей прозябе...

Л. 266 об. в) Императрицѣ:

Нѣкогда персидскому царю Артаксерксу, шествіе творящему, и проч. Пріими не гнушателнѣ, всемилостивѣйшая государыня, пріими, аще и убого, но от усердія приносимыя рѣчей и желаній дары: великодаровитый Господь якоже милуя милуетъ насъ въ вашемъ Імператорскомъ величествѣ...

Л. 267 об. г) Отцу—префекту:

Piaculum sit oportet ni ad praesens tuo nos steterimus conspectui...

Л. 268. д) Поздравительная хвалебно-благодарственная рѣчь архіепископу (Амвросію Юшкевичу) по случаю дня его ангела:

Не лѣть беззаконно есть крѣпчайшими Гарпократова молчанія языкъ нашъ связати узы, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій нашъ архипастырю и меценате, когда самая не точію исчислитися, но ниже изрещися удобно могущая твоя преизобилно на нас недостойнѣйшихъ изливаемая благодѣянія возбуждаютъ, понуждаютъ, да тебѣ день сей, день твоему посвященный ангелу, благосчастливо навершающему, достодолжное при поздравленіи принесемъ поклоненіе...

Л. 270 об.—274 об. Вписано другою рукою: Epitaphium beatae memoriae Ambrosio a sui seminarii discipulis inscriptum.

Incipe lugubres mecum, mea tibia, versus!
Tibia, tu gemitum carmine prome tuum...

Эта часть рукописи (листы 244—270) писана (кромѣ эпитафіи Амвросію) почеркомъ весьма похожимъ (если не тѣмъ же самымъ) на почеркъ руки, писавшей текстъ „Стефанотокоса", интерлюдій и заключительнаго канта. На бумагѣ встрѣчаются два водяные знака: 1) тотъ же, что и на бумагѣ, на которой писанъ „Стефанотокосъ", и 2) знакъ „pro patria", похожій на № 711, табл. L, у Тромонина, и № 503, табл. 67, у Лихачева, Бумага и древ. бум. мельницы (1727 года).

Далѣе, листы 275—345, слѣдуетъ курсъ риторики: Praecepta de comparanda eloquentia ad usum iuventutis, quam fovet seminarium Novogrodo-Ambrosianum, sub celsissimis avspiciis illustrissimi domini kir Ambrosii Iuszkevicz archiepiscopi Novogrodensis et Velicolucensis, tradi et explicari caepta in dicto seminario per servum suae archipraesuleae celsitudinis longe (in) dignissimum*)

*) *in* выскоблено.

monachum *Iosephum Iamnicki*, anno a prodigioso partu Virginis supra 1743—tio, septembris 2 die.

Ямницкій Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ, воспитанникъ Кіевской духовной Академіи, былъ вызванъ въ 1741 г. въ Новгородъ архіепископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ и опредѣленъ учителемъ въ возобновленную Амвросіемъ новгородскую духовную семинарію*)

Писано на бумагѣ, имѣющей такой же водяной знакъ „pro patria", какъ и бумага предыдущей части рукописи (листовъ 244 и слѣд.).

Листы 346—350 утрачены.

Лл. 351—431: Praxes in schola a praeceptore ad usum iuventutis elaboratae.

Образцы различныхъ риторическихъ упражненій на латинскомъ языкѣ; при нѣкоторыхъ прибавленъ русскій переводъ.

Писано разными руками. Бумага имѣетъ тотъ же водяной знакъ „pro patria" и тотъ же щитъ подъ короной, какъ и бумага, на которой написанъ „Стефанотокосъ".

Листы 432—434 пустые.

Л. 435—436: Stimulus ad veteranos et tyrones eloquentiae cultores.

Л. 437—469: Praxes ad usum iuventutis in schola a praeceptore confectae. Образцы риторическихъ упражненій, по-латыни, иногда и по-русски.

Л. 490—494. Magna oratio. Propositio: Gravissimum malum est discipulus malus. Разсужденіе, составленное по всѣмъ правиламъ риторики, по-латыни.

Л. 294 обор.—501. Magna oratio in vernacula lingua. Propositio: Не во гробѣхъ, но во благих совѣтах Христа искати надобно. Thema: Что ищете живаго с мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста.

Образецъ подобнаго же разсужденія по правиламъ, по-русски.

Л. 501 об.—502. Complementum oppugnantis contra hanc conclusionem: Iustitia est virtus suum unicuique tribuens. Два образца небольшой рѣчи, по-латыни.

Л. 502 об.—503. Oratio discipuli ad suum praeceptorem in die tutelaris sui. По-латыни. Почеркъ до тождества похожъ на тотъ, какимъ написана Епитафія Амвросію на л. 270 обор. и слѣд.

Эта послѣдняя часть рукописи писана на бумагѣ, имѣющей то водяной знакъ „pro patria", то тотъ же щитъ подъ короной.

*) Исторія россійской іерархіи, іер. Амвросія, М. 1807, часть, 1 стр. 605. *Н. И. Петровъ*, Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи. Кіевъ, 1904 г. (Оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад." 1904 г. № 5), стр. 43.

XII.

Такимъ образомъ, судя по бумагѣ, судя по содержанію, вся рукопись писана въ одномъ мѣстѣ, именно въ новгородской духовной семинаріи,—и приблизительно въ одно время—въ промежутокъ между октябремъ 1741 года и 1745 годомъ, когда „семинарія имѣла несчастіе лишиться главнаго своего основателя, покровителя и благодѣтеля, преосвященнаго Амвросія (Юшкевича), архіепископа Новгородскаго, который скончался маія 17-го сего (1745) года,"*) и когда и могла быть написана Епитафія Амвросію.

Въ „Краткомъ историческомъ свѣденіи о Новгородской Семинаріи"**) сказано:

Въ 1742 году, декабря 19, удостоилась Новогородская семинарія Высочайшаго посѣщенія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и того же числа въ Высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества *представлена были на семинарскомъ театрѣ семинаристами драма въ стихахъ, на сей случай сочиненная префектомъ семинаріи.****)*

Вполнѣ справедливыя соображенія, заставили проф. А. М. Лободу поставить происхожденіе „Стефанотокоса" въ связь „съ дѣятельностью тѣхъ лицъ, ближайшимъ вдохновителемъ которыхъ былъ Юшкевичъ"****). Трудно отрѣшиться отъ мысли, что пьесой, исполненной новгородскими семинаристами передъ имп. Елисаветой Петровной, была именно драма „Стефанотокосъ". Въ такомъ случаѣ, авторомъ этой драмы приходится считать іеремонаха *Иннокентія Одровонсъ-Мигалевича*, бывшаго префектомъ новгородской семинаріи въ 1740—1743 годахъ,⁰) а годомъ написанія пьесы—1742 годъ.

Текстъ драмы „Стефанотокосъ" по рукописи А. М. Лободы (**Л**) сличенъ мной съ текстомъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ Московскаго Румянцовскаго Музея № 3348, описанномъ въ Отчетѣ Музея за 1903 г.⁰⁰)

---

*) Ист. рос. іер. ч. 1, стр. 607.

**) Тамъ же, стр. 606.

***) Я обращался къ о. Ректору Новгородской Семинаріи съ просьбой навести, въ библіотекѣ семинаріи и въ архивѣ ея справку, не имѣется ли какихъ-либо данныхъ, документовъ или дѣла объ этомъ посѣщеніи семинаріи императрицею Елисаветой Петровной и о торжествѣ, сопровождавшемъ это событіе; Архимандритъ Сергій, ректоръ семинаріи, въ письмѣ отъ 13 января 1907 г., любезно сообщилъ мнѣ, что никакихъ относящихся къ этому событію актовъ въ библіотекѣ семинаріи не отыскивается.

****) Чтенія въ Общ. лѣтоп. Нестора, кн. XV, отд. 5, стр. 62.

⁰) О немъ см. Исторія россій. іерархіи, ч. 1, стр. 604, 606, 607; *Н. И. Петровъ* Значеніе Кіев. Академіи въ развитіи дух. школъ, стр. 42. Неясно, на какомъ основаніи Н. И. Петровъ (ib., стр. 43, примѣч. 8) считаетъ авторомъ „Стефанотокоса" Ямницкаго.

⁰⁰) Отчетъ Москов. Публич. и Румянцов. Музеевъ за 1903 г. М. 1904, стр. 37-38. Въ описаніе это вкралась неточность: драма „Стефанотокосъ", благодаря отсутствію заглавія въ рукописи, названа здѣсь комедіею о Есѳири.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рукописей, разнаго времени, разной бумаги и разныхъ рукъ, сшитыхъ вмѣстѣ: „О превѣрствѣ бесѣда"—автографъ Юрія Крижанича (листы 159—170), а на первомъ мѣстѣ (листы 1—40) стоитъ „Тамира и Селимъ", траг. Ломоносова, 1750 года.

„Стефанотокосъ" занимаетъ листы 68—95; текстъ этотъ обозначаю, при подведеніи варіантовъ, буквой **М**.

Писано на бумагѣ, имѣющей водяной знакъ: Комерцъ колегиі—тожественный съ показанными у Тромонина, табл. XXX, №№ 446 и 447 (бумага 1741 1746 годовъ).

Л. 68. Антипрологъ („Выходятъ два отрочища", и проч.).

Л. 69 Прологъ („Ни единому тайно есть", и пр.)

Л. 69 обор. Дѣйствіе I, явленіе 1.

Л. 95 обор. Эпилогъ („На семъ позорищи показавше", и проч.).

Третьимъ спискомъ, привлеченнымъ мной къ сравненію, былъ текстъ „Стефанотокоса", находящійся въ извѣстномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки Q, отд. XIV, № 19. Подводя варіанты, я обозначаю этотъ послѣдній текстъ буквой **П**.

Сборникъ Q. XIV. 19 въ четвертку, на 121 листѣ, писанъ на бумагѣ, имѣющей водяные знаки: а) буквы **Г. У Б Р**—знакъ тождественный со снимками у Тромонина, Изъясненія знаковъ, табл. XXXVIII № 538 (1780 года) и б) буквы **Ф С М П**—знакъ сходный съ № 787, табл. LIV и № 528, табл. XXXVIII Тромонина (оба знака тоже 1780 года).

Составъ сборника:

Листы 1—6. Рѣчь к Благочестивѣйшей Государынѣ Аннѣ Іоановнѣ Імператрицѣ и Самодержицѣ всероссійской, приписана отъ князя Антіоха Кантемира въ Москвѣ 1731 году іуня 2 числа.

Л. 6 об. Стихотвореніе „Феофанъ архіепископъ новгородскій къ сему автору":

Не знаю, что (sic) ты, пророче рогатый, и проч.

= Соч. Кантемира, ред. Ефремова, т. I, стр. 22.

Л. 7. Къ тому ж творцу:

Творче. не с малымъ полкомъ бран тебѣ и дѣло, и пр.

= Соч. Кантемира, I, 189.

Л. 7 об. Русскіе стихи изъ латинскаго стихотворенія Ѳ. Кролика: см. соч. Кантемира, т. I, стр. 23, 24. Затѣмъ—двѣ эпиграммы А. Кантемира: „Что далъ Горацій" и „Кто я таковъ"=соч. Кантем. I, 189.

Л. 8. Сатира Кантемира На хулящихъ ученіе:

Уме слабый плод трудовъ и проч.

=Соч. Кантем., I, 190.

Л. 12. „Чимъ красно благородство?"=Соч. Кантем. I, 205.

Л. 12. „Если добро быти благороднымъ"=тамъ же, I, 205.

Л. 12 об. Сатирикъ къ читателямъ: Въ сообществѣ все писано, и пр.=тамъ же, I, 228.

Л. 12 об. К преосв. Θеофану: Обвязал еси мене, и проч.=тамъ же, I, 227.

Л. 13. Сатира на зависть и гордость дворянъ злонравыхъ=тамъ же, I, 205.

Л. 20. Сатира о различіи страстей=тамъ же, I, 228.

Л. 27 об. К читателю; Не гнѣвайтесь, чтецы, стихами моими, и пр.=тамъ же, I, 247.

Л. 28. Сатира къ музѣ своей=тамъ же, I, 247.

Л. 31 об. Сатира На человѣка=тамъ же, I, 255.

Л. 42. Разные стихи:

Л. 42. 1) Нѣту мирнаго дня, нѣтъ спокойной ночи,
Ахъ ужъ от неспанья покраснили очи...

Л. 43 об. 2) Poesis Bucolica. Eumen et Xenophit:
Е. Истари тебе я, Ксенофитъ, знаю.

Л. 47. 3) Стишки:
Что о богатых печешся приходахъ.

Л. 47 об. 4) Стишки. Gratulatoria:
Воспойте нынѣ, Музы, вси согласно.

Л. 48. 5) Стишки:
О Свѣте мой прекрасный, Свѣте вожделѣнный,
Сладчайшій Іисусе, Животе нетлѣнный.

Л. 48 об. 6) Стишки:
Рцы, о мире, почто ты горделив жестоко.

Л. 49. 7) Стишки:
Невѣжа и мудръ, богатъ и нищъ в мирѣ.

Л. 49. 8) Стишки:
Ночь уже преиде и тма истребися

Л. 49 об. 9) Стишки:
Вѣкъ жизни нашея тмою ест обяты.

Л. 50. 10) Стишки:
Ибо хоть и милостивъ бѣднымъ ты прощаеш.

Л. 50. 11) Стишки:
Днесь род человѣческій преславно играет.

Л. 50 об. 12) Стишки. Gratulatio:
Свѣтлое торжество днесь вашея святыни.

Л. 50 об. 13) Стишки. Gratul.:
Звѣремъ равны и злонравны явилися б были.

Л. 51. 14) Стишки:
Господь очи в темной ночи мои просвѣщаетъ.

Л. 51 об. 15) Стишки:
Что мя попеченіемъ, отче, отвергаешъ.

Л. 52 об. 16) Стишки:
Содержащая въ своемъ сердца плени.

Л. 58. 17) Описаніе рѣки Волхова:

От полудня на полночь Волховъ катитъ воды.

Л. 60. 18) Стишки:

Симонъ: Вот вам тот идетъ, что своими снами, и проч.

=*Морозовъ*, Ист. русс. театра, прилож. II: сцена продажи Іосифа братьями.

Л. 63. 19) Стишки:

O una ante alias venerabilis arbor...

О древо паче всѣхъ древесъ почтенно...

(чередуются латинскіе стихи съ русскими)

Л. 65 об. 20) Стишки:

Поклонъ тебѣ отдаю, здравствоват желаю.

Л. 66 об. 21) Epigramma О неисправномъ человѣки:

Нечувственнымъ ли древомъ или дивым звѣремъ...

Л. 67. 22) Gratul.:

Вещь аароновъ жезлъ был, но сіе дѣвнѣе.

Л. 67 об. 23) Стишки:

Прочь, духъ косненный, еще не унылы.

Лл. 68—98. Драма „Стефанотокосъ" (заглавіе не обозначено)=Тихонравовъ, Примѣчанія ко II тому Русскихъ Драматическихъ Произведеній 1672—1725 гг., Приложеніе, стр. XXXVII—LXXXV.

Л. 68. Антипрологъ.

Л. 69. Синопсисъ. Краткое драмы изъявленіе.

Л. 70. Прологъ.

Л. 71. Дѣйствіе I, явленіе 1.

Л. 97 об. Епілогъ.

Л. 98. Интерлюдіи, или междуброшенныя забавныя игралища=Тихонравовъ, Лѣтописи русс. литер. и древн., т. II, отд. 2-й, стр. 37—60. Не отмѣчено, что интерлюдіи относятся къ драмѣ „Стефанотокосъ".

Л. 118. Псалмы: 1) О горе мнѣ грѣшнику сущу, 2) На рѣкахъ сѣдяща горка Вавилона, 3) Коли дождусь я весела ведра, 4) О суетный человѣче, рабе неключимый, 5) Вси люди живутъ какъ цвѣты цвѣтутъ=Морозовъ, Исторія русс. театра, стр. 336; 6) Гряди, надеждо наша една, 7) Житіе мое, житье бѣдное.

Л. 121 об. В Московскую Губернскую Канцелярію писаніе (о крестьянинѣ, имѣвшемъ 72 человѣка дѣтей).

Л. 121 об. Табличка злыхъ дней въ году.

Ни одинъ изъ трехъ списковъ драмы „Стефанотокосъ" (**Л**, **М**, **П**) не можетъ быть признанъ первоначальнымъ: это копіи, въ которыхъ есть дефекты, неточная передача оригинала. Несомнѣнно, наиболѣе точная копія—списокъ **Л**, но и эта копія не безупречна, и списки **М** и **П** даютъ возможность исправленія промаховъ **Л**, какъ это

видно изъ приводимыхъ мной подъ строкой варіантовъ. Въ основной текстъ (**Л**) я вносилъ изъ **М** и **П** тѣ варіанты, которые дѣлаютъ стихъ болѣе исправнымъ: даютъ лучшій смыслъ, нормальное число слоговъ (13), риему. Отмѣчены по-возможности всѣ разночтенія списковъ.

IV. Присоединяю сообщеніе о второмъ спискѣ школьной драмы о царѣ Езекіи, найденномъ мной въ одномъ изъ сборниковъ рукописнаго собранія Н. Н. Михайловскаго, въ г. Нѣжинѣ.

Пріятнымъ долгомъ считаю выразить здѣсь глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе: Ф. Ф. Гельбке, А. С. Крыловскому, А. М. Лободѣ, Н. Н. Михайловскому, В. Н. Перетцу, Н. И. Петрову и М. Н. Сперанскому.

10 марта
1907.

В. Р.

ДРАМЫ

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ И ПАСХАЛЬНЫЯ

ПО РУКОПИСЯМЪ

И.-Ф. Института кн. Безбородко.

I.

л. 12.

Дѣйствіе на Рождество Христово

изявляющое преступленіе души человѣческой ради грѣха смертію обладанной ея же ради избавленія Богъ посла Сына своего единороднаго *)

Явленіе 1-е

Г р ѣ х ъ.

Грѣхъ родившися от Натуры человѣческой блажит себе и убиваетъ раждающую, яко ехідино порожденіе матерь свою.

Многія вещи в мірѣ своими дарами
Хвалятся и дѣйствія объявляютъ сами.
Азъ же что имамъ нынѣ о себѣ сказати,
Откуду дѣйства моя начну исчисляти?
Или весма умолчу и буду безгласенъ?
Не буди, но вся моя скажу безопасенъ. ||
Дѣйства и силы моя толь суть превелики,
Что никто от человѣкъ не имѣлъ толики.
Ангелъ иже от протчіихъ в чести был свѣтлѣши,
Ангелъ иже в силѣ былъ от многих знатнѣиши,
Ангелъ иже несъ имя свѣтящей Денницы—
Не меня ли для сверженъ в адскія темницы?
Его же подобнѣ звергъ в стигиску еридну,
Какъ чадо убиваетъ родившись ехідну;
Ибо аще и рожденъ азъ отъ его воли,
Но мене ради сведенъ въ мрачныя юдоли,
Откуду с нимъ в людѣхъ брань творимъ и напасти;
Злоба, зависть, убійство в нашей сія власти.
Но что умолкше далѣ дѣйствъ не объявляю?
На что языкъ и уста поздѣ заключаю?

---

*) Изъ сборника № 179, разныхъ рукъ XVIII вѣка, листы 12—20.

Или не объявляю вещь мною жъ сотворенну?
Не скажу ли, какъ душу, во свѣтъ облеченну,
Одѣяхъ скоро мракомъ, лиших благодати,
Юже аще б не Адамъ могли вси стяжати?
Но зане Адамъ лжива послушалъ совѣта
Моего, презрѣлъ законъ, вшелъ во тму от свѣта,
Стратилъ благодать перву Богомъ дарованну,
Згубилъ красоту лица и милость избранну,
Отдалѣнъ былъ в тлѣнный міръ от вѣчной ограды,
Выгнанъ з рая с Еѵвою, со звѣрми и гады,
Іде живущъ уже не имѣлъ первенства;
Не видѣлъ яже в раи пріялъ былъ блаженства,
Но во время житія на земной краинѣ
В моеи зрился грѣховной окаяннѣй тинѣ.
От сего паденія перва человѣка
Пріявши силу, внидохъ в мала и велика;
Ибо откуду бы лесть, убитва во мірѣ,
Откуду всяка злоба и развраты в вѣрѣ?
Вся сія содержу азъ доселѣ с начала,
Полна бо ми от сего и корысть не мала. ||
л. 13. Азъ силенъ волю мою нынѣ простирати,
Азъ могу людемъ разнство и измѣну дати;
Азъ человѣка свята, честна и блаженна
Вскорѣ могу сотворить даровъ всѣхъ лишенна.
Смотрите, какову власть и силу имѣю!
Виждте, что и самими душами владѣю.

Явленіе 2-е

Душу благодатную обстоятъ мертвецы.

Мертвецъ 1.

Откуду ти, о душе, сицева премѣна?
Почто мрачна и гнусна еси и презрѣна?
Ахъ, како скоро вся, душе, безобразна стала,
Какъ скоро благодати свѣтлость потеряла!
Подобнѣ архангелу в славѣ ты блистала,
Но вскорѣ яко цвѣтъ лѣпотами спала.

Пѣніе 1.

Коль дражайша тварь, блажайша всея твари,
Свѣтлѣйша солнца, яснѣйша зари!
Гдѣ ти, душа, доброта, гдѣ прежняя красота?
Днесь видъ красенъ, міръ несказанный
Терпитъ вредъ смертны тмы, страждетъ раны

Мертвецъ 2.

Удивляюся, душе, на тебе взирая,
Чуждуся, како вмалѣ стратила благая.
Гдѣ ти красота лица, гдѣ ангелска слава?
Гдѣ благодать, гдѣ Богомъ врученна держава?
Презѣлно грѣха ради міръ смущаешъ страхомъ;
Красота твоя мелким разсыпалась прахомъ.

Пѣніе 2.

Во прахъ лице твое в тотъ час обратися,
Когда благодати Божіей лишися.
Гдѣ ти, душе, доброта, гдѣ прежняя красота? ||

Вмѣсто свѣта тмою днес себе помрачаешъ,
Лишившись нетлѣнія в мрацѣ пребываешъ.
Гдѣ ти, душе, красота, гдѣ прежняя доброта?

Явленіе 3-е

Снисходитъ Милосердіе Божіе, жалѣя о погибели душъ человѣческихъ.

Милосердіе.

Удивляюсь твоему днесь зраку ужасну,
Чуждусь видяще тя тѣм подобну и властну.
Рцы ми, кая еси тварь и почто вздыхаешъ?
Почто зракомъ симъ страшишъ и горцѣ рыдаешъ?

Душа.

Азъ есмь душа исперва Богомъ сотворенна;
Азъ в раи сладости бысть прежде посажденна,

Азъ во образѣ свѣтломъ и славѣ сіяла,
Честнѣйша была твари видимой с начала.
Егда же дерзнухъ завѣтъ Божій преступити
Прелщенна быхъ діаволомъ, и плода вкусити
От древа жизни, Богомъ самимъ завѣщанна,
Абіе обрѣтохся оттуду изгнанна;
Абіе мрачны во мнѣ образъ сей явися,
Абіе видъ мои свѣтлый грѣхомъ очернися.
От того часа до днесь мрачна пребываю,
Плачу, егда красоту перву помышляю.
Ты же кто еси, молю, изволь мнѣ сказати,
И почто благоволилъ о мнѣ вопрошати?

Милосердіе.

Милость Божія есмь азъ, имя мое славно
От востокъ до западу всему міру явно.

Душа.

Молю тя, госпоже моя, благоволи вняти
Словесемъ, ими же тя хощу утруждати. ||

л. 14. На имя твое днесь, Милосте, взирая,
Да знаю яко ты всѣмъ даеши благая,
Молю убо и азъ тя: даждь помощь благую,
Простри милосердія мнѣ руку десную,
Просвѣти мракомъ грѣха всюду очерненну,
Сотвори во свѣтъ первый душу облеченну;
Не даждь болѣе души в грѣхѣ пребывати,
Повели мраку сему от мене отстати.

Милосердіе.

Добрѣ азъ имамъ ти в сем спомоществовати,
И прежнюю благодать потщусь отискати;
Вижду бо азъ тя лицемъ и сердцем кручиму,
Вижду, яко имѣешь болѣзнь нестерпиму,
Вижду, яко рыдаешъ о прежней годинѣ.
Но уже ты скорбяща не буди отнынѣ,
Зане имѣю сей мракъ вскорѣ убѣлити,
Потщуся скверны твоя и гнусность омыти.
Толко желаешь ли ты в такой благодати
Не прикасатись грѣху, но чиста бывати?

Д у ш а.

Не имамъ воистину к грѣху ся склоняти,
Когда отимеши сей мракъ от мене, мати.

М и л о с е р д і е.

Се убо гряду от днесь к небесному граду,
Имѣюща подати в плачи ти отраду,
И от небесъ испошлю от Троицы Едина,
Праведна, безначална Превѣчнаго Сына:
Онъ возобновитъ образъ первый тебѣ данный,
Введетъ тя паки в покой прежни пожеланны.

Явленіе 4-е

Желаніе праотецъ сѣдящихъ во адѣ вопіет ко Богу. ||

Доколѣ, Господи, здѣ, доколѣ сидѣти?
Доколѣ адскую тму, доколѣ терпѣти?
Почто забываеши сѣдящихъ во адѣ?
Почто оставляеши стенать без отрады?
Доколѣ нами врагъ нашъ будетъ обладати?
Доколѣ во мѣстѣ семъ будемъ вси рыдати?
Услыши, Господи, гласъ рабъ твоихъ смиренный,
Услыши молитву самъ и вопль умиленный!
Пошли Сына Твоего, избави отсюду,
Изми от устъ адовыхъ, даждь утѣху люду,
Разрѣши грѣховыхъ узъ, разрѣши плѣницы,
Изведи насъ от адской мрачной сей темницы.

П р и х о д и т ъ Н а д е ж д а.

Не тужите, людіе, полно сѣтовати,
Престанте вопить гласно, престанте рыдати.
Уже бо болезнь ваша вскорѣ окончится,
Уже власть князя адска в конецъ истребится;
Имать бо послать Сына Богъ собезначална,
Иже изметъ васъ сего от мѣста печална.
И аще словесѣмъ вѣру не хощете яти,
Се вамъ даю залогъ мои, изволте пріяти.

Явленіе 5-е

Пророки Валамъ и Ісаія возвѣщаютъ міру о пришествіи Христовомъ.

Пророкъ Валаамъ.

Тако странно, радостно, чудесно и ново,
Тако недовѣдомо вамъ вѣщаю слово:
Се днесь от Іакова звѣзда возсіяетъ,
Освѣтитъ, произыдетъ и прооблистаетъ;
Се востанетъ человѣкъ от Іуды нынѣ,
Низложитъ началниковъ моавицкихъ силнѣ
И возпрославитъ Сиѳа купно со сынами,
Возвеличитъ, обдаритъ многими дарами, ||
л. 15. Проименованіе дастъ ему преславно,
О чемъ да имѣете извѣстно и явно.

Пророкъ Ісаіа.

Утѣшайтеся, друзи, ни мало тужите,
Печаль вашу на радость теперь преложите.
Се Богъ и Создатель нашъ, Господь и Царь славы,
Воздая воздастъ скоро милость и суд правы,
Человѣколюбивый самъ пріидетъ явно,
Потщится избавити и спасти насъ славно.
Тогда будутъ отверсты очеса слѣпыя,
Тогда слухомъ услышатъ ушеса глухія,
Тогда скочатъ хромыя, якоже елени,
Тогда будетъ гугнивыхъ языкъ изясненны.

Явленіе 6-е

Волсви за звѣздою шествуютъ и испытаютъ о рожденномъ Царѣ от Ірода, Іродъ же слышавъ удивляется о таковой вѣстѣ, велитъ призвати книжниковъ и испытуетъ о Христѣ гдѣ раждается. Воспріявши же вѣсть от книжниковъ, яко Христосъ во Виѳлеемѣ раждается, повелѣваетъ волхвамъ его искати, и егда обрящутъ, молитъ, дабы ему возвѣстили; волсви же, получивши таковую вѣсть, в путь свой шествуютъ.

Волхвъ 1-й.

Пріидохомъ в сія страны, о царю державный,
Зане звѣзда устрои путь сѣмо нам явный.

Молимъ державство твое прилѣжно внушати,
О чемъ будемъ любовнѣ тебе вопрошати.

Іродъ.

Вижду васъ царскимъ саном достойно почтенных,
Паче же в премудрости зѣло совершенныхъ ||.
В чемъ молю свѣтлость вашу—грядете откуду?
И камо шествуете, что придосте сюду?

Волхвъ 2-й.

Шествіе наше, царю, от восточной страны
Самоизволно явись кромѣ всякой брани.
Потщахомся во землѣ іудейской быти,
Ею же свѣтлость твоя изволитъ владѣти.

Іродъ.

Коея ради вины, изволте сказати,
Придосте сѣмо, да аз возмогу познати.

Волхвъ 3-й.

Пришествія нашего не нина притчина,
Точію в желаніи сія есть едина,
Еже велика царя юдейска взыскати
И новорожденному поклонъ нашъ отдати.

Іродъ.

Азъ единъ царь сей земли, реку дерзновенно,—
Откуду о иномъ есть царѣ возвѣщенно?
И кто сказа вамъ быти царя здѣ рожденна,
Его же сказуете над мене почтенна?
Нарицаете его царя быть велика,
Воздается над мене ему честь толика.

Волхвъ 1.

Звѣзда рождество его показа намъ явно,
В сей землѣ имущое возсіять преславно.

Чтохомъ бо Валаама, наперед насъ бывша,
Волхва аравицкаго, о семъ возвѣстивша:
От Іакова, рече, звѣзда возсіяеть,
От колѣна Іудова Христосъ ся раждаетъ.
Той плѣнитъ Моавиты со всѣми предѣлы,
Истребитъ со всѣмъ оныхъ противныя силы.
Мы же валаамовы пріемники бывши,
Необычную звѣзду на небѣ узрѣвши ||,
л. 16. Мнимъ, что іудейскаго царя знаменуетъ,
Шествуемъ куды путь нам к нему показуетъ.

Іродъ

Воини, собирайте книжники и первосвященники людскія, и азъ вопрошу ихъ о семъ.
Гдѣ Христосъ раждается, рцыте!

Книжникъ 1.

Во Виѳлеемѣ іудейстѣмъ.

Книжникъ 2.

Тако бо есть писано чрез пророка: И ты, Виѳлееме, земле іудова ничим же менши еси во владыкахъ іудовыхъ, из тебе изыдетъ вождь иже упасетъ люди моя ізраиля.

Іродъ.

Шествуите съ миромъ отроча взыскати,
Егда же обращяте, вѣсть молю мнѣ дати,
Яко да и азъ шедше ему присмотрюся,
И новорожденному царю поклонюся.

Явленіе 7-е

Волсви отдаютъ дары Христу во Виолеемѣ лежащему, идѣ же Марія и Іосифъ присудствуютъ, и ангели „слава в вышнихъ Богу" воспѣваютъ. Отдавши же поклонъ и дары—смирну, ліванъ и злато—шествуютъ во своясіи, и не возвращаются ко Іроду.

Пѣніе.

Слава в вышнихъ буди единому Богу,
Сотворшему на землѣ миръ и любовь многу!

Се нынѣ спасеніе всѣмъ людемъ настало,
Благоволеніе в насъ се днесь возсіяло.
Свѣтло торжествуютъ ангелскія лики.
Вѣчны миръ содѣян днесь со человѣки. ||

Днесь солнце правды Христосъ лучи испущаетъ,
Богъ предвѣчны во плоти нынѣ ся являетъ.
Торжествуй, о Рахиль, плачущая нынѣ,
Ликуй небо и земле о рожденномъ сынѣ.
Буди слава и держава в родъ и род во вѣки
Сотворившему любовь между человѣки.

Волхвъ 1.

Боже премилостивый и Царю пред вѣки,
Плѣненныя свободи адомъ человѣки.
Ты обстоимъ еси всегда херувімы,
Яко Богъ всея твари пречестно хвалимы.
Тебе трепещутъ власти сидяща на тронѣ,
Зряще славу твою во горнѣмъ Сіонѣ.
Изволивъ человѣку милость показати,
Такъ возлюбивше, яко зань и пострадати,—
Пріими сей ліванъ к твоей благостынѣ,
Пренесенный от мене всесмиренно нынѣ.
Благослови животъ нашъ на многіе лѣта,
Сохрани царство наше от всяка навѣта.

Волхвъ 2.

Видѣша тя паче всей твари достойнѣйша,
От всякой драгой вещи и злата честнѣйша:
Над тебе достоинъ весь міръ не можетъ быти,
Кто бо ся создателю дерзнетъ уравнити?
Небомъ и вселенною всею обладаешъ,
От дѣлъ рукъ своихъ ты Единъ промышляешъ.
Вся сія Ты дѣеши в своей благодати,—
Ты благоволи сіе злато воспріяти.

Волхвъ 3.

Понеже бо Божія благость возсіяла
На тебѣ, яже прежде в словѣ пребывала,

Того ради азъ тебе, Боже, почитаю,
Сіе приношеніе смиренно вручаю: ||

л. 17. Прими убо смирну, днесь лежащи на сѣнѣ,
От преклонших тебѣ днесь сердца и колѣни.

Явленіе 8-е

Іродъ бывши от волхвовъ поруганъ, скътующе о таковой вѣстѣ и недоумѣвающе, что с ними творити имать, совѣтуетъ о Новорожденномъ со Злобою, Завистію, Коварствомъ и Убійствомъ, имъ же діаволъ шепталъ на ухо; которыи совѣтники убѣждаютъ царя о убійствѣ младенца, Іродъ же повелѣваетъ избити младенцевъ во всей Іудеи.

І р о д ъ.

О кая печаль мою старость постизаетъ!
О кое смущеніе сердце ми пронзаетъ!
Егда о сей прискорбной вѣсти помышляю,
Что сотворить в скорбѣ сей азъ болѣе чаю?
Понеже от волхвовъ есмь весма поруганный,
За прошеніе мое от них посмѣянный,
Что не толко о Христѣ вѣсти мнѣ дадоша,
Но и тайно во своя страны отидоша.
Чего ради смущаюсь о царѣ рожденномъ
И во время царствія моего явленномъ,
Зане аще отрокъ сей воспріиметъ державу,
В возрастъ пришедши, мою испровержетъ славу,
То уже непремѣнно азъ ему служити
Имамъ, о дабы вѣстѣ сей во вѣкъ не слыти!
Что жъ от скорби протчее имамъ сотворити?
Вы друзи мои, даждте здравы мнѣ совѣты.

З л о б а.

Почто тако, о царю, печално взываешъ?
Чесо ради напрасно сердцемъ воздыхаешъ?
Престань отселѣ сице жалостно рыдати,
Послушай мене, Злобу, повели взыскати ||

Отрока, в царствѣ твоемъ недавно рожденна,
Царя вмѣсто тебе намъ быти проявленна.

Іродъ.

Какъ его сыскать отнюдъ недоумѣваю—
В коемъ градѣ и странѣ, и кто есть, не знаю.

Зависть.

Мнѣ, Зависти, о царю, вели разсмотрити,
Всю Юдею, вертепы, горы проходити.
Обрящется подлинно, азъ тебѣ вѣщаю,
Вскорѣ его принести предъ тя обѣщаю.

Іродъ.

Обѣщаніе твое пуще мя смущаетъ,
Печаль в сердцѣ моемъ вящшую раждаетъ:
Како бо матери его не могутъ сокрыти.

Коварство.

Азъ глаголю, о царю, нелзя утаити.
Повели мнѣ точію всюду проходити,
Лукавствомъ моимъ его могу усмотрити:
Ибо матеремъ буду обѣщати дары,
Сребро, злато, одежды и всяки утвари;
Ради злата имѣютъ о семъ мнѣ сказати.
Поискавъ его потщусь насилно отняти.

Іродъ.

Но и такъ не объявятъ страхомъ обдержимы
Матери, аще будутъ и гладомъ томимы,
Ни восхотятъ ни злата, ни сребра пріяти,
Кромѣ какъ можно оныхъ станутъ защищати.

Убійство.

Уа! почто, о царю, такъ себе смущаешъ,
Какъ бы тое отроча убить помышляешъ?
Царь еси, власть имаши живота и смерти,
Можешъ смертію его невозбранно стерти.
Азъ, Убивство, благи ти подаю совѣты:
Вели во всей Юдеи младенцы избити. ||

л. 18. Іродъ.

Грядите, вои, во всю Юдею грядите,
Во всѣхъ предѣлѣхъ моихъ младенцевъ губите!

Явленіе 9-е

Плачетъ дщерь Сіонская о избіеніи чад своихъ.

Кто днесь главѣ моей дастъ струи рѣкъ широкихъ,
Или очесемъ моимъ горкихъ слезъ потоки,
Ими же да оплачу бѣду нечаянну?
Ахъ, увы! кто утѣшитъ мене окаянну?
Желѣзо мнѣ утробу люто прободаетъ,
Язвою неисцѣлной сердце убиваетъ:
Лишихся чадъ любезныхъ, чадъ мною рожденных,
Ихже зрю яко агнцевъ мечемъ заколенныхъ.

Пѣніе.

Нѣсте тяжчайше
Сердцу страдати
И воздыхати непрестанно,
Когда матерь
Птенцевъ лишится,
Вдовствомъ плѣнится нечаянно;
Стонетъ, ходитъ,
Плачь всѣмъ родитъ,
Рыдает, не знаетъ, что творити.

Дщерь сіонская.

Толико свирѣпыя и тяжкой болезни
Не начаялась имѣть во всей моей жизни,
Коликую мнѣ нанесъ Іродъ вселукавый,
Кровь дѣтей неповинныхъ всюду проліявы!
С любовію терпѣла в рождеству печали,
Нынѣ мя несносные бѣды поискали. ||

Пѣніе.

Что се видимъ?
Позоръ ужасный!
Часы бесчасны днесь настали!

Что ти, мати,
Лице змѣненно,
Сердце смущенно от печали?
Слезы точишъ, очи мочишъ,
Збираешь, лобзаешъ чада твоя.

Дщерь сіонская.

Вси твои, о Сіоне, прекрасны предѣлы
Яко непроходные лѣсы пріуныли!
Гдѣ твои наслѣдники? вси какъ свѣтъ зайдоша,
Вси несытаго меча остріемъ умроша!
Воздохни изъ глубины, сердцемъ умилися,
Испусти плачевный гласъ, горко прослезися.

Пѣніе.

Полно тужить!
Сѣтуешъ вскую?
Отри слезъ струю, перестани.
Хотя твои
Чада ссѣченныи,
Но суть спасенныи, увѣнчанныи.
Между нами
Вси устнами
Спѣваютъ, играютъ, ликовствуютъ.

Дщерь сіонская.

О, коль веселъ нѣкій гласъ слухъ мнѣ услаждаетъ,
Иже мертвыхъ моихъ чад живых быть вѣщаетъ!

Ангелъ.

Богъ в вышнихъ живый странахъ, печалная мати,
Изволил мене сѣмо до тебе послати ||

л. 19. Утѣшить, да жалостно всуе не рыдаешъ,
Но паче на оного крѣпко уповаешъ:
Чада бо твои аще и земныхъ лишились,
Однакъ не в смерть, но в живот вѣчный преселились.
Яко бѣлы орлы в небо возлѣтели,
Идѣже селеніе свое положили;

Божественную славу ясно созерцаютъ,
Безсмертныя сладости себе насыщаютъ.

Явленіе 10-е.

Власть Божія побѣдившая діавола и протчихъ противниковъ своихъ торжествуетъ со Смиренно.любіемъ и Незлобіемъ; вручивши Благочестію державу свою отходитъ в горній Сіонъ; Благочестіе же за сицевую милость благодареніе Богу воздаетъ и пѣніемъ окончеваетъ.

Нѣсть возможно начала мнѣ опредѣлити,
Ниже паки моего конца изслѣдити;
Нѣсть мѣста таковаго во свѣтѣ едина,
Идѣ же бы не славилася моя благостыня.
Выну на херувимѣхъ страшныхъ почиваю,
„Святъ, святъ“ от серафимовъ „Господь Богъ“ внушаю.
Небо преисполненно есть моея славы,
Земля же величества не вмѣститъ державы.
Всю тварь благоизволихъ з ничего создати,
Юже человѣку ввѣрихъ обладати;
Но котораго сотворихъ во всѣхъ совершенна,
Безсмертнаго, нетлѣнна, зѣло умудренна,
Однакъ неблагодаренъ во всѣмъ сихъ явися,
Вражію бо совѣту в конецъ прилѣпися;
Преслушавъ непорочный завѣтъ ему данный,
Пламеннымъ оружіемъ з раю бысть изгнанный ||
На землю, юже трудом руками копая,
Ясти хлѣбъ в потѣ лица, в слезах омокая;
На его же за милость бѣдство преклонихся,
Даже азъ до рабія зрака истощихся;
Уничтожилъ лестную вражію гордыню,
Уничтоживши послахъ в адову твердыню.
Не хвалится вражія немощная сила,
Понеже плоть бренная сію побѣдила.
Грѣхъ не имать области уже ктому в мірѣ,
Оправдающимся всѣмъ от единой вѣры.
Смерть с противники ея лежитъ бездыханна,
Попрана всѣхъ жизнію лютѣ окаянна.
Тѣмъ же веселый праздникъ нынѣ составляю,
В немъ же твари играти всей повелѣваю.

Я вознесенныя отступника роги
Низложихъ всесилною рукою под ноги.

Смиреннолюбіе.

Торжествуй, Власть Божія, и ликуй на вѣки,
Побѣдившая враги сія превелики!
Презрѣніе промысла со грѣхомъ связанно,
Тщеславіе с дьяволомъ во узахъ скованно,
Окаянную злобу в конецъ сокрушили,
Тыхъ своихъ противниковъ к ногамъ покорили.
Сего ради преславно днесь возвеселися,
Яко твоя держава во вѣкъ утвердися.

Незлобіе.

Кому тако преславно нынѣ ликовати,
Яко Власти Божіей днесь торжествовати,
Покорившей под нозѣ своя супостаты,
Свободившей людъ, в плѣнь діаволску взяты.
О Власте, с Незлобіемъ ликуй во вся лѣта
И Смиреннолюбіемъ всегда без навѣта! ||

л. 20. Пѣніе.

Тебѣ слава и держава, Всемогущый Боже,
Иже явно сихъ преславно побѣдить возможе.
Воздыхають и рыдають врази побѣжденны,
Ибо сами подъ ногами лежать посрамленны.
Се недавно весь міръ явно в конецъ побѣждали,
Днесь без брани смертны раны от Тя воспріяли,
Сего ради безъ отрады в адскую плѣнь впали.
Ты же, Бога Власть премнога, торжествуй со лики,
В славѣ вѣчной Ти приличной державствуй на вѣки.

Благочестіе.

Тебѣ слава единой от всѣхъ в вѣки буди,
Что избавила еси прелщенныя люди,
Под игомъ діаволским толь долго томимы,
Иже нынѣ спасшеся суть необоримы.

Даждь мнѣ скипетръ всесилныя Твоея державы
И помощь от велѣлѣпной низпосли мнѣ славы,
Ею же вооруженна зжену супостаты
И люди твоя мудрѣ могу управляти.

Власть Божія.

Пріими непобѣдиму власть мою и силу,
Ею же низложиши вражію лесть гнилу.
Се ти враговъ под позѣ твои повергаю,
Всѣхъ твоихъ противниковъ тебѣ покоряю.
Наступай и побѣждай и царствуй во вѣки,
В побѣдахъ прославлю тя между человѣки.
Се ти царски скипетръ, се ти діадима,
На престолѣ Божіемъ ти власть буди нерушима.
Азъ бо сія скончавши вся благополучно
Иду тамо, идѣже живу неразлучно,
Иду тамо, идѣже ангелскія лицы
Желаютъ низвѣсити красныя зѣницы. ||
В горнихъ бо красныхъ мѣстѣхъ выну обитаю,
Вамъ же неоскудную милость оставляю.

Благочестіе.

Кое благодарствіе имамъ ти воздати,
О милосердый Боже, в такой благодати,
Яко вручилъ еси мнѣ сицеву державу
И даровалъ еси днесь всего міра славу?
Покаряешъ противныхъ всѣхъ враговъ под позѣ,
Велишъ торжествовати в царскомъ мнѣ чертозѣ.
Что убо за се ти имамъ приносити?
Кую жертву достойну могу освятити?
Главу и сердце низу, колѣна склоняю,
Тя токмо единаго Бога почитаю.

Пѣніе.

Слава тебѣ Сыну,
Во Троицѣ едину,
От Дѣвыи рожденну,
Днесь міру явленну!

Благоизволившу, небо оставившу
Насъ дѣля. 3.
Ангели ликуютъ,
Цари торжествуютъ,
Князи со тvмпаны,
Поютъ сице страны:
Да будетъ честь-слава, едина держава
Тебѣ в вѣки. 3.

Пѣніе.

Аще кая болезнь в мірѣ можетъ быти,
Что паче матери можетъ уязвити,
Еже зрѣти чада порожденна, за гнѣвъ збіенна?
Болѣзненно мати кровь си проливаетъ
В тотъ часъ, егда чадо свое раждаетъ,—
Болезненно мертвы соглядати дѣти,
Муки терпѣти. ||
л. 21. Іродъ во убивствѣ бысть преокаянный,
За пролитую кровь от всих поруганный,
Измытися имать за смертные раны
Во адской банѣ.
Не печалуй сердцемъ, прискорбная мати,
Престани отселѣ толь скорбно рыдати:
Чада твои аще от меча падоша,
Но не умроша!

II.

Рождественская драма *)

л. 3. **Прологъ.**

Неизслѣдный Божій совѣтъ и чудная Его милость, прежде вѣкъ обѣщанная, под лѣты же в міръ явлшаяся, нѣгдѣ такъ ясно открыся, какъ в воплощеніи Единороднаго Сына Божія. Созданъ по образу Божію и по подобію человѣкъ и не за нужду нѣкую, но за едино крайнее Вышняго благоутробіе от небытія в бытіе приведенъ, велкихъ благъ и красотъ исполненъ, в раи сладости посажденъ и ко вѣчному блаженству устроенъ былъ. Но толикимъ к себѣ Божіимъ щедротамъ неблагодаренъ явися, твари бо паче нежели Творца послушавши, первозданную доброту погубилъ есть, вѣдати благое и злое имущій, яко Богу соравнитися хотяще, неизглаголанных оныхъ благъ отпаде, лишився вышеестественныя благодати, вознесеся гордынею до небесъ, низриновенъ сый до бездны адскія и в толикія пріиде неистовства, яко забывши истиннаго Творца своего поклонитися бездушному рукъ своихъ дѣлу вожделѣ, в лицѣ древа или каменія самому пожерти бѣсу, и тако безчисленная своя злая от мала даже и до велика всецѣло омерзил есть Богу, яко ниже едина в мірѣ душа.....**) обрѣтется возможе. Господь бо съ небесе приниче на сыны || человѣческія видити, аще есть разумѣвали или взыскали Бога, но вси уклонишася, вкупѣ неключимы быша: нѣсть творяй благое ниже до единаго. Но чтожъ творитъ премилосердый Богъ? праведен сый, не до конца прогнѣвался, ниже в вѣкъ враждуяй, безмѣрнымъ к роду человѣческому благоутробіемъ, всякимъ смиреніемъ, Сына своего, его же роди прежде вѣкъ, истлѣвши грѣхомъ образъ свой обновити и в первое паки привести достоинство умыслилъ; зри убо неизглаголанное о родѣ человѣческомъ смотреніе, и почудися ему, яко остави великолѣпный присносущныя славы своя престолъ, приклони небеса, на землю сниде, во утробу

*) Изъ сборника № 179, разныхъ рукъ XVIII вѣка, листы 3—11. Заглавія пьеса въ рукописи не имѣетъ.

**) Затертое слово не поддается прочтенію: видны только двѣ буквы: „пр“.

Приснодѣвыя вселися и Богъ сый вочеловѣчитися благоизволи, да человѣка обожитъ и суща сына гнѣва и врага Божія по благодати себѣ усыновити возможетъ. Толикаго Божія о родѣ человѣческом смотренія не точію бренный языкъ рѵфмотворическаго гаданія искуствомъ восхвалити, но ниже невещественные ангелскіе силы по достоинству чудитися доволны суть. Обаче мы в память толиких его щедротъ тайны промыслъ сей краткими дѣйствіями изявити, в ползу душевную упражняющуся присно в богомысліи слышателеви предложити умыслихомъ, а понеже и простый народ не ложно твердити обыче, что всякая вещь красится слышаніемъ, того для уха доброхотнаго в слухъ приклонити, и дѣйствія наша, аще за краткость ума в словѣ и не красна, но вещію красящаяся, (изобразуютъ бо Божія воплощенія силу), благодарнымъ сердцемъ пріяти просимъ. ||

л. 4. ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе 1-е

Буйство.

Аще всякія вещи и всякое дѣло
От ползы и от дѣйствія своего всецѣло
Хвалится, что азъ имамъ о себѣ вѣщати,
Яже есмь исполнена всякой благодати?
Премудрость Божія есмъ, имя мое славно
От востока до запада всему миру явно;
Коль хвално, коль славимо, колико есть красно,
Нѣсть человѣкъ ему же не было бы се ясно,
І яко именемъ есмь паче всѣх почтенна,
Сице в дѣлех и ползѣхъ, и вездѣ прославленна.
Соломонъ в своих книгахъ и во всякой главѣ
Доволно повѣствуетъ о моей державѣ.
В домѣх царскихъ и храмѣх Божіих поюся,
На стогнах и на стезяхъ и вратѣх хвалюся.
Блаженъ человѣкъ, иже обрести мя тщится,
Блаженъ, иже нелестно мною умудрится.
Лучше творитъ, кто обыклъ мене куповати,
Неже кто сокровища многа собирати;
Каменей честнѣйша есмь, хоть суть и дражайша,
Прехожду злато, сребро и инна множайша.
Долготу дней и лѣта имѣю в десницѣ,
Богатство, славу и честь держу во шуицѣ;

Скипетрами владѣю, златыми короны:
Ихже хощу, тѣхъ веду на царскія троны.
Едина власти в мірѣ людемъ раздѣляю,
И нищаго со князи купно посаждаю.
Словомъ вся блага мира сего превышаю,
Крѣпка бо, постоянна во векъ пребываю;
Едина всѣмъ во свѣтѣ раздаю блаженства,
Любящія мя люблю во вѣкъ без равенства. ||
Никогда не обыкох из устъ моих лгати,
Но истинну хранити и правду вѣщати.
Языкъ мой закону всѣхъ людей поучаетъ,
Сирымъ и обидимымъ милость обѣщаетъ.
Но что дѣйствія моя много исчисляю?
Миръ симъ і иннымъ дѣлам моим поставляю
Многимъ во свидѣтельство, яже яко полна
Вся удивленія, такъ в похвалѣ доволна.
Аще же кто дѣла моя хощетъ изчислити,
Первѣе изволь звѣздамъ число положити,
Песочины такожде, яже лежатъ в морѣ,
До единой изчислить подщися вскорѣ;
І аще сіе когда искустно сотворишъ,
Тогда и моимъ конецъ дѣйствіям положишъ.
Толику славу мою егда размышляю,
Сердце и духъ на радость зѣлну возбуждаю;
Уди моя и чувства веселія полны,
Дніе мои во всякихъ радостехъ доволны.
Блаженъ, иже родися в сія моя лѣта,
Иже мя сподобися видѣти клеврета.
Всякъ вѣкъ человѣчески своя имать хвалы,
Но нѣсть иже сравнится моему в похвалѣ.
Да пріидетъ здѣ самъ, вскорѣ явитъ себе миру,
Дѣломъ самымъ утвердитъ словес моих вѣру!
Но что много словами глаголю напрасно,
Егда дѣломъ показать могу сіе ясно?

Явленіе 2-е

Ветхій вѣкъ.

Премудрымъ и высоким моим си совѣтомъ
Значала стяжах себѣ всѣмъ владѣти свѣтом.
Нѣсть в небѣ, нѣсть на земли, нѣтъ в морѣ ничтоже,
Еже моей державы избѣгнути може.

Два суть во вышнихъ мѣстех велика свѣтила, ||
л. 5. Им же долгъ миръ просвѣщат моя наложила
Власть; такожде блудящія и вся недвижимы
Звѣзды зову в потребу имены своими.
Денми, ночми, годины, времены и лѣты
Единъ я безконечный имѣю владѣти;
Вся, яже под солнцемъ суть, дивна устрояю,
Долняя и горняя мудрѣ радѣть знаю;
Не токмо настояща добрѣ разумѣю,
Но и о грядущих всих временѣхъ радѣю.
Нѣсть нужды доводами сіе утверждати,
Егда всякъ доволно сам можетъ такъ признати;
Радуюсь же премного и сердцемъ играю,
Яко многобожіемъ зѣло процвѣтаю.
Куды токмо посмотрю, зрю храмы премноги:
В сѣмь—Дѣя, в том—Венера, в инныхъ инны боги;
Не такъ в градѣхъ, какъ в вѣрахъ разныхъ обилую,
В едномъ бо градѣ веръ пят или болшъ знаідую.
Егда убо вся в свѣтѣ аще строю красно,
Ветхим мя Вѣком люди зовутъ ненапрасно.

К нему же Вавилонъ и Египетъ с похвалами исходятъ, во первыхъ же

Вавилонъ.

Вавилон град славенъ есмь, от знатнаго рода
Названъ есмь, от правнука ноева Немврода.
Слышахъ гласъ устенъ твоих и пріидох здѣ спѣшно,
Празникъ бо твой великъ днесь и торжество втѣшно.
Вся страны мира сего о тебѣ ликуютъ,
Грады, вѣси, дубравы, холми торжествуютъ,
Рѣки во струяхъ своихъ чюдеснѣ играютъ,
Горы же движущеся тебе прославляютъ;
Яже низу и яже верху содержатся,
О семь токмо едином непрестанно тщатся,
Како бы имя твое могли восхвалити,
Прославленна тя паче какъ бы ублажити. ||
Словом сказать миру несть ні едино мѣсто,
Которое бы тебѣ не было извѣстно.
Тако славу во свѣтѣ имѣеши дивну,
Являешъ бо дѣлъ чюдных силу изобилну,

От нихже тебѣ—слава, нам—ползы доволны:
Растутъ ты чести, мы же всих благъ есмы полны.
За что держава твоя во вѣки прославленна
Буди, слава же вышше небесъ вознесенна.

Египетъ.

Вѣстница-слава твоя рече, да шествую,
Да преславных дѣлъ твоих тебѣ привѣтствую.
О похвало наша и чюдесна славо,
Неизмѣнна, премудра и вѣчна державо!
Да радуются в тебѣ концы всего мира,
Веселятся же с ними и вся наша вѣра;
Дѣйствіе бо твое вси страны удивляетъ,
Многобожіе от сил в силу прорастаетъ.
Жертвы боговъ великих не оскудѣваютъ,
Но день от дне множатся, бо предуспѣваютъ
Боголюбных во дарѣхъ единъ паче ина:
Тотъ дастъ краву сытую, овы быка жирна;
Боги вездѣ в пѣніяхъ и пѣснѣхъ гобзуютъ,
Веселятся, играютъ, скачють, ликовствуютъ.
В людѣхъ плача нѣсть, ниже вопля, ни болѣзни,
Но живутъ во хвалебной и блаженной жизни.
Нѣсть трудовъ, нѣсть стенаній, нѣсть и воздыханий,
Нѣсть тяжбъ, нѣсть наваждений, ниже порицаний.
Кто жъ не признаетъ, что все, что либо имамы
Толь полезных дѣлъ твоих и добръ между нами,
Что во всѣхъ сих раскошах зѣло доволствуемъ,
Вся сія единому тебѣ привѣтствуемъ?
Тебѣ похвалы всегда должны воздавати,
Тебѣ благодарствіе должни возсилати. ||
л. 6. Слава всюду о тебѣ дивная проходитъ,
Имя твое до моря послѣдних доходитъ
Скиѳов и кимвровъ, в нихже солнце не блистает,—
И тамо имя твое и слава сіяетъ.
Да растетъ *) убо си честь от вѣка во вѣки,
В тишинѣ же и мирѣ храни человѣки!

Явленіе 3-е

Семь мудрцевъ исходятъ и поютъ.

Воспоимъ гласно, ублажимъ красно сѣда человѣка,
В совѣтѣ драга, во дѣлѣхъ блага, ветха денми вѣка,

*) Въ рук. „растенъ".

Мужа всесилна, в чести обилна, во всѣмъ совершенна,
Славою горѣ и низу в морѣ чюдно вознесенна!
Людемъ во мирѣ выше их мѣры дара раздающа,
Себе же от нихъ потребъ нѣких отнюдъ не вземлюща;
Своим совѣтом без конца свѣтом хотяща родити,
Премудра суща, миром владуща, времены и лѣты.
Страны, придите, пѣснь сосложите, весело сплетенну!
Пойте державу, сѣдыми главу власы украшенну!
Ты, Аполлине, Лятоны сыне, притецы к нам спѣшно,
Брящай на лиру, припѣвай клиру нашему утѣшно!
Музы парнасны, в пѣнiяхъ ужасны, руками плещите,
Сердцем ликуйте и торжествуйте, ногами пляшите!
Велiя радость нынѣ и сладость в мирѣ почиваетъ:
Старъ отецъ лѣты своя сѣ дѣти добрѣ устрояетъ.
О преблаженный, к тебѣ смиренны гласъ возносим;
Вѣчная славо и крѣпка державо, вся *) без него же
Суть недѣйственна, но празнественна, сам укрепи сiя,
Яже содѣла в нас твоя сила, даруй да благiя
Со отцемъ лѣты поживем в свѣтѣ, сынове, во вѣки;
Тишину мирну **) и неизмѣрну всели в человѣки! ||

ДѢЙСТВIЕ II.

Явленiе 1-е

Благовѣстiе.

Не ликуй, Ветхая Сѣнь, но начни тужити:
Радость твою на печал время преложити;
Призрѣ бо в миръ с небесе Божiя зеница,
Поборствуетъ***) по нему Вышняго десница.
Богъ прежде всѣхъ вѣкъ в себѣ пребываетъ
И иже конца себѣ никоего знаетъ,
Но от вѣка во вѣки не имы измѣны,
Есть всегда без всякаго прилога едины,
Превысокiй, премудрый, в милости великiй,
Без числа возлюбивый своя человѣки,
Милосердiю бездна, щедротам пучина,
Не надѣющимся всѣмъ надежда едина;
Не по беззаконiямъ грѣшникомъ творящiй,

*) Въ рук. „всяка". Въ этомъ мѣстѣ, видимо, пропущенъ стихъ; на поляхъ приписано „Боже".

**) Въ рук. „миру".

***) Въ рук. „пободрствуетъ".

Ниже по дѣломъ их имъ воздати хотящій,
Не до конца бо гнѣвъ свой на люди возводитъ,
Ни во вѣкъ враждуетъ, но милостивно входитъ,
Созданію своему всѣмъ спасеннымъ быти
Желающій и разумъ истины имѣти,
О нем же глаголати ни чій языкъ смѣетъ,
Судебъ бо его поять никтоже довлѣетъ.
Той нынѣ на престолѣ сѣдяй превысоком
Долняя и горняя зритъ всевидящим окомъ
И пущаетъ с небеси вдоль свою зеницу,
А на тя простираетъ кроткую десницу—
Славу твою и мысли в конецъ истребити
И полную гордости державу сломити;
Все дѣло твое в пепелъ превращенно будетъ,
Память без сумнѣнія твоя не пребудетъ,
Но со шумом погибнетъ, яко дымъ курящій ||
л. 7· Или вѣтръ страшиличнѣ в пустынях шумящій:
Яко гульба на водѣ егда возрастаетъ,
Абіе же дунувшу вѣтру изчезаетъ,
Тако и ты елико былъ есь вознесенный,
Толико явишися вскорѣ умаленный;
Егда же имя твое, в конецъ разоренно
И от всѣхъ в забвеніе вѣчное впущенно,
Нектому уже когда в мирѣ помянется,
То всякъ тобою прелщенъ тебѣ посмѣется.
Не терпитъ Богъ прочее людемъ во тмѣ жити
И в нощи невѣрія до конца ходити,
Но хотяще стезею и з правды показати,
Яже есть Бога в Троицѣ едина познати,
Творитъ се чюдным своимъ истинным совѣтом,
Просвѣщаетъ очи их божественным свѣтом,
Мракъ многобожія въ них далече прогонитъ,
Едина в Троицѣ Бога себе познать клонитъ.
Храмы твоя с капищи вскорѣ разорятся,
Жертвенники погибнутъ, олтари стребятся;
Жертвы вселожных твоих боговъ оскудѣютъ,
Тѣм же и скверныи их жерцы омертвѣютъ.
Іdоли, с сребра или злата изліянны,
Или инной нѣкоей вещи изваянны,
Тяшко падутъ и падше во вѣкъ не востанутъ:
Сокрушатся, погибнутъ, бездушные станут.

Все ветхое с тобою в мирѣ вничтожится,
Благодать бо Божія нова в немъ явится.

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленіе 1-е

Жрецъ 1-й *)

Солнечнозрачный боже, чюдны Аполлине,
Іовиша и Латоны первородны сыне! ||
Брате день вѣщающой от утра Діанны,
Свѣтомъ, аки ризою, свыше одѣянный!
В островѣ Родѣ создалъ столпъ своими труды,
Между седми сочисленъ мира сего чюды;
Іcповѣсть святилище в дѣло се пристойно,
Что ко хвалѣ дѣлъ твоих нѣсть слово достойно.
Средъ божества твоего знатнѣйшими силы
Прославляешися, что еси прозорливы,
Сказуя будущая людемъ на Парнасѣ,
Яже во мимо шедшим являются часѣ!
Призри на представших ти от греческа сана,
И пріемши с кадилом воню ѳиміана,
От судей всезлобнѣйших нынѣшняго вѣка
Свободи напасть падша бѣдна человѣка,
Его же без разсмотру за ту вещь едину,
Что убилъ худородна якогось людину,
Безбожныи—ах, увы!—на смерть осудиша,
Чим тебѣ надлѣжащой славы умениша,
Онъ бо ти жертвы и смирну хотяще воздати
З благоговѣніемъ и подщася заклати;
Тѣмъ уже упражнятся приносы святыи,
Аще на свѣтѣ будутъ тоя судіи злыи;
Что бо за бѣда мертвым в пеклѣ вѣчнѣ жити,
Еже ти изволилъ Іовишъ в царство посвятити?
Аще забопства в мирѣ днесь будутъ попранна,
Опустѣетъ вся страна, во власть тебѣ данна.
Молим убо тя: твоей не оставляй славы,
И от порока мужа праведна избави!

*) Въ рук. не обозначено; приходится приписать рѣчь первому жрецу потому, что послѣ отвѣта Аполлона говоритъ жрецъ 2-й.

Прорцы, что за убивство ему имать быти—
Жизнь ли или здравіе надобно хранити?

Умоленъ Аполлинъ вѣщает.

Кто противенъ моему зѣло свѣтлу трону?
Играйте в цытры, арфы*), музи з Геликону! ||
л. 8. Веселите смутнаго сердце человѣка,
Донелѣже угонзнетъ сего лѣстна вѣка.
Вамъ же, жрецам, извѣтъ мой сей о нем довлѣетъ:
Убѣжит ли тать, смерти вкусит не имѣет,—
Тайно убо во храм мой его введите,
Жива от напрасныя бѣды сохраните.

Жрецъ 2-й.

Число милости твоей кто изчести може,
Миромъ и подземными обладаяй боже,
Иже пріемше вонюю мала ѳиміана,
Свободи человѣка от земна тиранна!
Умножи в мирѣ не миръ, но мятежъ и брани,**)
Да множайшая сими корысти собраны;
Сотворихомъ тебѣ жертвы тучны и кадила,
Дабы твоя на земли слава не изтлѣла,
Откуду в нѣмь доволства, мнѣ же будутъ жертвы,
Сотворю бо, да живы всегда будутъ мертвы.

Аполло.

Красна мнѣ дѣла, яже сынови изъядяша,
Наслѣжду, исполняя моленія ваша.
Воздвигну в человѣцехъ такія нестатки,
Востанетъ сынъ на отца и дщери на матки.

Явленіе 2-е

Ехо 1 гласъ

Во книзѣ премудрости, седмонатцеть главѣ,
Соломонъ имя мое прославляетъ явѣ,
Что бодрость к поднебесной имѣю толику,
Яко вслухъ ширину ей прохожду велику;

*) Въ рук. „афры“.
**) Въ рук. „вѣрани“.

Гдѣ токмо какая тварь з глаголом промчется,
Отвѣщавающъ тамо вопль мой отзовется:
Во горах,*) по облаках, в лѣсахъ и на морѣ ||
Воздухоносным гонцем отвѣтъ подам вскорѣ.
В том дивно, что и зѣло отдаленной страны,
Скоро кто речетъ, в той часъ отвѣт имам данны.
Словом ......**) мнѣ воздухъ толику далъ силу,
Что всякому на возгласъ отвѣщаю дѣлу.
Сей слухъ мой к тому мя днесь приведе блаженству,
Что всякъ языкъ не можетъ сказат по равенству;
Прехожду красомолство зѣлное в отвѣтѣ,
Ниже единъ отвѣтчикъ сравнится мнѣ въ свѣтѣ.
Аще же и всяка тварь сію вещь слышаше,
Тоей вначалѣ моя речь отвѣщаваше.
Се же дѣйство святое такое познася,
Егда в полунощи гласъ ангелски слышася:
„Слава в вышних Богу“ близъ града Виѳлеема
До пастырей. Се радость намъ необемлема,
Что Спасъ намъ изявилъ Богъ в людской пригодѣ,—
Азъ отвѣщахъ вопервыхъ при сем святомъ плодѣ
Купно со ангелы днесь „слава в вышних Богу“.
Убо я, паче числа имѣя честь многу,
Пріидохъ здѣ со тщаніемъ сію вещь явити,
Что вражію лесть Богъ в мир пріиде побѣдити,
Найпаче егда на семъ позорище лѣстна
Бѣса хвалима слышитъ, яко Бога честна.
Сей человѣкъ убійца искони да знаетъ,
Что Богъ его з ідола нынѣ изгоняетъ:
Онъ бо врагъ погибели всемирной несыты,
Хотя вѣсь родъ человѣчщъ едным днемъ убити.
Слышасте, что провѣщалъ жрецам своим ложно?
Нужно для жертвы забойствъ быти непреложно.
Но сынъ Божій днесь живот даетъ всему миру,—
Что я глаголю правду, да имать всякъ вѣру.
Се принесохъ истекши елей з Рима града
И в зимѣ прозябшія цвѣты з винограда,
Яже какъ над естество днесь в мирѣ явленна
Паче естества Бога сказуютъ рожденна. ||

*) Въ рук. „во градах“.

**) Слово не поддающееся прочтенію.

л. 9. На небеси три солнца над натуры чины
Извѣствуютъ, что приде от Тройцы единый
Жизнь дати чтущим пришествіе в вѣрѣ;
Нѣмъ убо да будетъ бѣсъ в сем мерскомъ кумѣрѣ.

Жрецъ 1-й.

Не токмо твоя слава во Дѣлфахъ пространна,
Но ю и всемирная превозноситъ страна.
Обаче, яко видим, от днесь твоя жертва
Упразнися от того человѣка мертва,
Его же чести твоей истинны ревнитель
Закла на принос в твою святую обитель.
За сію благость его зрихомъ побѣжденна,—
Тѣмъ безчинством не есть ли честь ти умаленна?
Избави насъ, боже нашъ, от людской ловитвы.

Жрецъ 2-й.

Чему молчишъ? Не слышишъ нашея молитвы?

Жрецъ 1-й

Прорци нам, яко святы твои обычеи бяше!

Жрецъ 2-й

Призри скоро на слезы и бѣдствіе наше!

Жрецъ 1-й

Грѣхъ ли нашъ есть немоты твоя виною?
Но исповѣдаемся чисто пред тобою,
Что того человѣка свободили быхомъ.

Жрецъ 2-й

Но и многих к забойству уже приучихомъ,
Да твои, всесилный, в вѣчномъ Стигу страны
В кратком часѣ исполним людскими душами.
Отврати убо от насъ гнѣвъ твой неправдивый.

Жрецъ 1-й

Прорци несогрѣшимъ ти, боже милостивый,
Поне вину провѣщай, чесо для молчиши!

Жрецъ 2-й

Рцы, отвѣщай, чемъ нашей молбы не слышиши!

Аполло

Мене отрокъ еврейски, Богъ небомъ владущій,
Изгоняетъ отсюду в пецелныя пущи.
Виждте убо, что отднесь в мірѣ умираю,
В сердцах чтителей моих себе погребаю.

Жерцы падшаго бога износятъ вне на погребеніе с плачемъ.

Голосим, износим тя, боже, ко гробу: ||
Снѣдаешъ, терзаешь днесь нашу утробу!

ДѢЙСТВІЕ IV.

Явленіе 1-е

Ангелъ

Яже Богъ древле людемъ вѣщаше обѣты,
Сия нынѣ самым дѣлом восхотѣ явити:
Новы образъ на сіе изволилъ снискати,
Прогна тму вѣтхой сѣни, новой благодати
Пресвѣтлыми лучами весь миръ озаряетъ,
Истлѣвша человѣка грѣхом обновляетъ;
Смиряетъ Буйство Вѣка ветха вознесенна,
Еже бѣ всегда от всѣхъ седмь мудрцевъ почтенно.
Посла мя толику в міръ радость изявити,
Что сынъ Божій прійде миръ*) в плоти посѣтити;
Вѣстнекъ бо есмь слетевшей з горняго чертогу,
Единъ от воспѣвших пѣсиь „Слава в вышних Богу".
Коей пѣсни твой**) первы гласъ сообщникъ бяше,
Купно бо твоя гортань с нами вѣщаваше.
Благовѣтствуй убо днесь глаголъ пожеланный,
Да пріидутъ славитъ Христа чтыре земли страны,
Азъ же с прилѣжаніемъ потщуся вскорѣ
Пославшаго мя славить того жъ Христа в горѣ.

*) Въ рук. „в миръ".
**) Въ рук. „твоей".

Явленіе 2-е

Эхо *)

Блаженъ, благополученъ, в щасти небу равенъ
Явился еси в свѣтѣ гостем своим славенъ,
На всяку вѣка сего временную славу
Той бо гость безсмертіем венчает ти главу;
В первом своим приходѣ з бѣдствіемъ поносно
Человѣкоубійцу уби смертоносно;
Тебѣ безбѣдный живот даруетъ во вѣки,
Увѣнча в твоих частѣхъ миром человѣки, ||
л. 10. Убо напреть да пріидутъ всѣ четыре части
Славить Бога рожденна отъ земныя власти,
Благодаряще его, яко тріе цари
З своих границъ изнесутъ приличные дары.
Азъ же себе разсѣявъ по земли, по морѣ,
По воздуху отхожду с симъ жити и горѣ.

Явленіе 3-е

Страны 4:

Еvропа 1.

Скипетроносцевъ многихъ венцами свѣтлѣю,
Доволно число мудрыхъ училищъ имѣю,
Духовна неже плодска болше числу чада,
В духовныхъ вещахъ моя велика отрада.
Хлѣбомъ и вином, овощми толь изобилую,
Яко помощи от странъ иных не требую;
Словомъ милости ради сице мое тѣло
Во благихъ преимущих всихъ обогатило,
Яко что токмо в себѣ вси три имутъ части,
Вся тая в моей мнюся содержати власти.
Отсюду наипаче азъ есмь предпочтенна,
Что Мудрости Предвѣчной в том зруся сравненна,
Яже нынѣ явная в человѣчом тѣлѣ,—
Убо азъ на ей славу о моемъ предѣлѣ,
Собравши вся науки во черту едину,
Честь, славу вѣчну творю яко Господину.

*) Въ рук. не помѣчено, кто говоритъ.

Азіа 2.

Нѣсть ли мнѣ, второй части, оттуду корона,
Что от Тройцы пресвятой вторая персона
Воплотися днесь,—сіе число преблаженно,
Яко чисьлюсь второю, над вся вознесенно.
Грады мнѣ подлеглые и царства имѣю,
Сим бо спасенным збытком над всяк даръ довлѣю,
Второму бо явлшуся от тройческа свѣта ||
Вторая часть явихся тезоименита:
В томъ от второчисленна моего состава
Да будетъ безчисленна Ему честь и слава.

Аѳрика

Едина есмь от частей пространнаго мира,
Многими царствы моя владѣеть порфира,
Между тѣми Сирію именитшу страну
Содержу в селенія святую избранну.
От востока до западъ еѳратцкихъ рѣкъ сили
Кончаю до запада Египта предѣлы,
Киликицкую с полунощи привату(?),
От полдня Аравію в бисерѣ богату.
Градовъ и странъ множайшихъ здѣ не изчисляю,
Едину Палестину напредъ поставляю,
Из нея же избравши малъ градъ Виѳлеема
Сужду быть величайшимъ от райска Едема,
В нем же и мой и вашъ Творецъ по плоти явися,
С чего кая тварь радости какой исполнися,
Якову человѣку на сердце не взыде,
Сіе бо всякъ умъ земны торжество превзыде.
Азъ убо блаженнѣйша непщуюся быти,
Что самъ Богъ в моей странѣ изволи гостити;
За что благодарити егда не довлѣю,
Да пріиметъ в свою милость вся, яже имѣю.

Америка 4.

Аще и послѣдняя, вократцѣ вѣщаю,
Что всѣхъ васъ моим сщастіемъ нынѣ превышаю:
Родилъся новы в миръ царь—о сладкая мова!
З новым царемъ ликую часть мирская нова.
Убо потщимся во путь, время изхождати,
Да пріидетъ Давидъ пророкъ Его прославляти. ||

л. 11. **Явленіе 4-е.**

*Давидъ пріемъ гусли и цевницу играетъ посредѣ дѣвъ в тимпан...**) *красно припѣваетъ:*

Благословенъ Богъ в вышнихъ на небѣ и долѣ!
Что от чрева своего на моим престолѣ
Обѣщалъ посадити, то исполни нынѣ,
Родися бо Сынъ Его на земной краинѣ.
Словъ моихъ событіе коль честно и славно:
О немъ же бо азъ в мирѣ предвозвѣстих явно,
Той нынѣ придѣ в плоти землю посѣтити,
Сущих во тмѣ безсмертным свѣтом просвѣтити.
Убо днесь, дѣвы, свѣтло со пѣснми играйте,
Во тимпанѣхъ должную честь ему отдайте.

Hic sequitur cantus cum:

Щедротъ твоих, Боже etc. etc.

Epilogus.

1. Что се сотворихомъ?
2. Благость предложихомъ,
3. Юже Богъ под лѣты
4. Зволилъ намъ открыти.
5. За трудъ что воздати?
6. Благодарствовати!
7. Убо поклонимся—
8. В домы возвратимся.

---

*) Окончаніе уничтожено какою то позднѣйшею поправкою.

л. 1.

III.

Торжество | Естества человѣческаго,

прежде снѣдию завѣщан|аго древа умореннаго, нынѣ же смертию Христовою оживотворен|наго, еже Милость Божая, любве ради изшедшая, з неруши|михъ узъ адових раздрѣши, изведе на царство неконъ|чаемия жизни, давши ему перви благодати вѣнецъ; | трома частми през благородних младенцовъ стихотвор|наго учения Академиі Киевския в день страда|ния, и в день востания Господня |изявленное.| Року 1706, мѣсяця Априля дня 7 *)

ЧАСТЬ I.

Сія часть первая в нѣкоторихъ явлениях содержит от Бога Естества человѣческаго падение и изгнание, такожде фѣгури или образи страстей Христовихъ даже до самаго во гробъ положения.

Пролiогъ.

Молим слишателей о внимателное в дѣствѣ слишание.
По скорби всемирную возвѣщаю радость,
З горкихъ слезъ чловеческих раждающую сладост.
Сей искони обранны Бозскою рукою
Огорчи Создателя мерзкою злобою;
Ибо господствующе над прекрасним раем,
Горшѣ чрез него всякій плодъ от древа снѣдаемъ. **)
Едино всѣхъ Создател избра древо благо,
Имуще вину в себѣ добраго и злого, ||
Глаголя: з древа блага да не снѣси плода,—
Аще снѣси, умреши от родовъ до рода.
Но сей адского змия совѣтом прелщенний,***)
За що аки преступникъ изгнаний из рая
Дѣлаше землю с трудом прегорко ридая;
По семъ смертию умре, преданъ до темници,

*) Рукопись № 145, южно-русскаго письма XVIII столѣтія.

**) Противъ этого стиха на поляхъ вопросительный знакъ позднѣйшею рукою.

***) Слѣдующій стихъ, очевидно, пропущенъ.

Связанъ от князя мира людскими пленници,
Здѣ на многи тисящи в безднѣ заключенний,
Не чая дабы билъ з ада когда свобожденний.
Но Богъ твари не хотя своей погубити,
Ибо милосердъ и щедр, посла во миръ Сина,
Равно мощна и сплна во Божествѣ Едина,
Иже, плоть восприявши грѣшна человѣка,
Зволилъ в нем пострадати реченна от вѣка,
Смерть прегорку, крестъ тяжкий; смерть неизреченну
Претерпѣ, трость и губу, оцтом напоенну.
Тойже мертвий на крестѣ, в гробѣ положенний,
Би бил мертвий человѣкъ оживотворенний,
По сем воста из гроба, яко от чертога,
Возведе падший образъ чрез времена многа,
Его же удостоилъ первой благодати,
Ибо изволи ему первиі образъ дати.
Князя же тми раздруши область*) и державу,
Сокруши врата адска, сотре горку главу;
Его же связа крѣпко на лѣта премнога,
Да познает, что крѣпость воскресшаго Бога.
Сего воскресение днес ти изявляемъ,
Токмо о слишание тебе умоляемъ;
Соизвол, слишателю, реченим вннмати:
Страсть, побѣду Христову будемъ изявляти. ‖

л. 2. **Явленіе 1-е.**

Естество человѣческое зрится в первой славѣ якою зобилие всяко; но с небесе глас слишится, даби заповѣданна не вкусило древа, иждеиет бо ся, аще коснется его; Лакомствомъ убо возбужденное, такожде и Невоздержаниемъ прелщенно, простре руку на завѣщанъ плодъ и снѣде се яже му даде Невоздержание.

Естѐство

Царица всемощная есмъ окрестна свѣта:
Область**) ми его данна на многие лѣта;
Все видимо на земли мнѣ ест покоренно,
Звѣрей, птицъ и всѣхъ скотовъ мнѣ в област врученно;

*) Въ рук. „от благъ".
**) Въ рук. также стоитъ здѣсь „от благъ", не дающее смысла.

Бездна морска, пустиня з райски вертогради
Под моимъ господствием, вкусни виногради,
Плодъ древесъ, иже в садѣхъ блазѣхъ насажденний,
Сладкий гортани моему, во снѣдь принесенний;
Что хощу в Едемѣ, вся ми невозбранна,
От всѣхъ древесъ вкушаю плода преизбранна.
Царским вѣнцем вѣнча мя в Едемѣ прекрасно,
Свѣтлою одеждою одѣя мя ясно,
Гривну на вию мою возложи предрагу
Создавши мя от персти Бозством своимъ нагу,
Даде в десницу скипетръ, даде перстень златий,
Обѣща мя ввести в горняя полати;
Райска устремленна мя увеселяют,
Ихъ же благовонние цвѣта орошают.
Подобним Создателя образом почтенна,
Мало что от Ангеловъ естем умаленна.
Естеством человѣка, иже мя Создавий,
Нарицай ся до вѣку, тѣмъ повелѣвавий; ||
И здѣ мя воведоша в цвѣтную ограду,
Да насищуся плодовъ сущих в райском саду.
Что хощу, в Едемѣ вся ми невозбранна,
От всѣхъ древесъ снѣдаю плода преизбранна.

Гласъ с небесе ко Естеству

Слиши, Натуро людска, се ти завѣщаю:
Да не вкусиши плода з древа средѣ раю;
Ибо аще на него простреши десницу,
Умреши; по сем дамъ тя в адскую темницу.

Естество

Гласъ твой реченний свише должномъ сохранити,
От древа премудрости не дерзну вкусити.
Сей плодъ мнѣ завѣщася, Саваофту Богу
Избранъ, ибо имѣет в себѣ тайну многу.
Смертию за снѣдь его вѣчною прещаетъ,
Узми и темницею мене устрашает.
Правда, что красно зраком, серце влечет к себѣ,—
Не вотще возлюби с Царствующий в небѣ:
Сила в немъ превелика добраго и злаго
Вину знати—се дѣло Бога Единаго.

Безумно азъ сотворихъ пред*) завѣщанием,
Что не вкусих: спитал бимъ моимъ познанием,
Какова в нем доброти тайна сотворенна,
Чимъ мнѣ... Аз Его твар есмъ опечаленна:
Не видал единаго плода.....**) сили
Поставивши мя царемъ над рукъ своихъ дѣлы;
Скорблю, скорблю до зѣла, но трепещу гласа,
Да не приму за дерзость смертнаго ужаса;
Уста бо мнѣ горня глаголаша сия,
Яко имат смерт прийти за преступство тія.
Лутше мнѣ заповѣди Господня хранити,
Нежели плодъ той зядши темницу терпѣти. ||

л. 3. Лакомство

Радуйся, о госпоже райска сада красна!
Почто такъ унываеши скорбя ужасна?
Измѣнися твоя твар, устнѣ очервленни,
Печални очи темніи в млеку измовенни.
Не тебѣ ли радостну бити подобает,
Егда все создание тебе послушает?
Ти чотирма стихиѣ мирскими владѣешъ,
От них сосданна еси, в себѣ я имѣешъ,
Бисѣри,***) сребро, злато, всякие утвари,
Тебѣ, подобну Богу, принесенния в дари;
В Едемѣ, что хощеши, можеши творити:
Никто ти не возбрани сихъ плодовъ вкусити.

Естество

Не вѣси, что глаголешъ; о сем печалѣю,
Яко сей плодъ снѣдати власти не имѣю.

Лакомство

Кто ти сие завѣща?

Естество

Гласъ с небесе речеся,
Да нань отнюду десница моя не прострется,

*) Въ рук. „пед".
**) Здѣсь чернильное пятно.
***) Въ рук. „бесѣди".

Ибо аще бимъ его дерзнуло коснути,
Имамъ во вѣки смертню тяжкою уснути.

Лакомство*)

Праздніе тя словеса, слишу, устрашаютъ,
И бездѣлним трепетом серце ти смущаютъ.
Откуду,**) что се с мирѣ ново—Смерти взяся?
Ми токмо твар первая от Бога создася.
Смерт ни бѣ, ни ест, тако не будет во вѣки,
Жити будет человѣкъ, якъ Ангеловъ лики;
И нынѣ мало что от Ангелъ ест умаленний,—
Аще снѣсть плодъ, то будет Богу соравненний. ||

Естество

Удобие ест слонцу темним мракомъ бити,
Нежели человеку Богу ся сравнити.

Невоздержание

Древо се преизбранно тую имать силу—
Кто его снѣсть, вѣсть вину Божіихъ судебъ цѣлу,
Познает вещь созданну, бившу,***) по сем сущу,
Мимошедшу, во времена послѣдния грядущу.

Естество.

Аще сице, познати вся тая желаю,
Но завѣщанний глас мнѣ велми разсуждаю.

Невоздержание

Того ради реченни биша гласи к тебѣ,
Да не равну чест з Богом имѣеши в небѣ;
Ибо аще, Госпоже, токмо съ той плодъ снѣла,
Давно бисъ подобная всему****) Богу била.

---

*) Рѣчи Естества и Лакомства спутаны въ рук. переписчикомъ, но путаница сейчасъ же была замѣчена и исправлена замѣтками (тою же рукою и тѣми же чернилами) на поляхъ; печатается согласно исправленію.

**) Въ рук. „отнюду".

***) Въ рук. „бивши".

****) Вѣроятно, должно было бы быть „во всемъ".

Естество

Аз ся доумѣваю, что право вѣщаешъ;
Давши древа, „на едно“, реклъ, „да не дерзаешъ“.

Лакомство

Аще вся не возбранна,*) то едно ничтоже:
Вина за него такая бити не возможе.

Невоздержание

Не сумнися, другинѣ, но скоро тецѣмо,
Завѣщаннаго плода сладко вкусѣмо.

Естество

Совѣсть**) мнѣ возбраняет закон преступити.

Лакомство

Аще не снѣси его, лутше ти умрѣти. ||
л. 4. Что еси за царица, кая твоя хвала,
Егда ти не возможно снѣсти плода мала?
Красенъ ест, добрий во снѣди, сладокъ, доброзраченъ,
Прежде снѣди гортани паче сотовъ смаченъ.

Естество

По глаголу твоему умислихъ вкусити,
Но не дерзну нань моей руки подносити.

Невоздержание

Готовам ти, госпоже, аз на всяко дѣло,
Токмо не сумнящеся вкушай плода смѣло.
Мнѣ завѣщанний плодъ днесь едина радость сняти,
Ибо Невоздержанние обща всѣхъ есмъ мати.
Принесохъ вожделѣнний***) плодъ, достоинъ вкуса,
Яждь радостно, Госпоже, без всяка примуса.

---

*) Въ рук. „возбраня“.
**) Въ рук. „совѣтъ“.
***) Въ рук. „невождельнний“.

Явленіе 2-е.

Ревност Божая ярится, яко попранна заповѣдь Господня, и взивает Справедливости, да разсудит тяжест преступления, еже сложивши на вѣси, за тяжест безакония, Отмщению Божию повелѣвает изгнати из рая, которое Отмщение вручает на пагубу вѣчную.

Ревность

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ:
Уничиженна его заповѣдь премнозѣ.
Аще кто от небеснихъ сия сотворилъ би,
То до зѣла Вишняго велми разгнѣвилъ би; ||
Но нѣкая твар мерская, от праха создапна,
Дерзне что от нея ест заповѣдь попранна.
Жалость дому моего снѣде мнѣ утробу;
Предамъ безакониицу смертну адску гробу.
Не благо ли ей Милость Божая сотворила,
Что персть земну мало чимъ Ангелъ умалила?
Созданную воведе до прекрасна рая,
Да тамо пребуваетъ, всякий плодъ снѣдая;
Вѣнча ю вѣнцемъ царским, полним благодати,
Даде в десницу скипетр, даде перстень злати,
В одежду нетлѣния облече прекрасну,
Бисер на вию вложи, всю твар ясну;*)
По сем ей велѣ в раи всѣхъ плодовъ вкушати,
Едина премудрости древа не дерзати,
Глаголя неложними усти от небеси:
От древа премудрости плода да не яси,
Ибо в той день, вонь же нань десницу простреши,
Внезапно смертию во вѣки умреши.
Обаче не вѣруяй словесем реченним,
Приложися безумна скотомъ несмисленним,
Снѣде плодъ беззакония з древа завѣщанна,
За что заповѣдь Божая дозѣла попранна.
Увидитъ окаянна, же за дерзост тую
Предам ю безднѣ адской на вѣки живую,
Упою стрѣли гнѣву мерзкой ей утробѣ,
Мечъ снѣсть мяса з ей глави, затвору ю в гробѣ;
За дерзост, за преступство, за непослушание
Претерпит во тмѣ кромѣшной горко стенаніе.

*) Какое-то слово, видимо, пропущено.

Менша вина—видимый свѣт искоренити,
Нежели заповѣди Бога не хранити.
За что печална естем, серце мнѣ горѣетъ,
Истая мя жалост, вся плот во мнѣ тлѣет;
Прочее утробу да ся не снѣдаю,
Справедливости Божая, на помощь тя чаю. ||

л. 5. Справедливость

Кая вина, что моей помощи требуешъ?
Измѣнися твар твоя и серцем сѣтуешъ.
Печал твою услишахъ, гласи болѣзненни;
Рци, чимъ*) твоя состави тяжцѣ уязвленни?

Ревность

Разгори ся огнь велми у серцу моему зѣло,
Яко завѣтъ Господень уничиженъ цѣло.

Справедливость

И кто ест заповѣди Бога нехранивий?
Не вѣсть ли, яко таковъ не пребудетъ живий?

Ревность

Естество человѣка, з блата сотворенно,
Образомъ, подобием Божиим почтенно.
Сему Милость Божая, духомъ оживленну,
Вручи Едемъ, даде власть оживотворенну,
Да вкуситъ всѣхъ овощей всякихъ древесъ рода,
Точию единаго да не дерзнетъ плода;
Но Невоздержанием на мнозѣ прелщенний
Отверзи законъ Бога, з небесъ извѣщенний.

Справедливость

О дерзости велия, неизглаголанна!
Тако ли чрезъ злого твар заповѣдь**) попранна!
Не вѣси, что не изволилъ Ангелъ пощадити,
Понеже не хотѣша завѣта хранити?

*) Въ рук. „имъ“.
**) Въ рук. „заповѣ“.

Но низверже ко адской глубокой долинѣ,
Гдѣ до вѣку мучать ся, страждуще донынѣ.
Колми паче сию тварь, Ангелъ умаленну,*)
Должно предат в адску вѣчну геенну, ||
Гдѣ не престает горко по вся дни ридати:
Мусить злу дерзость слезнимъ струемъ омивати.
Богъ добро во милости ест неизреченний,
От мерзкой твари нынѣ велми раздеженний;
Ярость от гнѣва горитъ за дерзость безстудну,
Отмщение грѣхъ ея в мечу обоюдну.
Гласъ Его разяренний, яко гласъ от грома,
Молния суть слова успама рекома;
От очей страшнихъ пламен обохъ истощает,
Руцѣ омити в кровѣ злобной твари чает.
И кто жъ таковъ гнѣвъ страшний может утолити?
Развѣ равен в Божествѣ ярость укротити.
Прочее твари дерзост изложу на вѣси,
Кая ест злоби тяжест, добрѣ да увѣси.

Отмщение

Чия мѣру преходитъ злоба превелика?

Справедливость

Твари новосозданной—грѣшна человѣка.

Отмщение

И кое зло сотвори?

Ревность

Нѣст изглаголати:
Попра законъ и дерзну Бога поругати.

Отмщеніе *(яриться)*

О треклята, треклята! Что за зло тако
Сотворило? Гнѣвъ во мнѣ возпѣтило, яко
Седмъ кратъ седморицею ражденну пещи,
Ибо ярости ради не вѣмъ что рещи.

*) Въ рук. „умоленну“.

Не такъ яростно море корабль пожираетъ,
Якъ гнѣвъ велкий серца мнѣ утробу снѣдаетъ;
Не таковим Везувий огнем разгорѣся, ||
л. 6. Якъ мнѣ серце, завѣтъ бо Бога разорися.
Человѣка Естеству мерску не довлѣло,
Же ся му з ласки Бога весь Едемъ вручило,
Но за нужда касать ся что би древу святу,—
Тѣмъ згублю, предамъ аду, иждену прекляту,
В мерзку ея утробу вонзу моя стрѣли,
Изсѣку мечемъ вию з крѣпкой моей сили.
Пойду искать вслѣдъ ея, гдѣ ся обрѣтает.

Ревность

Се доселѣ благий плодъ в раю снѣдает.

Отмщеніе

Итkождо (sic) жалѣетъ злое сотворивши,—
Не гризетъ ея совѣсть, вишня образивши.
Пойду, пойду яростно, преступницу тую
Предамъ князю тми адску на муку страшную!
Гдѣ еси, окаянна? Что ся не являешъ?

Ad paradisum vindicto *)

Естество

Крию ся, иж мя гласомъ жестоким глашаешъ.

Отмщение

Кто ти повелѣ завѣтъ Бога разорити?

Естество

Невоздержание ми тѣ даде совѣти.

Отмщение

Даждь, мерска, вѣнецъ царский, скипетр, перстен златий!
Велѣ тя Справедливост Геенѣ предати.
Бѣжи, неситая душе, гради, некосненна!

---

*) Замѣтка на поляхъ.

*Pellit a paradiso**)

Отселѣ милость Божа не будет явленна.

*Sermo vindicti ad Luciferum.***)

Князю тми преступницу отдати сию,
Же попра законъ Бога,—смири ея вию. ||

*Lucifer ad commilitones suos ducit.****)

Друзи, госпожу сию любезно приймѣте,
Ланцух на вию, нозѣ и руцѣ вложѣте.

Явленіе 3-е.

Отчаяние Естества человѣческаго со Плачемъ горко ридает, яко изгнанное и воверженное до ада отнюдъ не получитъ прощенія; чесо ради хощет ся убити; се внезаапу изходитъ съ небесе Надежда, такожде ликъ Ангелский слишитъся утѣшая Отчаяние со Плачемъ и вѣщая имъ нелестно, яко воскорѣ избавление пошлет Господь Естеству чловѣческому такожде и Благодать укрѣпляющая по Надеждѣ тое вѣщает.

Отчаяніе

Попра Естество завѣтъ, чловечее—Бога,
За що прийде на не казн ****) совишше премнога;
Дерзне на плодъ завѣщанъ простерти десницу,
Того ради предастъ ся в подземну темницу.
Не разсуди же силни Божии совѣти,
Имъ же воспяти не могутъ премудри отвѣти;
Тѣхъ безумно Естество не сохрани цѣлихъ,
Пре то нынѣ ридает во безднахъ разсѣлихъ,
Откуду не изийдет на премногие лѣта,
Поки станет до вѣку видимаго свѣта.
Первие солнце, луна не будутъ свѣтити,
Такожде звѣздъ лѣпота не будет ся зрѣти,
Первие води морски будутъ изсушенни,
Гори в низки удоли станутъ претворенни,

*) Тоже. Обрѣзано переплетчикомъ; уцѣлѣло: „a par.....so".
**) На поляхъ. Ремарка относится къ предыдущему стиху.
***) На поляхъ.
****) Въ рук. „каз."

Негъли Естество мое, адови врученно,
Будет от узъ вражиихъ когда свобожденно.
Чесо ради сѣтую, ах! скорблю дозѣла!
Почто мя тма смертная прежде не покрила? ||
л. 7. Чему мя бездна морская живо не пожерла,
Или гора твердая о камен не стерла,
Нежели нынѣ жившу в адѣ страждати,
Вмѣсто райских веселий во вѣки ридати?
Уви мнѣ, окаянну, уви болѣзненну!
Кто утѣшит Натуру, терпящу геенну?
Проклят день, Естество ми вонже сотворенно!
Проклят часъ, воньжем свише оживотворенно!
Лутше ми остримъ мечем серце сквозь пробити,
Нежели живущему геенну терпѣти!
Падѣте на мя, гори каменѣ, падѣте,
В прах мя той, з негоже есмь созданний, сотрѣте!
Небеса, молниями зволте мя убити:
Прочее тоя казни не могу терпѣти!
Поти Натури страждати, поки будет Бога;
Уви мнѣ! времена суть без числа премнога!
Прочее не стерплю—сим себе убию,
Да пронзет оружие сквозѣ мою вию.

Плачъ Натури людской

Уви мнѣ, болѣзненну! Сердцем унпваю,
Егда неистерпиму скорбь воспоминаю.
Погибе, ахъ! погибе создание умно,
Сотворивши в Едемѣ з лакомства безумно.
Увы, болѣзненну! Ти, дерзости проклята,
Тебе ради Натура зубомъ адским ята.
Откуду, ахъ!*) навѣки изийти не може,
Поки будешь во мирѣ царствовати, Боже.
Кто мнѣ горких слез води, кто пламенъ кирницѣ(?),
Бимъ в нихъ моглъ утопити скорбния зѣницѣ?
Окиян, море чермно, даждь ми своя струя,
Да в них омию скверну, по вся дни сѣтуя! ||
Но аще бы отверзли небеса своя хляби,
Омити ся та скверна могла нѣкогда би.
Гди би со мною тяжко всѣ твари ридали,
Аще би и Ангели слези истачали,

*) Въ рук. „азъ".

То би за ту дерзость Богъ не бил ублаганий,
Ибо щедроти Его в гнѣвѣ удержании,
Затворися утроба милости пресвята,
Благодать от человѣкъ во вѣки отнята.
Почто свише милости болѣ да не чаеть,
Но всегда во адской безднѣ прегорко ридаеть.
Уви ей, уви нищой! Что здѣ разсуждаю?
Умираю от скорби, серцем ся снѣдаю.

Пѣние на небеси.

Carmina concordantia).*

Престань ридати, Болшъ сѣтовати,
Злѣ опечаленна!
Гласъ ти с небесе Радость принесе:
Будешъ потѣшенна!
Скорбь твоя в радость Претворися, в сладост,—
Что ся усумняешъ?
Богъ богатий Во благодати—
Да нань уповаешъ!

Надежда с небеси является.

Чесо, Отчаяніе, себе убиваешъ?
Почто со Плачем Милость Божу разсуждаешъ?
Не вѣси, яко Богъ щедр, в милости богатий,
Причтетъ Естество падше ко первой благодати?
Се ново вамъ небеса славу повѣдают: ||
л. 8. По горкой скорби сладку радость возвѣщают.
Силенъ во всяко время скорбних потѣшати,
Силенъ всегда заблудших на путь наставляти.

Отчаяніе.

Вѣмъ, яко силенъ, по твар з ада свободити—
Вишътой: мусѣлъ**) би Богъ себѣ самъ противним бити

Хоръ.

Любви ест Бога Всегда премнога
К роду человѣка.

*) Отмѣчено на поляхъ.
**) Въ рук. „мусѣмъ".

Я его спасти З адской пропасти,
Разсмотри от вѣка.
Естество видѣ Во адской бѣдѣ,
Что терпитъ плеиици;
Явля щедроти, Сниде с висоти
Зъвести зъ темницы.

Плачъ

Сладки суть гласи, но вѣру тѣмъ яти
Немощно: зволил би Богъ себе поругати.
Неложно рѣша Бога уста пресвятия:
Не знйдетъ ми Естество за дерзости тия.
Сего ради печално в слезахъ утопаю,
Сѣтую, от болѣзни прегорко ридаю.

Cantus idem prior: Престань ридати.

Надежда.

Слишана ваша болѣзнь, плачъ и ридание, ||
Пройде сквозѣ небеси горко стенание.
Се тебѣ по печали радост возвѣщаю.

Плачъ.

Рци, каким тя именем азъ да нарицаю?

Надежда

Азъ не надѣющимся есмь Надѣяние,
По печали приношу всѣмъ радование.
Посланнам и ко тебѣ сия глаголати:
Будетъ Естество падше во первой благодати;
Милосердие в Бога с престола сниде,
Да падше Естество на небеса возиде;
Его же ради много постраждет во плоти,
Крестъ, гвоздие, смерть тяжку возприметъ з охоти,
Положит ся во гробѣ животъ умерщвленний,
Би мертвъ падши*) билъ образъ оживотворенний.
По семъ воскресет, яко женихъ от чертога,
Естеству царский вѣнецъ даст на лѣта многа.

*) Въ рук. „впадши“.

Плачъ

Вѣруемъ словесем сим, но будет жалѣти
Покн на твар свободну не будетъ глядѣти.

Благодать укрипляющая.

Виждь что посѣщеніе Божие ко тебѣ:
Серцемъ вамъ унивати отнюдъ ест не требѣ.
Искушенни есте, якъ злато во горнилѣ,
Втѣшитеся вкратцѣ о Божией силѣ.

Пѣніе Ангелское.

Торжествуй в узах, Натуро сѣдяще:
Избавление придетъ некосняще,
Бо приидетъ во вечер плачъ, граде скоро радость,
Горкия слезн претворятся во сладость;
Милосердний Богъ, являяй щедроти,
Снийде отяти твар з адския работи, ||
л. 9. Еже возведе ко горному Спону
Даст первой части на главу корону.

Явленіе 4-е.

Авъраам жертву приноситъ Господеви, Исаака сина своего закалает, но Ангелъ запрѣщает Аврааму, да не прострет руку на благопослушлива Исака.

Авраамъ.

Создавший мя во время от брения Боже,
За се возъблагодарити мой язикъ не може.
Что возъдам во всѣхъ, яже мнѣ суть данна?
Азъ отъ Тебе и вся вещь—вѣмъ, же ест созданна.
Аще бым принеслъ Тебѣ от скотовъ даръ нѣкий,
Твоя сутъ скоти, ихъ же мѣют человѣки;
Аще от тука земна и хлѣба пшенична—
Той от Тя человѣку во снѣдь данъ въ лѣта вѣчна;
Винограднияя жертви никако требуешъ,
Ибо тому благодать от Себе даруешъ;

Аще бимъ от воздуха далъ Ти крилнѣ птици,
В работѣ тыя мѣют от Тя человѣци;
Аще бим от пустиня принеслъ нѣка звѣра*),
Не благоприятна Ти будет та**) офѣра.
Злата, сребра никако приемлешъ;
Кому и Ти далъ еси, от того отемлешъ.
Самое дихание жизни от Тя данно,
Отняти духъ мой от мя Тебѣ невозбранно.
Ти далесъ мнѣ во мирѣ ни от кого бити,
Ти можешъ мя, гди зволишъ, ница умертвити.
Реклъ еси: „да будет свѣтъ“,—слово то бисть дѣлом:
Дунулъ еси духомъ в землю—бисть чловѣкъ тѣломъ.
Стихия, моря, поля и дуброви
Твоей ради крѣпости биша, ради слави. ||
Что зряще, не вѣмъ, кую дам Тебѣ офѣру:
Не имам токмо крѣпку во сердци моем вѣру.
Но Каинову жертву не зъволилесъ вняти—
Отъ мя серце смиренно, молю, рачъ приняти.
Авеля смиреннаго восприялесъ дари—
Что лутше принесу Ти азъ***), рабъ, в лѣта стари?
Смирни, ливана, злата—ничтоже требуешъ,
О пчелнѣмъ медѣ сладком никако непщуешъ.
Сего ради не вѣмъ азъ, что Ти принесть мѣю;
Яви мнѣ,—на Тя мою возложихъ надѣю.
Самъ ся Тебѣ, Боже мой, во жертву приношу,
Прими мя, якъ дар Авеля, смиренно Тя прошу.

Слово Божие ко Авраму с небеси.

Внуши, Авраме, гласъ ко тебѣ реченний:
Да дастъся Іаакъ во жертву, сынъ твой возлюбленний;
Той мнѣ благоприятна от тебе офѣра,—
Вѣмъ, что велика твоя ко мнѣ вѣра.

Авраамъ.

Рабъ твой, Господи, Твоего послушаю гласа,
Что реклъ еси; олтар Ти творю сего часа:

*) Въ рук.: „нѣка звѣр звѣра“.
**) Въ рук. недописано: „т“.
***) Въ рук. „зъ“.

Не косня дамъ Ти во жертву Исаака сина,
Аще имѣю его точию едина;
Богъ бо зволилъ ко мнѣ, пряху, глаголати,
Откуду вѣмъ, яко есмъ в Твоей благодати.
Что есъ повелѣлъ, пойду исполнити истѣ.
Зру, яко Ти живеши, Боже, на сем мѣстѣ.

Авраамъ ко рабомъ глаголетъ.

Шествуйте в путь со мною, раби послушливи,
Принести жертву Богу нинѣ умисливий;
Самъ рече ко мнѣ, рабу, да дар Му дамъ нѣкий,
Его же нѣкто принесъ между человѣки. ||

Рабы.

л. 10. На послушание ти ми, раби, готови:
Что велишъ, господине, творим безъ отмови.

Авраамъ ко Исааку.

Со мною, Исаку, хтѣй ся потрудити,
Да вѣси, яко жертву Богу приносити;
Отвѣща Самъ на дари творимия вняти;
Будешъ ся приносимим от мя приглядати.

Исакъ.

Отческо веленіе что кажетъ творити,
Синъ твой благопослушливъ долженъ исполнити.
Аще бимъ не сотворилъ, не мѣй мя за сина:
Ти мнѣ первая слава, ти радость едина.

Авраам.

Всегда съ билъ отчу волю смиренно творящий;
Зроднен в твоемъ ко Богу огнь серцу горящий.
Гряди по мнѣ и приіми нуждная ко дару,
Яже возлагать будем Богу на олтару:
Огнь и дрова возложи на рамо отроче,
Уздриши Создателя. Но шествуй охоче.

Исакъ.

Скажи мнѣ путь твой, отче, да иду по тебѣ,
Дрова нося, мечъ—не вѣмъ, якой се потребѣ:
Не мѣмъ бо что отнюдъ Богу во жертву дати,
Ибо не взяхомъ от стадъ з собою овчати.

Авраамъ.

Не скорби, Исааче, твори же велѣнна:
Богъ уздрит овча себѣ—вещь се неотмѣнна;
На сем мѣстѣ азъ, чадо, слишахъ гласъ Господень,
Яко тя Богъ приняти мѣет в дар угоденъ. ||

Исаакъ.

Сего ради должно ми дрова сложити,
Здѣ бо мѣеть ся Богу честь сооружити.
Во жертву ся принести азъ*) невозбряняю,
Радостно вию мою под твой мечъ скланяю.
Жертву Богу приятну вѣрую мя бити,
Понеже Исаака вели мя убити.

Авраамъ.

Даждь руцѣ, преклонь главу, очи воздѣй к небу—
Се закалаешися Вишнему на потребу.

Исакъ.

Твори, отче, глаголи свише завѣщанна!
Даю днес себе на смерт Богу невозбранна.

Авраамъ.

Должно мнѣ завѣщании обѣти сполнити,—
Токмо звол под мечъ, чадо, главу приклонити.

Ангелъ съ небесе.

Не простри, Авраваме, руки на отрока,—
Завѣти чрезъ мя посла Богъ, якъ чрезъ пророка.

---

*) Въ рукописи „зъ“.

Видѣ превеликую въ сердцу твою вѣру,
Того ради з рукъ твоихъ принять ту офѣру.
Агнца принеси въ даръ, Исаака мѣсто,
Приятенъ будетъ Богу, слово се есть исто.
Ти же за принесенъ даръ Богу превеликий
Будешъ отцемъ до вѣка во многи язики,
Ихъ же число узриши, яко звѣздъ небесних
И якъ пѣску морскаго,—вѣруй зъ словъ нелесныхъ.

Авраамъ ста рушонъ.

Пред Величеством Твоим упадаю, Боже,
Зру же, творить безъ Тебе не могу ничтоже. ||
л. 11. Запрещающа Твого послушаю гласа,
Его же слиша*) бѣхъ вес исполненъ ужаса.
Якъ велиши, ничтоже сотвору отроку,
Вѣмъ бо его во юности суща безъ пороку.
Почто востани, чадо, шествуймо до дому.
Что тя приносихъ во дар, не вѣщай нѣкому.

Явленіе 5-е.

Проданіе Іосифово братией во землю чужду.

Братъ 1 глаголет.

Слово имамъ, братия, ко вам глаголати,
Еже зволите обще вси пилне разсуждати:
Се отческий наслѣдникъ, любимий первенецъ,
Сновидецъ доброзрячень, прегорды младенецъ,
Рече, что ему мѣемъ вси поработати,
Послѣдня господиномъ первим нарицати.

2 братъ.

Не буди то, даби онъ, послѣдний всѣхъ сущи,
Первенство мѣлъ надъ нами, болѣ лѣтъ имущи:
Совѣтуймо, что нинѣ оному сотворимъ,
Да болѣ безчестия нимъ себѣ не творимъ.

*) Въ рук. „слишахъ“.

3 братъ.

Убиймо окаянна безчестия ради!
У отца для него ми не мѣем отради;
Болшие, ему аще продолжатся лѣта,
Безчестие, срам, гонбу будемъ мѣти у свѣта.

4 братъ.

Что мѣемо дѣлати, болѣ не коснемо,
Но скоро окаянна смерти предадѣмо:
Познает, что то дѣло старшим ся ругати,
Когда убита кажемъ звѣрем во снѣдь дати.

5 братъ.

Нѣчто смертна отроку сему сотворѣмо,
Но его в сей дубравѣ нигдѣ соблюдѣмо:
Онъ ходя по дубравѣ, не вѣдуще пути,
Муситъ и ради глада зла смерть постигнути. ||

Братъ 6.

Вѣмъ азъ ровъ глубочайший, води не имущи:
Да вовержется отрокъ, хлѣбъ несущий;
Послѣждь случится кто от чуждей страни,
Може бить за нѣкия сребрники проданий.

Иосифъ.

Посла мя к вамъ, братия, отецъ возлюбленний,
Хлѣбъ от мя да примете во снѣдь принесенний;
Тужу азъ не видя вас чрезъ дни в дому многи,
Почто не возгнушахся сея ко вамъ дороги;
Гдѣ любезно обще всѣхъ от серца цѣлую,
Что здру здравих, честь Богу даю не малую.

Братъ 1.

Тако ли ти, тако ли ти дерзаешъ сни своя казати,
Же якъ бисмо мѣли вси тебѣ работати?

Не буди то! лутше би слонце не свѣтило,
Нежли бы ся се дѣло исполнити мѣло!
Тѣбѣ послѣднѣйшему бы честь била перва,—
Никако би значала во свѣтѣ исперва,
И днесь того не будеть, ибо тя убием̃ъ,
Плоть во снѣдь звѣремъ дамо, кровь твою излиемъ!

Иосиф.

В ваши днесь свободь придохъ невозбранно руки,—
Не мѣю, чимъ бранитъ ся от напрасной муки.
Что хощете, творите по серцу своему,—
Творцу воздасте отвѣтъ и отцу моему;
Отчу сотворихъ волю, яко сами вѣсте,—
Злая мнѣ за благая почто сотвористе?
Аще юнъ есмь, но готовъ з рукъ ваших умрѣти:
Вѣмъ, что коса младие посѣкает цвѣти.

Братъ 2.

Учиши ли насъ студъ терпѣти? спей*)
Дерзости ради словесъ дамъ тя в руцѣ злие.
Братий бы болша тебе честь ти воздавала,
Не будет то, наша би низверглася хвала.
Нетерпяще прочее, реченно творѣмо—
Тунеядца отчаго смерти предадѣмо! ||

л. 12. Братъ 6**).

Яко рѣхъ, не убимо, но в ровъ возверзѣмо:
Серца на время ярость, молю, отверзѣмо.
Приключитъ ся странствуяй никто в чужди страни,
Може бить сей отрочищъ за сребро проданий.
Кая бо користь будетъ, аще го убием̃ъ?
Сребро лутше нам взяти, ничто бо имѣемъ.
Ибо в дубравѣ живемъ, пасуще вся стада,
Доволно мѣем млека, тая намъ отрада;
Не имѣемъ . . . . . .***) намъ откуду купити—
Продаймо го, зволмо ся токмо согласити.

*) Въ рук. „спе“.
**) Въ рук. „3“.
***) Въ рук. бѣлое мѣсто, на которомъ должно было бы стоять пропущенное слово.

Братъ 3.

Не коснящи зла раба во ровъ вовержимо,
От убийства ся на часъ мало воздержимо!

Братъ 4.

Гряди бес коснѣния, рабе окаянний,
Жес не убитъ, моли ся, да бисъ билъ проданий.
Снийди во ровъ, гдѣ будешъ во вѣки сидѣти;
Отча лица отселѣ нечай болѣ зрѣти.

Братъ 5 до измаилтянъ глаголетъ.

Откуду шествуете, люде чуждей страни?
На кое дѣло есте во нашъ град прислани?

Измаилтянинъ 1.

Нужда нас к вам принесе, что много не мѣем
Вещей, ихъже купити у вас ся надѣем:
Злата, сребра, камений имѣемъ доволно,
Токмо пищи, одежди достат неудолно;
Бисери привозимо з чуждия граници,
За тихъ добре мзду беремъ от вашей десници.

Братъ 6

Не купите ли у нас отрочища млада,
Его же обрѣтохом тающа от глада?
Се ни сѣдит нама во ровъ возверженний,
Да не будет во дубравѣ от звѣрей снѣденний.

Измаилтянинъ 2

Добре есть, зволте его нам изявити,
Что за цѣна, хотѣйте истно возвѣстити.

Братъ 1

Изийди! се пойдеши до чуждия страни,
Ибо измаилтяномъ будеши проданий. ||

*Adducit et dicit**)

Имѣешп отрока видомъ доброзрачна,
    Юна, здрава, з возрасту доселѣ безбрачна.

Измаилтянинъ 3

Коль много восхощете з рукъ зань наю взяти?

Братъ 1

    Двадесят сребренниковъ изволте нам дати:
Мний ни болий никако от васъ восприймемо.

Измаилтянинъ 1

Яже рѣсте, за него так вам даемо.

Братъ 2

Возми его! Даждь ризу, болшъ да не ридаешъ!
    Отселѣ лица отча зрѣти да не чаешъ.

Братъ 3.

Продахом Іосифа, но ко отцу пришедши,
    Что речем вопросившу, гдѣ отрокъ изшедший?

Братъ 4.

Не видѣхомъ, речемо, но имѣемъ ризу,
    Не вѣмъ чию: лежащу обрѣтохомъ**) низу:
Тую всю принесем ко отцу окровленну,
    Юже дал Іосифу, от звѣря снѣденну.

Братъ 5

Добри совѣтъ. Ко отцу скорѣе грядемо,
    Ризу омоченную во крови несѣмо.

---

*) Замѣтка на поляхъ.
**) Въ рук. „обратихомъ".

Явленіе 6-е.

Іяковъ, принявше ризу проданнаго Іосифа, ложнѣ от братий окривавленную, лишения Іосифова прегорко ридает.

Іяковъ на одрѣ лежащий:

Ахъ, мнѣ престарѣлому, на одри сѣдящу,
Никогда сияния солнечнаго зрящу!
Не могу отрокъ моихъ лицем к лицу зрѣти,
Почто печаленъ мушу по вся дни скорбѣти.
Вси на послушание синове пойдоша,
Откуду тугу минѣ серца нанесоша.

Синъ 1

Не скорби, родителю,—се прийдохомъ к тебѣ;
Давно у тебе бихом, зрѣти тя намъ требѣ.
Безъ тебе нам вся сладка горкая бивают,
Ижъ на тя очи наши не всегда взирают. ||

л. 13. Іяковъ

Вси ли есте? Іосифъ гдѣ мой возлюбленний?

Синъ 2.

Не вѣми,—в тебе бѣ, отче, оставленний.

Іяковъ

Азъ его ко вамъ послах носящаго пищу;
Не случи ли ся бѣда нѣка отрочищу?

Синъ 3.

Ми, отче, збирающе стада твоя в поли,
Знайшлисмо ризу нѣку раздранну наполи,
Кровию по нѣкоторихъ мѣсцах окривавленну:
Явѣ се ест нѣкому от звѣря снѣденну,—
Юже шедше к тебѣ з нами принесохомъ
Сице, яко лежащу в поли обрѣтохомъ,

Лежащую раздранну, нѣгдѣ окрвавленну,—
Знат з человѣка в поли от звѣра звлеченну.

Іяковъ.

Трепет обня ми серце: что се глаголете?
Молю вас, да ту ризу ко мнѣ принесете.

Синъ 4.

Познай, отче, аще се риза твоего сина,
Яже бѣ лежащая на поли едина;
Сию обще обрѣтше принесохом к тебѣ,
Да вѣси, что синовну любовь мѣешъ*) к себѣ.

Іяковъ ридает.

Риза сына моего! звѣрь снѣде и лютий!
Явѣ одежда творитъ лежаща на пути...
Увы мнѣ, престарѣлу! Что сотвору нынѣ?
Смерти затворите мя во гробной долинѣ!
Зайде свѣтъ очей моих: Іосифъ прекрасний,
Една надежда моя, паче свѣтил ясних,
Гдѣ обитаешъ нинѣ, чадо возлюбленно?
Проклят звѣрь, что тя млада растерза зубами!
Да прийдетъ нань нагла смерть пред всѣми вами.
Азъ паче нареку мя отъ звѣра лютѣйша,
Же послах тя в далекъ путь, отрока юнѣйша. ||
Твоей смерти вина есмь, Іосифе любий,
Участником до вѣка буду твоей згуби!
Но за сей грѣхъ, небеса, облакъ отверзѣте,
Молниями совиште нинѣ мя убиете.
Лутше ми во подземния мертву пойти страни,
Нежели живущему в серцу терпѣти рани.
Онъ моей бѣ старости крѣпкий жезлъ единий,
Аще и мѣлем многи прежде него сини;
Онъ мое прибѣжище, онъ моя надежда,—
Нинѣ не имам его, токмо ест одежда.
На его руку имѣлъ мой животъ скончати,

*) Въ рук. „мѣемъ".

Леч зволила его смерть прежде сего*) взяти.
Лѣй з очесъ, Рахил, слези, мати возлюбленна:
Сина твоего мѣешъ от звѣрей снѣденна!
Не терплю ужъ прочее, сам мнѣ смерть сотвору,
Или да утоплюся в лезномъ очесъ мору.
Гори, на мя, велие каменѣ, падѣте!
Якъ Іосифа, мене сице умертвѣте.
Нѣсть житиня моего, уже совершися—
Почто же в тѣлѣ моемъ душа утаися?
Пойду во гробъ с тобою, отрочище младо:
Когда жить бисть**) треба, умираешъ, чадо.
На мя, звѣри дубравни, зуби обратѣте,
Мене зѣвши смертномъ затворѣте.***)
Иосифа, в юности, аки кринъ, цвѣтуща,
Напрасна смерт постиже в отшествии суща,—
На мене гнѣвъ, о Боже, Твой да ся излиет:
Посли руку совишше, мечъ мя да убиет,
Ибо от слезъ дотолѣ в мирѣ не почию,
Донелѣ ся смертною перстю не покрию.

Явленіе 7-е

Милость Божая Любве ради исшедшая является, нося вся оружия страстей, их же восприяти щедрот ради хощетъ, даби спаслося от плѣненія Естество; того ради со тщанием градет ко Голгоѳѣ, да тамо на крестѣ житие скончает. ||

л. 14. Милость Божія

Услишася глас Естества стенящий,
Пройде сквозь облакъ вопль горко гласящий;
Сѣтует адскимъ зубом угризенна.
Но да до конца не будетъ снѣденна,
Богъ кроткий****), щедрий, добръ во благодати,
Твари созданной не хтѣ во снѣдь дати.
Милосердие от горня Сиону
Во мир мя посла спасти ону,
Ея же ради орудия сия
И болша приіму страсти пресвятия;

*) Въ рук. „его".
**) Въ рук. „бить".
***) Очевидно, въ этомъ стихѣ пропущено какое-то слово, можетъбыть „во гробѣ".
****) Въ рук. „кроцкий"

За дерзостъ на плод завѣщанний десници
Восприйму на ся тяжкия пленици;
Во мѣсто древа, в Едемѣ снѣденна,
Рука мнѣ будет к древу пригвожденна;
Что нога зволи на пути злом стати,
Кресту моя дамъ нозѣ приковати;
Что завѣтъ попра Естество безумно,
Казнь за не приять азъ изволю умно.
Ничто мя сия устрашают скорби,
Никако з бѣхъ ти Естеству ест борби(?),
Ибо в темници страждет болѣзненно,
За що мнѣ серце ест опечаленно.
Скорбно стацает з очесъ слезно море:
Разсудѣмъ како—о горе му, горе!
Милости прося, сѣтуя ридает,
Тяжщайшим воплем небеса пронзает,
Да кропят правду, юже обѣщаша:
Вся о немъ пророкъ реченная сташа.
Сего ради азъ во мир есмъ посланно,
Да не будет в конецъ Естество попранно,
Еже всѣхъ Творецъ зволилъ восприяти,
Би за ту дерзость возмоглъ пострадати. ||
Велю*) мнѣ творить, что мир хощет, злости,
Сокрушаяй ми всѣхъ составовъ кости,
Почто вмѣню ся агнцу незлобиву,
Не глаголющу стрегущим противу;
Дам моя плещи, нозѣ поорати,
Плоти состави велю раздирати,
Всю кровь со плоти, якъ морская струя,
Ради милости стощу не сѣтуя;
Плюющим на мя дам твар невозбранно,
Заушающим и бьющим ранно
Ни единаго изреку отвѣта,
Любезно приму безчестіе свѣта;
Острий сей вѣнецъ возложу на главу,
Падший бы образъ перву принял славу;
Губу исполню**) оцтом напоенну,
Излию воду в серци сокровенну,
Ею же зкверну всю твари омию;
Самъ же, спасаяй работну ей вию,

*) Въ рук. „вели“.
**) Вѣроятно, вмѣсто „испію“.

Послѣжде древу дамъ ся пригвоздити,
На крестѣ животъ зволю совершити.
Не косня убо, что рѣхъ словесами,
Граду к Голгоѳѣ творити дѣлами.

Явленіе 8-е.

Побожност ищетъ Милости Божія, и нескоро обрѣтше, глас с небеси к ней вѣщает, да грядетъ ко Голгоѳѣ; тамо ю обращъ на крестѣ между скорбна ангелским ликомъ) животъ скончавшую, юже обрѣтше и сама под крестомъ ради болѣзни умираетъ.*

Побожность.

Слишахъ ревност, слишахъ глас жениха,
Нова на серцу бѣ нѣка утѣха;
Нинѣ же не вѣмъ, гдѣ ю искать мѣю—
В жалю млѣю.
Рци сладкий глаголъ, скорбной изявися,
Любовь до серцу къ тебѣ возгорися, ||
л. 15. Ейже згасити вся не могутъ рѣки—
О, огнь великий!
Пойду**) искати многими стезями,
Камо шествова Любимий стопами;
Аще обращу святи Его слѣди,
Избѣгну бѣди.
Пойду на стогни, пойду на калуги,
На распутия, непроходъни луги,
Взищу и в селѣ, взищу и во градѣ—
И серцу отрадѣ.
Чи на торжищи, Милости, стоиши?
Или на пути странствуяй косниши?
Яви мнѣ глас Твой, азъ Тя ожидаю—
Прихода чаю.
Прочеіе молю ви, небеса, рцѣте:
Гдѣ Милосердний коснитъ, возвѣстите!
Уязвленна есмь любовию зѣло—
Страждетъ все тѣло.

*) Повидимому, должно быть: „между скорбна ангелска лика“.
**) Въ рукописи „пойди“.

Гори со холми и древесъ дубрави,
Болѣзненной мнѣ дадѣте глас правий—
Не тамо ли ся Щедрий обрѣтаетъ,
Въ вас прехождаетъ? ||
Граду ко граду,—ви ли рцѣте, тщери,
Не у вас ли здѣ Женихъ на вечери
Радостъну вина чашу исполняетъ,
Благъ пиръ снѣдает?
Или в вертоградъ пойду заключенний:
Не тамо ли ся мнѣ Богъ возлюбленний,
Пася во кринехъ, всѣхъ криновъ краснѣйший
И шипковъ бѣлѣйший?
Или во Канѣ на брацѣ витаетъ,
Вкусное вино в водѣ претвараетъ? ||
Ейже аще бым спила едну чашу,
Огнь в серци згашу.
Чили к Затхею, праву мужу, снийде?
Или ко Симону на трапезу прийде?
Отнюдъ не могу стезъ его поняти—
Гдѣ Го искати?
Кто ми*) даст крилѣ скори голубинѣ?
Полещу прудко по морской пучинѣ,
Пойду по горахъ, витая якъ птица,
Скорбна голубица.
Се уже ся день мало накланяетъ,
Милосердний мнѣ нѣкто ся являет;
Что ся кринеши, Свѣте очес ясний,
Жените красний?
Наконецъ не вѣмъ, кого вопрошати,
На яком пути имам Тя искати;
Точию умру, изливши слезъ море—
Смутной мнѣ горе!
Пространнихъ небес красная свѣтила,
Моюм надежду на вас положила:
Гдѣ Жених обитает?
Жаль мя снѣдает!

Гласъ с небесе.

Гради к Голгоѳѣ,—се Твой Возлюбленний
Мертвъ висит и нагъ на крестъ пригвожденний.

*) Въ рук. „ли“.

Сего бо ради изволил умрити—
Смертию хощет вес миръ оживити.

Побожность

Градет к Голгоѳѣ, гдѣ, уздрѣвши Распята между скорбними Ангелами, ридает.

Тако ли в Канѣ вкушаении брака, ||
л. 16. Весь не імѣяй доброти ни зрака?
Или во кринѣхъ тацѣхъ ли пасеши?
Смертию страждеши!
Тако ли Тебе Сионская тщери
Жениха красна мѣша на вечери,
От ихъ же руку спилес смертну чашу
За дерзость нашу?
Боли не терпя Твоей смерти зрѣти,
Зволю при стопах здѣ Твоих умрѣти,—
Нехъ покрпет зраненну дозѣла
Смертна могила.

Ангелъ 1.

Ридаем Творца нестерпимой смерти,
Желаемъ равно здѣ при Немъ умерти—
Но нама смерти сие возбраняет,
Яко по трех днехъ воскреснути мает.

Ангелъ 2.

Пре то изволил язви восприяти,
Би моглъ язвленну твар уврачевати;
Врачество будет то на лѣта многа,—
Востанет, яко жених от чертога.

Ангелъ 3.

Истощи всю кровь з пресвятаго тѣла,
Бы ся в ней мерзка твар людска омила,
Иже паче крин*) будет убѣленна,
Дастъ ся ей перва одежда спасенна.

*) Въ рукоп. „крил“.

Ангелъ 4.

Ко древу руцѣ даде прнковати,
По нейже муки изволи плот взяти—
Тающъ мукою человѣкъ сотворенний
Во кратцѣ будет з ада свобожденний. ||

Ангелъ 5.

Вѣнецъ терновий возложи на главу,
Хотя Естеству дати перву славу.
По трех днех его вознесет*) ко славѣ,
Даяй вѣчности вѣнецъ его главѣ.

Ангелъ 6.

Нозѣ суть пре то ко древу прикути,
Поне Естество ста на мерзскомъ пути;
Сими ногама сотрет Амалика,—
Се й приспѣвает побѣда велика.

Ангелъ 7.

Испусти духъ святъ, вся ся совершиша,
И яже вѣщанна чрезъ пророковъ быша.
Едно тим духом должно сотворити—
Мертву людску тварь оживотворити.

Явленіе 9-е.

Іосифъ со Никодимомъ распятаго и умершаго на крестѣ снимают и у вертоградѣ полагаютъ в новомъ своем гробѣ, с погрѣбателнимъ Ангелским пѣнием болѣзненним, и отходят. Послѣжди приходит сонмище еврейское, запечатлѣвает гробъ и утверждает крѣпкою кустодиею, да не возмутъ И ученици нощию.

Никодимъ.

Потщимся, Іосифе, дѣло сотворити,
Зволмо мертвѣца сего плот в гробѣ положити.

*) Въ рук. „вознесе“.

Іосифъ.

Градѣмо пред еврейским родом сокровенно,
Да не будеть сняти го с креста возбраненно.
Вся спира кустодию велит тверду дати,
Не допустит от креста нѣкому и взяти. ||

л. 17. Никодим.

Прежде тѣхъ стражей тайно скоро поспѣшаймо,
Ко погребению же мѣсто избираймо.

Іосифъ.

Есть вертоградѣ моем гробъ новъ иссѣченний,
В нем же не бѣ никтоже з мертвцевъ положенний,—
Сего мертвца страннаго во немъ положѣмо,
Плащеницею честно всю плот обвяжѣмо.

Никодимъ.

Кою плащеницею, Боже, Тя обвию?
Кия исходу от насъ пѣсни пѣти мѣю?
Величаем усердно пресвятия страсти,
Чаемо ся Тобою во вѣкъ вѣковъ спасти!

Іосифъ.

Не в гробѣ желал бим Тя, Боже, положити,
Но в серцу когда бим Тя возмоглъ вомѣстити!
Аще ли здѣ плотию лежишъ погребенний,
Вес животъ от Тя ниинѣ мира исполнений.
Что востанешъ от гроба преславно, азъ чаю,
Побѣдиши смерть ада—на Тя уповаю;
Даси чловеку животъ во безсмертной славѣ,
Первий погибший вѣнецъ будет мнѣ на главѣ.
Вѣнцемъ и нас вѣчности соизволь вѣнчати,
Одесно Тебе в царствѣ сподоби престати.

Сонмище еврейское. Евреянин 1.

Законнопреступника уже смо убили,
Се его наша рави в гробѣ затворили.

Жидъ 2.

Нехъ лежитъ, но помнѣте, что онъ живъ говорилъ,
Яко би по трехъ дняхъ з гроба востати мѣлъ;
Которая говурка же б ся стала нѣколи,
Не хороше, встид би бил ходити до школи. ||

Жидъ 3.

Добре ви, вес кагалъ нашъ, сие разсудѣте,
И печати крѣпкие на гробъ положѣте.

Жидъ 4.

Я жычу, що би добро воиновъ наняти,
Хочъ би пришло им за то добрую мзду дати:
Ученици его всѣ пилно поглядают,
В ночи его викрасти и сховати мають.

Жидъ 5.

Скоро, что маем творить, сие и чинѣмо:
Печат на гробѣ крѣпку зверху притиснѣмо.
С кагалу иди борзо сотника прохати,
Що бы зволил воиновъ и сотню намъ дати.

Жидъ 6.

Послали мя к вам, воини, вся наша кагали,
Да бисте ся на службу всѣ не одмовляли;
За то вам дамо плату, что будет достойно,
Тилко со оружием идѣте вѣи(?) за мною стройно.

Воинъ 1.

В чом вопрошаете, в том вам служит готови.
Се шествуем с вами спѣшно без отмови.

Жидъ до воиновъ.

Воини, просимо вас зо всѣмъ свимъ кагали,
Що бисте добре того мертвца пиловали;

Мовимо вам не жартом—всѣ то слишат люде;
Лихий годъ, якъ онъ встанет, и нам и вам буде.

Епѣлог.

Неизреченну муку страждущаго Бога
Изрекоша вократцѣ дѣйствия немнога.
Аще бисмо Ангелъ усти глаголали,
Нѣкогда бисмо Божих страстей описали.
Нѣко токмо явихомъ плачу исполненна,
Якъ за дерзость Натура адови врученна,
Посем—яким образомъ крайня Милость Бога,
Ея ради изшедша, истерпѣ премнога,
Потом умре на крестѣ, якъ сами вѣсте,
Снята з древа; схованну во гробѣ видѣсте.
О печали! Создател, за тварь уморенний, ||
л. 18. Бы бил мертвий человѣкъ к жизни возвращенний!
Сего еднакъ воскрешша не за часи многа
Изявимо сходяща, яко от чертога,
Иже связавши Ада сокруши отцами,
Низведе вѣчности ихъ вѣнчати вѣнцами.
Но которое дѣиствие во дни торжественни,
Молим тя, слишателю, будь з любви явленний;
В нинѣшнем явлении аще зло что зриши,
Яко благоразуменъ, просим, да простиши.

ЧАСТЬ II.

Образи торжественна от гроба востания Господа, избавления Естества человѣческаго со прочими праотци з адской темници по разореніи адова царства содержитъ.

Антепроліог*)

Смерт царствующая со князем тми величаются, ихъ же Побѣда Христова область раздрушаетъ.

Смерть

Кто есмь? Откуду взяхся? Кто мя сотворивий?
Не единъ хощет знати, крѣпку мя узрѣвший.

*) Въ рук. „антепрліог“.

Сила Бога создавши перва человѣка,
Сотвори мя вторую того жъ дне от вѣка;
Его моей в той же день крѣпкой даде власти,
Аще би завѣщанъ плодъ снѣлъ от древа сласти;
Но ти глас завѣщанний изволилъ попрати,
Не внимая реченним, дерзнулс плодъ урвати,
Защо и азъ уморих, и з живущеми всѣми
До днес азъ умерщвляю руками моими.
Сама точию в миру есмь царица силна,
Моей держави область во вѣкъ непредѣлна;
Что хощу, з человѣчим житием сотвору:
Тому дамъ лѣта долга, сего во гробъ затвору;
Честний, силный, богатий, нищий и убогий— ||
Единаго моменту падет мнѣ под ноги.
Царства красна земная по мѣрѣ славима
Лишатся лѣпотѣ со богатстви всѣма;
Би в едно ся вся сила мерзкая собрала,
От единаго замаху в часѣ би пропала.
Будучи всемощънѣйша, ничогом лишенна,
Вся бо мнѣ твар мирская во область врученна.
От праотца почавши, ажъ до сего время
Умерщвляю косою человѣчее племя.
Сили моей трепещуть в мирѣ цари славни—
Мною заключенни в гробъ прахомъ нищим равни;
Предрагия зриваю под глави корони,
Скипетра отбираю, спровергаю трони;
Силу аки Самсоновъ, вождовъ прекрѣпчайших,
Или якъ Голиаѳовъ, зрастом величайших,
Единим смертоносним вѣтромъ скореняю,
Самих во смрадном гробѣ вѣчне заключаю.
Гдѣ твои, Ксерксе, вои? Александре,—слава?
Не ви ли прахом*) мерзким, бивши миру слава?**)
И до днес ся велможе мене устрашают,
От коси бо моея якъ дим изчезают.
Трепещѣте, людие, се слишасте слово:
Жало коси моея на вашъ каркъ готово;
Ни единъ не избѣгнеть от руку моею —
Положу всѣхъ на мари силою своею.

*) Въ рук. „братом“.

**) Вѣроятно, должно было бы быть „глава“.

Аще всегда плодъ людей от алчби снѣдаю,
Нѣкогда совершенѣ себе насщаю;
Не могу ся чловечимъ тѣломъ утучити,
Мушу щодня любъ стара, любъ млада убити.
Явѣ се увидите, когда всяка чина
Убию—царя, князя, жида и нѣмчина,
Положу ихъ на мари—на се токмо зрите,
Что видящи, моея сили трепещѣте. ||

л. 19. **Явленіе 1-е.**

Апостоли собравшеся цѣлование послѣднес творят Милости Божией в гробѣ положенной, сѣтующе; которих воини, смертию им претящи, вон изганяют. По сем является Ревность матерняя, возбуждающа от гроба Милость Божию: юже потѣшают Ангелския скорбныя на небеси хори, яко востанетъ внезапу.

Апостоли творятъ цѣлованіе.

Петръ

Творим цѣлованіе послѣдное Тобѣ,
Да умрем*) гдѣ с Тобою, пріими нас ко Себѣ.

Лука

Мертвия оживляяй, нинѣ мертвъ лежиши,—
Чесо ради насъ скорбних здѣ не умертвиши?

Клеопа

Наслаждах учений твоихъ азъ, Владико!
Молчиши, Слово Отца,—чудо се велико.

Іяковъ

Плотию здѣ уснувий, плоть умершвляя свою,
Да умрет и по плоти вкупѣ брат с Тобою.

*) Въ рук. „умрет“.

Іоанъ

Возлегши ми*) на перси, прием время страсти,
При Тебѣ да возлежу,—вѣмъ, можешъ мя спасти.

Воини устремляютъся на Апостоли отходящая.

Воинъ 1.

Болше приходити к намъ да не дерзнете:
Умертвим вас—смертию от меча умрете.

Ревность матерняя

Возбуждает ото гроба Милость Божию.

Се третий день болѣзненна, стражду серцем, ахъ! зраненна.
Ти ли, Жизни, умираешъ? Почто смерти мя лишаешъ?
Рци мнѣ, мертвий, глас единий, заключи мя в смертной сѣни!
Не такъ небо глаголаше, когда Тя мнѣ возвѣщаше:
Нарече Тя ангелъ царемъ, жизни, смерти господаремъ,— ||
Ти же мертвий погребенний, каменнем привалений,
Долшаго сна что вкушаешъ, что мнѣ серце уязвляешъ?
Реченная Семеона собишася слова она:
Мечъ остръ сквозѣ серце пройде, егда на страст Богъ
твой пойде.
Нинѣ третій день по страсти—время ест мя скорбну спасти!
Что мнѣ серце уязвляешъ? Что обѣтовъ не сполняешъ?
Мѣлес встати не за многа дни, як жених от чертога,
Но доселѣ почто спиши? В востаніи что коснишн?
Се воскресни и спаси мя, от болѣзни исцѣли мя!
Спилес страстей горких чашу, упилес ся за скорбь нашу.
Спийди з гроба шуменъ, силенъ: от мертвих ранъ миръ
исцѣлен,
Пора мертву**) оживити, царствующу смерт убити!
Южъ востани, моя слава, живущих в мири главо!
Псалтир, гусли днес востани, уврачуй ми в серцу рани,
Рци единъ глас вожделѣнний, яви зракъ Твой мнѣ нетлѣнний!
Не пойду зде азъ от гроба, плачем стенет мнѣ утроба.

*) Въ рук. „мя“.
**) Въ рук. „мертву мир оживити“.

Солнце аще потемляет, посем свѣтлий зракъ являет,—
Ти не свѣтишъ почто, Фебе? Душа терпит мрак бес Тебе.
Южъ востани з гроба красна, здѣ блисни нам, луче ясна;
Востокъ, сѣвер весь Тя чает, югъ и запад вес Тя ожидает;
Горних наведу небес сили,—зрѣти Тя всѣ вожделѣли.
Ти доселѣ что коснишн? Яко мертвецъ что лежиши?
Сниди, яко от чертога—утолится скорбь премнога.
Отци вси во адѣ вси ридают, пришествия ожидают:
Очи пора слезни втерти, время сняти ихъ от смерти.
Спѣши скоро, некосненно, молят Тя вси умиленно;
И азъ молбу Ти приношу: раз гробъ, Тебе прошу.
Болше не могу глаголати, слезъ не имам болшъ ридати,
Токмо рекши глаголъ нѣкий, да не живу со человѣки,
Мертва паду се при гробѣ, погреби мя здѣ при Тобѣ.

Хоръ на небеси поетъ.

Что умираешь? Что горко сѣтуешъ?
Или крѣпости Вишняго непщуешъ?
Востанет слава,
Патриярхъ глава, ||
л. 20. Во воскликновенiи;
Истощит гроби, яко побѣдитель,
Смерт здѣ убиет живота Хранител,
Ада разоритъ,
Всю тварь свободит,
Сущу во плѣнении.
Се градет некосненно, живот всѣм даруя,
Отимет з очес твоих прегорких слезъ струя
Токмо ожидай,
А милости чай,
Ревности матерня!

Инный хоръ.

Воскресни, всѣхъ Животе, востани—что спиши?
Мертвий мир оживити болшъ да не коснишн.
Твар в адѣ ридает,
Востания чает—
Зволъ же слези втерти!

Явленіе 2-е.

О пении Ангелском со многим ужасомъ Милость Божая востаетъ от гроба, такожде и многая тълеса мертвих; сущей потрасенной землъ, воскрешаючим смятенни воини, аки мертви падши на землю, чрезъ много времени лежат.

Милость Божая.

Кто Мнѣ во гробѣ дѣет многи труди?
Ти Мя гласи возбуждают всюди.
Уснухъ сномъ чуждимъ, но Бога десница
Днес возбуди мя, бим з ада темница
Свободил мертво Естество человѣка,
Страждуще во узах многи дни от вѣка.
Ти же, Ревности матерня, при гробѣ
Что скорбишъ, печал терпя на утробѣ?
Милость Божая тебѣ ся являю, ||
Скорбную велми матер потѣшаю:
Прими радость, свѣтоносную шату,
Веду*) тя в царску чертога полату.
Свѣтоносния низложи одежди:
Явися Милость твоея надежди.
Смерт попрахъ, попрах, плѣних, ти же умираешъ?
Отселѣ смерти в мирѣ не познаешъ.
Зрѣхъ во вертоградѣ велми тя болящу,
Видѣхъ под крестом прегорко слезящу;
Како мечь страсти серце**) пробождает,
Се до днес язва что не исцѣляет.
Гради, гдѣ красны***) восклицаютъ лики,
Купно ся тѣшат небеса з человѣки;
Теци всюду в мир, а побѣду смерти
Прославляй славно, яжем дерзнул стерти.
Се знамение крѣпости оноя:
Ниспровержеся княз мира покоя,
Притупих жало смертносна яда,
Связанну живу послах Смерть до ада.

*) Въ рук. „веде".
**) Въ рук. „серцем".
***) Въ рук. „красну".

Видя побѣду, изийди оттуду,
    Проповѣждь Бога востание всюду,—
О сем, Ревности, тебе умоляю:
    Другом моим рци, яко их варяю
Во Галилеи—тамо Милость Бога
    Обращутъ; прейде скорбь от них премнога.

Ревность материя.

Прейде и от мя тое скорбно время,
    Болѣзней тяжкихъ днес низложи бремя:
Доселѣ яко душя бѣхъ без тѣла,
    Донелѣмъ Тебе, Животе, узрѣла.
Источихъ з очес слезъ велико море,
    Бысть мнѣ на серцу нестернимо горе;
Но днес по скорби водворися радость ||
л. 21. На серцу—зрещи кто возможет сладость?
Не такъ небеса веселять свѣтила,
    А ни здравие оживляеть тѣла,
Якъ мя зрѣние твое сотворило
    Радостну, когда*) днес ся мнѣ явило;
Всѣх одеждою скорбей совлеченна,
    Днес веселия в ризу облеченна,
Ибо тая ся мнѣ Милость являеть,
    З нею же жити душа моя чает.
Отселѣ скорбно время покидаю,
    Воскресеніе да в мирѣ вѣщаю!

Милость Божая.

Теци и повѣждь востаніе всюду,
    Азъ мою крѣпость изявляти буду:
Не вотще зволих по страсти умерти—
    Свобожду падший образъ з вѣчной смерти.
Виждь мертвих тѣла, что животъ прияша,
    Иже во гробѣхъ многа лѣта бяша.
По сем ко Аду пойду заключенну,
    З основанием потрясу геенну,
Князя тми велю окови связати,
    Праотецъ муситъ з геени мнѣ дати.

*) Въ рук. „когрда“.

Адъ.

Горе мнѣ, друзи! Отднес реченним внемлѣте,
Ланцухи, двери ада крѣпко заключѣте!
Хощет воскресший свою явити державу,
Нашу же разорити всю адскую славу!

Явленіе 3-е.

Сонмище еврейское, пришедши ко гробу, || обрѣтает камень отвален и стражиєвъ аки мертвих лежащих; на них единодушно устремляются; по малом времени воставши аки от сна, воини вѣщают, что яко спя воста со многим ужасом. Евреи прочее, да не промчетъся слово се в народѣ, даютъ имъ мзду, да вопрошающим отвѣщают, яко нам спящим украдоша Его ученици.

Еврей 1.

Что лежите, пяйици, лихо бъ вам у живутъ!
Где ся подѣвъ мертвецъ той, которий лежавъ тутъ?
Мовилисмо—стережѣть, всѣ то чули люде;
Якъ онъ встане, лихий годъ нам и вам тутъ буде.
Хороший то калавуръ—лежит якъ убитый!
Мусѣли не стерегши цѣлую нощь пити.
Ходѣмо на сотника—нехай ихъ скараетъ,
Албо принамнѣй при насъ в трумну повкидает.

Еврей 2.

Сором нам тепер великъ з всѣм нашим кагали!
Мнѣ ся бачит, же смо днес на вѣки пропали.
Якъ онъ встал, будутъ в него вѣрити язици;
Якъ умножатъ ся, будутъ на свѣтѣ велици.

Воинъ 1.

Трудовъ намъ не дѣлайте, невѣрии евреи,
Но реченним вѣруйте от совѣсти всеі.

Воинъ 2.

Воста, яко спя, з гроба со многим ужасомъ;
Ми падши от страху лежим къ симъ часомъ.

Како не ужасатся, гди гром небеса даша,
Земля поколѣба, мертвии з гробовъ вставша?
Свѣтло когда узрѣхомъ воставша от гроба,
Падохомъ, якъ мертви, в нас смятеся утроба.

Евреии 4.

Слухайте, голубонки, хоче би онъ востал,
Говорѣть, же намъ спящим нѣкто его викралъ.

Воинъ 3.

Нужда нам неправедно слово глаголати!
Мусимо у сотника истинну сказати.

Еврей 5.

Не бойтеся сотника: ми и перепросим,
Еще му что красного зато поприносим.
И ви от нас дар сей днес з грошами возмѣте, ||
л. 22. Же спящим ктос его вкрал, пред всѣми кажѣте.

Воин 4.

Что велите, будемо тако глаголати,
Тилко зволте в народѣ его поискати,
Поймавши второй лучшой предадѣте смерти.

Еврей 6.

Якъ злапаем, будемо не такъ бити, терти,
Токмо повторе просим: скажѣть, же го вкрали,
Когда вас будуть люде, гдѣ онъ есть, питали.

Явленіе 4-е.

Петр горко ридаст, яко трикрати отвержеся Христа, аки не зная Его бити.

Уви мнѣ, о уви мнѣ! Возридаю како,
Како ли восплачуся, прегрѣшивши тако!
Іесуса отвѣргохъся, знаяй Его Бога,
Бога и Человѣка! О грѣха премнога!

Нинѣ боязни ради—„не вѣмъ человѣка“—
Трикрати отвергохъся, видѣвий от вѣка.
Испустѣте, небеса, росу благодати,
Окаменепно возмѣть серце умягчати!
Потщѣтеся и рѣки излити кириицѣ,
Иссохшія напойте в очесах зѣницѣ,
От них же слезящія изшедше потоки
Обилно . . . .*) окиян глубокий.
Тебе молю, первое во благодати море,
Грѣховное достойно дат оплакат горе.
Любви моя, Іесусе, любих Тя трикрати,
Трикрати отвергохся в Каяфи пред врати.
Далъ еси овецъ паству, да пребудутъ**) цѣли,
Би имъ не одолѣли хищьнихъ волковъ сили.
Но на мнѣ премогоша. Азъ, ахъ! погибаю,
Егда Тя человѣка воскрешша не знаю.
Восплачтеся, язици: азъ взяхъ ключа в небо, ||
Да вамъ е отверзаю,—но не буду, се бо
Симъ ключемъ во геенну себѣ воходъ твору.
На сущинѣ истопохъ не истопленъ в мору!
На сем камени церковь Богъ хотѣ создати,
И сей твердо во вѣки в лѣпотѣ сияти,—
Но се азъ сокрушихъ ся в пѣсокъ раздрушенний,
Мало ничто при огни сидящъ искушенний.
Уви мнѣ, что слезних рѣкъ не имам толико,
Да возмѣру пред Богом, согрѣших колико.
Сия ли подобаше воздаяти Богу,
Богу и Человѣку за любовь премногу?
Кляхъся сопострадати Господу моему,—
Се кол неистинствую словеси своему!
Бурнін от странъ вѣтри нападоша зѣло,
Твердо абие вѣри серце запустѣло;
Основанно***) на пѣсцѣ страха Іюдейска,
Отъ грѣха пред Богомъ и человѣки мерзска,
Се уже от болѣзни тяжцѣ уязвленно,
Затвердѣ въ утробѣ, аки умерщвленно.

---

*) Въ рук. пропускъ (чистое мѣсто для не разобраннаго, повидиммому, переписчикомъ слова).

**) Въ рук. „предадутъ“.

***) Въ ртк. „основанну“.

Ахъ, душе, отверзися! Что спиши? Востани!
Прилпи покаяния плястра до сей рани.
Язва твоя язвою Христа изцѣлѣет,
Его же благодати пластиръ ти довлѣеть.
Алекторъ возглашает—се днес приближися,
Треклятвенное грѣха слово всѣмъ явися;
Отверженния сего кто уже не знает,
Егда во тмѣ грѣшаща свѣтъ миру являетъ?
Горе мнѣ, имже соблазнъ лютѣ дастъся миру!
Кто мнѣ нинѣ поможет в злой падежи сиру?
Покрийте мя, облаци, покрийте мя, гори,
Земния, падѣте, разсѣлини, скорѣ,
Ратунокъ предстателства да во вас окрию,
Яже на сердци язву грѣховну омию.
Ту горко восплачуся грѣха лжива,
Дондеже обратитъся Милость Бога жива. ||

л. 23. **Явленіе 5-е.**

Генъушъ Марии Магдалини ищет прилъжно Господа во вертоградъ, ей же является Милость Божая во образъ вертоградаря, которая послъжде исто от нея познается; такожде повелъвает Милост Божая, да возвъстит Петрови ридающему, яко первой приятенъ благодати ради горких слезъ.

Геніушъ Магдалени.

По печали к радостной мнѣ сердца отрадѣ,
Пойду искат Господа в красномъ вертоградѣ.
Бѣ во гробѣ затворенъ, се третий день нинѣ;
Зрѣхъ, гдѣ и полагаша, плачуща единѣ.
Утѣшу ся узрѣвши мертво его тѣло,
Облию е вонями мастей драгих цѣло.
Прочее не медлящe граду въ ограду,
Мертва узрю Господа средѣ винограду.
Ти, мертвая опоко, даждь ми камень жизни!

It ad sepulchrum)*

Сей мнѣ во главу крѣпку до вѣчной отчизни.

*) На поляхъ.

Ангелъ 1 у глави.

Не скорби, сѣтующи въ слезах многих, жено:
Нѣсть ѕдѣ, но воста,—рѣхъ ти, Магдалено.
Се судар, иже лежа на пресвятѣй главѣ,
Ризу взя нетлѣния воскрешший во славѣ.

Ангелъ 2.

Мнѣ повелѣ воставший у ногу сидѣти.
Да грядетъ въ Галилею, кто го хощет зрѣти:
Тамо Его обрящет, по пути ходяща,
Или гдѣ хощет узритъ чуднѣ ся являща.

Магдалена.

Стезю мнѣ кто покажет по правому пути?
Кто мнѣ дастъ въ вертоградѣ Его постигнути?
Рцѣте, красніе древа, цвѣти блазѣ, рцѣте, ||
Кто Господа от гроба взя, мнѣ возвѣстѣте.
Аще, вертоградару, ти взялесъ онаго,
Рци мнѣ, да плоть облию мастми неживаго;
Азъ возму и в новомь положу ковчезѣ,
Точию гдѣ сокровенъ, изяви мнѣ стезѣ.
Болше вопрошати тя слезна не престану,
Терпящи неисцѣлну в серци моем рану,
Донелѣ не обрящу Господа своего.

Вертоградарь.

Азъ желания язву утолю твоего.

Магдалена.

Молю тя, не звол болей скорбей прилагати!
Гдѣ сокрилес Господа, потщися сказати.

Вертоградарь.

Сей, Иже во вертоградѣ глаголет с тобою,
Сотворит тя*) отити в радостном покою.

*) Въ рук. „ся“.

Магдалена.

Вертоградару благий, вѣщай глагол правий,
Да получу ту радость, юже обѣщавий.

Вертоградар.

Марие, како гласа Моего не знаешъ?
Почто Мене Самаго о Мнѣ вопрошаешъ?
Азъ есмъ, иже словеса глаголю с тобою,—
Радостну твору тя днес отити в покою.
Иди в мирѣ, проповѣждь востание всюду,
Скорбь Апостолъ утоли прегорку оттуду.
Рци Петрови такожде, да Мене варяет,
Перву милость чрез слези своя получает.

Магдалена.

Не такъ радостна весна цвѣти украшенна, ||
л. 24. Не тако Аравия златом исполненна,
Или по волнахъ море тишину приявши
Веселитъся, яко азъ Тебе оглядавши!
Ти отднес моей жизни вѣчная отрада,
Ти мя возмешъ на царство до вишняго града.
Отступиша от мене горкия печали,
Стремленія водъ сладких окрестъ мя обяли.
Не познаю, что ест скорбь, но что вѣчна радость:
Лучше Твое зрѣние, нежли мира сладость;
Жизни моей не инно токмо Ти начало,
Ибо, Милости Бога, стерласъ смерти жало.
Отднес побѣдителя буду Тя гласити,
В мир Твое востание иду возвѣстити.

Вертоградарь.

Теци, другомъ проповѣждь з гроба Мя воставша,
Да вѣруютъ Мя в садѣ к тебѣ глаголавша.

Магдалена.

Шествую со тщанием ко веси и граду,
Благовѣщу Господа зрима въ вертограду;

Обще да веселитъся з ученикъ началний,
Отселѣ да не будет болѣе печалний.

Глаголъ Маринъ ко Петрови.

Видѣхъ в садѣ Господа воставша от гроба;
Рече мнѣ, да не болит болшъ твоя утроба:
Отверженіе твое з серца ти прощает,
Къ первой тя благодати своей приобщает.

Явленіе 6-е.

Милость Божая свобождает Естество человѣческое з ада со прочими праотци и возводит его от земли на небо, дая ему первый благодати вѣнецъ со радостним Ангелским пѣнием. Послѣжде Адъ ярится, яко разоренно его царство и узники изведенни; но изшедшая съ небесъ Побѣда || Христова князя тми крѣпко связуетъ, седмоглавнаго змия обезглавляет, рукописание приемлет и раздираетъ, самаго же предает гееннѣ огненной, гдѣ паляшеся ридает, ликъ ж Ангелский на небеси торжествуетъ.

Милость Божая.

В узах Натуру услишах стенящу,
Ко мнѣ день и нощь прегорко гласящу,—
Пора з темници ону свободити,
З узъ разрѣшити.
Не могох отнюдъ почити донинѣ,
Зволили с небесъ в живот благостинѣ,
Ея же ради Милость в мир послася,
Даби спаслася.
Иже восприят несмертними муки,
Давшися з любви в нещедрия руки;
Умре за мертвих, но смерть умертвися,
В жизнь превратися.
Граду и честиѣ Натуру з отцами
Свобожду, скорбной первими вѣнцами
Увѣнчу главу, возведши ко жизни
Вѣчной отчизни.
Изведу старцовъ, в отхлани сѣдящих,
От небес всегда милости просящихъ,
Имже жизнь перву, аки рѣчну струю,
Во вѣкъ дарую.

Скипетръ Естеству погибши держави
Дамъ во десницу, ону древней слави
Сподоблю бити участницу благу,
Мѣвши чест драгу.
Посажду нинѣ сѣдящую долѣ
На царском в небѣ со мною престолѣ,
Лѣпоту красотъ и превѣчну славу
Зложъ на главу.

*It ad infernum et educit Naturam**)

Изийди, скорбна, з адския темници!
Тя ради Милость рабския пленници ||
л. 25. Претерпѣ, да бисъ било свобожденно,
З узъ разрѣшенно.

Естество.

Благодару, Милости, тебѣ, превелика:
Чрез тебе потребися мнѣ печал толика!
Страждахъ здѣ за преступство з велѣния Бога,
За се мнѣ дается днес благодат премнога.
Но аще би мнѣ пришло здѣ во вѣкъ ридати,
Никакоже могло бим Бога благати,
Аще не ти, Милости, намъ з любви явленна,
Спасла бисъ человѣка до ада вверженна.

Милость Божая.

Подаждь десницу, на древо простерту;
Змия, тя зведша, узришъ главу стерту;
Сим знаменнем во моей деснициі
Сотрох пленници.
З долной темници ко горнему Сиону
Шествуйте скоро, къ небесному трону,
Ибо вас зрвни з Ангелскими лики
Богъ, человѣки.

Хоръ Ангелский.

Торжествуй, ликовствуй, Натуро преславна!
На ввесь свѣтъ многихъ лѣтъ слава твоя явна!

---

*) На поляхъ.

Днес Ангелъ лики с преславними гласи
Честь твою славят на вѣчние часи.

Милость Божая *вънчаетъ Естество.*

Прiйми корону вѣчной благодати,
Изволь в десницу сей скипетръ приняти;
Сѣди одесную мене посажденна,
Возвеличенна!
Ви же, праотци, аще человѣци,
Равни будете, яко Ангелъ лици; ||
Сидѣте окрестъ престола Бога:
Се вам мзда многа.

Адъ *яритъся.*

Кто днес мою державу хощет разорити?
Князя тми кто царствие жаждет расточити?
Никако сия буди*), ибо мою силу
З адскими свои**) други днес воздвигну цѣлу;
Пошлю на се дерзнувша змия седмоглавна,—
Оттуду мя познають крѣпка, сильна, славна,
Егда змиемъ побѣжденъ падет мнѣ под ногу,
Терпя неисцѣлний студъ и язву премногу.

Побѣда Христова *до Ада глаголет.*

Доколѣ будеши ся, княже тми, гордѣти?
Доколѣ не престанешъ Вишняго хулити?
Или не вѣси его прехраброй держави,
Яко сотрет роги ти гордящейся глави?

Адъ *до Побѣди глаголет.*

Ти ли хощеши стерти моя горди роги?
Падешися побѣжденъ змиеви под ноги!
Аще вѣмъ тя, Вишняго посланну Побѣду,
Но ти, змию, отмсти ей за мою обѣду,
Дерзни на окаянну ярости зо всеи
Помстися мужественно обѣди моеи.

*) Въ рук. „буду“.
**) Въ рук. „свое“.

Побѣда *со змиемъ борется.*

Видиши, окаянне, что Божия сила
Чрез мя тя, супостате, в смерть обезглавила.
Познаешъ, лжи отче, что Вишняго хулити,
Егда связанъ въ геенѣ будеши горѣти.

Адъ.

О лютѣ мнѣ, князю тми, нинѣ побѣжденну!
Во вѣкъ связанний буду терпѣти геенну!

Побѣда *до Ада глаголетъ.* ||

л. 26. Даждь вию горделиву: се тя крѣпость Бога
Велит связат в окови на лѣта премнога.
Гдѣ твоя, Аде, крѣпость? гдѣ твоя побѣда?

Адъ

Бѣда!

Побѣда.

Гдѣ, треклятий убийцо, смертоносно жало,
Иже острием своимъ ввесь мир заражало?

Адъ

Пропало!

Побѣда.

Днес мнѣ тя сила Бога в крѣпки даде руцѣ.

Адъ.

Къ муцѣ!

Побѣда.

Гдѣ рукописание завѣщанна древа?
Кто ти даде, прелестне? Не треба бѣ...

Адъ

Ева!

Побѣда.

Отдаждь е! Азъ отдам і моему Владицѣ,
Велѣвшу ти вложити на вию пленицѣ.

Адъ *отдаетъ рукописаніе.*

Приими! Се азъ еже взях, тое ти вручаю,
Точию болшъ тя приити ко мнѣ да не чаю.

Побѣда.

Отселѣ не будеши писания брати!
Велѣ е Бога Милость наполи раздрати,
Тебе же Справедливость осуди в геенну,
Да терпиши казнь вѣчну в пламении огненну.

Хоръ Ангелский.

Плѣни Крѣпость супостата воскрешшаго Бога,
Тми адския связа князя на лѣта премнога.
Торжествуйте, человѣци, з адскими сили
Плѣняеми: ваша узи днес ся раздрушили.
Побѣжденний прежде бивший мира побѣдител,
Низвержеся его царства крѣпкая держава,
Воскрешшаго прославися во вѣхъ концехъ слава.
Гдѣ побѣда твоя, Аде, гдѣ ти жало, Смерти?
Ваша зволил Побѣдитель оружия стерти.

Адъ *палящся въ огни ридает.*

Нинѣ моя держава уже разорися!
Се моея крѣпости сила низложися!
Единъ бѣхъ на востоцѣ свѣтлая денница, ||
Но обят мя адская мрачна днес темница;
Скипетромъ бѣхъ доселѣ царским господствуя,—
Обяша мя се окрестъ пламенних водъ струя.

Мнѣ бѣ человѣкъ в область на вѣки врученний,
Лечъ чрез Милость воскрешша Бога свобожденний.
Чрез мя прелщенъ бѣ еще прежде во Едемѣ,
За се го Справедливость Божая даде мнѣ;
Но Милость къ падшему роду превелика
Извлече з рова адска грѣшна человѣка,
Мене же, князя мира, Крѣпости связала
И в геенну навѣки мучиться послала.
О горе мнѣ, горе мнѣ, въ огни страждущу!
Кто угасит пещь сию, пламенем дишущу?
Поки Богъ Богом будет, поки станет свѣта,
Поти мнѣ въ огни страждат чрезъ вѣкъ вѣковъ лѣта.
Проклят день в него же есмь з нѣчого созданний!
Проклят час в него же есмь в геенну посланний!
Лечъ поки в пламени семъ азъ буду горѣти,
Дотолѣ не престану Вишняго хулити:
Понеже преступника от мя зволил взяти,
Якъ неправедна Его буду нарицати.

ЧАСТЬ III.

Явленіе 1-е.

Три добродѣтели: Вѣра, Надежда и Любовь градутъ ко гробу, несуще со собою ароматы благовонния, и пришедше къ гробу видят камень отваленъ и ангела сѣдяща и глаголюща к ним, яко нѣст здѣ, но воста; послѣжди является сама Милость Божия; которие вѣщают Апостоломъ, яко видѣхом Господа воставша.

В ѣ р а. ||

л. 27. Несумнѣнну изявлях вѣру мя любящу,
Шествовах во путь его всегда мя глаголящу,
Каковъ убо путь жизни; мнѣ то измѣнися,
Бивши правая стеза каменемъ покрися;
Но вѣмъ несумнѣнно аз, что к нам глаголаше,
Крѣпости своея силу егда всѣм являше,
Что может от камене воздвигнути чада,
Может стощити гроби, изпроверсти ада,
Силенъ отверсти очи тмою помраченнимъ,
Живот дати может в гробѣ затворенннмъ;

Словом крѣпокъ возможе миръ вторий создати,
Глаголом Господним гори от мѣстъ преселяти;
Реккий слонцу, да станетъ от бѣгу своего,
Да не просвѣтит мира свѣтлостями всего,—
Творит повелѣнная, послушает гласа.
Но сия творях прежде, до нинѣшна часа:
Лежит во гробѣ положенъ животом владѣя.
Иду къ гробу, да вижду,—Онъ моя надѣя;
Обмию миромъ драгим свято Его*) тѣло,
Токмо мнѣ камень тое возбраняет дѣло;
Лечъ на помощь, другинѣ, ко мнѣ приступѣте,
Послушание мертву равно сотворѣте.

Надежда.

Како лишени есмо свѣта доброзрачна!
Почто не зримо твого лица, свѣте, вдячна?
Зашел еси от очес наших, красний Ѳебе!
Витаешъ в мрачних странахъ,—скорбь в серцу без тебе**).
Надѣяхомся тебе свѣтла всегда зрѣти,
Ясностий твоих луча мѣла намъ свѣтити,—
Почто же угасоша? Се их крове рѣки
Залияше текшия з крове превелики.
Но и слонце аще ся во мори купает,
Посем свѣтозарное из утра сияет;
Твоя же***) сокришася в земной тмѣ свѣтила,
Гробная их темница мраком приодѣла. ||
Но пойду тя и в мрачном гробѣ оглядати,—
Точию нас любезно соизвол прияти;
Плот мертву помажемо миром драгим мастей,
Нещадно уязвленну во время тяжких страстей;
Еще аще и мертво, но азъ ся надѣю,
Что отъ него благия дари прият смѣю.

Любовь.

Грѣю любовию, серцем унииваю,
Из очес многослезни струя изливаю,

*) Въ рук. „стаго".
**) „бе" отрѣзано переплетчикомъ.
***) Въ рук. „ше".

Что животе во гробѣ вижду заключенна,
Чрез котрого мнѣ жизни врата отворенна;
Пламением палюся милости великой,
Не могу з серца звергти толикой.
Аще сѣжду . . . .*) или молбу дѣю,
Всегда его мертваго на очесахъ мѣю;
На пути, на стогнищах, такожде во градѣ
Стоитъ мнѣ пред очима спящий в вертоградѣ.
Нинѣ со аромати ко нему градѣмо,
Тѣло вонями мастей мертво намастѣмо.

Вѣра.

Добро дѣло и благо родит добродѣтел,
Юже сердце содержит, любви вомѣститель;
Тая нас возбуждает, а къ мертву шествуемъ
И плот его пресвяту з страхомъ да цѣлуемъ.
Токмо нам возбраняет некрѣпкая сила,
Не видя, якъ би з гробу камен отвалила.

Любовь.

Кто отвалит нам камен, имже свято тѣло
Еврейское сонмище в гробъ запечатлѣло?
Велми бо бѣ неудобь нашими руками
Носимим, токмо Крѣпость Божая судбами
Ниспроверже, иже в день страсти пресвятия
Сокруши якъ шкляннія камени престия (sic). ||

л. 28.

Надежда.

Сердце творит утѣху, нѣ би що вѣщает
Новаго, егда ко гробу ити возбуждает.
Не косняще градѣмо—благое се дѣло
Сотворѣмо, обливши мастми свято тѣло;
Обращемо нѣкія на пути текущих,
Умолим, да пособлят нас некрѣпких сущих,
Или воином нѣку мзду восхощемъ дати,
Не возбранят з каменя рѣшити печати.

*) Въ рук. пропускъ: чистое мѣсто.

*Добродѣтели пришедши ко гробу глаголютъ**)

Любовь.

Кто отвали сей камень? Гдѣ здѣ положенний?
Не ти взял намъ его, юноше блаженний?
Драгое мѣем миро на мертваго тѣло,
Да е на не возлиемъ**),—наше то ест дѣло***)

Ангелъ отвѣщаетъ Благодатемъ.

Нѣсть здѣ, но яко силенъ, дни три исполнивши,
Воста крѣпкий от гроба, камень отваливши,
Никакоже раздруши печати, но цѣло
Остави,—пройде чрезъ гробъ свято Его тѣло.
Тецѣте в Галилею, тамо И узрѣте,
Аромати вонніе з собою несѣте;
Не требует ароматъ паче вонь пахнущий:****)
Онъ ест благовоние з собою имущий.

Милость Божая.

Радуйтеся, и паки—восприймѣте радость!
Печал да претворится во благую сладость.
Ищете мертва мене, но како мнѣ бити:
Азъ бо хощу смертию весь мир оживити.
Яко мене видѣте, другом моим рцѣте;
Иду в Галилею,—тамо мя узрѣте. ||

Надежда.

Видѣхом днес Владику, от гроба воставша,
Красна, свѣтла, воннаго, паче лучъ сиявша,
Иже к нама глагола отческое слово;
Зрѣти И око ваше да будет готово.
Тецѣте в Галилею—сия реклъ к нам гласи,—
Узрите И неложно не за долги часи.

*) Обрѣзано переплетчикомъ; осталось только „глаг".
**) Въ рук. „возлиешъ".
***) Въ рук. „тѣло".
****) Въ рук. „пахнущих".

Явленіе 2-е.

Петр со Іоаном текут ко гробу, но пришедши вѣсть такожде приемлют от ангела, яко „воста, се варяетъ ви во Галилеи“.

Петръ.

Кто ми даст крилѣ, яко голубинѣ?
Возлещу окрест всего свѣта нинѣ!
Взищу заблудший наставника драга,—
Ибо заблудих, искушенъ от врага.
Кто мя наставит на первий путь правий,
Не отринет мя от древнія слави?
Иже воставши преславно от гроба
Реклъ, да мнѣ плачемъ не тает утроба,
Посла вѣстники то мнѣ глаголати,
Яко время южъ от плача престати,*)
Ибо воскресе всемирная радость,
Претвори горких слез в благую сладость.
Днес гдѣ Тя взищу, ввес мир**) исполняя?
Яви мнѣ зракъ Твой, иним ся являя!
Вѣмъ, жемъ невѣрством от Тя отриненний,
Нинѣ чрезъ милость к Тебѣ привлеченний;
Не оставлю Тя, надеждо едина,—
Приймешъ мя паки, яко отецъ сина.
Се в Галилею ко Тебѣ шествую:
Аще узру Тя, болѣй не сѣтую,
Ибо чрес Творца день в нощ вомѣняю,
Когда на Тебе, свѣте, не взираю. ||
л. 29. Ти же лучами свѣта всесвѣтяща
Просвѣти въ мрацѣ грѣховнимъ лежаща!
Вѣрую, что Онъ безконечна жизни,
Мѣетъ в руках ключъ до вѣчной отчизни,
Его же мнѣ даст, да азъ ним двер праву
Всѣмъ отверзаю во вѣчную славу.
Но—о безумства!—***) людей в жизнь пущая,
Себѣ мъ затворил дверь безсмертна рая;
Аще би не Богъ, яко ключом, древомъ
Отверзлъ их нинѣ, азъ бы кита чревом

*) Въ рук. „прести“.
**) Въ рук. „ми“.
***) Въ рук. „от безумства“.

Адска пожерти во вѣки в геєннѣ,
Яко отступникъ, мучилъся*) в бездинѣ.
Лечъ любви ради грѣшна человѣка
Умре даруя всѣмъ животъ от вѣка;
Нинѣ воскресе—к жизни мя взиваетъ,
Первую паству всѣхъ овецъ вручает.
Вопервих еднакъ самъ азъ, Пастир благий,
Иду по Тебѣ, есмъ бо без дѣлъ нагий;
Облечеши мя во перву одежду,—
На Тя з юности возложих надежду.

Іоанъ.

Всегда съ Іcусом бѣхъ до крестной смерти;
При мнѣ Животъ мой изволи умерти.
Днес же воскресша—или в отчем лонѣ
З Ангеловъ полки ликуетъ исконѣ?
Чи разбойника в красенъ рай воводит?
Чи отцевъ з ада преславно низводит?
Или со Отцемъ сѣдитъ на престолѣ?
Чи торжествует гдѣ на землѣ долѣ?—
Не вѣмъ, Его же в горнем прежде градѣ
Видѣхъ, якъ агнца суща в вертоградѣ.
На живот грядий взятъ мене при собѣ,
Яви мнѣ Божество в человекъ особѣ;
При страсти в садѣ молитву творящий
Взя мя, да бим зрѣлъ потъ крвавий точащий; ||
Гди в Канѣ воду в вино претворивий,
Ни едной чаши сладости вкусивий,
Во веси пасху гди з нами вкушаше,
Предания мнѣ тайну возвѣщаше;
На тайной серце мнѣ даде вечерѣ,
Скритых сокровищъ отверзе мнѣ дверѣ;
При смерти Матцѣ вручи мя за сина,—
Сей азъ в печали**) бѣхъ радость едина;
Днес же видяще, что воста преславно,
Прежде ко гробу текохъ—всѣмъ се явно,—
Но не обрѣтох надежди моея—
Пойду искати окрестъ землѣ всея.

*) Въ рук. „мучитъся".
**) Въ рук. „В сей азъ печали".

Петръ.

Яко рече намъ на гробѣ сидящий,
Тецѣмо во путь нама предлежащий.

Іоанъ.

Ради милости, не вѣмъ что творити,
Ни яко пути Его предварити.
Огнь любви в серцу якъ пламень палает,
Зрѣти воставша на семъ мѣстцу чаетъ;
Пламенной любви Онъ моей *)...
Алчную душу избавитъ от ада,
Его же терплю, что не зру воставша,
Плот на вечери мнѣ во снѣдь давша.
Якъ елень пойду на источникъ водний
Іисуса искать в мѣстца непроходни.

Петръ.

Кто зрещи може, кол много, кол крати
Зрѣти И зажду, Его же пред врати
Злѣ отвергохъся! Но, Любви премнога,
Вѣмъ Тя, воскреший, Человѣка и Бога;
Егда Тя узру, тое признат мушу,
Не за Тя, но Ти далесъ за мя душу. ||
л. 30. Азъ же опока якъ трость колѣблема,
От вѣтра мала окрестъ обемлема,
Весь сокрушихся, но Твоя зѣница
Утвердила мя, якъ в мори десница.
Се не отступлю никогда от Тебе,
Яви мнѣ зракъ Твой, прийми мя до Себе.

Іоанъ.

Скорѣ не медля, реченим внимаймо,
В Галилею спѣшно поступаймо.

*) Рифмующее слово не написано; вѣроятно, д.б. „отрада“.

Явленіе 3-е.

Лука со Клеопою шествуютъ во Емаусъ, имже во образѣ страннаго являетъся Милость Божая, творящая далечайше ити, но умолима, да возляжет с ними, яко пут далекъ есть, и приметъ пищу, по отшествии послѣжди познаваетъся во преломлении хлѣба.

Лука.

Се идем во Емавусъ—что же глаголати
Будем к себѣ на пути? О чом вопрошати?

Клеопа.

О том азъ глаголати хотѣл бим с тобою,
Еже отнюдъ не может познатися мною:
Что то бистъ во дни тия во Ерусалимѣ,
Неслишанна от вѣка, непознано всѣми?

Лука.

О чом воспоминаешъ, хощу и азъ знати;
Егда ли что новое мѣешъ глаголати?

Клеопа.

Новое, якоже бо рекох, неслищанно,
Нниединим от пророкъ доселѣ вѣщанно;
Месию бо пророци пришти предрекоша,
Временемъ, вонже приде, зѣло нас смятоша, ||
Ибо ничто же явѣ о семъ извѣстиша,
Когда ли сие будет—в чемъ нас усумнѣша;
Разумѣхом Іс уса Месию быти,
Его вослѣдъ ходяще истинну узрѣти,
Обаче от народа Онъ ест поруганний,
И соборъ апостоловъ Его ест разгнаній.

Лука.

Добрѣ ти глаголеши, и азъ мислих сия,
Что убо собишася еже во дни тия.

Се коль мнози идохом во слѣдъ Его скорѣ,
Преходяще вертепи, мора, холми, гори;
Онъ же ко нам сладкия глаголи вѣщаше
И яже о пророцствѣ небесном учаше.
О преславния зѣло и страшния вещи!
Угасивий Петровой жегоми огнь тещи,
Толь различнѣ страждущих всюду исцѣливий
И пять тисящъ народа хлѣбом наситивий,
Се во поруганіе продан ієреомъ,
Затворивий книжником уста и евреом.

Клеопа.

И кто би (рци истинну) чудеси толику
Не вѣровал, видящи силу в Нем велику?
Ми убо разумѣхом, яко спасти прийде
Израиля*), истинно от небесъ изийде;
Но на крестѣ висяща, от всѣх оставленна
Видѣхом, от народа со блатом смѣшенна.
Не без вини книжници вонь не вѣроваху,
Аще науку Его и слова слишаху.

Лука. ||

л. 31. Пожди мало и слиши, что глаголют жени,
Страха у гроба Его нова исполненни,
Иже глаголют Его уже жива бити,
И нас во Галилеи хощет предварити.

Клеопа.

Ко мнѣ тако прийдоша вѣсти равно сия,
Яко воста от гроба—о преславии дни тия!
Нѣции от Апостолъ тако Его зрѣша,
Ибо воскресша жени предом возвѣстиша;
Но мнѣ мнитъся, яко вещь тая неудобна,
Да би воскреслъ, провергши каменія гробна.

Лука.

Многих от пророкъ древних гроби затворили,
Ни едина воставша отци наши зрѣли;

*) Въ рук. „израя“.

Исусу же востати от смерти толикой
Не возможно болѣзни ради превеликой:
Весь бо бѣ ажъ до костий з тѣла обнаженний,
Посем пробит копием на крест воздвиженний;
Тамо умерший, з креста в гробѣ положися,
Тяжчайшим каменем зверху привалися;
Отнюду же востати—непонятно*) дѣло,
Но несказително воскресло би тѣло.

Милость Божая.

Камо градете и что к себѣ глаголета?
Словесъ ваших всю тайну мнѣ да речета.
Азъ бо такожде нѣки реку ко вам гласи,
Яже слишах от многих в тѣ преславни часи.

Клеопа. ||

З писаний, глаголахом, тайни сокровенни,
Яже от пророкъ быша прежде предреченни,
А найпаче писанна о Божемъ Синѣ,
Иже чудеси творитъ—о вещи единѣ!—
Слѣпих, хромих, немощних словомъ исцѣляше,
Встати з гроба Лазару умершу веляше;
Но онъ зависти ради на смерть бѣ преданний,
На крестѣ распятий, мертвъ в гробѣ захованний;
Нинѣ же нѣци нама**) гласи тыя рѣша,
Что в мирѣ воставша от гроба видѣша.

Милость Божия.

Како Тому не востать, что животъ даруетъ,
Многих от одра смерти чрез слово врачует?
Слѣпи, хроми, немощни з грѣхомъ исцѣленни,—
То чтожъ не мѣлъ востати в гробѣ положенний?
Писмена, от Мойсея о Нем провѣщанна,
Событася, от прочихъ пророкъ обѣщанна;
Ви же, о несмисленни, невѣрства сполненни,
Косни серцем, что есте такъ окамененни?
Не тако подобаше Христу пострадати,
Внити во славу свою, прочиим жизнь дати?

*) Въ рук. „непоннято".
**) Въ рук. „нами".

Азъ же Его увидѣхъ, тое вамъ вѣщаю,
Ваше невѣрство в вѣру добру претворяю.

Лука.

Вѣруем, точию зволъ с нами шествовати,
О Его востаніи сладцѣ звѣствовати.

Милость Божая.

Прочим то градомъ повѣмъ несумѣнно, ||
л. 32. Яко зрѣхъ воставшаго з гроба непремѣнно.
При Немъ мнози мертвии восташа от вѣка,
Приявши первий образъ иста человѣка;
Не такъ ли подобаше Христу пострадати,
Умершу же от гроба в третій день востати?
О том возвѣщу в веси, ко нейже шествую.

Клеопа.

Молю тя, повѣждь вся мнѣ, гдѣ Му послѣдствую,
Донелѣ И обрящем! Тиже не трудися,
Обляжи мало с нами, день бо преклонися.

Милость Божая.

Никакоже, но иду во весь предлежащу.

Лука.

Утружден пріими пищу, сердце веселящу;
Далекъ путь ест: днес тамо прінти не поспѣемъ,
Утру, солнцу воставшу, тамъ ся быть надѣемъ.

*Здѣ всядут**)

Должно Ти тыя хлѣби намъ благословити,
Ти бо сподобилесся воскрешшагѳ зрѣти.

Милость Божая.

Пріимѣте хлѣбъ человѣка сердце укрѣпляющъ:
Дая живот, мѣю хлѣбъ, весь миръ насищающъ.**)

*) Замѣтка на поляхъ.
**) Послѣ этихъ словъ Милость Божая становится, очевидно, невидима.

Лука.

Нѣтъ здѣ, но пойде нама сопутъшествовавий,
Многа писма о Христѣ воставшем вѣщавий.

Клеопа.

Возри на преломленіе хлѣба: се колико
Прежде смерти Христовой бѣ намъ толико! ||

Лука.

Истинно Онъ Месия, от гроба воставій,
О себѣ бо писанна вся нам сказавій,
Наченши от Моисея вѣща вся пророки,—
Что их Месія скончa, слишах тѣ вироки.

Клеопа.

Воистину бѣ серце горащее наше,
Егда слово на пути к намъ глаголаше;
Рече бо, что сія вся треба пострадати
И вніити в славу Христу, з гроба востати,—
Тѣ вещи собишася, яко сами зрѣхомъ,
И Его з гроба воставша, хлѣбъ ядша видѣхом.

Лука.

Некосня возвратимся воспят от сего пути:
Можем Его пред градомъ нѣгдѣ постигнути.
Ему же яко раби к ногамъ припадѣмо,
За невѣжество в пути милости просѣмо.

Явленіе 4-е.

Побѣда Христова торжествует на небеси з Ангелскими лики между четирма животнима, яко свобожденно Естество и связанъ княз мира, страждущій в пламени огненномъ. ||

л. 33. Побѣда Христова.

Мнѣ паче всѣхъ достойно днесь торжествовати,
Со свѣрилми и гуслми гойне ликовати:

Да вострубят мнѣ нинѣ велегласни лики,
Пѣсни вся соложивше мудри человѣки;
Да восклицают мнѣ днес Давида тимпани,
Яко побѣжденъ ест врагъ востающій на ны;
Поїте мнѣ днесь пѣснь красну, Сионскія дщери,
Отверзох бо преславно адска царства двери;
Плещѣте мнѣ, Сионя дщера, возплещѣте,
Пѣснь побѣдную многим часом восклинѣте,
Величайте мя, дніе, времена и лѣта,
Прославляйте мя всего днесь, людіе, свѣта!
Вертогради мя нинѣ да вѣнчают цвѣти,
Земни звѣри и водни да играют кити!
Да благолистовни мя древи*) осѣняют,
Благоплодовитие мя да насищают!
Земля з небом, мнѣ ся днесь совеселѣте,
Звѣзди, луна и солнце днесь и нощ свѣтѣте!
Тварь гласна и бездушна, красно воспѣвайте,
Всемощна Бога силу в вѣкъ прославляйте!
Преславну убо даде на враги побѣду
З злимъ Голиядомъ цару Сионску Давиду. ||
Тѣмъ з землею и небомъ днесь аз торжествую,
Над врагом бо чрез силу Бозку ликовствую:
Побѣдих супостата, на мя ся яраща,
Предах его гееннѣ, огнем и паляща;
Седмоглавному змию прегордія роги
Смирих, крѣпко поправши онаго под ноги.
Тѣмъ Крѣпкому в бранех хвалу возсилаю,
З чотирма животнима Его прославляю.

Животное первое.

Живій во вишних в небесномъ чертозѣ,
Слава ть смиривину змия зла пôд нозѣ!
Миръ з благодатми твари принесеся,
Вражда на бранѣ Тобою падеся,
За що Ти хвала**)— бренними язики
Молимъ, да будет з несчисленни лики.

---

*) Въ рук. „двери“.
**) Въ рук. „хвалу“.

Животное второе.

Аз твар созданна должна Творцу пѣти,
Его десницу возблагодарити:
Крѣпку побѣду давшу Христомъ слава!
Сотреся горда Люципера глава.
Днесь со Естествомъ купно торжествуймо,
Як Спасителю всѣ благодарствуймо. ||

л. 34. Животное третее.

Славлю во вишних живуща Владику:
Даде ти крѣпост на врага толику,—
Побѣжденъ плѣня всю твар человѣка,
Палитъся в огни, страждуще до вѣка;
Естество паки в царскія полати
Внійде, принявши в руку вѣнецъ златий.

Животное четвертое.

Буди чест, хвала воскресшому Богу,
Что паде гордій Люципер под ногу,
Людска Натура ему же ест взята,
Котора в перву благодать принята,
З адской темници в небесномъ чертозѣ
Ликуетъ свѣтло, чтя Бога на мнозѣ.

Явленіе 5-е.

Милость Божая уврачуетъ немощнаго, повелѣваетъ ему взяти одръ, которому соборище еврейское по благодарствіи многи пакости творятъ, изганяют его вон.

Милость Божая.

Сшидохъ*) на землю ради страстей человѣка:
Ему да дастся през мя помощь превелика. ||
Не вѣдал би, что милость, что суть благодати,
От кого би во нуждахъ помощи прохати,—
Но щедръ, милосердъ, кротокъ и долготерпящій**)
Посла мя, да узритъ свѣтъ человѣкъ во тмѣ спящій.

*) Въ рук. „сшидохомъ".
**) Въ рук. „благотерпящій".

Нѣмихъ да будутъ устнѣ право глаголати,
Хромихъ да будутъ нозѣ право шествовати,
И всякъ призивай мя во своей потребѣ
Приметъ тую благодать, юже имамъ в себѣ.
Азъ бо Милости ради болна человѣка
Немощь пріяхъ,*) да будет в здравіи до вѣка;
Жити ему даруя, пріяхъ*) смерть за него,
Законъ оному вручихъ до царства моего.
Отселѣ не оставлю в мирѣ болѣзненна,
Немощію на одрѣ суща уязвленна.
Иду без коснѣнія во вся концы, страны,
Уврачуя всякъ недугъ, болѣзни и раны.

Немощній.

Помилуй мя, Милости Бога превелика,
Лежащаго на одрѣ чрез лѣта толика!

Милость Божая.

Почто на одрѣ лежа милости просиши?

Болній.

Здравъ да буду, что мнѣ сія сотвориши. ||

л. 35. Милость Божая.

Можеши ли вѣровать, сотвору то дѣло?

Болній.

Вѣрую,—помилуй мя, страждет бо все тѣло.

Милость Божая.

Се здравъ будь, возми одръ твой, гряди вслѣдъ за мною.

Болній.

Шествую днес по тебѣ здравою стопою!
Откуду Ти похвалу принесу, мой Боже?

*) Въ рук. „пріяхомъ".

Всяка созданная вещь хвалит Тя не може.
Аще бимъ Ангелскими глаголал языки,
Сия Тебѣ похвала даръ не превелики;
Аще ли кто от древних пророковъ востал бы,
Дѣйствія щедротъ Твоих не изглаголал би.
Ти обща всѣмъ Милости есь неизреченна,
Во Тебѣ бездна щедрот во вѣкъ сокровенна,
Чрез Тебе дихание перва твар приняла,
Юже десница Твоя з нѣчого создала;
Ти завѣтъ преступивша праотца изгнавій
По сем принялис его до первія слави,
Умерша человѣка бис моглъ оживити,
Самъ, мой Животе благій, зволилес умрѣти;
Недуги наших страстей на ся воспринялес,
Ти немощну человѣку крѣпку цѣлбу далес.
И азъ бѣхъ во болѣзни лѣтъ много лежащій,
Не имѣхъ человѣка, на одрѣ стенящій, ||
В купель да воверзет мя, гди цѣлби би время,
Бимъ низверглъ всѣхъ страданій тяжчайшее бремя,—
Ти же, милости ради человѣкомъ бывій,
Не чрезъ ходатай ангелъ недугъ мой сцѣливій,
Но Ти самъ, Господь Богъ мой, в милости богатій,
Велѣлесь болѣзненну мнѣ з одра востати.
Сего ради гряду в путь, гряду некосненно,
Нося одръ, славлю всюду Тебе непремѣнно:
Ти мое чаяніе, Ти жизни податель,
Всѣхъ даровъ естесь моихъ щедрій Благодатель!
Пою Ти, дондеже есмъ, в вѣкъ Тя славит буду,
Дѣйствія Твоего силу в мирѣ повѣмъ всюду;
Тридесятъ и осмъ лѣтъ бѣхъ на одрѣ лежащій,
Ни от кого помощи мало содержащій,
В единомъ Ти же часѣ, Врачу благосердній,
Явилесь на мнѣ нинѣ даръ премилосердній;
Слово Твое истинно, крѣпост всемогуща,
Ибо нимъ воздвиглесь мя ели жива суща;
Се здравъ есмъ, но велѣлес южъ несогрѣшати:
Горша первихъ послѣдня той мѣетъ страдати.
Вѣрую тимъ словесемъ, исполню обѣти,—
Болѣ мя врагъ не прелстит хитрими совѣти;
Славлю Тя, Славо моя, воставша от гроба!

Твоей ради милости горит мнѣ утроба! ||
л. 36. Славил бим Тя паче всѣх, по недоумѣю
. . . .*)
Претворися, листвіе дубравно,**) в язики,
Да возгласишъ даръ Бога, мнѣ данъ, превеликій!
Ви, в нощи свѣтящіи красніе свѣтила,
Сотворѣтеся удобнимъ перезъ до чернила,
Море буди черниломъ, Ти, пѣску, руками,—
Не опишешъ чудъ Бога, ставшихъся дѣлами.
Но аще би реченна вещей вся ся стали,
Щедротъ бы Твоихъ, Боже, нѣчтоже списали.
На всякъ час хвалю Тебе, хвалю яко Бога:
Явися на мнѣ милост от Тебе премнога.
Отднес Тя ажъ до смерти буду прославляти,
Жизни да сподобиши мя, одесную Тя стати.

Жидъ 1.

Кто ти—лихий годъ!—велѣ одрище носити?
Для чого ти не хочешъ соботи хранити?

Немощній.

Иже мнѣ здравіе зволилъ болящему дати,
Той в шабасъ мнѣ повелѣ одръ з собою взяти

Жидъ 2.

Давно онъ беззаконникъ суботи не хранитъ,—
Да будет лучше от нас неглидавно (sic) битъ.

Жидъ 3.

Слухай дуракъ: онъ—грѣшникъ, цѣлити не може,
От его руки здоровъ былъ еще никтоже;
Отца и матер его всѣ добре знаемъ,
В школѣ и тектоновимъ сыномъ парѣцаемъ.

Немощній.

Аще грѣшникъ, но Богъ злихъ отнюдъ не слухает,
Токмо кто дар от Него благодати маетъ. ||

---

*) Пропускъ въ рукописи: чистое мѣсто для одного стиха.
**) Въ рук. „дубравко“.

Жидъ 4.

Даждь чест Богу во вѣки, онъ тя неисцѣливъ:
Жадного онъ лѣкарства не знаетъ и не вмѣвъ.

Жидъ 5.

Изволмо ему плястри на плоть положити:
Лучше з нашей руки, нижъ з его будет жити.

Немощній.

Врачевствъ не требую: здравъ, крѣпка во мнѣ сила;
Чест даю Тому, Ижъ мя сотворивий цѣла;
Его во всѣхъ языцехъ прославляти буду,
Благодат, крѣпост, силу в мирѣ повѣмъ всюду.

Жидъ 6.

Убиймо окаянна,—будет народи смущати,
Же ему далъ здравіе, пред всѣми казати:
Обачимъ, что по немъ пойдутъ вся народа сили,—
Посемъ би ся кагали наши всѣ не разорили!

Явленіе 6-е.

Зритель Божественныхъ тайнъ видитъ на престолѣ Агнца по закланіи, грѣхъ ради человѣческихъ, чест от силъ небесныхъ приемлюща, пред нимъже двадесят четири старци, падше на лица своя, „святъ, святъ, святъ“ восклицаютъ. Послѣжде Милост Божая ликуетъ на небеси, ейже хори ангелскіи благодарствуютъ, яко спасе Естество от работи вражія и первой причте благодати, славѣ.

Зрител.

Мислящу мнѣ о вещехъ, на небѣ созданнихъ,
Чуждуся, что зрю много еще не познаннихъ; ||
л. 37. Егда же сокровеннихъ силу смотрѣхъ долѣ,
Явися мнѣ спящій Агнецъ на престолѣ,
Побѣди знаменіе при себѣ имущій,
Яко новоизбранний с користю грядущій;
Ему же ангелскія сили воспѣваху,
Такожде старци чест му Бозку приношаху,

Достоинъ, глаголюще, грѣхъ ради закланиій....
    Богатство, хвала такъ приличпа ест дѣлу;*)
Поем вси живущіи усти едиными,
    Святъ, святъ, святъ, восклицают гласи пресвятими.
Азъ же ся чуждихъ многѣ о славѣ толицѣй,
    Юже зрѣхъ в горномъ, в земном и в живущом лицѣ.
Тую честь, хвалу, славу явѣ извѣствую,
    Ангелъ глас услишаниій всѣмъ благовѣствую.
Побѣди волка хищна**) Агнецъ незлобивиій,
    Умертвившу праотца смерть крестом убивій:
Не будет смертним жалом человѣкъ угризати,
    Связанна бо имѣетъ в геоннѣ ридати.
Тѣмъ ю Агнецъ плѣнивій в небеси ликует,
    З двадесят четирма старци славно торжествует.
Бѣ бо прямо стригущим, аки нѣмъ, безгласен,
    Реклъ закалающим глас ни еден ужасен;
То терпеливно понес ради человѣка,
    Даби му жизнь даровалъ Пребившиій до вѣка. ||
Мертв бѣ во мѣненіи (sic) заповѣдь поправши,
    Стражда казнь лѣта многа, по вся дни ридавши,—
Доселѣ не престал би в пламенѣ жаждати,
    Аще би не рачил крви пити ему дати.
Естество страсть Принявшиій свободи з темници,
    Сотре врата адская, раздрѣши плѣницѣ,
Неблагодаренну посем возведе к Сіону,
    Посади украшенну близ Своего трону,
Гдѣ ликуяй со Агнцем, свѣтло веселяся,
    Пред лицем Его смерти нѣ ада бояся,
Но зъ Агнцем побѣдившим сѣдит на престолѣ,
    Безстудному воздавши мечь Врачу оттолѣ,
Котраго в мири сице аки рожу красно
    Избодаху остріем, давши казнь напрасно;
Лечъ Агнецъ зло восприят в чести уязвленніій,
    Человѣкъ Богу-Отцу би билъ возлюбленніій;
Его же Отецъ благій одѣявши***) в шату
    Нетлѣнія, на вію далъ ему гривну злату;
Там живот присносущній всюду истекаетъ,
    Радость вѣчная з сердца всегда проникает.

*) Повидимому, здѣсь сдѣланъ пропускъ.
**) Въ рук. „хищний“.
***) Въ рук. „одѣяшц“.

Градъ не требуетъ луни ниже когда солнца,
Которое всего мира обтѣкает конца:
Агнецъ Божій свѣтильникъ тму там прогоняет,
Свѣтъ Божества Своего для всѣхъ изливает;
От Его же престола жизни бѣгутъ рѣки,
Веселят град Божій, в нем и вся человѣки. ||
л. 38. З побѣди тѣмъ тѣшится прегорня сили,
Яко вкои силу в нем огненнія стрѣли,
Врага ихъ сотре, уби, поверже под нозѣ
Святъ Агнецъ: пойте, старци, в небесномъ чертозѣ!

Ликъ ангелскій.

Ради грѣхъ заклан, Агнче незлобивій,
Честь, хвалу прійми, крестом смерть убівій!
Побѣдителная Тебѣ воспѣваемъ:
Святъ, святъ, святъ! По сем Тя прославляем!
Помощ Вишняго во Твоей десници
Даде Ти крѣпость спасти твар з темници;
Ликуй пресвѣтло в небесном чертозѣ:
Паде силній князь днес под Твоя нозѣ;
Вѣнцемъ побѣди Отецъ Тя вѣнчает,
Силу, честь, хвалу Богу вручает.

Побѣдителная)*

Море, стихія, воздухъ со звѣздами
Твоего торжества свѣтлѣет зарами!

*Побѣдителная**)*

Луна златіе в полни стелит роги,—
Слава, торжество!—яко рабъ, под ноги!
*Побѣдителная Тебѣ***)*

Явленіе 7-е.

Милость Божая со ангелскіми хори ликуетъ.

Кому днес торжественнѣ ликоват ест требѣ,
Яко Милости, которая торжествует в небѣ?

*) Замѣтка на поляхъ.
**) На поляхъ.
***) Тоже.

Не тако Давидови, пришедшу от брани,
    Приличествуют дщерей сіонских органи, ||
Не тако Сауловѣ, сотворшему рати,
    На златотканих должно бисть играти,—
Не тако, да падется Ерихон во стѣни,*)
    Нуждни суть Ізраилю труднія**) премѣни,
Яко мнѣ паче всѣхъ тѣх поют в неисчетни вѣки,
    Должно да мнѣ всѣ торжествуютъ***) лики.
Пойте мнѣ з прешедшими⁰) будущія⁰⁰) лѣта,
    Пойте без всякаго мнѣ времена отвѣта,
Пойте лѣта всякіе части предо мною,
    С есенью зима, лѣто со весною!
Пойте бившіе в оних роди и будущи,
    Любви Божей преславно торжества дающи!
Паче же воспѣвайте, всѣ ангелъ собори,
    Имже со мною купно в небѣ данни двори:
Ви мнѣ торжествованія гласи восклицайте,
    Торжественну над враги мене прославляйте:
Богъ мнѣ даде тми князя ногами попрати,
    На змію, на скорпію дерзко наступати!

Хор ангелскій.

Ликуй, Милости, в безконечни вѣки:
Тя прославляем, ангелскія лики,
Яко в десници крѣпкая сила
                Врага убила.

Милость Божая.

Крѣпкая з всемогущою в руку моей сила
    Чрезъ моя врагъ преславно руки побѣдила;
Десница Господня в крѣпости возможе,
    Тая положи врага на смертное ложе. ||

л. 39. Хор ангелскій.

Слава десници Вишняго и силѣ,
Изрившой врогом смертнія могили,

*) Вѣроятно „ерихоновы стѣни".
**) Вѣроятно „тр: бнія".
***) Въ рук. „должествуютъ".
⁰) Въ рук. „пришедшими".
⁰⁰) Въ рук. „в будущія".

Котріе прежде на твар людску били
Бран восносили!

Милость Божая.

Давши з злости на твар врагъ огнем люта гнѣва,
Даби била нещадно соженная жива,
Но Богъ распаленія гнѣву его пламн
Неиспитанними си угаси судбами;
Моей сожженни суть топири(?)
Горяще огнем в геен҃нѣ без мѣри;
Бозтво Его влечетъ мя в небесни полати,
Иже Капитоліумъ могутъ ся назвати.

Хор ангелскій.

Убо преславно и преторжественно
В Капитолиумъ входи немедленно,
Иже есть небесъ прекрасни полати,—
Торжествовати!

Ангели Милости Божей поютъ на небеси.

Ангелъ 1.

Пречъ, дерзости вражія, стужающа нама!
Попра тя Милость Божа силними ногама!
Не будетъ ся отселѣ князь мира гордѣти:
Связан во адской мусит геен҃нѣ горѣти.

Ангелъ 2.

Велми стужающая супостата сила
Сотреся, Побѣда и Божія плѣнила.
Тѣмъ славим Милости Бога превелика:
Спасла есь от узъ адских грѣшна человѣка. ||

Ангелъ 3.

Хвала неизреченна живущему горѣ!
Изчезне, яко малий дим, супостат воскорѣ
От лица вѣрнихъ человѣкъ, иже на них били
Ради ярости злія мечѣ наострили.

Ангелъ 4.

Благословенно всюду имя Бога буди:
Избави всего мира от пагуби луди,
Иже со ангелами прославляют на вѣки
Живущему на небеси побѣду Владики.

Ангелъ 5.

Буди честь, хвала от нас всесилному Богу:
Низведе з безни вѣчной плѣненну твар многу,
Юже низведши з ада посади при Себѣ,
Давши згибшую перву ей одежду в небѣ.

Ангелъ 6.

Буди прославлен во вѣкъ, молим ангелъ сили!
Крипости врага мерзка явѣ ся плѣнили:
Человѣкъ сущій во безнѣ, з трудом свобожденній,
На вѣчную до царства радость воведеній!

Ангелъ 7.

Милости Бога Вишна любви превелика,
Пріими честь, хвалу от нас, спашша человѣка,
Которий равно в горнем ликует*) Сіонѣ,
Сѣдя честен, во славѣ, при владичном тронѣ!

Епиліогъ.

Благодарствует благоразумному слишателю за прилѣжное слишаніе, при сем прощенія просит за вся въ дѣйствіи прегрѣшенія. ||

л. 40. Всяка вещь созданная свой конец имѣет,
Когда ей остатная година приспѣетъ:
Кровавій Марсъ аще всегда жаждет крови лити,
Иногда во мирномъ зволит покою пожити;
Корабль, вѣтром носимій по морской пучинѣ,
Приплививши мирно стоит при брежной тишинѣ;
Вода аще з естества ест непостоянна,
Иногда земним брегом стоит удержанна.

*) Въ рук. „ликуют".

Сице дѣйствіе наше, вкратцѣ изявленно,
По силѣ нашей от нас есть южъ совершенно,
Гдѣ первіе страждуща изявихом Бога,
По сем воставша от гроба, яко от чертога,
Изведшаго Естество з ада со отцами,
Его же в небѣ вѣнча вѣчних благъ вѣнцами,
Князя тми крѣпко связа побѣду вѣнчаяй,
Смерти сокрушивши жало жизнь в мирѣ являяй.
Сія же внимателнѣ изволилъ слишати,
За се ти подщахомся благодарствовати;
Но вѣ что не всякому мнятся неугодна (sic)),
Почто тя, слишателю, молим, благородна:
Прегрѣшеніем нашим соизвол простити,
Дѣло просто премудримъ разумом покрити,
Ибо и солнце аще з естества свѣтлѣетъ,
Видим часто, от нощнихъ что мраковъ темнѣетъ,—
Колми паче человѣчій умъ несовершенній
Живет невидѣнія тмою помраченній; ||
Сего ради, аще что прегрѣшихом мало,
То да вѣси, по силѣ человѣчей ся стало;
Почто же вторицею просим тя усердно:
Преступленія наша прощай милосердно.

IV.

Пасхальная драма*).

л. 1. **Пролог.**

Торжеству главизна, Ангел милост собиется, N.**)! Индѣ пророчествіем, индѣ знаменіем, индѣ примѣром, всемирнаго нинѣшнаго радованія мимошедших вѣковъ предизвѣствовашеся событіе, нинѣ же от глубини премудрости Божія и от сокровенныхъ въ предвозвѣщеніи ея таинъ з пророчествія в состояніе, от знаменія въ событіе, от примѣровъ въ совершенную произійде истинну: тогда бяше благовѣстіе спасенія нашего, нинѣ же событіе, тогда начинаніе, нинѣ совершенство, наконецъ еже прежде за преступленіе казнію бяше, сим нинѣ спасеніе сбыся по всей земли, и смертное сотворися животомъ вѣчним; что мы въ распеншагося насъ ради и воскресшаго и спасеніе содѣявшаго посредѣ земли славу и чест дѣйствіемъ умислихом вкратцѣ явити, точію всеблагопріятнѣйшаго къ оному нашему дѣйствіювашего слуха и доброхотства тре(буемъ)***).

Явленіе 1-е.

Мудрость мира сего.

Кто мя не блажит, кто не будет чтити?
Может ли мир сей такова явити?
Царіе, князи, нищій и богатій,
Мною имѣют вѣкъ себѣ всезлатій.

---

*) Изъ сборника № 163, представляющаго рядъ тетрадокъ печатныхъ и рукописныхъ XVIII вѣка, переплетенныхъ вмѣстѣ. Текстъ предлагаемой драмы—черновой автографъ неизвѣстнаго автора—составляетъ 19-ю тетрадку, писанную небрежною южно-русскою скорописью начала XVIII вѣка. Заглавія пьесы въ рукописи нѣтъ.

**) Обращеніе къ слушателямъ или зрителямъ.

***) Край листа съ концами нѣкоторыхъ строкъ обгнилъ.

Азъ царица миру, всѣмы бо владѣю,
Богатство и славу в десници имѣю;
Митрами многих упещраю глави,
И всѣх достойних вѣнцем крашу слави;
Нищих в богатство, богатих от сили
В силу провожду. Рците мы, предѣли
Мира сего, что не тако дѣйствую:
Всякъ то истину рече*) быт непщую.

Буйство.

Всуе гордишся,—какъ тя нарицати?

Мудрость.

Мудрость всего мира, извол мя познати.
Ти же кій посмѣхъ? отвѣщай ми вскорѣ!

Буйство.

Азъ Буйство; Богом, царствующим горѣ, ||
Избрахся в проповѣд новой благодати
И Мудрост мира сего вничтожати.

Мудрость.

Рците мы, молю, кто бо посрамленну
Слиша Мудрост Буйствомъ и уничтоженну?
Иди от лица, отступити отсюду!
Азъ себѣ в глаголъ равна искат буду.

Ревность Божая.

Долго ли ти себе будеш возносити?
Азъ от Бога посланна тебе вничтожити.
Богъ бо буяя мира избра нинѣ,
Да вничтожат Мудрост з Его благостинѣ.
Ти убо, Буйство, приійми власт над нею:
Богъ ти повелѣ владѣти землею;
Ти же отиди от нас посрамленна,
Нами бо будет земля просвѣщенна.
Градѣм на проповѣдь во вся концы мира,
Да благодати новой прояснится вѣра.

---

*) Вѣроятно, „речет“.

Явленіе 2-е.

Еллинство.

Рците ми, молю, многи бо сут ниньѣ
Вѣри на земли, но коей единѣй
Нам придержатис, молю глаголѣте
И научѣте!
Ти еси Ветхост, ти Новост завѣта:
Ти ннѣ чтишся, сей искони свѣта:
Тебе ли ннѣ уже почитати,
Ветхост ли взяти?

Ветхость.

Многих слишасте спасаемих мною,
Ветха завѣта вѣрою благою,—
О тебѣ не вѣмъ, ест ли гдѣ таковій
Спасенъ чрез новій
Законъ. То бы аз лучше тебѣ тако
Совѣтовалъ, да держишся ти всяко
Старозаконства Моисеева зѣло,—
Благо бо дѣло.
Не вси ли спаслис ветхіи пророци,
Мойсей, Ілія и инни отроци?
Не дойшли ли тѣ небесна чертога
Въ лѣта премнога?
Убо совѣтъ мой буди ти во благо:
Знай Саваоѳа Бога Единаго,
Пади на землю, Ему помолися,
И прослезися.

Благодат Новая.

Стой, человѣче! Что се ти твориши?
Или рожденна Христа не помниши, ||
л. 2. Что онъ во мирѣ, или каковое
Содѣла чудо? Се ли не новое:
Слѣпих просвѣти, хромим же скакати,
Нѣмим глаголат, глухим же слишати

Словом повелѣ, напослѣдокъ убо
Мертвих воскреси; тисящми сугубо
Более всѣхъ добръ; человѣкъ спасенній
Имъ сотворися от вѣчной геенни.
В старом завѣтѣ гдѣ чуда такова?
Повѣждь правду: вся не сут ли се нова?
Аще же ви мнѣ, Новой Благодати,
Не хощете в сем самой вѣри яти,
Азъ зъзову Вѣру, да пріидет к нам сѣмо,
И что та речет, вѣру ей имѣмо.

+ *)

Се она грядет. Точію молчѣмо,
Наставит на правъ пут нас испросѣмо.

Вѣра.

Добръ твой совѣтъ ест и блага розмова:
Ветха щезоша, вся же сут днес нова.
И ви убо, старци з всѣмы юношами,
Имѣеть ей вѣру, да будете с намы
Учасници бит новой благодати,
Юже нам даде Христосъ Богъ распяти.
Днес сомнѣніе всяко отложите,
Христу Господу поклонъ воздадѣте,
Аще хощете яко орелъ бы(ти)**)
Обновленній, юнъ, и со Христом жити.

Еллинство.

Добрѣ, Госпоже, твору некоспенно:
Сокруш Ідоли при тебѣ явстве(нно),***)
Еже велиши, приклонше ти гла(ву),***)
Готовъ умрѣти за Распята сла(ву).***)

*) Между строчками въ рук. поставленъ крестикъ, что должно было, повидимому, означать появленіе на сценѣ Вѣры.
**) Конецъ строки отгнилъ; дополняю на основаніи риѳмы.
***) Тоже.
***) Тоже.
***) Тоже.

Ветхость.

Аще покаюс, может ли пріяти
Мене Христосъ Богъ къ новой благодати?

Вѣра.

Токмо вѣруй, будеши спасенній!

Ветхость и Еллинство.

Раби, Владико, твои утвержденни.

Вѣра.

Благодарѣте Христа, Царя слави,
За милост Его, преклонивше гл(ави),*)
Яко зъ невѣрства сотвори вас в....
Въ благих.....**) ||

Явленіе 3-е.

Вѣра.

Инніи щитятся богатством безмѣрним,
Инніи храбрством славни изобилним,
Инніи цвѣтут во мудрости зѣло,
Протчіи в чести превозносят дѣло;
Мнѣ же не буди вящшаго что чтити,
Ниже во иннѣм чем себе щитити,
Точію въ крестѣ оном уповаю,
И в нем надежду мою полагаю.
Сей ест моя чест, сей и моя слава,
Щит, оружіе; сим крушится глава
Ангеловъ темних; сим величается
Родъ человѣческъ и прославляется;
Смертній в живот оним превосходит,
Грѣшним спасеніе крест во правду родит.

---

*) Тоже.
**) Уголъ листа отгнилъ.

Душа грешная.

Cantus.

Увп мнѣ, о Боже, кто ми днес поможе,
Грешной, окаянной?
Оставих Тя, Бога,—за злая премнога
Ах! мнѣ, отчаянной!
(Зе)*)млю осквернпх, людій раздражих,
(Н)**)ебо погубих, во всем изгрубих,
Ахъ, обезумихся!

Hoc loquitur anima peccaminosa:

Кто ти днес, грешной, подаст совѣт здравій?
Кто подаст руку помощи мнѣ, явѣ
Погибающей? Друговъ бы просила
Или сосѣдъ, но и сих раздражила:
Родивших прошу, но тѣ прогнѣвании,
Наложих бо им сердечніе рани!
Злоби аз полна, се всѣх удалихся:
Во правду горша или скотом приложихся (sic).
Гдѣ та лѣпота, гдѣ премудрост явна?
Гдѣ подобія истост Христу равна?
Гдѣ Его образ з всѣми добротамы?
Попрах премерзска и злобна ногамы!

Cantus.

Уже отчаянна, Злобою попранна,
Не имам надежди!
Обнажихся грѣшна, не буду утѣшна,
З райской одежди!
Пойду въ пропаст прямо, аще не вѣм камо,
Да тамо изчезну, и тую полезну
Буду смерть имѣти!

Loquitur:

Уне ест въ правду раз бѣдной умрѣти,
Неже тисящми на всякъ день болѣти. ||

*) Уголъ листа отгнилъ.
**) Тоже.

л. 3. Вѣра.

Не отчаевайся спасенія, грѣшна,
Своего, Душе, но буди утѣшна:
Уже бо Христосъ, пострадавій за ни
И на сем крестѣ распростерій длани,
Давъ радост вѣчну, даде и вход рая,
Гдѣ ликуй, живот вѣчній провождая.

Душа.

Благая се вѣсть, ею же зродила
Вновь ти мя, Вѣро! Чим бы удовлила
Азъ тебѣ за вѣст, Богу за избаву?
Вѣчнѣ воздаю чест, хвалу и славу.

Вѣра.

Убо торжествуй, Душе, въ вѣчни вѣки
В небесном чертозѣ з всѣми человѣки!

Явленіе 4-е.

Разбойникъ.

Мира вся концы, прилѣжно внушите!
Вся страни земля, торжество начнѣте!
Се бо вси нинѣ начатки сполненни
Радостей прежних и въ едно сочтенни:
Тогда вси токмо вмалѣ ликоваху,
Нинѣ совершенство оноя пріяху;
Тогда точію о Христѣ слишали,
Нинѣ же Его благодат пріяли;
Тогда чудишася о чудеси Бога,
Днес чудящимся радост ест премнога;
Тогда ридаху о умершем Бозѣ,
Нинѣ Его ради радуются мнози;
Тогда свят з грѣшним идяху ко аду,
Нинѣ же идут въ райскую ограду.
Егда страдавій на крестном сем древѣ
Даде со всѣмы Адаму и Евѣ

Свободу с ада, жруща людій всяко,
Егда умерій Христосъ Господь тако
Съ торжеством воста, яко токмо гласу
Слишану бившу абіе съ ужасу
Враг въ преисподних геенни вселися,
Душа же з ада во рай преселися,—
Доселѣ бяху врата затворении
Рая, доселѣ стражем утвержденни;
Грозній Херувим доселѣ стрежаше,
Пламенним мечем доселѣ страшаше;
Нинѣ же всяк страх и трепетъ отяся,
И свободній входъ райскій даровася:
Всякъ невозбранно гради днес до раю,
Токмо покайся грѣховъ,—впредь желаю. ||

Покаяніе.

О, Царю вѣковъ неисповѣдимій,
Іусе Христе, от всѣх сій славимій,
Умерій за грѣхъ, болѣзновавъ за ни,
За грѣхи мира простер своя длани,
Воскресшій нинѣ тридневенъ от гроба,
По тмѣ днес свѣта явлшися оздоба!
Покаяніе всуе даешь миру:
Убѣгают мя, и никто же вѣру
Мнѣ днесь не емлет. Что бо мнѣ творити,
Боже милости, изволи явити.

Разбойникъ.

Не бойс: без тебе въ мирѣ ни единій
Не насладится райской благостини!
Се тебѣ и ключъ вручаю от рая,—
Пущай всякаго в оній разсуждая:
Кто тя возлюбит ума простотою,
Вѣчно во царствѣ будет со тобою.

Покаяніе.

О Боже мира, христіян утѣха!
Даждь мы во людех жит не без успѣха,

Даждь мною рая вратом отверзтися,
И всѣмъ христіяном во оном спастися,
И дабы уже отселѣ мя чтили,
И мною во рай безвредно вступили.

Явленіе 5-е.

Благовестіе.

Слези от очесъ вси нинѣ отрѣте,
И плач на радост весма преложите:
Ветхости болѣзнь души и тѣлесну
Отложше, пріймѣте новую небесну
Вѣсть благодати, з небес низпосланну,
Господем Христом мене вама данну.
Повелѣ ми Богъ благовѣствовати
Всѣм вамъ торжество новой благодати;
Даде ми силу Богъ, да исцѣляю
Въ немощи сущих и да збогащаю
Нищих, убогих богатством от неба.
Грядет и пріймѣт, чого кому треба.*)

л. 5. Хромій ползяй.

Потщис, Госпоже, ялмужну мнѣ дати!

---

*) Послѣ этого зачеркнуто:

Хромій ползущій.

Вскори, Госпоже, ялмужну мнѣ дати,—
Аз за тя Бога буду въ вѣкъ благати.

Хромій *на деревянцѣ слѣпого веде и оба глаголютъ.*

И нам что подаждь з своей милостинѣ.

Благовѣстіе.

Аще хощете здрави бит отнинѣ,
То сего у мене первіе просѣте;
Ползяй и хромляй, воскорѣ скачѣте,— ||
л. 4. Воскорѣ, реку именем Распята
Христа Господа и Творца всесвята!
Ти же, от роду слѣпоту имущій,
Вѣруй, что крестом зостаешь видущій.

Благовѣстіе.

Аз тя сотвору здрава исхождати.

Он же хромій.

Добрѣ, госпоже, аще будет тако.

Благовѣстіе.

Токмо ти вѣруй, спасенъ будеш всяко.

Хромій.

Вѣрую, токмо вели мнѣ востати.

Благовѣстіе.

Востани, здравъ в вѣкъ, Бога прославляти!

Прокаженній.

Вижду, что тебе Богъ даде нам врача,
Время бы било мнѣ престат от плача;
Денно-нощно бо в слезах утопаю—
Ратуй: погибаю.

Нагота.

Вспомоществуй мя убога, Госпоже!

Благовѣстіе.

Сей тебѣ дар от Бога, небоже!
Убо вси дадѣт славу Христу Богу
За толикую милост Его многу,
Возгласѣт Его вси милосердна бити,
И вся дни жизни не престанте чтити.

Всѣ глаголют.

Слава Ти, Боже, Царю превеликій!
Буди Милосердъ над намы во вѣки!

Зачеркнутая часть діалога переработана въ концѣ, на листахъ 5—6-мъ, откуда и вношу въ текстъ на свое мѣсто.

Благовѣстіе.

Вѣмъ твою вѣру ко Христу и Богу,
Сего ради здравъ буди попремногу,— ||
Отселѣ токмо престани грѣшити;
Азъ посланна васъ всѣхъ предочистити,—
Очищаю тя во імя Отца, Сина
И Духа, Бога во Тройци Едина.

Нагота.

Вспомоществуй мя убога, Госпоже!

Благовестіе.

Се тебѣ дар от Бога, небоже!

Нагота.

Богъ тя мнѣ посла нага приодѣти,
Студ бо мы бяше во людех ходити;
Нинѣ же тѣшус наготу покривій,
Благодаря Бога, что такъ милостивій!

Благовестіе.

Убо вси дадѣть славу Христу Богу
За толикую милост Его многу, ||
л. 6. Возгласѣт Его вси милосердна бdevти,
И в вся дни жизни не престанте чтити!

Вси разом.

Слава Ти, Боже, Царю Превеликій!
Буди милосердъ над нами во вѣки!

Благовестіе.

Градѣте со миром, Творца прославляя,
И в милость Его здравствуйте вповая.*)

*) Послѣ этого въ рукописи стоитъ ремарка: „Епилогъ"; текстъ эпилога однако не написанъ,

л. 4.

Явленіе 6-е.

Милосердіе.

Горе вам лютѣ, горе нестерпимо,
Сущим въ невѣрствѣ, всегда несходимо!
Увы!—будете вѣчнѣ восклицати
И погибати.
Иже распята Христа небрегоша,
Вѣчнѣ в геєннѣ, ах, вѣчнѣ шезоша!
Или не знасте, кто ваш сотворитель
И искупитель?
Забисте Правду, Истинну вмертвисте,
Сим же самим всѣхъ вѣрних оживисте,
Христосъ бо Богъ всѣхъ, имущій мертвенно
Тѣло тридневно,
Воста бо нинѣ з гроба торжественній
Мир, Христосъ Господь, вѣрним всѣмъ явствен(ній)*),
Воставши плачъ всякъ премѣни на ра(дост)**)
И вѣчну сладост.
В невѣрствіи же злѣ окаменении
Гинут во вѣки, надежди лишенни,
Вѣрніи же вси тѣшатся во вѣки
Со Ангелъ лики.
Торжествуй, земле! Ликуйте, вси гори!
Холми и поля, взиграйте воскорѣ!
Дубрави, гласно, и лѣси, шумѣте,
Чест воздадѣте!
Моря и рѣки, всякіе бистрини,
И во островах живущіе крини,
Источники вси, потоки, всеспѣшно
Гласѣте утѣшно!
Словом рекущи со землею води,
Небо со свѣтом, и всяких птиц роди,
Солнце с луною и с звѣздами красно,
Сіяйте ясно! ||
Се бо вашъ Творец страда болѣзненно,
Егда имѣсте и ви ураненно,

*) Конецъ строки отгнилъ; дополняю на основаніи риѳмы.
**) Тоже самое.

Ахъ, лютѣ сердце в час оного смерти,
Ею же Онъ стерти
Врага потщася, вас же ликовати
Сотвори нинѣ з своей благодати,—
Убо вси ви днесь вседушно славѣте
Христа и чтѣте!
Ти же, человѣче, кровію скупленній,
Не радостен ли в час сей торжественній?
Убо з бездушной и безгласной твари
Многи Богу дари,—
Что начнеш дѣлат? еще умолкнеши
И слова в хвалу не изглаголеши?
Но ти паче всѣхъ от сердца глубини
Воскликни нинѣ!
Аще бездушна твар днес воспѣвает,
Почто разумна твар умолкивает?
Колико сили возможеш имѣти,
Потщис гласити!
Ти ли умолкнеш? Но будет ти срамно:
Нѣмота речет, глаголъ молчит явно;
Дебри, глубини воспѣвают гласно—
То ли не ужасно?
Убо, человѣче, во вѣкъ слави Бога,
А от Его тебѣ дастся радост многа;
Тебе бо ради пострада от вѣка,
Да тя, человѣка,
Возведет в чертог небеснія слави,—
Что сбистся нинѣ во мирѣ сем явѣ:
Сочета с ангелъ непрестанни лики
Во вѣчніе вѣки.
Воспойте нинѣ всесладко днес, хори,
Вводя человѣки въ небеснія двори,—
Пойте, глаголю, всему миру втѣшни
Всесладкіе пѣсни!

л. 1.

V.

Царство Натури людской,

прелестію, ею же смерть царствова над непогрѣшившими, разоренное, благодатію же Христа Царя слави, терновим вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное и вѣнчанное, смутним же дѣйством в киевских Аѳинах, под властию пресвѣтлаго тривѣнчаннаго сущих, от благородних росийских младенцовъ извѣщенное. Року вонже Христос Царь славы разоривий адово царство 1698*)

Пролiогъ.

*Извѣствуетъ, како Натура людская, во Едемѣ царствующая, царство свое погуби, како бист радостна царствующой смерти и како на первое царства райскаго возвратися**) достояние.*

Богъ, прежде вѣкъ царствующи во вѣки вѣка,
На образ свой сотвори в часѣ человѣка,
Составивъ***) и царствие пресвѣтлаго рая,
Да человѣкъ в нем царствует весело играя;
Повелѣ царством райским ему обладати,
А на яблко едемско рукъ не простирати.
Натура человѣча, змииним совѣтомъ
И ласкателним милости прелщена привѣтом,
И симъ: „будете бози" прелщена обѣтом, ||
Простре руку на древо и коснеся древу,****)
И тако царску в раи погуби породу.
Ах, царица райская по роскошной волѣ—
Увы! Увы!—данна есть прегоркой неволѣ,
За злобоносящую зла преступлства руку

*) Рукопись № 144, южнорусскаго письма начала XVIII столѣтія.
**) Въ рук. „возрастися".
***) Въ рук. „состававъ".
****) Вѣроятно, должно стоять „плоду".

Предадеся в тяжкую уз темничних муку,
Идеже трисѣянна зрѣти не возможе
Свѣта лица Твоего, Цару вѣковъ, Боже.
Но еще смертелными связанна окови
И в глубокие ада воверженна рови,
Вѣчнѣ би не свободна пребиваше тамо,
Аще бы ю Христово пришествие—amo...*)
Не свободи оную кровавими рѣки.
Вся сия како биша, здѣ возвѣстит наше
Дѣйствие; токмо буди вниманіе ваше.

АКТЪ I.

Сцена 1-я.

Люцифер видяй, иж Сынъ Божи Натуру людскую на себе приймет и возвеличит, возбуждает на бран ангеловъ, хотя равен быти Богу, но гординю его ангелъ Михаил побѣждает.

Азъ есмь всѣх звѣзд небесних свѣтлѣйша Денница,
Всевидящаго Бога едина зѣница,
Аз есмь чиновъ безплотних крѣпкий воевода,
Избраннѣйши из всего ангелскаго рода;
Аз ангелску воинству есмь архистратигом,
Которое под моим воинствует игомъ; ||
л. 2. По моему разуму вся содѣлавает,
Дѣло моея волѣ всегда исполняет.
Мнѣ сущу старѣйшинѣ в небесномъ дворѣ
Чест, славу, хвалу дают ангелскии хори;
Моей остротѣ умной мудри херувими
Чудятся, огнени ю любят серафими;
Област имѣю сѣсти и межи престоли,
Паче господствъ гдѣ естем господствием волѣ;
В сили мужественнѣйший над самие сили,
Властителними власти превосхожду дѣли:
Началствію моему и что ж сут начала?
Началствую паче всѣх первѣйши з начала.
Аще ест и архангелъ, но и то ми ест равенъ,
Инший от архангеловъ не ест тако славенъ,
И Михаил Архангелъ понѣ ми достоинъ.

---

*) Слѣдующій стихъ, видимо, пропущенъ.

Михаилъ.

Азъ есмь Цара архангелска недостойни воинъ.

Люцифер.

Добрѣ ти глаголеши: аз бо достойнѣйши;
    Ти разумѣеши, что паче тя честнѣйши;
Честнѣйший есмь, красенъ, добр, нѣст во мнѣ гординѣ,
    Мене слушает всякой, вси ангелъ годинн,
Той мою великую величает славу,
    Яко старѣйшинѣ свою преклоняет главу;
Что множает Богъ велий предивние тайни,
    Моему видѣнию изяви нетайни,
Ибо преждевѣчніе мнѣ откри совѣти,
    Что на престолѣ райском имѣет сидѣти
Человѣчска Натура, як дражайше злато.
    И кто видѣ в чести прах, пепел, червь, блато? ||
Может ли тля с свѣтом, а нощ со днем жити?
    Огнь и вода вкупѣ без вреда пребити?
Будутъ сия, когда Богъ на престолѣ райском
    Посадит человѣка в величествѣ царскомъ,
Которому недостойно в толикой бит чести,
    Никтоже бо с правдою не смѣшает лести.
Аз есмь токмо достоин райския державн,
    Яко в себѣ*) содержу всѣ ангеловъ слави;
Нѣст во мнѣ жадной лести, вся правда со мною,—
    Сого ради возмогу сѣсти и с Тобою,
Боже, на престолѣ; свѣт есмь ибо Денница,—
    Лѣпо, да мя обиймет Божая десница.
Прах, пепел, червь нѣст подобен блату:
    Хощу да мя Богъ мѣет равна драгу злату;
Треби ему садити мене на престолѣ,
    Тако бо угожденно будет моей волѣ.
Аще же Онъ моего не вознесе рога,
    Сие и на самаго простру руцѣ Бога.

*) Въ рук. „в селѣ“.

*Hic ostendit ungues**)

Ви токмо зволте моя здравія совѣти
Вси единодушно днесь скоро исполнити.
Ти первий, Михаиле, что на сие слово?

Михаилъ.

Твоих совѣтовъ мое сердце не готово
Исполнити, понеже всѣм нам не сут здрави,
Яко лже глаголиви, суетни, неправи.

Люцифер.

Что, что ти глаголеши?

Михаилъ.

Се глаголю тако:
Богу противитися не возможет всяко ||
л. 3. Созданіе, и что Онъ единъ уставляет,
Тому ся всяк человѣчій рабъ не спротивляет;
Жестоко есть противу остра рожна прати,
Побѣжден есть хотяй ся со лвом крипким брати.
Богъ что хощет, то творит: вся во Его власти,
Идеже би не владѣл, нѣст таковой части;
Волю имат человѣка, як Богъ и Владика,
Уставити цара и господа велика
И над нами.

Люцифер.

А то что, дабим мою вию
Человѣку преклонил? Я его подбию
Под мое владѣние! Ангелскую силу
Возбужду на бран, бо ест`под моею крилу;
Человѣчну Натуру возму в сии руцѣ,
А з царственой роскоши горкой предам муцѣ.
Ангели, мнѣ послушни, мѣйтеся до брани:
Поставлю во вишних мой престолъ и през рани!
Егда ли нам не лучше, ангелскому лику,
В небѣ господствовати земну человѣку?

*) На поляхъ.

Ангелъ противний.

Ей, лучше, Люциферу, и ми утверждаемъ,
Тому же Михаила гласу не внимаем.

Ангелъ добри.

Добрѣ таковой всегда слухати поради,
Котрая в себѣ жадной не имѣет зради!
Внимаем ми глаголом Михаила здравим,
Скланяем и ушеса ко совѣтом правим.

Ангелъ противний.

Яко то не имѣетъ рада архангела:
Сего человѣка садит вижше над ангела.

Ангелъ добри. ||

Внимайте: не онъ садит, Сила Всемогуща,
Сія на престолъ райский чловѣка ведуща.

Ангелъ противний.

Так ест, но и то, честнѣйшии, разсудѣте дѣло,—
Духъ ли ил человѣкъ имѣющий тѣло?

Ангелъ добри.

То дѣло разсуждати, умъ изнемогает,
Котрое сам Богъ своим умом разсуждает.

Ангелъ противний.

И сие измѣрити умом не глубоко,
Что Божие ангела преносит око.

Ангелъ добри.

Безумный твой глаголъ. Нас созда того ради
Богъ, да не отмѣтает з своея ограды.

Ангелъ противний*)

З коея то оградп? Гдѣ насажденна?
Славою, роскошею ест лп исполненна?

Ангелъ добри.

Ограда—само небо славно и роскошно.
Возийти же на Божий престолъ намъ немощно.

Ангелъ противни.

Почто возийти не мощно? Мощнѣе лп праху
Летѣти по воздуху ко горнему даху?
Ми духъ разспплем его, вознесемся сами,**)
Идеже з Люципером царствоват имами.

Ангелъ добри.

Не хвалися, но бойся, не шатайся всуе:
Гординя твоя борзо снийде во адъ буе.

Ангелъ противни.

Снийде в сердцу нашие не имѣет гордини, (sic)
Взийдем на вишни престолъ нынѣшной годинп.

Ангелъ добри.

Глаголем, яко воскорѣ снийдеши до ада,
Всегда вас гризуща, невсппающа гада.

Люцифер. ||

л. 4. Я, я до ада снийду? Возийду на небо!
Возийду вишше облак, узрите вси се бо,
И престолъ позлащенний на горѣ височѣ,
Верхъ звѣзд, постановлю при Самаго боцѣ
Бога сил Саваоѳа.

---

*) Въ рук. „добри".
**) Въ рук. „слави".

Михаил

Люциферу ражу,
Не дерзай*): низринет тя Богъ и твою стражу
Разсиплет; во ад слава и с тобою спадет,
Веселие отидет, червь ти во покровъ приидет!
Образ Божий чловѣка нареклъ еси блатом,—
Ко адским, пепел, гной, червь, поползеши вратом;
Змию, аспиде глухи, во пекелну яму
Поползеши, будеши на руку и раму
Двигати желѣзние тяжкие окови,
Не скипетръ**) златъ; адска тма смѣрит твоя брови.

Люцифер.

А то что изреклъ еси, ангеле безумний,
Во глаголех, совѣтѣхъ твоих малоумний!
Возийду, Вишнему равен на небесех буду,
И тамо во свѣтлостехъ на вѣки пребуду.
Кто яко Богъ?

Михаил.

Кто яко Богъ вѣчни? Святая
Святих! Богу противится ерес проклатая.

Сцена 2-я.

Всемогущая Сила Натурѣ людской, с небесъ увѣнчанной, царство райское, роскошь и волю вручает, от древа же вѣдуща зло и добро ясти возбраняет.

Всемогущая Сила.

Вся могу, разумѣю, вся вижду, вся знаю,
Всемогущая Сила аз ся нарицаю.
Единому Бозтву всесоединенна,
От нераздѣлной Троици ни нераздѣленна, ||
Тричисленному лицу, Богови Едину,
Хвалою и славою равно честна вину;

*) Въ рук. „держай".
**) Въ рук. „скипешъ".

Я Богом, а Богъ мною все что начинаем,
То со собою вкупѣ всегда навершаем;
Воли, ума, совѣта и единой власти
Есм, никогда могу от Его отпасти
Мисли, Цару Богу и горѣ и долѣ
Царица соцарствую на вишнем престолѣ;
Не имат моя битность конца ни начала;
И конецъ и начало велика и мала
Вещь имѣет от сего*) вседержавна перста;
Ей же, нам во бытие врата суть отверста.
Первое всѣхъ созданий небеса создаста
И землю мои руцѣ, свѣту и тмѣ даста
Бытіе; именовах свѣт з днем доброзрадним,
Тму назнаменовах нощним видом мазнимъ.
Тогда зданих ангеловъ услишати гласи,
Возхваляющии вся во вѣчние часи.
Второе, сообручих твердь звѣздогорящу,
Нощь просвѣщающу, во мрацѣ лежащу;
Твердь сия раздѣляет кришталние води,
Напаяющия животния роди.
Третее, от моих устъ вѣтри повѣнуша,
Собрася вода в сонмѣ, и явися суша.
Сушу землю нарекох, воднии состави—
Моря, прорасти земля цвѣтоносни трави,
Древа плодовитие и тучние класи,
Одѣвающи себе аки главу власи.
Четвертое, устроих велицѣ двѣ твари,
Свѣтозарна небесе красніе утвари:
Тие нощним и дневним временем владѣют, ||
л. 5. Солнце, луна имена сицева имѣют.
Пятое, велѣх морю, да изведет кити,
Имже и глубынами завѣщах владѣти;
Моим повелѣнием от моря глубока
Пернат птенецъ изиждет во мѣста висока.
Шестое, составих плод коегождо звѣря,
Живущаго во селѣх пространаго мира.
Посем взях персть от землѣ и создах разумну**)—умну
Человѣку Натуру, звѣра небезумну—умну.

---

*) Въ рук. „всего“.

**) Въ рук. „разумни“.

Мнѣ вожделѣнна вси от перста возданна—зданна—
  Людска Натура, паче тебе несозданна—зданна,—
Твар благолѣпнѣйша по виду моему—твоему,—
  По образу як Богъ украси своему—твоему;—
Духъ Божий оживи тя, много приими ухомъ—вчухом!—
  Сила моя укрѣпи, се слыши слухом—духомъ!—
Насадих веселие едемскаго сада—рада!—
  Ограда ест радости того вертограда—рада!—
Изгнах горда ангела из райскаго края—з рая,—
  В том Натуру людскую вомѣстити маю—раю:—
Хощу, будет царица в Едемѣ от поля—воля,—
  Владѣти царством райским ест то ей доля—воля.*)
Созданна от мене Натура человѣча!

Натура.

Чаю твоей милости, стоящи здалеча.

Всемощная Сила.

Прийди сѣмо, Натуро, прийди, возлюбленна:
  Будеши на престолѣ райском посажденна.

Натура.

Повинуюся Тебѣ, всесилна Госпоже,
  Аще и нѣсмъ достойна той чести, о Боже.

Всемощная Сила.

Даждь ми перстъ, любимице, а иди со мною.

Натура. ||

Обемлю, лобжу стопи и иду с Тобою.

Всемощная Сила.

Се имаши престолъ райскъ, взийди нан и сяди.

Натура.

Будь благословение твоея поради.

*) Поставленныя между тире слова приписаны на поляхъ: это—„эхо“.

Всемогущая Сила.

Посли, Небо,*) воскорѣ царску диядіму:
Людскую увѣнчаю Натуру любиму.

Небо.

Указ твой, Всемогущая Сило, исполняю,
И царску диядиму возми—посилаю.

Всемогущая Сила.

Се тя царска вѣнчаетъ от небесъ корона,
Благословит Господня рука от Сиона.

*Manus benedicit de coelis.***)

Натуро чловѣча!

Натура.

Что, Всемощна Сило?
Кое ми повелѣваешь сотворити дѣло?

Всемощная Сила.

Естес уже, Натуро, райская царица:
Благослови тя с вишних Божая десница,
Имаши рая красна царство пребогато,—
Блюди, дабы от тебе не было отнято;
Волю, Роскошь под твоя покоряю нозѣ,
Роскошуй, веселися, радуйся о Бозѣ.

Воля.

Воля есмь от разума всемощнѣйша Силы,
На вся дѣла данна ти под царские крилѣ.

Роскошь.

Роскош мя мѣешь, тѣшся на всякое время,
Не отягчит тя буди скорби, плачу бремя.

*) Въ рук. „в небо“.
**) Ремарка на поляхъ.

Всемогущая Сила.

От всяка древа красна, в раи насажденна,
Да будут, велю, твоя уста наслажденна;
З древа же, еже знати добро и лукаво,
Не яждь,—тако бо твое царство будет здраво; ||
л. 6. В онъ же день аще снѣси, царства отпадеши,
Что более—горкою смертію умреши.
Помни сия, а храни данния завѣти.

Натура.

Готовам яко раба оная хранити.

Сцена 3-я.

Злость Люциферова на Натуру людскую в раи царствующую шатается и гласит Прелест, да вкушение заповѣданаго древа прелстит Натуру.

Злость.

Что аз? От кого приидох, кое ми ест дѣло?
Лютим всѣх злостей огнем гору, киплю зѣло.
Свою же да угашу чужим плачем жажду,
Вибухаю на землю злохитрую вражду.
Засѣваю на сердцахъ жестокии твари,
Плевели, родящии гнѣвотворни свари;
Сѣю на всякой плоти великіе гнѣви,
Аки ратай сѣмена на оранной нивѣ.
Я то тяжкосердие розношу, досади,
До смертелной злосливих побужаю звади;
Я то злоби, распр и битвъ и горких ран пани,
Я земненний почу кругъ до кровавой брани.
Началнѣйша віна есмь смертоносна бою,
Мати, корен и глава страшнаго разбою.
Я то огнем и мечем вся пустошу страни,
Не уврачевания отвораю рани;
Пекелное жилище зѣло ми спокойно:
То мое хранилище, там ся маю гойно.
Сердце Люциферово, оно мнѣ обител,
Которого низвергъ во ад наднебесний жител. ||

З сердца Люциферова аз*) тогда смотрила,
Когда**) вѣла Натуру людску Божа сила.
Ай! достойна ли бист она вѣнца пренебесна?
Ол вещ, паче всѣх вещей разуму чудесна!
Люцифер мой сожител, приятел сердечни,
Всего дѣла моего хранител безпечни,
Духъ чистъ и созданіе красно, велелѣпо,—
Ему бит цару райску не било би лѣпо?
Натура человѣчска ест ли лѣпотнѣйша?
И паче Люцифера еда ли честнѣйша?
Злуплю, здеру вѣнецъ царскъ з людской Натури,
Не удержатъ райские, не сохранят мури;
Низрину со престола того трупа гнила:
Крѣпкая моя крѣпка злосливая сила;
Сокрушу ей главизну от сими руками,
Поперу, убю в землю моими ногами,
Разору, распровергу райское господство,
А ю самую отдам в пекелное родство.
Маю я добрий способ, як ю уловити
И якіе на ню закинути сѣти:
Сѣт моя—мудра Прелест, любима другиня,
Пекелних смопийцовъ роскошна богиня.
Та прелстит ю, что вкусит завѣщанна древа,
И тако ю до царска***) запровадит чрева.
Прелест, Прелест, Прелести! Стан пред очима!

Прелест.

Се послушлива стою, Злости, пред твоима.

Злости.

Пойди, прелсти Натуру, молю ти, ласками,
И урви завѣщанний плод твоима дланмі. ||
л. 7. Совѣтуй пресладкое яблко бити снѣди,
Им же ей прегоркие уготовишь обѣди.

---

*) Въ рук. „ад“.
**) Въ рук. „тогда“.
***) Д. б. „адска“.

Прелест.*)

О чом мя молитъ твое злосливое слово,
Лстивое ми сердце то справити готово.

Сцена 4-я.

Прелест Натурѣ людской совѣтует плод древа заповѣданнаго добр бити во снѣд, его же Натура ясти изволяет, и тако гласомъ со небесъ престрашенна, царствия райскаго отпадаетъ.

Натура.

Что еси, и откуду? и что зде творнши?
Чего без моей волѣ такъ смѣло ходиши?

Прелест.

Хожду, удивляюся сему мѣсту злачну,
Хожду, велми чуждуся древу доброзрачну;
Зру тя, царицу райску, царство твое красно,—
Но что всѣм не царствуеш, се ми ест ужасно.

Натура.

И како не царствую? Всѣм аз обладаю:
Его же хощу древа, того и вкушаю.

Прелест.

Се древо плодоносно в твоей царской власти,—
Почто ж его не смѣешь добра плода ясти?

Натура.

Ай! Всемогущая сила твердими уставы
Завѣща ми, а храню судби ея прави;
Рече бо: не вкусиши, ни ся му**) коснеши,
Древу оному, ибо смертію умреши.

*) Эта ремарка въ рукописи пропущена.
**) Въ рук. „пу.“

Прелест.

Не бойся, не умреши: завѣт Всемогущой
Сили не одержит, вѣр ми глаголющой.

Натура.

Како ж ся разумѣет, повѣжд да узнаю. ||

Прелест.

Слухай, царице райска, аз та виклладаю:
Видѣ Всемощна Сила, яко тебѣ оцѣ
Отверзутся, и будешь в мудрости глубоцѣ,
Соравнишся Богу, зло, добро вѣдущи,
Егда со древа того будеши ядущи:
Вѣрен ест сей глаголъ мой,—рече того ради.

Натура.

Поколѣбахся умом на твои виклади.

Прелест.

Стой неподвижно*) умом; тое егда снѣси,—
Вижь снѣд, кол красно яблоко,—вся сия увѣси.

Натура.

Зру плод от внѣшних быти прекраснои плоти,
Внутрнии же не знаю, что суть его соти,
Горкие или сладки.

Прелест.

Аще отвнѣ драги,
Колми отвнутр, царице, явлат ти ся благи;
Явѣ свѣтовѣднѣйше злато ест от вреди,
Порфировиднѣйши внутр шипок паче преди.

Натура.

Вѣмь, по древо внѣ злачно, внутр бивает гнило;
Мед сладок, и что в нем ся жало утаило.

*) Въ рук. „неподжно".

Прелест.

Дерзай,*) не сумнися, се яблко не таково,
Якъ мед**) сладок со жалом, яко древо ово;
Есть як копка: внѣ драго, внутр еще дражайше,
Внѣшним видом сладкое, внутримъ же сладчайше.

Натура.

Аще таково, добрѣ, принеси ми сѣмо.

Воля.***)

Вели, царице, Натурѣ.

Прелест.

Роскоши, ходѣмо!
На, возми плод, Роскоши, и царици подажд.
Человѣчска Натуро, не умреши, яжд, яжд!

Воля.

Се имаши плод древа.

Натура.

Добра ли ест вкуса? ||

л. 8. Прелест.

Добр, добр!

Воля

Имаши волю, вкуси без муса.

Глас с неба.

Натуро человѣчска! Почто вкуси яди?
Почто завѣтъ преступилес? Но ими виклади!

*) Въ рук. „держай".
**) Въ рук. пропущено.
***) Въ рук. „Прелест", видимо по ошибкѣ; или, быть можетъ, что-либо пропущено.

Сцена 5-я.

Гнѣвъ Божий на[*]*) Натуру людску, преступившую заповѣдь Всемощной Сили, зѣло ярится и молнию с небесъ низводитъ, его же Милость Божая благает, но Истинна Суд Божий принуждает на отмщение, и Натуру людскую внѣ рая изгнати Декрет*[**]*) повелѣваетъ Херувиму.*

Гнѣвъ Божий.

За дерзость, за лакомство, за преступство збуру,
    Випищу и потреблю людскую Натуру,
И нѣст иже изметъ ю от моею руку;
    Пошлю огненны стрѣли з напраженна луку.
Ей Всемощна Сила почти красотою,
    И образа своего одѣ добротою,
А она таковъ образ оскверни грѣхами:
    Омию тую скверну крвавими рѣками;
Ей Всемощная Сила восхотѣ создати
    И возлюби всѣм сердцемъ, як дщер свою мати,
Она же любовь сию отверже от сердца:
    Смерть будет ненависти местник и мордерца;
Ей Всемощная Сила постави в велицѣ
    Слави, велелѣпием пребист наколицѣ,
А она безчестиемъ почастова Бога:
    Внетъ самой отворится во нечесть дорога.
Хождаше во богатствах всяких изобилно,
    Доволство во роскоши имѣяше силно,— ||
Тое тепер безмертно погордѣ богаство:
    Отож за то нашлю нан вѣчное робаство.
Бѣ обладателница неизмѣрна мира,
    Лѣтающа, ходяща и пловуща звѣра;
А понеже той власти спротивися Творцу,
    Мене увѣсть, своего сопротивоборцу;
Даде ей Божа Сила в Едемѣ свободу
    И благопоспѣшную во жизни свободу,
Толиких же даяний быст неблагодарна:
    Сего ради найде нан непогода марна.
Херувимской мудрости причасница бяше,
    Умудраше ю свято дихание наше,—

*) Въ рук. „на" пропущено.
**) Въ рук. „предкрет".

Измѣни толик разум и волю непстову,
Затми несмислена буйства умной мисли брову.
Всемогущая Сила созда двѣ свѣтилѣ,
Даби во дни и в нощи Натурѣ свѣтили
Людской,—та же Божія отвержеся свѣта:
Затвору ю в темници на многие лѣта.
Волю в руках держати не умѣ зажити,—
Не удобно в райских обителях жити:
Буде же рабско жити, в неволѣ стенящи,
Смертном на тѣлѣ своем желѣза посящи.
Плод наситителний от райска винограда
Ввес во снѣд предложен бист, не било ей глада,—
Почто ж завѣт преступи неситое чрево?
Возалчется на мнозѣ, зане яде древо.
Всемогущая Сила, як зѣницу ока
Храни людску Натуру, и орла висока
Свойстви покри своея благости крилы,— ||
л. 9. Достойна ли бист тоя от Всемощной Сили?
Раскаяся Богъ, яко созда человѣка,
Что его Натура бѣ во злобах велика.
Посла мя, Гнѣвъ Божій, да отмщу обиди,
Предам Людску Натуру в незносніи бѣди.
Возшумѣте, небеса, престрашними громи!

*Deus e coelis tonitrua et fulmi...**)

Сосжѣте молниями мерския содоми!
Хощу, на человѣчску Натуру падѣте,
Законопреступницу в пепел обратѣте!
Тажко аз разгнѣванна на людские злости
Человѣка, ходяща во стезя непрости.
Со мною и Всемощна равна Богу Сила
Розярися на людску Натуру дозѣла.
Не буду умилний человѣком доселѣ,
Донелѣже на смертной почиет постелѣ.
Не умолят плачевны человѣчски гласи,
Аж поки в адские не снийдут тараси.
Мечъ мой молниелучний снѣст от сего часа
Грѣховни Натури человѣчской мяняса,
Упою стрѣли моя во твоя гортани,
Отступнице от Бога, смертни приймеш рани.

---

*) Ремарка на поляхъ; обрѣзано переплетчикомъ.

Милосердие.

Стуй (sic), умилосердися, Гнѣве Божи прави,
Не погубляй Натури, юже Богъ создави,
Остави согрѣшившой, падшую помилуй,
Судом ю скарати, Гнѣвъ Божи, присилуй.

Гнѣвъ.

Добре, но и Суд Божи так будет судити,
Иж не схощет без казни ей отпустити.

Сгарга Гнѣва Божия. ||

Суде Божи, котори́й не на лица зриши,
Но право, а не ложно вся вини судиши,
Молю, осуди людску Натуру так смѣлу,
Иж простре руцѣ свои на Всемощну Силу.

Судъ.

Як же то „простре руцѣ“? Еда ли в ланиту
Вдари? Или зауши? Не медли отвѣту.

Гнѣвъ.

Сама да отвѣщает; ти рече—удари.

Натура.

За едино̄ яблоко тѣ на мя потвари!

Гнѣвъ.

Потвари то, потвари? Уста завѣщаша
Всемощной Силѣ плод, а твои руцѣ взяша!
Вѣжд се, что завѣт Божи цѣл не сохранити
Ест то в уста вдарити, купно заушити.

Милосердие.

Правда, взяша ей руцѣ яблко завѣщанно,
Но что ж? Ей Прелест прелсти, той рукама данно.

Істинна.

Аще и тако ест, но ясти и не ясти
Волю имѣ; когда же от яблка снѣст части
Заповѣданнаго, то завѣт попра дерзко,
И тако Богу Силу обезчести мерзко.

Гнѣвъ.

Сего ради молю тя, справедливий Суде,
Винной Натурѣ людской да скоро казнь буде.

Істинна.

Суде Божи, декретуй, изжени из раю
Натуру человѣчску: аз повелѣваю.
Нехъ за сия сладкия Едемския снѣди
Снѣсть во потѣ лица хлѣб свой и понесет бѣди. ||

л. 10. Судъ.

Декрете Божи, читай Істиннѣ угоду.

Декрет.

Юж Натура людска не снѣст райска плоду:
До того Херувим ю изженет из рая,
Да будет внѣ сѣдяще плача и ридая.

Херувимъ.

Бѣжи, окаянная, грѣшная, особо!
Полкнула еси Едем, несита утробо!
Отселѣ не внийдеши, изгнана отсюду:
Аз, херувим, Едемских врат хранит буду,
Донелѣ же двер Святъ не отверзжет сия
Ктос, претерпѣв за тя страсти пресвятия.

Сцена 6-я.

Muta.

Вулканъ в пеклѣ уготовляет вериги, ими же Неволя Натуру людскую, изгнанную з рая связует и в темницу отводит.

Неволя.

Дажд нозѣ, заблуждшия от истинна пути:

Связуи нозѣ)*

Более да не блудят, ужами свяжу ти.
Простри руцѣ, согну ти, лакомая Ево:
Болше их не простреши на райское древо.
Преклони невоздержни от яблка гортани:
Воздержанию тѣсни научат кайдани.
Горѣ руцѣ поднеси, стягну ти и бедра:
Уже не утолстѣют от роскошна ведра.
Иди з свѣта в темницу, юже слѣпия почи
Темними слезми твоя запорошат очи.

*До темницѣ отводитъ **)*

Сцена 7-ая.

Плач Натури людской ридаетъ падения, || изгнания своего з царствия райска, ему же и ангели смутним пѣнием з небесъ соболѣзнуют; но Благодать Божая пришедши плач утоляет.

Плач.

З рая четире текущия рѣки,
Источѣте ми воды слез велики,
Слезное море!
Источите ми кровавих слез токи,
Фѣзон, Геонъ, Тигр и Ефрадъ глубоки!
Горе, мнѣ, горе!

---

*) На поляхъ.
**) На поляхъ.

Ангели.

Кий глас во мирѣ райских рѣкъ взивает?
Кто по всей земли зѣло разливает
Слезния води?
Что за вѣтр слезни такъ подносит волни,*)
Иж велми ими колѣблет вся волни
Ангеловъ роди?

Плач.

Нехай утону во слезахъ во вѣки,
Нехай не жию между человѣки
В тяжкой печали!
Обтечите мя, слезния потоки,
Точащися з сердечной опоки,
Твердшой над скали.

Ангели.

Кто стенанием движет небо с нами?
Кто угашает зѣлними слезами
Небесъ свѣтила?
Коего рода, во мирѣ жиюща,
Неподвижною твердию движуща
Толика сила?

Плач.

Есмь неутолим Плач людской Натури,
Утопающой во грѣховной бури,—
Кто ж поратует?
Уви мнѣ! Уви! Не имат отради! ||
л. 11. Даждте ей помощь, небесние гради:
Смерть гроб готует!

Ангели.

О, грѣховни нещасни потопи,**)

*) Въ рук. „водни".
**) Въ рук. „потоки".

В них же оловом погразают стопи
Людской Натури!
О, нещасливо наступило время!
Кое так тяжко и незносно бремя
Топит ю в бури?

Плач.

Ах, тяжко бремя—яблко завѣщанно,
Натури людской в вѣки навязано
Лести руками!
Тое як камен в бездну погружает
И лакомими оной заспиает
Гортан водами.

Ангели.

О, почто ж прият прелести змиини?
Почто подступи под древеса сѣни
Завѣщание?
Прелест и древо било обродити,
Котрого плоди мѣли утопити
Навязанние.

Плач.

Ах мнѣ, горе мнѣ! Плачте, плачте, очи,
Плачте всѣ дние, плачте и вся ночи,
Плачте вся ночи!
Временотворни, плачся о мнѣ, свѣте!
Уми небесни, мнѣ соболѣзнѣте
Скорбними гласи!

Ангели.

Плачем ми, плачем, небесние хори,
Вси ангелские ридаем собори
Людску надежду:
Свѣт часоносний плачем заливаем,
Во сердца наша твоего здихаем
Сердца мятежу.

Плач.

Весна з цвѣтами, тучно лѣто с класи,
Осѣнь з гроздием, а зима со часи
Хладними, плачи!
Луно полная, плачу к измѣни ||
Людской Натурѣ райские отмѣни,—
Утоли плачи!

Ангели.

Людску Натуру и стихия сами—
Огнь, воздухъ, земля и вода—со нами
Горко ридайте!
Птенци, звѣрие, древа плодовити,
Такой отмѣни, и морские кити,
Всѣ соридайте!

Плач.

Райские рѣки, лийте моя слези,
Идѣ же ваша проходатся стези
В пространомъ мирѣ!
Промийте жалемъ очи мирянину,
Да зрит на людской Натурѣ отмѣну
Плачем без мѣри.

Ангели.

Гдѣ твой, Едеме, властителний жител?
Райские звѣри, гдѣ повелитель?
Раб ест на волѣ.
Ридай,Едеме, плачте, звѣри рая!
Жител вашъ плачет, в темници ридая,
По райской волѣ.

Плач.

Бист прежде рая прекраснаго пани,
Роскошь и Воля в ей руцѣ дани
Быша от Бога,

Нинѣ же—ахъ, жаль!—подана во юзи,
Аки рабою владѣють недузи,*)
Болест премнога.

А н г е л и.

Лѣпо намъ, хору, во свѣтѣ сѣдящу,
Людску Натуру, в темницѣ лежащу,
Оплакивати.
Богъ бо такого кохаетъ от сердца,
Котри в желѣзех бѣдна страстотерпица
Звиклъ посѣщати.

П л а ч.

От свѣта во тму, от жизни ко смерти
Та преселися, что дерзну простерти
На древо руцѣ.

А н г е л и.

О, о, Прелести, злаго змия жало!
Лакомству мати, печалям начало!
Вижд, чим играет: ||
л. 12. Навяза людской Натурѣ на вия
Легкое яблоко—бремена тажкии,—
Ох утопает!

П л а ч ъ**)

З его же чтири токи випливают,
Мои двѣ рѣки до того впадают
Роскошна раю!
........***) моих слез великих води,
Яже погубих, совозращу плоди
Сладкому раю.

*) Въ рук. „неузи".
**) Въ рук. ремарка пропущена.
***) Слово не поддающееся прочтенію.

Ангели.

Прорастят плоди источники слезни,
Натуру людску изнесут из бездни
Горких ридани;
Точію тебѣ, горкому,*) плачливу,
Ко Создателю—Богу милостиву
Требѣ ест званий.

Плач.

Плачте Натуру людску, вси люди!
Уви мнѣ, уви! Несказанни труди
Терпит в темници,
Во пучинѣ бѣд лютих углебает,
Твоей помощи, Содѣтелю, чает:
Подай десници!

Ангели.

Десница Божа—Милости то дари—
Людской Натурѣ датис як твари
Скоро готова;
Токмо лий слези, Плачу невтолимий,—
Згаснишь горащий гнѣвъ неутолимий
Бога Егова.

Благодать Божая.

Престани юж от плачу слези проливати,
Престани паденія Натури ридати:
Обфити истощилес слезния потоки,
Ими же наполнилес ввес свѣт ей широки.
Взлияся и в небо вода слез велика,
В ней же Натура втопит адска Амалика,
Втопит—есмь излиянна Божа Благодати,—
Сама же заплинет в рай паки царствовати:
Сего ради от плача горкаго престани. ||

Плач.

Изведи из глубини слез, приими за длани.

*) Въ рук. „горкаго“.

Сцена 8-я.

Злост благодарствует Прелести, же Натуру людску прелстила на вкушение древа заповѣданнаго.

З л о с т.

Га—га—га! Цѣлую тя, Прелести послихо,
Всего пекелна кола любима утѣхо,
Обемлю тя усердно, лобизаю длани,
Кланяюс ти до ног, милостивая пани,
Же с того щос собрала добраго ми жнива,
Злаго людской Натурѣ наварила пива;
Тѣхъ твоих цнот, Прелести, нигди не забуду,
Рознесу твое имя хвалами повсуду;
Нех же слишат твою чест вся ония лонца,
Котрими огнистия перуть кони солнца.
Где Егр, Борей, где Зефір, где Аквиля вѣет,
Там мой глаголъ славу ти похвалми разсѣет.
Идеже вход виходит,*) заход западаеть,
Полуден возносится, полунощь смирает,
Там твоя чест, Прелести, прославится**) мною,
Прославила бо еси мене Злость тобою.
Многи слави языки твой язик лесттивий,
Моим языком злосливим слави ти сквапливий.***)
Тис радост Презерпѣнѣ, радость и Плютона,
И тобою ся тѣшит в пеклѣ Тизифона,
Торжествуетъ Алепто, рада и Мегера,
Танцует невоздержно акспоска (sic) сфера;
Випудилас Орфея всяк плач из геени,
В котрой не слишатся плачородни трени;
Плавлет во радости сердце Танлково,****)
Не алчет веселия, имѣет готово.
Зизиф каменодвижей не працуе нинѣ;
Адские веселятся, ликуют богинѣ. ||
л. 13. Ляхезис и Атропос и Клото при смерти;
Белѣди ако води радост разливают,
Дай нѣмфи пекелние во ней ся купают.
Рад, рад и Люципер, я смѣюся зѣло.

*) Въ рук. „виход".
**) Въ рук. „прославися".
***) Въ рук. „скваплий".
****) Sic. Вѣроятно, Танталово.

Га—га—га—га—га! Тепер же мнѣ мило,
Тепер же ми як масло помазало груди!
Вся от радости растаются уди!
Пеклу тепер торжество от твоих рукъ приде,
Ими ж Натура людска из рая изийде.
Люциперас як на два тузи посадила,
Гди Натуру людскую сладким яблком зила.
Егда снѣде Натура плод, тобою даний,
Тогда Люциперу*) бист уготовани
Обѣд изобилен радости кипящий,
На котромъ со мною пласал онъ многащи:
Отворилас ему двер до радости края,
Егдас людскую Натуру отвергий из рая.
Бѣхом во веселии тогда превелицѣ,
Егда извержену вела ко темницѣ.
Але тогда найпаче Люципер скакаше,
Егда с плачем ангелский лик горко ридаше.
О, заправди, Прелести послихо, велие
Пеклу, Люципери, мнѣ естес веселие.
Чго пекло, Люципер и я вожделѣла,
Твоя нам, о Прелести, сооружи сила.
За котории труди всѣ дякуют мѣле
Пекелни жителѣ твою славу смѣле,
По всем вселеном крузѣ всегда разглашают,
До рости же в пекло много запрошают.

Прелесть

Скоро до услуг моя вся труди приймѣте,
З того же, что сотворих, всѣ ся веселѣте**)

Сцена 9-я.

*Отчаяние***) Прелест нѣкогда же надѣятися || Людской Натурѣ от Бога помилования. Но Милость Божая, Вѣрою и Надеждею его побѣдивши, Натуру людскую, в темницѣ сѣдящую, о свобожденииі упевняет.*

Отчаяние.

Згрѣши людска Натура кол много, кол крати,
Егда Божию дерзну заповѣдь попрати;

---

*) Въ рук. „Люциперо“.
**) Въ рук. „всѣ весявелѣте“.
***) Очевидно, пропущено сказуемое.

Сего ради горе ей з своими*) грѣхами,
	В раи падшой и спадшой в геенске ями.
Я вѣм вся слиша, та же радость самому
	Люциперу, Злости и пеклу цѣлому:**)
Натура чловѣчска упала у клюби
	Темничнпе, горшие паче лвових зуби.
Нѣкогда не изидет з темничнаго кита,
	Поки Богъ Богомъ будет, поки станет свѣта.
Там уже зѣло будет во муках страждати,
	О свобождени же а нѣ помишляти:
Первѣе солнце згаснет, звѣзди потемнѣют,
	Первѣе свѣтозарнии небеса истлѣют,
Первѣе вся стихия будут в еднем лѣцѣ,
	Неже людска Натура изийдет з темницѣ;
Мощнѣе вкупѣ бити лѣту со зимою,
	Мощнѣе огнь сочтений зрѣти со водою,
Мощнѣе нощ со днем видѣти, вещ странну,
	Неже волнѣ Натуру людску отчаянну.
Скорѣе истощатся источники во морѣ,
	Скорѣе непроходна во путь пойдут гори,
Скорѣе камения возглаголют стѣни,
	Неже ю помилуют Бога благостини:
Яко не помилуют, оттол знати треба, ||
л. 14.	Же з нея пекло тѣшится, а плачут с неба.
Но чесо ради ест всѣм пеклом посмѣянна?
	Згинетъ вѣчними часи, ищезнет во адѣ,
Уже ктому не жиет во Едемском садѣ;
	Погубленнаго рая жалѣти держае,
Егдас второй в немъ власти сподѣвае.
	Ридал—видѣхъ,—ридал Плач чловѣчой Натури,
Но вотще: нех ридает, нех всядет на мурѣ,
	Юж не отридает, что долженъ***) господину,
Котри Натуру навѣки в темницу укину.
	Ридалъ—видѣхъ,—ридал Плач, но почто ридаше?
Почто плачевним воплем небесъ приглашаше?
	Нехай день и нощ ридает—вопл, молва то тщая,
Ни един с небесъ снийде, тую утѣшая.
	И како прийде с небесъ радост, утѣшител,

---

*) Въ рук. „воими“.
**) Въ рук. „сѣлому“.
***) Въ рук. „делженъ“.

Идеже и сам плачет болѣзненно жител?
З юдолѣ веселие, з желчи не идет сладость,—
Тако и от плачу небесъ не спливает радост.
Слиши, людска Натуро, слиши и смутися,
Болшим днес, неже прежде, плачем прослезися,
Яко в той темницѣ на вѣки*) мучишь,
Милости ж Божой отнюд не получишь.

В ѣ р а.

Кто ти, о безумнѣйший, сие неистово
Ко Натурѣ чловѣчой глаголеши слово?

Н а д е ж д а.

Кто ти на вѣкъ оную во тмѣ затворяеш,
А Божию от ней милость удаляешь?

О т ч а я н и е.

Вѣчну людской Натурѣ погибел мя знайте,
Имя Отчаяние мое нарицайте.
Вас же триех, кто есте, рцѣте, вопрошаю. ||

М и л о с т ь Б о ж а я.

Аз ти за обоих тѣх сама отвѣщаю:
Если людской Натури помощ поне знами,
Бога помощника ей крѣпка имами.

О т ч а я н и е.

Кто ест уже погибшой помагати смѣя?

М и л о с т ь.

Аз, Милость Божа!

В ѣ р а.

Аз, Вѣра!

Н а д е ж д а.

Аз, Надѣя!

*) Видимо, пропущено „ся“.

Отчаяние.

Затикаю ушеса: вѣтрь, смѣх—вашѣ гласи:
    Згибшой не поможете во вѣчние часи.
Ти, Вѣро, ти, Надеждо, грѣшной не поможеш;
    Ти же, Милости Бога, як помощи можешь?
Гнѣвъ Божи, Истина, Суд, Декрет правописний
    Изгнаша ю з рая на вѣкъ во край тѣсний.
Егда една тим чтирем можеш одолѣти?
    Ужасно ест самому з многими ся прѣти.

Милость Божая.

Что ти, Отчаяние, празно глаголеши?
    Божей моей Милости почто небрежеши?
Вижд: Гнѣв Божий укрочу, Суд умилоствую,
    И с тѣми же угожду Декрет и сказую;
Видиш, что свѣт солнечний на ввес мир сияет,
    Так и Милость Божая всѣм ся подавает.
Аз изведу з темници плачливую душу
    И, да ю помилует, Бога сердце врушу.

Отчаяние.

Нѣст мощно ти, Милости, сего сотворити:
    И сам ся себѣ Богъ будет противити.

Милость.

Нѣст мощно по твоему мниманию злому,
    По Божию же мощно разуму благому.
Вѣришь ли речениям моим, Вѣро?

Вѣра.

Вѣру! ||

л. 15. Милость.

Приими крестъ—знамение твоей вѣри, мѣру.
    Ти же, Надеждо, что ко сим?

Надежда.

Ей-ей, ся надѣю.

Милость.

Приими ж и знамение—мою котву сию.
Стойте, Вѣро, Надеждо, непоколѣбими,
Крѣпко уверждении знамении своими,
Вѣруйте, надѣйтес моему обѣту,
Иж Натура людская прейдет з тми*) ко свѣту.

Отчаяние.

Юж сут тия глаголи: грѣшница во свѣтѣ
Из темници отшедша не будеть ходити.

Милость.

Горѣ та знамения ваша поднесѣте,
Амалика лживаго скоро побѣдѣте!

*Cadat hic Desperat***)

Вѣра.

Побѣдихом, Милости, лжива супостата!

Милость.

Тецѣмо ж торжественно пред темнична врата!
Там Натура чловѣча знамение прийметь,
Же ю Избавление з темници изимет.

*Eant ad carcerem.****)

Милость.

Чловѣчска Натуро, сѣдящая в сѣни,
Даю ти, Милость Божа, розгу от милостини—
То тобѣ знамение от будущой жизни.

*) Въ рук. „тим".
**) Ремарка на поляхъ; обрѣзано переплетчикомъ.
***) На поляхъ.

В ѣ р а.

Вѣруй!

Надежда.

Надѣйся!

Милость.

Внийдешь до райской отчизни!

Натура.

Вѣрую, надѣюся, иж внийду о Бозѣ,
Твои же, о Милости, лобизаю нозѣ.

Хор

оглашает милосердна быти Бога над Натурою людскою.

О кто ж исповѣст, як ест Богъ богати
И во милости и во благодати? ||
Людской Натурѣ, яже днес отпаде,
Днесь милость даде,
Преврати гнѣвъ свой во любов велику,
Божію Милость посла къ человѣку;
Нинѣ юж кипит огнем любвѣродним,
Не гнѣвохладним.
Свѣт—Богъ правдиви во своею дѣлу
Уподобися солнечну свѣтилу:
Яко бо солнце заход и всход мѣет,
Так и Богъ дѣет.
Зайде Он тогда, егда разярися
Взийде же нинѣ, гди уласкався;
Людску Натуру облиста свѣт в нощи
Божой помощи.
В плачи, Натуро, не пребуди косно:
Восия ти Богъ—солнце свѣтоносно;
Тое развѣет твоя непогоди
Слезния води.
Богатъ во благости, Боже достовѣрни,
Отчаянием лживим неизмѣрни,
Безчислена Тя во милости знаем,
Пѣснь ти спѣваем. ||

л. 16.

АКТЪ II.

Сцена 1-я.

Злост Люциперова, слишащи Милосердие Божие над Натурою людскою оглашенное, паки ярится и гласит Неволю, да Натуру людскую предаст в работу фараонови.

З л о с т.

Жестоко оружіе въ сердце мое внийде,
Когда ми вѣсть такова во ушеса прийде,
Якби Вѣра, Надежда и Милость от вишних
Мѣют извести людску Натуру от нижних;
Огнем сѣрчистим моя ражжеся утроба,
Егда узрѣх стоящих у темнична гроба
Посланниковъ небесних; но стржа ест острожна,
Грѣшницу з тми ко свѣту извести не можна.
Милость вотще трудися, Вѣра ни во что же,
Надежда ест суетна, ни в чом не поможе.
Добрѣ бо заключенна темничними врати,
Их же и всему небу не мощно сломати.
Милость ю знаменіем своим утверждает,
Возвратится знову в рай обѣщавает,—
Се нѣст мощно и Богу силну сотворити,
И кто ж возможет адску силу сокрушити?
Розку та преступница прияше масличну,
Чающи восприяти жизнь райскую вѣчну,—
Приймет невмирающий червь, огнь невчасимий,
Когда ю Люципер нашъ приймет, друг любими.
Остри терны*) в руках оной вижду, не маслину:
Се взят болѣзни горкой знаменіе вину.
Всегда будет желѣзни остроги мучима,
По колющих нещадно гвоздіях влачима; ||
Добрѣ же ти свобода внийде в моя слухи,
Блюсти я крѣпко буду пекелними духи.
Нехай здѣ и вся сили небесния прийдут,
Без успѣха, без слави со встидом отийдут.
Тяжко ест желѣзними ужи обложенна,
Но тяжчайшими будет окови язвленна,

*) Въ рук. „терну“.

Яростію Неволи распалю состави,
    Немилостію разжу вся ей злия нрави.
Неволя фараону, египетску пану,
    Даст Натуру, в юдеях лютому тирану;
Тако будет на вѣки тажко работати:
    Увижду, кто ю дерзнет от уз свобождати.
Неволе! о Неволе! Другине любима!

*Злост гласит Неволю; Неволя приходитъ**)

Неволя.

На что мя глашаеши? Стою пред очима.

Злост.

Молю тя всеусердно: се сотвори дѣло,
    О нем же ся все пекло возрадует зѣло.

Неволя.

Кое? Повѣжд, да знаю; сотворит готова.

Злость.

    Хощет Натуру Милость свободит Егова;
Но ти намѣреную препни сию волю,
    Во образѣ юдейском возми ю в неволю
До люта фараона: нехай як волами
    Працует Натурою вданною жидами.

Неволя.

Рада повелѣное сотворю воскорѣ;
    Не воздвигнет Натура очес своих горѣ.

---

*) Замѣтка на поляхъ.

Сцена 2-я.

Спящу фараонови Фортуна является, предсказующи власт имѣти над Ізраилем, зъ чого фараонъ возбужденний гетманом своим тѣшится || (л. 17) *со велможи, воини, и в тим*) Неволя приводит Ізраиля и в работу египтяном предает.*

Фортуна.

Спит чловѣкъ, но Фортуна не смѣжает брови;
    Една златом, другаго дарует окови.
Аз, Фортуна, дарую тя златомъ,
    В славѣ и владѣнии сажду**) пребогатом.
Ибо народ еврейски в твоя днесь полати
    С Неволею приведу тебѣ работати.

Гетманъ со вои.

Востани, фараоне, востани! Что спиши?
    Ни ли какову печал на серцу носиши?
Веселися, монархо: панство ти ест цѣло,
    Твое блюсти здравіе ест то наше (дѣло).***)

Фараонъ.

Возиграся сердце мое велми в сие время,
    Совлече скорби з себе каменное бремя;
Да сорадуется мнѣ вся моя полата,
    Да веселится купно держава богата,
Паче же ви, велможи, тѣштеся со мною,
    Радостю ся мнѣ исполнат благою.

Велможа 1.

Всегда ми з твоей здравой веселимся глави,
    Тебѣ здравствующу вси есми здрави.

Велможа 2.

Тѣшимся з твоей ласки на всяку годину,
    Но хощем настоящой радости знат вину.

---

*) Очевидно, пропущено „часъ“.
**) Въ рук. „сижду“.
***) „Дѣло“ въ рук. отсутствуетъ, но легко дополняется по смыслу и въ виду предыдущей риѳмы „цѣло“.

Фараонъ.

Та ест моей радости настоящей вина,
Та паче всѣхъ веселша приде ми година,—
Небо аще по вся дни дѣет ми благая,
Многоцѣнно богатство в десницу влагая,
Но*) нинѣ найпаче сприяша бози,
Когда ини народи кланяются мнози: ||
Кого Нептун морскими частует волнами,
Кого Марсъ насищает крвавими слезами,
Кого найвишши Іовиш**) громи поражает,
Чия Бореашъ в коли кости собираетъ,
Кто в брани поносит различния бѣди,
Кто ся за Фортуною гонит за край свѣта,
В нуждѣ же пребивает, в нуждѣ кончит лѣта,—
Аз над всѣхъ есмь,—щастливост, власт моя такая...***)
Глава неуязвленна жадною бѣдою.
Мнѣ и в дому сѣдящу Фортуна во длани
Приводит, покарает далекія страни,
Крѣпкую силу мою прославляет всюду,
Господемъ и еврейску сотвори мя люду;
Сотворит бо ми нинѣ, сѣдящу на тронѣ
И спящу на пресладком Морфеуша лонѣ,
Та явися богиня з словеси такови:
Вели уготовати зелѣзни окови,—
Придеть народ еврески в твоя днес полати,
Неволею приведен тебѣ работати.

Велможа 1 и 3.

Радостна ти, Фортуна, вѣсти предсказаше,
Яже да исполнится, жичит сердце наше.

Велможа 2 и 4.

Не ложніе Фортуна во снѣ даетъ обѣти:
Градет уже Ізраил,****)—рад на него зрѣти.

---

*) Въ рук. „не".
**) Въ рук. „Iovisz".
***) Повидимому пропущены слѣдующія двѣ строки.
****) Въ рук. „из рая".

Неволя

Ізраила Неволя приводит до фараона.

Сей род богом противний привожду, Неволя,
Да твоя нимъ владѣет и рука и воля.

Фараонъ.

Отдаждь я египяномъ, да сотруть им роги;
Свяжи руцѣ и нозѣ, предажд в труди многи.

Неволя

Рабы фараонови, жидов сих свяжѣте,
Въ тяжкую работу з собою поймѣте. ||

л. 18. *Зде египтяне жидовъ вяжутъ.*

Сцена 3-я.

Моисеви овца пасущему Богъ является во купинѣ огненной, завѣщающи ему люд Ізраилски от фараона извести.

Исход, глава 2.)*

Моисей.

Что сие видѣние страшно и ужасно
Художеству моему явися напрасно?
Вижду огнем купину горящим палиму,
Но от пламене зѣлна никако вредиму!
О чудо, паче чудес всѣх неизреченно!
Пойду, познаю ли таинство се явленно.

Богъ—Слово.

Глас Божий з-за купини.

Моисей!

Моисей.

Кто еси? Се аз, раб, владыко.

---

*) На поляхъ.

Богъ—Слово.

Не приближайся: зриши таинство велико.

Моисей.

Зрю, Господи.

Богъ.

Иззуйже сапогъ твой от ногу,
Когда хощеши познати благодать премногу.

Моисей.

Велика се благодать, странно чудо зрѣти,—
Токмо*) сие сотвори, хощу разумѣти,

Богъ—Слово.

Богъ Авраамовъ, Іссаковъ явих сию тайну,
Да подам Ізраилю милость мою крайню;
Ти же да сотвориши, что Аз завѣщаю.

Моисей.

Гласа Твоего, Боже, раб твой послушаю.

Богъ—Слово.

Услишах людий моих в египеской муцѣ,
Со воплем в небо ко Мнѣ возносящих руцѣ:
Сего ради явихся, да тамо идеши,
Да их от фараона руки изведеши.

Моисей.

Како мною самим се может ся собити?
Не возмогу Египта един побѣдити!

Богъ—Слово.

Воззови со собою Арона левита,
И от Бога ко фараону шествие творита. ||

*) Послѣ этого слова, видимо, пропущено „кто".

Аз буду и на пути и в Египтѣ с вами,
Моими фараона побѣдиш словами.
Аще ли не восхощет люд мой отпустити,
Дам ти чудеса свише его ужасити.

Моисей.

Се аз иду Господи.

Богъ.

Иди мужественно,
Да сѣмя Авраамле будет свобожденно.

Сцена 4-я.

Моисей со Аароном молят фараона, абы им Ізраиля отпустил, чесо ради и жезл во змия претворяют, котории фараонових змиевъ, такожде з жезлов) волсви премѣненых, пожирает, не хотящаго ся фараона ко молению их чудеси преклонити, иними знаменми от небесъ устрашают, первенцовъ умерщвляют, и тако Ізраиля изведши**) преводят Чермное море, в нем же гонител фараонъ со вои своими потопленъ.*

Фараонъ***)

Откуду прийдосте? что за люде такови?
Чесо ради Ізраиль прийде со окови?

Моисей.

Аз, Моисей, се Ааронъ з Аморейской страни,
К тебѣ, фараонови, от Бога послани.

Фараонъ

Чесо ради?

Моисей

Да люд****) сей Богови угодний
В землю Хананейскую отпусти свободний.

---

*) Въ рук. „жезлом"
**) Въ рук. „извести"
***) Въ рук. ремарки нѣтъ.
****) Въ рук. „да юд"

Фараонъ

Кто ест Богъ ваш, его же послушаю гласа*)?
Аз ему не есмь должен ни едина власа.
Не вѣм Бога вашего над собою власти,
Немощно на мя его велѣнію пасти;
Не отпущу з Египта ізраилска люду;
Аз господь, азъ властител весма ему буду.

Ааронъ.

Вижд Бога Ізраилска въ небѣ и здѣ суща, ||
л. 19. Им же ти сотворений, и вся твар движуща.
Нѣст мощно противитися рабу господеви:
Кую силу имѣют противъ вѣтров плеви?
Не противися, царю, Вишняго десници,
Пред Ним же вся трепещут ангелстии лици;
Сей ти завѣщает своя отпустити
Люди—Себѣ во пустини требѣ сотворити.

Фараонъ

Что ви обращаете раби моя сия?
Рабе, ко дѣланію неволну возми я,**)
Наложи на вия их неудоб носимо
Бремя, да идут злия помисли ихъ мимо.
Рекох, яко вашего Бога лож не знаю,
Ни ко завѣту Его разум прекланяю.

Моисей

Вся земля и небеса Бога чтутъ правдива,
Вся твар знает, и хвалит всяка душа жива.
Познай и ти створеніе своего си Творца,
Поработай Вишнему, не буд богоборца.
Отпусти люди Его с твоея державн;
Аще не отпустиши, гнѣвъ ниспослетъ на ви.

Фараонъ

Гнѣвъ Его ничто же мнѣ может одолѣти,
От гнѣва сердце мое не имат болѣти!

*) Въ рук. „часа“.
**) Въ рук. „невозму возмия“.

Не пущу Ізраиля з моея десницы,
Дондеже знамения не узрат зреницы.

Моисей.

Крипкий Богъ во дѣлех своих вся творит, елика
Восхощет; знамения узриши велика:
Аароне, возми жезл сей, верзи пред царево
Лице, и в ину плот претвори се древо.

Жезл веземлет Ааронъ, и тако отмѣняет: ||

Видиши, фараоне, жезл сей неживущий?
Бога благодатію,—вижд сей змий ползущий!

Велможа.

Повелѣ, Фараоне, мудрцем здѣ предстати
И подобно людей сих чудо показати.

Фараонъ.

Призовѣте я сѣмо.

Велможа.

Раби, близ стоящих
Пригласѣте нам волхвовъ, чудеса творащих.

Гетманъ.

Волсви, и ви таково чудо сотворѣте:
Мойсея и Аарона дѣло побѣдѣте.

Волхвъ 1.

Чудо таково и ми взаем вам сотворим,
Жезли древняни во змия претворим.

Фараонъ.

Верзѣте я на землю: аще будет тако,
Постидятся колѣно Ізраилско всяко.

Волхвъ 2.

Аароне и Моисею, жезли в руках зрите—
Taкови сут зммеве, яко ваша мните.

Фараонъ*)

Видите волхвовъ моих чудеса подобна?
Тѣхъ ради люд пустити—вещ ест неудобна.

Моисей.

Видимо, но волшебна сут чудеса сия.
Змию нашъ, глаголю ти, воскорѣ пожри я!

Ааронъ.

Видиш, Бога нашего кол предивно дѣло?**)

(Фараонъ)

Не отпущу з Египта Ізраилска люду:
Аз господь, аз властитель весма ему буду.

Ааронъ.

Аще ти Ізралский люд не отпустиши,
Горкия на ся***) казни с небесъ узриши;
Не дадят ти помощи мудрци твоя лживи,
Потребит тя от земля Саваоѳъ правдивий, ||
л. 20. На дом и люди твоя страшни послетъ гради,
Одождитъ огнь и духъ буренъ, и ядовити гади,
Побіет ввес Египет от чловек до скота,
Сожет, в градѣхъ и селих не будет оплота.
Изморит раби твоя стари и младенца,
Погубит и ссущаго всякаго первенца.
К Тебѣ, Боже Всесилний, воздаем сердца наша:
Дажд на тия казн, иже люд твой удержаша!****)
Первородни в Египтѣ измори отроки,
Да познает Тя Бога фараонъ жестоки!

*) Ремарка въ рукописи пропущена.
**) Слѣдующій стихъ, риѳмующій, отсутствуетъ; нѣтъ и обозначенія, что далѣе говоритъ фараонъ.
***) Въ рук. „вся“.
****) Въ рук. „утверждаша“.

Блесни молнія, дажд глас грома ужасна,
Да печал фараона обидет напрасна!

Моисей и Аарон руцѣ возносят в небо,—падают за отроки на землю.) Здѣ небо молнію, гром, град, гад дают.*

Фараонъ.

Престани, о Моисею, до неба волати,
Престани убийственний град на мя спущати!**)
Вижду Бога вашего крѣпость всемогущу,
Вижду силу, землею и небом движущу.
Возми люд Ізраилский от моей держави,
Градѣта во-свояси из Египта здрави.

Ааронъ.

Аще отпустил еси, вели отпустити:
Не мощно ест связанну по путех ходити.

Фараонъ.

Раби, люд Ізраилский скоро разрѣшите!
Се уже есте волни: во мирѣ градѣте.

И тако раби развязуют жидовъ. По отшествии жидовъ паки разярится:

Что яко повинухся Ізраилску Богу, ||
И в свою Ізраиля отпустих дорогу?
Много зла сотвори мнѣ: изморн вся люди,—
Гнавъ постигну род его, разсѣку на уди.

Фараон бѣжит за жидами и в мори тонет.

Сцена 5-я.

Злость Люциперова, видящи Ізраиля от работи фараона освобождена, ярится на Моисея и Смерть царицу над Натурою уставляет.

Злость.

Волхвъ Моисей, что я вижду, волшебними чуди
Египетски дерзну устрашити люди;

*) Повидимому, что то пропущено.
**) Въ рук. „смущати“.

Устрашу его и аз—пожди тилко мало,
Не будет его болшей чудо волхвовало!
Неволя Ізраиля даде фараону,
А онъ того*) во свою прият оборону.
Пожди токмо, Моисею, пожди токмо мало:
Люд прежде Ізраилский взях в руку силну
И вовергох в работу египетску зѣлну,
А онъ его извлече! Почекай, Мойсею,
Болшъ ему не поможеш мишцею твоею.
Ізраил, во Египтѣ работѣ угоден,
Днес ест благодатию Моисея свободенъ,—
Узрит твоя болшъ, Мойсею гугнивий,
Которими ся почтет благодарно дивий!
Взях Моисея**) с-под воскрилия фараона шати
Ізраиля: но что потом призначати
Имѣет ли, егда ли, чим? Мойсей извѣщает,
Же и людска Натура бит свободна мает,—
Никакоже! Уставлю над нею госпожу
Смерть, посажу на престол оную, умножу
Заболест, избию вся Мосея пророки, ||
л. 21. Возлиются от Смерти крвавими потоки;
С-под области же Смерти не изийдет она,
Так як изшедлъ Ізраил от рукъ фараона.
Будет в той темници в болѣзни ридати,
Нѣкогда умирая, всегда умирати.

Сцена 6-я.

Смерть, царствующая от Адама даже до Христа, смертелними Грѣхами на престолѣ почтенна, областію же над людскою Натурою величается.

Смерть.

Возведенна***) на престолъ, посажденна вама,
Царствовах и царствую даже от Адама:
Той во мир воведе, и есмь мира пани,
Вся конца в област мнѣ през него дани.
Мнѣ то Азия служит, Европа голдует,
Америка, Африка всегда услугует,

*) Въ рук. „тою“.
**) Вѣроятно, д. б. „Взя Мойсей“.
***) Въ рук. „воведенна“.

Всходом, югом, заходом, полнощію владѣю,
Царствия, княженія в сей длани имѣю;
Нѣмаш такого панства, где бим я ніе била,
Нѣст имже господством Смерти не владѣла.
Царие и князи, пани и велможи
Мнѣ, царици, княгинѣ, пани и госпожи,
Покараются, служат, должно работают,
Пред сим престолом в землю чолом ударяют.
Аз всѣх людей во мою привлечу державу,
Всѣ моему смертному подлѣгают нраву;
Аще бы мя и хотѣл кто от земна роду,
Даби мнѣ не подлѣгал, просит освободу
Нѣсть мощно: прозба его неспорна и тщая,
Коринта раскопует сего испрашая!
Нехай сипле на окуп золотие гори—
Не откупится, будет на смертном позорѣ; ||
Нехай мнѣ каменнем свѣтит многоцѣнним—
Не прийму той свѣтлости, за тое присѣним
Очерню его сѣни смертоносни мраком
Так, же не будет зрити нѣгди свѣта зраком!
Крипкие разораю твердини и гради,
Трепещутъ мя мужіе старии и млади;
Младенцев яко шипков коса посѣкает,
А як травно билие старих подтинает;
Гди такие плевели терном исторгаю,
И пшеницу оную през искореняю,
Связавши в смертние потреблю гроби,
Аки в дебр огненую. Нѣсть таковий, кто би
Того мнѣ забронил смертелнаго жнива:
Нѣким, точию мною, свѣта зжиется нива;
Ни един человѣкъ моей не избѣгл власти
В пути бѣгством,—отнюд мусит мною пасти.
Скора есмь, би во концех свѣта постигнути,
Котрий би моей власти хотѣл избѣгнути;
Немаш мѣстца такого на земли и в мору,
Еже би без моего стояло дозору;
Страни вся предо мною сердцем одолѣвают,
Ни от кого тих ся сил юж не сподѣвают.
Сим страхом и Натурѣ будет сердце тлѣти,
Поки буду на вѣки землею владѣти;

Ибо людска Натура приде в мои руки,
    Аще и Мойсеомъ ест от египетской муки
Избавлена: владѣю и керую ею,
    Господствую, як пани рабою своею.

П и х а.

Пануй, царице, на вѣк! Моя ти ест сила:
    Смиряй чловѣчу Натуру дозѣла...

Здѣсь рукопись обрывается.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

ТОМЪ I—XXII.

Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Очеркъ Государственной дѣятельности и частной жизни Перикла, *П. И. Люперсольского.*—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота.*—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича.*—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова.*—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго.*—Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія. *А. В. Добіаша.*

II. ТОМЪ (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота*—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будыловича.*

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго.*—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова.*—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго.*—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ *Р. А. Фохта.*—Патмосскія схоліи къ Демосѳену. *П. В. Никитина.*—Первобытные славяне. I, 2. *А. С. Будиловича.*

IV ТОМЪ Вып. I. (Ц. 75 к.).

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана *А. С. Будиловича.*—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“ *Р. Ѳ. Брандта.*—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій. I. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адріянова.*—Психологія чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Ѳ. Брандта.*

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новые догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Парѳенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзэгетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*— Разборъ сочиненія Шушерина о жизни дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. II. *А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича.* Переводъ *Н. В. Шлякова,* подъ редакціею *Р. Ѳ. Брандта.* I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенгера.*—P. Terenti Afri Eunuchus. Съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля.*—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адріанова.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г Миклошича.* Перев. *Н. В. Шлякова,* п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—P. Terenti Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля.*—*Миклошичъ,* Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова,* п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Ѳ. Карскаго.*

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова.*—*Миклошичъ,* Срав. Морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова,* п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* V. Titi Livi ab urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова.*

XII ТОМЪ (распроданъ.).

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. (I) *Е. В. Пѣтухова.*

XIII ТОМЪ. (распроданъ.)

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша.*—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова.*

XIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологіи глагола). *А. В. Добіаша.*—M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Гимназія Высшихъ Наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пѣтуховá.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист. Фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ Библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пѣтухова.*—О картинной галлереѣ Института. *І. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *Н. М. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. С. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о Полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—И. А. Левицкій (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.).

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время Семилѣтней войны. *Е. Н. Щепкина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Homerica. *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *Б. Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ

въ первые три вѣка римской имперіи. *И. Г. Турцевича.*—Н. А. Лавровскій. *А. В. Добіаша.*—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

XIX ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.).

Описаніе рукописей библіотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція. *А. А. Брока.*—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи. Приложеніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"). *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90. *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ. Вступительная лекція *М. И. Мандеса.*—Памяти В. В. Качановскаго. *М. Н. Сперанскаго.*

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской" коммиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій.*—Памяти Н. Е. Скворцова. *Г. В. Малеванскаго.*—Объ источникахъ аѳинскаго права. *Б. Ф. Бурзи.*—Новооткрытая „Буквица" Доснѳея Обрадовича. *К. Ѳ. Радченка.*—Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ. *К. Ѳ. Радченка.*—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Быв. студ. *А. И. Солнцева.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1901—1903 гг. (см. XVIII и XIX томы „Извѣстій"). Сост. *М. Н. Сперанскій.*—Школьный вопросъ въ древней Греціи. *Б. Ф. Бурзи.*—О краснорѣчіи у древнихъ Еллиновъ. *А. И. Покровскаго.*—Въ память проф. П. А. Люперсольскаго. *М. Н. Бережкова.*—Недуги нашего учебнаго дѣла. *Н. Е. Скворцова.*—О введеніи въ Исторію Греціи проф. В. П. Бузескула. *А. И. Покровскаго.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXII ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1904—1905 гг. (см. XVIII, XIX и XXI томы „Извѣстій") Сост. *М. Н. Сперанскій.*—Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ, Описалъ *Б. Ф. Бурзи.*—

Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія. *И. И. Семенова.*— Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-еллинскаго государства. *А. И. Покровскаго.*—О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперіи. *А. А. Мартова.*—Филологическіе этюды и замѣтки. *И. Г. Турцевича.*

XXIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Памяти М. И. Соколова. *В. И. Рѣзанова.*—Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (П. Г. Кулжинскій). *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ слободской-украинской старины. *В. И. Саввы.*—Филологическіе этюды и замѣтки (продолженіе см. XXII томъ Извѣстій). *И. Г. Турцевича.*—Элія Аристида Панегирикъ Рима. Изд. *И. Г. Турцевичъ.*—Лукіана, Какъ надо писать исторію. Перев. *А. А. Мартовъ.*—Памятники драматической литературы, Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Изд. *В. И. Рѣзановъ.* (часть 1-я).

Историко-филологическій Институтъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. (Ц. 1 р.).

Гоголевскій Сборникъ (Юбилейный). Изд. состоящей при Истор.-Филол. Инст. Гоголевской Коммиссіей подъ ред. М. Сперанскаго. Кіевъ. 1902 (Ц. 2 р.).

1) *М. Н. Сперанскій:* Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя.

2) *И. А. Заболотскій:* Н. В. Гоголь въ русской литературѣ.

3) Гоголевская Выставка.

4) *И. А. Сребницкій:* Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи Высшихъ Наукъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1906 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлію, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій Университетскаго Совѣта.

2· Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонниxъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университеткую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборъ диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части: 1)—оффиціальную, протоколы, отчеты и т. п.—2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1907 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ,** а съ пересылкой **семь рублей.** Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими или къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*

[illegible] Извѣстія раздѣляются на двѣ части: 1) [illegible] 2) неоффиціальную [illegible] критическихъ обозрѣній [illegible] литературы (русской и иностранной) [illegible] заключающихся [illegible] извѣстія о [illegible] ученыхъ предметахъ, состоящихъ при Университетѣ [illegible] метеорологическихъ наблюденій и т. д.

Университетскія Извѣстія въ 1907 году выходятъ [illegible] книжками [illegible] за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть **рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкою **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб., причемъ пересылка имъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ книгопродавцу Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургѣ, по Малой Садовой, № 1-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжномъ магазинѣ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.